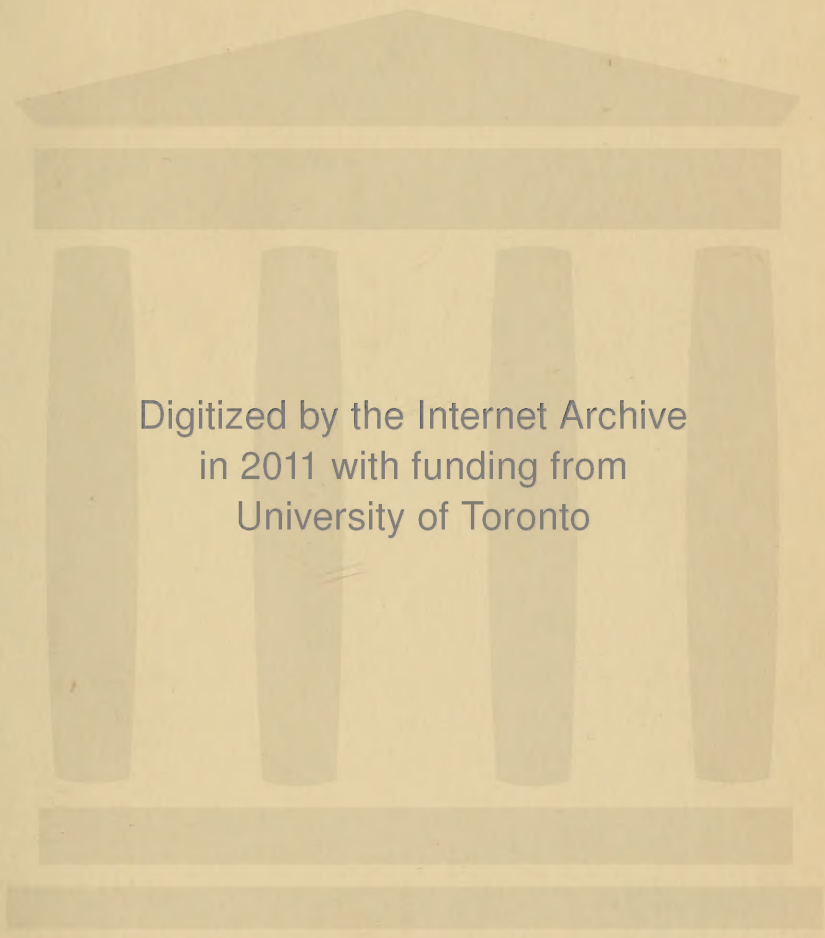
3 1761 08821400 2


Digitized by the Internet Archive
in 2011 with funding from
University of Toronto

http://www.archive.org/details/polnoesobranieso08koro

LR
K8467

Korolenko, Vladimir Galaktionovich
Polnoe sobranie sochinenij

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

В. Г. КОРОЛЕНКО.

v. 8

ТОМЪ ВОСЬМОЙ

74cV

489681
12.4.49

ИЗДАНІЕ Т-ВА А. Ф. МАРКСЪ ВЪ ПЕТРОГРАДѢ. 1914

Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1914 г.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29.

ИСКУШЕНІЕ.

(Страничка изъ прошлаго).

I.

15-го августа 1881 г. около 6 часовъ вечера меня „доставили“ въ Тобольскъ. Красивый полиціймейстеръ, въ папахѣ сибирскаго казачьяго войска, выѣхалъ изъ своихъ воротъ, когда увидѣлъ нашу тройку. Онъ быстро соскочилъ со своей пролетки, подошелъ къ намъ, поговорилъ съ жандармами, потомъ подошелъ ко мнѣ, вглядѣлся въ лицо и сказалъ:

— Неужели... Г-нъ N... Ай-ай-ай! А помните, что я вамъ говорилъ годъ назадъ?

Годъ назадъ, въ періодъ лорисъ-меликовской „диктатуры сердца“, начиналось, какъ мы тогда говорили, „вѣяніе на западъ“. Изъ большой партіи политическихъ ссыльныхъ восемь человѣкъ возвращены были съ дороги обратно въ Россію. Я былъ въ числѣ этихъ первыхъ ласточекъ.

Меня возвращали изъ Томска подъ надзоръ полиціи, въ Европейскую Россію...

Тогда-то я и познакомился съ красивымъ полиціймейстеромъ. Сначала у нашей маленькой партіи вышла съ нимъ ссора, такъ какъ насъ хотѣли разсадить по одиночкамъ. У насъ же были женщины и дѣти. Одна изъ нихъ, г-жа М., мать грудного ребенка, сама не могла его кормить (она была очень болѣзненна), и В. П. Рогачева кормила своего и чужого. Разсадить ихъ по одиночкамъ значило бы убить одного изъ этихъ младенцевъ.

Полиціймейстеръ, послѣ моихъ сравнительно спокойныхъ объясненій, понялъ это, а сообразивъ вдобавокъ, что мы не подслѣдственные и не высылаемые, а, наоборотъ, „возвращаемые“, онъ и совсѣмъ махнулъ рукой. Женщинамъ нашли

большую камеру, меня съ спутникомъ отвели въ „Подслѣдственное“. Не злой и не глупый по натурѣ, тобольскій полиціймейстеръ былъ, въ сущности, благодаренъ мнѣ за спокойное разъясненіе положенія, которое помѣшало ему сдѣлать безполезную и ненужную жестокость. Поэтому, провожая насъ, онъ пожалъ мнѣ руку и сказалъ:

— Ну, желаю всего хорошаго. Знаете что? Я служу уже не мало лѣтъ, и не видалъ еще, чтобы люди, которыхъ везли какъ политическихъ въ Сибирь, возвращались обратно.

— Бывало, г. полиціймейстеръ.

— Знаю, да я не видалъ. Но вотъ чего ужъ навѣрное не бывало: чтобы попавшіе вторично когда-нибудь опять возвращались. Итакъ, не говорю „до свиданья“. Искренно желаю болѣе васъ здѣсь не видѣть.

Я поблагодарилъ, и мы весело двинулись изъ Тобольска „на западъ“—въ Европу!..

Послѣ этого прошло около года. Я жилъ это время въ Перми и успѣлъ написать очеркъ, гдѣ были описаны ужасные порядки тобольской тюрьмы.

Вслѣдъ за тѣмъ произошло событіе 1 марта. Началось опять „вѣяніе“—съ запада на востокъ, которое прихватило меня съ собой...

11-го августа мои пермскіе товарищи и сослуживцы прощались со мною на дебаркадерѣ. Я кланялся изъ уходящаго вагона, сидя межъ двухъ жандармовъ, а мнѣ махали платками...

Поднялся какой-то шумъ, кого-то оттѣсняли, кого-то вели для составленія протокола... Что-то туманило мнѣ глаза, и суровые виды Урала, ель, сосна и камень неслись мимо быстро улетающаго поѣзда... А 15-го августа, какъ уже сказано выше, красивый тобольскій полиціймейстеръ качалъ головою и говорилъ мнѣ укоризненно:

— Ай-ай-ай! Господинъ N. Ну, теперь уже кончено! Говорилъ я вамъ, не послушались! Не видать вамъ теперь Россіи, такъ и знайте! Женитесь здѣсь, обзаводитесь хозяйствомъ и считайте себя сибирякомъ... Кончено.

Бѣдняга, очевидно, былъ плохой пророкъ. Черезъ три года я еще разъ ѣхалъ „на западъ“, но тобольскій полиціймейстеръ не былъ уже тобольскимъ полиціймейстеромъ. Онъ былъ человѣкъ веселый, съ эпикурейскими взглядами на жизнь, и какъ-то проштрафился столь серьезно, что даже сибирская Ѳемида не могла остаться слѣпой: красивый полиціймейстеръ попалъ подъ судъ и самъ сидѣлъ въ тобольскомъ „замкѣ“...

По все это случилось послѣ, а пока продолжаю разсказъ. Погрозивъ мнѣ въ сущности довольно весело, онъ опять вскочилъ на свою пролетку и приказалъ ямщику: за мной! Наша тройка вихремъ помчалась за его мохнатой папахой, обращая на себя вниманіе рѣдкихъ прохожихъ сибирскаго города, къ губернаторскому дому.

Свиданіе съ его пр-ствомъ было коротко. Губернаторомъ въ то время былъ Лысогорскій, прославившійся впослѣдствіи суровостью своего режима по отношенію къ ссыльнымъ. Меня онъ почему-то принялъ любезно, согласился исполнить мои маленькія просьбы относительно писемъ и телеграммъ къ роднымъ, потомъ пошептался о чемъ-то съ полиціймейстеромъ, то и дѣло поглядывая въ мою сторону, какъ мнѣ показалось, многозначительными взглядами... Наконецъ, онъ сказалъ съ благодушнымъ видомъ:

— Ну-съ, а теперь въ тюремный замокъ.

И мы опять помчались за казацкой папахой.

Въ конторѣ тюрьмы я увидѣлъ знакомое лицо „его благородія“ тюремнаго смотрителя, жестокости котораго я описалъ въ своемъ очеркѣ. Онъ тоже сразу узналъ меня, и на его сухомъ, еще не старомъ, но нѣсколько мрачномъ лицѣ съ деревянно-неподвижными чертами промелькнуло загадочное выраженіе. Полиціймейстеръ распорядился, чтобы у меня не отнимали моихъ вещей и оставили въ собственномъ платьѣ, шепнувъ еще два-три слова смотрителю, лицо котораго при этомъ оставалось все такъ же неподвижно, а затѣмъ привѣтливо кивнулъ мнѣ головой и уѣхалъ.

Я съ невольной грустью проводилъ его глазами.

Мнѣ было пріятно его красивое, безпечное, незлое лицо среди этой мрачной обстановки... Я вспомнилъ свое „возвращеніе“ годъ назадъ, вспомнилъ друзей и товарищей, съ которыми тогда ѣхалъ, и почувствовалъ еще острѣе свое одиночество...

— Въ военно-каторжную,—сказалъ смотритель надзирателямъ, окончательно „принявъ меня“ у жандармовъ.

— Какъ, въ военно-каторжную?—удивился я.—Вѣдь я не военный и не каторжный, даже не осужденный. Я только пересылаюсь административнымъ порядкомъ.

Смотритель не отвѣтилъ ничего, а двое служителей уже взяли мои вещи. Я увидѣлъ, что здѣсь никто не расположенъ обсуждать со мной этотъ вопросъ, и послѣдовалъ за надзирателями.

Мы вышли изъ конторы въ ворота, потомъ прошли небольшой дворъ и остановились у запертыхъ воротъ другого.

Мой провожатый приложилъ лицо къ оконцу въ воротахъ и крикнулъ дежурнаго. За воротами послышалось звяканіе связки ключей, потомъ калитка отворилась и опять захлопнулась за нами. Теперь трое крѣпко запертыхъ воротъ съ тремя огромными висячими замками отдѣляли меня отъ вольнаго Божьяго міра.

Дворъ, въ который мы вошли, былъ узокъ. Съ лѣвой стороны бревенчатый сарай цейхгауза примыкалъ къ высокой тюремной стѣнѣ, съ правой тянулся одноэтажный корпусъ, съ рядомъ небольшихъ рѣшетчатыхъ оконъ; прямо—глухая стѣна тюремной швальни, безъ оконъ и дверей. Сзади ворота, въ серединѣ будка, у будки часовой съ ружьемъ, надъ дворомъ туманныя сумерки.

Въ этомъ тѣсномъ пространствѣ, навѣрное, гуляли весь день военно-каторжные арестанты, но теперь ихъ угнали, можетъ быть, потому, что уже приближалось время повѣрки, а, можетъ быть, въ честь моего прибытія. Пока я шелъ въ своемъ черномъ пальто и шляпѣ,—столь необычныхъ въ этомъ мѣстѣ,—на меня изъ каждаго окна смотрѣло по парѣ внимательныхъ глазъ. Одиночные арестанты изучали новаго пришельца, держась руками за рѣшетки и прильнувъ бритыми головами къ отверстіямъ... Ихъ блѣдныя, тюремныя лица выдѣлялись въ темнотѣ оконъ рѣзко и странно. Для военно-каторжнаго отдѣленія мое появленіе было цѣлымъ событіемъ.

Мои провожатые прошли весь дворикъ. Входная дверь была въ концѣ. Вступая въ нее, я ждалъ увидѣть длинный корридоръ и уже предвкушалъ интересныя минуты перваго знакомства съ моими будущими сосѣдями. Вотъ, казалось мнѣ, захлопнется дверь корридора, провожатые уйдутъ, я подойду къ своей двери съ круглымъ глазкомъ и прислушаюсь. И, навѣрное, услышу какое-нибудь привѣтствіе или вопросъ:

— Эй, политическій, хочешь цыгарку?

А затѣмъ пойдетъ въ ходъ изумительная по изобрѣтательности и ухищреніямъ тюремная почта, и не одно, быть можетъ, доброе движеніе души, не одинъ задушевный разсказъ изъ-за запертой двери вновь скрасятъ мое пребываніе въ этой тюрьмѣ, какъ это бывало не однажды... И еще разъ я повторю себѣ старую истину, что люди—всюду люди, даже и за стѣнами военно-каторжной тюрьмы.

II.

Мнѣ, однако, пришлось горько разочароваться. Пройдя узкій входной корридорчикъ, мои провожатые повернули не направо,

какъ я ожидалъ, въ общій корридоръ военно-каторжнаго корпуса, а налѣво. Мы очутились въ маленькой конуркѣ съ кроватью и съ сильнымъ жилымъ запахомъ, не похожей, однако, на тюремную камеру. Дѣло объяснилось, когда ключникъ отперъ еще одну дверь, и меня пригласили войти въ открывшуюся „одиночку".

Теперь я понялъ! Мнѣ, какъ заключенному, придаютъ особенную важность: я буду отрѣшенъ отъ всего, даже отъ тюремнаго міра. Меня запрутъ здѣсь, а въ первой комнаткѣ всегда будетъ находиться сторожъ, чтобы мѣшать всякому сообщенію со мной арестантовъ. Итакъ, къ тремъ воротамъ, отдѣлявшимъ меня отъ вольнаго свѣта, присоединились еще трое дверей, которыя должны были отдѣлить меня даже отъ міра тюремнаго.

— Ну, пожалуйте,—сказалъ мнѣ одинъ изъ тюремщиковъ, увидя, что я не рѣшаюсь переступить порогъ камеры. А другой прибавилъ грубо:

— Ступай, ступай, ничего!

— Ничего,—сказалъ и дежурный унтеръ-офицеръ, начальникъ нашего караула.

Что-то поднялось во мнѣ неопредѣленное, но тяжелое. Это было сожалѣніе къ себѣ, точно къ кому-то другому, но такое острое и жгучее, соединенное съ такимъ сознаніемъ несправедливости и насилія, что я былъ готовъ кричать, ругаться, сопротивляться. Но это было именно только мгновеніе. Темпераментъ у меня нѣсколько ироническій и спокойный, и, кромѣ того, во многихъ подобныхъ случаяхъ меня спасало любопытство. Если я окажу сопротивленіе караулу, я зналъ, что буду избитъ, можетъ быть, изувѣченъ, можетъ быть, умру въ тюремной больницѣ, и мои родные будутъ извѣщены, что я умеръ отъ тифа. Въ этомъ будетъ, пожалуй, убѣжденъ искренно даже и самъ его пр-ство г. губернаторъ Л—скій, и только развѣ красивый полиціймейстеръ сомнительно покачаетъ головой. А впрочемъ, ему какое дѣло... Ну, а если я войду въ назначенную для меня камеру, то еще не знаю навѣрно, что будетъ дальше.

И я вошелъ, и слышалъ, какъ послѣдній замокъ щелкнулъ за мной съ металлическимъ, довольно музыкальнымъ звономъ, который я до сихъ поръ слышу въ памяти, точно это было вчера. Потомъ еще хлопнула дверь, и я остался одинъ.

Моя камера имѣла три съ половиной шага въ ширину и шесть въ длину. Потолокъ у нея былъ круглъ, стѣны выбѣлены известкой. Но такъ какъ отъ ветхости съ нихъ, очевидно, много разъ отваливалась штукатурка, и бѣлили ихъ

по образовавшимся неровностямъ, то всѣ онѣ были какъ-то пестры и грязны, на неровностяхъ и выступахъ сидѣла траурными темными каемками густая пыль. У задней стѣны стояла круглая печка, у двери въ стѣнѣ было продѣлано отверстіе, закрываемое желѣзной заслонкой. Сюда подавали заключенному пищу и воду (очевидно изъ этого, подумалъ я, что ключи отъ двери хранятся не у моего сторожа, а въ конторѣ). Дрянная „парашка"—старое и ржавое желѣзное ведро съ крышей,—распространяла острый амміачный запахъ, къ которому я, однако, скоро притерпѣлся. Деревянная кровать и небольшой столикъ составляли всю меблировку.

Свѣту въ камерѣ было совсѣмъ мало. Правда, начинались сумерки, но все-таки на дворѣ еще было свѣтло. Я подошелъ къ окну, которое было довольно высоко, и убѣдился, что пространство противъ окна, выходившаго во дворикъ и находившагося между крыльцомъ и глухой стѣной швальни, было забрано высокими досками, позволявшими видѣть только небольшой клочекъ неба.

Я скинулъ съ себя пальто и, подойдя къ этому окну, облокотился на столъ, поднялъ лицо кверху и сталъ смотрѣть на клочекъ неба, прорѣзанный четырехугольными силуэтами высоко поднявшихся досокъ. Больше, правду сказать, мнѣ и дѣлать-то было нечего. А въ небольшомъ клочкѣ неба, свѣтившемъ и мерцавшемъ ко мнѣ сверху, тихо продвигались облака, потомъ появился рогъ молодого мѣсяца, который медленно проплылъ въ своей вышинѣ, при чемъ мнѣ казалось, что онъ осторожно пробирается по ребрамъ моего досчатаго забора. Онъ напоминалъ мнѣ о широкомъ и вольномъ Божіемъ свѣтѣ, о поляхъ и холмахъ, которые я видѣлъ такъ недавно, о томъ, что черезъ нѣсколько часовъ на него такъ же будутъ смотрѣть глаза дорогихъ и близкихъ мнѣ людей, и, можетъ быть, вспомнятъ обо мнѣ. Но никто не угадаетъ, что я теперь отдѣленъ отъ всего живого міра въ этой странной кельѣ, гдѣ даже клочекъ неба и мѣсяцъ вижу, пожалуй, лишь по начальственному недосмотру...

Потомъ мѣсяцъ сталъ угломъ на послѣднюю изъ досокъ, постоялъ на ней съ полминуты и скрылся изъ моего тѣснаго горизонта, оставивъ меня въ моей конуркѣ съ сердцемъ, преисполненнымъ тоской, разнѣженностью отъ воспоминаній и сожалѣніемъ о себѣ... Къ глазамъ въ этой темнотѣ подступали слезы. Мнѣ хотѣлось кинуться на свою кровать, уткнуться лицомъ въ подушку и, пожалуй, заплакать, какъ я плакалъ когда-то ребенкомъ.

Но я этого себѣ не позволилъ. Во все время моихъ ски-

таній по тюрьмамъ я старался строго держать себя въ рукахъ и никогда не позволялъ себѣ въ заключеніи трехъ вещей: спать днемъ, валяться на кровати, когда не спишь, и затѣмъ—отдаваться этимъ порывамъ разнѣженности, когда къ нимъ соблазняло одиночество, тоска и порой разстроенные нервы.

И теперь я не поддался, даже не легъ, и сталъ думать: что же, однако, значитъ это странное обращеніе со мной? и зачѣмъ меня посадили въ эту клѣтку, явно назначенную для самаго строгаго, изъ ряду вонъ, заключенія? Тысяча самыхъ дикихъ мыслей приходили мнѣ въ голову. Мнѣ стало казаться, что я никогда уже не выйду отсюда: я вспоминалъ выраженіе лица Л—скаго и тихое перешептываніе съ полиціймейстеромъ, ласковое сожалѣніе въ красивыхъ и безпечныхъ глазахъ послѣдняго, новый шопотъ его со смотрителемъ и каменное лицо „его благородія“. Потомъ вспоминался самый родъ моего исключительнаго преступленія, которое, какъ мнѣ сказалъ добрякъ-губернаторъ въ Перми, не предусмотрѣно кодексомъ обыкновенныхъ наказаній, но и безнаказаннымъ остаться не можетъ. Потомъ пришло на память обстоятельство, которое вовсе не казалось страннымъ въ свое время: что этотъ добрякъ уѣхалъ изъ города наканунѣ моей высылки,—и теперь я объяснилъ это побужденіемъ Пилата, умывающаго руки...

Все это было дико, мрачно, нелѣпо, но вѣдь положеніе мое тоже было и дико, и мрачно... Я посмотрѣлъ на крѣпко запертую дверь, на желѣзную печку, на стѣны каменнаго мѣшка... Здѣсь можно погибнуть безвѣстно и навсегда... Потомъ пришло въ голову, что если закрыть эту печку съ угаромъ...

Вообще начинался какой-то странный кошмаръ...

III.

— Баринъ, возьмите свѣчку!

Отверстіе въ стѣнѣ, вродѣ печной дверки, открылось: въ него мелькнулъ свѣтъ, и протянулась рука съ подсвѣчникомъ. Камера освѣтилась, но не стала привѣтливой. Я взялъ свѣчу, не торопясь. Мнѣ хотѣлось заговорить съ моимъ сторожемъ. Голосъ, которымъ онъ сказалъ эти слова, былъ грудной и пріятный. Въ немъ слышались простыя ноты добродушнаго человѣка, и я тотчасъ же вспомнилъ, что это тотъ самый, который первый пригласилъ меня въ келью деликатнымъ „пожалуйте“.

И, взявъ свѣчу изъ руки, я сказалъ, наскоро придумавши предлогъ для продолженія разговора:

— Послушайте, я голоденъ.

— Ахъ, баринъ,—отвѣтилъ невидимый сосѣдъ.—Нынче вы ужъ не записаны, вамъ не полагается.

— Въ конторѣ мои деньги, нельзя ли сходить купить чего-нибудь.

— И, баринъ, невозможно! Здѣсь строго. Кабы въ общей или въ подслѣдственной, а здѣсь вѣдь военно-каторжная.

Онъ говорилъ тихо, какъ будто боялся, что нашъ разговоръ кто-нибудь всетаки можетъ услышать. Потомъ какъ-то нерѣшительно протянулъ руку, взялся за заслонку, чтобы закрыть ее, рука еще задержалась, какъ бы въ нерѣшительности, и, наконецъ, онъ захлопнулъ дверку.

Тогда я сразу почувствовалъ, что я дѣйствительно очень голоденъ. Съ утра я напился только чаю, разсчитывая, что мы пріѣдемъ еще рано въ Тобольскъ. Я думалъ, что мы только явимся къ полиціймейстеру и тотчасъ же поскачемъ дальше. Остановка въ этомъ мѣшкѣ совсѣмъ не входила въ мои разсчеты. Теперь, не смотря на волненія этой неожиданности, голодъ вступилъ въ свои права. Я поставилъ свѣчку на уступѣ желѣзной печки и разложилъ свою постель на кровати. Потомъ опять сѣлъ, попробовалъ было взглянуть въ окно, но клочекъ неба былъ тменъ, а доски подошли совсѣмъ близко, освѣщенныя желтымъ огнемъ изъ моего окна. Я отвернулся и сталъ оглядывать стѣны. Заслонка опять тихо отворилась. Я подошелъ къ ней. Рука протянулась, и сторожъ просунулъ деревянную чашку, въ которой было немного щей и кусокъ хлѣба.

— Не побрезгуете, можетъ,—сказалъ онъ съ радушіемъ простого человѣка.

Я немного колебался.

— Не побрезгуйте,—повторилъ онъ.

— А сами вы?—сказалъ я нерѣшительно.

— Мнѣ что. Я обѣдалъ. А вамъ съ дороги.

Это была правда. Я побѣдилъ въ себѣ легкій протестъ противъ этой подачки тюремщика, въ лицѣ котораго видѣлъ теперь простого, добраго и деликатнаго человѣка. Я взялъ чашку и хлѣбъ... Черезъ четверть часа онъ заглянулъ въ круглое отверстіе двери и сказалъ:

— Кончили, господинъ?

— Кончилъ, спасибо.

— Пожалуйте чашку. А то скоро повѣрка будетъ. Смотритель увидитъ у васъ мою чашку. Неловко.

Добрый человѣкъ, очевидно, опасался обнаружить передъ „его благородіемъ“ излишнее по отношенію ко мнѣ добросердечіе.

Дѣйствительно, вскорѣ въ мою конурку проникъ заглушенный стѣнами рокотъ барабана, и черезъ четверть часа въ комнатѣ сторожа столпились звуки шаговъ, голоса, звяканіе шпоръ и стукъ прикладовъ. Моя дверь быстро отворилась, и всѣ эти звуки хлынули въ мою одиночку. Не смотря на привычку, трудно преодолѣть нѣкоторое смущеніе, когда дверь отворяется, и десятокъ незнакомыхъ людей смотрятъ на васъ лишь затѣмъ, чтобы смотрѣть. Впереди стоялъ офицеръ, еще молодой и потому тоже нѣсколько смущенный. Рядомъ виднѣлось каменное лицо „его благородія“. Послѣдній окинулъ опять мою конурку, меня и мои вещи загадочнымъ взглядомъ, въ которомъ я прочиталъ что-то вродѣ внутренняго удовлетворенія. „Его благородіе“ находилъ, повидимому, что все идетъ совсѣмъ хорошо.

— Тридцать четыре!—прочиталъ офицеръ по списку.

Фельдфебель отвѣтилъ: „Есть!“ — И дверь опять захлопнулась.

Я чувствовалъ себя усталымъ, не спалъ отъ самаго Екатеринбурга, гдѣ въ то время кончался желѣзнодорожный путь, или спалъ только въ почтовой телѣгѣ. Поэтому я позволилъ себѣ лечь раньше обыкновеннаго.

Эпизодъ съ чашкой и присутствіе за стѣной добродушнаго человѣка разогнали пока мои мрачныя мысли. Я легъ и заснулъ вскорѣ крѣпкимъ и беззаботнымъ сномъ.

IV.

На утро, проснувшись довольно рано, я быстро одѣлся, умылся изъ кружки надъ „парашкой“ и сталъ оглядывать свое жилище...

Прежде всего мнѣ бросилось въ глаза на стѣнѣ большое пятно, продолговатое, точно написанная строчка. Подойдя ближе, я увидѣлъ, что это была дѣйствительно надпись, глубоко врѣзанная гвоздемъ въ стѣну и послѣ тщательно сцарапанная скребкомъ. Очевидно, это была фамилія моего предшественника, прежняго жильца этой камеры. Казалось, разобрать ее было совершенно невозможно. Я подумалъ, что мнѣ можетъ разрѣшить этотъ вопросъ мой сторожъ, и потому, тотчасъ послѣ повѣрки, постучалъ въ дверку.

— Послушайте,—сказалъ я.

— Чего тебѣ?—отвѣтилъ грубый голосъ.

Я съ грустью убѣдился, что у меня смѣнили сторожа. Это былъ теперь тотъ изъ двухъ моихъ вчерашнихъ провожатыхъ, который первый назвалъ меня на „ты“ и грубо требовалъ, чтобы я вошелъ въ камеру.

— Во-первыхъ, незачѣмъ „тыкаться“,—сказалъ я, по возможности спокойно.

— Поговори у меня!

Я отошелъ отъ двери.

Нѣтъ такихъ іероглифовъ, которые нельзя было бы разобрать, сидя въ одиночкѣ. Я по десяти разъ подходилъ къ затертой надписи и простаивалъ передъ ней по получасу. Она интересовала меня тѣмъ болѣе, что, кромѣ нея, нигдѣ на стѣнахъ камеры не было написано ни одного словечка, тогда какъ обыкновенно стѣны всѣхъ камеръ исписаны кругомъ. Кусокъ карандаша, а то уголекъ, гвоздь или обожженный конецъ спички служатъ орудіями этой стѣнной тюремной литературы. „Здѣсь еврей N. страдалъ безъ вины“,— такова была первая надпись этого рода, которую я прочиталъ во время перваго же моего ареста въ полицейскомъ участкѣ. Затѣмъ утомительный рядъ черточекъ на стѣнѣ отмѣчалъ день за днемъ безконечную вереницу этихъ дней, проведенныхъ страдавшимъ безъ вины евреемъ. Помню, я насчиталъ ихъ тогда 72, и мнѣ казалось совершенно немыслимымъ, чтобы меня, именно меня, Владиміра Короленко, ни въ чемъ не обвиняемаго, могли продержать дольше этого срока. Потомъ и я началъ ставить свои черточки и увы! — если сосчитать все число дней, которое я провелъ, какъ и этотъ невѣдомый страдалецъ, въ четырехъ безмолвныхъ стѣнахъ, то ихъ оказалось бы во много разъ больше!

Обыкновенно къ этимъ начертаніямъ начальство относится довольно терпимо. Въ пересыльныхъ тюрьмахъ Сибири стѣны сплошь исписаны этими обращеніями къ будущимъ жильцамъ камеръ. „Скажите, братцы, Дунькѣ Полтавской, станетъ ее Никифоръ поджидать въ Ачинскѣ“. „Братцы, Иванъ Семеновъ изъ Тюмени—измѣнникъ общества“. „Прошелъ въ сентябрѣ мѣсяцъ Павелъ Гаркушинъ на каторгу. Кланяюсь землякамъ“. И т. д., и т. д. Порой лирическое изліяніе, въ прозаической или стихотворной формѣ, разнообразитъ эти своего рода публикаціи, вызванныя желаніемъ оставить гдѣнибудь слухъ о своей горькой жизни или передать дѣловое сообщеніе.

Въ моей камерѣ всѣ эти надписи были тщательно затерты, и по нимъ еще побѣлили известкой. Оставалась одна въ видѣ широкаго, длиннаго углубленія, врѣзанная слишкомъ глубоко для того, чтобы можно было ее уничтожить безслѣдно.

Изслѣдуя ее, я замѣтилъ, во-первыхъ, что рытвина раздѣлялась на двѣ части. Вторая часть была короче. Очевидно,

фамилія состояла изъ меньшаго числа буквъ, чѣмъ имя. Имя говорило мнѣ мало, фамилія могла быть всетаки извѣстна...

И я тщательно занялся фамиліей.

Она, очевидно, начиналась съ кружка и кружкомъ кончалась. Слѣды округленныхъ буквъ остались довольно замѣтны. Я сосчиталъ затѣмъ число углубленій, соотвѣтствовавшихъ буквамъ, и послѣ многихъ соображеній пришелъ къ заключенію, что ихъ было шесть. Тогда, принимая, что первая буква могла быть Ѳ, а послѣдняя Ъ, внезапно былъ осѣненъ догадкой, вскорѣ принявшей форму полной увѣренности.

Да, несомнѣнно, я былъ въ камерѣ Ѳомина.

V.

Почти годъ назадъ, съ 25-го августа, какъ уже было сказано выше, я провелъ нѣсколько дней въ той же тобольской тюрьмѣ, только въ другомъ ея отдѣленіи. Однажды къ моей двери подошелъ арестантъ, по фамиліи, кажется, Ефремовъ, и передалъ мнѣ записку, написанную на обрывкѣ сѣрой бумаги. Изъ нея я узналъ, что въ тобольской тюрьмѣ, въ военно-каторжномъ ея отдѣленіи, сидитъ уже третій годъ въ строжайшемъ одиночномъ заключеніи политическій осужденный, „именующій себя Ѳоминымъ“.

Исторія его была еще свѣжа у всѣхъ въ памяти. Послѣ такъ называемаго большого процесса (1877—78 гг.) осужденныхъ Ковалика и Войнаральскаго, видныхъ дѣятелей мирнаго періода революціонной борьбы, перевозили изъ Петербурга для заключенія въ Бѣлгородскую харьковскую центральную тюрьму. Въ это время среди бѣлаго дня, на шоссе, на виду у косцовъ и жницъ, работавшихъ въ полѣ, на почтовую тройку, въ которой сидѣлъ Войнаральскій и два жандарма, напали двое верховыхъ, которые выстрѣломъ изъ револьвера убили одного изъ провожатыхъ и долго гнались за убѣгавшей по шоссе тройкой. Боязнь ранить арестанта мѣшала нападающимъ стрѣлять, а быстрота лошадей — догнать ихъ. Вскорѣ они отстали, и уцѣлѣвшій жандармъ съ убитымъ товарищемъ и съ арестованнымъ Войнаральскимъ поѣхали дальше. Они уже были близко отъ мѣста назначенія, когда съ проселочной дороги на шоссе выѣхалъ еще одинъ всадникъ и поѣхалъ навстрѣчу. Жандармъ приготовилъ револьверъ въ полномъ убѣжденіи, что это запоздавшій сообщникъ. Всадникъ проѣхалъ мимо.

Впослѣдствіи въ арестованномъ на вокзалѣ молодомъ

человѣкъ жандармъ призналъ этого послѣдняго всадника, а дальнѣйшіе розыски доказали, что этотъ молодой человѣкъ, „именующій себя Ѳоминымъ“, — одинъ изъ дѣятельныхъ участниковъ революціонныхъ кружковъ, что его самого пытались освободить въ Одессѣ, во время процесса Ковальскаго, и что послѣ этого онъ всетаки бѣжалъ изъ кіевской тюрьмы. Побѣгъ былъ совершенъ съ необыкновенной находчивостью и незаурядною смѣлостью. Боясь новыхъ попытокъ освобожденія, его послѣ приговора увезли изъ Россіи съ такими предосторожностями, что долго никто не зналъ, куда его дѣвали. Теперь въ своей запискѣ онъ сообщилъ мнѣ, что его везли подъ №, что даже жандармы не знали его фамиліи, что его сопровождалъ цѣлый отрядъ изъ пяти жандармовъ, при чемъ отъ участка до участка съ ними скакали заранѣе предупрежденные засѣдатели, а на этапахъ, гдѣ происходили иногда остановки, „сбивали народъ“ и всю ночь жгли кругомъ костры.

Вся эта странная исторія показалась мнѣ сначала нѣсколько подозрительной: въ тюрьмахъ очень много охотниковъ разсказывать подобныя вещи проѣзжающимъ политическимъ ссыльнымъ, чтобы выманить деньги. Однако я отвѣтилъ, и между нами завязалась переписка. Почтальономъ служилъ арестантъ, подававшій Ѳомину пищу.

Какъ ни строго было заключеніе, долгая практика всегда укажетъ извѣстныя бреши, — и порой арестантъ могъ перемолвиться съ Ѳоминымъ словомъ или передать записочку. Это меня не удивило.

Въ одной изъ записокъ Ѳоминъ сообщалъ, что онъ сидитъ въ своей конуркѣ третій годъ безвыходно. Его не пускаютъ гулять, даже не водятъ въ баню. Разъ въ мѣсяцъ вносятъ въ камеру большую ванну, и онъ моется въ присутствіи сторожа и смотрителя. При этомъ у „его благородія“ хватало совѣсти насмѣхаться надъ заключеннымъ, который—„ишь ты, моется въ ваннѣ, какъ баринъ“.

Единственнымъ развлеченіемъ Ѳомина было приготовленіе фигурокъ и игрушекъ изъ мятаго хлѣба, искусство, которое на моей памяти процвѣтало среди заключенныхъ за возстаніе поляковъ. Мой родной городъ, Житомиръ, былъ тогда переполненъ этими издѣліями, такъ какъ покупка ихъ была легальной формой помощи арестантамъ.

Ѳоминъ изловчился сдѣлать глобусъ и подарилъ его ребенку смотрителя. Тогда смотритель позволилъ ему продолжать ремесло, и Ѳоминъ сдѣлалъ уже весь планетарій, для чего пользовался проволокой изъ оконной рѣшетки.

Смотритель и на это посмотрѣлъ благосклонно, такъ какъ онъ сталъ продавать эти издѣлія на сторону, платя Ѳомину по рублю. Сколько онъ самъ получалъ, — оставалось неизвѣстнымъ.

Понемногу я переслалъ Ѳомину бумаги, конвертовъ, десять рублей, тщательно задѣланныхъ въ конецъ копченой колбасы, и, наконецъ, нѣсколько стальныхъ перьевъ, кисть и кусокъ туши, которая всегда бывала со мною (очень удобно хранится и служитъ вмѣсто чернилъ).

Особенныя сомнѣнія внушали мнѣ деньги, такъ какъ арестантъ-посредникъ едва ли бы удержался отъ искушенія. Въ тотъ же день, когда я послалъ ихъ, къ нашей двери явился высокій, молодой арестантъ, назвавшій себя тюремнымъ старостой. Это былъ человѣкъ располагающей наружности и державшій себя вполнѣ независимо.

Онъ спросилъ у меня, не пересылалъ ли я Ѳомину денегъ, и предупредилъ, что Ефремовъ человѣкъ ненадежный. „Общество“ ему не довѣряетъ, и староста боится, что онъ украдетъ деньги, назначенныя Ѳомину. Я, конечно, не имѣлъ тогда основаній особенно довѣрять и этому своему собесѣднику, который легко могъ быть подосланъ не „обществомъ“, охранявшимъ интересы одиночнаго узника, а смотрителемъ. Поэтому я холодно отвѣтилъ, что это дѣло мое, и мы разстались не особенно дружелюбно.

На слѣдующій день я получилъ черезъ Ефремова записку, написанную, какъ и предыдущія, очень простымъ шифромъ. Деньги и все остальное дошли по назначенію. Тѣмъ не менѣе, забѣгая впередъ описываемыхъ событій, я долженъ сказать, что теперь я съ чувствомъ уваженія и благодарности вспоминаю о старостѣ и о честномъ предостереженіи со стороны тюремнаго общества.

Въ сентябрѣ того же года, которымъ начинается настоящій разсказъ, т. е. черезъ годъ съ небольшимъ послѣ моей переписки съ Ѳоминымъ, я былъ въ Томскѣ. Тамъ меня посадили въ общую камеру, въ такъ называемой „Содержающей“ (тюрьма, назначенная для приговоренныхъ на сроки къ тюремному заключенію). Оказалось, что Ефремовъ былъ въ это время тамъ; онъ уже кончилъ свой срокъ и пересылался на поселеніе, но его держали особо отъ пересылочныхъ, такъ какъ надъ нимъ тяготѣла гроза тюремнаго общества. Оказалось, что Ѳоминъ написалъ письмо и далъ Ефремову денегъ на подкупъ сторожей, которые бросили письмо въ почтовый ящикъ. Въ письмѣ Ѳоминъ извѣщалъ товарищей о своемъ заключеніи и просилъ помощи. А такъ какъ на его имя

всякія сношенія были абсолютно невозможны, то для высылки денегъ онъ далъ адресъ Ефремова, который около этого времени оканчивалъ срокъ. Дѣйствительно, вскорѣ Ефремовъ получилъ 70 рублей отъ имени будто бы своихъ родныхъ. „Общество“ знало, кому назначены деньги, и потребовало, чтобы Ефремовъ честно передалъ ихъ Ѳомину. Ефремовъ отлынивалъ и, наконецъ, вышелъ изъ тюрьмы для отправки на поселеніе. Въ это-то время я встрѣтилъ его въ корридорѣ томской тюрьмы и не узналъ, такъ какъ не видалъ его около года. Однако, не могъ не обратить вниманія на то, что встрѣчный арестантъ, съ лицомъ, напоминавшимъ мнѣ что-то, потупился и какъ-то сжался при встрѣчѣ, точно виноватая собака. На слѣдующій день въ „Содержающую“ пришло изъ пересыльной сообщеніе о томъ, что Ефремовъ есть „измѣнникъ общества“, и объ его поступкѣ съ Ѳоминымъ... Его жестоко избили.

Цѣлый день несчастный прятался подъ нарами въ пустыхъ камерахъ, а во время повѣрки кинулся въ ноги смотрителю, прося, чтобы его перевели въ секретную. Я сталъ просить арестантовъ, со своей стороны, чтобы они пощадили несчастнаго негодяя. Мнѣ отвѣтили, что въ этой тюрьмѣ жизни его не грозитъ опасность. Сидящіе на сроки не рѣшатся сдѣлать „крышку“, но бить его будутъ все время, какъ собаку, походя и при всякомъ случаѣ. Если же тутъ были бы каторжане, то никакая секретная не спасла бы измѣнника, такъ какъ Ѳомина, заключеннаго съ такой строгостью въ каторжной тюрьмѣ, они, не зная лично, считали всетаки своимъ.

VI.

Съ тѣхъ поръ, какъ я посылалъ деньги и перья Ѳомину, прошелъ годъ. И вотъ самъ я сижу почти въ томъ же положеніи и, судя по всѣмъ признакамъ, въ той же камерѣ. Онъ писалъ мнѣ, между прочимъ, что ему стоитъ величайшихъ усилій хранить недозволенные предметы, такъ какъ еженедѣльно у него производятъ тщательные обыски.

Теперь я сталъ разыскивать его тайники. Я осмотрѣлъ стѣны, рамы у окна, всякую черточку на желѣзной печкѣ, но ничего не находилъ подозрительнаго. Наконецъ, я сталъ осматривать кровать. Она была деревянная, грубо окрашена темною краской. Изслѣдуя каждый квадратный вершокъ, я замѣтилъ, что одно мѣсто спинки было слегка неровно и какъ будто немного чернѣе. Я попробовалъ мокрымъ пальцемъ: палецъ оказался чернымъ, между тѣмъ какъ въ остальныхъ мѣстахъ краска не отставала. Тогда я сталъ скоблить

это мѣсто. Оказалось, что оно закрашено тушью, поверхъ тонкаго слоя мягкаго хлѣба. Я сорвалъ тоненькую пленочку и увидѣлъ, что подъ нею, съ искусствомъ, которое присуще или самому ловкому столяру, или одиночному арестанту, въ кроватн вырѣзано углубленіе не больше трехъ квадратныхъ дюймовъ шириной и около 1/2 дюйма въ глубину, закрываемое тоненькой задвижной дощечкой. Чтобы нельзя было замѣтить щелочекъ, искусная рука прикрывала дощечку слоемъ хлѣба, который послѣ окраски тушью давалъ полную иллюзію цвѣта и неровной густоты масляной краски. Съ волненіемъ человѣка, находящаго признаки ближняго въ пустынѣ, я открылъ эту заслонку. Въ углубленіи лежала свернутая бумажка, два стальныхъ пера и кусокъ туши.

Прежде всего я жадно развернулъ бумажку. Это было мое собственное письмо Ѳомину.

Годъ назадъ я былъ доволенъ и счастливъ. Неожиданная и благопріятная перемѣна въ моей судьбѣ, возвращеніе „на западъ“, милое общество случайно, но очень удачно собранныхъ судьбою людей, въ томъ числѣ нѣсколько хорошихъ женщинъ,—все это настраивало радостно. Помню, что я писалъ тогда въ настроеніи счастливаго человѣка, которому хочется передать частицу своего счастія другому. Я сообщалъ о нашемъ возвращеніи, о признакахъ новыхъ вѣяній, толки о конституціи, которыми ознаменованы были первые мѣсяцы царствованія Александра III... Помню, что отвѣтъ Ѳомина былъ полонъ горечи и сомнѣній.

И вотъ я теперь читалъ свое радостное письмо въ той же камерѣ...

Того, кому я писалъ, можетъ быть, не было въ живыхъ. Я одинъ. Ѣду опять тѣми же мѣстами неизвѣстно куда. А что, если здѣсь-то и есть конецъ моего пути?—внезапная и горькая, опять мелькнула во мнѣ эта мысль. Что, если черезъ нѣкоторое время у меня отнимутъ мое платье, мои вещи, мою постель, все, что напоминаетъ мнѣ о волѣ,—и принесутъ сюда арестантскій халатъ, можетъ быть, снятый съ плечъ моего умершаго предшественника, и дни безконечной вереницей потянутся надо мной, не трогая меня, ни въ чемъ не мѣняя моего положенія, какъ идутъ они надъ могилой, какъ шли надъ Ѳоминымъ? И мнѣ разъ въ мѣсяцъ станутъ вносить ванну, и тѣ же неуклюжія шутки, которыя слышалъ Ѳоминъ, „его благородіе“ станетъ отпускать теперь по моему адресу... Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, родъ моего преступленія не предвидѣнъ закономъ...

Эта мысль привела меня въ такое состояніе, что я въ

первый еще разъ кинулся на свою постель, уткнувшись лицомъ въ подушку. Подушка оказалась жестка и колюча. Перестилая постель, чтобы посмотрѣть, нѣтъ ли надписей на доскахъ, я вывернулъ наверхъ лежавшую на ней лепешку, набитую соломой, превратившейся отчасти въ труху. Можетъ быть, эта тюремная подушка лежала здѣсь съ того времени, какъ Ѳоминъ выплакалъ на ней свои послѣднія слезы. Я не отбросилъ ее. Эта мысль доставила мнѣ теперь своего рода горькую отраду. Пусть... такъ лучше!.. Такъ я полнѣе отдавался теперь мрачному чувству, поднявшемуся изъ глубины сердца.

Среди этихъ ощущеній спустились сумерки. Я не вставалъ, изрѣдка только подымалъ голову отъ подушки. Въ камерѣ стояла полутьма. Прежде я любилъ смотрѣть, закинувъ голову, на клочекъ вечерняго неба, которое заглядывало ко мнѣ свѣтлымъ пятномъ. Теперь оно меня раздражало. Мнѣ хотѣлось какъ можно полнѣе прислушаться къ тишинѣ моей сумрачной камеры, и, подымая голову, я нарочно отворачивался къ двери, чернѣвшей прямымъ четырехугольникомъ. Около него и въ углахъ было совсѣмъ темно. Черта разобранной надписи чуть-чуть виднѣлась на стѣнѣ... И мнѣ казалось, что здѣсь невидимо присутствуетъ прежній жилецъ этой камеры. Когда я лежалъ лицомъ къ его подушкѣ, мнѣ казалось, что онъ стоитъ надо мной и иронически качаетъ головой съ блѣднымъ лицомъ и воспаленными мрачными глазами. И мнѣ слышался беззвучный шопотъ погибшаго террориста...

— Мечтатели, слабыя души, слѣпые... Что значатъ ваши средства передъ силой, которая не считается ни съ чѣмъ и послѣдовательна въ своихъ проявленіяхъ? Нѣтъ, надо было принять десять присягъ и, произнося слова клятвы, обдумывать средства мести за насъ, погибшихъ, и для освобожденія живыхъ...

Моя голова становилась тѣсна для этихъ жгучихъ мыслей, какъ тѣсна была эта каморка для всякихъ плановъ борьбы и мести. Я вскочилъ, присѣлъ на своей постели, охватилъ голову руками и пытался призвать къ себѣ обычное самообладаніе.

Въ это время загремѣли опять запоры, опять сторожка наполнилась звономъ сабель, шпоръ и ружей, опять распахнулась моя дверь. Мнѣ показалось, что это рѣшается моя судьба, что меня сейчасъ или уведутъ отсюда, или отнимутъ мои вещи и оставятъ здѣсь навсегда. Мнѣ кажется, что въ послѣднемъ случаѣ я способенъ былъ въ эту минуту

на какое-нибудь безумство. Но я забылъ,—это была просто повѣрка.

— Тридцать четыре!

— Есть!

По какому-то внезапному, инстинктивному побужденію, я вскочилъ со своей постели.

— Г-нъ смотритель,—сказалъ я.

— Что еще?

— Я желаю видѣть полиціймейстера и прокурора.

— Это лишнее.

Офицеръ сказалъ что-то смотрителю, а тотъ опять обернулся.

— Что вамъ нужно?

— Я хочу принести жалобу. Меня, пересыльнаго, держатъ въ каторжной одиночкѣ. Вы не выпускаете меня гулять, я не могу написать письмо, я чувствую себя нездоровымъ.

Смотритель не отвѣтилъ ничего; повѣрка ушла.

VII.

Однако на слѣдующій день меня выпустили гулять.

Цѣлый день по дворику ходили каторжане, порой слышался звонъ кандаловъ, порой, когда солнце свѣтило прямо въ мои доски передъ окномъ, въ щели между ними можно было видѣть мелькающія тѣни. Когда же барабанъ отбивалъ свою дробь, и тюрьму закутывали молчаливыя сумерки, тюремная жизнь уходила въ камеры. Тутъ до огня бродяги разсказываютъ о своихъ похожденіяхъ, порой молодой и надтреснутый голосъ говоритъ съ тоской о своемъ „несчастіи“, о судьбѣ, о преступленіи и какъ оно случилось. Порой циничный и удалой разсказъ каторжника-убійцы рѣзко звучитъ среди молчаливой камеры, рѣдко одобряющей излишнія откровенности.

Въ это время меня выпускали на полчаса. Ворота были тщательно заперты, солдатъ дремалъ у будки, поддаваясь тихому вѣянію сумерокъ, переполненныхъ тѣнями, неуловимымъ шопотомъ, просачивавшимся будто сквозь стѣны тюрьмы, и отдаленнымъ рокотаніемъ колесъ въ городѣ, за тюремной стѣной. Я ходилъ взадъ и впередъ, отъ глухой стѣны швальни до воротъ, между цейхгаузомъ и корпусомъ каторжнаго отдѣленія. Надо мной было небо, казавшееся мнѣ теперь неизмѣримо глубокимъ, а надъ воротами, невдалекѣ, на меня глядѣли окна съ занавѣсками и цвѣтами. Эти окна меня очень удивили. Потомъ я сообразилъ, что это, навѣрное, частная квартира смотрителя. Въ одинъ вечеръ что-то замелькало между цвѣтовъ. Вглядѣвшись въ неопредѣленный сумракъ, я

различилъ, однако, голову и лицо ребенка. Дитя смотрѣло, должно быть, на мою одинокую фигуру, невиданную и странную въ черномъ пальто и шляпѣ, въ этомъ царствѣ сѣрыхъ халатовъ и военныхъ мундировъ.

Пока я гулялъ, мои сторожа должны были находиться тутъ же, во дворикѣ. Такимъ образомъ, меня караулили двое. Сторожъ обыкновенно садился на толстый обрубокъ, вродѣ того, на какомъ мясники разрубаютъ мясо. Этотъ обрубокъ стоялъ недалеко отъ воротъ. Солдатъ стоялъ у середины узкаго пространства. Такимъ образомъ, гуляя отъ воротъ до швальни, я постоянно былъ у нихъ на виду.

Впрочемъ, былъ небольшой уголокъ, прямо противъ входной двери въ корридоръ, гдѣ я могъ быть невидимъ для обоихъ. Цейхгаузъ, пристроенный къ тюремной стѣнѣ, былъ не во всю стѣну. Между нимъ и перпендикулярной стѣной швальни оставался четыреугольникъ, на которомъ валялись кучи мусора и отбросовъ. Бревенчатая стѣна цейхгауза упиралась прямо въ каменную ограду. Когда я подходилъ къ этому концу двора, маленькій пустырь оставался у меня на лѣвой сторонѣ. На него выходило мое окно, забранное досками (всякій разъ, какъ я глядѣлъ на эти доски, мнѣ становилось какъ-то жутко думать, что за ними мое жилье). Затѣмъ наше крылечко съ тремя ступеньками. Его дверь была обыкновенно открыта, и въ нее виднѣлся короткій, тупой корридорчикъ. Въ немъ не было никогда ни души. Наконецъ, еще одно окно изъ ряда каторжныхъ одиночекъ тоже выходило на пустырь. Остальныя же находились противъ стѣны цейхгауза.

Въ первый день, когда меня выпустили, дежурилъ Гавриловъ. Я зналъ уже этотъ типъ тюремныхъ надзирателей. Это люди серьезные, семейные, дорожащіе службой и не склонные къ подкупу. Я убѣжденъ, что Ефремовъ передавалъ Ѳомину его записки не въ его дежурство или, по крайней мѣрѣ, безъ его вѣдома. Подкупать легче было другого. Но зато Гавриловъ былъ доступенъ простымъ человѣческимъ движеніямъ души, не дѣлалъ ничего лишняго для отягченія участи заключеннаго и радъ былъ сдѣлать все, что не ставило его въ положеніе „отчаяннаго“, легкомысленнаго, рискующаго человѣка. Между прочимъ, онъ охотно вступалъ со мною въ непродолжительныя, правда, бесѣды; онъ интересовался, есть ли у меня жена и дѣти, прибавилъ, что у него ихъ трое, что всѣхъ надо кормить. Потомъ спросилъ, есть ли отецъ и мать, и покачалъ при моемъ отвѣтѣ головою. Онъ, видимо, былъ очень доволенъ, отворяя мнѣ камеру и выпуская меня на прогулку. Самъ онъ сѣлъ на обрубокъ и просидѣлъ на немъ,

подремывая, все время, пока я ходилъ, разминаясь, взадъ и впередъ.

Въ одинъ изъ этихъ моихъ рейсовъ, отъ воротъ до стѣны швальни, я замѣтилъ, что въ послѣднемъ окнѣ мелькнуло лицо. Каторжникъ съ обритой наполовину головой дѣлалъ мнѣ какіе-то жесты. Я удивленно остановился, но онъ тотчасъ же скрылся за стѣной камеры. Я понялъ: мнѣ не слѣдовало останавливаться, такъ какъ сторожъ или солдатъ могли замѣтить это, и потому я прошелъ мимо тѣмъ же размѣреннымъ шагомъ.

Подходя во второй разъ къ этому окну, я замедлилъ шаги и посмотрѣлъ искоса, не поворачивая головы. Арестантъ опять стоялъ у окна и махалъ руками, какъ птица.

Это опять продолжалось лишь нѣсколько секундъ. За то почти минута оставалась на обсужденіе таинственнаго сигнала. Что онъ хочетъ сказать? Неужто эти птичьи размахи означали намекъ на свободу, на вольный полетъ?

Съ этимъ вопросомъ въ умѣ я опять поровнялся съ окномъ. Мой таинственный собесѣдникъ сидѣлъ на подоконникѣ на корточкахъ. Пока я миновалъ его и пока поворачивался назадъ, онъ все подымался во весь ростъ, хватая воздухъ руками, и всей бѣлой фигурой, выдѣлявшейся на темномъ фонѣ окна, изображалъ пріемы человѣка, который карабкается кверху. Я опять кинулъ недоумѣлый взглядъ, но затѣмъ пришелъ къ безошибочному заключенію, что таинственный собесѣдникъ, несомнѣнно, намекаетъ на возможность побѣга.

Я шелъ къ окну въ четвертый разъ. Теперь каторжникъ стоялъ неподвижно и только протянутой рукою указывалъ мнѣ прямо на четырехугольникъ двора, за стѣной цейхгауза. Затѣмъ онъ еще присѣлъ, поднялся, какъ будто дѣлая прыжокъ, и взмахомъ обѣихъ рукъ указалъ, что мнѣ слѣдуетъ потомъ бѣжать вдоль тюремной стѣны направо. Я вспомнилъ, что тутъ крутые, поросшіе бурьяномъ пустынные обрывы горы ведутъ къ рѣкѣ Иртышу или Тоболу, и что внизу раскинута прибрежная часть города, съ трактирами и кабаками...

Теперь, пока я шелъ взадъ и впередъ по двору, мое сердце усиленно билось, въ вискахъ стучало; я подошелъ къ окну и тихо прошелъ мимо. Каторжникъ глядѣлъ вопросительно и ничего уже не показывалъ. Я уперся почти въ стѣну швальни, плохо сознавая свое положеніе. Тутъ, поворачиваясь, я очутился прямо противъ досокъ, закрывающихъ окно моей камеры. Одна щель была расковыряна, и въ нее на одно мгновеніе мелькнула часть моего окна. Въ камерѣ мы оставили свѣтъ, который теперь освѣщалъ пустое пространство между стѣной и досками. Въ этой освѣщенной пустотѣ было что-то жуткое.

Я круто повернулся и пошелъ за стѣнку цейхгауза.

Бревенчатая стѣна примыкала къ каменной. Она была сложена изъ толстыхъ лиственницъ, а такъ какъ лиственница очень щелевата, то въ каждомъ бревнѣ были широкія щели, за которыя легко было цѣпляться концами пальцевъ. Это была удивительная оплошность тюремной администраціи, одна изъ тѣхъ, которыя являются невольно въ дѣлѣ, идущемъ день за днемъ по заведенной рутинѣ. Впрочемъ, можетъ быть, администрація знала слабое мѣсто этого двора, и потому-то Ѳомина, извѣстнаго бѣглеца, не выпускали вовсе. Каторжники гуляли днемъ, когда скрыться немыслимо. И только я въ эту минуту стоялъ лицомъ къ лицу съ начальственнымъ недосмотромъ. Крыша цейхгауза не доходила вплоть до верхушки стѣны, но тутъ оставалось не болѣе 1½ аршина.

Очутившись внѣ взглядовъ моихъ сторожей, я быстро подошелъ къ углу и сталъ карабкаться кверху. Помню, что въ это время у меня не было опредѣленнаго плана. Сердце билось, въ вискахъ стучало, въ воображеніи рисовалась верхушка крыши и гребень стѣны, потомъ заплаканное лицо матери, доброе лицо Гаврилова и его трое дѣтей. Совѣсть говорила мнѣ ясно, что я не долженъ пользоваться его довѣріемъ, что было бы гораздо лучше, если бы этотъ случай представился въ дежурство Иванова. Но я карабкался кверху, повторяя про себя: все равно, это невозможно... Это я только пробую...

Можетъ быть, всѣ эти разнообразныя ощущенія были причиной, мѣшавшей энергіи моихъ усилій, или дѣйствительно препятствіе было неодолимо, но только ноги скользили, пальцы тоже, подъемъ былъ труденъ и дологъ. Я соскочилъ съ пятаго бревна и тихонько пошелъ изъ-за угла. Когда я вышелъ, солдатъ и Гавриловъ смотрѣли въ мою сторону. Арестантъ тоже смотрѣлъ жаднымъ взглядомъ, вытянувъ шею.

Весь этотъ вечеръ, въ своей камерѣ, я думалъ объ этомъ случаѣ и о своемъ положеніи. Помню, что это было во вторникъ. Въ среду обыкновенно проходилъ мимо Тобольска пароходъ съ арестантской баржой. Запирая меня на ночь, Гавриловъ тихо сказалъ мнѣ, что „можетъ, завтра вы уѣдете. Завтра провезутъ политическую партію“.

Я вздохнулъ съ облегченіемъ и какъ-то радостно посмотрѣлъ на добраго человѣка... Въ эту ночь я открылъ форточку и долго смотрѣлъ въ ясный клочекъ неба. Вечеромъ я написалъ письма, проникнутыя бодростью и надеждой...

Утромъ я спалъ долго и не слышалъ повѣрки. Эта вольность дозволялась мнѣ въ моей одиночкѣ, — въ общихъ ка-

мерахъ всѣ должны подниматься и выстраиваться при входѣ „повѣрки“. Первый звукъ, который я услышалъ, одѣваясь, былъ долгій, гулкій, протяжный свистокъ, доносившійся съ рѣки въ мою открытую на ночь форточку...

Я быстро одѣлся, наскоро разболталъ чай въ полуостывшемъ кипяткѣ, который былъ поданъ въ отверстіе, когда я спалъ, и сталъ ждать. Я зналъ, что баржа простоитъ нѣсколько часовъ, такъ какъ съ нея спустятъ и на нее примутъ еще партію тобольскихъ арестантовъ. Годъ назадъ я самъ былъ на этой баржѣ. Ее отвели тогда на середину рѣки, закрыли брезентами со стороны города, и мы, гуляя по палубѣ за рѣшетками, старались приподнять брезенты и полюбоваться на красивый городъ, съ его крутой и высокою горой. Оттуда я видѣлъ впервые на верхушкѣ горы и этотъ тюремный замокъ...

Эти воспоминанія усилили мое нетерпѣніе до степени лихорадки. Часы ползли медленно; я ходилъ по камерѣ, кидался на кровать, опять вставалъ и бѣгалъ по своей клѣткѣ.

Заслонка открылась, мнѣ подали оттуда обѣдъ. Я не обратилъ вниманія, кто подаетъ его, взялъ, не говоря ни слова, миску, но ѣсть не могъ. Все равно, думалъ я, меня накормятъ товарищи на баржѣ. И предвкушеніе скорой встрѣчи, привѣтствій, разспросовъ, новыхъ знакомствъ, можетъ быть со старыми знакомыми, потомъ Красноярскъ, предстоящее свиданіе съ сестрой и матерью, которыя проѣхали туда годъ назадъ, къ сосланному одновременно съ нами зятю, — все это промчалось въ душѣ какой-то полурадостной, полумучительной бурей...

Въ такомъ настроеніи услышалъ я первый свистокъ парохода. Я заметался, еще разъ осмотрѣлъ свои вещи, какъ человѣкъ, который боится опоздать къ пароходу... Но моя дверь оставалась запертой.

Вскорѣ за первымъ послышался второй, потомъ третій свистокъ. Еще черезъ четверть часа—прощальный гулъ понесся внизъ по рѣкѣ и замеръ. Очевидно, пароходъ обогнулъ тобольскую гору, и партія плыла дальше. Я видѣлъ въ воображеніи, какъ раскрываются брезенты, молодые люди и дѣвушки жадно глядятъ изъ-за рѣшетокъ, какъ тихо уплываютъ берега, церкви, зданія Тобольска. И, можетъ быть, имъ видна еще на горѣ стѣна моей тюрьмы. Тупое отчаяніе, надъ которымъ глухо закипало безсильное бѣшенство, овладѣло моей душой...

Я легъ на кровать кверху лицомъ и лежалъ, не двигаясь, заложивъ руки подъ голову. Помню очень хорошо, что я ни

о чемъ не думалъ. Въ головѣ моей не было ни мыслей, ни представленій, ни образовъ. Это была тяжелая пустота.

И однако странно: въ этой пустотѣ какъ-то само собой созрѣло рѣшеніе. Когда я поднялся со своей постели, оно было готово, и я началъ дѣйствовать, какъ будто исполняя чьи-то распоряженія.

Прежде всего я принялся за простывшій обѣдъ и съѣлъ почти все. Потомъ открылъ чемоданъ и развязалъ узлы.

Въ одномъ изъ узловъ у меня былъ чекмень, въ родѣ казакина изъ легкой мерлушки, покрытой такъ называемой ч ртовой кожей. Это былъ подарокъ одного мало мнѣ знакомаго доброжелателя. Незадолго до моей высылки онъ пріѣхалъ въ Пермь, стараясь склонить меня на нѣкоторыя предпріятія, отъ которыхъ я, однако, рѣшительно отказался. Въ тѣ нѣсколько часовъ, которые мнѣ были оставлены отъ объявленія о высылкѣ до отхода поѣзда, ко мнѣ приходили многіе пермскіе знакомые, пришелъ и онъ. Отозвавъ меня въ сторону, онъ подарилъ мнѣ этотъ чекмень и сказалъ, что около воротника, на спинѣ, есть карманъ, сдѣланный необыкновенно ловко, который можно вскрыть.

— Можетъ быть, пригодится,—прибавилъ онъ...—А тогда, мы опять увидимся и потолкуемъ о томъ, что я предлагалъ вамъ... Думаю, вы тогда будете сговорчивѣе...

Я поблагодарилъ и принялъ, улыбаясь, подарокъ. Я думалъ, что чекмень можетъ пригодиться и безъ кармана на спинѣ. Теперь я тотчасъ же распоролъ шовъ около воротника и вынулъ оттуда два сѣрыхъ полулиста бумаги. Одинъ былъ „видъ на жительство“. Въ немъ говорилось, что чернскій, Тульской губ., мѣщанинъ Иванъ Ивановъ отпускается во всѣ города россійской имперіи для сбора, по довѣренности причта такой-то церкви, на возобновленіе сгорѣвшаго въ 1879 году храма. Другой удостовѣрялъ съ приложеніемъ церковной печати и за подписью дрожащей руки какого-то благочиннаго, что я по усердію взялся сдѣлать дѣло Господне, къ коему и приглашаются усердные даятели. Я тщательно перечиталъ оба документа, разсмотрѣлъ подписи исправника, мѣщанскаго старосты и причта, потомъ критически изслѣдовалъ печати. Онѣ были оттиснуты довольно явственно, но не такъ однако, чтобы возбудить подозрѣніе излишней отчетливостью. Все было въ порядкѣ.

Потомъ я сталъ перебирать бумаги и письма. Это была переписка съ матерью, сестрой, друзьями, съ дѣвушкой, которая впослѣдствіи стала моей женой. Все это теперь нужно было уничтожить, чтобы эти имена не фигурировали въ оффи-

ціальной перепискѣ по моему дѣлу. Я зналъ по опыту, что всякое самое простое упоминаніе фамиліи—есть своего рода зараза. Имя упоминалось, значитъ человѣкъ „замѣшанъ".

Когда я перечиталъ послѣднее письмо матери и поднесъ его къ свѣчкѣ, невольная слеза зашевелилась въ глазахъ. Мнѣ представился ясно этотъ новый ударъ моей матери, но это меня не остановило. Здѣсь или за стѣной — я для нея уже не существую. Листокъ загорѣлся, и мнѣ казалось, что вмѣстѣ съ послѣднимъ язычкомъ пламени исчезло все мое прошлое. Съ этихъ поръ я становился фактически чернскимъ мѣщаниномъ Иваномъ Ивановымъ. Мой планъ былъ готовъ и полонъ...

Затѣмъ я вскрылъ и нѣсколько строчекъ, написанныхъ на оберткѣ удостовѣренія химическимъ способомъ. Здѣсь мой доброжелатель записалъ при помощи шифра нѣсколько адресовъ въ разныхъ городахъ Сибири и Восточной Россіи. Это были имена лицъ, принимавшихъ участіе въ подпольной организаціи такъ называемаго „краснаго креста", имѣвшей цѣлью способствовать побѣгамъ, впослѣдствіи открытой правительствомъ.

Заучивъ на память два тобольскихъ и еще нѣсколько адресовъ въ другихъ городахъ Россіи, я смылъ самую надпись. Если бы эти документы даже попались въ руки тюремщиковъ, никому не пришло бы въ голову, что здѣсь были еще надписи, которыхъ совсѣмъ не видно. Потомъ я пересчиталъ бывшія со мною деньги, около сотни рублей, и привелъ все въ прежній видъ.

Послѣ повѣрки, въ тѣ четверть часа, которыя еще оставались до прогулки, я наскоро переодѣлся въ другое платье, надѣлъ подъ пальто чекмень, въ которомъ никто не видѣлъ меня въ тюрьмѣ, спряталъ въ карманъ барашковую шапку, видъ на жительство и, готовый къ выходу, сталъ ожидать прогулки.

Сердце во мнѣ теперь не билось, и думаю, что видъ у меня былъ совершенно спокойный. А, между тѣмъ, гдѣ-то глубоко, глубоко, на днѣ души лежала тяжелая горечь и озлобленіе... Что сдѣлалъ я, за что судьба вела меня этими незамѣтными, постепенными и неизбѣжными переходами къ этой минутѣ...

По характеру, по всѣмъ склонностямъ, я, мечтатель и художникъ, склонный къ мирнымъ занятіямъ, къ рефлексіи и наблюденію, теперь я стою у порога новой и чуждой мнѣ жизни. Это было въ третій разъ, но этотъ разъ гораздо сильнѣе, чѣмъ оба предыдущіе: судьба толкала меня на этотъ путь. Я сознавалъ ясно, что я, Владиміръ К—о, теперь на-

чинаю умирать. Черезъ часъ — я буду или дѣйствительно мертвъ, или вмѣсто меня народится на свѣтъ мѣщанинъ Иванъ Ивановъ, существо скрытное, преслѣдуемое, обозленное, которому предстоитъ двойная, странная жизнь, полная невѣдомыхъ приключеній и тайны. И я чувствовалъ, что это ужъ буду не я. Моя судьба поведетъ меня дорогой, которая мнѣ чужда и непріятна. И куда приведетъ меня та сила, которая теперь такъ властно предписываетъ мнѣ все, что я дѣлаю съ отчетливостью повинующейся машины, — я уже не могъ ни предсказать, ни предвидѣть... Въ послѣднія минуты мой личный нерѣшительный и мягкій темпераментъ сказался опять какой-то жгучей тоской, безграничной жалостью къ себѣ самому, къ своей нравственной личности, ко всему, чѣмъ я жилъ до сихъ поръ, что думалъ, во что вѣрилъ, на что надѣялся. Потомъ опять лицо матери взглянуло на меня съ тоскливой мольбой... Но это было неясно и недолго. Я чувствовалъ, какъ кровь отливаетъ у меня отъ сердца, какъ брови мои сжимаются...

Навѣрное, лицо мое было очень блѣдно, а глаза горѣли лихорадочнымъ огнемъ... Во мнѣ поднимался протестъ противъ разнѣженности и „добрыхъ“ побужденій мягкой и слабой души. Этотъ протестующій и строгій голосъ говорилъ мнѣ, что ничто и никто не судья теперь того, что я сдѣлаю впослѣдствіи... Потому что я буду теперь мстить... Мстить всему, что убило во мнѣ прежняго человѣка, что привело меня къ этой минутѣ, что сдѣлало изъ меня чернскаго мѣщанина Иванова. И я чувствовалъ, что мнѣ нѣтъ уже другого суда, кромѣ этого голоса...

VIII.

Замокъ тихо щелкнулъ, дверь открылась...

На порогѣ стоялъ Гавриловъ.

— А, это опять ты? — сказалъ я, пораженный его появленіемъ довольно непріятно. Я представлялъ себѣ, что меня будетъ сторожить теперь это грубое животное Ивановъ, и мнѣ доставляла нѣкоторое наслажденіе мысль, что своимъ побѣгомъ я подведу именно его, что мѣщанинъ Ивановъ первыми своими шагами погубитъ Иванова тюремщика.

— Да, баринъ, — опять я. Ивановъ отпросился на именины къ матери...

— Ну, все равно,—подумалъ я.—У меня тоже есть мать... Но эта мысль теперь уже меня не смягчала, а ожесточала еще больше.

— А пароходъ-то ушелъ? — сказалъ я съ горечью, какъ будто въ этомъ виноватъ именно онъ, Гавриловъ.

— Такъ точно, баринъ. Ушелъ,—сказалъ онъ сконфуженно, какъ будто и самъ признавалъ себя виновнымъ.

Онъ отвернулся и вздохнулъ.

— Ничего, Богъ милостивъ. Сказывали въ конторѣ, будто васъ увезутъ опять съ жандармами, на тройкѣ.

Я пронизалъ его взглядомъ. Я былъ убѣжденъ, что онъ вретъ и отворачиваетъ глаза потому, что слышалъ совсѣмъ другое... Его утѣшенія подымали во мнѣ глухую злобу.—Утѣшаешь, добрый человѣкъ, — думалъ я съ горечью.—Эхъ, вы, добрые люди! Нѣтъ ничего хуже русскаго добраго человѣка... Развѣ не онъ, не русскій добрый человѣкъ, виноватъ во всемъ? Развѣ онъ, жалѣючи. не сторожитъ въ тюрьмахъ всякаго, кто стремится къ свободѣ и правдѣ?.. Ну, хорошо же,— думалъ я съ ожесточеніемъ: — Сторожи же теперь, *добрый человѣкъ*, покрѣпче. Не я виноватъ, если ты, по своей добротѣ, зазѣваешься. Каждому свое. Ваше дѣло смотрѣть, а наше освобождаться. Пусть каждый дѣлаетъ свое дѣло, а дѣтей, страдающихъ и плачущихъ объ отцахъ, не меньше и даже больше на нашей сторонѣ, чѣмъ на вашей... Правда, когда-то, и еще недавно, я думалъ, что этихъ добрыхъ людей надо жалѣть и щадить... Но это „недавнее“ было все-таки такъ давно. Меня уже нѣтъ... Жалѣлъ XX, а теперь будетъ мѣщанинъ Ивановъ... Очень можетъ быть, что Гавриловъ замѣтилъ мое настроеніе. Можетъ быть, если не сознаніе, то чувство шевельнулось въ немъ въ томъ же направленіи, въ какомъ шла теперь моя мысль, и, вынимая ключъ изъ замка, пока я выходилъ, онъ сказалъ тихо:

— А я, баринъ, скоро брошу эту службу.

Эту фразу я слышалъ второй разъ отъ своихъ тюремщиковъ. Въ первый разъ она меня очень обрадовала. Теперь только обозлила. То же самое, можетъ быть, ты, „добрый человѣкъ“, повторялъ Ѳомину, пока онъ не умеръ, и ты все-таки запиралъ его аккуратно, произнося свои добрыя слова и немудрыя утѣшенія...

Я ничего не отвѣтилъ, и онъ не пытался заговорить больше. Мы были опять на узенькомъ дворикѣ. Онъ сѣлъ на свой обрубокъ и даже повернулся къ стѣнѣ. Мнѣ показалось, что онъ сдѣлалъ это не случайно, что ему немного стыдно теперь слѣдить за мною.

— Ладно, — подумалъ я опять. — Ты можешь деликатничать потому, что надѣешься на замки и на высокія стѣны. Посмотримъ.

Около Гаврилова тихо ласкалась и визжала маленькая собачка...

IX.

Первый мой взглядъ былъ опять на крайнее окно. Каторжника не было видно, когда мы проходили вмѣстѣ съ Гавриловымъ. Но въ первый же разъ, какъ я пошелъ мимо одинъ, онъ опять появился, ткнулъ пальцемъ въ уголъ четыреугольнаго пустыря и нырнулъ за стѣну такъ быстро, какъ будто боялся послѣдствій. На обратномъ пути я внимательно посмотрѣлъ въ этотъ уголъ и вздрогнулъ.

Чего добивался мой искуситель или искусители,—такъ какъ теперь мнѣ было совершенно ясно, что все каторжное отдѣленіе принимало участіе въ моей судьбѣ? Было ли это участіе, или простое любопытство?.. Правда, что намъ часто приходилось встрѣчать проявленіе товарищескаго участія со стороны каторжанъ, которые видѣли, что для насъ, „политическихъ“, тюрьма готовитъ всѣ свои суровости и стѣсненія, не представляя взамѣнъ никакихъ облегченій, связанныхъ съ обществомъ себѣ подобныхъ и съ артельною жизнью. Однако, въ ту минуту мнѣ представилась другая сторона дѣла: такъ скучно сидѣть мѣсяцы и годы въ этомъ дворикѣ, такъ однообразно идутъ дни за днями... А тутъ побѣгъ, можетъ быть, выстрѣлъ часового на верхушку стѣны, можетъ быть, стонъ и паденіе человѣческаго тѣла, а, можетъ быть, и удача, за которую переберутъ все начальство... Это, конечно, хорошая программа для временнаго увеселенія тоскливаго и тѣснаго военно-каторжнаго дворика.

Думаю, что я былъ совершенно не правъ по отношенію къ моимъ сосѣдямъ и, если хотите, товарищамъ того времени.

Если бы я дѣйствительно убѣжалъ, слѣды несомнѣннаго содѣйствія со стороны каторжанъ должны были бы обнаружиться, и все отдѣленіе подверглось бы репрессіямъ и стѣсненіямъ. А на это несомнѣнно также не могъ бы рѣшиться ни одинъ изъ членовъ этого общества самовольно. Итакъ, это сдѣлано было, по всѣмъ видимостямъ, именно каторжной артелью, и каторжная артель дѣйствовала безкорыстно и даже самоотверженно.

Какъ бы то ни было, но дѣло въ томъ, что, пока я сидѣлъ въ своей конуркѣ въ теченіе дня, арестанты, гулявшіе по двору, натыкали въ щели бревенчатой стѣны цейхгауза обломки желѣза, толстыя щепы, а въ одномъ мѣстѣ торчало даже сломанное долото. Все это образовало теперь вертикальную лѣстницу почти до крыши.

Невольная дрожь пробѣжала по мнѣ при видѣ этой дороги къ свободѣ или къ смерти...

Я быстро прошелъ мимо и потомъ замедлилъ шаги, чтобы еще разъ обдумать свое положеніе. Что-то говорило мнѣ, что я поступаю неразсчетливо и безумно. Кто мнѣ сказалъ, что я останусь здѣсь надолго? Одинъ только свистокъ удалявшагося парохода и мрачная камера, въ которой какъ будто бродилъ призракъ несчастнаго Ѳомина... И изъ-за этого я рискую своей судьбой, этимъ бѣднымъ Гавриловымъ, у котораго трое дѣтей, этимъ часовымъ, который теперь склонился головой на ружье. Наконецъ, горемъ матери, жизнь которой, я чувствовалъ это, ставится теперь на карту вмѣстѣ съ моей...

Однако, все это шевелилось гдѣ-то слишкомъ глубоко, какъ это случается часто... Теперь, когда я вспоминаю весь этотъ эпизодъ, эти соображенія меня трогаютъ и разнѣживаютъ, но въ то время я ихъ почти не сознавалъ. Какъ будто они тихо всплывали со дна души, но на поверхности сознанія появились уже значительно позже.

Я, или вѣрнѣе тотъ, другой, мѣщанинъ Ивановъ, рѣшилъ за меня, что я пройду еще три раза, а на четвертый незамѣтно скользну за стѣну. Съ этой мыслью я весело кивнулъ каторжнику и пошелъ дальше. Въ окнѣ смотрительской квартиры мелькнули очертанія дѣтской головки. Еще, быть можетъ, одна невинная жертва,—подумалъ я про себя.—Отецъ будетъ безъ мѣста, мать будетъ плакать, дѣвочкѣ придется, пожалуй, голодать и томиться... Но тотчасъ же эту мысль смѣнило безпокойство. Она увидитъ меня на крышѣ! Впрочемъ, что же пойметъ ребенокъ, а если и пойметъ, то пока она позоветъ отца, я уже буду на пустырѣ, за стѣной, или...

Проходя мимо солдата, я взглянулъ на уголъ крыши, прилегающей къ стѣнѣ. Здѣсь я буду виденъ ему совершенно ясно, значитъ, нужно будетъ вооружиться ловкостью для послѣдняго прыжка съ крыши на стѣну. Впрочемъ, я много занимался гимнастикой и прыгалъ очень легко и ловко...

Въ третій разъ, подойдя къ углу цейхгауза, я круто повернулъ за уголъ. Гавриловъ попрежнему сидѣлъ на своемъ обрубкѣ, понуривъ голову, собачки съ нимъ не было. Солдатъ охватилъ штыкъ руками и свѣсилъ голову: дремотныя сумерки нагнали на него сонъ или тихія мечты о далекой родинѣ, можетъ быть, тоже о женѣ и о дѣтяхъ.

Каторжникъ смотрѣлъ въ окно, вытянувъ шею, точно хищная птица...

Я быстро скинулъ пальто и попробовалъ первыя ступени. Все было прикрѣплено прочно. Я взялся за обломокъ долота, потомъ ступилъ шагъ, другой... Помню, что въ эти нѣсколько

секундъ во мнѣ замерли всѣ соображенія. Я ничего не думалъ, ничего не вспоминалъ, кажется, былъ совершенно спокоенъ и видѣлъ ясно только деревянный срубъ цейхгауза, натыканныя въ щели ступеньки импровизованной лѣстницы и гребень стѣны...

X.

Не знаю, что предстояло мнѣ черезъ минуту, если бы не неожиданная случайность. Теперь мнѣ казалось уже, что тамъ, за стѣной я былъ бы почти навѣрное свободенъ. Наружнаго караула не было. Стѣна очень высока, но я прыгалъ ловко. Моимъ тюремщикамъ придется пробѣжать три двора, а въ это время я спущусь въ городъ и буду у людей, адресъ которыхъ помнилъ. Въ одеждѣ, въ которой никто въ тюрьмѣ меня не видѣлъ, съ паспортомъ въ карманѣ, мнѣ стоило еще остричь буйные волосы и сбрить бороду — и я могъ бы безопасно ходить по улицамъ Тобольска... Меня не узналъ бы красивый полиціймейстеръ...

Если бы на крышѣ листъ жести загремѣлъ подъ ногой или я оборвался бы со стѣны, тогда навѣрное пуля часового уложила бы меня на мѣстѣ,—или меня прикончили бы озвѣрѣвшіе тюремщики. Случай, вѣроятно, заставилъ бы говорить о себѣ...

Побѣгъ изъ тюрьмы несомнѣнное преступленіе. Солдатъ, застрѣлившій бѣглеца, только „исполнилъ бы свой долгъ“, а преступникъ понесъ бы должное наказаніе... Этимъ наказаніемъ и была бы импровизованная смертная казнь...

Пришло ли бы тогда кому-нибудь въ голову провѣрить хоть на этотъ разъ первоначальное обвиненіе и всѣ ступени этой фатальной лѣстницы „печальныхъ недоразумѣній“, которыя привели меня, невиннаго, не осужденнаго и даже никогда ни въ чемъ не обвинявшагося, подъ пулю столь же неповиннаго солдата?..

— Мы должны согласиться, — говорилъ мнѣ впослѣдствіи одинъ либеральный господинъ въ департаментѣ полиціи,— что первоначальная ваша ссылка была результатомъ „печальнаго недоразумѣнія“... Однимъ „недоразумѣніемъ“ больше или меньше, что за бѣда! Мой избитый трупъ похоронили бы въ деревянномъ ящикѣ, наскоро сколоченномъ тюремнымъ плотникомъ... Получилось бы въ Петербургѣ соотвѣтствующее донесеніе, которое пришили бы къ дѣлу „объ административно-сосланномъ N“. Можетъ быть, тогда его п—во счелъ бы не лишнимъ перелистовать дѣло. Можетъ быть, при этомъ обнаружилось бы, что всѣ первоначальныя подозрѣнія по отношенію ко мнѣ давно пали сами собой...

Вздохнулъ ли бы, по крайней мѣрѣ, его п—во о напрасно загубленной жизни этого „по недоразумѣнію“ сосланнаго молодого человѣка, подумалъ ли бы, что рядъ тюремъ, ссылокъ, наконецъ, смерть отъ пули — слишкомъ суровое наказаніе за все, что прочитано только въ сердцѣ молодого студента, да еще плохо прочитано полуграмотнымъ шпіономъ?..

XI.

Къ счастью, отъ послѣдняго вывода меня спасла маленькая собачка. Это была черная небольшая дворняжка, почти щенокъ, котораго обыкновенно приводилъ съ собою и ласкалъ Гавриловъ. Ивановъ гонялъ ее, и потому она показывалась только въ дни дежурства Гаврилова на дворикѣ каторжнаго отдѣленія. Теперь, получивъ отъ Гаврилова свою долю хлѣба и ласки, она, довольная, свернулась на кучѣ мусора, въ уголкѣ за цейхгаузомъ и мирно дремала. Помню, что она поглядѣла на меня, когда я свернулъ за уголъ, какъ-то искоса, умными черными глазами, но ничѣмъ болѣе не выразила своихъ подозрѣній. Однако, повидимому, тюремный хлѣбъ дѣлаетъ тюремщиками даже животныхъ. Какъ только я сталъ подыматься на свою воздушную лѣстницу и повисъ на третьей или четвертой ступенькѣ, собака нашла, что это уже слишкомъ. Она внезапно, съ визгомъ, подбѣжала къ стѣнѣ, подпрыгнула и, ухватясь за полу моего казакина, повисла на ней всей своей тяжестью.

Все было, разумѣется, кончено. Я услышалъ крикъ и шаги Гаврилова. Добрый человѣкъ объяснилъ очень просто мою отлучку за уголъ, и мнѣ нужно было удержать его въ этомъ убѣжденіи. Я легко спрыгнулъ на землю, отбѣжалъ шага три и быстро надѣлъ скинутое пальто. Соскакивая, я видѣлъ въ окнѣ моего доброжелателя каторжника. Онъ безнадежно взмахнулъ руками и скрылся за стѣной...

Не знаю, догадался ли Гавриловъ о настоящей причинѣ этого эпизода. Я отошелъ отъ угла, чтобы онъ не увидѣлъ устроенной арестантами лѣстницы, и продолжалъ надѣвать пальто на ходу. Солдатъ оглядывался чутко и безпокойно. Гавриловъ хотѣлъ было пнуть собаку ногой, но она отбѣжала такъ разумно и съ такимъ видомъ своей правоты, что онъ не пошелъ за ней къ ея кучѣ мусора и только задумчиво нѣсколько разъ перевелъ свои глаза то на нее, то на меня...

— Пожалуйте въ камеру, пора, — сказалъ онъ мнѣ, наконецъ, съ какимъ-то особеннымъ выраженіемъ.

XII.

Должно быть, арестанты успѣли на утро разобрать свои сооруженія незамѣтно для начальства; по крайней мѣрѣ, мнѣ не удалось узнать о послѣдствіяхъ этого эпизода для каторжнаго отдѣленія.

А вскорѣ дверь моя отворилась какъ разъ передъ прогулкой, но вмѣсто прогулки Гавриловъ пригласилъ меня собрать вещи.

— Слава-те Господи, на волю!—сказалъ онъ съ искренней радостью.

Воля для меня представилась въ видѣ двухъ бравыхъ жандармовъ, которые ждали въ конторѣ. Принимая меня изъ тюрьмы, они не были слишкомъ строги при обыскѣ моихъ вещей...

Въ послѣднюю минуту прискакалъ красивый полиціймейстеръ. Онъ опять радушно попрощался со мной и лукаво погрозилъ пальцемъ.

— Скажите, пожалуйста,—спросилъ я, обращаясь къ нему и къ смотрителю. — На какомъ основаніи вы держали меня въ военно-каторжномъ отдѣленіи?

Каменное лицо смотрителя осталось неподвижно, но полиціймейстеръ захохоталъ, закинувъ назадъ свою голову въ папахѣ.

— А что?—спросилъ онъ.—Вы находите, что видъ оттуда не обширный?

— Помилуйте, даже окно забрано досками...

— Такъ лучше, г. К., меньше видно. Мы не любимъ, когда объ насъ пишутъ, — прибавилъ онъ, многозначительно улыбаясь и пожимая мнѣ на прощаніе руку.

Я тоже невольно засмѣялся и вздохнулъ полной грудью, когда за мной щелкнули замки тяжелыхъ воротъ. У воротъ стояла тройка бойкихъ сибирскихъ лошадей. Одинъ жандармъ устроился уже въ сидѣніи, другой, по правиламъ, дожидался, пока я сяду въ середину. Ласковая, хотя и свѣжая августовская ночь приняла насъ вскорѣ въ свои владѣнія.

Мы мчались быстро и безъ остановки. Я не спалъ, любуясь то степью, то темнымъ лѣсомъ, то туманомъ надъ какой-нибудь рѣчкой, то ночнымъ перевозомъ съ заспанными фигурами перевозчиковъ, чуть видными въ темнотѣ, то тихимъ позвякиваніемъ колокольчика, которое дрожало надъ сонной рѣкой и оставалось въ бору противоположнаго берега.

Все это — и ночь, и дали, и горы, и звѣзды, и туманы — казалось мнѣ исполненнымъ невиданной прелести... Я чув-

ствовалъ себя точно вновь родившимся. и, дѣйствительно, я опять былъ—я, имярекъ, хотя на мнѣ былъ все тотъ же казакинъ чернскаго мѣщанина Ивана Иванова.

Но чернскій мѣщанинъ Иванъ Ивановъ мирно покоился у меня за спиной, все въ томъ же потайномъ карманѣ.

Вдобавокъ, жандармы сообщили мнѣ „по довѣрію“, что мой предшественникъ Ѳоминъ живъ и переведенъ въ Карійскъ. Это настоящая каторга, но все же не смерть въ одиночкѣ...

Я мчался тоже въ далекую ссылку, но что за дѣло!.. Я былъ полонъ жизни и надеждъ, неясныхъ, какъ эти дали, искрившіяся въ золотистыхъ туманахъ лунной ночи...

СЪ ДВУХЪ СТОРОНЪ.

(Разсказъ моего знакомаго).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Мнѣ шелъ двадцатый годъ. Я былъ студентомъ Петровской академіи и чувствовалъ себя необыкновенно счастливымъ.

Все изъ того времени вспоминается мнѣ какимъ-то сверкающимъ и свѣжимъ. Зданіе академіи среди парковъ и цвѣтниковъ, аудиторіи и музеи, старые „Ололыкинскіе номера“ на Выселкахъ, деревянныя дачи въ сосновыхъ рощахъ, таинственныя сходки на этихъ дачкахъ или въ Москвѣ, молодой романтизмъ и пробужденіе мысли...

Казалось,—намъ предстоитъ что-то необыкновенное... Что именно, въ точности неизвѣстно, но отъ этого всѣ станутъ окончательно счастливы...

Была также и „она“.

О любви не было еще рѣчи. Было нѣсколько сходокъ, на которыхъ она тоже присутствовала, молчаливая, въ дальнемъ уголкѣ. Я замѣтилъ ея лицо съ гладкой прической и прямымъ проборомъ, и мнѣ было пріятно, что ея глаза порой останавливались на мнѣ. Однажды, когда разбиралось какое-то столкновеніе между товарищами по кружку, и я заговорилъ по этому поводу,—я прочиталъ въ ея глазахъ согласіе и сочувствіе. Въ слѣдующій разъ, когда я пришелъ на сходку гдѣ-то на Плющихѣ, она подошла ко мнѣ первая и просто протянула руку.

— Здравствуйте...—И она назвала меня просто по фамиліи. До этихъ поръ я зналъ только ея лицо, выступавшее изъ-за другихъ въ дальнемъ углу. Теперь увидѣлъ ея фигуру. Она была высокая, съ спокойными движеньями. У нея

была пепельно-русая коса и темно-коричневое платье. Я былъ очень застѣнчивъ и робѣлъ передъ женщинами. Самъ я казался себѣ неинтереснымъ и несуразнымъ. Но на этотъ разъ я почувствовалъ какую-то особенную простоту этого привѣта и тоже тепло и просто отвѣтилъ на пожатье.

Никто насъ не знакомилъ. Но мы уже бывали вмѣстѣ послѣ собраній въ тѣсномъ дружескомъ кружкѣ, и я видѣлъ, что между нами устанавливается какая-то внутренняя близость. Вскорѣ послѣ этого она уѣхала на Волгу, гдѣ получила мѣсто кассирши на пароходѣ.

Кассировъ на свѣтѣ много, и никогда эта профессія не казалась мнѣ особенно интересной. Просто выдаетъ билеты и получаетъ деньги. Но теперь, когда я представлялъ себѣ въ этой роли высокую дѣвушку въ темномъ платьѣ съ спокойнымъ вдумчивымъ взглядомъ, съ длинной косой и кружевнымъ воротничкомъ вокругъ шеи, то эта прозаическая профессія представлялась мнѣ въ особомъ свѣтѣ. Быть можетъ, думалъ я, въ это самое время пароходъ несется по Волгѣ, и она сидитъ на палубѣ съ книгой на колѣняхъ. А мимо мелькаютъ волжскія горы.

Волги я еще ни разу не видѣлъ, но былъ влюбленъ въ нее съ юности за бурлаковъ Некрасова и за Стеньку Разина. И то обстоятельство, что она была именно на Волгѣ, казалось мнѣ особенно красивымъ и значительнымъ.

Поздней осенью она опять вернется, и опять будетъ стоять въ уголку, въ накуренной комнатѣ, и ея лицо съ пепельными волосами, закрывающими часть лба и маленькія уши (я это успѣлъ замѣтить), будетъ свѣтить мнѣ сквозь табачный дымъ и шумные споры. И я представлялъ себѣ, какъ она опять протянетъ мнѣ руку, скажетъ „здравствуйте“ и назоветъ мою фамилію. И я непремѣнно при случаѣ спрошу у нея, что она видѣла на Волгѣ...

Но въ данное время ея не было въ Москвѣ, и это не мѣшало мнѣ быть счастливымъ. Мы только что окончили практическія работы по съемкѣ, отдыхали до начала лекцій, ходили пѣшкомъ въ Москву, читали и спорили.

II.

Вспоминаю тогдашнее особенное настроеніе... Ароматъ юности.

Каждый возрастъ обладаетъ своимъ собственнымъ ароматомъ, который носится кругомъ, насыщаетъ и переполняетъ для насъ весь міръ. Въ настоящемъ мы его обыкновенно не замѣчаемъ, именно потому, что онъ составляетъ постоянную

атмосферу нашей души. Но стоитъ настоящему отодвинуться въ прошлое, стоитъ намъ войти въ другую полосу жизни, и въ памяти отлетѣвшій жизненный колоритъ выступаетъ такъ ощутительно, что мы удивляемся, какъ это мы не замѣчали тогда этой особенной атмосферы, не наслаждались ею въ свое время сознательно и полно. А потомъ и новая полоса станетъ прошлымъ, и окажется, что въ ней тоже было свое очарованіе.

Пока живо это „чувство прошлаго“ съ его радостной печалью воспоминанія,—это значитъ, что душа жива, и жизнь не потеряла своего аромата...

Въ то время каждое новое впечатлѣніе и каждая новая мысль пріобрѣтали свою особенную неповторявшуюся окраску.

Читалъ я много и усваивалъ воспріимчиво. Можетъ быть, нѣсколько односторонне... Перечитывая впослѣдствіи тѣхъ же авторовъ, я находилъ много такого, что ранѣе проглядѣлъ: за то многое, что тогда свѣтилось ярко, впослѣдствіи потускнѣло. Въ каждой книгѣ я быстро намѣчалъ выдающіеся пункты, своего рода вѣхи, на которыхъ группировались воспоминанія о прочитанномъ. Ирландцы, — говоритъ Бокль,— несвободны потому, что питаются картофелемъ. Ихъ завоеватели питаются мясомъ. Мысль, что, быть можетъ, тутъ зависимость и обратная,—ирландцы не имѣютъ возможности ѣсть мясо, потому что не свободны,—не приходила мнѣ въ голову. Выводы изъ афоризма Бокля были такъ наивно просты и такъ утѣшительны: накормите рабовъ, и они освободятся...

Другой любимый мой писатель былъ Фохтъ. Это былъ настоящій поэтъ матеріализма. Въ его зоологическихъ очеркахъ природа жила такой яркой красивой жизнью, и, кромѣ того... онъ смѣнялъ микроскопъ на ружье республиканскаго милиціонера. Переводъ этой книги, вышедшей въ 60-хъ годахъ, былъ снабженъ портретомъ автора, и подъ нимъ стоялъ девизъ: „Gegen Dummheit kämpfen Götter selbst vergebens“. Я срисовалъ портретъ и повѣсилъ у себя надъ кроватью. Къ девизу я прибавилъ цитату: „Наше время ниспровергло противоположность между вещественнымъ и нравственнымъ и не признаетъ болѣе такого дѣленія“... Точность и ясность матеріалистической мысли производила на меня впечатлѣніе прямо эстетическое. „Боги напрасно боролись съ глупостью“... Но мнѣ казалось, что это только потому, что у боговъ не было микроскопа. Фохты, вооруженные микроскопами, борются съ глупостью не напрасно. Я тогда не зналъ, что и Фохта тогда уже обвиняли въ метафизикѣ. „Мысль есть выдѣленіе мозга, какъ желчь выдѣленіе печени“. Ну, конечно... Тогда

это мнѣ казалось самоочевиднымъ и окончательнымъ. И главное, это меня необыкновенно радовало, хотя въ то же время я страстно преклонялся передъ мыслью.

Особенно усерднымъ студентомъ я не былъ, но съ увлеченіемъ слушалъ нѣкоторыхъ профессоровъ, особенно по физіологіи растеній и по зоологіи. Меня не столько интересовали при этомъ „вредители растеній“ и средства борьбы съ ними, сколько ощущенія растеній и загадочный міръ низшихъ животныхъ. Постепенно упрощаясь, животный міръ опускался въ область міра растительнаго, растительный роднился съ кристаллами. Тогда еще не былъ разрушенъ миѳъ о первичной органической матеріи Геккеля. Гдѣ-то, на недоступныхъ глубинахъ океана, залегаетъ эта первобытная слизь, въ которой среди глубокой тьмы и дремотнаго покоя творится тайна самозарожденія жизни. Меня радовало, что элементарные матеріальные процессы, суммируясь, проникаютъ въ область моего чувства и мысли. Въ этомъ я видѣлъ освобожденіе отъ всякихъ миѳологій...

Впослѣдствіи мнѣ было гораздо пріятнѣе мое сознаніе переносить на всю первобытную природу...

III.

Каникулы приходили къ концу, скоро должны были начаться лекціи. Въ воздухѣ чувствовались первыя вѣянія осени. Вода въ прудахъ потемнѣла, отяжелѣла. На клумбахъ садовники замѣняли ранніе цвѣты болѣе поздними. Съ деревьевъ кое-гдѣ срывались рано пожелтѣвшіе листья и падали на землю, мелькая, какъ червонное золото, на фонѣ темныхъ аллей. Поля тоже пожелтѣли кругомъ, и поѣзда желѣзной дороги, пролегающей въ полуторыхъ верстахъ отъ академіи, виднѣлись гораздо яснѣе и, казалось, проходили гораздо ближе, нежели лѣтомъ.

Я занималъ крайній номеръ въ верхнемъ этажѣ казеннаго зданія. Изъ моего окна была видна часть дороги. Поѣздъ выходилъ изъ-за холмовъ, потомъ опять скрывался, и только бѣлый султанъ пара несся надъ горизонтомъ. Затѣмъ онъ опять появлялся весь. Маленькіе вагоны, точно игрушки, тянулись по профилю дороги. Мнѣ видны были колеса, катившіяся по рельсамъ, и окна пассажирскихъ вагоновъ сверкали на солнцѣ. Потомъ бѣлая лента пара вдругъ разрывалась. Поѣздъ нырялъ подъ мостикъ, втягивался въ углубленіе и исчезалъ. Шумъ его стихалъ постепенно въ направленіи къ Москвѣ.

Мы съ моимъ сожителемъ Титомъ отходили отъ окна и въ

ожиданіи, пока вскипитъ казенный кубъ для чая, ложились на постели и говорили въ сумеркахъ Богъ знаетъ о чемъ, между тѣмъ какъ въ наше окно лилась съ полей вечерняя прохлада.

Или порой, передъ вечеромъ, мы отправлялись къ платформѣ желѣзной дороги, находившейся въ концѣ прямой лиственничной аллейки, встрѣчать слѣдующій поѣздъ. Курьерскіе поѣзда проносились мимо безъ остановки, пассажирскіе иной разъ останавливались, и изъ нихъ выходили служащіе, жены профессоровъ, дачники или дачницы. И мнѣ всегда казалось, что вдругъ выйдетъ кто-нибудь интересный и необыкновенный. Можетъ быть... она? Этого никакъ не могло случиться, но это не мѣшало неопредѣленному и радостному ожиданію... Рѣдкіе пассажиры уходили по аллеѣ, а мы еще оставались. Въ будкѣ сторожа вспыхивалъ огонекъ. Она была тѣсна, грязна и неудобна, и въ ней ютилась цѣлая семья. Я съ негодованіемъ и жалостью думалъ о тѣхъ, кто „заставляетъ людей жить въ такихъ ужасныхъ условіяхъ“. Но въ этихъ мысляхъ не было какъ-то ничего угнетающаго... „Мы это скоро измѣнимъ“...

И меня болѣе радовала эта перспектива свѣтлаго будущаго, ожидающаго, между прочимъ, и этого сторожа съ его семьей, чѣмъ печалило темное настоящее.

Титъ былъ практикъ и очень добрый малый. Онъ рѣдко забывалъ, отправляясь къ платформѣ, захватить кусокъ булки, нѣсколько кусковъ сахару или яблоко для дѣтей сторожа... Ихъ было много, и предстояло еще прибавленіе...

Затѣмъ въ темнотѣ мы тихо возвращались въ свой номеръ. И опять я говорилъ, а Титъ слушалъ.

Говорилось такъ хорошо... И вообще жилось недурно.

IV.

Изъ тогдашнихъ моихъ товарищей по академіи нѣкоторые пріобрѣли впослѣдствіи почетную извѣстность. И не въ одной только спеціальности: ихъ имена стали извѣстны въ разныхъ областяхъ.

Однако... если бы тогда кто-нибудь раскрылъ передо мною, выражаясь метафорически, „завѣсу будущаго“ и показалъ бы мнѣ ихъ тѣми, каковы они теперь, я былъ бы разочарованъ. Лично я не былъ ни заносчивъ, ни тщеславенъ. Я не мечталъ ни о богатствѣ, ни о карьерѣ, ни о славѣ. Вообще, право, я былъ юноша довольно скромный. Если у меня были преувеличенныя ожиданія и гордость, то относились они къ „моему поколѣнію“. Мнѣ казалось, что во всѣхъ насъ есть какіе-то зачатки, какія-то завязи новой и полной жизни.

Былъ тогда въ академіи нѣкто Урмановъ. Онъ шелъ выше меня тремя курсами, и особенной близости между нами не было. Не смотря на это, а можетъ быть именно потому, что не было близости, онъ служилъ для меня предметомъ особеннаго, отчасти романтическаго интереса. Въ то время среди студентовъ была цѣлая группа архангельцевъ. Народъ рослый, по большей части голубоглазый, флегматичный. Урмановъ былъ тоже „уроженецъ архангельскихъ тундръ". То-есть собственно родился онъ въ городѣ Архангельскѣ, въ семьѣ незначительнаго „соляного чиновника", но не походилъ на другихъ своихъ земляковъ: черноглазый, необыкновенно подвижной, онъ былъ экспансивенъ, какъ южанинъ. На сходкахъ вспыхивалъ, какъ порохъ, и быстро предлагалъ самыя крайнія мѣры. И такъ же легко остывалъ. Въ лицѣ его было что-то инородческое, но не сѣверное. Считался онъ очень способнымъ, работалъ при лабораторіи одного изъ профессоровъ. Мечты его раздваивались. Одновременно онъ увлекался революціей и готовился къ каѳедрѣ. Революціонныя увлеченія проявлялись вспышками, научныя были болѣе прочны. Другіе его земляки, поступившіе позже его, привезли съ собой изъ Архангельска необыкновенное уваженіе къ Урманову: на него еще въ гимназіи смотрѣли, какъ на будущую звѣзду.

Въ Архангельскомъ кружкѣ былъ совсѣмъ юный поэтъ, приблизительно моего возраста или немного моложе. Онъ сочинилъ длинную поэму, героемъ которой былъ Урмановъ. Поэма нѣсколько хромала относительно формы, но изобиловала картинами сѣверной природы, „бытовымъ колоритомъ" и чисто романтическимъ полетомъ. Тутъ было „низко нависшее небо", „саванъ снѣговъ", „убогіе чумы". Дымокъ печально вьется надъ задумавшейся тундрой, олени пощипываютъ мохъ, откуда-то несется горловая заунывная пѣсня самоѣда. Тундра спитъ, какъ заколдованное царство, и сквозь дремоту ждетъ чего-то... Урмановъ учится въ академіи. Вооруженный знаніями, „съ пламенной любовью къ свободѣ" онъ возвратится на свою печальную родину, отвернувшись отъ соблазновъ богатства, славы, женской любви. И тогда въ тундрѣ загорится весна, пѣсня зазвенитъ ярче, самоѣдъ проснется къ борьбѣ „за попранныя въ его лицѣ права человѣка". Урмановъ объѣзжаетъ дальнія стойбища, собираетъ вокругъ себя молодежь, говоритъ о „славномъ прошломъ отцовъ и дѣдовъ" (поэтъ предполагалъ, что было такое прошлое и у самоѣдовъ), говоритъ имъ о томъ, что въ великой Россіи народъ уже просыпается для борьбы съ рабствомъ и угнетеніемъ... Заканчивалась поэма слѣдующей эффектной картиной: сѣверное сіяніе

слабо играетъ надъ безконечной равниной. Снѣжный саванъ вспыхиваетъ кое-гдѣ огненными искрами. Скрипитъ полозъ нарты, олени бѣгутъ, пригнувъ вѣтвистые рога къ спинамъ. То гонецъ самоѣдъ съ полнымъ сознаніемъ своей миссіи везетъ пламенныя воззванія Урманова „къ великому самоѣдскому народу“. Затѣмъ слѣдовалъ апоѳеозъ братства племенъ и свободы.

Поэма требовала еще значительной отдѣлки, но уже и въ этомъ видѣ производила впечатлѣніе и доставила извѣстность въ студенческихъ кружкахъ поэту, а еще болѣе его герою. Я чувствовалъ большіе недочеты и большую наивность этой „Урманіады“, но все же Урмановъ представлялся мнѣ наиболѣе колоритной фигурой изъ всей студенческой массы, которая и вся-то казалась мнѣ замѣчательной.

V.

Каждый годъ, съ ранней весны на одной изъ дачъ поселялся отставной генералъ, который въ извѣстный часъ въ сопровожденіи лакея появлялся въ академическомъ паркѣ. Онъ старческой походкой прохаживался по главной аллеѣ, часто присаживаясь на скамьяхъ и грѣясь на солнцѣ. Губы у него были широкія, нѣсколько отвисшія и глаза чуть-чуть на выкатѣ: въ общемъ мы усматривали нѣкоторое сходство съ большой лягушкой. Мнѣ почему-то казалось, что между этой фигурой и нами долженъ существовать инстинктивный антагонизмъ. Въ его взглядахъ, которыми онъ провожалъ мелькающія мимо фигуры студентовъ, мнѣ чудилась раздражительная брюзгливость и досада. Какъ будто мы составляемъ лишь очень досадный придатокъ къ хорошему дачному мѣсту, ко всѣмъ этимъ аллеямъ и цвѣточнымъ клумбамъ. Однажды, когда я съ двумя товарищами проходилъ мимо него, не сразу замѣтивъ его присутствіе, мнѣ показалось, что онъ вдругъ сдѣлалъ какое-то рѣзкое движеніе. Толстыя губы зашевелились, и глаза выкатились, какъ будто старикъ хотѣлъ остановить насъ... Зачѣмъ?.. Можетъ быть, чтобы сдѣлать строгій выговоръ за то, что мы молоды, что мы студенты, что мы навѣрное имѣемъ „образъ мыслей“ и самымъ фактомъ своего существованія выказываемъ неуваженіе къ старымъ генераламъ. При этомъ высокій и тоже старый лакей съ военной выправкой, стоявшій сзади на вытяжкѣ, тоже, казалось, готовъ былъ двинуться за нами, исполняя какую-то генеральскую команду.

Но мы беззаботно прошли мимо. Эта полуразрушенная превосходительная фигура, въ теченіи двухъ-трехъ послѣднихъ

лѣтъ аккуратно появлявшаяся въ паркѣ, пользовалась среди студентовъ значительною, хотя и не особенно лестною популярностью. Кто-то назвалъ его генераломъ Ферапонтьевымъ, и эта вымышленная фамилія такъ и осталась за нимъ. Хотя сама по себѣ она, повидимому, не заключала ничего обиднаго, тѣмъ не менѣе употреблялась всегда съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ иронiи. Это было выраженіе безмолвнаго и безпричиннаго антагонизма, установившагося между дряхлымъ генераломъ и легкомысленною средой академической молодежи.

И вотъ, однажды разнеслась сенсаціонная новость: генералъ гуляетъ въ сопровожденіи молодой и очень хорошенькой женщины...

Какъ-то разъ, когда мы съ Титомъ шли по главной аллеѣ, генералъ дѣйствительно вышелъ изъ боковой аллеи и пошелъ навстрѣчу, опираясь на руку спутницы. Лакея не было. Пятна солнца и тѣней мелькали на сѣрой тужуркѣ генерала и на небольшой женской фигурѣ. Когда мы поровнялись съ ними, генералъ, какъ мнѣ показалось, опять выпучилъ глаза, сказалъ что-то своей спутницѣ и зашевелилъ губами. Молодая женщина вскинула пенснэ и посмотрѣла прямо на наши приближающіяся фигуры. Намъ обоимъ стало неловко подъ этимъ красиво-беззастѣнчивымъ и какъ будто изучающимъ взглядомъ. Въ немъ было что-то странное. Молодая женщина не просто смотрѣла. Казалось, она любопытно высматривала, изучала и оцѣнивала насъ съ какой-то своей точки зрѣнія. Въ первый еще разъ я позавидовалъ Титу. Онъ всегда держалъ свой костюмъ въ большомъ порядкѣ, тогда какъ я былъ въ этомъ отношеніи нѣсколько безпеченъ. Скользнувъ по моей фигурѣ взглядомъ, въ которомъ мнѣ почудилась легкая усмѣшка, она нѣсколько дольше остановила его на аккуратной фигурѣ Тита. Затѣмъ мы разминулись.

— Ну, братъ... и дамочка!..—сказалъ Титъ шопотомъ и почему-то ускоряя шагъ...—Замѣтилъ ты?.. Какъ она смотритъ?

И, отойдя незначительное разстояніе, онъ вдругъ прыснулъ своимъ звонкимъ веселымъ смѣхомъ...

— А ты, братъ, признайся, своей блузы и грязныхъ сапоговъ сконфузился. Видишь преимущества приличной внѣшности...

Я, конечно, не признался, но Титъ былъ правъ. Пренебрежительный огонекъ, мелькнувшій, какъ мнѣ показалось, въ глазахъ молодой женщины, былъ мнѣ непріятенъ. Сама она оставила во мнѣ странное впечатлѣніе: рѣзкое, не совсѣмъ пріятное, но вмѣстѣ заманчиво-дразнящее...

Я не любилъ дамъ, одѣтыхъ явно „по послѣдней модѣ", а

мода того времени внушала мнѣ негодованіе. Мнѣ кажется, мода явленіе не совсѣмъ случайное и каждая имѣетъ свое выраженіе. Соотвѣтственно съ этимъ мѣняется даже и выраженіе лицъ. Лица открытыя съ высокими лбами и прямымъ взглядомъ въ то время все чаще стали смѣняться низкими лбами, съ завитыми чолками, слегка подведенными глазами. Вмѣсто прямого и открытаго женскаго взгляда становились „модными“ взгляды наивные, безпомощные, какъ бы молящіе о пощадѣ. При этомъ низко вырѣзанные лифы и узкія платья, совершенно мѣшавшія движеніямъ... Въ то же самое время модные мужчины придавали себѣ видъ побѣдительный и наглый. Низкіе лбы, выпученные глаза: чолки на лбу; вороты рубахъ вырѣзаны широко, декольтируя шею, а отворотченные углы воротниковъ торчатъ изъ-за ушей. Пиджаки на распашку, руки за жилетомъ, походка развязная и съ развалкой. Общій видъ наглеца, отбросившаго предразсудки и не дающаго пощады.

Дѣвушка или дама, сопровождавшая „генерала Ферапонтьева“, была тоже одѣта по этой ненавистной мнѣ модѣ, съ нѣкоторой даже утрировкой. Свѣтло-сѣрое платье было очень стянуто, низкіе вырѣзы на груди и спинѣ закрыты легкимъ кружевомъ, длинный шлейфъ приходилось придерживать одной рукой. Она была маленькаго роста и казалась очень молодой, но сѣрые глаза, представлявшіеся порой то темно-голубыми, то даже черными, глядѣли изъ-подъ очень широкихъ полей шляпы такъ твердо и спокойно, что фигура не казалась незначительной. Въ этомъ взглядѣ было что-то холодное, сдержанное и какъ будто повелительное...

Черезъ нѣсколько дней я опять встрѣтилъ ее. Мнѣ приходилось принимать отъ Урманова студенческую кассу, и мы шли къ нему на Выселки по главной аллеѣ парка, когда генералъ съ молодой дамой опять вышли изъ боковой аллеи. Поровнявшись съ ними, Урмановъ не совсѣмъ рѣшительно приподнялъ шляпу. Генералъ повернулся, какъ будто съ недоумѣньемъ. Чтобы пропустить ихъ, мы съ Урмановымъ разошлись такъ, что они прошли въ серединѣ... Дама не замѣтила поклона Урманова. Оба они повернулись ко мнѣ, и опять отъ ея холоднаго пытливаго взгляда мнѣ стало неловко.

— Вы знакомы съ этой дамой?—спросилъ я у Урманова, когда мы прошли дальше.

— Д-да...—сказалъ онъ нерѣшительно, и на его впечатлительномъ лицѣ появился чуть замѣтный нервный румянецъ.— Я встрѣтилъ ее въ Москвѣ, въ домѣ профессора N. Тамъ было много народу...

И, пройдя еще нѣсколько шаговъ, онъ спросилъ:

— Нравится она вамъ?

Онъ съ любопытствомъ ждалъ моего отвѣта.

— Я не люблю такихъ лицъ,—сказалъ я.

— Какихъ?

— Холодныхъ, что ли...

— Нѣтъ... у нея лицо не холодное,—произнесъ Урмановъ задумчиво.

— И при томъ, — продолжалъ я, — я не люблю еще модницъ.

— Она и не модница,—продолжалъ Урмановъ съ тѣмъ же выраженіемъ. — У профессора N. она была одѣта совсѣмъ просто...

— Но теперь не просто... Даже шляпа въ какихъ-то висюлькахъ... А вамъ она нравится? — спросилъ я въ свою очередь.

— Нравится,—просто сказалъ Урмановъ.—Она оригинальная, не похожая на другихъ... Я не люблю стриженыхъ.

Дѣвушка, уѣхавшая на Волгу, не была стриженая, но это замѣчаніе Урманова прозвучало для меня непріятно.

— Стриженая лучше щеголихъ,—возразилъ я.

Урмановъ все съ тѣмъ же нѣсколько задумчивымъ видомъ, глядя куда-то въ сторону, отвѣтилъ:

— Она не щеголиха и не нигилистка. Это модное платье... Это она для отца. Она—дочь стараго генерала...

Это показалось мнѣ почему-то неожиданнымъ, но я тотчасъ же рѣшилъ, что это такъ и должно быть...

— Генеральская дочка, — сказалъ я съ ироніей...—Оно и видно.

Урмановъ живо поднялъ голову.

— Нѣтъ, послушайте, Потаповъ. Вы ошибаетесь,—сказалъ онъ.—Она не просто генеральская дочка... Ея исторія—особенная... Только, пожалуйста, пусть это останется между нами. Я слышалъ все это отъ жены профессора N. и не хотѣлъ бы, чтобы это распространилось среди студентовъ. Она дѣйствительно дочь Ферапонтьева... То есть собственно онъ не Ферапонтьевъ, а Салмановъ... Но она—американка...

— Какъ же это?—удивился я.

— Да... Это, конечно, оригинально. Она совершенно разошлась съ отцомъ въ убѣжденіяхъ, сошлась съ однимъ господиномъ, тоже отказавшимся отъ аристократическихъ предразсудковъ, и оба они уѣхали въ Америку. Онъ основалъ какую-то контору въ Бостонѣ... Что-то такое... какія-то изобрѣтенія... Но дѣло собственно не въ конторѣ самой по себѣ...

У нихъ какія-то общія цѣли, какая-то идея, для которой прежде всего нужны средства... Вообще, подробностей я не знаю... Сначала дѣла шли хорошо, потомъ вышли неудачи. Дѣло полетитъ къ чорту, если не удастся достать денегъ...

— У отца?

— Да. Только ужъ это совсѣмъ между нами... Собственно деньги у нея есть... Свои собственныя, по завѣщанію матери. Но завѣщаніе какъ-то тамъ обусловлено по настоянію генерала: деньги дочь получитъ по его личному распоряженію, или въ случаѣ его смерти... или наконецъ... свинья этакая!— по вступленіи въ законный бракъ въ Россіи.

— Что-жъ? Почему ей не выйти здѣсь за этого американца?

— Нельзя,—отвѣтилъ Урмановъ, задумчиво ломая мимоходомъ зеленую вѣтку.—Онъ уже женатъ. Давайте присядемъ. Съ дѣломъ еще поспѣемъ.

Мы были въ концѣ аллеи и усѣлись въ тѣни на скамейкѣ. Въ другомъ концѣ дорожки генералъ съ дочерью повернули обратно, и опять пятна свѣта мелькали на сѣрой тужуркѣ генерала и на свѣтлой дамской фигурѣ... Они тихо приближались къ нашему концу.

Я нѣсколько пожалѣлъ, что мы остановились на ихъ дорогѣ... Я зналъ, что мнѣ опять придется выдержать испытующій взглядъ молодой женщины и укорять себя въ малодушномъ стыдѣ изъ-за своихъ запыленныхъ сапогъ и блузы. Мнѣ показалось, что Урмановъ, наоборотъ, остановился нарочно, въ надеждѣ на эту новую встрѣчу съ „оригинальной американкой“. Онъ перемѣнилъ тему разговора: заговорилъ вдругъ довольно оживленно о кассѣ, о томъ, что онъ уже не считаетъ себя студентомъ, что поэтому счелъ нужнымъ отказаться отъ веденія кассы, но что товарищескія дѣла его все-таки интересуютъ. Я отвѣчалъ, но чувствовалъ при этомъ, что оба мы говоримъ не такъ, какъ говорили бы, если бы изъ зеленой мглы аллей не подвигалась эта пара: генералъ и его дочь.

Разстояніе, между тѣмъ, уменьшалось... И, по мѣрѣ того, какъ оно уменьшалось, мною овладѣвало странное ощущеніе. Я, не глядя на идущихъ, чувствовалъ ихъ приближеніе, чувствовалъ пятна свѣта и зеленыхъ тѣней, пестрѣвшія на свѣтло-сѣромъ платьѣ... Скоро ли они пройдутъ мимо? Кажется, я уже слышу шуршаніе шаговъ... Она опять будетъ разсматривать меня черезъ свою лорнетку? Какіе у нея глаза?.. Холодные, свѣтло-сѣрые? Или совсѣмъ глубокіе темные?.. Урмановъ тоже безпокоится?.. Что онъ говоритъ? Во всякомъ

случаѣ онъ не думаетъ о томъ, что говоритъ. Онъ думаетъ о томъ, что она не замѣтила его поклона и... и слѣдуетъ ли ему опять поклониться или не слѣдуетъ...

Шаги зашуршали совсѣмъ близко. И вдругъ, не подымая глазъ, я увидѣлъ, что бѣлое дамское платье и сѣрая тужурка генерала поворачиваются къ намъ. Я подумалъ, что они хотятъ сѣсть, и смущенно подвинулся. Урмановъ приподнялся и сдѣлалъ два-три шага навстрѣчу. Генералъ остановился, дама, оставивъ его руку, шла дальше, прямо къ нашей скамьѣ. Кивнувъ Урманову головой, она прошла мимо него. Значитъ... ко мнѣ?

Я поднялъ глаза. Небольшая фигурка вынырнула вся въ освѣщенномъ мѣстѣ и опять ступила въ тѣнь... Теперь она была совсѣмъ близко, и я видѣлъ одно ея лицо, вѣрнѣе, одни ея глаза. Подъ широкими полями шляпы колебались на шелковинкахъ небольшіе бѣлые шарики и изъ-за нихъ глядѣли два совершенно темныхъ женскихъ глаза, живые и глубокіе, устремленные прямо на меня. Я уже сказалъ, что былъ очень застѣнчивъ, и невольно потупился... Шелковое платье... лорнетка на шнуркѣ... маленькая свѣтлая туфля съ высокимъ каблукомъ—все это остановилось совсѣмъ близко...

— Извините... господинъ студентъ, — услышалъ я ея голосъ и поднялъ глаза.

Моя застѣнчивость очевидно поставила ее въ нѣкоторое затрудненіе. На одно мгновеніе она казалась тоже смущенной, и это удивительно измѣнило ея лицо. Оно было мягче, женственнѣе и лучше... Но затѣмъ на немъ опять проступила самоувѣренность. Глаза посвѣтлѣли: на губахъ пробѣжала усмѣшка.

— Извините, что мнѣ приходится вывести васъ изъ вашей задумчивости... — сказала она съ веселой ироническою ноткой въ голосѣ. — Мой отецъ очень интересуется знать... Ваша фамилія не Ѳедотовъ?

И она посмотрѣла мнѣ прямо въ лицо, ожидая отвѣта, который очевидно долженъ былъ интересовать только генерала, а не ее. Глаза ея были теперь совершенно сѣрые, холодные, чуть-чуть насмѣшливые. И мнѣ показалось, что въ нихъ я читаю фразу: „какой ты еще зеленый“.

— Нѣтъ, — отвѣтилъ я на вопросъ. — Моя фамилія Потаповъ. Но у меня есть дядя, братъ моей матери... дѣйствительно... Ѳедотовъ.

— Слышишь, папа?—обернулась она къ отцу и, подойдя близко, крикнула ему въ ухо.—У мосье есть дядя Ѳедотовъ...

Генералъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, и на лицѣ его про-

ступила та самая гримаса, которая показалась мнѣ такой презрительной и непріятной. Но теперь она мнѣ такой уже не казалась...

— Степанъ Ильичъ?.. Гусаръ?— спросилъ онъ быстро.

— Да, Степанъ Ильичъ Ѳедотовъ и, кажется, гусаръ.

— Другъ мой... Товарищъ дѣтства... Давно смотрю на васъ... Весь въ дядю... Позвольте пожать руку...

Я смущенно протянулъ руку, и генералъ слабо пожалъ ее мягкой дряблой рукой...

— Это вотъ моя дочь... Валя,—это племянникъ моего лучшаго друга...

Дама тоже протянула руку, и ея взглядъ повернулся къ Урманову, который стоялъ рядомъ нѣмымъ свидѣтелемъ этой сцены... Онъ слегка наклонился, и его вѣжливая сдержанность показалась мнѣ очень изящной и красивой.

— Я имѣлъ удовольствіе встрѣчать васъ у...—началъ онъ...

Въ глазахъ молодой женщины мелькнулъ легкій испугъ, потомъ они стали холодны и строги... Она сказала негромко, быстро и съ такимъ выраженіемъ, какъ будто просто знакомилась съ случайно встрѣченнымъ человѣкомъ...

— При отцѣ не надо упоминать фамиліи профессора N. и особенно его жены; на этотъ разъ папа не разслышалъ. Не удивляйтесь, господа... У меня есть свои, очень уважительныя причины...

— Я ихъ знаю,— тихо сказалъ Урмановъ.

Лицо ея дрогнуло и поблѣднѣло. Она кинула быстрый взглядъ снизу вверхъ, немного испуганный, спрашивающій, просящій. Онъ мелькнулъ, какъ темная зарница, и лицо ея при этомъ опять совершенно измѣнилось. Въ немъ не было ни холодности, ни самоувѣренности, и глаза были не свѣтло-сѣрые, а глубокіе и темные.

Затѣмъ она быстро повернулась къ отцу.

— Папа! Я тоже встрѣтила неожиданно брата моей близкой подруги... Позволь представить тебѣ... Это м-сье...

Она быстро, вопросительно и нетерпѣливо взглянула на Урманова и повторила за нимъ:

— М-сье Урмановъ... Урмановъ, папа... Я отъ твоего имени приглашаю г-на Потапова и г-на Урманова къ намъ.

— Да, да, да...—сказалъ генералъ быстро.—Конечно, молодой человѣкъ, навѣстите старика... Какъ же, какъ же... Ѳедотовъ... Однокашники...

— Папа! И г-на Урманова ты вѣдь приглашаешь тоже?

— Да-да... И вы тоже... господинъ Урмановъ?.. Урманова

у насъ не было... Былъ Гурьяновъ... Но, конечно... да, да... Приходите и вы вмѣстѣ съ Ѳедотовымъ...

— Потаповымъ, папа...

— Что? А? Онъ Потаповъ?.. Да, да! Ѳедотовъ—это его дядя. И онъ весь въ дядю... А Потаповъ?.. Постойте. Да вѣдь я знаю и Потапова. У него была дочка красавица... Что?.. Какъ?.. Это твоя мать?.. Ахъ, милый мой мальчикъ... Ну, постой. Я тебя поцѣлую... Дай посмотрѣть... Молодецъ! Хоть въ гвардію... Жаль, что не пошелъ по военной... Ну, ничего!

Онъ снисходительно потрепалъ меня по плечу и, видимо, былъ не прочь предаться дальнѣйшимъ воспоминаніямъ... Но дочь твердо прекратила его изліянія. Она взяла отца подъ руку и сказала громко:

— Итакъ, господа, отецъ будетъ ждать васъ запросто, въ 8 часовъ вечера, въ четвергъ... Дача такая-то... Это на шоссе. Слышишь, папа, эти господа будутъ у насъ вечеромъ въ четвергъ.

И, кивнувъ намъ головой, она повела старика вдоль аллеи по направленію къ академіи...

VI.

Мы съ Урмановымъ свернули по дорожкѣ надъ прудомъ, направляясь по плотинѣ. Урмановъ нѣкоторое время шелъ молча, улыбаясь про себя. Онъ то бралъ меня подъ руку, то кидалъ ее. Вдругъ, остановившись на дорожкѣ, онъ спросилъ:

— Ну, что скажете теперь, Потаповъ? Какова американка? И теперь она вамъ не нравится?

Мои впечатлѣнія были довольно сильны, но не вполнѣ опредѣленны, и я отвѣтилъ искренно:

— Не знаю... Я какъ-то не понимаю ее.

Онъ громко засмѣялся.

— Молоды вы еще, Потаповъ, оттого и не понимаете. Уди-ви-тельная, прямо удивительная женщина. Какъ она ведетъ свою линію! Замѣчательно! Умна, какъ бѣсенокъ, тверда, какъ Наполеонъ... Хороша, какъ... Замѣтили вы ея взглядъ?

— Холодный и... властный...

— Нѣтъ... Впрочемъ, да! Одинъ холодный и властный. Это правда. А другой? Глубокій, женственный, просящій. Чортъ возьми! Понимаете ли вы, Потаповъ, что за такой взглядъ можно отдать жизнь... Или вы и этого еще не понимаете?.. Ха-ха-ха...

Я былъ очень молодъ и во многихъ отношеніяхъ чувство-

валъ себя еще почти мальчикомъ. Мнѣ было лестно, что у меня съ Урмановымъ идетъ такой разговоръ, но вмѣстѣ съ тѣмъ у меня „были твердые взгляды“... И я отвѣтилъ:

— Есть много задачъ, которымъ можно посвятить жизнь гораздо болѣе производительно...

— Да, да, конечно, конечно...—отвѣтилъ Урмановъ разсѣянно и затѣмъ прибавилъ:

— И что это, чортъ возьми, за американецъ такой, хотѣлъ бы я знать.

Черезъ полчаса, покончивъ несложное дѣло съ студенческой кассой, я опять возвращался паркомъ. Я былъ необыкновенно доволенъ своимъ настоящимъ вообще и нынѣшнимъ днемъ въ частности. Все было интересно и прекрасно. Такъ еще недавно я былъ школьникъ въ захолустномъ городѣ. Иногда мнѣ казалось, что я совсѣмъ взрослый, что я сталъ взрослымъ еще въ гимназіи, когда сталъ читать умныя книги и „вырабатывать убѣжденія“. Въ другія минуты, наоборотъ, я все еще чувствовалъ себя мальчикомъ. Это были какъ бы рецидивы дѣтства, и они меня очень огорчали. Сегодня я былъ рѣшительно взрослый, серьезный молодой человѣкъ. Со мной познакомилась „американка“. Я знаю ея интересную тайну, которая касается „фиктивнаго брака“. Урмановъ говорилъ со мной почти какъ съ сверстникомъ... Открылъ передо мной уголокъ своей души... Правда, воспоминаніе о той минутѣ, когда ко мнѣ подошла „американка“, не доставляло мнѣ ни малѣйшаго удовольствія. Я велъ себя, какъ самый зеленый гимназистъ... Мнѣ надо было подняться навстрѣчу неторопливо и свободно, съ той изящной сдержанностью, какъ Урмановъ... На вопросъ отвѣтить такъ-то... Генералу теперь я бы сказалъ...

Однимъ словомъ, я прошелъ всю аллею и велъ въ воображеніи интереснѣйшій разговоръ, какъ вдругъ уже у самой академіи услышалъ нервный стукъ шаговъ по камню и надъ балюстрадой, отдѣлявшей академическую площадку отъ парка, увидѣлъ голову американки. Послѣ прогулокъ съ отцомъ, которыя имѣли характеръ какихъ-то парадныхъ выходовъ, она повременамъ выходила одна, чтобы подышать на свободѣ. Она вышла изъ-за балюстрады и стала спускаться по широкой каменной лѣстницѣ. Молодая женщина была одѣта просто, въ темное платье, и ея каблуки твердо и быстро стучали по камню...

Всѣ мои умные разговоры сразу вспорхнули, какъ стая испуганныхъ воробьевъ, и я опять почувствовалъ себя совершенно безпомощнымъ, если бы она захотѣла подойти ко мнѣ.

Поэтому я свернулъ въ сторону и сѣлъ на скамейку подъ нависшими вѣтвями. Она меня не замѣтила и, обойдя клумбу другой стороной, тоже сѣла на скамью. Вынувъ изъ красивой сумочки письмо въ очень большомъ конвертѣ, она нетерпѣливо разорвала его и стала читать при наступающемъ легкомъ сумракѣ.

Дочитавъ, она нервно смяла конвертъ и спрятала въ сумочку. Нѣкоторое время она смотрѣла прямо передъ собой, и брови ея были сжаты. Лицо казалось мнѣ сухимъ, энергичнымъ и опечаленнымъ. Вдругъ, рѣзко поднявшись, она пошла по главной аллеѣ... Черезъ минуту, поднявшись въ свою очередь, я увидѣлъ ее уже далеко... Мнѣ инстинктивно захотѣлось пойти за ней... Это было невольное участіе и любопытство. Но я, конечно, не пошелъ... Долго вечеромъ въ моемъ воображеніи стояла одинокая фигура опечаленной американки въ темнѣющихъ аллеяхъ. „Должно быть, дурныя вѣсти изъ Америки“—подумалъ я...

Черезъ два дня, заглянувъ въ вестибюль академіи, гдѣ обыкновенно выставлялись письма, получаемыя на имя студентовъ и профессоровъ, я увидѣлъ небольшой конвертъ съ моимъ адресомъ. Въ немъ было написанное твердымъ круглымъ почеркомъ приглашеніе:

„Генералъ Григорій Николаевичъ Салмановъ, свидѣтельствуя свое почтеніе Гавріилу Петровичу Потапову, напоминаетъ объ его обѣщаніи посѣтить его въ четвергъ такого-то числа, дача такая-то. Валентина С.“ И внизу болѣе торопливымъ почеркомъ было прибавлено: „Ждемъ запросто къ чаю. Валентина Салманова“.

Я взглянулъ на витрину. Точь въ точь такой же конвертъ былъ адресованъ Урманову.

Съ помощью Тита, который отнесся съ нѣсколько ироническимъ интересомъ къ моему новому знакомству, мнѣ удалось придать себѣ довольно приличный видъ, и ровно въ 8 часовъ я встрѣтился съ Урмановымъ у генеральской калитки. Титъ, послѣдовавшій за мной на нѣкоторомъ разстояніи, прошелъ мимо и скроилъ уморительную гримасу, отчего мнѣ стало неловко и смѣшно. Я готовъ былъ вернуться, но было поздно: камердинеръ съ военной выправкой уже почтительно открылъ дверь, и мы вошли...

Когда я вернулся въ двѣнадцатомъ часу въ нашъ общій номеръ, Титъ опять прыснулъ и сталъ разспрашивать: „Ну, что? Какъ сошелъ парадный визитъ? Какъ генералъ? Чѣмъ угощали? О чемъ говорили?.. Отчего у тебя кислый видъ?..“ Я долженъ былъ признаться, что вечеръ прошелъ для меня

довольно скучно. Старый генералъ былъ привѣтливъ, даже слишкомъ. Онъ завладѣлъ мною цѣликомъ, много разспрашивалъ о дядѣ и отцѣ, разсказывалъ военные анекдоты и въ заключеніе усадилъ играть въ шахматы.

— Пойдешь еще?—спросилъ Титъ, смѣясь.

— Старикъ взялъ съ меня слово,—отвѣтилъ я съ кислымъ видомъ, снимая съ себя парадный черный сюртукъ Тита.

Титъ посмотрѣлъ на меня и видимо хотѣлъ что-то сказать. Я былъ очень друженъ съ Титомъ, и до сихъ поръ у меня не было съ нимъ никакихъ тайнъ. Но теперь мнѣ пришлось бы умолчать о томъ, что Урмановъ весь вечеръ провелъ съ „американкой“, что, кромѣ насъ, былъ какой-то еще молодой человѣкъ аристократической наружности, другъ дѣтства Валентины Григорьевны, и что, пока я игралъ съ генераломъ въ шахматы, они втроемъ вели въ другой комнатѣ какой-то очень оживленный конспиративный разговоръ. Генералъ былъ глуховатъ... Мнѣ казалось, что я въ этотъ вечеръ игралъ роль ширмы, не очень лестную для моего самолюбія.

Вообще разговаривать съ Титомъ мнѣ этотъ разъ не хотѣлось...

VII.

Черезъ нѣсколько дней, послѣ нѣсколькихъ еще болѣе или менѣе случайныхъ встрѣчъ въ паркѣ, вышло какъ-то такъ, что я сталъ на генеральской дачѣ почти своимъ человѣкомъ. Старикъ приглашалъ такъ радушно и настойчиво, что было неловко отказываться. При этомъ Валентина Григорьевна смотрѣла на меня своими „темными“ просящими глазами, и я готовъ былъ согласиться съ Урмановымъ, что противъ *этого* ея взгляда устоять довольно трудно. Впрочемъ, я въ сущности ничего не имѣлъ противъ того, чтобы слегка участвовать, хотя бы и косвенно, въ „американскихъ дѣлахъ“ и устройствѣ „фиктивнаго брака“... Со мной приходилъ и Урмановъ.

Свободнаго времени у меня было много. Лекціи еще не начинались. Физическая усталость отъ лѣтнихъ практическихъ работъ прошла, и я не зналъ порой, куда мнѣ дѣваться отъ этой прекрасной осени, отъ своего досуга и отъ того смутнаго, пріятнаго и вмѣстѣ томительнаго ощущенія, которое искало формы, тревожило и гнало куда-то, къ невѣдомымъ опытамъ и приключеніямъ.

Въ такомъ настроеніи цѣлыми часами я бродилъ по закоулкамъ парка, вглядываясь въ затянутыя легкой дымкой чащи, просиживалъ съ книгой у грота Иванова, стараясь

разгадать мрачную драму нечаевскаго дѣла, или шелъ къ желѣзной дорогѣ встрѣчать передъ вечеромъ пассажирскій поѣздъ...

Къ платформѣ вела аллейка, прямая, какъ стрѣла, обсаженная въ два ряда лиственницами, окаймлявшими боковыя дорожки. Издали вся дорога казалась сплошнымъ зеленымъ валомъ. Стоило пройти по ней нѣсколько саженей, и тотчасъ же зелень скрывала академію, казенныя зданія, ферму. Спереди и сзади виднѣлся только зеленый корридоръ, усыпанный щебнемъ и начинавшею опадать лиственничной хвоей. Лучи солнца играли переливами на щебнѣ, на зелени, на стволахъ. Мягко и сочно шелестѣли мохнатыя вѣтки, сильно уже тронутыя, точно золотомъ, краснотой осени. Здѣсь я чувствовалъ себя совершенно уединеннымъ и охотно давалъ волю смутнымъ ощущеніямъ, которыя распускались въ душѣ безъ помѣхи. Все, о чемъ такъ хорошо думалось и мечталось въ другія минуты, тутъ, казалось, сливается въ одинъ стройный хоръ ощущеній... молодость, ожиданіе, сила!.. А лучи сквозятъ и шевелятся и вблизи, и вдали, по аллеѣ, такъ безшумно, точно это тоже мечта. И чудится, будто что-то или кто-то мелькаетъ въ далекой перспективѣ, среди этой подвижной свѣтотѣни...

Подойдя однажды къ платформѣ, я увидѣлъ на ней Урманова. Онъ стоялъ на краю и смотрѣлъ по направленію къ Москвѣ. Полотно дороги лежало между откосами насыпи, пустынное, съ двумя парами рельсовъ и линіей телеграфныхъ столбовъ. Взглядъ убѣгалъ далеко впередъ, за этими съуживающимися полосками, которыя терялись вдали, и надъ ними вился тотъ дымокъ или туманъ, по которому узнается присутствіе невиднаго большого и шумнаго города.

— Что, виденъ поѣздъ? — спросилъ у меня Урмановъ. — У васъ глаза хорошіе.

— Нѣтъ, не видать.

— А что это тамъ... какъ будто?..

Эта узкая даль съ дымкой на горизонтѣ обманчива: если въ нее вглядываться съ ожиданіемъ, она начинаетъ шевелиться, и изъ нея развертываются какія-то очертанія, пятна, предметы. Но я никого не ждалъ и потому отвѣтилъ равнодушно:

— Это дымъ и туманы Москвы. А вы, видно, ждете кого-нибудь...

— Нѣтъ, я такъ... То-есть, собственно говоря... Да, жду. Онъ неловко замялся и заговорилъ о другомъ.

Разговоръ у насъ не клеился. Урмановъ нетерпѣливо ша-

галъ по платформѣ и то и дѣло взглядывалъ на дорогу. Наконецъ, поѣздъ появился темной точкой въ колеблющейся дымкѣ; точка эта исчезла, опять возникла и стала расти. Когда поѣздъ былъ близко, сбоку появилась рука кондуктора съ флагомъ, которымъ онъ махалъ машинисту. Значитъ, предстояла остановка у платформы... Надвинулся локомотивъ, стуча и громыхая, прошелъ тендеръ, багажный вагонъ, еще два-три вагона. Потомъ вся эта громада, завладѣвшая тихою за минуту дорогою, остановилась, качнулась назадъ, заскрежетала, и изъ нея легко выпрыгнула Валентина Григорьевна Салманова. Въ теченіи нѣсколькихъ дней ея не было видно: генералъ гулялъ по парку въ сопровожденіи лакея съ военной выправкой.

Она остановилась и посмотрѣла на насъ обоихъ.

Потомъ быстро подошла ко мнѣ, протягивая руку... Глаза ея были совсѣмъ темные.

— Такъ значитъ, — начала она... — Господинъ Урмановъ уже сказалъ вамъ?..

Но въ это время Урмановъ торопливо подошелъ къ намъ... Мнѣ показалось, что онъ нѣсколько смущенъ.

— Нѣтъ,—я еще ничего не говорилъ Потапову... Въ этомъ не было надобности, такъ какъ... Есть нѣкоторыя неудобства, которыя...

Она посмотрѣла на него задумчиво и сказала серьезно и нѣсколько холодно:

— Но вы знаете... есть неудобства и съ другой стороны... Вы это обдумали?

— Да,—отвѣтилъ Урмановъ, и затѣмъ прибавилъ какъ-то значительно:—Да, Валентина Григорьевна, я все рѣшительно обдумалъ.

„Все рѣшительно“ онъ сказалъ съ натискомъ.

Мнѣ показалось, что въ голосѣ его слышится странное волненіе. Молодая женщина кинула на него быстрый взглядъ, брови ея сдвинулись, и нѣсколько секундъ она обдумывала что-то, чертя концомъ зонтика по платформѣ... Потомъ она подняла голову, посмотрѣла мнѣ прямо въ лицо и сказала:

— Послушайте, Потаповъ... Господинъ Урмановъ долженъ былъ переговорить съ вами... Онъ обѣщалъ мнѣ это, но... не исполнилъ обѣщанія. Поэтому я должна теперь говорить съ вами безъ приготовленій... Вы знаете, что такое фиктивный бракъ? Знаете? Хорошо. У меня мало времени... Пойдемъ дальше. Вамъ уже исполнился 21 годъ? Нѣтъ? Это досадно, ну... Это можно уладить... Жениться вы, навѣрное, еще не собираетесь? Не думаете совсѣмъ? Ну, за это поручиться

нельзя, но во всякомъ случаѣ едва ли раньше, скажемъ... пяти лѣтъ. Такъ?.. Не правда ли?.. Теперь, самое существенное. Слушайте, очень важныя причины заставляютъ меня прибѣгнуть къ фиктивному браку... Мнѣ нельзя ждать и двухъ недѣль, можетъ быть, нельзя даже и этого.

По лицу ея прошла гримаса нетерпѣнія и боли, но она тотчасъ же подавила ее и посмотрѣла на меня снизу вверхъ съ улыбкой. Глаза ея мерцали темными огоньками...

— Что, если бы... Если бы вы согласились въ эту недѣлю влюбиться въ меня, а на слѣдующей недѣлѣ попросили у генерала моей руки?.. Постойте... Онъ почти навѣрное согласится. Онъ только и говоритъ о томъ, какъ вы напоминаете его друга... И... и... однимъ словомъ,—вы его слабость...

Она говорила быстро, сдерживая волненіе, и потомъ опять посмотрѣла на меня тѣмъ темнымъ мерцающимъ взглядомъ, который я замѣтилъ еще въ первую нашу встрѣчу въ паркѣ. Только тамъ это была безпредметная боязнь, безпомощность, исканіе опоры, ни къ кому не обращенная просьба... Теперь этимъ взглядомъ она смотрѣла прямо на меня...

Это было такъ неожиданно, что я совершенно смутился. Я долженъ жениться?.. Сейчасъ?.. Черезъ двѣ недѣли?.. Что скажутъ родители?.. Придется, конечно, безъ спросу... Потомъ я объясню матери... Отецъ, можетъ быть, будетъ даже радъ, но... но вѣдь это только фиктивно... Придется объяснять и это... Не пойметъ... разсердится... Ну... я не мальчикъ и имѣю право располагать собой... Осенью пріѣдетъ дѣву шка съ Волги... Узнаетъ новость... „Потаповъ женился“... Ей тоже можно будетъ объяснить... Ну, да, конечно...

Все это вихремъ пронеслось въ моей головѣ, и мнѣ кажется, я готовъ былъ согласиться, но... пока я молчалъ,—вѣроятно у меня былъ очень смѣшной и жалкій видъ. Ея глаза, смотрѣвшіе съ жгучимъ ожиданіемъ, вдругъ измѣнили свое выраженіе, и Валентина Григорьевна засмѣялась... Смѣхъ былъ веселый, громкій и беззаботный.

— Бѣдный Потаповъ... Какъ онъ испугался,—сказала она какъ-то особенно ласково...—Не бойтесь, не бойтесь,—мы васъ не женимъ такъ вдругъ... и безъ вашего желанія... Я только хочу сказать вамъ...

Лицо ея опять стало серьезно и холодно...

— Что жертва, которую я хотѣла просить у васъ... Конечно, она велика, но не такъ, какъ кажется съ перваго взгляда. По нашимъ законамъ, продолжительная безвѣстная отлучка одного изъ супруговъ снимаетъ съ другого всякія обязательства. А я мѣсяца черезъ два уѣду въ Америку,

и тамъ у меня другая фамилія. Ну, да это дѣло конченное...

Она повернулась къ Урманову и взяла его подъ руку.

— Простите,—сказала она мягко,—вы совершенно правы... Это нельзя... Значитъ?..

Она вздохнула и нѣсколько секундъ опять, сдвинувъ брови, чертила что-то концомъ зонтика. Мы всѣ трое стояли эти нѣсколько секундъ неподвижно на пустой темнѣющей платформѣ. Потомъ она подняла голову и сказала:

— Мнѣ остается только одно... Вамъ. Урмановъ, извѣстно все?.. Все предусмотрѣно?.. Вы все взвѣсили?.. Вы не мальчикъ, а мужчина... Итакъ?..

— Да, — сказалъ Урмановъ кратко. И они двинулись по тропинкѣ.

Можетъ быть, это опять предчувствіе заднимъ числомъ... Можетъ быть, мнѣ просто хотѣлось разыграть самому интересную роль участника въ фиктивномъ бракѣ, только что-то будто толкнуло меня, и я сказалъ:

— Валентина Григорьевна... Все это такъ неожиданно... застигло меня врасплохъ... Теперь я обдумалъ и согласенъ.

Она оглянулась на меня и ласково кивнула головой:

— Я знаю, знаю... Но... это дѣло конченное... Пожалуйста... приходите къ намъ почаще. Это мнѣ важно.

И они быстро поднялись на холмикъ и вошли въ лиственничную аллейку. Урмановъ шелъ радостный, прямой и стройный. Она почти повисла у него на рукѣ, маленькая, живая и гибкая, какъ змѣйка...

Я еще нѣкоторое время оставался на платформѣ.

Спускались сумерки. По линіи, въ направленіи къ Москвѣ, виднѣлись огоньки. Цѣлое созвѣздіе огоньковъ мерцало неопредѣленно и смутно. Одинъ передвигался,—это шелъ товарный поѣздъ. Беременная сторожиха выползла изъ будки. Больной ребенокъ былъ у нея на одной рукѣ, сигнальный фонарь въ другой... Заговорили рельсы, тихо, тонко, чуть слышно, какъ будто что-то переливалось подъ землей. Потомъ это перешло въ клокотаніе, и черезъ двѣ минуты тяжелый поѣздъ прогромыхалъ мимо платформы.

Баба ушла въ будку. Тусклымъ свѣтлякомъ приползъ сторожъ, возвращавшійся съ линіи. Онъ поставилъ фонарикъ на скамейку огнемъ къ стѣнкѣ и тоже скрылся въ избушкѣ. Огонь погасъ. На линіи все стихло. Только огоньки по направленію къ Москвѣ тихо мерцали, смѣшиваясь и переливаясь.

На душѣ у меня были такія же синія сумерки, пронизанныя живыми огоньками.

VIII.

Я исполнилъ просьбу Валентины Григорьевны и вскорѣ пришелъ къ генералу. По обыкновенію, мы сѣли за шахматы, но генералъ игралъ довольно разсѣянно. На веранду изъ сада поднялись Урмановъ и Валентина Григорьевна и прошли черезъ столовую во внутреннія комнаты. Оттуда послышались звуки рояля... Генералъ собрался сдѣлать ходъ, поднялъ одну фигуру и задержалъ ее въ воздухѣ. При этомъ онъ пытливо посмотрѣлъ на меня и сказалъ:

— Вотъ что... того... Вы сынъ моего друга... почти родственникъ... Скажите... вы товарищъ этого... господина Урманова?

— Онъ уже почти кончилъ курсъ, — отвѣтилъ я, — а я только перешелъ на второй...

— Да, да... конечно... Ну, все же вы знаете... Что онъ?.. Кажется, человѣкъ того...порядочный... На хорошей дорогѣ...что?

— Его оставятъ при академіи...

— Это что же значитъ?

— Онъ готовится къ профессурѣ.

Генералъ одобрительно мотнулъ головой. Звуки рояля стихли. Валентина Григорьевна заглянула въ комнату и сказала:

— Папа, чай на столѣ...

— Хорошо, мы сейчасъ кончимъ.

Онъ спустилъ фигуру, которую держалъ въ рукѣ, и сказалъ:

— Шахъ королю...

— Я возьму королеву...

Генералъ вдругъ пришелъ въ раздраженіе.

— А, чортъ... Я сдаюсь... Я сегодня не могу совсѣмъ играть. Не до игры... Такъ вы говорите?.. того... Мнѣ вѣдь не съ кѣмъ посовѣтоваться... жена умерла... Если бы у меня былъ сынъ, тогда того... было просто: опредѣлилъ въ полкъ, и конечно. А тутъ... дочь... Родныхъ никого... Ну, что толковать! Пойдемъ пить чай...

Онъ поднялся все съ тѣмъ же брюзгливымъ видомъ, и мы перешли въ столовую. Валентина Григорьевна сидѣла за самоваромъ, Урмановъ около нея. Войдя въ комнату, генералъ остановился, какъ будто собрался сказать что-то... даже лицо его настроилось на торжественный ладъ, но затѣмъ онъ нахмурился, сѣлъ къ столу и сказалъ:

— Ну, я того... согласенъ...

Всѣмъ стало вдругъ отчего-то неловко... Урмановъ поднялся съ мѣста и поклонился генералу.

— Повѣрьте, Григорій Николаевичъ,—сказалъ онъ,—что я высоко цѣню честь, которую...

Генералъ, повидимому, готовъ былъ выслушать со вниманіемъ то, что онъ хотѣлъ сказать, но Валентина Григорьевна протянула полный стаканъ и сказала Урманову:

— Передайте, пожалуйста, отцу...

И потомъ прибавила:

— Спасибо, папа... Ты знаешь, я не люблю формальностей и чувствительностей.

Генералъ разсердился... Ложечка въ его рукѣ задребезжала о края стакана.

— У насъ все не по людски... Того... сегодня я позвалъ Ѳедотовыхъ... Надо объявить... Не окруткой, того... выдаю дочь... Не кругъ ракитова куста... Прохоръ... приготовить шампанскаго...

Генералъ сердился и былъ печаленъ.

— Хорошо, папа, хорошо, — сказала Валентина Григорьевна...—Если хочешь, объявимъ...

Вскорѣ пріѣхали Ѳедотовы изъ Москвы и съ ними какой-то приличный молодой человѣкъ съ проборомъ посерединѣ головы, троюродный племянникъ генерала.

Генералъ торжественно съ бокаломъ въ рукѣ объявилъ о помолвкѣ. Всѣ поздравляли... Валентина Григорьевна принимала поздравленія очень спокойно.

Приличный молодой человѣкъ поцѣловалъ у нея руку и сказалъ что-то тихо, съ почтительнымъ и отчасти шутливымъ видомъ. Повидимому, онъ зналъ все. Урмановъ покраснѣлъ и насупился...

Вѣсть о помолвкѣ Урманова быстро распространилась въ академической средѣ. Однажды Титъ, который быстро узнавалъ всѣ новости, спросилъ меня:

— Слушай, Потапычъ, правда, что Урмановъ женится фиктивнымъ бракомъ?

Я замялся.

— Пустяки,—отвѣтилъ я съ неудовольствіемъ.—И при томъ эта болтовня можетъ повредить людямъ.

— Разсказывай,—упрямо сказалъ Титъ...—У нея мужъ въ Америкѣ...

Однако, если слухи и были, то неопредѣленные и смутные. Урмановъ держалъ себя настоящимъ женихомъ, и теперь генералъ ходилъ по парку втроемъ. А когда онъ уходилъ домой, то „женихъ съ невѣстой“ выходили еще, и долго ихъ фигуры, до позднихъ сумерокъ мелькали по аллеямъ и глухимъ тропинкамъ парка.

IX.

Вѣнчаніе происходило въ нашей церкви. Народу было немного. Нѣсколько академическихъ дамъ, женъ профессоровъ и служащихъ, нѣсколько бабъ, кучка студентовъ въ высокихъ сапогахъ и свидѣтели со стороны жениха и невѣсты. Шаферами со стороны Урманова были два студента старшихъ курсовъ, со стороны невѣсты—высокій приличный кузенъ, во фракѣ. Онъ пріѣхалъ въ сопровожденіи двухъ молодыхъ дѣвушекъ, подружекъ невѣсты. Это были видимо люди ея прежняго круга, и приглашеніе ихъ было уступкой генералу. Они держались съ приличной степенью радушья, и во взглядахъ, какіе порой молодыя дѣвушки кидали на жениха и шаферовъ, сквозило любопытство. Вторымъ шаферомъ невѣсты былъ я, но мнѣ не пришлось играть никакой роли. Приличный молодой человѣкъ держалъ вѣнецъ, а я стоялъ съ Титомъ поодаль...

Вѣнчалъ академическій священникъ, профессоръ богословія, человѣкъ умный и краснорѣчивый. На своихъ лекціяхъ онъ любилъ упоминать Конта и Дарвина, и его проповѣди славились въ Москвѣ. Человѣкъ опытный и тактичный, онъ чувствовалъ, что не нужно излишней торжественности, и служилъ кратко. Обращаясь къ жениху и невѣстѣ съ нѣсколькими словами, онъ все же сказалъ ихъ съ нѣкоторой теплотой и въ мѣру эффектно. Въ одномъ мѣстѣ голосъ его даже слегка дрогнулъ (мы знали эту ноту по патетическимъ заключеніямъ лекцій). Урмановъ показался мнѣ при этомъ взволнованнымъ. Лицо Валентины Григорьевны было спокойно и холодно. Когда ихъ водили вокругъ аналоя, одинъ изъ шаферовъ, студентъ, наступилъ ей на шлейфъ. Она слегка повернулась и стала ждать. Но тотъ не замѣтилъ.

— Вы мнѣ оборвете платье,—сказала она, спокойно улыбаясь.

Когда все кончилось, и мы выходили изъ церкви, я услышалъ фразу, тихо произнесенную однимъ изъ студентовъ товарищу:

— Бѣдняга Урмановъ по уши влюбленъ въ свою жену...

— Почему же бѣдняга?—спросилъ другой...—Дай Богъ всякому.

— Но... если это... фикція?..

— Ну, это пустое.

И уже на паперти студентъ наклонился къ товарищу и докончилъ:

— Случилось мнѣ невзначай натолкнуться на нихъ въ паркѣ... Нѣтъ батюшка, едва ли это фикція... А если и на-

чивалось фикціей, то, кажется, у Урманова есть большіе шансы.

Послѣ вѣнчанія въ генеральской квартирѣ приличный кузенъ сказалъ нѣсколько словъ, которыя очень понравились генералу. Это было умно, и въ словахъ слышался тонкій намекъ дружеской ироніи, понятной только посвященнымъ. Когда Валентина Григорьевна вышла, переодѣтая, изъ своей комнаты, онъ подошелъ къ ней съ бокаломъ и опять сказалъ ей тихонько что-то шутливо интимное. Валентина Григорьевна такъ же шутливо ударила его лорнеткой по рукѣ... Урмановъ, разговаривавшій въ это время съ товарищемъ, смотрѣлъ искоса и слегка тревожно въ ихъ сторону...

Черезъ полчаса молодые попрощались и уѣхали на нѣсколько дней въ „свадебную поѣздку“. Послѣ нихъ уѣхали и московскіе гости. Проводивъ ихъ, генералъ нѣсколько минутъ еще стоялъ у калитки. За нимъ вытянулся старый слуга съ военной выправкой, бывшій много лѣтъ его денщикомъ.

— Ну, вотъ, братъ, — сказалъ генералъ...—И того... И окрутили.

Старикъ еще болѣе выпрямился и отвѣтилъ:

— Такъ точно, ваше превосходительство!

— Д-да! Въ наше, братъ, время,—продолжалъ генералъ, обращаясь сразу къ старику и ко мнѣ,—все это дѣлалось по иному... Что?.. А?.. Послѣ церкви—на колѣни передъ родителями... Потомъ—дымъ коромысломъ... Поздравленія, звонъ бокаловъ... Молодежь... веселье.

Онъ замолчалъ, какъ бы вглядываясь во что-то далекое, и затѣмъ, вздохнувъ, прибавилъ:

— Что подѣлаешь, братъ... Міръ, того... годъ отъ году мѣняется...

И старый слуга, держа руки по швамъ, отвѣтилъ:

— Такъ точно, ваше превосходительство...

Этотъ краткій діалогъ показался мнѣ довольно комичнымъ. Я былъ неспособенъ въ то время понять трагедію „стараго міра“. „Новый міръ“ поглощалъ все мое вниманіе.

Урмановы вернулись въ концѣ недѣли, и опять ихъ можно было видѣть въ паркѣ то съ генераломъ, то однихъ. Урмановъ имѣлъ видъ необыкновенно счастливый, и всѣ аллеи и уголки парка, казалось, переполнены мельканіемъ его счастья.

— Такъ и кажется,—шутилъ одинъ изъ товарищей Урманова,—что въ паркѣ осенью вдругъ защелкали соловьи.

Урмановъ поселился на отдѣльной дачкѣ въ лѣсу...

Однажды мнѣ случилось ѣхать въ Москву въ академиче-

ской линейкѣ-омнибусѣ. Я былъ одинъ, но на дорогѣ линейка вдругъ остановилась. На шоссе по тропинкѣ отъ лѣсныхъ дачъ вышли Урмановы. Она радушно поздоровалась со мной и осталась стоять у дороги, а Урмановъ сѣлъ въ линейку. И пока старое сооруженіе двигалось по шоссе, Валентина Григорьевна стояла бѣлымъ пятномъ у лѣса и махала зонтикомъ. Урмановъ радостно отвѣчалъ. Когда дорожка скрылась за поворотомъ,—онъ озабоченно пошарилъ въ карманѣ и вынулъ большой пакетъ, заадресованный круглымъ почеркомъ Валентины Григорьевны. Глаза у меня были хорошіе, и я невольно прочелъ на адресѣ: „Америка“. Урмановъ спряталъ его и досталъ другой поменьше. Лицо его стало озабоченно. На этомъ конвертѣ тоже стояло слово „Америка“, но почеркъ былъ Урманова...

— Цѣль фиктивнаго брака достигнута,—подумалъ я.

Радость Урманова казалась мнѣ великодушной и прекрасной... Въ тотъ же день подъ вечеръ я догналъ ихъ обоихъ въ лиственничной аллеѣ, вернувшись изъ Москвы по желѣзной дорогѣ. Они шли подъ руку. Онъ говорилъ ей что-то, наклоняясь, а она слушала съ радостнымъ и озареннымъ лицомъ. Она взглянула на меня привѣтливо, но не удерживала, когда я, раскланявшись, обогналъ ихъ. Мнѣ показалось, что я прошелъ черезъ какое-то свѣтлое облако, и долго еще чувствовалъ легкое волненіе отъ чужого, не совсѣмъ понятнаго мнѣ счастья.

Вечеромъ я долго разговаривалъ съ Титомъ, но этого мнѣ показалось мало. Я сѣлъ за письмо къ товарищу, жившему въ Кіевской губерніи. Такъ какъ онъ не зналъ никого изъ дѣйствующихъ лицъ, то я свободно разсказалъ всю исторію, какъ она мнѣ представлялась. А рисовалась она мнѣ вся въ свѣтломъ облакѣ. Урмановъ—замѣчательный человѣкъ, американка—необыкновенная женщина. Онъ влюбленъ въ нее,—это несомнѣнно. Отъ этого фиктивный бракъ казался мнѣ еще интереснѣе. Вообще, все мнѣ казалось красиво, интересно, возвышенно и превосходно. Даже старый генералъ... Я почти любилъ его за то, что онъ доставилъ въ этой картинѣ необходимую черту: стараго деспота, безъ котораго картина была бы неполна...

Кончивъ письмо, я еще долго стоялъ у окна, глядя въ безлунную звѣздную ночь... По полотну бѣжалъ поѣздъ, но ночной вѣтеръ относилъ звуки въ другую сторону, и шума было не слышно. Только туманный отсвѣтъ отъ локомотива передвигался, то теряясь за насыпями, то выплывая фосфорическимъ пятномъ и поврменамъ освѣщаясь огнями...

Ночной холодъ проникъ въ нашъ номеръ и разбудилъ Тита. Онъ сердито поднялся на постели и сказалъ:

— Запри окно! Что ты съ ума сошелъ, что ли?..

Я заперъ окно, но, подойдя къ Титу, сказалъ:

— Титъ, несчастный! Ты боишься простудиться въ такую ночь...

— Поди, поцѣлуй бабушку сторожа Кузьмича, если ты въ такомъ восторгѣ...—отвѣчалъ Титъ.—А мнѣ не мѣшай спать...

И оба мы захохотали...

X.

Время шло. Студенты съѣзжались съ каникулъ, дачи пустѣли, публика порѣдѣла. Генералъ захворалъ и не показывался въ паркѣ. Я заходилъ къ нему, но онъ не принималъ.

Урмановы вели довольно общительный образъ жизни, принимали у себя студентовъ, катались въ лодкѣ, по вечерамъ на прудахъ долго раздавалось пѣніе. Она очень радушно играла роль хозяйки, и казалось, что иниціатива этой общительности исходила отъ нея. Она звала меня, но я немного стѣснялся. Ихъ общество составляли „старые студенты“; я чувствовалъ себя нѣсколько чужимъ и на время почти потерялъ ихъ изъ виду...

Однажды подъ вечеръ я опять увидѣлъ ихъ въ паркѣ на пристани у пруда. Валентина Григорьевна стояла, Урмановъ сидѣлъ на скамьѣ. Повидимому, она приглашала его идти, онъ упрямился. Видъ его показался мнѣ страннымъ: шляпа сдвинулась нѣсколько на затылокъ, голова была закинута, на лицѣ виднѣлось несвойственное ему выраженіе, дѣлавшее его непріятнымъ. Такое выраженіе я видѣлъ прежде одинъ только разъ, во время жаркаго спора на сходкѣ. Спорилъ съ Урмановымъ человѣкъ несимпатичный, но умный и замѣчательно выдержанный. Урмановъ разгорячился. Видно было, что онъ переноситъ свою вражду къ человѣку на его аргументы. На этотъ разъ противникъ былъ правъ, и ему было легко опровергать доводы Урманова. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, было замѣтно, что онъ задѣвалъ въ Урмановѣ самолюбіе, и это доставляло ему удовольствіе. Нѣсколько колкостей еще болѣе раздражили Урманова. Казалось, въ немъ проснулся какой-то мелкій и злобный бѣсенокъ, дремавшій въ глубинѣ симпатичной и пылкой натуры. Онъ не могъ остановиться, отрицалъ очевидности, сознавалъ, что неправъ, что всѣ это сознаютъ также, и отъ этого горячился еще больше. Аудиторія, обыкновенно увлекавшаяся его пыломъ, теперь была противъ него, по ней то и дѣло перекатывался ироническій смѣхъ, а въ Урмановѣ

все больше освобождалось что-то злое, доводившее его до безсилія.

Нѣсколько дней послѣ этого онъ стыдился своей вспышки и казался подавленнымъ.

Теперь на его лицѣ было то же выраженіе. Когда я приблизился, онъ смолкъ и посмотрѣлъ на меня въ упоръ, но какъ будто не узналъ и только выжидалъ, скоро ли я пройду мимо.

Мнѣ стало неловко, и я ускорилъ шаги, слегка поклонившись. Урмановъ продолжалъ сидѣть съ руками въ карманахъ. Валентина Григорьевна сдвинула брови, посмотрѣла на него внимательно и повернулась ко мнѣ.

— Здравствуйте, Потаповъ, — сказала она, подавая мнѣ руку...—Куда вы это?

— Такъ, никуда опредѣленно...

— Ну, такъ проводите меня... И, можетъ, зайдемъ къ моему старику... Василій Парменовичъ, вы пойдете?

Она спросила въ полъ-оборота, но ждала отвѣта внимательно.

— Нѣтъ, я останусь.

Она пошла впередъ, и опять ея каблуки твердо и чеканно застучали по камнямъ пристани.

Черезъ день или два я шелъ съ удочками на прудъ. На прудѣ былъ небольшой островокъ и на немъ двѣ скамеечки для рыбной ловли. Пробираться туда надо было узкой тропочкой, кое-гдѣ чрезъ кочки. Поэтому ходили туда только рыболовы. Публика заходила рѣдко.

Я уже подошелъ къ тропинкѣ и хотѣлъ свернуть на островъ, какъ по дорожкѣ появились Урмановы. Они горячо говорили о чемъ-то и оба были взволнованы. Увидѣвъ меня, она какъ будто обрадовалась.

— Потаповъ, Потаповъ, постойте...

Я остановился.

— Куда вы это? Съ удочками? Возьмите насъ... Гдѣ это?.. Здѣсь?.. И у васъ двѣ удочки? Вотъ какъ хорошо!.. Пойдемъ.

Мнѣ показалось, что она съ легкимъ усиліемъ выдернула свою руку изъ-подъ руки Урманова и пошла со мной по тропинкѣ, ловко перепрыгивая съ кочки на кочку. Подобравъ юбки, она ловко и твердо прошла по дощечкѣ, усѣлась на скамейку, размотала удочку и быстро закинула лесу.

— Постойте, Валентина Григорьевна... Надо червяка...

Она протянула мнѣ свою удочку. Я надѣлъ червяка и тоже закинулъ удочку.

Потянулись минуты. Прудъ стоялъ гладкій, уже въ тѣни.

Повременамъ что-то тихо всхлипывало между татарникомъ... Бѣгали большіе плавуны. Я слѣдилъ не особенно внимательно, сознавая, что все это вышло какъ-то нарочито и искусственно. За своей спиной я чувствовалъ Урманова. И мнѣ казалось, что онъ большой и темный.

— Берите, берите... Вы зѣваете... У васъ клюнула,—сказала вдругъ тихо Валентина Григорьевна...—Ахъ, какой вы неловкій...

Казалось, она дѣйствительно увлечена ловлей. Я подсѣкъ слишкомъ рѣзко. Большая рыба мелькнула надъ водой, но сорвалась съ крючка и упала обратно.

— Какая досада... вы плохой рыбакъ,—говорила она тихо и твердо.—Вотъ смотрите, какъ надо!..

Она тоже выдернула удочку, и небольшой карасикъ, описавъ въ воздухѣ дугу, упалъ на берегъ.

— Снимите, пожалуйста,—сказала она Урманову.

— Скоро это кончится?—услышалъ я голосъ сзади...

— Вы снимете?

— Снялъ. Что съ нимъ дѣлать?

— Бросьте въ воду...

Она опять закинула, и опять потянулось время. Мнѣ былъ видѣнъ конецъ ея удочки, отраженіе въ прудѣ и поплавокъ, окруженный кольцомъ точно расплавленнаго серебра на фонѣ темной глубины. Мой поплавокъ вздрагивалъ, колебался, исчезалъ изъ глазъ, опять появлялся и опять уплывалъ куда-то далеко. Я испытывалъ странное напряженное состояніе и сознавалъ, что оно происходитъ оттого, что рядомъ со мной сидитъ Валентина Григорьевна, а на берегу, у меня за спиной—Урмановъ. И что это между ними стоитъ то тяжелое и напряженное, что передается мнѣ.

— Скоро это кончится?—спросилъ опять Урмановъ угрюмо и жестко.

— Не знаю,—отвѣтила холодно Валентина Григорьевна...—Когда вы захотите...

— Я хочу... сейчасъ...

— Нѣтъ, вы сейчасъ еще не хотите,—отвѣтила молодая женщина твердо...—Когда захотите, вы мнѣ скажете.

— Странно,—продолжалъ Урмановъ...

Опять шли минуты... Солнце совсѣмъ сѣло, потянуло сыростью и прохладой, спускались сумерки...

— Валентина Григорьевна!.. — Голосъ Урманова звучалъ мягкою печалью... Валентина Григорьевна прислушалась.

— Становится темно,—произнесъ я довольно жалобнымъ тономъ.

— Да? — переспросила Валентина Григорьевна... — Вамъ, бѣдненькому, надоѣло? Ну,—она вздохнула.—Хорошо, пойдемъ!

Когда мы вышли изъ кустовъ на дорожку, она сказала:

— Дайте вашу руку. Не такъ. Вотъ какъ надо.

Надъ прудомъ кое-гдѣ сталася туманъ, и, когда мы вышли на большую дорожку, я удивился, какъ это еще за минуту мы могли видѣть поплавки... Теперь у рыболовныхъ скамеекъ было совсѣмъ темно. Какая-то водяная птица кричала на островкѣ, гдѣ мы сидѣли за минуту, какъ будто спрашивая о чемъ-то изъ тьмы. Молодой серпъ луны поднимался, не свѣтя, надъ лугами за плотиной.

Я чуть ли не въ первый разъ шелъ подъ руку съ дамой. Сначала мнѣ было неловко, и я не могъ приноровить свою походку; но она шутливо и твердо помогла мнѣ и, идя по аллеѣ, я чувствовалъ себя уже гораздо свободнѣе. Наши шаги звучали согласно, отдаваясь подъ темнымъ сводомъ липъ. Она плотно прижалась къ моему плечу, какъ будто ища защиты. Я чувствовалъ теплоту ея руки, прикосновеніе ея плеча, слышалъ ея дыханіе.

Въ темной аллеѣ ея лица совсѣмъ не было видно... Я вспоминалъ свое первое впечатлѣніе: холодный взглядъ, повелительный и пытливый, выраженіе лица непріятное, властное и сухое... Потомъ мелькнуло другое выраженіе: женственное и трогательное, потомъ все спуталось въ общемъ безличномъ обаяніи женской близости, — близости любви и драмы... Я уже не различалъ, моя это драма или чужая... Мнѣ начало казаться, что со мной идетъ другая, та, что на Волгѣ...

Воображеніе стало работать быстро. *Ей* тоже понадобился фиктивный бракъ... Съ какой радостью стою я съ ней передъ аналоемъ... Теперь это она идетъ объ руку со мною... Это у насъ съ ней была какая-то бурная сцена три дня назадъ на пристани. Теперь я овладѣлъ собой. Я говорю ей, что болѣе она не услышитъ отъ меня ни одного слова, не увидитъ ни одного взгляда, который выдастъ мои чувства. Я заставлю замолчать мое сердце, хотя бы оно разорвалось отъ боли... Она прижмется ко мнѣ вотъ такъ... Она цѣнитъ мое великодушіе... Голосъ ея дрожитъ и...

— Что вы молчите всѣ?—сказала вдругъ Валентина Григорьевна. — Здѣсь такъ темно и жутко. Потаповъ!.. Разскажите мнѣ что-нибудь о себѣ... У васъ есть мать?.. Кто этотъ долговязый молодой человѣкъ, съ которымъ вы часто гуляете? Какъ его зовутъ? Титъ? Смѣшное имя. Онъ вашъ пріятель?.. хорошій? Даже очень?.. Да у васъ должно быть всѣ хорошіе?

Весь міръ... Онъ васъ, кажется, зоветъ Потапычемъ? Потапычъ! Мнѣ это нравится. И вы мнѣ нравитесь. И мнѣ хочется знать о васъ все... Вы мнѣ разскажете? Да?.. Ахъ, милый Потапычъ,—сказала она вдругъ съ шутливой ноткой въ голосѣ.—Зачѣмъ вы не захотѣли тогда жениться на мнѣ... Вы были бы такой славный и навѣрное такой удобный мужъ.

И въ аллеѣ разсыпался ея звонкій смѣхъ...

— Ну, что же вы всетаки молчите? — сказала она опять черезъ минуту и затормошила мою руку. — Отчего не отвѣчаете? Правду я говорю?.. Да?

— Что же мнѣ говорить? — сказалъ я безпомощно.

— Да вѣдь я васъ спрашиваю: вы были бы удобный мужъ? Ахъ, милый Потапычъ, когда-нибудь... вы, конечно, тоже женитесь... Это очень трудная вещь, милый Потапычъ, жениться. И главное, не считайте, что все дѣло въ томъ, чтобы васъ обвели вокругъ аналоя... Да, да... Конечно, вы это знаете?.. И не придаете никакого значенія пустому обряду?.. Ничего вы не знаете, милый Потапычъ... Людямъ часто кажется, что они знаютъ то, чего они совсѣмъ не знаютъ... Ни себя, ни другихъ, ни значенія того или другого обряда...

— Зачѣмъ вы все это говорите? — сказалъ Урмановъ... — Потаповъ знаетъ безъ васъ, что дѣло совсѣмъ не въ обрядѣ...

— А въ чемъ? — сухо спросила она.

— Въ чемъ?—Онъ помолчалъ и сказалъ глухо:

— Въ десятомъ августа.

Я почувствовалъ вдругъ, какъ рука ея дрогнула и прижалась къ моей. Черезъ минуту она опять заговорила, обращаясь ко мнѣ. Но голосъ ея сталъ жестче.

— Милый Потапычъ... Когда наступитъ ваше время... остерегайтесь всякихъ обязательствъ... Это тоже цѣпи... Помните одно: любовь свободна... И всего лучше разумная любовь по разсчету... Да, да... Когда людей связываетъ общность мыслей, стремленій, цѣлей...

— Любовь прохладная, — вставилъ Урмановъ.

— Да, при ней больше свободы и самоуваженія... А если... если это будетъ „знойный ураганъ“, въ силу котораго я, впрочемъ, не вѣрю, то помните, милый Потапычъ, урагану нельзя ставить обязательствъ...

Въ голосѣ зазвучали твердыя ноты...

— Да, ни въ чемъ! Ни въ обрядѣ, ни въ обѣщаніи, ни въ томъ, что вамъ подали поводъ надѣяться... Разъ вы зазвите женщинѣ ваше формальное право, это конецъ... Вмѣсто любви... является...

— Что же? —сказалъ Урмановъ,—договаривайте: Потапову это будетъ очень поучительно.

— Онъ догадается самъ,—сказала Валентина Григорьевна сурово и жестко, и потомъ, какъ бы желая смягчить этотъ тонъ, она прижалась ко мнѣ и сказала:

— Вы такой хорошій, Потапычъ... Оставайтесь всегда такимъ... Я буду часто вспоминать васъ такимъ, какъ вы теперь... Люди такъ мѣняются... Съ каждой минутой въ человѣкѣ что-нибудь умираетъ и что-нибудь рождается.

Когда мы подошли къ генеральской дачѣ, — дверь намъ открылъ камердинеръ съ военной выправкой. Открывъ намъ дверь, онъ снялъ съ Валентины Григорьевны накидку, повѣсилъ ее на вѣшалку и затѣмъ сказалъ тономъ доклада:

— Его превосходительство больны...

— Что такое?—живо спросила молодая женщина.

— Не могу знать, а только нездоровы сильно...

— Есть кто-нибудь?

— Марья Егоровна тутъ-съ.

— Погодите, пожалуйста, можетъ, что-нибудь понадобится,— сказала она намъ и ушла въ спальную генерала. Въ голосѣ ея слышалось безпокойство.

Черезъ минуту она вышла и, развязывая ленты у шляпы, сказала:

— Ничего особеннаго, кажется легкая простуда... Докторъ уже былъ и не нашелъ ничего опаснаго...

— Значитъ, мы вернемся?—сказалъ Урмановъ.

— Нѣтъ, — отвѣтила Валентина Григорьевна, снимая шляпку...—Я все-таки останусь еще здѣсь... Нуженъ уходъ...

— Валентина Григорьевна... Мнѣ нужно такъ много сказать вамъ...

Она посмотрѣла въ сторону усталымъ и скучающимъ взглядомъ.

— Въ другой разъ.—сказала она кратко.

XI.

Дня черезъ два мнѣ сказали, что въ пріемной нашихъ студенческихъ номеровъ меня ждетъ дама. Я догадался, что это, вѣроятно, Валентина Григорьевна, и скоро сбѣжалъ съ лѣстницы. Она встала мнѣ навстрѣчу.

— Я хотѣла пройти къ вамъ въ номеръ, но меня не пустили. Простите, пожалуйста... вы мнѣ очень нужны...

— Что-нибудь съ генераломъ?

— Нѣтъ... Старикъ, правда, былъ плохъ... Но дѣло не въ этомъ... Теперь ничего.

Она сдвинула брови, какъ когда-то на платформѣ, и сказала:

— Судьба уже впутала васъ въ эту исторію... О, Господи, какъ все это тяжело... Кажется, самая простая вещь... И...

Она осилила волненіе, и лицо ея стало опять энергично.

— Вотъ что, голубчикъ Потаповъ. Сходите, пожалуйста, на нашу дачу... гдѣ Урмановъ, и передайте ему записку. Потомъ придете къ намъ. Звонить не надо. Дверь изъ садика будетъ открыта.

— Принести отвѣтъ?

— Отвѣтъ?.. Ну, однимъ словомъ, оттуда зайдите ко мнѣ.

Она опустила вуаль и вышла. Лицо ея, нѣсколько взволнованное и разстроенное въ первыя минуты, было подъ конецъ спокойно...

Дача Урманова была недалеко въ лѣсу. Подходя къ ней, я увидѣлъ въ незавѣшенное венеціанское окно Урманова. Онъ сидѣлъ за столомъ и писалъ что-то на большихъ листахъ. Онъ работалъ надъ диссертаціей, о которой говорили въ академіи, какъ о значительномъ ученомъ трудѣ. Лицо, освѣщенное лампой, было красиво и спокойно. Я невольно залюбовался на него. Я чувствовалъ, что люблю этого человѣка. За что? За все. За то, что онъ такой умный, горячій и красивый... Что онъ женился фиктивнымъ бракомъ на американкѣ, что онъ ее любитъ, что онъ страдаетъ, что борется со своимъ чувствомъ, и что я до извѣстной степени причастенъ къ этой красивой и интересной драмѣ.

Подойдя къ окну, я постучалъ въ стекло. Урмановъ вздрогнулъ, вглядѣлся въ темноту и распахнулъ окно.

— Что такое? — спросилъ онъ, — это вы, Потаповъ? Отъ Валентины Григорьевны? Войдите.

Я пошелъ кругомъ дачки. Онъ встрѣтилъ меня въ передней.

— Старикъ плохъ? — спросилъ онъ и сталъ снимать съ вѣшалки пальто...—Зовутъ?.. Надо къ доктору? Въ аптеку?.. Еще за чѣмъ-нибудь?..

Только теперь я увидѣлъ, какъ сильно измѣнилось лицо Урманова. Черты обострились, глаза ввалились и сверкали сухимъ блескомъ. Я подалъ письмо. Онъ быстро разорвалъ конвертъ, прочелъ и сказалъ мнѣ:

— Хорошо... Скажите, что вы передали.

Тонъ его показался мнѣ страннымъ. Уходя, я услышалъ, что онъ бормочетъ что-то, тоже незнакомымъ, страннымъ голосомъ. Между прочимъ я разслышалъ слова: „удобный мужъ“.

Все это было такъ необычно и непохоже на Урманова, котораго я зналъ, что я шелъ по темной дорожкѣ въ полномъ

недоумѣніи. Вдругъ сзади послышались быстрые шаги, и изъ темноты на меня налетѣлъ Урмановъ. Я вздрогнулъ... Мнѣ вдругъ показалось, что онъ бросился на меня. Но онъ только схватилъ меня за руку, выше локтя, и заговорилъ быстро, волнуясь и торопясь.

— Потаповъ, голубчикъ... Простите меня... Я оскорбилъ васъ... И тогда тоже... Я не знаю, что со мной дѣлается. Постойте, постойте...

Онъ глубоко перевелъ духъ и сказалъ уже совершенно своимъ обычнымъ голосомъ:

— Васъ будутъ спрашивать. Скажите... что меня видѣли... Передали письмо.

Онъ опять глубоко вздохнулъ.

— Все будетъ такъ, какъ она пожелаетъ... А того, что... Ну, вы понимаете... Этого говорить не надо. Вы мнѣ обѣщаете?

— Напишите нѣсколько словъ... Я передамъ.

— Да, это будетъ всего лучше. Я сейчасъ... Вы тутъ пройдитесь немного.

Онъ быстро вбѣжалъ къ себѣ, наскоро лихорадочно набросалъ письмо и отдалъ мнѣ.

— Постойте, я пройдусь съ вами,—сказалъ онъ.

Онъ взялъ меня подъ руку. Я не замѣтилъ сразу, что мы пошли по темнымъ дорожкамъ не въ ту сторону и черезъ нѣсколько минутъ очутились въ паркѣ. Вечеръ былъ темный и прохладный, но спокойный. Деревья сливались въ одну сплошную массу, по которой перебѣгали тихіе шопоты. У береговъ тонули темныя очертанія, на глади пруда виднѣлось скользящее пятно. Это была лодка. Въ ней чуть-чуть виднѣлись два силуэта. Повидимому, пловцамъ было хорошо въ этой синей тьмѣ съ подымавшимся серпомъ луны и дремотой темныхъ деревьевъ, тихо, невидимо ронявшихъ свои листья...

Глубокій мужской голосъ запѣлъ пѣсню... Кто былъ въ лодкѣ? Можетъ быть два студента, но мнѣ казалось, что одна была женщина, что онъ поетъ только для нея и скупится посылать дальше задушевныя ноты... Я не разслышалъ словъ, не запомнилъ мотива и не знаю теперь, какая это была пѣсня. Это была просто пѣсня того вечера моей жизни, который не повторился болѣе. Тутъ была печаль и любовь, и трепетавшая гдѣ-то глубоко внутри радость отъ этой любви и печали... Я забылся въ этомъ странномъ ощущеніи... Мнѣ вдругъ показалось, что въ лодкѣ Урмановы, какъ это бывало еще недавно... Должно быть, что-нибудь въ этомъ родѣ показалось и Урманову. Онъ вдругъ покинулъ мою руку и, не говоря ни слова, исчезъ въ темнотѣ...

Я остался одинъ... Отъ островка неслось чиликаніе ночной птицы, той самой, которая спрашивала тогда о чемъ-то изъ темноты. Сердце мое было переполнено сознаніемъ радости, глупой, какъ крикъ этой птицы. Я радовался этой сумрачной печали, и, если бы мнѣ предложили сейчасъ помѣняться съ Урмановымъ, я бы охотно согласился...

— Какъ вы долго,—встрѣтила меня Валентина Григорьевна у калитки своей дачи. Я отдалъ письмо, попрощался, избѣгая ея разспросовъ, и вернулся къ себѣ. Титъ спалъ, одѣтый, на кровати. Въ его рукахъ были записки по химіи, а на столѣ горѣла лампа. Очевидно, онъ ждалъ меня, но я тихонько прошелъ черезъ комнату, посмотрѣлъ минуту на милое утомленное лицо Тита и, раскрывъ свое окно, сѣлъ у стола писать письмо. Къ храпу Тита примѣшался тотчасъ же шелестъ кустовъ и мечтательный лай собаки гдѣ-то далеко на Выселкахъ. Письмо было опять къ моему товарищу въ Кіевскую губернію... Онъ не имѣлъ средствъ, чтобы ѣхать въ столицу, и взялъ на годъ урокъ въ маленькомъ мѣстечкѣ... Впослѣдствіи онъ говорилъ мнѣ, что, читая эти мои письма, плакалъ отъ зависти въ своей мурьѣ и наговорилъ дерзостей своему принципалу, такъ что едва не лишился мѣста. Помню, что на этотъ разъ письмо мнѣ сначала не давалось. Впечатлѣнія этого вечера врывались диссонансомъ въ тотъ образъ, который я себѣ составилъ объ Урмановѣ. Но потомъ все опять полилось стройно и великолѣпно...

Когда я кончалъ, вѣтеръ, ворвавшійся въ окно, раскидалъ листки по полу. Титъ проснулся и сѣлъ на постели. Лицо у него было сонное и кислое...

— Что? Поздно?—спросилъ онъ.

— Поздно...

— Какого же чорта ты меня не разбудилъ?.. А ты все писалъ?

— Писалъ.

— Ковальскому? И все объ американкѣ?..

— Ты почему знаешь?

— Я, братъ, прочиталъ первое твое посланіе, — сказалъ онъ безцеремонно... — Философія, Потапычъ, и сантименты... И ты чуть не попался этой американкѣ?.. Дураки вы всѣ... Предложили бы мнѣ... Я бы все это сдѣлалъ просто... Только потребовалъ бы черную пару на свадьбу...

И опять мы оба засмѣялись...

XII.

Осень въ этомъ году была поздняя. Листья совсѣмъ обвалились, а земля все еще дышала теплой сыростью. Послѣд-

ніе, самые упорные дачники давно разъѣхались, оставивъ за собой все еще довольно теплые дни. Паркъ опустѣлъ, порѣдѣлъ и посвѣтлѣлъ. Вся его листва лежала теперь красноватымъ ковромъ на землѣ, а между стволами носился сизоватый паръ, пресыщенный пряным запахомъ прѣлыхъ листьевъ и земли. Съ вѣтвей капли росы падали на землю, какъ слезы.

Лекціи шли правильно. Знакомство съ новыми профессорами, новыми предметами, вообще начало курса имѣло для меня еще почти школьническую прелесть. Кромѣ того, въ студенчествѣ начиналось новое движеніе, и мнѣ казалось, что неопредѣленныя надежды принимали осязательныя формы. Нѣсколько арестовъ въ студенческой средѣ занимали всѣхъ и вызывали волненіе.

Все это отодвинуло для меня драму Урманова. Генералъ уѣхалъ, американка исчезла, и я ничего не зналъ о ней. Урманова тоже не было видно.

Выпалъ первый снѣгъ. Онъ шелъ всю ночь, и на утро армія сторожей и рабочихъ разгребала лопатами проходы къ академическимъ зданіямъ. Въ паркѣ онъ лежалъ ровнымъ пологомъ, прикрывая клумбы, каменныя ступени лѣстницъ, дорожки. Кое-гдѣ торчали стебли позднихъ осеннихъ цвѣтовъ, комья снѣга, точно хлопья ваты, покрывали головки иззябшихъ астръ.

Но туманное небо, неожиданно вытряхнувъ эту массу снѣга, продолжало дышать на землю теплом. Снѣгъ быстро ссѣдался и таялъ. Капало съ деревьевъ, слышалось тихое журчаніе. Казалось, начинается снова весна.

Въ этотъ день я смотрѣлъ изъ окна чертежной на бѣлый пустой паркъ, и вдругъ мнѣ показалось, что въ глубинѣ аллеи я вижу Урманова. Онъ шелъ по цѣльному снѣгу и остановился у одной скамейки. Я быстро схватилъ въ вестибюлѣ шляпу и выбѣжалъ. Пробѣжавъ до половины аллеи,— я увидѣлъ глубокій слѣдъ, уходившій въ сторону Ивановскаго грота. Никого не было видно, кругомъ лежалъ снѣгъ, чистый, нетронутый. Лишь кое-гдѣ виднѣлись оттиски вороньихъ лапокъ, да обломавшіяся отъ снѣга черныя вѣточки пестрили бѣлую поверхность темными черточками.

Было свѣтло, молчаливо и пусто.

Къ слѣдующему дню снѣгъ на половину стаялъ. Кое-гдѣ проглянула черная земля, а къ вечеру прихватило чуть-чуть изморозью. Воздухъ сталъ прозрачнѣе для свѣта и звуковъ. Шумъ поѣздовъ несся такъ отчетливо и ясно, что, казалось, можно различить каждый ударъ поршней локомотива, а когда

поѣздъ выходилъ изъ лощины, то было видно мельканіе колесъ. Онъ тянулся черной змѣей надъ пестрыми полями, и подъ нимъ что-то бурлило, варилось и клокотало...

Стемнѣло, потомъ поля съ пятнами снѣга покрыла ночь. Титъ, по обыкновенію долго засидѣвшійся за записками, прислушался и сказалъ:

— Потапычъ... Слышишь, какой долгій свистокъ.

Онъ подошелъ къ окну и открылъ его. Въ комнату хлынулъ странный шумъ. Что-то скрежетало и визжало, какъ будто подъ самыми нашими окнами... Потомъ послышался рядъ толчковъ, шипѣніе пара, который свѣтился и пламенѣлъ въ темнотѣ.

— Поѣздъ сошелъ съ рельсовъ,—проговорилъ Титъ равнодушно.—Какъ разъ то же было прошлой осенью...

И онъ отошелъ отъ окна. Я еще нѣкоторое время оставался. Поѣздъ нѣсколько разъ, часто и гулко пыхнулъ паромъ, точно затрепыхалась чудовищная металлическая птица, и тронулся опять, и побѣжалъ въ темноту, отбивая по рельсамъ свою желѣзную дробь. Влажный вѣтеръ стукнулъ нашею рамой, шевельнулъ голыми вѣтками кустовъ и понесся тоже въ темноту...

Засыпая, я чувствовалъ легкое безпокойство. Мнѣ казалось или кажется теперь, что воспоминаніе о скрежетѣ желѣза пронизывало меня какимъ-то внутреннимъ ознобомъ.

Но скоро я крѣпко заснулъ, не подозрѣвая, что это былъ послѣдній вечеръ моего восторженнаго юношескаго настроенія...

XII.

На слѣдующее утро меня разбудилъ стукъ запираемой двери.

Въ комнатѣ было темно, въ окна глядѣла сѣрая зимняя заря, а сквозь матовое стекло нашей двери просвѣчивалъ огонекъ свѣчки. Мнѣ теперь кажется, что свѣчка заглядывала въ комнату какъ-то значительно и осмысленно.

Огонекъ исчезъ. Въ корридорѣ послышались знакомые шаги корридорнаго Маркелыча. Изъ угла, гдѣ стояла кровать Тита, слышалась возня и вздохи. Титъ одѣвался.

Я понялъ, что Маркелычъ сообщилъ Титу какую-то новость. Всѣ новости, случавшіяся вечеромъ или за ночь, Титъ всегда узнавалъ ранѣе всѣхъ, благодаря особому расположенію Маркелыча, который уважалъ моего друга за его „простоту“ и аккуратность. Я очень любилъ, проснувшись рано утромъ, слушать ихъ простодушныя бесѣды, въ которыхъ Титъ съ милой наивностью становился на уровень Марке-

лыча, выслушивая его новости и сужденія и дѣлясь съ нимъ, въ свою очередь, собственными соображеніями, пускаясь порой и въ научныя толкованія. Иной разъ я не выдерживалъ и, „по младости“, какъ говорилъ Маркелычъ, начиналъ хохотать. Къ моему смѣху добродушно присоединялся Титъ, а Маркелычъ сердито ворчалъ.

— Спроси, чему смѣется... Самъ не знаетъ...

На этотъ разъ, по вздохамъ и вознѣ Тита, я понялъ, что онъ сильно озабоченъ. Я не видѣлъ его лица, и только его тощая, длинная фигура выдѣлялась бѣлесоватымъ пятномъ. Натянувъ сапоги, онъ вздохнулъ и съ минуту сидѣлъ неподвижно. Потомъ опять вздохнулъ и закурилъ папиросу. Казалось, самый огонекъ, вспыхивавшій въ темнотѣ, когда Титъ затягивался, выражалъ тревогу и растерянность.

— Сегодня Маркелычъ принесъ Титъ Иванычу печальную новость,—сказалъ я шутливо.

— А? Ты слыхалъ?

— Нѣтъ, не слыхалъ, но ты вздыхаешь, точно передъ экзаменомъ по геодезіи.

Титъ затянулся окуркомъ папиросы такъ, что въ мундштукѣ затрещало, и черезъ минуту сказалъ:

— Это вчера кто-то бросился подъ поѣздъ.

Я былъ настроенъ шутливо и глупо.

— Голубчикъ, Титъ... Каждый день кто-нибудь умираетъ тѣмъ или другимъ способомъ... Законъ природы... Въ сущности, Титушка, что такое смерть... Порча очень сложной машины... Просто и не страшно...

— Очень близко,—пояснилъ Титъ уныло.

— Это не мѣняетъ дѣла.

— Самъ бросился.

Я тоже закурилъ папиросу, потянулся и продолжалъ донимать Тита раціонализмомъ.

— Что-жъ, значитъ это актъ добровольный. Знаешь, Титъ... Если жизнь человѣку стала непріятна, онъ всегда вправѣ избавиться отъ этой непріятности. Кто-то, кажется, Тацитъ, разсказываетъ о древнихъ скиѳахъ, жившихъ, если не вру, у какого-то гиперборейскаго моря. Такъ вотъ, братъ, когда эти гипербореи достигали преклоннаго возраста и уже не могли быть полезны обществу,—они просто входили въ океанъ и умирали. Попросту сказать, топились. Это раціонально... Когда я состарюсь и увижу, что беру у жизни больше, чѣмъ даю... то и я...

— Не говори глупостей,—сказалъ Титъ сердито... У него была старуха мать, которую онъ страстно любилъ.

Я засмѣялся. Титъ былъ мнителенъ и боялся мертвецовъ. Я „по младости“ не имѣлъ еще настоящаго понятія о смерти... Я зналъ, что это законъ природы, но внутренно, по чувству считалъ себя еще безсмертнымъ. Кромѣ того, мой „тре вый образъ мыслей“ ставилъ меня выше суевѣрнаго страха. Я быстро бросилъ окурокъ папиросы, зажегъ свѣчку и сталъ одѣваться.

— Титъ, пойдемъ туда.

— Куда?

— Къ платформѣ...

— Какого чорта ты тамъ не видѣлъ?..

— Брось свои суевѣрія... Человѣкъ долженъ закалять свою душу противъ всякихъ рѣзкихъ впечатлѣній...

— Ну, иди, закаляй. А меня оставь въ покоѣ.

— Глупо, Титушка. Это не аргументъ...

— Ну, я останусь дома безъ аргументовъ...

Я одѣлся и вышелъ...

На дворѣ меня охватилъ сырой холодокъ. Солнце еще только собиралось подняться гдѣ-то за облаками. Былъ тотъ неопредѣленный промежутокъ между ночью и зарей, когда свѣтъ смѣшанъ съ тьмою и сонъ съ пробужденіемъ... И все кажется инымъ, необычнымъ и страннымъ.

Небо было сплошь затянуто облаками, но на выпуклыхъ окнахъ академіи играли синеватые отсвѣты зари. А въ подвалахъ горѣли огоньки, такіе же красивые и маслянистые, какъ огни фонарей, которыхъ еще не потушили. У церкви стоялъ городовой въ тулупѣ и огромныхъ калошахъ, зѣвалъ и ожидалъ смѣны. Сонный извозчикъ проѣхалъ мимо. Онъ, вѣроятно, привезъ загулявшихъ въ Москвѣ студентовъ и теперь крѣпко спалъ въ пролеткѣ, между тѣмъ какъ лошадь тихонько бѣжала по знакомой дорогѣ. Откуда-то выбѣжала собака, пробѣжала черезъ площадку, что-то разыскивая дѣловито и боязливо, и затѣмъ побѣжала къ темнымъ аллеямъ парка... Видъ у нея былъ сосредоточенный и странный, и мнѣ невольно вспомнились деревенскіе разсказы объ оборотняхъ... „Переживанія прошлыхъ вѣковъ“—мелькнуло у меня въ головѣ...

Холодноватая сырость проникала подъ легкое пальто... „Не вернуться ли?..“ Но я представилъ себѣ насмѣшливое лицо Тита и углубился въ лиственничную аллею.

Утренній вѣтеръ шуршалъ обнаженными и обмерзшими вѣтвями. Я невольно вспомнилъ ее такой, какой она была лѣтомъ, съ пятнами свѣта и тѣни, съ фигурами Урманова и „американки“ въ перспективѣ... Мнѣ казалось, что это такъ

давно... Надо будетъ разыскать Урманова. Положительно это его я видѣлъ въ паркѣ. Неужели онъ живетъ все на лѣсной дачкѣ?.. Мнѣ вспомнилось освѣщенное окно, свѣтъ лампы, склоненная надъ столомъ голова Урманова и красивая, буйная прядь черныхъ волосъ, свѣсившаяся надъ его лбомъ...

На дорожкѣ аллейки я увидѣлъ бѣлый квадратъ и, наклонившись, поднялъ оброненное кѣмъ-то письмо. Конвертъ былъ довольно большой и какъ будто знакомый. Въ углу виднѣлась продолговатая нерусская марка... Онъ былъ разорванъ, и изъ него выпало письмо. Совершенно безотчетно я наклонился опять и поднялъ листокъ... Въ аллейкѣ, больше для порядка, чѣмъ для освѣщенія, стояли три или четыре фонаря, свѣтившіе желтымъ пламенемъ. Подойдя къ одному изъ нихъ, я бросилъ взглядъ на листокъ, и сразу меня поразило то обстоятельство, что въ первой же строкѣ я встрѣтилъ свою фамилію:

„...— Потаповымъ... Это было бы гораздо лучше... Признайтесь: вы не вправѣ были это дѣлать. Такимъ образомъ вы брали себѣ шансъ, котораго вамъ не имѣли въ виду предоставить.

„... Вы пишете, что борьба за любовь есть законъ природы, и предлагаете мнѣ своего рода поединокъ... Вы пріѣдете въ Америку и привезете свою бурную страсть противъ моей прохладной, какъ вы называете, любви... Думаю, что это лишнее. Борьба за любовь... Да, но почему вы думаете, что я въ свое время не боролся?.. Если же вамъ представляется, что каждый мужъ обязанъ отказываться отъ своего права, какъ только онъ будетъ вызванъ на поединокъ новымъ претендентомъ, то это—простите—законъ преріи, гдѣ пасутся стада буйволовъ, а не человѣческое общежитіе. Наконецъ,— высшій законъ общежитія свобода. И съ вашимъ предложеніемъ вы должны были обратиться не ко мнѣ, а къ Валентинѣ Григорьевнѣ... Но...“

На этомъ кончалась страница, и только тутъ я спохватился, что читаю письмо, адресованное не мнѣ. Поэтому я спряталъ его въ карманъ, рѣшивъ сегодня же разыскать Урманова и передать ему конвертъ... Интересъ къ его драмѣ ожилъ во мнѣ съ новой силой... Такъ вотъ что онъ предлагалъ!.. Имѣлъ ли онъ на это право или нѣтъ?.. Мнѣ казалось, что имѣлъ... Крупный, отчетливый и прямой почеркъ его противника мнѣ не нравился.

Охваченный теченіемъ этихъ мыслей, я чуть было не повернулъ обратно, къ академіи. Но платформа была близко: послѣднія лиственницы аллейки уже махали по вѣтру сво-

ими вѣтками, и надъ обрѣзомъ холмика видиѣлась деревянная крыша бесѣдки. Солнце всходило, но еще не вышло изъ-за тучъ, видиѣлось полотно дороги, на которомъ черная земля проглядывала сквозь талый снѣгъ, и двѣ пары рельсовъ тянулись вдаль свѣтлыми полосками... Въ бесѣдкѣ, закрытые отъ меня стѣной, сидѣли два человѣка, и одинъ говорилъ о чемъ-то негромко, ровно, безстрастно. Другой слушалъ, подавая короткія реплики... Мнѣ до сихъ поръ чудится повременамъ этотъ безстрастный голосъ... Третій мужикъ шелъ по рельсамъ, держа въ рукѣ какой-то черепокъ, и, повременамъ нагибаясь, подымалъ что-то, раскиданное по шпаламъ.

Я обошелъ бесѣдку и подошелъ къ разговаривавшимъ.

На полу бесѣдки подъ навѣсомъ лежало что-то прикрытое рогожей. И еще что-то, тоже прикрытое рогожей, лежало на листѣ синей сахарной бумаги, на скамейкѣ, на которой въ лѣтніе дни садилась публика, ожидавшая поѣзда. Однажды я видѣлъ здѣсь Урмановыхъ. Они сидѣли рядомъ. Оба были веселы и красивы. Онъ, сиявъ шляпу, проводилъ рукой по своимъ непокорнымъ волосамъ, она что-то оживленно говорила ему.

Мужикъ подошелъ къ скамейкѣ и отдернулъ рогожу. Я не сразу понялъ, что онъ дѣлаетъ, и только смотрѣлъ, какъ онъ ссунулъ щепкой изъ черепка, который несъ въ рукахъ, что-то сѣроватое, съ красными прожилками... Оно шлепнулось какъ будто въ чашку... Потомъ такъ же тщательно и равнодушно онъ сдвинулъ той же щепкой осколки костей и потомъ... еще кусокъ чего-то съ прядью черныхъ волосъ...

Я внезапно вздрогнулъ и,—не помню, какъ это случилось,—быстро подошелъ къ другой рогожѣ, лежавшей на полу, и сдернулъ ее . . . . . .

. . . . . .

Слѣдующихъ за этимъ секундъ я совсѣмъ не помню. Были ли это секунды или минуты, или часы, я не могъ бы дать въ этомъ отчета. Знаю только, что въ это время что-то быстро повернулось во мнѣ... Я вдругъ вспомнилъ скрежетъ желѣза и чудовищные, какъ выстрѣлы, вздохи локомотива... Мнѣ показалось, что я ихъ слышу въ эту минуту, и я невольно, предостерегающе громко крикнулъ:

— Урмановъ, Урмановъ!

Кто-то грубо схватилъ меня за плечо и оттолкнулъ назадъ.

— Не балуй, барчукъ, — гнѣвно сказалъ мужикъ и опять покрылъ „это“ рогожей. Другой, съ знакомымъ лицомъ дорожнаго сторожа, повернулъ меня и вывелъ изъ бесѣдки... Я очнулся на платформѣ, посмотрѣлъ кругомъ и... засмѣялся...

Мнѣ казалось, будто все, что я только что видѣлъ, было глупымъ и „стыднымъ“ сномъ, будто я только что разсказалъ этотъ сонъ мужикамъ, и отъ этого мнѣ было очень совѣстно...

— Смѣется, — сказалъ одинъ изъ мужиковъ, заглядывая мнѣ прямо въ глаза...

— Ну... видишь, повело его какъ... товарищъ, видно, — сказалъ другой.—Ступай, баринъ, отседа... Дѣлать тебѣ тутъ нечего. Иванъ, ты бы проводилъ, мнѣ, вишь, некогда. Сейчасъ пройдетъ четвертый номеръ.

— Проводить, что ли?..—сказалъ рыжій въ раздумьи.

Но я отмахнулся и пошелъ по платформѣ. Изъ мглы выступали очертанія поѣзда, и въ рельсахъ начинало переливаться что-то тоненькимъ металлическимъ клокотаніемъ... Я почти выбѣжалъ на холмикъ и вошелъ въ аллею. Поѣздъ прошумѣлъ и затихъ... Вскорѣ послышался его свистокъ съ ближайшаго полустанка. Въ это время я сидѣлъ на мокромъ откосѣ придорожной канавы и не помнилъ, какъ я сѣлъ, и сколько времени сидѣлъ, и какъ поднялся. Зубы мои стучали. Мнѣ казалось, что внутри у меня холодно отъ вчерашняго желѣзнаго скрежета.

— Что это съ тобой, Потапычъ?— спросилъ съ безпокойствомъ Титъ, когда я вошелъ въ номеръ.—На тебѣ нѣтъ лица... И ты весь дрожишь... Ахъ, Потапычъ, Потапычъ, напрасно, видно, храбрился... На, вотъ, выпей чаю... Или, постой, я заварю лучше липоваго цвѣту... Вотъ, пей... Теперь раздѣвайся, сними сапоги, лягъ въ постель... Да что это тебя такъ разстроило?

Я сжалъ зубы и отвѣтилъ однимъ словомъ:

— Урмановъ...

По лицу Тита пробѣжала судорога... Черты его странно передернулись, но дальше я ничего не видѣлъ и не слышалъ. Я повалился на кровать и тотчасъ заснулъ страннымъ, тяжелымъ, глубокимъ сномъ...

Впрочемъ, въ моей памяти осталась, точно донесшаяся откуда-то издалека, фраза Тита:

— Ахъ, Гаврикъ, Гаврикъ. Вотъ до чего доводятъ всѣ эти фиктивные браки, Америки и вообще философія...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Помню одинъ день изъ моей дѣтской жизни. Я былъ очень огорченъ чѣмъ-то и легъ днемъ на свою постель. Было около полудня, на дворѣ свѣтило солнце и надвигалась туча. Я

какъ-то незамѣтно въ огорченіи заснулъ, сквозь сонъ слышалъ раскаты грома и проснулся, когда гроза и ливень прошли. Все было опять такъ же, какъ за полчаса передъ тѣмъ, но я не узналъ того же самаго дня. Мнѣ казалось, что въ моемъ времени произошелъ какой-то перерывъ или, наоборотъ, оно прокатилось слишкомъ быстро, какъ развернувшаяся пружина. Тотъ ли это день, та ли комната? Гдѣ я и кто я? Неужели я спалъ только полчаса?.. Или прошла ночь, настало утро, и оно застаетъ меня въ какомъ-то новомъ мѣстѣ? Пѣтухъ кричитъ на дворѣ, и голосъ у него басистый и мокрый. Лаетъ собака, и лай напоминаетъ что-то знакомое, бывшее давно... И дѣтскіе голоса несутся откуда-то изъ далека, точно воспоминаніе о голосахъ, звучавшихъ когда-то... И тотъ маленькій человѣчекъ, который еще недавно ложился въ мою постель, я ли это, или кто-то другой, о которомъ я только помню?..

Съ такимъ же ощущеніемъ я проснулся теперь черезъ нѣсколько часовъ, и, должно быть, въ моемъ взглядѣ было что-то необычное, потому что Титъ, сидѣвшій съ записками за столомъ, всталъ и наклонился ко мнѣ съ безпокойствомъ.

— Что съ тобой?

— Рѣшительно ничего,—отвѣтилъ я:—но... мнѣ не хочется говорить.

— Поспишь еще?

— Да.

Титъ опять погрузился въ записки и по своей еще школьной привычкѣ закрылъ уши. Его профиль рисовался на свѣтломъ фонѣ окна, а я смотрѣлъ на него и съ удивленіемъ спрашивалъ: кто это?

Я зналъ, что это Титъ, зналъ внѣшнюю исторію его жизни, зналъ, что онъ мой товарищъ и другъ, но все это мнѣ извѣстное всетаки не отвѣчало на вопросъ. Я смотрѣлъ на него во всѣ глаза и будто видѣлъ его впервые...

Профиль, рѣзко выступавшій въ квадратѣ окна, сталъ расплываться. Что-то сдѣлалось съ моими глазами, и Титъ вдругъ сталъ близкимъ и огромнымъ. Потомъ явилось два Тита и два профиля въ окнѣ. Голова у меня кружилась... Я сдѣлалъ усиліе, и обычная фигура Тита оказалась одна и на мѣстѣ. Но это меня не успокоило. Мгновеніе, и начались опять тѣ же превращенія...

— Что же правда?—думалъ я.—Можетъ, это мнѣ только кажется, что этотъ вотъ одинъ Титъ есть правда... Можетъ, ихъ всегда два, и только въ обычное время я этого не замѣчаю... Потому что мнѣ удобнѣе, чтобы Титъ былъ одинъ. При двухъ Титахъ непріятно кружится голова...

„Галлюцинація“,—подумалъ я вдругъ,—и это слово меня успокоило. Я сдѣлалъ усиліе, водворилъ образъ Тита на мѣсто и закрылъ глаза... Раскрылъ... Титъ былъ одинъ, голова кружилась меньше... Хорошо? Нѣтъ, я всетаки не знаю, кто это.

Я очень любилъ Тита, и еще недавно онъ казался мнѣ понятнымъ. Въ началѣ гимназическаго курса я привыкъ смотрѣть на Тита съ почтеніемъ: онъ былъ много старше меня и шелъ тремя или четырьмя классами выше. Но бѣдняга былъ очень тупъ, и годъ за годомъ я нагналъ его въ послѣднихъ классахъ. Мнѣ было странно, что мы стали равные и подружились. Тита всѣ считали тупицей, но всѣ его уважали. Учился онъ плохо, но былъ лучшимъ репетиторомъ для малышей. Ему приходилось порой бѣгать къ товарищамъ за разрѣшеніемъ простой задачи, и онъ съ трудомъ усваивалъ рѣшеніе. Но на слѣдующій день его ученики отвѣчали превосходно. Онъ умѣлъ работать и умѣлъ заставить работать другихъ.

Титъ одолѣвалъ курсъ съ величайшимъ трудомъ, и вся гимназія слѣдила за этой драмой. Когда кончался какой-нибудь экзаменъ, всѣ спрашивали: „А какъ Титъ?“—и радовались, если дѣло шло благополучно. Всѣ знали, что Титъ „не способенъ къ наукамъ“, но когда нужно было „поправить отмѣтки“ отстающаго малыша, то директоръ совѣтовалъ родителямъ отдать его Титу. Иногда онъ затруднялся вопросами мальчишекъ по тому или другому предмету, но родители очень часто прибѣгали къ его совѣтамъ въ важныхъ житейскихъ дѣлахъ. И онъ разрѣшалъ самые запутанные случаи просто и очень умно. Однажды, на урокѣ геометріи, сбитый съ толку тѣмъ, что учитель повернулъ на чертежѣ треугольникъ острымъ угломъ книзу, тогда какъ въ учебникѣ острый уголъ былъ кверху, Титъ поднялся на носки и вывернувъ голову, сталъ смотрѣть сверху внизъ. Его долговязая фигура и странная попытка были такъ комичны, что всѣ хохотали: ученики, учитель и самъ Титъ... Онъ былъ веселъ по природѣ, и самъ умно и искренно смѣялся надъ своей тупостью... И въ то же время всѣ чувствовали, что Титъ одинъ среди насъ—серьезный человѣкъ. И это потому, что у него была задача въ жизни. У него была мать, которую онъ страстно любилъ, и сестра, которую надо было вывести въ люди. И онъ съ раннихъ лѣтъ дѣлалъ это дѣло съ великими усильями. Это было драматично. И это всѣ уважали.

Я тоже уважалъ Тита и нѣжно любилъ его. Я часто помогалъ ему въ „сочиненіяхъ“, и его „зубряжка“ подавала

поводъ къ моимъ шуткамъ. Но я ничего не скрывалъ отъ Тита и слушалъ его совѣты въ житейскихъ дѣлахъ. Я уже говорилъ о томъ, какъ я собирался облагодѣтельствовать семью дорожнаго сторожа въ будущемъ... Меня глубоко трогало то, что Титъ, не вдаваясь „въ философію“, часто носилъ имъ сахаръ и булки, о чемъ я какъ-то забывалъ...

Поэтому всегда съ личностью Тита у меня связывалось особенное чувство: въ немъ было и представленіе о его смѣшной тупости, и преклоненіе передъ его практическимъ умомъ и узкой, но дѣятельной добротой. Тутъ была улыбка и нѣжность, юморъ и уваженіе...

Теперь я смотрѣлъ на Тита и испытывалъ только сухой остовъ этихъ ощущеній. Онъ сидѣлъ, наклонясь, и, закрывъ уши, тихо зубрилъ про себя. Шея у него была длинная и сухая. По мѣрѣ того, какъ онъ зубрилъ, тихонько произнося слова, одно изъ сухожилій двигалось, какъ будто принимало участіе въ ученіи... И ничего больше не было. Я не „ощущалъ“ Тита, того Тита, какимъ онъ былъ для меня вчера...

Вотъ онъ сидитъ и работаетъ... Запечатлѣваетъ въ своемъ бѣдномъ мозгу черточки и знаки... И мнѣ невольно вспомнилось, что я такъ же надъ столомъ видѣлъ Урманова... Онъ былъ, наоборотъ, очень способенъ... О его работѣ, если она осталась, будутъ говорить... Титъ зубритъ. Урмановъ творитъ... И это оттого, что у Тита въ мозгу не достаетъ чего-то... Чего-то, что вчера лежало, разбрызганное на рельсахъ, и что мужикъ собиралъ мокрой щепочкой въ грязный черепокъ... Каково оно, то, что создаетъ мысли: бѣлое или красноватое... Склизкое... Тамъ было разбрызгано все... И восторженность, и экспансивность, и „идеи“, которыя воспѣвалъ наивный поэтъ, и любовь, которой такъ любовался... Все, все... „Мысль— выдѣленіе мозга“... Я посмотрѣлъ на эти слова подъ портретомъ Фохта, и, вмѣсто восторга, отъ нихъ по мнѣ прошла дрожь... Бѣдный Титъ... Его мозгъ „выдѣляетъ плохо“. Я представилъ себѣ, какъ вяло перебѣгаютъ мысли Тита въ томъ бѣловатомъ студенистомъ веществѣ, которое находится подъ его узкимъ черепомъ. И вздрогнулъ отъ отвращенія... Потомъ представилъ себѣ, какъ быстро и отчетливо перебѣгали онѣ подъ черепомъ Урманова, и опять вздрогнулъ... Черная прядь волосъ, освѣщенная свѣтомъ лампы... Это красота... Та же прядь, тамъ на рельсахъ... Да, тамъ лежало все это: и любовь, и ревность, и восторгъ, и отчаяніе... Котелъ разбитъ, содержимое перемѣшано въ нѣкоторомъ безпорядкѣ, рычаги и шестерни раскиданы врозь... Это и значитъ, что Урмановъ умеръ... И вотъ смерть... И вотъ жизнь... Что-то движется,

ползаетъ, просачивается по физическимъ законамъ. Это жизнь... Навѣшивайте на нее какія угодно украшенія... Остановите движеніе—смерть! Одѣвайте ее красивымъ трауромъ, мистическими и грандіозными вымыслами... Что касается меня, то для меня не было теперь ни красоты, ни траура... Я вижу обѣ стороны медали, сведенными въ одно... Просто, ясно и отвратительно...

II

Титъ пересталъ писать, взглянулъ на часы и принялся укладывать тетради.

— Который часъ?—спросилъ я.

Титъ вздрогнулъ отъ неожиданности и обернулся.

— А! ты не спишь. Два часа, сейчасъ пятая лекція. Пойдешь?

— Пожалуй.

Я поднялся вяло: не хотѣлось идти и не хотѣлось оставаться.

— Что тамъ такое сегодня?—спросилъ я.

— Лекція братушки.

— А!

— Какъ ты думаешь: будутъ ему свистать или нѣтъ?

Я посмотрѣлъ на Тита съ удивленіемъ. Его вопросъ напомнилъ мнѣ о чемъ-то, происходившемъ тоже будто давно, передъ грозой или во снѣ. Дѣйствительно, кто-то разсказывалъ о профессорѣ Бѣлячкѣ предосудительныя вещи, и вчера еще я самъ горячился по этому поводу. Но теперь я равнодушно зѣвнулъ.

— А чортъ его знаетъ...

Титъ удивился и пытливо посмотрѣлъ на меня.

— Ты здоровъ?

— Что мнѣ дѣлается?..

— А ты бы посмотрѣлъ на себя утромъ... Желтый, глаза, какъ у сумасшедшаго... Да и сейчасъ еще смотришь нехорошо. Останься дома...

— Пойду...

Я дѣйствительно чувствовалъ себя нехорошо. На душѣ было тошно, хотѣлось что-то выкинуть, отъ чего-то избавиться... Что это?—задалъ я себѣ вопросъ, остановившись посерединѣ комнаты подъ безпокойнымъ взглядомъ Тита... Да я знаю: это скрежетъ желѣза и *то*, что было тамъ, на платформѣ. Но мнѣ уже отъ этого не освободиться. Этотъ знобящій скрежетъ проникъ мнѣ глубоко въ душу и раздавилъ въ ней что-то.

Мнѣ разсказывали незадолго передъ тѣмъ, что горничная у моихъ знакомыхъ, обтирая окна снаружи, упала съ третьяго этажа. По странной случайности, она стала прямо на ноги и даже пошла сама въ домъ. На вопросъ, что съ ней, она спокойно отвѣчала: „ничего рѣшительно“. Но къ вечеру она умерла: оказалось, что-то оборвалось у нея внутри.

Мнѣ вспомнился этотъ случай. Со мной тоже „ничего“, и тоже оборвалось что-то важное, безъ чего какъ будто нельзя жить...

Титъ по своему объяснилъ мою внезапную задумчивость и сказалъ:

— Да, братъ... Бѣдный Урмановъ... Вотъ чѣмъ кончилось!..

Я удивился. „Бѣдный“? Почему?

Титъ удивился въ свою очередь:

— Да вѣдь это же Урмановъ... тамъ... Уже всѣ знаютъ.

— Ну, такъ что же? Кто-жъ теперь бѣдный? Вѣдь Урманова нѣтъ... Ты, значитъ, жалѣешь то, чего нѣтъ.

— Но еще вчера былъ... живой.

— Кто былъ?..

— Урмановъ...

— Ахъ да... Ты вотъ о чемъ... Ну да, конечно, былъ живой.

Я всетаки не чувствовалъ жалости. Когда я старался представить себѣ живого Урманова, то возстановлялъ его образъ изъ того, что видѣлъ у рельсовъ. Живое оно теперь было для меня такъ же противно... Ну да... Допустимъ, что кто-то опять починилъ машину, шестерни ходятъ въ порядкѣ. Что изъ этого?..

— Знаешь, Титъ,—сказалъ я серьезно.—Это я выдумалъ Урманова. Урманова не было... Понимаешь: не было вовсе...

— Ну да, братъ,—отвѣтилъ Титъ такъ же серьезно:—я всегда говорилъ тебѣ: ты идеализируешь людей...

Я пожалъ плечами. Ахъ, это все не то. Титъ хочетъ сказать, что я приписалъ Урманову свойства, которыхъ у него лично не было, но которыя могли быть у другихъ. А я чувствовалъ, что ихъ вообще нѣтъ. Нѣтъ чувства, нѣтъ красоты, нѣтъ любви, нѣтъ самоотверженія... все это выдумки. Что же есть?.. Есть желѣзный скрежетъ мертвой природы, наполняющій вселенную, отъ котораго идетъ этотъ мертвящій душевный холодъ. А подъ нимъ—*это*... До сихъ поръ я спалъ и видѣлъ во снѣ свой выдуманный міръ. Такъ иногда мы слушаемъ во снѣ чудные стихи, отъ которыхъ душа пламенѣетъ восторгомъ, но стоитъ проснуться, и въ памяти

остаются только обрывки, безъ склада и смысла... Вотъ и я теперь проснулся и вижу, что сочиненная мною поэма была глупѣе Урманіады наивнаго поэтика...

— Ну, пойдемъ на лекцію!

III.

У церкви стоялъ, какъ и утромъ, городовой въ тулупѣ и огромныхъ валенкахъ. Все—и площадка, и зданіе, и небо, было точь-въ-точь какъ и утромъ, и это возбуждало досаду. Все какъ будто нарочно лѣзло въ глаза, чтобы напомнить, что съ того утренняго часа не прошло и сутокъ. Между тѣмъ, я зналъ про себя, что съ тѣхъ поръ прошла цѣлая вѣчность...

— Вамъ письмо...

Академическій швейцаръ подалъ мнѣ письмо, которое я тотчасъ же наскоро вскрылъ... Это былъ отвѣтъ товарища, которому я писалъ о своихъ впечатлѣніяхъ... Что такое я тамъ писалъ?.. Да!.. Какъ глупо!.. Онъ сгораетъ отъ зависти, что ему приходится жить въ темной трущобѣ, тогда какъ на свѣтѣ есть такія райскія мѣста, такія интересныя ситуаціи, такіе замѣчательные люди...

Дуракъ отвѣчаетъ идіоту...

Я сунулъ смятое письмо въ карманъ, и, должно-быть, послѣднюю фразу я произнесъ громко. Швейцаръ посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ, а съ верхней площадки лѣстницы наклонился субъ-инспекторъ.

— Т-с-съ!..—прошепталъ онъ...

Маленькій, толстый старичокъ, съ бритымъ и смѣшнымъ лицомъ, казался встревоженнымъ. Изъ ближайшей аудиторіи слышался ровный голосъ лектора, а изъ дальняго конца коридора несся смѣшанный гулъ: субъ-инспекторъ съ тревогой наставлялъ привычное ухо, прислушиваясь къ этому шуму; опытный человѣкъ уловилъ въ немъ особый оттѣнокъ: если каждый изъ сотни молодыхъ голосовъ повысится противъ обычнаго на терцію, общій говоръ аудиторіи напоминаетъ растревоженный улей.

Старикъ подошелъ ко мнѣ и взялъ меня подъ руку, все наставляя ухо и тревожно оборачиваясь въ сторону первой аудиторіи. Онъ зналъ когда-то моего отца и былъ ко мнѣ расположенъ, какъ земякъ къ земляку. Мы не разъ съ нимъ бесѣдовали. Старикъ почему-то любилъ именно при мнѣ вспоминать свои молодые годы. Онъ учился когда-то въ горы-горѣцкомъ земледѣльческомъ институтѣ и уже оканчивалъ курсъ, когда случилась какая-то исторія. Онъ былъ де-

путатомъ отъ студентовъ, и его („времена были строгія“) отдали въ солдаты. Потомъ онъ служилъ писцомъ въ какой-то канцеляріи, женился, бѣдствовалъ... „Молодыя увлеченія“ давно забылись. Теперь директоръ академіи, его старый товарищъ, доставилъ ему мѣсто субъ-инспектора... Старикъ страшно трусилъ, чтобы не потерять его, либеральничалъ передъ студентами и... чутко наставлялъ уши... Я съ большимъ интересомъ относился къ его разсказамъ и прежде „чувствовалъ“ его личную драму, какъ чувствовалъ драму моего Тита. Судьба матери, жены, дѣтей — вотъ что заставляло старика тревожиться и тащить тяжелую лямку.—„Ахъ, трудно ладить съ молодежью, — скажу вамъ одному откровенно,—говаривалъ онъ, вздыхая.—Вы думаете, я не понимаю?.. Все понимаю... Молодыя стремленья. Самъ пострадалъ когда-то...“

Теперь онъ имѣлъ видъ озабоченный и оффиціальный.

— Здравствуйте, господинъ Потаповъ,—сказалъ онъ.—Что тамъ у васъ такое?

— Ничего особеннаго,—отвѣтилъ я.— Впрочемъ... Урмановъ бросился подъ поѣздъ...

Онъ сдѣлалъ огорченное лицо...

— Да, да... Конечно. Я знаю... Огромное несчастье... Надежда академіи... И такая ужасная смерть. Но... послушайте...

Онъ взялъ меня подъ руку и, наклоняя коротко обстриженную голову на толстой негнущейся шеѣ, спросилъ:

— Неужели же и въ этомъ виноваты профессора или администрація?

— Конечно, нѣтъ.

— А между тѣмъ...

Онъ опять безпокойно наставилъ уши.

— Слышите?.. Слышите, какой шумъ?

Аудиторія гудѣла... Изъ общаго шума выносились отдѣльные звонкіе голоса.

— Да, шумятъ,—сказалъ я равнодушно.

— Послушайте, Потаповъ...—Голосъ старика сталъ задушевнымъ и вкрадчиво мягкимъ.—Мы съ вами земляки... Я зналъ вашихъ родителей. Превосходные люди... Будьте со мной откровенны. Скажите, что вы тамъ затѣваете? Изъ-за чего это волненіе?

Я усмѣхнулся. Наивный старикъ во имя знакомства съ моими родителями предлагалъ мнѣ, въ сущности, стать доносчикомъ. Теперь я понялъ нѣкоторые его намеки и наивные подходы, съ которыми онъ обращался уже нѣсколько дней... Если бы самая мысль объ этомъ пришла мнѣ вчера, она вы-

звала бы во мнѣ сильнѣйшее негодованіе, и могла бы вспыхнуть исторія, очень непріятная и для него, и для меня. Но теперь никакого негодованія не было. Вошло что-то, сровнявшее для меня шумящихъ молодыхъ людей съ этимъ старымъ наивнымъ сыщикомъ. Я только пожалъ плечами.

— Какое мнѣ дѣло до всего этого?—сказалъ я просто...— Впрочемъ, вы можете не безпокоиться. Всетаки они волнуются больше оттого, что съ однимъ изъ нихъ вышла эта непріятная случайность.

Онъ бросилъ мою руку, и въ его глазахъ мелькнулъ злой огонекъ.

— Что вы меня за дурака считаете, что ли?.. Непріятная случайность... Чеха вы собираетесь освистать, а не непріятная случайность... Вы не хотите быть со мной дружески-откровеннымъ...

— Знаете что, — сказалъ я вяло... — Если бы я захотѣлъ быть съ вами откровеннымъ, я бы зналъ, что вамъ сказать на ваше предложеніе. Но мнѣ лѣнь... Впрочемъ... Я всетаки сказалъ вамъ правду... Вы были когда-нибудь на бойнѣ?

Онъ вскинулъ на меня свои заплывшіе глазки съ тревожнымъ недоумѣніемъ...

— Мнѣ случилось разъ... И когда убьютъ одного быка, другіе отчего-то безпокоятся и волнуются... Инстинктъ безсмысленный, но нужный въ интересахъ борьбы за существованіе...

Старикъ отодвинулся отъ меня, и даже губы его, полныя и немного смѣшныя,—тревожно вытянулись. Въ это время на площадкѣ лѣстницы появилась лысая голова и полное упитанное лицо профессора Бѣлички. Субъ-инспекторъ побѣжалъ ему навстрѣчу и сталъ что-то тихо и очень дипломатически объяснять... Чехъ даже не остановился, чтобы его выслушать, а продолжалъ идти все тѣмъ же ровнымъ, почти размѣреннымъ шагомъ, пока субъ-инспекторъ не забѣжалъ впередъ, загородивъ ему дорогу. Я усмѣхнулся и вошелъ въ аудиторію.

Здѣсь ко мнѣ сейчасъ же бросилось нѣсколько человѣкъ, закидавшихъ меня безпорядочными нервными разспросами. Одни торопливо спрашивали, что я знаю объ Урмановѣ, другіе перебивали и говорили о чехѣ... А я смотрѣлъ на всѣхъ и чувствовалъ на своемъ лицѣ какую-то странную, точно чужую для меня, улыбку. Да... еще вчера они вправѣ были ожидать, что я внесу во все это кипѣніе свою собственную долю. Но теперь я потерялъ способность понимать и чувствовать это знакомое возбужденіе. Я видѣлъ только взмахиваю-

щія руки, раскрывающіеся рты, красныя лица... И я смѣялся той же чуждой мнѣ улыбкой.

Къ моему удовольствію, дверь аудиторіи раскрылась и на порогѣ появилась невозмутимая фигура Бѣлички. Мнѣ бросилось какъ-то особенно рѣзко въ глаза его упитанное бѣлое лицо съ отчетливымъ густымъ, точно очерченнымъ румянцемъ на пухлыхъ щекахъ. „Обиліе жировыхъ отложеній,— мелькнуло у меня въ головѣ,—и... значительная пигментація“... За дверью на мгновеніе мелькнула тревожная круглая фигура въ вицъ-мундирѣ, и дверь тотчасъ же закрылась. Бѣличка спокойнымъ увѣреннымъ шагомъ поднялся на каѳедру, переждалъ полъ-минуты, пока студенты разсаживались по мѣстамъ, потомъ сѣлъ, и сразу съ каѳедры полился его ровный, безстрастный голосъ.

„Голосъ тоже масляный и жирный, — подумалъ я. — Какъ будто жировыя отложенія и въ голосовыхъ связкахъ...“

— Въ прошлую лекцію, милостивые государи, мы остановились на taeniadae...

Чехъ былъ превосходный лекторъ, но теперь я не восхищался его искусствомъ... Недавно про Бѣличку пошли темные слухи: говорили о какомъ-то совершенно мракобѣсномъ проектѣ, который не могъ даже разсчитывать тогда на практическое примѣненіе и имѣлъ лишь цѣлью заявить передъ кѣмъ слѣдуетъ объ усердіи и благонамѣренности его автора. Говорили еще кое-что, но все это были одни темные толки: достовѣрно никто изъ студентовъ не зналъ ничего, протоколы засѣданій хранились въ тайнѣ, а профессора молчали. Слухи эти пошли отъ Урманова, который былъ уже довольно близокъ къ профессорской средѣ, но, по своей экспансивности, смотрѣлъ на многое глазами студентовъ. Въ послѣднее время слухи получили нѣкоторое подтвержденіе. Говорили объ осторожныхъ доносахъ на нѣкоторыхъ любимыхъ профессоровъ. Это возбуждало пылкое негодованіе, но и споры... Большинство допускало достовѣрность слуховъ. Другіе стояли еще за чеха *).

Но и къ этому я относился теперь равнодушно. Я только наблюдалъ спокойствіе и увѣренность, съ какимъ чехъ началъ свою лекцію. Онъ зналъ о смерти Урманова. Зналъ о возбужденіи противъ него лично, но онъ началъ съ того самаго мѣста, на которомъ остановился въ прошлый разъ, какъ

*) Такъ какъ и мѣсто дѣйствія, и время довольно опредѣленны, то считаю нужнымъ сдѣлать категорическую оговорку, что личность, о которой идетъ рѣчь, *совершенно вымышленная*. Чеха-профессора никогда, сколько мнѣ извѣстно, въ академіи не было. *Авт.*

будто ничего не случилось. „Наука идетъ своимъ путемъ“— это была его любимая фраза. И только разъ, въ самомъ началѣ лекціи, онъ приподнялъ пушистыя, длинныя рѣсницы, и изъ-подъ нихъ блеснулъ осторожно-внимательный, быстро изучающій взглядъ, какъ у спокойнаго крупнаго звѣря, предвидящаго опасность... Но тотчасъ же рѣсницы закрылись, взглядъ настороженнаго звѣря потухъ... И опять ровно лился его сочный баритонъ.

„...Такимъ образомъ, пузырчатое животное описываемой разновидности представляется намъ простымъ мѣшкомъ, лишеннымъ самыхъ элементарныхъ органовъ. Поселяясь въ желудкѣ высшаго животнаго, оно является окруженнымъ со всѣхъ сторонъ питательной средой...“

— Питательной средой, господа, — задумчиво и какъ-то особенно вкусно повторилъ чехъ, приподнимая кверху глаза и какъ бы ища на потолкѣ лучшихъ и еще болѣе вкусныхъ словъ.

„...Существованіе, которое, съ точки зрѣнія животной экономіи, должно быть признано идеальнымъ. Ибо получать отъ природы возможно болѣе при возможно меньшей затратѣ энергіи,— не въ этомъ ли состоитъ основной принципъ приспособленія... А приспособленіе, господа,—законъ жизни...“

Лекторъ опять остановился, и его быстрый взглядъ обѣжалъ аудиторію. По ней пронесся легкій шопотъ, выражавшій возбужденіе интереса. Подобныя легкія экскурсіи отъ сухого изложенія въ область общихъ идей всегда производятъ освѣжающее впечатлѣніе. „Тоже приспособляется къ аудиторіи“,—мелькнула у меня мгновенная мысль.

Затѣмъ голосъ Бѣлйчки полился еще ровнѣе, точно струя масла. Совершенно незамѣтно, постепенными взмахами закругленныхъ періодовъ, онъ подымался все выше, оставляя къ концу лекціи частные факты и переходя къ широкимъ обобщеніямъ. Онъ дѣйствительно, кажется, любилъ науку, много работалъ и теперь самъ увлекся своимъ изложеніемъ. Глаза его уже не сходили съ потолка, обороты стали еще плавнѣе, въ голосѣ все чаще проглядывали эти особенныя, вкусныя ноты.

Со стѣнъ смотрѣли картины, изображающія раскрытые желудки, разрѣзы кишокъ и пузыри, „ведущіе благополучныя существованія“. Два скелета по обѣ стороны каѳедры стояли, вытянувъ руки книзу, изнеможенно подогнувъ колѣни, свѣсивъ на бокъ черепа и, казалось, слушали со вниманіемъ, какъ въ изложеніи профессора рушились одна за другой перегородки, отдѣляющія традиціонныя „царства“, и простой вса-

сывающій пузырь занималъ подобающее мѣсто среди другихъ благополучныхъ существованій...

Аудиторія давно была увлечена. Я оглянулся назадъ и увидѣлъ ряды внимательныхъ лицъ и глаза съ расширенными зрачками... Очевидно, межъ двухъ увлеченій научной мыслью и пылкимъ негодованіемъ настроеніе молодежи влилось въ первое русло; чехъ овладѣвалъ не только вниманіемъ, но и сердцами аудиторіи.

Я чувствовалъ себя внѣ обоихъ увлеченій. Мое настроеніе шло своимъ особеннымъ путемъ, оторваннымъ и чуждымъ настроеніямъ молодой толпы товарищей. Меня почти гипнотизировалъ жирный баритонъ профессора. Онъ удивительно гармонировалъ, какъ мнѣ казалось, съ содержаніемъ лекціи, вѣрнѣе, съ тѣми клочками ея, которые ярко западали въ мой мозгъ. Я смотрѣлъ на Бѣлічку, не сводя глазъ. Да, да, да... Именно этимъ убѣдительно сочнымъ голосомъ слѣдуетъ говорить объ „идеально благополучныхъ“ taenia'хъ. И именно такой голосъ долженъ быть у человѣка, знающаго эти истины... Да, это истина... Вотъ формула жизни ясная, простая, убѣдительная до очевидности. Только... Чѣмъ онъ такъ доволенъ? Чему онъ такъ очевидно радуется, и отчего сверкаютъ глаза у этихъ молодыхъ людей?.. Что тутъ можетъ радовать? Противъ чего тутъ негодовать?..

И опять съ моими глазами сдѣлалось что-то, какъ утромъ, когда я смотрѣлъ на Тита. Фигура Бѣлічки то приближалась, то удалялась, ст анно расплываясь и мѣняя очертанія... Довольное, упитанное лицо, съ „жировыми отложеніями и пигментаціей...“ Одно только это лицо, плававшее въ сочныхъ звукахъ собственнаго голоса... Еще минута, и въ волнахъ гипнотизирующихъ звуковъ передо мной плавалъ благополучный пузырь, ведущій „идеальное“ существованіе... И вдругъ это созерцаніе прервалось желѣзнымъ скрежетомъ, холодящимъ душу и вызывающимъ содроганіе.

Я всталъ, не дождавшись конца лекціи, и вышелъ. И почти тотчасъ же раздался оглушительный дружный громъ апплодисментовъ. Онъ встревожилъ старика субъ-инспектора, который сѣменилъ съ вытянутымъ лицомъ къ первой аудиторіи. Но, разобравъ, въ чемъ дѣло, онъ перевелъ духъ и сказалъ съ облегченіемъ:

— Ну, вотъ, ну, вотъ, слава Богу. Немного поапплодировать, — это всетаки лучше...

А я остановился съ чувствомъ тупого удивленія; все теперь точно застигало меня врасплохъ... Ну да.... конечно. Это они апплодируютъ Бѣлічкѣ. Еще вчера я бы апплоди-

ровалъ также... Или, быть можетъ, страстно противился бы аплодисментамъ... Теперь я былъ въ сторонѣ... Я не восторгался и не негодовалъ. Я прислушивался къ тому, что происходило въ моей душѣ...

У крыльца стояла линейка, ожидавшая трехъ часовъ и конца лекцій, чтобы отправиться въ Москву. Я сошелъ со ступенекъ и сѣлъ въ линейку. Только отъѣхавъ на нѣкоторое разстояніе, я вдругъ вспомнилъ, что мнѣ совсѣмъ не надо въ Москву. Тогда я соскочилъ на ходу. На меня посмотрѣли съ удивленіемъ, но мнѣ было безразлично. Я оказался какъ разъ у дорожки, гдѣ когда-то видѣлъ Урмановыхъ вмѣстѣ... Куда же мнѣ идти? Да, я вышелъ съ послѣдней лекціи...

Значитъ, нужно идти въ столовую...

IV.

За буфетомъ, у входа въ столовую, какъ всегда, стояла молоденькая нѣмочка. Она дружески улыбнулась, кивнувъ хорошенькою, почти еще дѣтскою головкой, и протянула мнѣ обѣденный билетъ. Я отвѣтилъ на поклонъ и даже, кажется, повторилъ на лицѣ веселую улыбку, которой ежедневно обмѣнивался съ нею. Но вдругъ мнѣ пришло въ голову, что цвѣтъ ея лица совершенно такой же, какъ у профессора Бѣлячки: слишкомъ бѣлый и слишкомъ розовый. Я взглянулъ пристально. Фрейлейнъ сразу какъ-то потупилась подъ моимъ взглядомъ, и все лицо ея, даже тонкія, немного оттопыренныя ушки зардѣлись пунцовымъ румянцемъ. Изъ кухни несся густой запахъ капусты и котлетъ.

— Ресторанная красота, расцвѣтающая среди питательныхъ запаховъ. Тоже вполнѣ благополучное существованіе... — подумалъ я и съ этой мыслью вошелъ въ столовую.

Господинъ Шмитъ, отецъ дѣвушки, толстый нѣмецъ, съ головой, съуживающейся кверху, и съ оттопыренными ушами, какъ у дочери, наливалъ какому-то студенту супъ съ такимъ снисходительно-величавымъ видомъ, какъ будто оказывалъ этимъ благодѣяніе на всю жизнь.

Всѣ мы, конечно, были знакомы г-ну Шмиту. Онъ былъ истинный артистъ своего дѣла и зналъ студентовъ не только по фамиліямъ, но и по степени ихъ аппетита и по ихъ вкусамъ. Меня всегда забавляло странное сходство толстаго и некрасиваго нѣмца съ его субтильной и хорошенькой дочкой. Когда онъ смѣялся, широкій ротъ раскрывался до ушей, и онъ становился похожъ на толстую лягушку... Дѣвушка казалась мнѣ теперь маленькимъ головастикомъ.

— Добрый день, господинъ Потаповъ... Теперь мы самъ бу-

демъ обѣдайтъ съ большой апетитъ, — сказалъ господинъ Шмитъ, кланяясь мнѣ и улыбаясь самымъ благосклоннымъ образомъ. Эту фразу онъ произносилъ подъ конецъ обѣда почти ежедневно, желая, вѣроятно, примѣромъ своего апетита и видомъ своей сытой фигуры внушить хорошую идею о доброкачественности продуктовъ.

— Егоръ! поставь мой приборъ рядомъ съ господинъ Потаповъ.

Егоръ поставилъ тарелки, подалъ супъ и откупоренную бутылку пива. Господинъ Шмитъ принялся за обѣдъ съ видомъ необыкновеннаго довольства. Черезъ нѣсколько минутъ въ тарелкѣ ничего не было; г-нъ Шмитъ отломилъ кусокъ булки, обтеръ имъ засаленныя губы и тотчасъ же отправилъ въ ротъ. Затѣмъ онъ посмотрѣлъ на меня, прищуривъ одинъ глазъ, улыбнулся съ лукавымъ торжествомъ и отпилъ сразу полкружки пива. Господинъ Шмитъ щеголялъ своеобразной гастрономической эстетикой, внушавшей зрителю невольный апетитъ.

— Что вы дѣлаете, господинъ Потаповъ, — сказалъ онъ вдругъ довольно строго. — Вы смотрите на другой человѣкъ, какъ другой человѣкъ кушаетъ, а вашъ супъ стынетъ.

И, точно учитель, желающій смягчить выговоръ шуткой, онъ прибавилъ мягче:

— Машинъ надо смазывайтъ... неправда ли, это такъ?..

— Да, господинъ Шмитъ, именно такъ: машину надо смазывать, — подтвердилъ я, принимаясь за ложку.

— Студентъ долженъ это дѣлать особенно,— глубокомысленно сказалъ господинъ Шмитъ. — Неправда ли? это такъ?

— Почему же, господинъ Шмитъ, студентъ особенно?

— Животъ пустой — голова не работаетъ... Голова не работаетъ, кушать нечего...

Господинъ Шмитъ зашелся веселымъ смѣхомъ, допилъ залпомъ свою кружку и обтеръ пѣну.

Я слушалъ эти афоризмы и смотрѣлъ на артистическіе пріемы г-на Шмита такъ, какъ будто все это были для меня новыя откровенія... Но когда я самъ поднесъ ложку къ губамъ, — жиръ, плававшій на поверхности полной тарелки, вызвалъ во мнѣ какое-то содроганіе. Я безпомощно положилъ ложку.

— Ну? — спросилъ съ безпокойнымъ участіемъ г-нъ Шмитъ...—Мой супъ—плохой супъ?..

— Нѣтъ, господинъ Шмитъ,—отъѣтилъ я,—но я что-то... не могу.

— Не могу кушать? Что значитъ не могу?.. Это значитъ, вы нездоровы. Минна, господинъ Потаповъ нездоровъ. Дай

сейчасъ одну рюмку водки и одну щепотку перецъ. Мы сейчасъ будемъ репарировать машинъ господинъ Потапова.

Я наскоро и съ легкимъ содроганіемъ поблагодарилъ господина Шмита и его дочку, собиравшихся не на шутку заняться починкой моей машины собственными средствами, и вышелъ изъ столовой.

Кучка студентовъ, вѣроятно, засидѣвшихся въ аудиторіи за продолженіемъ споровъ о Бѣлѝчкѣ, спѣшно торопилась въ столовую, все еще громко разговаривая. Я зналъ, что они сейчасъ накинутся на меня, и нарочно свернулъ въ сторону къ парку.

Въ паркѣ было тихо и пусто. Деревья стояли безлистыя, сонныя. Кое-гдѣ изъ-подъ талаго снѣга проглядывали гніющіе листья... Это зрѣлище тихаго умиранія природы меня успокаивало. Въ разложеніи павшаго листа, въ грустно поникшей желтой травѣ, въ легкомъ прѣломъ запахѣ, который стоялъ въ воздухѣ, не было ничего оскорбляющаго и бередящаго мои теперешнія ощущенія. Я ходилъ до утомленія, до темноты, вслушиваясь, какъ гдѣ-то каплютъ слезы съ деревьевъ, какъ шуршатъ, расправляясь, отсырѣвшія на землѣ вѣтки, вглядываясь, какъ сумерки закутываютъ все кругомъ, какъ ночь покрываетъ всю эту печаль умирающей или дремлющей природы своей цѣломудренной темнотой.

Въ номера я вернулся поздно. Титъ спалъ, не погасивъ лампу, нарочно для меня. Въ лампѣ, вѣроятно, испортилась горѣлка: газъ просачивался въ какое-то отверстіе, и отъ этого въ тишинѣ нашего номера слышалось тоненькое, тягучее шипѣніе, которому Титъ вторилъ мѣрнымъ носовымъ свистомъ. Большой шкафъ и полки съ книгами, казалось мнѣ, прислушиваются въ какомъ-то насмѣшливо-сдержанномъ молчаніи къ этому нелѣпому и ненужному свисту. Ноющій и жалкій писк лампочки раздражалъ меня гораздо менѣе, чѣмъ звуки, исходившіе отъ моего пріятеля. Я легъ и, закрывшись, сталъ дремать.

Но вдругъ я вскочилъ въ ужасѣ. Мнѣ отчетливо послышался скрежетъ машины, частые толчки, какъ будто на гигантскомъ каткѣ катали бѣлье... Казалось, я долженъ опять крикнуть что-то Урманову... Поэтому я быстро подбѣжалъ къ окну и распахнулъ его... Ночь была тихая. Все кругомъ спало въ сѣрой тьмѣ, и только по желѣзной дорогѣ ровно катился поѣздъ, то скрываясь за откосами, то смутно свѣтясь клочками пара. Рокочущій шумъ то прерывался, то опять усиливался и наконецъ совершенно стихъ...

Когда я закрылъ окно, мнѣ стало страшно. Кругомъ —

только машины. Разбуженный моими шагами и стукомъ окна, Титъ сѣлъ на постели, обвелъ комнату безсмысленнымъ взглядомъ, опять упалъ на спину и сталъ всхрапывать... И опять раздался тонкій писк лампы. Сопѣніе Тита казалось мнѣ безсмысленнымъ и мертвымъ... Въ тягучемъ пѣніи лампы слышалось, наоборотъ, загадочное выраженіе...

Когда-то въ дѣтствѣ міръ былъ населенъ таинственными духами, и по ночамъ я дрожалъ отъ суевѣрнаго ужаса. Теперь мой ужасъ былъ глубже и холоднѣе. Нѣтъ ничего, ничего!.. Ночь, шкафы, темные углы и сѣрыя стѣны... Темныя окна и вѣтеръ въ трубѣ... Машина, называемая лампой, пищитъ о чемъ-то, точно комаръ надъ ухомъ, такъ жалобно, что мнѣ хочется плакать. Машина, называемая Титомъ, всхрапываетъ и свиститъ ноздрями такъ безсмысленно, что ее хочется разбить... А машина, которую я называю *я*, лежитъ безъ движенія, безъ мысли, чувствуя только что-то холодное, склизкое, ужасное и отвратительное, что запало въ душу утромъ, стало мною самимъ, центромъ моихъ ощущеній. И все, что я ни ощущаю въ себѣ, все только *оно* и нѣтъ во мнѣ ничего больше...

Холодно, пусто, мертво...

Такъ кончился этотъ первый день много новаго настроенія. А на утро я опять проснулся какъ будто успокоившимся, но все же съ сознаніемъ, что это настроеніе заняло еще нѣкоторое пространство въ душѣ.

Слѣдующіе дни мнѣ вспоминаются въ туманѣ, безъ свѣта и тѣней, точно осеннія сумерки...

V.

— Не пойдемъ ли сегодня на сходку? — спросилъ у меня Титъ, какъ-то отвернувшись въ сторону.

— Зачѣмъ? — спросилъ я.

— Да вѣдь ты же ходилъ прежде... А сегодня *вопросъ* очень интересный.

Слово „вопросъ“ Титъ произнесъ съ какой-то неловкостью, какъ человѣкъ, сознающій, что въ его устахъ онъ звучитъ натянуто и странно.

— Да, я прежде ходилъ, а теперь считаю лишнимъ. А вотъ *ты* прежде мало интересовался „вопросами“... А теперь заинтересовался?

Титъ посмотрѣлъ на меня, и наши взгляды встрѣтились. Это былъ безмолвный діалогъ.

Титъ спрашивалъ у меня: неужели я не понимаю, что онъ любитъ меня и пугается моего отчужденія отъ всего, что

интересовало меня прежде; что въ его упоминаніи о „вопросахъ“ сказались именно эта любовь и эта боязнь, что, наконецъ, я отвѣчаю ему холодно и незаслуженно-жестоко?

Я понималъ глубоко-трогательное значеніе этого взгляда, но у меня не нашлось отвѣта. Гдѣ-то глубоко, откуда-то издалека шевельнулся неясный намекъ, но... я отвернулся.

Лицо Тита потемнѣло...

— Послушай, Потаповъ, — сказалъ онъ сердитымъ голосомъ. — Съ *тѣхъ* поръ ты сталъ все равно, какъ цѣпная собака...

Я смотрѣлъ на его непріятно злое лицо и думалъ:

„Вотъ онъ какой... Тотъ разъ онъ двоился въ моихъ глазахъ... Теперь двоится въ моемъ представленіи. Который Титъ настоящій?“

И я все смотрѣлъ на Тита любопытно и пытливо. Отъ этого взгляда лицо Тита все болѣе темнѣло, становилось суше и непріятнѣе. Онъ нахлобучилъ на голову картузъ, надѣлъ пальто, расшвырялъ на столѣ мои книги, взялъ изъ нихъ сборникъ журнальныхъ статей Вареоломея Зайцева, который недавно купилъ для меня же, и, сунувъ его подъ мышку, вышелъ, не оглядываясь, изъ номера.

Онъ имѣлъ видъ человѣка, неожиданно для самого себя пустившагося въ самое отчаянное предпріятіе.

Въ этотъ день въ первый разъ Титъ ораторствовалъ на сходкѣ. Ночью онъ пришелъ позже меня, лицо его было темно-красное и онъ производилъ впечатлѣніе выпившаго, хотя никогда не пилъ ни капли водки. Подойдя къ моей кровати, онъ постоялъ надо мной, какъ будто желая разсказать о чемъ-то, но потомъ быстро отвернулся и легъ на свою постель. Ночью онъ спалъ безпокойно и какъ-то жалобно стоналъ... А на слѣдующій день въ академіи много говорили о неожиданномъ ораторскомъ выступленіи Тита и много смѣялись надъ его цитатами изъ Зайцева...

Въ молчаливомъ взглядѣ Тита я прочиталъ укоризну... Я понялъ, что чѣмъ-то оттолкнулъ моего друга, но у меня не нашлось нужнаго движенія души, чтобы заровнять образующуюся трещину.

Мой внутренній взглядъ въ эти дни былъ прикованъ къ тому сѣрому пятну, которое стало центромъ моихъ настроеній. Безпрестанно, даже въ то время, когда, казалось, я ни о чемъ не думалъ, оно разросталось въ душѣ, занимая все больше мѣста. Всѣ жизненныя явленія я относилъ къ этому основному впечатлѣнію. Теперь я съ чрезвычайной легкостью различалъ худшія проявленія человѣческой природы. Въ по-

ступкахъ и словахъ—пошлость и своекорыстіе, въ побужденіяхъ—самое несложное, простое, животное. И я умѣлъ подчеркнуть это какой-нибудь одной, вскользь брошенной фразой, иногда однимъ словомъ, иной разъ даже взглядомъ. Представленіе мое о людяхъ становилось глубоко циничнымъ. Женщины, встрѣчая мой пристальный взглядъ, смущались и краснѣли. Ничего специфически грязнаго я при этомъ не думалъ; я только видѣлъ то склизко-сѣрое, которое одно опредѣляло для меня человѣческую природу.

Отъ этого вокругъ меня образовалась пустота. Товарищеская среда недоумѣвала. Ранѣе она меня знала и любила. Я горячо откликался на всѣ ея волненія, и меня привыкли „чувствовать“ именно такимъ: волнующимся, отзывчивымъ на всякое дѣло, которое я считалъ справедливымъ. У меня были союзники и противники. И я былъ въ союзѣ или въ борьбѣ среди того маленькаго мірка, который учился, думалъ, волновался и спорилъ вокругъ академіи.

Теперь эта связь рѣзко разорвалась. Вскорѣ послѣ лекціи Бѣлѝчки меня встрѣтилъ студентъ Крестовоздвиженскій, бывшій семинаристъ, говорившій на о, смотрѣвшій на все очень опредѣленно—прямолинейно и просто.

— Слушайте, Потаповъ,—сказалъ онъ,—что вы скажете про Бѣлѝчку? До сихъ поръ мнѣ не удалось еще слышать вашего мнѣнія. Эта овація на мой взглядъ совершенный позоръ...

Я посмотрѣлъ на него разсѣяннымъ взглядомъ и сказалъ:

— По моему Бѣлѝчка совершенно правъ.

— То есть... Какъ это правъ? Вы считаете, что все, что говорилъ про него покойный Урмановъ,—выдумка?.. А я считаю, что все это совершенная правда... Конечно, я понимаю: все-таки нужны конкретные факты... Ну и тому подобное... Вы тоже скажете, что еще нельзя выражать порицаніе...

Онъ пытливо посмотрѣлъ на меня. Еще недавно мы были съ нимъ если не друзьями, то все же близки...

— Да... Вотъ многіе говорятъ, что надо подождать ясныхъ доказательствъ... Ну, а апплодировать можно и безъ доказательствъ?.. Свидѣтельство умершаго товарища... этотъ въ извѣстномъ смыслѣ голосъ изъ-за могилы....

Онъ волновался, и его громкій, грубоватый голосъ дрожалъ.

— Между тѣмъ... развѣ вы не понимаете? Этой овацiей впередъ рѣшенъ вопросъ въ пользу Бѣлѝчки.

— Позвольте...—сказалъ я. Я хотѣлъ отвѣтить, что прежде всего я вовсе не апплодировалъ Бѣлѝчкѣ, но Крестовоздвиженскій уже не слушалъ. Онъ продолжалъ возбужденно гово-

рить о томъ, что видитъ въ этомъ эпизодѣ своего рода тяжбу между памятью Урманова и подлецомъ, который...

Вокругъ насъ собиралась кучка студентовъ, внимательно слушавшихъ этотъ односторонній діалогъ. Здѣсь были противники Бѣлѝчки, какъ и Крестовоздвиженскій, которые считали, что я долженъ быть на ихъ сторонѣ, и удивлялись, что я какъ будто возражаю. Были и другіе, которые теперь считали меня своимъ неожиданнымъ союзникомъ и тоже не понимали, почему это случилось?..

Я сознавалъ, что это общее недоразумѣніе... Когда я говорилъ, что Бѣлѝчка правъ,—я разумѣлъ совсѣмъ не то, что они. Моя мысль шла непонятными для нихъ какъ бы подземными ходами, и я чувствовалъ, что, если я ее выскажу,—это объединитъ противъ меня и тѣхъ, и другихъ... Я представилъ себѣ неожиданность, растерянность, недоумѣніе. Можетъ быть негодованіе, можетъ быть споры, а можетъ быть простое пренебреженіе къ непонятной точкѣ зрѣнія... Поэтому я сказалъ только:

— Вы, Крестовоздвиженскій, теряете слова попустому. Я не апплодировалъ Бѣлѝчкѣ... Но...

— Но?—переспросилъ Крестовоздвиженскій, вглядываясь съ ожиданіемъ въ мое лицо...

— Но голосовъ изъ-за могилы не бываетъ ни въ какомъ смыслѣ... И я не понимаю, о какой тяжбѣ вы говорите?

Широкое лицо Крестовоздвиженскаго внезапно покраснѣло, а небольшіе глаза сверкнули гнѣвомъ... „Какъ у быка, котораго подразнили красной суконкой“,—мелькнуло у меня въ головѣ. Я смотрѣлъ на него, и онъ смотрѣлъ на меня, а кругомъ стояло нѣсколько товарищей, которые не могли дать себѣ отчета, о чемъ мы собственно споримъ. Крестовоздвиженскій, нѣсколько озадаченный моимъ отвѣтомъ, сначала повернулся, чтобы уйти, но вдругъ остановился и сказалъ съ натискомъ и съ большой выразительностью:

— Хорошо... Пусть такъ... Но можетъ быть вы вспомните, что говоритъ Писаревъ: скептицизмъ, доведенный дальше извѣстнаго предѣла, становится подлостью...

Кучка студентовъ замерла при этомъ рѣзкомъ оскорбленіи. Но меня оно не задѣло. Я только пожалъ плечами и повернулся спиной...

Трещина между мною и моими товарищами залегала все глубже. Прежде я цѣнилъ въ Крестовоздвиженскомъ его прямоту, грубую непосредственность и какое-то непосредственное чутье правды. Мнѣ казалось, что онъ чаще другихъ и скорѣе меня находитъ направленіе, въ которомъ лежитъ истина, не

умѣя доказать ее. Поэтому его послѣдняя фраза, сказанная съ грубой и взволнованной экспрессіей, залегла всстаки у меня въ душѣ... Скептицизмъ?.. Развѣ то, что теперь во мнѣ, скептицизмъ? Я не сомнѣваюсь, я такъ *ощущаю*.

Войдя въ свой номеръ, я взглянулъ на портретъ Фохта... „Наше время ниспровергло разницу между вещественнымъ и нравственнымъ и не признаетъ болѣе такого дѣленія“... Ну, вотъ. И они не признаютъ такого дѣленія... Только они этому радуются... Они не видѣли того „вещественнаго“, что такъ неожиданно явилось мнѣ тамъ, на рельсахъ. Ну, да. Раздѣленія нѣтъ! И вещественное, и нравственное лежало тамъ въ грязномъ черепкѣ... Они этого не чувствуютъ, а я чувствую въ себѣ, въ нихъ, во всей жизни...

Возрастающее отчужденіе мнѣ было больно. Я жалѣлъ о томъ времени, когда я могъ жить съ товарищами общей жизнью. Но истина,—говорилъ я себѣ,—есть истина, то есть нѣчто объективное, отъ чего можно отвернуться лишь на время. Все равно она напомнитъ о себѣ этимъ душевнымъ холодомъ и скрежетомъ. Отъ нея не уйдешь, и отворачиваться отъ нея нечестно.

Съ этими мыслями я шелъ по аллеѣ парка безъ цѣли и не давая себѣ отчета, куда иду. Я очнулся около пруда и вдругъ остановился, пораженный ясной, какъ мнѣ казалось, мыслью...

Солнце садилось въ синюю тучу, тронувъ ея края косыми лучами. Мнѣ вспомнилось вдругъ, что однажды тутъ вотъ, на скамьѣ сидѣли Урмановы и оба смотрѣли на закатъ, который тогда былъ горячѣе и ярче. Края облаковъ горѣли пурпуромъ и золотомъ, остальная масса синѣла той смутною синевой, въ которой только угадываются, то развертываясь, то утопая, какія-то формы... Облака это, или лѣса, или странныя животныя?.. Я тогда унесъ въ душѣ два человѣческихъ лица, озаренныя и мечтательныя, какъ это облако. И я шелъ навстрѣчу ему, съ его золотыми краями и смутной глубиной... Романъ Урмановыхъ казался мнѣ такимъ же золотымъ и такимъ же смутнымъ... Что это будетъ? Спустится ночь, и туча, быть можетъ, раскинется широко по всему небу, и въ темнотѣ засверкаютъ зарницы, и громъ раскатится надъ темными полями... Или облако унесется далѣе, вслѣдъ за убѣгающимъ днемъ, и будетъ такъ же сверкать на чужомъ дальнемъ горизонтѣ, и на него будутъ смотрѣть другіе глаза, и въ чьей-то душѣ зародятся такія же мечты... А здѣсь будетъ молчаливая, полная грусти ночь?.. Но что бы то ни было,—оно мнѣ казалось тогда прекрасно, какъ эти золотые края и какъ эта синяя глубина...

Теперь я стоялъ на этой же дорожкѣ, около памятной скамейки, пораженный внезапною мыслью...—„Какъ это ясно,—думалъ я,—какъ поразительно ясно!“

Ничего этого нѣтъ! Ни золота, ни отблесковъ, ни глубокой мечтательной синевы, порождающей обманчивые образы и грёзы. Стоитъ приблизиться къ этому облаку, войти въ него, и тотчасъ же исчезнетъ вся эта мишура... Останется то, что есть на самомъ дѣлѣ: безчисленное множество водяныхъ пузырьковъ, холодная, пронизывающая, слякотная сырость, покрывающая огромныя пространства, мертвая, невыразительная, безцвѣтная. И отъ времени до времени ее прорѣзываетъ безсмысленный, страшный и такой же холодный скрежетъ...

Этотъ образъ на время совершенно завладѣлъ моимъ воображеніемъ.

Еще недавно я такъ же смотрѣлъ на жизнь, какъ на это облако, изъ обманчиваго далека. Жизнь сверкала для меня золотомъ и багрянцами, какъ декораціи фальшивой пьесы. Теперь часто гдѣ-нибудь въ паркѣ, еще полномъ воспоминаніями, или въ лиственичной аллейкѣ, или на платформѣ желѣзной дороги я переживалъ все это по иному, съ изнанки... Валентинѣ Григорьевнѣ и ея американскому сожителю понадобились деньги. Старый генералъ не давалъ. Онъ хотѣлъ выдать ее законнымъ бракомъ по своему выбору. Пришлось обмануть стараго генерала. У „американки“ сильный характеръ и два взгляда. Одинъ холодный и жесткій. Другой влекущій, обѣщающій, манящій и трогательный. Это ея оружіе въ борьбѣ за существованіе. Съ его помощью она искала себѣ фиктивнаго мужа. Я тоже чувствовалъ на себѣ силу этого взгляда. Урмановъ отдался ему безъ завѣтно... Если бы люди смотрѣли на все это проще... Если бы они знали, что правда только въ физіологіи, — все это обошлось бы много дешевле. Но люди опутали физіологію бутафорскими украшеніями... И вотъ...

Шагъ за шагомъ я обнажалъ такимъ образомъ всю жизнь, разлагая ее. Послѣ разложенія я разсматривалъ остатокъ и, понятно, не находилъ того, что видѣлъ ранѣе... На посторонній взглядъ могло показаться, что я совершенно здоровъ. Я велъ обычный образъ жизни, ходилъ на лекціи, въ столовую, въ лабораторію... Ѣздилъ въ Москву, и даже по прежнему мы съ Титомъ ходили къ полустанку. Меня влекло туда, и Титъ слѣдовалъ за мной съ безотчетной тревогой. Только прежнихъ бесѣдъ не было. Я молчалъ, Титъ шагалъ также въ угрюмомъ молчаніи. Я не звалъ Тита и порой уходилъ одинъ. Зачѣмъ? Только затѣмъ, чтобы посмотрѣть еще разъ, какъ колеса

вагоновъ плотно прижимаются къ рельсамъ. А кругомъ скучно свистѣлъ въ проволокѣ вѣтеръ, порой вьюга шипѣла въ щеляхъ бесѣдки, телеграфные столбы стонали отъ внутренняго озноба, и съ откоса глядѣлъ грустный огонекъ сторожевой избушки... И по прежнему оттуда выходилъ сторожъ, и его огонекъ, какъ свѣтлякъ, ползалъ по шпаламъ. По прежнему поѣзда встрѣчала сторожиха, и вѣтеръ трепалъ одежду на ея большомъ животѣ, а за подолъ держались озябшія дѣти. Когда Титъ бывалъ со мною, онъ подзывалъ дѣтишекъ и надѣлялъ ихъ скромными гостинцами, но я уже не мечталъ о томъ, что мы скоро сдѣлаемъ и эту семью счастливой. Что такое счастье?.. Пустое слово... Жизнь для самыхъ якобы счастливыхъ—только обманъ. Стоитъ ли думать о мелкихъ деталяхъ, когда вся картина фальшива и не стоитъ вниманія...

Порой мнѣ невольно вспоминался Лермонтовъ:

А жизнь, какъ посмотришь съ холоднымъ
вниманьемъ вокругъ,
Такая пустая и глупая шутка!..

Нѣтъ, это еще слишкомъ красиво. Лермонтовъ не могъ чувствовать всей правды, и его „холодное вниманье“ было для меня слишкомъ эффектно...

Порой я подолгу засиживался въ бесѣдкѣ. Ноги у меня коченѣли, пальцы рукъ теряли способность сгибаться; ощущеніе холода пронизывало меня насквозь, смѣшиваясь съ тѣмъ внутреннимъ холодомъ, который лежалъ въ глубинѣ души. Зубы стучали, весь я дрожалъ, съеживался и казался себѣ такимъ маленькимъ, жалкимъ и ничтожнымъ, какъ послѣдняя озябшая собаченка. И когда я въ эти минуты вспоминалъ о прежнихъ гордыхъ мечтахъ, то въ темной бесѣдкѣ я слышалъ свой собственный смѣхъ, такой странный и жалкій, что мнѣ становилось жутко: казалось, кто-то другой смѣется здѣсь надо мною...

Однажды, когда я забылся такимъ образомъ, въ бесѣдку вошелъ встревоженный Титъ. Я понялъ: онъ боялся за меня. Онъ думалъ, что меня „тянетъ“ къ рельсамъ, и не рѣшался высказать это прямо.

— Нѣтъ, братъ, этого нѣтъ,—сказалъ я, вставая ему навстрѣчу.

— Чего?

— Ну, ты знаешь... Конечно,—ничего удивительнаго не было бы. Жизнь, Титушка, какъ посмотришь съ холоднымъ вниманьемъ...

Въ это время подошелъ пассажирскій поѣздъ. Онъ на минуту остановился; темныя фигуры вышли на другомъ концѣ

платформы и пошли куда-то въ темноту вдоль полотна. Поѣздъ двинулся далѣе. Свѣтъ изъ оконъ ползъ по платформѣ полосами. Какія-то китайскія тѣни мелькали въ окнахъ, проносились и исчезали. Изъ вагоновъ третьяго класса неслся заглушенный шумъ, обрывки пѣсенъ, гармонія. За поѣздомъ осталась полоска отвратительнаго амміачнаго запаха...

— Пахнетъ человѣкомъ, — сказалъ я Титу, когда поѣздъ исчезъ. И потомъ, положивъ ему руку на плечо, я сказалъ:

— Это, братъ, своего рода прообразъ. Жизнь... Можно ѣхать въ духотѣ и вони дальше или идти, какъ вонъ тѣ фигуры, въ темноту и холодъ... Или, какъ Урмановъ,—остаться на рельсахъ.

— Ахъ, Потапычъ,—съ тоской сказалъ Титъ.

— Не безпокойся, Титушка. Я не дѣлаю выбора. По моему все одинаково скверно. Смерть, братъ, — выводъ изъ жизни. Прежде она мнѣ часто казалась прекрасна... Теперь... Ну, пойдемъ...

Титъ глубоко вздохнулъ и опять сказалъ фразу, которую я уже разъ слышалъ сквозь сонъ:

— Ахъ, Потапычъ, Потапычъ! Вотъ до чего доводитъ философія...

— То есть пониманіе,—хочешь ты сказать,—возразилъ я.— Это, братъ, штука не произвольная... Попробуй вотъ, нарочно, скажи себѣ мысленно „дважды два“ и запрети мозгу отвѣтить „четыре“. Если бы тебѣ грозили смертью,—всетаки не удержаться. Мозгъ самъ скажетъ „четыре“ съ точностью машины... Помнишь Галилея? У него требовали, чтобы онъ отрекся отъ истины, которая для него была очевидна. И онъ согласился. Это, братъ, пустяки говорятъ историки... самоотверженное служеніе истинѣ и прочее. Старый трусъ пошелъ на всѣ униженія и торжественно отрекся. А потомъ у него вырвалось непроизвольнымъ рефлексомъ: e pur si muove... То есть дважды два—четыре... И, конечно, это въ немъ говорила не „любовь къ истинѣ“, а непроизвольный рефлексъ мозговой машины, то есть въ сущности, братъ, простая физіологія...

Я говорилъ больше для себя, не заботясь о томъ, какъ пойметъ меня слушатель. Но на этотъ разъ Титъ сказалъ очень рѣшительно:

— Дважды два, Потапычъ, дѣйствительно четыре... А ты городишь какую-то чепуху...

— Нѣтъ, Титушка, къ сожалѣнію, это не чепуха. Помнишь Пятницкаго?

Пятницкій былъ нашъ учитель. Онъ былъ немного смѣ-

шонъ, и жена измѣнила ему съ офицеромъ. Онъ покушался на самоубійство и потомъ объяснялъ товарищамъ, что стрѣлялся собственно не оттого, что измѣнила именно его Параша, а оттого, что „всѣ, всѣ онѣ одинаковы“...

— Ну, помню... Такъ что же?—сказалъ Титъ.

— А то, Титушка. Намъ мало знать, что около насъ благополучно... Понимаешь... хочется вѣрить, что и все хорошо, близко, далеко... въ безконечности... времени и пространства.

— Это пустяки,—сказалъ Титъ.—Это опять философія.

— Погоди... Я постараюсь тебѣ объяснить. Пріятно тебѣ было бы жить въ домѣ, гдѣ все валится, гніетъ и плесневѣетъ? Ты знаешь: тебя-то еще не придавитъ, но самое ощущеніе этого разрушенія... это, братъ, смертная тоска... Теперь представь себѣ, что кто-нибудь доказалъ ясно, какъ дважды два, что весь нашъ міръ, какъ старая развалина, одряхлѣлъ, заболѣлъ, кряхтитъ и скоро свалится, ну, скажемъ, этакъ черезъ двѣсти-триста лѣтъ... Правда, тебѣ стало бы очень скучно?.. А между тѣмъ, что тебѣ за дѣло до того, что будетъ черезъ 300 лѣтъ? И всетаки руки опустились бы... Люди стали бы сходить съ ума... Понимаешь, Титушка, что я говорю... Хочется жить и умирать въ хорошемъ, свѣтломъ и прочномъ домѣ... Въ хорошемъ мірѣ, въ хорошей вселенной, гдѣ все осмысленно, гдѣ дышитъ разумъ и правда... Тогда стоитъ достигать чего-нибудь... Я думаю: вотъ это справедливо. И я хочу, понимаешь ты, хочу страстно, неудержимо, чтобы то, что я считаю справедливымъ, *было*... чтобы гдѣ-то рядомъ, близко, далеко, въ самой безконечности двигалось съ безконечною силой то, что движется во мнѣ, какъ слабая искорка... Правда, красота, добро, любовь... Какъ бы ихъ ни называть... Ну, однимъ словомъ, то, что свѣтитъ въ душѣ, отъ чего сильнѣе бьется сердце... Понимаешь ты меня?..

— Ну-у...—сказалъ Титъ, и я почувствовалъ въ темнотѣ, что Титъ смотритъ на меня съ глубокимъ вниманіемъ...

— Ну, этого всего... нѣтъ... все бутафорія, декорація... Это облако, позолоченное солнцемъ... А внутри...

И я развилъ передъ нимъ овладѣвшій мной образъ. И, пока мы медленно шли по темной дорожкѣ и я говорилъ,—Титъ шагалъ съ молчаливымъ вниманіемъ. Когда мы были уже у воротъ и намъ вблизи засвѣтили окна „казенныхъ“ номеровъ,—Титъ замедлилъ шаги и сказалъ:

— Не хочется, просто, возвращаться къ себѣ... Ахъ, Гаврикъ, — прежняя твоя философія была гораздо пріятнѣе...

— Что дѣлать, Титушка... Ты же смѣялся надъ моимъ

„идеализмомъ“. То было дважды два пять или много больше... А это—какъ разъ дважды два четыре...

Въ первый разъ съ того времени я говорилъ съ Титомъ откровенно... Онъ былъ этому радъ, но радость была скучная. А мнѣ стало какъ будто легче.

VI.

Были нѣсколько лицъ, которыхъ я не рѣшался еще затронуть своимъ циническимъ анализомъ.

Однимъ изъ нихъ былъ профессоръ Изборскій.

Однажды я вошелъ въ музей, гдѣ онъ занимался со студентами по физіологіи растеній. Стѣны были увѣшаны таблицами. Въ рядѣ рисунковъ былъ изображенъ гётевскій метаморфозъ. Изображенія клѣточекъ, разрѣзы стеблей, формы листьевъ... Все это было отчетливо, красиво и какъ-то чисто. Меня не оскорбляла и не наводила на обычныя мысли идея живого растенія... Только остатки насѣкомаго въ чашечкѣ мухоловки издали напомнили рядъ непріятныхъ ощущеній. Въ общемъ я всетаки относился снисходительно къ попыткамъ растеній пріобщиться къ процессу жизни...

Профессоръ Изборскій былъ очень худощавъ, съ тонкимъ, выразительнымъ лицомъ и прекрасными, большими сѣрыми глазами. Они постоянно лучились какимъ-то особеннымъ, подвижнымъ, перебѣгающимъ блескомъ. И въ нихъ рядомъ съ мыслью свѣтилась привлекательная, почти дѣтская наивность.

Когда я вошелъ въ музей профессора, Изборскаго окружала кучка студентовъ. Изборскій былъ высокъ, и его глаза то и дѣло сверкали надъ головами молодежи. Рядомъ съ нимъ стоялъ Крестовоздвиженскій, и они о чемъ-то спорили. Студентъ нападалъ. Профессоръ защищался. Студенты, по крайней мѣрѣ тѣ, кто вмѣшивался изрѣдка въ споръ, были на сторонѣ Крестовоздвиженскаго. Я не сразу вслушался, что говорилъ Крестовоздвиженскій, и сталъ разсматривать таблицы, въ ожиданіи предстоявшей лекціи.

— Да... профессоръ,—мы тоже цѣнимъ науку,—говорилъ Крестовоздвиженскій своимъ грубовато-искреннимъ голосомъ,—но мы не забываемъ, что въ то время, какъ интеллигенція красуется на солнцѣ, тамъ, гдѣ-нибудь въ глубинѣ шахтъ роются люди... Вотъ именно, какъ говоритъ Некрасовъ: предоставивъ почтительно намъ погружаться въ искусства, въ науки...

Изборскій сдѣлалъ порывистое движеніе, какъ будто хотѣлъ возразить, но вдругъ спохватился, взглянулъ на часы и сказалъ:

— Господи... Пора начинать лекцію...

Дѣйствительно небольшая аудиторія въ музеѣ уже была полна. Изборскій съ внѣшней стороны не былъ хорошимъ лекторомъ. Порой онъ заикался, подыскивалъ слова. Но даже въ эти минуты его наивные глаза сверкали такимъ внутреннимъ интересомъ къ предмету, что вниманіе аудиторіи не ослабѣвало. Когда же Изборскій касался предметовъ, ему особенно интересныхъ, его рѣчь становилась красивой и даже плавной. Онъ находилъ обороты и образы, которые двумя-тремя чертами связывали спеціальный предметъ съ областью широкихъ общихъ идей...

Главный предметъ, которымъ Изборскій занимался спеціально, была роль хлорофилла въ жизни растенія. И теперь на столѣ передъ нимъ стоялъ небольшой приборъ, съ нѣсколькими трубками, расположенными по радіусамъ. Въ центрѣ этого прибора профессоръ помѣстилъ спрепарированную часть листа... Видны были органы дыханія, устьица и зерна хлорофилла—этой зеленой крови растеній. Этотъ приборъ и опыты, которые Изборскому удалось произвести съ его помощью, доставили ему почетную извѣстность въ научномъ мірѣ. Въ полѣ зрѣнія, доступная вооруженному взгляду, раскрылась таинственная работа солнечной энергіи въ зеленомъ зернышкѣ хлорофилла...

Въ этотъ день Изборскій былъ особенно въ ударѣ. Шагъ за шагомъ, ясно, отчетливо, осязательно онъ изобразилъ всѣ фразы мірового процесса, въ которомъ совершается взаимодѣйствіе животнаго и растительнаго царствъ... И вдругъ, безъ эффекта, естественно и просто онъ перешелъ къ предмету недавняго спора со студентами... Зернышко хлорофилла совершаетъ великую работу... Оно въ листѣ. Листъ красуется и трепещетъ на воздухѣ, залитый потоками свѣта, въ то время, когда корни роются глубоко въ темныхъ глубинахъ земли. Но роль листа не украшеніе, не простая эстетика растенія. Въ немъ начало всей экономіи живой природы. Это онъ ловитъ солнечную энергію, онъ распредѣляетъ ее отъ верхушечной почки до концовъ корневыхъ мочекъ... И когда онъ красуется въ лучахъ солнца, когда онъ трепещетъ подъ дыханіемъ вѣтра, въ это самое время онъ работаетъ въ великой мастерской, гдѣ энергія солнечнаго луча какъ бы перековывается въ первичную энергію жизни...

И, озаряя аудиторію своими одушевленными и наивными глазами, — онъ закончилъ сравненіемъ Крылова въ баснѣ „Листья и корни“. Да, люди науки могутъ безъ оговорки принять это ироническое сравненіе. Если они листва народа,

то мы видимъ, какова дѣйствительная роль этой листвы. Общественныя формы эволюціонируютъ. Просвѣщеніе перестанетъ когда-нибудь быть привилегіей. Но, — каковы бы ни были эти новыя формы—знаніе, наука, искусство, основныя задачи интеллигенціи останутся всегда важнѣйшимъ изъ жизненныхъ процессовъ отдѣльнаго человѣка и всей націи...

Когда онъ смолкъ, нѣкоторое время въ аудиторіи стояла глубокая тишина. И вдругъ вся она задрожала отъ бурныхъ рукоплесканій. Молодежь восторженно привѣтствовала своего оппонента...

Изборскій уѣхалъ въ Москву, гдѣ у него была лекція въ университетѣ. Въ музеѣ долго еще обсуждалась его лекція, а я уходилъ изъ нея съ смутными ощущеніями. Да,—думалось мнѣ,—это очень интересно: и лекція, и профессоръ... Но... что это вноситъ въ мой споръ съ жизнью?.. Онъ начинается какъ разъ тамъ, гдѣ предметъ Изборскаго останавливается... Жизнь становится противна именно тамъ, гдѣ начинается животное...

Но все же передо мной въ тяжелыя минуты вставали глаза Изборскаго, глубокіе, умные и дѣтски-наивные... Да, онъ много думалъ не надъ одними спеціальными вопросами. Глаза мудреца и ребенка... Но, если они могутъ такъ ясно смотрѣть на міръ, то это оттого, что онъ не „увидѣлъ“ того, что я увидѣлъ. Увидѣть значитъ не только отразить въ умѣ извѣстный зрительный образъ и найти для него названіе. Это значитъ пустить его такъ, какъ я его пустилъ въ свою душу...

И много разъ послѣ этого я хотѣлъ подойти къ Изборскому и сказать ему все то, что, мнѣ казалось, я знаю... Но, странно: каждый разъ мнѣ становилось отчего-то совѣстно и стыдно...

VII.

Былъ и еще человѣкъ, котораго я не рѣшался затронуть своимъ анализомъ.

Это была дѣвушка съ Волги...

Я просто обходилъ ее въ своихъ мысляхъ, но ея образъ стоялъ въ моей душѣ гдѣ-то въ сторонѣ, такъ что я чувствовалъ его присутствіе. Я только боялся взглянуть на него ближе, хотя и зналъ, что когда-нибудь это придется сдѣлать... И тогда, быть можетъ, сѣрое пятно расползется и займетъ уже всю мою душу безъ остатка.

— Тебѣ письмо,—сказалъ какъ-то Титъ.—Но не въ академіи. Придется сходить въ отдѣленіе...

Я не пошелъ нѣсколько дней. Передъ вечеромъ, когда я опять сидѣлъ одинъ въ бесѣдкѣ платформы, пассажирскій поѣздъ, шедшій изъ Москвы, сталъ замедлять ходъ. Опять

замелькали освѣщенныя окна, слышалось жужжаніе замкнутой вагонной жизни. Но когда поѣздъ тронулся, на платформѣ осталась одинокая женская фигура...

Во мнѣ что-то дрогнуло. Если это она, то ея появленіе застаетъ меня врасплохъ... На нее упала полоса свѣта изъ окна послѣдняго вагона. Я узналъ ее: да, это была дѣвушка съ Волги.

Повидимому, она ждала, что ее встрѣтятъ, и оглядывалась по сторонамъ. Поѣздъ таялъ въ темнотѣ, красная звѣздочка въ концѣ его становилась все меньше. Кругомъ было пусто. А я сидѣлъ въ глубинѣ бесѣдки, боясь пошевелиться.

Дѣвушка положила небольшой чемоданъ на платформу и быстро прошла черезъ полотно дороги на противуположный откосъ, къ будкѣ сторожа. Я на мгновеніе потерялъ ее изъ вида, и затѣмъ ея тонкая фигура показалась въ пріотворенной дверя.

— Здравствуй, Григорьевна,—крикнула она въ сторожку.— Жива, что ли?

— Ась?.. Кто тамъ?—отозвалась сторожиха.

— Я, это, знакомая... Не признала, что-ль?

Дверь закрылась, но черезъ минуту въ ней опять появились двѣ женскія фигуры.

— И то, не признала,—говорила сторожиха привѣтливо,— ишь, высока была, еще выросла будто... Что ты поздно, и одна одинешенька?.. Вѣдь темно.

— Ничего, Григорьевна. Я думала, человѣкъ тутъ одинъ выйдетъ. Писала я ему... Ну, что у васъ новаго? Ванюшка какъ? Живъ?

— Чего ему дѣлается? Хошь бы прибралъ Господь... А новости у насъ плохія... Это человѣкъ подъ поѣздъ бросился... Непріятности... Стрѣлочникъ молъ не доглядѣлъ... А какъ тутъ доглядишь... Вотъ тутъ и еще одинъ все шатается... На грѣхъ мастера нѣтъ... Что съ нимъ сдѣлаешь? не прогонишь...

— Да, да, я знаю! Мнѣ писали... Ну, Григорьевна, прощай... Я пойду...

— Да какъ же ты это, милая. Чемоданъ еще съ тобой... Да темень, да жуть...

— Да, жутковато,—сказала дѣвушка, оглядываясь,—особенно послѣ того, что ты напомнила...

— Ахъ, милая... Повѣришь, и мнѣ-то все чудится... А то обожди!.. Семенычъ хоть бы до воротъ провелъ, а тамъ у тебя въ академіи дружковъ много... Доведутъ и до Выселокъ.

— Нѣтъ, ничего, пойду! Меня никто не обидитъ. Я удачливая, Григорьевна, меня никогда не обижаютъ.

— Ну, иди со Христомъ. И вѣрно: за што тебя, экую обидѣть...

Эти знакомыя мнѣ слова („я удачливая"), сопровождаемыя знакомымъ смѣхомъ, я услышалъ уже съ вершины холмика. Дѣвушка, быстро поднявъ небольшой чемоданчикъ, бодро прошла мимо бесѣдки и пошла по дорожкѣ. Я прижался въ темный уголъ.

Зачѣмъ я сдѣлалъ это, не знаю. Мнѣ показалось, что безсознательное ожиданіе чего-то, которое я здѣсь смутно испытывалъ, было именно ожиданіе этой минуты. И еще мнѣ казалось, что я зналъ, что она пріѣдетъ сегодня. Письмо, которое я не потрудился взять изъ отдѣленія... во всякое другое время я догадался бы, что это отъ нея... Въ немъ, конечно, сообщалось объ ея пріѣздѣ, и теперь, оглядываясь на пустой платформѣ, она, можетъ быть... ждала именно меня...

Но меня того, котораго она знала, который угадалъ бы ея пріѣздъ и пошелъ бы ей навстрѣчу, не было. Живая связь невысказаннаго взаимнаго пониманія между нами прекратилась, какъ прекратилась она съ товарищеской средой. Правда, воспоминаніе о ней лежало гдѣ-то глубоко на днѣ души, вмѣстѣ съ другими все еще дорогими образами. Но я чувствовалъ, что это только до времени, что настанетъ минута, когда и эти представленія станутъ на судъ моего новаго настроенія...

Очень можетъ быть, что я дрожалъ въ своемъ углу отъ неяснаго сознанія всего этого. Можетъ быть, кромѣ того, мнѣ не хотѣлось появиться передъ ней, такой живой и бодрой, продрогшимъ, съежившимся, съ самочувствіемъ жалкой собаченки. Какъ бы то ни было, я далъ ей уйти и только тогда пошелъ за нею.

Но тутъ мнѣ стало досадно на себя. Отчего я сразу не подошелъ къ ней? Зачѣмъ скрылся и теперь крадусь по слѣдамъ, какъ воръ, въ темнотѣ? Чего же мнѣ стыдиться? Что я сдѣлалъ дурного? Откуда этотъ стыдъ собственнаго существованія? Если это боязнь показать то сѣрое грязное пятно, которое залегло у меня въ душѣ... то почему же я стыжусь сознанія истины?..

Нѣтъ,—все равно... Я догоню ее и подойду къ ней! И я быстро шелъ по знакомой дорожкѣ. Отъ движенія мнѣ стало теплѣе и легче. Мнѣ казалось, что уже давно я не ходилъ такъ легко и бодро...

Но вдругъ я вздрогнулъ отъ неожиданности и остановился, какъ вкопанный. Я думалъ, что дѣвушка ушла далеко. Оказалось, что чемоданъ былъ слишкомъ тяжелъ для нея. Она

поставила свою ношу въ сторонѣ отъ дорожки и сѣла на чемоданъ отдохнуть. Такимъ образомъ я неожиданно очутился лицомъ къ лицу съ ней. Нѣсколько секундъ мы простояли молча...

— Здравствуйте, Ѳедосья Степановна,—сказалъ я, протягивая ей руку...

— Ахъ, это вы! Голубчикъ, Гаврикъ...

Она не замѣтила, что я назвалъ ее по имени-отчеству. У насъ въ кружкѣ всѣ, даже не особенно близко знакомые, звали другъ друга просто по фамиліямъ и даже уменьшительными именами. Ее звали уменьшительно Досей. До своего отъѣзда она звала меня просто Потаповъ... Теперь назвала Гавриком. Значитъ, у нея сближеніе продолжалось за время разлуки... Для меня оно прервалось.

— Голубчикъ, Гаврикъ, какъ вы меня испугали.

И, схвативъ мою руку обѣими своими руками, она радостно затрясла ее.

— Ну, вотъ, я вѣдь знала, что вы выйдете! Вѣдь вы получили мое письмо. Да, конечно! Я его нарочно послала заказнымъ. Мнѣ хотѣлось, чтобы встрѣтили меня именно вы... Такъ много есть разсказать. Столько новаго, какія интересныя встрѣчи... Какъ хорошо, какъ хорошо! Ну, а что у васъ?.. Объ Урмановѣ я уже знаю... Бѣдный! Я его не знала. Кажется, такой красивый, брюнетъ?.. Но прежде всего,—что у Соколовыхъ?

Соколовы были гражданскіе супруги. Онъ—немолодой сравнительно очень добродушный студентъ, товарищъ Преображенскаго. Она—малообразованная женщина съ круглымъ веснущатымъ лицомъ и съ прямыми, черными, подстриженными въ скобку волосами. Дося была съ ними очень дружна и часто останавливалась у нихъ.

Я замялся и не отвѣтилъ на ея вопросъ. Въ послѣднее время я совсѣмъ не видалъ Соколовыхъ и не зналъ, что дѣлается въ кружкѣ. Дѣвушка вдругъ перестала закидывать меня торопливыми вопросами и какъ будто вглядывалась въ темнотѣ. Я поднялъ ея чемоданъ, и мы пошли по дорожкѣ.

— Знаете что,—сказала она вдругъ, слегка дрогнувшимъ голосомъ.—Вы какой-то странный...

Я улыбнулся и подумалъ, что, къ счастью, она не можетъ видѣть эту кривую улыбку...

— Нѣтъ, странный, странный,—подтвердила она.—Появились Богъ знаетъ откуда... ничего не говорите, не отвѣчаете на вопросы.

— Ну, на вопросы-то вы мнѣ сами не даете отвѣтить.

— Нѣтъ, какъ-то... не то вы говорите.—грустно сказала дѣвушка и потомъ опять оживилась:—Ну, да завтра я все узнаю. Я здѣсь проживу недѣли двѣ.

— А послѣ?

— Послѣ?.. Но развѣ вы не знаете?.. Я вѣдь вамъ писала... Развѣ... развѣ вы не получили письма?.. А я такъ много вамъ написала... И такъ хотѣлось, чтобы вы прочли это.

— Я не получилъ письма.

— Значитъ потерялось на почтѣ?..

— Нѣтъ... Оно, вѣроятно, лежитъ въ отдѣленіи... Я не зналъ, что это отъ васъ.

— Не знали? И не могли догадаться, что я напишу?.. И письмо лежитъ столько дней... А я думала... Я *такъ* это писала, что думала...

Она тряхнула головой и сказала:

— Ну... поговоримъ послѣ... Теперь трудно...

— Отчего же трудно? Оттого... что я странный?..—спросилъ я съ невольной горечью...

— Д-да... Оттого, что вы странный. И оттого, что письмо осталось на почтѣ... Этотъ огонекъ въ крайнемъ окнѣ. Это въ вашемъ номерѣ?

— Да,—отвѣтилъ я и прибавилъ:

— Я всетаки очень радъ, что иду съ вами.

— „Всетаки“? Что это вы говорите?

— Говорю, что радъ, что иду съ вами...Это дѣйствительно такъ...

— Развѣ... Развѣ это нужно говорить?.. Да еще какъ-то такъ... особенно...

Она смолкла, шла задумавшись.. Я тоже молчалъ, чувствуя, что на душѣ у меня жутко. Сначала мнѣ казалось, что среди этой темноты, какъ исключеніе, я возьму у минуты хоть иллюзію радостной встрѣчи до завтрашняго дня, когда опять начнется моя „трезвая правда“. Но я чувствовалъ, что и темнота не покрыла того, что̀ я желалъ бы скрыть хоть на время. Мои кривыя улыбки были не видны, но все же вотъ она почуяла во мнѣ „странность“. И правда: такъ ли бы мы встрѣтились, то ли бы я говорилъ, если бы ничего не случилось?

— Ну, хорошо. Пойдемте молча, — сказалъ я, опять чувствуя, что этого тоже лучше бы не говорить.

Мы прошли мимо академіи, потомъ по плотинѣ и пошли къ небольшой дачкѣ, стоявшей особнякомъ среди молодого ельника. Въ комнаткѣ топилась печка, горѣла лампа, и въ окно виднѣлись три фигуры.

— Теперь до свиданія, — сказалъ я, останавливаясь и передавая чемоданъ.

— Какъ... вы не зайдете?

— Нѣтъ, вы ужъ однѣ...

— Что-нибудь... вышло у васъ съ Соколовыми?

— Кажется, ничего особеннаго.

Она какъ-то печально помолчала и потомъ сказала:

— Они, вѣдь, очень хорошіе люди...

— Я знаю...

Она остановилась, хотѣла сказать еще что-то, но потомъ взяла у меня чемоданъ и молча протянула руку.

Я не почувствовалъ ея пожатія. Я задержалъ ея руку на одну секунду въ своей, и мнѣ казалось, что она чуть-чуть вздрогнула, какъ будто ожидая, чтобы отвѣтить крѣпко и тепло на мое крѣпкое пожатіе. Но эта секунда прошла, ея рука выскользнула изъ моей, и она тихо сказала:

— Прощайте...

— Прощайте... Ѳедосья Степановна...

Еще нѣсколько мгновеній, и въ комнаткѣ сквозь окно я увидѣлъ оживленное движеніе встрѣчи. Соколовъ, сутулый, широкоплечій брюнетъ, размашисто поднялся со стула и обнялъ вошедшую. Изъ сосѣдней комнаты выбѣжала его жена и, отряхивая назадъ свои жидкіе волосы, повисла у нея на шеѣ. Сѣряковъ, молодой студентъ изъ кружка, къ которому прежде принадлежалъ и я, сначала немного нерѣшительно подалъ руку, но потомъ лицо его расцвѣло улыбкой, и онъ тоже поцѣловался съ дѣвушкой.

Я невольно остановился у палисадника, чтобы взглянуть на нее при свѣтѣ. Все та же... Тѣ же пепельные густые волосы, закрывающіе часть лба и маленькія уши, та же длинная коса, тотъ же спокойный, теперь засіявшій радостью взглядъ и та же простая увѣренность движеній... Послѣ оживленія первыхъ минутъ Дося, скидая шубку съ сѣрымъ воротникомъ и дорожную сумку, очевидно, предложила какой-то вопросъ, сразу вызвавшій особенное настроеніе во всей компаніи. „Обо мнѣ“, догадался я. Соколовъ присѣлъ къ открытой печуркѣ и сталъ угрюмо мѣшать угли кочергой. Его жена заговорила что-то быстро и оживленно...

Я зналъ, что она разсказываетъ. Титъ передалъ мнѣ толки, которые ходили обо мнѣ среди студентовъ. „Американка“ околдовала меня и Урманова. Урмановъ сталъ ея фиктивнымъ мужемъ, но она интересовалась мной. Урмановъ былъ готовъ къ предвидѣнной разлукѣ, но не могъ вынести моего соперничества и успѣха. Теперь я не могу забыть все это: и американку, и урмановскую трагедію, происшедшую отчасти по моей винѣ... Я разошелся съ Крестовоздвиженскимъ, когда

онъ упомянулъ объ Урмановѣ, и вообще я очень измѣнился. Соколова, пожалуй, прибавитъ еще, что я „измѣнилъ прежнимъ убѣжденіямъ“ и отвернулся отъ товарищей...

Соколова была человѣкъ простой, прямолинейный и не особенно тактичный... Однажды она прямо заговорила со мной о томъ, что я поступаю плохо, считаю себя выше другихъ и смотрю на всѣхъ такими взглядами, что ее, напримѣръ, это смущаетъ. Каждое ея слово отзывалось во мнѣ рѣзко, точно кто водилъ ножомъ по стеклу.

— Надѣюсь, вы не подозрѣваете во мнѣ донжуанскихъ намѣреній, — сказалъ я, не желая даже сказать дерзость. Соколова страшно обидѣлась.

Я съ любопытствомъ смотрѣлъ на лицо дѣвушки при этихъ разсказахъ. Оно оставалось такъ же спокойно... Когда Соколова выбѣжала въ переднюю къ закипѣвшему самовару, Дося подошла къ окну. Я во-время отодвинулся въ тѣнь. Между окномъ и дѣвушкой стоялъ столикъ и лампа, и мнѣ была видна каждая черточка ея лица. Руками она безсознательно заплетала конецъ распустившейся косы и смотрѣла въ темноту. И во всемъ лицѣ, особенно въ глазахъ было выраженіе, которое упало мнѣ глубоко въ душу...

— Это она груститъ обо мнѣ, — подумалъ я, — о томъ, кто былъ и котораго нѣтъ... Что такое — печаль?.. Какое-то измѣненіе въ мозгу?..

Соколова внесла самоваръ. Всѣ усѣлись къ столу. Дѣвушка заговорила о чемъ-то весело и съ большимъ одушевленіемъ.

Я чувствовалъ особенное волненіе и опять пытался объяснить его по своему... Гдѣ его источникъ? У нея толстая пепельная коса... У первой дѣвушки, въ которую я былъ по дѣтски влюбленъ, была тоже пепельная коса... И она такъ красиво рисовалась на темномъ платьѣ... И у нея тоже были сѣрые глаза... Очевидно, я не могу равнодушно видѣть пепельную косу въ сочетаніи съ сѣрыми глазами...

Я отошелъ отъ окна и пошелъ вдоль улицы. Навстрѣчу, шумно разговаривая, шла кучка студентовъ. Одинъ голосъ я узналъ сразу. Это былъ голосъ Чернова, моего товарища еще по гимназіи. Онъ былъ баловень богатой семьи и билъ горничныхъ по щекамъ плохо вычищенными сапогами. Къ концу гимназическаго курса онъ круто измѣнился, увлекся новыми теченіями, преувеличивалъ внѣшній демократизмъ и раздѣлялъ самыя крайнія идеи. Я не могъ забыть горничныхъ и плохо вѣрилъ искренности его увлеченій. Многимъ эта искренность внушала тоже сомнѣніе. Но Дося вѣрила ему, и за это Черновъ платилъ ей горячей привязанностью.

Студенты шли быстро, и внезапное мое появленіе ихъ удивило.

— Это вы, Потаповъ?—спросилъ Черновъ.—Откуда?

Я затруднился отвѣтомъ.

— Откуда я,—все равно... А вы, конечно, къ Соколовымъ?.. Тамъ пріѣхала Ѳедосья Степановна...

— Дося?—радостно вскрикнулъ Черновъ... — А тутъ уже говорили... будто она арестована. Постойте! Да откуда же она явилась? Мы сейчасъ изъ Москвы. Въ дилижансѣ ея не было.

— Съ желѣзной дороги...

— Ну, что она?.. Что же вы ничего не разскажете...

— Что она,—не знаю, какъ и вообще не знаю, что такое тотъ или другой человѣкъ... А поздоровѣла очень. И коса выросла еще толще.

Мнѣ показалось, что студенты переглянулись въ темнотѣ. Черезъ минуту вся кучка ввалились въ дачку Соколовыхъ, и я представлялъ себѣ, какъ они всѣ цѣлуются съ Досей. Мнѣ вспомнилось, что, кажется, въ преданности Чернова была не одна благодарность, и съ этой мыслью я пошелъ дальше...

И вдругъ мнѣ ясно, какъ въ освѣщенной рамкѣ, представилось лицо дѣвушки, глядящее въ темноту съ такимъ невольно захватывающимъ выраженіемъ... И рядомъ съ скрытой послѣдовательностью грезы или сновидѣнья — я увидѣлъ лучащійся взглядъ Изборскаго... Я пожалъ плечами... Мнѣ вспомнился Базаровъ.

— Проштудируй анатомію глаза, — говорилъ онъ Кирсанову...—Ты найдешь разныя части органа зрѣнія... Но гдѣ ты откроешь „божественное выраженіе“?..

Да, нѣсколько болѣе влаги придаетъ глазамъ блескъ или туманитъ ихъ... Физическое сжатіе мускуловъ или ихъ дрожаніе подъ вліяніемъ того или другого раздраженія...

Но глаза все продолжали смотрѣть на меня изъ свѣта въ темноту, волнуя и напоминая о чемъ-то.

Я глубоко вздохнулъ... Я сильно усталъ и чувствовалъ боязнь передъ своими мыслями. Однажды, еще ребенкомъ, когда я безотчетно вѣрилъ и молился, случилось мнѣ проснуться съ ощущеніемъ безотчетнаго страха такою же темною ночью, какъ и эта ночь. Въ комнатѣ не было свѣта, и я казался себѣ затерянным въ безпредѣльной темнотѣ, наполненной невѣдомыми призраками. Чтобы отогнать страхъ, мнѣ захотѣлось прочитать молитву, но вдругъ въ серединѣ ея замѣшалось постороннее слово, другое... Я началъ опять

съ перваго слова, но, дойдя до прежняго мѣста, опять невольно сбился. Такъ повторилось нѣсколько разъ. Сначала это была простая безсмыслица, но понемногу я съ ужасомъ замѣтилъ, что, вмѣсто ничего не значащихъ посторонних словъ, теперь идутъ на умъ наивныя, дѣтскія кощунства. Я „ругалъ“ Бога такъ, какъ могъ ругать сверстника или младшаго брата. Тогда я понялъ, что это бѣсъ мѣшаетъ мнѣ молиться, что онъ сталъ между Богомъ и мною. Мнѣ казалось, что я никогда не дождусь конца этой безпредѣльной ночи...

Теперь у меня не было уже и слѣдовъ дѣтскаго суевѣрія, но страхъ былъ сильнѣе. Я шелъ въ темнотѣ, по плотинѣ. По сторонамъ стояли корявыя ветлы, налѣво темнѣло болото съ еле мерцающими пятнами снѣга... Гдѣ-то сочилась струйка воды, вдалекѣ глухо, чуть слышно шумѣлъ поѣздъ... И я чувствовалъ, что такъ же тихо и угрюмо просачиваются въ моей головѣ темныя мысли... И я не могъ отогнать ихъ... Я шелъ быстро, убѣгая отъ сѣраго пятна, которое носилъ въ себѣ... Еще нѣсколько минутъ, и я кощунственно посягну на чистые человѣческіе образы, хранящіеся въ послѣднихъ закоулкахъ души. И если я разложу ихъ такъ, какъ разлагалъ до сихъ поръ все, то сѣрое пятно, безъ формы и содержанія, склизкое, съ червеобразными движеніями, загрязнитъ всю душу безъ остатка... И тогда будетъ только туманная гадкая, бездушная мгла безъ формы и содержанія... Какъ та, что стоитъ надъ этимъ болотомъ...

Меня это пугало... Сердце у меня стучало, какъ будто кто-то схватывалъ его невидимой рукой... Порой издалека глядѣли на меня человѣческіе глаза, полные грусти, одушевленія, сочувствія и мысли, всего, что я считалъ въ тѣ минуты обманомъ...

Титъ только что вернулся откуда-то, гдѣ опять велъ горячіе споры. Говорили о лекціи Изборскаго. Одни доказывали, что преступно заниматься наукой, пока она является чужеяднымъ растеніемъ на тѣлѣ бѣдствующаго народа... Другіе отстаивали точку зрѣнія Изборскаго. Титъ вмѣшался горячо и внезапно. Въ его умѣ, конечно, при этомъ главное мѣсто занимала личная задача его жизни, которую онъ пытался обобщить. Поэтому его аргументація оказалась неожиданной даже для его союзниковъ. На него наступали, требуя болѣе яснаго изложенія. Когда же онъ увидѣлъ, что на него нападаютъ тѣ, кого онъ считалъ союзниками, то онъ пришелъ въ изступленіе и на все отвѣчалъ одной фразой:

— Врете, врете!.. Всѣ вы врете...

Онъ попытался разсказать мнѣ содержаніе спора, но я слушалъ плохо...

Онъ пересталъ разсказывать и принялся кипятить на машинкѣ липовый цвѣтъ.

— На вотъ, выпей... Будетъ философствовать. Спи!..

Позднею ночью я вдругъ проснулся... Титъ, раздѣтый, со свѣчей въ рукѣ, стоялъ надъ моей постелью и внимательно смотрѣлъ на меня. И въ его глазахъ виднѣлась забота и нѣжность, отъ которыхъ мнѣ стало безпокойно и больно...

— Ложь, все глупости,—сказалъ я, отворачиваясь...

Я чувствовалъ, что со мною происходитъ что-то необычное. Я давно потерялъ прежній молодой сонъ. Голова работала быстро, ворочая все тѣ же мысли вокругъ основного ощущенія, сердце принималось биться тревожно и часто... Мнѣ все хотѣлось освободиться отъ чего-то, но это что-то навязчиво, почти стихійно овладѣвало мною, какъ пятно сырости на пропускной бумагѣ...

Теперь, съ возвращеніемъ Доси, для меня наступили трудные дни. Я боялся себя, боялся дать волю кощунственному анализу, которымъ я уже не владѣлъ, а онъ овладѣвалъ мною. Чтобы заглушить свои мысли, я искалъ усталости, изнеможенія, физическаго забытья и шатался цѣлые дни. Замѣтивъ, что мои посѣщенія платформы возбуждаютъ тревогу сторожа и сторожихи, я сталъ ходить по окрестностямъ, но всетаки меня безсознательно тянуло къ желѣзной дорогѣ съ лязгающими и громыхающими поѣздами. Ноги ломило, все тѣло было разбито, но голова горѣла, и физическая усталость не подавляла лихорадочно работавшей мысли.

VIII.

Однажды, проходя по плотинѣ, я услыхалъ за собою торопливые шаги и, оглянувшись, увидѣлъ Соколову. Она куда-то быстро бѣжала, съ сбившимся платкомъ и растрепанными волосами. Замѣтивъ, что, кромѣ меня, никого нѣтъ на плотинѣ, я остановился съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ.

— Постойте, — запыхавшись, сказала она: — вотъ вамъ письмо.

Я взялъ изъ ея рукъ небольшую записку. Она была отъ Доси и состояла изъ нѣсколькихъ словъ, торопливо набросанныхъ карандашомъ.

„Вы не показываетесь. Сейчасъ увидѣла васъ изъ окна... Приходите завтра вечеромъ на дачу Иванова. Будетъ интересно, и мнѣ нужно увидѣть васъ. Дося“.

Я прочелъ записку и почти машинально отвѣтилъ:

— Хорошо.

Соколова, нѣсколько отдышавшаяся и успѣвшая поправить платокъ, сдѣлала мнѣ реверансъ, надъ которымъ въ другое время я непремѣнно бы расхохотался.

— Хорошо,—передразнила она..—Такъ, значитъ, и прикажете доложить? Хорошо?

— Такъ и доложите,—отвѣтилъ я, какъ автоматъ.

Соколова посмотрѣла на меня внимательно своими маленькими глазками...

— Батюшки, — сказала она, качая головой...—Что-то ужъ слишкомъ важно. Вашъ папаша полковникъ или генералъ?.. Вы ужъ не думаете ли, что я бѣжала, какъ дура, изъ сочувствія къ вамъ?.. Мнѣ наплевать... Я это изъ-за Доси...

— Благодарю васъ, Катерина Филипповна, — сказалъ я просто и съ внезапной искренностью.

Этотъ неожиданный тонъ удивилъ Соколову. Она опять посмотрѣла на меня своими некрасивыми честными глазами и сказала въ раздумьи:

— Чортъ васъ разберетъ. То ли ты ломаешься, парень, то ли бѣсишься съ жиру... Заставить бы тебя пахать землю, што ли, или бы молотить спозаранку до вечерней зари, небось дурь-то эту вашу интеллигентскую живо бы вышибло... Такъ придешь, што-ль?

— Куда?

— Да што ты это, очумѣлъ въ самомъ-то дѣлѣ?.. На дачу Иванова!..

— На дачу Иванова... приду.

— Ну, и ладно.

Она пошла по плотинѣ, а я провожалъ ее глазами, пока она не повернула... И повторялъ про себя: на дачу Иванова... Да, да, на дачу Иванова...

Дача, куда меня звала Дося, была въ лѣсу, направо отъ московскаго шоссе, недалеко отъ бывшей дачки Урмановыхъ. Дача была большая, но въ ней зимой жили только два студента, занимавшіе двѣ комнаты. Она была въ сторонѣ и представляла то удобство, что въ случаѣ надобности жильцы открывали другія комнаты, и тогда помѣщалось сколько угодно народу. Тамъ часто происходили наши тайныя собранія.

Я давно уже не бывалъ на нихъ. Еще до катастрофы въ настроеніи студенчества происходила значительная перемѣна. Вопросы о народѣ, о долгѣ интеллигенціи передъ трудящейся массой изъ области теоріи переходили въ практику. Часть студентовъ бросали музеи и лекціи и учились у слесарей или сапожниковъ. Чисто студенческіе интересы какъ будто сту-

шевывались, споры становились болѣе опредѣленны. Казалось, молодой шумъ, оживленіе и энтузіазмъ вливаются въ опредѣленное русло...

Какъ-то, тоже еще до катастрофы, я шелъ по одной изъ московскихъ улицъ. Навстрѣчу мнѣ шли трое рабочихъ, съ дорожными мѣшками и деревянными ящиками, какіе носятъ съ собой плотники. Изъ ящиковъ видны были ручки топоровъ и концы длинныхъ рубанковъ. Невдалекѣ была церковь. Двое остановились и, снявъ картузы, стали креститься, третій стоялъ въ сторонѣ и ждалъ, пока они кончатъ. Въ наружности этого третьяго мнѣ показалось что-то знакомое. Я вглядѣлся, Да, это не ошибка: въ третьемъ плотникѣ я узналъ студента политехника, котораго встрѣчалъ на нашихъ собраніяхъ. Онъ посмотрѣлъ мнѣ прямо въ лицо, дѣлая видъ, что совершенно не узнаетъ меня. Затѣмъ всѣ трое двинулись дальше и, пока они не исчезли за угломъ, я провожалъ ихъ удивленнымъ и восторженнымъ взглядомъ.

Итакъ... начинается... Великій исходъ молодыхъ силъ изъ привилегированныхъ классовъ навстрѣчу народу, навстрѣчу новой исторіи... И цѣлый рой впечатлѣній и мыслей поднялся въ моей головѣ надъ этимъ эпизодомъ, какъ рой золотыхъ пчелъ въ солнечномъ освѣщеніи... Когда, вернувшись, я разсказалъ о своей встрѣчѣ ближайшимъ товарищамъ, это вызвало живые разговоры. Итакъ, N. уже выбралъ свою дорогу. Готовъ ли онъ? Готовы ли мы или не готовы? Что именно мы понесемъ народу?..

Теперь отголоски этихъ недавнихъ разговоровъ доносились до меня, какъ и все, точно изъ далека...

Все это разныя теченія жизни. А для меня самая жизнь, въ ея основной формулѣ, потеряла всякій интересъ...

IX.

На дачу Иванова вела лѣсная тропинка, которую сплошь занесло снѣгомъ. Изъ-за стволовъ и сугробовъ кое-гдѣ мерцали одинокіе огоньки... Нѣсколько минутъ назадъ мнѣ пришлось пройти мимо бывшей генеральской дачи, теперь я подходилъ къ бывшей дачкѣ Урмановыхъ. Отъ обѣихъ на меня повѣяло холодомъ и тупой печалью. Я подошелъ къ палисаднику и взглянулъ въ окно, въ которомъ видѣлъ Урманова. Черныя стекла были обведены бѣлой рамкой снѣга... Я стоялъ, вспоминалъ и думалъ...

Прошла группа студентовъ, другая... Я опомнился и пошелъ за ними къ огоньку Ивановской дачи... Въ щели ставень просачивался свѣтъ...

На крыльцѣ нѣсколько студентовъ топали, сбрасывая налипшій снѣгъ, но говорили тихо и конспиративно. Не доходя до этого крыльца, я остановился въ нерѣшительности и оглянулся... Идти ли? Вѣдь настоящая правда — тамъ, у этого домика, занесеннаго снѣгомъ, къ которому никто не проложилъ слѣда... Что, если мнѣ пройти туда, войти въ ту комнату, сѣсть къ тому столу... И додумать все до конца. Все, что подскажетъ мнѣ мертвое и холодное молчаніе и одиночество...

Но я подошелъ къ крыльцу Ивановской дачи въ то самое время, какъ туда подходили три или четыре человѣка. Они посмотрѣли на меня, казалось, какъ-то особенно, и мы вошли вмѣстѣ...

Въ сѣняхъ было натоптано снѣгомъ и навалены кучи платьевъ. Нѣсколько студентовъ устроились на этихъ кучахъ и зашипѣли на насъ, когда мы вошли. Въ большой гостиной рядомъ кто-то читалъ грубоватымъ семинарскимъ голосомъ, влагая въ это чтеніе много вниманія и убѣдительности. Гостиная была полна: изъ Москвы пріѣхали студенты университета, политехники, курсистки. Было накурено, душно, одна лампа давала мало свѣту...

— Здравствуйте, Потаповъ.

Отъ одного изъ косяковъ отдѣлилась высокая фигура дѣвушки. Да, это такъ... Все какъ прежде... И даже прежнее чувство шевельнулось въ душѣ.

— Пойдемъ въ комнату хозяевъ... Тамъ все хорошо слышно.

Она взяла меня за руку и повела за собой черезъ узенькій корридоръ въ спальню хозяевъ. Здѣсь были Соколовъ, Соколова и Черновъ. Соколовъ сидѣлъ на кровати, сложивъ руки ладонями и повернувъ къ открытымъ дверямъ свое грубоватое серьезное лицо. Соколова кинула на Досю вопросительный и безпокойный взглядъ, Черновъ сидѣлъ на подоконникѣ, рядомъ съ молоденькимъ студентомъ Кучинымъ.

— Сядемъ вотъ тутъ,—сказала Дося.—Вы сильно опоздали... Отчего?.. Впрочемъ, лучше теперь молчите.

И она стала слушать чтеніе. Лицо ея выразило глубокое, сосредоточенное и углубленное вниманіе. Такъ слушаютъ въ церкви. Глядя на ея внимательное лицо, на полураскрывшіяся губы, я понялъ, что для нея тутъ не простое любопытство, что это дѣло ея опредѣляющейся вѣры. Въ чемъ же эта вѣра? Что ее такъ захватываетъ? Я дѣлалъ усиліе вслушаться, но не могъ: чтеніе было для меня только звуками, монотонными и разрозненными, и мое вниманіе отмѣчало семинарскую интонацію чтеца. Я могъ еще чувствовать близость Доси, но все остальное казалось мнѣ заглушеннымъ и далекимъ.

Чтеніе смолкло. Въ комнатѣ послышалось легкое движеніе, потомъ настала тишина. Ждали, что заговоритъ кто-нибудь изъ тѣхъ, кого привыкли слушать, но никто не начиналъ... Дося вопросительно смотрѣла на меня.

И вдругъ раздался голосъ Тита. Онъ началъ съ какой-то цитаты изъ Зайцева, которая, повидимому, не имѣла никакой связи съ тѣмъ, что читалось. Среди слушателей водворялось недоумѣніе.

— Что такое? Къ чему это онъ?—спрашивали пріѣхавшіе изъ Москвы.

— Титъ! Довольно!—закричалъ кто-то изъ петровцевъ.

— Исчезни, Титъ, — крикнулъ своимъ рѣзкимъ голосомъ Черновъ.

— Постойте, дайте ему сказать... Можетъ, и въ дѣло,— поддержалъ москвичъ, читавшій статью.

Титъ заговорилъ опять, и опять это вызвало только недоумѣніе. Я одинъ понималъ ходъ его мысли. Онъ, какъ и я, почти не слыхалъ того, что читалось. Онъ сталъ ходить на собранія изъ-за меня и боролся съ тѣмъ, что, по его мнѣнію, меня губило. Поэтому онъ говорилъ о необходимости науки, подъ которой разумѣлъ науку академическую, и когда говорилъ о долгѣ, то опять разумѣлъ „свой долгъ“, свою задачу жизни, связанную съ дипломомъ... Неожиданно для меня онъ говорилъ очень бойко и съ воодушевленіемъ. Но онъ совершенно не представлялъ себѣ слушателей, и слушатели не понимали его исходныхъ пунктовъ... Поэтому между нимъ и аудиторіей не было никакого соприкосновенія. Не съ чѣмъ было ни соглашаться, ни спорить.

— Ну, будетъ, Титъ, — сказалъ Соколовъ съ серьезнымъ спокойствіемъ.—Сказалъ уже. Дай другимъ.

Но Титъ чувствовалъ, что онъ не убѣдилъ никого, значитъ нужно, чтобы ему дали продолжать... Онъ апеллировалъ къ свободѣ слова. Подымался шумъ.

— Не надо! Не надо!

— Отзвонилъ... Долой съ колокольни...

— Титъ! Умри!.. — еще разъ прорѣзался басокъ Чернова.

Титъ что-то кричалъ, шумъ усиливался, слышался смѣхъ и школьническія выходки. Собраніе очевидно разстраивалось. Москвичи и кое-кто изъ мѣстныхъ стали расходиться. Нѣсколько человѣкъ изъ кружка прошли въ ту комнату, гдѣ мы сидѣли...

— Собраніе сорвано,—сказалъ съ досадой Крестовоздвиженскій, входя въ комнату.

— Каждый разъ такая исторія,—сказалъ кто-то другой.— Этотъ Титъ точно съ цѣпи сорвался...

— И чортъ его знаетъ, что съ нимъ сдѣлалось. Парень былъ простякъ... хорошій парень, а тутъ на тебѣ вотъ. Какая-то систематическая обструкція.

— Э, господа! Титъ это не отъ себя, — отозвался вдругъ сидѣвшій на подоконникѣ рядомъ съ Черновымъ Кучинъ.

Кучинъ былъ глуповатый и наивный, но очень искренній и пылкій юноша. Онъ былъ проникнутъ какимъ-то фанатическимъ благоговѣніемъ ко всему, что открывалось передъ его младенческимъ взоромъ, и ему казалось, что всѣ „темныя силы“ ополчаются въ эту минуту со всѣхъ сторонъ на затерявшуюся въ сугробахъ дачку, чтобы задавить зародышъ новаго міра...

— Что такое? Кто мѣшаетъ? Что за ерунда! — послышались вопросы. Петровцы одинъ за другимъ входили въ небольшую комнату...

— Нѣтъ, вѣрно. И я знаю кто это: Потаповъ... Измѣнникъ честнымъ убѣжденіямъ...

Мое имя раздалось такъ неожиданно, что на мгновеніе въ комнатѣ все стихло. Соколовъ, продолжавшій сидѣть все въ той же позѣ, съ руками, сложенными на колѣняхъ, угрюмо и серьезно потупился; Крестовоздвиженскій смотрѣлъ на Кучина съ удивленіемъ и ожиданіемъ. Мы съ нимъ не были особенно близки, но между нами рождалась нѣкоторая симпатія. Теперь онъ смотрѣлъ на меня съ холоднымъ недоумѣніемъ. Лица Доси я не видѣлъ, но чувствовалъ, что оно поблѣднѣло и что ея глаза обращены ко мнѣ. Но меня охватило какое-то усталое равнодушіе къ происходящему, какъ будто все это касалось не меня, а кого-то другого.

— Вѣрно!—рѣзко выкрикнулъ вдругъ Черновъ и порывисто вскочилъ съ мѣста...—Да, да. Потаповъ способенъ на все... даже... даже подглядывать въ окна...

— Черновъ... Не смѣть!..—почти задыхаясь, крикнула около меня Дося. Черновъ обернулся съ злымъ лицомъ и хотѣлъ сказать еще что-то. Но Соколова торопливо подошла къ нему и насильно отбросила его на прежнее мѣсто.

— Сид-ди, тебѣ говорятъ!.. Экой какой, право...

Черновъ проворчалъ что-то и смолкъ. Дося встала противъ меня и глухо, страдающимъ голосомъ, сказала:

— Потаповъ... Господи! Да что же вы молчите. Вѣдь вы... вѣдь я васъ знаю, Господи! Знаю, знаю...

Я посмотрѣлъ на нее, стараясь понять, что она требуетъ. Да... Она говоритъ, что знаетъ меня, и хочетъ, чтобы я говорилъ... Говорить такъ трудно. Но... Она требуетъ... И, съ усиліемъ и безъ одушевленія глядя на нее, я заговорилъ:

— Черновъ неправъ. Онъ въ васъ влюбленъ и ревнуетъ. Вы это знаете? Да? На него, какъ и на меня, дѣйствуетъ пепельная коса и сѣрые глаза... Если бы волосы у васъ были прямые и остриженные, какъ у Катерины Филипповны... Что вы такъ смотрите на меня?.. Кучинъ дурачокъ. И это вы знаете... Это всѣ знаютъ, товарищи... Но у него есть смутное сознаніе правды... Потому что онъ искренній. Онъ говорилъ, что это я виноватъ въ выступленіяхъ Тита... Будто я научаю его срывать собранія?.. Это пустяки... Я не научаю... Но всетаки въ словахъ Кучина есть правда. Титъ тупица, но онъ умный. У него своя линія... У васъ своя... И вы другъ друга не понимаете, потому что ходите въ потемкахъ. Я... я одинъ вижу и понимаю все...

Я вдругъ поднялся съ мѣста... Мнѣ показалось, что въ мозгу у меня загорѣлась какая-то лампочка, которая освѣтила самые дальніе его закоулки. Мнѣ стало легко и больно... Боль стояла гдѣ-то сзади, а легкость заставляла меня говорить. И я говорилъ неторопливо, отчетливо и ясно. Говорилъ все, что передумалъ за послѣдніе дни, что проходило у меня въ головѣ въ сумеркахъ у платформы и на темныхъ дорожкахъ парка, что шепнуло мнѣ урмановское слѣпое окно за часъ передъ тѣмъ. Я говорилъ, и мысли однѣ за другими выплывали изъ глубины мозга, входили въ освѣщенное пространство и вспыхивали новымъ свѣтомъ. Все, что я читалъ прежде, все, что узнавалъ съ такой наивной радостью, всѣ свои и чужія матеріалистическія мысли о мірѣ, о людяхъ, о себѣ самомъ, все это проходило черезъ освѣщенную полосу, и по мѣрѣ того, какъ мысли и образы приходили, вспыхивали и уступали мѣсто другимъ,—я чувствовалъ, что изъ-за нихъ подымается все яснѣе, выступаетъ все ближе то сѣрое, ужасно безжизненное или ужасно живое, что лежало въ глубинѣ всѣхъ моихъ представленій и чего я такъ боялся. Вотъ я стою здѣсь передъ нею... Еще минута—и этотъ потокъ мыслей, несущій меня съ собою, принесетъ меня и всѣхъ туда, къ этому мертвому ужасу... Мнѣ слышалось тихое зловѣщее клокотаніе, точно что переливается подъ землей... И вмѣстѣ съ этимъ клокотаніемъ усиливалась боль... Въ головѣ что-то ворочалось тяжело, катилось и грохотало. И вмѣстѣ съ этимъ росъ ужасъ. Еще немного—и страшный, холодящій мертвый скрежетъ прорѣжетъ воздухъ. Но потокъ несетъ меня и я еще успѣю сказать...

Въ глазахъ у меня стало темнѣть, но слова все еще шли съ языка, и мысли летѣли впередъ, вспыхивали и угасая, такъ что я болѣе не поспѣвалъ за ними и остановился.

У самаго моего лица мелькнуло лицо дѣвушки съ глубоко тоскующимъ взглядомъ.

— Будетъ, довольно... Бога ради... Все это неправда, все это не вы, не вы...

Все потемнѣло... Въ сознаніи остался еще на время глубокій, милый печальный взглядъ... Рядомъ засвѣтились прекрасные наивные глаза Изборскаго. Потомъ лицо Тита... И все погасло среди оглушающаго грохота... Я упалъ, потерявъ сознаніе.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

– Да... все это... было...

Это были первыя слова, которыя я произнесъ послѣ болѣзни.

Я очнулся раннимъ и свѣжимъ зимнимъ утромъ. Титъ сидѣлъ у стола и что-то читалъ. Я долго смотрѣлъ на него, на его лицо, склоненное на руки, внимательное, доброе и умное. Съ такимъ выраженіемъ Титъ никогда не читалъ записки. Такъ онъ читалъ только письма сестры и матери. Все лицо его свѣтилось тогда какимъ-то внутреннимъ свѣтомъ. Потомъ онъ поднялъ глаза на меня. Въ нихъ былъ тотъ же свѣтъ.

Въ ту минуту мнѣ казалось, что я весь занятъ этими ощущеніями. За окномъ на вѣткахъ виднѣлись хлопья снѣга, освѣщенные желтыми лучами солнца. Золотисто-желтая полоса ярко била въ окна и играла на чайникѣ, который (я зналъ это) только что принесъ Маркелычъ. Маркелыча сейчасъ не было, но я чувствовалъ его недавнее присутствіе и разговоръ съ Титомъ.

Дверь открылась. Вошелъ Соколовъ, стараясь ступать осторожно, а за нимъ фельдшеръ. Они пошептались о чемъ-то съ Титомъ. Соколовъ ушелъ, фельдшеръ остался. Я смотрѣлъ на все это прищуренными глазами и, казалось, ни о чемъ не думалъ, ощущая только желтую полосу свѣта изъ окна, блики на чайникѣ и свѣтящееся лицо Тита.

Шагая на цыпочкахъ, Титъ подошелъ ко мнѣ. На ногахъ у него были блестящія туфли. „Титъ раззорился на туфли“— мелькнуло у меня въ головѣ, но, когда Титъ склонился къ изголовью, заглядывая въ мои полузакрытые глаза, я сказалъ неожиданно для себя:

— Да... все, все это было.

— Что было?—спросилъ Титъ...

„Онъ считаетъ, что я въ бреду“, догадался я по лицу Тита и пояснилъ:

— Урмановъ и... и... еще что-то... Изборскій?..

— Не думай объ этомъ.

— Я не думаю. Оно какъ-то... думается само. Все время... Потому что было... И *то*... тоже было?

— Что ты хочешь сказать?

Я сдѣлалъ усиліе, но почувствовалъ боль головы и слабость. Мнѣ стало обидно, что я не могу чего-то объяснить Титу. Боль усилилась. Я забылся.

Когда я очнулся опять, у моей постели сидѣла Соколова. Титъ только что вошелъ со двора и принесъ съ собою холодокъ и запахъ снѣга. Я подозвалъ его и опять прошепталъ:

— Я хотѣлъ бы знать...

Но Соколова остановила меня рѣшительно и рѣзко:

— Нечего тутъ знать... Молчите... лежи, паренекъ, смирно.

Впрочемъ, я все равно не могъ бы еще объяснить, что мнѣ нужно. Въ головѣ моей ворочался хаосъ образовъ и мыслей. То, что было съ Урмановымъ, я помнилъ. Но мнѣ казалось, что еще до моего забытья или уже во время болѣзни я узналъ еще что-то, имѣющее отношеніе къ тому же предмету. Мнѣ только надо вспомнить... Можетъ, послѣ этого не будетъ того, что было... Такъ мнѣ одно время казалось въ бреду... Нѣтъ, это было и останется навсегда... Но было еще что-то важное и нужное... Когда я старался вспомнить, въ воображеніи почему-то вставали глаза Изборскаго, лицо Доси и что-то еще на заднемъ фонѣ сознанія... Когда я смотрѣлъ, какъ Титъ читалъ письмо матери, мнѣ казалось, что и это имѣетъ отношеніе къ тому, что надо вспомнить. Случайныя мысли, неясныя впечатлѣнія бѣжали чередой. Голова кружилась. Я забывался...

Позднею ночью я опять проснулся. На кровати Тита спалъ кто-то другой, а Титъ безъ сюртука, въ очкахъ сидѣлъ у стола и писалъ. „Отвѣчаетъ матери“,—рѣшилъ я сразу. Не было ни яснаго дня, ни освѣщенныхъ хлопьевъ снѣга за окномъ. Титъ сидѣлъ подъ абажуромъ тусклой лампы, но лицо его опять свѣтилось, и опять онъ умиленно улыбался. Послѣ катастрофы у меня явилась какая-то особенная наивность. Все привычное, о чемъ никогда не думалось, подавало поводъ къ неожиданнымъ ощущеньямъ и мыслямъ, даже процессъ ѣды въ демонстраціи г-на Шмита. Это продолжалось и теперь. Я смотрѣлъ на пишущаго Тита и удивлялся.

... Странно... Вотъ Титъ получилъ листокъ бумаги и на немъ ряды черныхъ строчекъ... Гдѣ-то далеко, въ захолустномъ городкѣ Воронежской губерніи, ихъ выводила старушка, въ старомодномъ чепцѣ, портретъ которой виситъ надъ кро-

ватью Тита. Она запечатала письмо и послала на почту. За тысячу верстъ оттуда нашъ верзила почталіонъ доставляетъ его Титу... И на листкѣ сохранилась улыбка старушки. Титъ раскрываетъ листокъ, и лицо его свѣтится отвѣтной улыбкой.

Эта мысль показалась мнѣ очень важной и растрогала меня до слезъ.. Это оттого, что письмо имѣетъ для Тита выраженіе... Въ немъ отразился образъ человѣка, котораго онъ знаетъ и любитъ...

— Я васъ знаю... знаю... Кто это говорилъ мнѣ и когда?.. И что это значитъ... И какое отношеніе это имѣетъ къ письму Тита?

— Титъ,—позвалъ я тихо.

Титъ подошелъ и наклонился надо мной.

— Повернись къ лампѣ, чтобы были видны твои глаза.

Титъ безпокойно взглянулъ на меня, но повернулся къ свѣту и снялъ очки. Глаза у него были близорукіе и теперь глядѣли съ недоумѣніемъ.

— Нѣтъ, у тебя глаза лучше, когда ты пишешь письмо матери...

Титъ обрадовался.

— Ты, значитъ, не бредишь... А я думалъ, что ты опять...

— Нѣтъ, Титушка, только мнѣ нужно вспомнить... Садись, пожалуйста... Пиши опять.

— Не вспоминай, Потапычъ... Спи... Можетъ, тебѣ мѣшаетъ лампа?

— Нѣтъ, Титушка... Пожалуйста, пожалуйста, пиши.

Титъ усѣлся, обмакнулъ перо и опять наклонился къ листку. И тотчасъ же въ лицѣ его произошла перемѣна. Всѣ черты стали другими, морщинки на лбу разгладились, а въ углахъ глазъ наоборотъ обозначались яснѣе. Что-то неуловимое засмѣялось подъ бѣлокурыми усами, близорукіе глаза свѣтились и улыбались изъ-за очковъ... „Какъ будто кто-то сидящій внутри Тита дернулъ какія-то веревочки“, — подумалъ я... Вотъ теперь я опять чувствую моего прежняго Тита... Вотъ онъ подъ лампой, мой прежній Титъ, тупой къ наукамъ, умный въ жизни, добрый, заботливый, дѣятельно нѣжный...

...Ну, а тотъ Титъ, что бѣсновался на собраніяхъ? Онъ мнѣ приснился? Нѣтъ, кажется, онъ былъ тоже... Только это былъ не совсѣмъ Титъ... Теперь онъ сталъ самимъ собою?.. Значитъ, найти вотъ это, что внутри и что управляетъ выраженіемъ... Кучинъ сказалъ, что это я сдѣлалъ Тита другимъ, не настоящимъ... Или онъ не говорилъ этого?.. Впрочемъ, это вѣдь правда... Какъ же это вышло?..

...Началось тамъ... на рельсахъ... Урмановъ...

Я заметался. Титъ опять бросился ко мнѣ.

— Нѣтъ, ничего, ничего,—успокоилъ я его,—только кружится голова, и я не могу вспомнить... Погоди... Скажи мнѣ: когда я былъ боленъ, сюда проходила Дося.

— Да, приходила.

— И говорила мнѣ: „я васъ знаю, знаю...“

— Нѣтъ, этого, кажется, не говорила.

— Нѣтъ, говорила... Ты вѣрно не помнишь... Да? Ты могъ забыть?

— Конечно, могъ.

— Соколовъ тоже приходилъ?.. И сидѣлъ, сложа руки на колѣняхъ... И потомъ мѣшалъ въ печкѣ... И видно было, что онъ меня осуждаетъ... И... это ему грустно...

— Что ты это, Потапычъ?

— Нѣтъ. Я знаю,—это было. А Крестовоздвиженскій?

Титъ замялся.

— Онъ, видишь ли... уѣхалъ.

— А Изборскій?

— Вотъ Изборскій заходилъ два раза...

— И много говорилъ?.. И спорилъ со мною... И тоже меня осуждалъ...

— Да что ты фантазируешь? Онъ просто приходилъ справиться о здоровьи.

— Значитъ... Я это видѣлъ во снѣ. И лицо Доси въ окнѣ... И лампа...

Я схватилъ его за руку и сказалъ.

— Ты слышишь: вѣдь это шумитъ поѣздъ... Правда?

— Да, правда.

— Видишь: я, значитъ, не въ бреду. И то, о чемъ я говорю, было.. И лицо Доси въ окнѣ... И то, что говорилъ Изборскій. Видишь ли, Урмановъ,—это навсегда... Этого нельзя измѣнить... Это безсмысленно, и нельзя узнать, зачѣмъ это... это было, и это была смерть... И я тамъ, на рельсахъ заразился смертью. А смерть—разложеніе, и я сталъ разлагать все: тебя, Бѣличку, Шмита, себя... Досю... Нѣтъ, ее не смѣлъ, и Изборскаго тоже... А жизнь въ ощущеніи и въ сознаніи, то-есть въ цѣломъ. И оно тоже есть... Я его сейчасъ видѣлъ... въ тебѣ... Есть и любовь, и стремленье къ правдѣ... Откуда они?.. Это тоже неизвѣстно... Они въ цѣломъ... Они также слагаются и разлагаются... Но тогда... все въ мірѣ... понимаешь, Титушка, все трепещетъ возможностями сознанія и чувства... Разлагаясь, они растворяются въ природѣ... Слагаясь, даютъ цѣлый міръ чувства и мысли... Постой, ради Бога не перебивай... Я сейчасъ

кончу... ..И если нашъ вещественный міръ—пылинка передъ безконечностью другихъ міровъ, то и міръ нашего сознанія такая же пылинка передъ возможными формами мірового сознанія... Понимаешь, Титушка, какая это радость... Какая огромная радость. Мы живемъ въ водоворотѣ безконечнаго чувства и мысли...

— Потапычъ, голубчикъ... Опять эта проклятая философія!..

И опять это восклицаніе Тита донеслось до меня будто издалека. Мой бѣдный больной мозгъ не вынесъ прилива охватившей меня бурной радости, и я впалъ въ рецидивъ горячки.

Но натура у меня была крѣпкая, и это было уже не надолго. Дня черезъ три я опять пришелъ въ сознаніе и уже былъ спокоенъ. Титъ такъ отчаянно махалъ руками всякій разъ, когда я пытался заговорить съ нимъ, что я цѣлые часы лежалъ молча, и мои мысли приняли теперь менѣе отвлеченное направленіе.

На третій день я подозвалъ Тита и попросилъ его принести изъ почтоваго отдѣленія лежащее тамъ письмо на мое имя. Онъ сходилъ, но, вернувшись, сказалъ, что письма ему не выдали, такъ какъ нужна довѣренность. Еще черезъ день послѣ короткаго разговора, не имѣвшаго никакого отношенія къ „философіи“, я сказалъ:

— Ну, Титъ, давай письмо.

— Какое письмо? Я же говорилъ тебѣ....

— Не ври, Титъ. Письмо у тебя въ столѣ...

Титъ, конечно, почесался и отдалъ письмо. Я зналъ: оно было съ Волги.

Содержаніе его было радостно и наивно. Дѣвушка дѣлилась своими впечатлѣніями. Это было время, когда въ Саратовской губерніи разселилась по большимъ селамъ и глухимъ деревнямъ группа интеллигентной молодежи въ качествѣ учителей, писарей, кузнецовъ... Были сочувствующіе изъ земства и даже священники. Дѣвушка встрѣтилась съ нѣкоторыми членами кружка въ Саратовѣ, и ей казалось, что на Волгѣ зарождается новая жизнь...

Нѣсколько небольшихъ грамматическихъ ошибокъ наивно глядѣли съ этихъ строкъ, написанныхъ твердымъ, хотя не вполнѣ установившимся почеркомъ. Но подъ конецъ письмо, сохраняя свою наивность, становилось выразительнымъ и поэтичнымъ. Дѣвушка писала его ночью у раскрытаго окна каюты, и, когда она отрывала глаза отъ листка, передъ ней, въ свѣтломъ туманѣ проплывали волжскія горы и буераки, на которые молодежь нашего поколѣнія смотрѣла сквозь та-

кую же мечтательно романтическую дымку... Тамъ, за этими горами раскинулась невѣдомая намъ жизнь огромнаго загадочнаго народа... О чемъ вздыхаетъ раскольникъ въ глухомъ скиту?.. Изъ-за чего волнуются по деревнямъ крестьяне?.. Къ какой старой волѣ стремятся казаки на бывшемъ Яикѣ?.. И намъ казалось, что эти стремленья совпадаютъ съ нашими мечтами о свободѣ...

Дочитавъ до конца, я глубоко задумался. Письмо лежало больше трехъ недѣль... Что, если оно было вскрыто?.. И что это? Новое облако съ раззолоченными краями? Далекая обманчивая иллюзія, которая вблизи раскинется холодною мглой или грозовой тучей?..

Все равно! Это—жизнь. Изъ облаковъ идутъ дожди, которые поятъ землю, а грозы очищаютъ воздухъ...

Я вскочилъ на ноги, испугавъ Тита...

Жизнь, жизнь...

1888—1914.

ПРОХОРЪ И СТУДЕНТЫ *).

(Повѣсть изъ студенческой жизни 70-хъ годовъ).

I.

Онъ былъ жуликъ. Это слово опредѣляло его профессію, а съ годами стало даже чѣмъ-то вродѣ оффиціальнаго „званія“. Его имя было Прошка. Но такъ какъ на Выселкахъ, гдѣ онъ жилъ, существовали и другіе Прошки, то иногда выходили недоразумѣнія; поэтому обыватели считали нужнымъ, для бо̀льшей точности, прибавлять къ собственному имени эпитетъ „жуликъ“.

— Прошка...

— Который?

— Жуликъ.

Впослѣдствіи эпитетъ такъ тѣсно сросся съ именемъ, что одно безъ другого не употреблялось. Кабакъ разнесъ Прошка-жуликъ, и дачника оскорбилъ Прошка-жуликъ, и Прошка-жуликъ попалъ въ кутузку, и Прошка-жуликъ одинъ на четырехъ огородниковъ выходилъ, при чемъ одержалъ побѣду.

Итакъ, онъ былъ жуликъ и кулачный боецъ. Росту средняго, въ кости широкъ, коренастъ и неуклюжъ въ высокой степени. Не особенно умное, но не лишенное нѣкотораго добродушнаго лукавства лицо отличалось рѣзкими особенностями, знаменовавшими обѣ вышеупомянутыя профессіи. Прежде всего, зрителя поражали его лоснящіяся мясистыя скулы, находившіяся какъ бы въ состояніи хронической припухлости. Во-вторыхъ, онъ никогда не смотрѣлъ прямо. Если же случалось, что его маленькіе заплывшіе глазки исподтишка подымались на васъ и встрѣчались съ вашимъ взглядомъ, то

*) Повѣсть эта, первыя главы которой были напечатаны въ „Русской Мысли“, по разнымъ, въ томъ числѣ цензурнымъ обстоятельствамъ осталась незаконченной.

они тотчасъ же тревожно мигали, какъ будто опасаясь удара по физіономіи. При этомъ мясистое плечо Прошки-жулика производило рефлективное движеніе, напоминавшее о готовности къ отпору.

Ходилъ онъ лѣниво, съ развальцой. Никогда, даже во время кулачнаго боя, онъ не ускорялъ движеній. Стоя на мѣстѣ, всегда въ самой серединѣ свалки, онъ только разставлялъ пошире ноги, укрѣплялся въ устойчивой позѣ и начиналъ работать. Онъ не юлилъ, не подставлялъ ногъ, не уклонялся. Онъ напрягался, заносилъ руку, захватывая размахомъ широкое пространство, и пускалъ кулакъ не цѣлясь, разсчитывая на его тяжесть и въ полной надеждѣ, что онъ самъ найдетъ свое мѣсто. И кулакъ попадалъ.

Прошка-жуликъ считался почти непобѣдимымъ. Правда, его физіономія бывала нерѣдко въ крови, а хроническая припухлость щекъ достигала порой такой степени, что Прошка терялъ всякое подобіе человѣка. Все это указывало, что временами и онъ попадалъ въ затруднительное положеніе. Но это бывало лишь въ началѣ военныхъ дѣйствій, когда противники облѣпляли Прошку со всѣхъ сторонъ, точно рой комаровъ. Въ эти минуты онъ бывалъ до жалости беззащитенъ и старался только укрѣпить позицію. Для этого онъ предварительно лягался одною ногой и ставилъ ее на расчищенное мѣсто; затѣмъ онъ точно такъ же пристраивалъ другую. Тогда наступалъ критическій моментъ боя. Прошкѣ нужно было расчистить мѣсто для размаховъ руками. И вотъ одна рука его тяжело взлетала надъ головами и грузно шлепалась въ массу. Туловище Прошки по инерціи подавалось въ ту же сторону; затѣмъ взлетала и шлепалась другая рука, и опять туловище поворачивалось въ сторону размаха. Движенія становились правильны. Прошка работалъ. Въ противныхъ рядахъ начиналось смятеніе, а Прошка переходилъ въ наступленіе. Но и при этомъ онъ дѣйствовалъ, подобно тяжелой артиллеріи. Ступитъ шага два вправо, пуститъ кулакъ и крякнетъ, какъ дроворубъ, колющій тяжелую плаху. Затѣмъ подастся влѣво и опять крякнетъ... Одержавъ рѣшительную побѣду, Прошка останавливался, обтиралъ лицо рукавомъ ситцевой рубахи и шелъ къ пруду, чтобъ обмыть припухшее и покрытое кровью лицо. Затѣмъ онъ направлялся въ „Выселковскій трактиръ“, гдѣ его сторонники ставили полуштофъ...

У Прошки была семья, состоявшая изъ старика-отца, взрослой сестры и двухъ малолѣтковъ — сестренки и брата. Отецъ былъ нѣкогда кровельщикъ, но въ послѣдніе годы, вслѣдствіе громаднаго количества въ разное время выпитой водки, пріі-

обрѣлъ вредную привычку падать съ покатыхъ крышъ на землю. Паденія эти, правда, по особенной милости судьбы, совершались какъ-то такъ счастливо, что старикъ не терпѣлъ при этомъ серьезныхъ поврежденій, на что не безъ гордости указывалъ своимъ заказчикамъ; тѣмъ не менѣе, послѣдніе стали воздерживаться, чтобы не доставлять старику случая для подобныхъ упражненій. По этой причинѣ у почтеннаго родителя было много свободнаго времени, которое онъ старался по возможности провести въ трактирѣ. Но денегъ у него своихъ не было; старикъ поступилъ всецѣло на Прошкино иждивеніе.

Старшая Прошкина сестра была дѣвица очень легкаго поведенія, а эта профессія, какъ извѣстно, не развиваетъ семейныхъ добродѣтелей. „Съ Дуньки-то старику взятки гладки“,— говорили сосѣди.

Прошка одинъ кормилъ всю семью, т. е. отца и малолѣтковъ. Послѣдніе выростали на выселковской площади, глядя на отца, на сестру, на брата своими дѣтски-наивными глазами. Въ этихъ глазахъ рано засвѣтилась недѣтская дума. Казалось, малолѣтки обсуждали три пути, какими шли ихъ ближайшіе родственники, рѣшая про себя, какой изъ нихъ представляетъ наиболѣе удобствъ.

Нравъ у Прошки былъ беззаботный, и его отношенія къ семьѣ были отмѣчены скорѣе добродушіемъ, чѣмъ особенною попечительностью. Если ребята иногда по два дня шатались безъ пищи, за то на третій получали въ изобиліи пряники. Что же касается старика, то ему, какъ онъ нерѣдко говаривалъ самъ, въ пищѣ надобности не предстояло. „По старости лѣтъ, я, братцы, пищи не потребляю“, — говорилъ онъ, мигая слезящимися глазами.

По старости лѣтъ, онъ потреблялъ только водку съ весьма ограниченной закуской.

И надо отдать Прошкѣ справедливость: онъ рѣдко забывалъ обязанности добраго сына. Бывало, напьется до невозможности, передерется съ друзьями и недругами, прокутитъ на мировую послѣднюю наличность вмѣстѣ съ разнообразными и постоянно мѣняющимися кошельками, но все же передъ уходомъ вытащитъ откуда-то завѣтный двугривенный. „Наливай посудинку старичку почтенному... Я долженъ помнить... Потому—онъ меня выспиталъ“.

У Прошки было благодарное сердце. Кромѣ того, онъ, очевидно, былъ увѣренъ, что воспитаніе, данное ему отцомъ, заслуживало съ его стороны благодарности.

Выселки, гдѣ проживалъ Прошка, находятся подъ Москвой, въ сосѣдствѣ съ однимъ высшимъ учебнымъ заведеніемъ.

Заведеніе это, съ дорогими выпуклыми стеклами, съ „дворцомъ“, съ музеями, лабораторіями и паркомъ, раскинулось надъ широкимъ прудомъ, ближе къ Москвѣ. Выселки скромно отодвинулись на другой берегъ пруда, спрятавшись среди жидкаго ельника.

И именно „отодвинулись“... Добровольно ли?—это вопросъ. Достовѣрное выселковское преданіе вѣщаетъ, что нынѣшнія владѣнія ученаго учрежденія состояли нѣкогда подъ рукою выселковскихъ обывателей или ихъ ближайшихъ предковъ, которые составляли тогда большую крестьянскую общину и жили „на той сторонѣ“. Было это давно. Тогда, говорятъ, „родитель“ не падалъ еще съ крышъ, а занимался хлѣбопашествомъ на своей собственной нивѣ. Но въ интересахъ науки дѣла измѣнились. Смутное преданіе говоритъ о сопротивленіи наукѣ со стороны деревни, не желавшей уступить въ ея величавомъ шествіи, и о печальныхъ послѣдствіяхъ этого сопротивленія. Какъ бы то ни было, когда улеглись эти доисторическіе туманы, нашъ разсказъ застаетъ „Выселки“—послѣдній обломокъ крестьянскаго „общества“ — скромно пріютившимися среди жидкаго ельника, за плотиной.

Это былъ жалкій обломокъ, какая-то кучка случайныхъ существованій. Землей выселковцы не занимались. „Родитель“, какъ уже сказано, былъ кровельщикъ, одинъ изъ домовладѣльцевъ портняжилъ, другой—шилъ сапоги, большинство отдавали „дачи“ подъ лѣтнія помѣщенія или содержали нахлѣбниковъ-студентовъ, находясь, такимъ образомъ, въ зависимости отъ чужихъ, „пришлыхъ“ людей; нѣкоторые работали на ближней фабрикѣ. Было и нѣсколько темныхъ субъектовъ болѣе или менѣе предосудительныхъ профессій.

Домики, или, по мѣстному, „дачи“, стояли кое-какъ, вразсыпную, вокругъ небольшой площади, у пруда. На эту площадку протолкались, оттѣсняя скромныхъ сосѣдей, три „заведенія“: ресторанъ, кабакъ, имѣвшій видъ трактира, и просто кабакъ. Нѣчто вродѣ длинной улицы, примыкавшей къ этой площадкѣ, вмѣщало въ себѣ еще два кабакообразныхъ заведенія.

Площадь почти во всякое время дня и ночи украшалась единственнымъ выселковскимъ „фіакромъ“. Такъ звали студенты совокупность старой-престарой клячи, еще болѣе древней извозчичьей пролетки и совершенно ветхаго возницы—Ивана Парѳенова. Иванъ Парѳеновъ въ отдѣльности имѣлъ еще другое названіе: „Мужичокъ съ ноготокъ, борода съ локотокъ“. Названіе это дано было старику тѣми же студентами, склонными къ насмѣшкамъ, и довольно вѣрно выражало

соотношеніе между различными частями этой своеобразной фигуры. Иванъ Парѳеновъ, какъ и родитель Прошки, пищу тоже употреблялъ въ весьма ограниченномъ количествѣ, но выпить любилъ. У него не было добраго сына, а только кляча, но кляча его кормила плохо, отчасти, вѣроятно, потому, что и онъ ее не докармливалъ. Эта кляча съ растопыренными ногами и понуро повисшею мордой, ветхая пролетка, покрытая пылью, и самъ Иванъ Парѳеновъ съ длинною бородой и согнутой спиной, жарились на выселковскомъ припекѣ въ вѣчной готовности доказать желающимъ свою неспособность къ передвиженію... Иногда профессорскія кареты и щегольскія московскія пролетки, рѣзво промчавшись по плотинѣ, становились рядомъ съ „фіакромъ“. Тогда горькая выселковская судьбина иллюстрировалась контрастомъ довольно ярко. Иванъ Парѳеновъ относился къ этому совершенно пассивно.

Что касается Прошки, то онъ „работалъ на перекресткѣ“.

Отъ академіи ведетъ къ Москвѣ шоссированная дорога. Начинаясь тотчасъ за послѣднимъ академическимъ зданіемъ, она стрѣлой пробѣгаетъ между двухъ стѣнъ густой еловой и сосновой рощи. За четверть версты отъ академіи начинались дачи, разбросанныя кое-гдѣ по сторонамъ дороги. Еще версты черезъ двѣ, выглядывалъ изъ веселаго березняка послѣдній домикъ, окна котораго свѣтили въ темныя ночи на обширный пустырь. У воротъ этой дачи стояла будка, въ коей, по слухамъ, предполагался ночной сторожъ, существо въ точномъ значеніи слова миѳическое, такъ какъ его никогда никто не видѣлъ *).

Наконецъ, еще четверть версты—и запоздавшій путникъ достигалъ такъ-называемаго „перекрестка“. Дорога расходилась: одна вѣтвь сворачивала подъ прямымъ угломъ влѣво, къ Москвѣ, что и значилось на тонкой дощечкѣ, прибитой къ толстому вертикальному столбу; другая вела вправо, къ парку со многими увеселительными заведеніями, что опять-таки указывалось перстообразною дощечкой. Третья доска протягивалась назадъ, къ академіи. На каждой доскѣ днемъ можно было прочитать соотвѣтствующія надписи, и кто-то къ нимъ прибавилъ свои комментаріи. На столбѣ ножикомъ было нацарапано: „пойдешь налѣво—кошелекъ потеряешь, пойдешь направо—оберутъ, какъ липку“... Была еще прямая тропинка, пролегавшая торфянымъ болотомъ и пустырями мимо неболь-

*) Разсказъ относится къ первой половинѣ 70-хъ годовъ.
Авторъ.

шой шоколадной фабрики. Узкимъ переулкомъ она выбѣгала въ глухое предмѣстье, такъ называемые Бутырки.

Позднимъ вечеромъ или глухою ночью этой тропой рисковали ходить только совсѣмъ безпечные люди: загулявшій мастеровой, которому море по колѣна, студентъ, возвращающійся съ затянувшейся въ Москвѣ сходки. Остальные пѣшеходы предпочитали широкую дорогу, отдѣленную отъ пустырей канавами. Дорога эта встрѣчалась затѣмъ съ длиннымъ опустѣвшимъ шоссе, уныло тонувшимъ въ сумрачной дали; слѣва слышались протяжные свистки ночныхъ поѣздовъ, справа доносился глухой рокотъ столицы, далекимъ заревомъ отражавшейся на темномъ небѣ.

Еще поворотъ—и счастливый путникъ вступалъ въ Бутырки, которые, впрочемъ, пользовались также сомнительною репутаціей.

Около половины перваго ночи по направленію отъ Москвы раздавалось шарканіе и позваниваніе бубенцовъ, скрипѣніе, постукиваніе и топотъ лошадей. Это проѣзжалъ послѣдній „дилижансъ“, старый закрытый рыдванъ или открытая линейка, биткомъ набитая пассажирами изъ академіи. На козлахъ сидѣлъ престарѣлый кучеръ съ огромной сѣдой бородой во всю грудь. Лошади были тоже древнія, и все сооруженіе напоминало по стилю выселковскаго „фіакра“, только въ большомъ масштабѣ. Колесница въ половинѣ перваго продвигалась мимо перекрестка, разсыпая по пустырямъ дробные звуки бубенцовъ, и затѣмъ утопала въ перспективѣ длиннаго шоссе межъ двумя стѣнами сосновой рощи. Послѣ этого дорога стихала... Только изъ парка издали доносились звуки оркестра... Тамъ веселье длилось всю ночь... И всю ночь туда и оттуда неслись лихачи, и порой, выписывая мыслете, безпечно тащились пьяные гуляки; шли кучками, обнимались, ссорились, орали пѣсни, отставали, барахтались, подымались, опять падали. Порой мирно засыпали у дороги... Наутро ихъ ждало непріятное пробужденіе. Порой изъ безтолковаго пьянаго бормотанія выносился вдругъ громкій крикъ: „карраулъ!..“ Заливалась гдѣ-нибудь на дачѣ собака... Потомъ опять наступала тишина...

Въ эти мѣста часто навѣдывался Прошка. Въ благопріятную погоду, т. е. въ сумрачные темные вечера, когда на небѣ стояли тучи, а на землѣ зги не было видно и огонекъ послѣдней дачи казался далекой звѣздочкой въ туманѣ, Прошка направлялся къ перекрестку своею лѣнивою походкой. Онъ любилъ это мѣсто. Здѣсь ему было удобно. Въ придорожныхъ канавахъ росла мягкая трава, на которой можно было не

безъ пріятности провести часы ожиданія. Прошка любилъ помечтать, лежа на спинѣ. Онъ слушалъ, какъ тихо шепчутся черныя елки, какъ бѣжитъ по травѣ ночной вѣтерь, по временамъ занося въ темный пустырь обрывки глухого столичнаго шума или мягкіе переливы рестораннаго оркестра.

Если накрапывалъ дождикъ, Прошку это не смущало. Онъ тогда спокойно усаживался подъ широкимъ зонтомъ, которымъ добрые люди накрыли на этотъ случай придорожный столбъ съ перстообразными дощечками. Да, все здѣсь было приспособлено для Прошкина удобства. Ему не мѣшала даже сторожевая будка, смутно маячившая вдали у воротъ крайней дачи. Совершенно напротивъ. Миѳическій сторожъ служилъ въ нѣкоторой степени Прошкинымъ цѣлямъ, вводя въ заблужденіе неопытныхъ путешественниковъ. „Будка! — думалъ путникъ, въ которомъ видъ пустырей возбуждалъ нерѣшительность.—Стало быть, имѣется сторожъ!“ И неопытный путникъ съ легкимъ сердцемъ направлялся къ перекрестку...

Но, вмѣсто сторожа, къ нему изъ канавки, или изъ-подъ столба, или, наконецъ, увы, изъ той же будки выходилъ Прошка неторопливою походкой молодого медвѣдя и произносилъ:

— Дозвольте, господинъ, огоньку... закурить цыгарку.

А за нимъ, изъ тѣхъ же мѣстъ, выплывала въ сумракѣ дюжая фигура какого-нибудь болѣе или менѣе случайнаго Прошкина знакомца и товарища, съ которымъ его свела темная ночка и общность интересовъ.

II.

Съ нѣкоторыхъ поръ тоскливое раздумье стало все чаще посѣщать беззаботную Прошкину голову...

Москва—городъ своеобразный,—это извѣстно всѣмъ. Нужно сказать, однако, что это свойство Бѣлокаменной съ годами выдыхается: культура проходитъ и по ней своими нивеллирующими вліяніями. Конечно, историческіе памятники, царь-колоколъ, царь-пушка, Василій Блаженный остаются на мѣстахъ, но многія специфическія чисто этнографическія особенности Москвы исчезаютъ постепенно и незамѣтно. Вотъ напримѣръ въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, еще водились на Москвѣ такъ называемые „мушкатеры“.

Происхожденіе этого романтическаго войска, исчезнувшаго уже всюду въ Еврошѣ, объяснялось тѣмъ обстоятельствомъ, что въ цейхгаузахъ сохранилось много кремневыхъ мушкетовъ, давно вышедшихъ изъ употребленія. Чтобы казенное имущество не пропадало напрасно, — начальство придумало

вооружить ими бутарей при полицейскихъ участкахъ, давъ имъ еще на придачу столь же архаическія сабли. Они назывались мушкатерами. Мушкеты у нихъ, конечно, не палили, сабли порой не вынимались изъ ноженъ, но все же мушкатеры, стоя на караулѣ у чижовокъ, имѣли видъ очень интересный и придавали самой чижовкѣ значительный исторический колоритъ. Теперь этотъ специфическій видъ москвича уже вывелся. Выводится также и настоящій московскій бутарь исконнаго типа. Распущенная фигура, рыжій мундиръ, кепи съ изорваннымъ козырькомъ, красный носъ, — таковы были главнѣйшіе внѣшніе признаки этого вида. Любовь къ выпивкѣ, пристрастіе къ хорошей понюшкѣ табаку и чрезвычайная беззаботность относительно внѣшнихъ событій,—таковы были главныя особенности его характера. Жилъ онъ въ будкѣ, днемъ сидѣлъ на тумбѣ или бесѣдовалъ въ ближайшей харчевнѣ съ пріятелями. Когда наступала ночь, онъ уходилъ въ будку и мирно спалъ, какъ можетъ спать человѣкъ съ чистою совѣстью. Если случалось кому-нибудь обратиться къ нему съ вопросомъ, какъ найти такой-то переулокъ или домъ, онъ сначала мѣрялъ спрашивающаго глазами съ головы до пятокъ и если былъ въ духѣ, то разъяснялъ болѣе или менѣе благодушно.

— Ступай прямо. Дойдешь до Ивана Парамоныча, вороти на Семена Потапыча. Тутъ за Θеклистовымъ вторыя ворота.

Если же его заставали не въ духѣ, то, оглядѣвъ васъ, всетаки, съ головы до ногъ, онъ отворачивался молча или совѣтовали идти своею дорогой, не безпокоя начальства. Свое назначеніе онъ видѣлъ въ томъ, чтобы существовать именно въ извѣстномъ мѣстѣ и своею амуниціей напоминать обывателю о существованіи правительства. До остального ему не было дѣла.

Видъ этотъ исчезаетъ постепенно вмѣстѣ съ покосившимися заборами и масляными лампами добраго стараго времени. И вмѣстѣ съ желѣзными рѣшетками и газовыми (а тѣмъ паче электрическими) фонарями зсе шире и дальше отъ центровъ къ окраинамъ Москвы получаетъ распространеніе вытѣсняющій его видъ полицейскаго прогрессиста, которому явно принадлежитъ будущее. Орлиный взглядъ, грудь колесомъ, молодцоватая поза (точь-въ-точь фигура съ какого-нибудь монумента), шинель безъ пятнышка, лощеная амуниція, — таковы его наружные признаки. Бдительность и строгость,—таковы отличительныя свойства его души. Онъ неослабно и неустанно заботится объ обывателѣ. Съ одной стороны, сознавая себя стражемъ общественной безопасности, онъ блюдетъ, чтобы

обыватель не подвергся обидѣ: съ другой — онъ уже знаетъ, или во всякомъ случаѣ подозрѣваетъ въ самомъ обывателѣ возможность если не прямо преступныхъ намѣреній, то преступнаго настроенія...

Старый типъ постепенно вымираетъ. Вы увидите его еще кое-гдѣ въ глухихъ частяхъ или на самыхъ окраинахъ, у Камеръ-Коллежскаго вала, или у Марьиной рощи, вообще всюду, гдѣ его тусклая, порыжѣлая, невзрачная фигура можетъ сливаться съ сѣрыми заборами и старыми зданіями, не нарушая общей гармоніи. Но за то всюду, гдѣ раздаются звонки конно-желѣзныхъ дорогъ, гдѣ стройно стали ряды чугунныхъ фонарей, гдѣ пролегли широкія и порядочныя мостовыя,—его смѣнилъ уже типъ новѣйшей формаціи.

И вотъ, въ тѣсной связи съ этимъ процессомъ Прошкѣ становилось все грустнѣе жить на бѣломъ свѣтѣ. Всякій промыселъ требуетъ приспособленія къ измѣняющимся обстоятельствамъ, а Прошка не чувствовалъ себя способнымъ къ такому примѣненію. Бывало, когда темною ночью какой-нибудь молодецъ проходилъ съ ломомъ (ѳомкой) или инымъ орудіемъ своего промысла мимо будки, будочникъ смотрѣлъ на него равнодушнымъ взглядомъ. Зѣвнувъ и понюхавши табачку, онъ уходилъ въ свою будку и, располагаясь на сонъ грядущій, сообщалъ „будочницѣ“:

— Прошелъ, слышь, *одинъ* какой-то.

— Ну?—спрашивала будочница.

— Ломъ у него... Какъ бы гдѣ-нибудь по близости не вышло качества... Пойтить бы по настоящему... А?

— Вотъ еще... была надобность,—зѣвая отвѣчала супруга.— На то сторожа... Слышишь, чай...

Будочникъ прислушивался. Въ темнотѣ съ разныхъ сторонъ, на разные голоса, стучали трещетки, лаяли собаки... Темнота кипѣла звуками... Сомнѣнія будочника исчезали. Огонекъ въ окнѣ угасалъ, и будка становилась явно нейтральнымъ мѣстомъ по отношенію ко всему, что происходило подъ покровомъ ночи... Трещетки постепенно тоже стихали... Успокаивались собаки... Ночные промышленники спокойно выходили „на работу“...

Съ нѣкоторыхъ поръ и это измѣнилось, когда будочникъ пошелъ „новый“. Теперь—чтобы просто пройти мимо, не привлекая на себя орлинаго, испытующаго взгляда, нужна особая выдержка. Успѣхъ въ борьбѣ за существованіе покупается не идущею на-проломъ храбростью, а скорѣе хорошими манерами и модянымъ пальто; не грубою силой, которою въ достаточной мѣрѣ обладалъ Прошка, а ловкостью рукъ, спо-

ровкой и приличной внѣшностью. Прошка былъ примитивный жуликъ; онъ грабилъ, какъ грабили на Москвѣ въ „допрежнія времена“; между тѣмъ будущее явно принадлежало тому, кто овладѣетъ культурными пріемами и съумѣетъ запастись „протекціей“. Одной изъ такихъ жертвъ прогресса становился и Прошка.

Конечно, „прогрессъ“ имѣетъ свои права; но развѣ не грустно, что онъ долженъ сопровождаться такимъ множествомъ жертвъ? Жизнь шагъ за шагомъ, неторопливо, но и неуклонно давала ему чувствовать его непригодность, и какъ ни мало былъ онъ способенъ къ рефлексамъ и раздумью, тѣмъ не менѣе, въ глубинѣ его души накоплялось неясное, несознанное тупое чувство меланхоліи.

Въ одинъ прекрасный день къ перекрестку, съ которымъ связаны были лучшія воспоминанія Прошки, пришли кучкой землекопы. Они скинули съ плечъ на землю верхнюю одежду и заступы, вынули кисеты съ табакомъ, набили трубки и закурили ихъ, искоса поглядывая на узкую и неудобную дорожку, пролегавшую отъ перекрестка къ Петровскому парку. Покуривъ, они отмѣрили въ ширину четыре сажени, протянули веревки и принялись копать канавы и ровнять дорогу. Черезъ нѣсколько дней на мѣстѣ прежней ухабистой и живописно терявшейся межъ кустовъ тропки протянулась широкая мостовая, а еще недѣли черезъ двѣ она выступала на зеленомъ фонѣ бѣлою ровною полоской, утрамбованная щебнемъ и посыпанная бѣлымъ пескомъ. Конечно, само по себѣ это обстоятельство, повидимому, не имѣло къ судьбѣ Прошки ближайшаго отношенія; однако, когда онъ впервые увидѣлъ новую дорогу, его сердце будто ущемило какое-то непріятное чувство. Онъ долго стоялъ, задумавшись, у столба, смотрѣлъ на дорогу, и ему казалось, что его любимый ландшафтъ окончательно испорченъ. Многіе, быть можетъ, находили, что новая дорога красиво выдѣлялась на зелени, точно нарисованная на планѣ, но въ сердцѣ Прошки она пролегла неяснымъ и смутнымъ предчувствіемъ, еще однимъ лишнимъ напоминаніемъ, что его, Прошку, и его промыселъ всѣ эти новинки сживаютъ со свѣту.

Ему стало такъ тоскливо и непріятно, что на цѣлыхъ два мѣсяца онъ пропалъ и его не видѣли ни на Выселкахъ, ни на перекресткѣ. За это время онъ посѣтилъ много мѣстъ, пріобрѣлъ нѣсколько новыхъ знакомствъ и даже одного друга въ лицѣ отставного служиваго, котораго многочисленныя военныя заслуги не спасли отъ той же мало уважаемой и трудной профессіи; но гдѣ ни пробовалъ Прошка удачи, работа

все не клеилась, и вообще Прошкѣ все не нравилось. Онъ затосковалъ по роднымъ мѣстамъ; въ два мѣсяца непріятное воспоминаніе о новой дорогѣ улеглось, и онъ сталъ чванливо расхваливать „свое мѣсто“. Наконецъ, въ одно воскресенье, вечеромъ, когда въ заведеніи Петровскаго парка должна была появиться какая-то новая шансонетная дива (Прохоръ былъ въ курсѣ такихъ событій музыкальнаго міра)—и значитъ на перекресткѣ тоже предстояло движеніе,—Прошка появился на излюбленномъ мѣстѣ. Онъ былъ не одинъ. Съ нимъ былъ его новый другъ, которому онъ самонадѣянно обѣщалъ „во своемъ мѣстѣ“ хорошую работу.

Скоро, однако, онъ долженъ былъ убѣдиться, что хвасталъ своими мѣстами напрасно. Движеніе къ парку было дѣйствительно сильное, но для „клёву“ условія оказались неблагопріятныя. Виной была новая дорога. Тамъ, гдѣ прежде пролетки съ сѣдоками ныряли по ухабамъ межъ кустовъ,—теперь онѣ проносились легко и быстро. Прошкѣ оставалось только провожать ихъ глазами... Кромѣ того движеніе на этотъ разъ оказалось слишкомъ сильно. Обстоятельства складывались плохо...

Товарищъ Прошки былъ человѣкъ угрюмый и молчаливый. И нравомъ, и судьбой онъ былъ отчасти похожъ на гоголевскаго капитана Копѣйкина, хотя изувѣченъ не въ такой степени... Сидя съ Прошкой въ канавѣ, онъ не сказалъ ни одного укоризненнаго слова, но во всей его угрюмой, горемычной фигурѣ Прошка видѣлъ безмолвный и тѣмъ болѣе горькій укоръ. Наконецъ, служивый крякнулъ и, вынимая трубку, предложилъ Прошкѣ:

— Ох-хо-хо-о!.. покурить, что ли?

Когда трубка была набита, и вспыхнувшая сѣрная спичка освѣтила лицо служиваго, Прошка окончательно сконфузился. Лицо пріятеля было сурово. Онъ сидѣлъ на корточкахъ, потягивая изъ чубука и глядя задумчиво въ сторону. Прошка ясно понялъ, что мысли служиваго теперь далеко: повидимому, онъ предавался общимъ размышленіямъ о горькой жизни, не обращая вниманія на дорогу, какъ будто его приговоръ надъ хваленными мѣстами былъ уже окончательно составленъ. Прошкѣ стало очень стыдно, и вся его чванливость совершенно исчезла.

— Плохое житье,—заговорилъ онъ печально.

Служивый не отвѣтилъ, а только затянулся сильнѣе, и вспыхнувшій огонекъ трубки опять освѣтилъ его энергичныя черты съ густо нависшими бровями и рѣзкими морщинами.

Прошка легко поддавался настроенію. Забывъ, что еще не-

давно онъ рисовалъ самыя радужныя перспективы, теперь онъ сталъ изображать передъ товарищемъ всю горечь ихъ общаго существованія. Все идетъ къ худшему. Еще года четыре назадъ кормиться было много легче. Семья находилась въ сытости, родитель сытъ и пьянъ (много ли ему нужно?), самъ Прошка пользовался кредитомъ въ нѣсколькихъ трактирахъ. Главная причина—народъ былъ „проще“. Теперь годъ отъ году народъ становится хитрѣе. „Прожженые какіе-то, прости Господи!“—сказалъ Прошка и плюнулъ сквозь зубы. Пьютъ, что ли, не по прежнему, или дѣвицъ тѣхъ нѣту, чтобъ отъ нихъ человѣкъ самъ себя забывалъ. Нѣтъ въ народѣ шири и размаха. Случается просиживать въ канавѣ ночи на-пролетъ—и все безъ толку. Приказчикъ хоть и напьется, такъ валитъ гурьбой, купецъ ѣздитъ на лихачахъ, а если и попадется паренекъ попроще, такъ смотришь — въ карманѣ двугривенный. „Да и то еще иной изъ-за двугривеннаго оретъ, точно у него тысячи отняли. Тьфу!..“

Товарищъ слушалъ эти жалобы въ мрачномъ молчаніи, только затягивался трубкой и сплевывалъ. Вдругъ онъ протянулъ къ Прошкѣ руку и поднялся.

По тропинкѣ, пролегавшей черезъ поле, приближались двѣ фигуры. Мѣсто было очень удобное, и два смѣльчака, выбравшіе самый глухой путь, по торфяному болоту и буеракамъ, мимо самыхъ кустовъ, должны были, по соображеніямъ служиваго, находиться въ томъ состояніи, когда человѣку море становится по колѣна. Служивый вдругъ потерялъ свою неподвижность, вытянулъ шею и, впиваясь волчьими глазами въ приближавшуюся добычу, сталъ тихо прокрадываться къ кустарнику, подходившему къ самой тропкѣ. Но, къ великому его изумленію, Прошка вдругъ быстро вскочилъ на ноги, подбѣжалъ къ нему и, оттащивъ его въ кусты, посадилъ на землю... Служивый послушался, хотя и не понималъ причины страннаго поведенія товарища.

Шаги приблизились; въ ночной темнотѣ прозвучали беззаботные, молодые голоса. Двое юношей безпечно разговаривали о театрѣ, объ игрѣ Ермоловой и Живокини, и громко смѣялись, повторяя нѣкоторыя мѣста изъ комедіи. Вскорѣ разговоръ сталъ тише и, наконецъ, фигуры скрылись на дорогѣ къ академіи.

— Студенты это,—сказалъ Прошка...—Арфановъ съ товарищемъ. Я ихъ знаю.

— Ну къ што?—спросилъ угрюмый товарищъ, желая получить болѣе обстоятельное объясненіе.

— Свяжешься,—не радъ будешь... Да и что съ ихъ возьмешь?—уклончиво отвѣтилъ Прохоръ.

Служивый крякнулъ, и въ темнотѣ Прошка угадалъ саркастическій и почти враждебный взглядъ товарища.

— Невозможно мнѣ, — прибавилъ опять Прошка, угрюмо потупляя глаза.—Какъ я теперича живу по сосѣдству... начальство ихнее... Ну, и опять, здоровъ драться этотъ Арфановъ... Всѣ они отчаянные...

И Прошка разсказалъ нѣсколько случаевъ, хотя и относившихся къ болѣе или менѣе отдаленному прошлому, о томъ, какъ одинъ студентъ побилъ трехъ „ребятъ“ на этомъ самомъ перекресткѣ, какъ другой вырвалъ ножъ голою рукой и при этомъ успѣлъ еще „накласть“ нападавшему и свалить его еле живого въ канаву, гдѣ тотъ пролежалъ, пока пришли дачные дворники, и т. д. Нужно замѣтить, что случаи эти относились къ героическому прошлому академіи, но слава этихъ подвиговъ жила еще на Выселкахъ и, передаваясь изъ устъ въ уста, покрывала и послѣдующія поколѣнія студентовъ нѣкоторымъ ореоломъ.

Трудно сказать, былъ ли служивый убѣжденъ Прошкиной аргументаціей, но такъ какъ дѣло, все равно, было потеряно, то онъ, не теряя словъ на возраженія, вернулся къ прежнему мѣсту. Прошка послѣдовалъ за нимъ и, настроенный въ эту ночь необычайно грустно, возобновилъ малодушныя жалобы...

Между тѣмъ, ночь бѣжала своимъ чередомъ, и хотя на небѣ стояли тяжелыя и темныя тучи, но все же было замѣтно, что утро близко. Неровныя кочки торфяного поля выступали яснѣе, подернувшись съ одной стороны бѣлесоватымъ отсвѣтомъ; березки тихо шептались, вздрагивая отъ предъутренняго холода; гдѣ-то далеко кричалъ пѣтухъ, и раздававшіеся по временамъ звуки ресторанаго оркестра доносились какъ-то вяло, точно мелодія засыпала на-лету. Служивый давно докурилъ трубку; и такъ какъ набить ее было нечѣмъ, то онъ поковырялъ въ ней ржавымъ гвоздемъ и сталъ тянуть отвратительный табачный сокъ... Трубка при этомъ какъ-то хрипло ворчала, точно грудь больного, готоваго закашляться послѣднимъ предсмертнымъ кашлемъ. Все это, въ связи съ неудавшеюся ночью, еще болѣе располагало къ меланхоліи. Прошка замолкъ.

— Прямо хоть съ *перомъ* *) работай!—сказалъ вдругъ служивый рѣшительнымъ тономъ.

Прошка безпокойно заерзалъ на мѣстѣ.

— А то съ кистенемъ,—продолжалъ служивый, выколачивая трубку о ближайшій пень. — Видно такія времена подходятъ...

*) *Перо* на воровскомъ жаргонѣ означаетъ ножъ.

— Ну, нѣтъ,—заговорилъ Прошка,—несогласенъ я... Потому главная причина, какъ я при семействѣ живу, на міру. Человѣкъ я по своему мѣсту извѣстный... невозможно мнѣ. Да и грѣхъ.

Служивый не возражалъ, но и не соглашался. Онъ былъ человѣкъ молчаливый, но его молчаніе было значительно и мрачно. Онъ опять не отвѣтилъ и прислушался.

По новой дорогѣ, въ направленіи отъ парка къ перекрестку, слышалась приближавшаяся пѣсня. Какой-то беззаботный гуляка шелъ неторопливою походкой и громко пѣлъ. Весь напитавшись за вечеръ мелодіями изъ оперетокъ, онъ изливалъ теперь изъ себя веселыя шансонетки, и звуки раскатывались далеко по росѣ. Служивый всталъ, поднялъ на дорогѣ камень и сталъ неторопливо обвязывать его платкомъ, которымъ былъ опоясанъ по животу.

— Что ты это?—робко спросилъ Прошка.

— Ничаво,—отвѣтилъ служивый.

— Нѣтъ, ты этого „въ моемъ мѣстѣ“ не моги,—заговорилъ Прохоръ довольно рѣшительно и затѣмъ, нѣсколько оробѣвъ отъ презрительнаго и укоризненнаго взгляда товарища, котораго онъ самъ же заманилъ въ свое мѣсто, прибавилъ оживленнымъ и радостнымъ тономъ:

— Да ты погоди. Я этого самаго пѣсельника сейчасъ тебѣ предоставлю... Потому это чиновникъ.

— Ты почемъ знаешь?—спросилъ служивый.

— Да ужъ будь спокоенъ. Здѣшняя публика мнѣ, братецъ, достаточно извѣстна. Здѣсь, вѣдь, пѣшкомъ-то больше приказчикъ идетъ, да чиновникъ, купецъ не пойдетъ: у него лихачъ. Приказчикъ заоретъ, сейчасъ всѣ собаки въ Бутыркахъ взвоютъ. А этотъ вишь какъ складно выводитъ, и голосъ тонкой. Видно человѣкъ деликатный, а выпивши крѣпко...

Прошка повеселѣлъ.

— Ты вотъ что, служивый,—заговорилъ онъ опять.—Ты послушайся меня... Ты это брось, Лучше сядь ты у дороги и сиди. А ужъ я самъ... Сейчасъ его ежели облапить, все отдастъ... Белендрясы эти на немъ нацѣплены, цѣпочки, за дѣвками такъ гоголемъ и плаваетъ. А драться не мастера... У иного и „припасъ“ *) какой бываетъ, такъ онъ даже и не вспомнитъ. Деликатный народъ.

Товарищъ не возражалъ. Онъ только посмотрѣлъ на Прошку такимъ взглядомъ, который показалъ ясно, что те-

---

*) Припасъ—оружіе, „припасенное“ на всякій случай.

перь предстоитъ или возстановить пошатнувшуюся репутацію, или потерять всякое довѣріе. Между тѣмъ, пѣвецъ приблизился къ роковому мѣсту.

Прошка, обыкновенною медвѣжеватой походкой, вышелъ на дорогу.

— Дозвольте, господинъ, огоньку-съ... цыгарку закурить!— сказалъ онъ, налѣзая вплотную на беззаботнаго пѣвца.

Но тотъ не оправдалъ Прошкиныхъ ожиданій. Слегка отшатнувшись въ сторону, такъ что нельзя было замѣтить, произошло ли это вслѣдствіе винныхъ паровъ, или было разсчитаннымъ маневромъ,—веселый господинъ вдругъ остановился и сказалъ рѣзко прозвучавшимъ въ темнотѣ голосомъ:

— Закуривай!

Мелькнулъ огонь, что-то грянуло на всю окрестность, отдавшись далеко эхомъ. Прошка упалъ.

Беззаботный господинъ отвернулся и, какъ ни въ чемъ не бывало, пошелъ далѣе, опять покачиваясь на ходу и продолжая пѣсенку съ того мѣста, на которомъ былъ остановленъ. Эта удивительная безпечность произвела даже на служиваго столь сильное впечатлѣніе, что онъ въ теченіи нѣкотораго времени провожалъ веселаго господина остолбенѣлымъ взглядомъ, не выходя изъ кустовъ.

Затѣмъ, вспомнивъ о Прохорѣ, вышелъ на дорогу.

— Прошка! — окликнулъ онъ довольно робко лежащую у края дороги фигуру.

Прошка шевельнулся.

— Прохоръ, слышь! Прохоръ, голубчикъ! Живъ ли?— спросилъ служивый съ участіемъ.

Прошка зашевелился сильнѣе и присѣлъ.

— Кажись ничего, — заговорилъ онъ, тяжело вздыхая и разминаясь.—Вѣрно... вреда, кажись, нѣту. А то было вовсе убилъ.

Товарищъ искренно обрадовался.

— Слава-те, Господи, владычице небесная... А вѣдь я думалъ—крышка! Ну, инъ вставай. Надо видно убираться, пока цѣлы... Ишь собаки на дачѣ заливаются...

— Ничего, — увѣренно отвѣтилъ Прошка. — Кому надобность... Далеко. А какъ онъ меня полыхнулъ-то! Ну-у, ну-у! И народъ ноньче пошелъ. Креста на немъ нѣтъ... Убилъ человѣка и пошелъ себѣ... Слышишь ты?

Оба прислушались. Издали все еще доносились обрывки пѣсни...

— Поетъ-заливается... Ушелъ и не оглянулся... Можетъ я здѣсь поколѣлъ, какъ собака.

Онъ всхлипнулъ...

— Каскеты мѣдные теперь на персты надѣваютъ... Свинчатками лупятъ,— говорилъ онъ жалобнымъ, почти плачущимъ голосомъ... — Долбанетъ этакъ невзначай, искры изъ глазъ... Обезпамятѣешь...

— Ну-ну...— угрюмо сказалъ товарищъ, очевидно не одобрявшій Прошкинаго малодушія.

— Ну, пущай... — продолжалъ Прохоръ простодушно... — Надо, скажемъ, и ему какое-нибудь средствіе... оборону какую-нибудь... А этотъ, смотри ты: палитъ, не говоря худого слова...

Онъ опять всхлипнулъ. Волненіе было слишкомъ сильно, и онъ хотѣлъ жаловаться и плакать.

— Народъ пошелъ какой... Неакуратный...

— Ну-ну!..—сказалъ опять товарищъ.

Прошка склонилъ голову на руки... Жизнь казалась ему невозможной. Въ душѣ было темно и тоскливо, какъ еще не бывало никогда. Кромѣ тоски онъ чувствовалъ еще обиду: ему казалось, что въ игрѣ, которую онъ велъ съ ближними, послѣдніе прибѣгаютъ къ неправильнымъ и непозволительнымъ ходамъ. Самъ онъ работалъ только „въ сухую“ и не могъ безъ страха подумать объ убійствѣ. Какъ и въ кулачныхъ бояхъ, онъ полагался на кулакъ и на крѣпкую медвѣжью хватку. Онъ желалъ бы, чтобы ближніе боролись „благородно“...

Все еще по временамъ всхлипывая, онъ поднялся съ земли и пересѣлъ подъ навѣсъ. Выстрѣлъ, дѣйствительно, не вызвалъ на дачахъ никакого движенія, и собачій лай, поднявшійся сначала, болѣе не возобновлялся. Товарищъ Прошки присѣлъ съ нимъ рядомъ. Онъ былъ озадаченъ слабостью Прошки. Не обладая большимъ запасомъ утѣшительныхъ словъ, онъ ничего не сказалъ, но, кажется, его молчаніе на этотъ разъ имѣло сочувственный характеръ.

Становилось свѣтлѣе; роса налегла матово-бѣлою пеленой на зелень. Оркестръ смолкъ. Первые лучи солнца освѣщали двѣ угрюмыя фигуры, неподвижно сидѣвшія на перекресткѣ.

III.

Отношеніе выселковскихъ обывателей къ Прошкиной профессіи отличалось чрезвычайной терпимостью. Съ тѣхъ поръ, какъ укладъ прежняго крестьянскаго міра былъ порушенъ и его члены пошли вразбродъ, всѣ они находили естественнымъ, что человѣкъ такъ или иначе кормится по силѣ возможности. Обломокъ прежняго крестьянскаго общества,—Выселки требо-

вали только, чтобъ ихъ члены не забывали въ концѣ своихъ связей съ „міромъ“, не дѣлали вреда своимъ однообщественникамъ. Кажется, что именно такимъ образомъ слѣдуетъ объяснить тотъ сочувственный нейтралитетъ, какого придерживались выселковцы въ отношеніи къ Прошкину способу кормленія... Въ свою очередь и отношенія Прошки къ согражданамъ были исполнены взаимной благосклонности. По крайней мѣрѣ, такъ было прежде. Выселки знали Прохора и Прохоръ зналъ Выселки. Въ случаѣ удачи Прошки, на Выселкахъ многіе бывали веселы и пьяны, и никому не приходило въ голову задаваться нескромнымъ вопросомъ: откуда взяты деньги, которыми оплачивалось это веселье? Впрочемъ, всѣ хорошо знали это безъ всякихъ справокъ. За то въ самыя темныя осеннія ночи Прохоръ различалъ своихъ компатріотовъ рысьими глазами, и никогда онъ не позволялъ себѣ испугать выселковскую женщину, не обидѣлъ ни одного пьяненькаго выселковца. Къ сожалѣнію, въ наступившія для Прошки тяжелыя времена этому трогательному согласію предстояло жестокое испытаніе.

Не случилось еще ничего особеннаго, но уже многіе наблюдательные люди замѣтили, что Прошка началъ „задумываться“. Это былъ очень тревожный симптомъ. Извѣстно, что, если человѣкъ началъ думать, отъ такого человѣка добра не жди. Поэтому и отъ мыслей Прошки всѣ ждали худа, и между Выселками и Прошкой пробѣжала черная кошка... О чемъ, собственно, онъ думаетъ, никто этого, конечно, не зналъ; тѣмъ не менѣе, когда домохозяинъ-сапожникъ, у котораго подозрѣвались нѣкоторыя деньжонки, проходилъ мимо Прошки въ минуты раздумья,—онъ чувствовалъ себя какъ-то неловко подъ внимательнымъ и тяжелымъ взглядомъ жулика. До сихъ поръ Прошка никогда не задумывался, а только пьянствовалъ и дрался на кулачкахъ. Въ настоящее же время онъ „думаетъ“ и смотритъ нехорошо.

Хотя Прошка не былъ особенно расположенъ къ анализу своихъ ощущеній, тѣмъ не менѣе, онъ тоже замѣтилъ за собою мысли и смутился. Остатки доброй выселковской совѣсти подымались въ немъ противъ новыхъ искушеній. Отъ мыслей въ немъ поднялась такая кутерьма, что бѣдный Прошка былъ близокъ къ настоящей меланхоліи.

Съ теченіемъ времени эти неопредѣленныя взаимныя отношенія Прошки и Выселковъ стали невыносимы. Прежде выселковскій гражданинъ шелъ въ ночное время мимо столба безъ всякой опаски,—нынѣ онъ шелъ и озирался. Онъ шелъ, такъ какъ не было еще примѣра, доказывающаго, что хо-

жденіе это опасно; но озирался, такъ какъ не былъ увѣренъ, что подобный примѣръ не воспослѣдуетъ именно на немъ.

Нѣкогда Прошка добродушно въ любое время окликалъ изъ канавки: „Здорово, Ѳадѣичъ! Хорошо ли гостилъ?“ На что обыватель отвѣчалъ столь же радушно и останавливался покурить съ землякомъ. А нынѣ Прошка сердито ворчалъ:

— Откедова васъ, чертей, экую пору носитъ! Проходи, проходи, не проѣдайся!—Голосъ Прошки при этомъ звучалъ такими враждебными нотами, что землякъ долго оглядывался назадъ съ тяжелымъ чувствомъ.

— Задумалъ чего-то, дьяволъ... Безпремѣнно задумалъ!—рѣшили Выселки.

Всѣмъ было ясно, что такъ дольше продолжаться не можетъ, и дѣйствительно наступилъ кризисъ.

Была темная осенняя ночь, когда дворникъ Алексѣичъ возвращался съ поминокъ. Дворникъ Алексѣичъ оберегалъ архіерейскія дачи и, въ силу этого факта, считался особой духовнаго званія, даже съ монашескимъ оттѣнкомъ. Это внушало всѣмъ чувство нѣкотораго уваженія. Поэтому Алексѣичъ менѣе чѣмъ кто-либо другой помышлялъ объ опасномъ хожденіи мимо столба. Въ эту ночь, какъ уже сказано, онъ возвращался съ поминокъ, мысли его были настроены на торжественный ладъ, а въ рукахъ онъ несъ полуштофъ. Онъ шелъ своимъ обычнымъ размѣреннымъ шагомъ, въ длинномъ полумонашескомъ хитонѣ и круглой шляпѣ, шелъ и на ходу, помахивая полуштофомъ, размышлялъ о суетѣ суетъ въ такомъ родѣ, что вотъ умершій кумъ получалъ хорошее жалованье, а нонче что ему въ деньгахъ? Однимъ словомъ, мысли Алексѣича были торжественны и поучительны. О томъ, что онъ подходитъ къ опасному мѣсту, онъ не думалъ вовсе...

— Стой! Кто идетъ?—раздался вдругъ незнакомый голосъ.

Алексѣичъ вздрогнулъ и остановился,

— Съ нами крестная сила, разсыпься!—вскрикнулъ онъ тономъ заклинанія.

— Небось, не разсыплюсь!—отвѣтилъ неизвѣстный.—Тебѣ нешто экую пору полагается шататься съ водкой?.. Откупайся!

Алексѣичъ быстро окинулъ взглядомъ поле дѣйствія, и отъ его взора не ускользнула другая темная фигура, стыдливо скрывавшаяся за кустомъ. Онъ сразу сообразилъ положеніе дѣла, сталъ въ позу, отодвинулъ назадъ одну ногу и поднялъ правую руку съ полуштофомъ.

— Прохоръ,—заговорилъ онъ глухимъ голосомъ,—а Про-

хоръ. Бога ты не боишься! Своихъ уже сталъ останавливать! Думаешь, не вижу? Вижу тебя, окаяннаго, вотъ ты гдѣ, за кустомъ. А ты, между прочимъ, не подходи!—обратился онъ къ остановившему его субъекту.—Вѣрь истинному Богу, всю морду посудиной изувѣчу. Не пожалѣю полуштофа.

Реплика произвела впечатлѣніе. Незнакомецъ замялся, хотя, повидимому, не вполнѣ отказался отъ своихъ намѣреній. Но патетическое воззваніе архіерейскаго дворника проникло въ глубину Прошкиной совѣсти. Онъ вышелъ на дорогу, подвигаясь какъ-то нехотя, бокомъ.

— Эй, служба, не трожь, слышь! Это, вишь, Алексѣичъ... Знакомый... Кто-жъ тебя экую темень узнаетъ?

— Не узналъ?—произнесъ Алексѣичъ язвительно.—Вишь ты, ослѣпъ нонѣ что-то. Эхъ, Прохоръ, Прохоръ! Вотъ ты ноньче на какіе поступки пускаешься? Своего человѣка... Ахъ-ха!

— Ну, будетъ,—произнесъ Прошка, переминаясь, — что ужъ! Поднесъ бы, Алексѣичъ, по рюмочкѣ, право. Вишь, холодно къ ночи-то стало.

Алексѣичъ смягчился.

— Вишь, рюмки нѣту,—сказалъ онъ уступчиво.—Ну, да ужъ ладно, локай изъ бутылки... Ахъ, Прохоръ,—а-ахъ, Прохоръ!

Алексѣичъ укоризненно качалъ головой.

Прошка приложился и передалъ посуду товарищу. Тотъ взялъ ее съ мрачнымъ и недовольнымъ видомъ.

— Не видалъ, что ли, водки твоей?—сказалъ онъ угрюмо, тѣмъ не менѣе, не отказался и мигомъ будто приросъ губами къ горлу полуштофа. Слышно было, какъ булькаетъ влага и мрачный мужчина тянетъ ее со спертымъ дыханіемъ. Отдавая посуду, онъ пошатнулся.

— А-ахъ, Прохоръ!—сказалъ Алексѣичъ еще разъ, принимая посуду. Она стала замѣтно легче... Это обстоятельство придало голосу Алексѣича особенно выразительный оттѣнокъ.

Прошка понурилъ голову и удалился. Алексѣичъ тоже направился дальше, но, удаляясь, слышалъ, какъ мрачный мужчина сказалъ укоризненно:

— Сидѣлъ бы ужъ. Ишь тебя вынесло... Рохля!

На слѣдующій день, съ ранняго утра Алексѣичъ уже былъ на Выселкахъ и именно въ трактирномъ заведеніи. Важная новость, которую онъ имѣлъ сообщить выселковцамъ относительно Прошкина поведенія, не давала ему покоя. Такъ этого дѣла оставить невозможно,—это знали, конечно, обѣ стороны, и Прошка тоже чувствовалъ грозу, нависшую надъ нимъ въ родныхъ Выселкахъ.

Въ заведеніи, несмотря на ранній часъ, всѣ столы были заняты посѣтителями, оживленно бесѣдовавшими о событіи прошлой ночи. Духовный дворникъ былъ героемъ собранія. Онъ уже нѣсколько разъ успѣлъ разсказать происшествіе, сообщивъ, въ назиданіе слушателямъ, полный текстъ нравоучительной рѣчи, которою онъ яко-бы тронулъ сердца злодѣевъ. Съ каждымъ новымъ варіантомъ назидательная рѣчь пріобрѣтала новыя риторическія красоты.

Вдругъ дверь заведенія отворилась, и на порогѣ появилась фигура самого злодѣя. Не ожидая, очевидно, встрѣтить здѣсь Алексѣича въ такой ранній часъ, Прошка на мгновеніе остановился въ дверяхъ („Такъ его и шатнуло“,—разсказывали впослѣдствіи очевидцы). Тѣмъ не менѣе, возвращаться было поздно, и Прошка подошелъ къ стойкѣ. Вся его фигура дѣйствительно обнаруживала нечистую совѣсть: походка стала еще болѣе неуклюжа и нелѣпа, глаза косили, стараясь не глядѣть въ ту сторону, гдѣ сидѣлъ Алексѣичъ; къ стойкѣ онъ пододвинулся какъ-то бокомъ.

— Налей косушечку,— сказалъ онъ застѣнчиво и грузно опустился на лавку.

— Сычасъ,—отвѣтилъ цѣловальникъ, не торопясь исполнить требованіе, и кинулъ многозначительный взглядъ на Алексѣича. Прошка сразу замѣтилъ все: какъ смолкли собесѣдники, повернувшись въ его сторону, какъ сдержанно и съ ожиданіемъ смотрѣлъ на Алексѣича цѣловальникъ, какъ самъ Алексѣичъ принялъ суровую позу, приличную обстоятельствамъ, и безмолвное вниманіе согражданъ. Все это произвело на Прошку угнетающее вліяніе. Онъ потупился еще больше и какъ-то растерянно повторилъ:

— Косушечку мнѣ, подай-ка...—Тонъ былъ неувѣренно-робкій и фальшивый.

— Слышали-съ!—отвѣтилъ цѣловальникъ дипломатично, но не двинулся за прилавкомъ. Прошку что-то кольнуло въ сердце; онъ чувствовалъ, что въ родномъ выселковскомъ заведеніи онъ сталъ будто чужой.

При общемъ молчаніи всѣ взоры обратились на Алексѣича. Духовный дворникъ сознавалъ важность момента. Онъ молча поднялъ стоявшій на столѣ графинъ, налилъ, не торопясь, стаканъ и подозвалъ Прошку:

— Поди сюда, Прохоръ...

Прошка, точно осужденный, подошелъ къ столу.

— Пей,— сказалъ Алексѣичъ такимъ голосомъ, точно въ рюмкѣ онъ подносилъ ядъ.

Прошка выпилъ залпомъ, скосилъ глаза, покраснѣлъ и,

какъ будто не зная, что сказать и какъ вести себя въ столь неожиданныхъ обстоятельствахъ, вдругъ безстыдно обратился къ духовному дворнику:

— Наливай еще!

Это была храбрость отчаянія, но общественное мнѣніе истолковало ее, какъ доказательство закоренѣлаго безстыдства... Обыватели покачали головами. Кое-кто вздохнулъ.

— А-а?—протянулъ Алексѣичъ.—Желаете еще, Прохоръ Иванычъ? Что-жъ, мы и еще поднесемъ...—И, наливая другую рюмку, Алексѣичъ прибавилъ:

— За ваши добродѣтели...

Стаканъ былъ налитъ. Рука Прошки, подносившаго его ко рту, сильно дрожала, но онъ всетаки выпилъ. Послѣ этого онъ совсѣмъ не зналъ, что ему дѣлать.

Алексѣичъ нѣсколько секундъ молча смотрѣлъ на его нелѣпую, сконфуженную фигуру и затѣмъ сказалъ:

— Скажи-ка ты намъ теперича, Прохоръ Иванычъ, какъ намъ объ тебѣ понимать?

— Насчетъ чего?—спросилъ Прошка, скашивая глаза.

— Не зна-а-ешь?!—иронически переспросилъ Алексѣичъ.—Вишь ты, дитё несмыслёное... Не ломайся, Прохоръ, говори!.. Птица, теперича, пернатая тварь... Объ своемъ гнѣздѣ имѣетъ понятіе... А вѣдь ты есть человѣкъ!

Прошка отвернулся.

— Да, вѣдь, не тронули, — сказалъ онъ глухо, — чего-жъ тебѣ?

— Не тронули?—съ горечью проговорилъ Алексѣичъ...—Спасибо, Прохоръ Иванычъ, что живого отпустили. И на томъ благодарить прикажете? Такъ, что ли? Нѣтъ, а ты зачѣмъ же это притаился?..

Прошка молчалъ. Онъ сознавалъ, что Алексѣичъ успѣлъ разсказать все, и совѣсть у него была передъ односельцами нечистая. Обыватели на разные лады высказывали свое неодобреніе. Алексѣичъ при этомъ случаѣ съ особеннымъ воодушевленіемъ разсказалъ еще разъ все происшествіе и закончилъ, пронизывая Прошку укоризненнымъ взглядомъ:

— Нѣтъ, ты скажи: зачѣмъ ты притаился-то? Значитъ, пущай чужой человѣкъ меня обчиститъ, а ты въ сторонѣ!.. Вотъ какое нонѣ у васъ поведеніе, Прохоръ Иванычъ! Думаешь, не понимаемъ мы?.. Ахъ-ахъ-ахъ...

— Па-анимаемъ,—произнесъ сапожникъ, который сидѣлъ за столомъ и пожиралъ Прошку горящими глазами. Алексѣичъ налилъ третью рюмку и молча, но необыкновенно укоризненно подалъ ее Прохору. Онъ былъ тонкій политикъ.

Пытая Прошку, онъ въ то же время подносилъ ему. Въ этомъ символически Выселки какъ бы предлагали Прошкѣ на выборъ: гнѣвъ или милость... Прошка, весь красный, выпилъ водку и опустился на лавку, подавленный отношеніемъ выселковскаго „міра“.

— А-ахъ ты Господи! — заговорилъ онъ глухо. — Господа поштенные!.. Иванъ Алексѣичъ!.. Да неужто же я, напримѣръ, супротивъ односельцевъ въ родѣ варвара окажусь?

И прибавилъ тронутымъ и размякшимъ голосомъ:

— Тяжело, братцы... Вѣрьте Богу: трудно мнѣ, страсть! Ну, однако, супротивъ односельцевъ... ник-когда! Будьте, поштенные, безъ сумлѣнія...

И онъ взглянулъ на всѣхъ просвѣтлѣвшимъ взглядомъ.

Всѣ почувствовали, что Прохоръ раскаялся совершенно искренно и превращается опять въ своего человѣка, въ прежняго выселковскаго Прошку. Выселки отпраздновали возвращеніе своего блуднаго сына, и даже сапожникъ улыбался и качалъ головой съ самымъ благосклоннымъ видомъ... Алексѣичъ ночевалъ въ заведеніи, и архіерейская дача на шоссе оставалась эту ночь безъ его охраны.

IV.

На слѣдующее утро Прошка проснулся рано. Голова у него трещала съ похмѣлья, но на душѣ не было скверно. Онъ вспомнилъ вчерашнее, вспомнилъ трогательное примиреніе съ согражданами, и ему во всемъ этомъ почудилось что-то теплое, умиляющее, точно начало какой-то новой жизни. Вчера онъ, вмѣстѣ съ Алексѣичемъ, былъ героемъ дня. Онъ былъ для Выселокъ чѣмъ-то въ родѣ блуднаго сына, возвращеніе котораго празднуютъ закланіемъ тельца. Еще недѣлю назадъ онъ былъ просто жуликъ Прошка, которымъ внѣ кулачныхъ боевъ интересовались мало. Потомъ онъ сдѣлался для Выселокъ угрозой. И когда угроза миновала, — послѣдовалъ короткій періодъ трогательнаго общенія. Прохоръ надѣялся продолжить его и вкусить еще отъ сладкаго покаянія. Съ такими чувствами и ожиданіями онъ переступилъ порогъ заведенія.

Ему нужно было опохмѣлиться, — это было несомнѣнно и разумѣлось само собой. Но не это было главное. Онъ зналъ, что Алексѣичъ ночевалъ въ заведеніи, что теперь онъ тоже проснулся, что у него явится та же потребность въ поправкѣ, и Прошка намѣревался отплатить за вчерашнее взаимностью. Это подыметъ его въ собственныхъ глазахъ и въ общественномъ мнѣніи. Денегъ у него не было ни копѣйки, но кредитъ

былъ возстановленъ. Для начала онъ закажетъ полбутылки съ какой-нибудь закусочкой... Онъ уже видѣлъ въ воображеніи, какъ они съ архіерейскимъ дворникомъ будутъ „поправлять-ся“ за столикомъ, покрытымъ скатерткой. А черезъ нѣкоторое время станутъ подходить другіе похмѣльные обыватели... И вчерашнее общеніе продолжится... неопредѣленно.

Но эти пріятныя ожиданія были обмануты. Когда за Прохоромъ завизжала и хлопнула дверь съ блокомъ, — въ трактирѣ было еще не прибрано и пусто. Два заспанныхъ парня убирали грязные столы и спрыскивали полъ... Въ хозяйской комнатѣ чирикала канарейка. Сама хозяйка возилась за прилавкомъ вмѣсто мужа, а духовный дворникъ уже сидѣлъ у окна за столикомъ и опохмѣлялся.

Похмѣлье у него было трудное и тяжелое. Лицо за ночь еще болѣе пожелтѣло, волосы прилипли по сторонамъ щекъ, и онъ жевалъ губами съ выраженіемъ страданія и отвращенія. Увидя Прохора,—онъ сталъ какъ будто еще болѣе мраченъ, но все же поманилъ вошедшаго пальцемъ и молча налилъ рюмку. По его угрюмо-страдающему виду Прохоръ понялъ, что вчерашнее миновало безповоротно. Духовный дворникъ становился опять особой, не подъ пару Прошкѣ, и у Прохора не хватило духу предложить ему свое угощеніе.

Онъ подошелъ на зовъ и выпилъ рюмку, чувствуя, что это только подачка. Алексѣичъ, не тратя словъ, налилъ другую. Въ это время блокъ взвизгнулъ и въ заведеніе вбѣжалъ еще одинъ страдающій обыватель. Не обращая ни на кого вниманія, онъ подбѣжалъ къ стойкѣ и кинулъ монету. Хозяйка налила ему съ презрительнымъ видомъ. Она презирала пьяницъ, хотя ей и приходилось порой замѣнять мужа. Прошка чувствовалъ, что его планы насчетъ кредита въ эту минуту болѣе чѣмъ сомнительны... Страдающій посѣтитель „поправился“, кивнулъ Алексѣичу головой и, не обративъ вниманія на Прошку, быстро выбѣжалъ изъ трактира... А вчера онъ обнимался съ Прохоромъ и то и дѣло лѣзъ цѣловаться.

Было ясно, что короткій праздникъ кончился. Наступали будни. Прохоръ становился въ выселковской жизни на прежнее мѣсто... Алексѣичъ постучалъ и сталъ разсчитываться... Прохоръ стоялъ у столика въ нерѣшительности...

— Умыться пойтить, — сказалъ онъ, чтобы сказать что-нибудь.

Дворникъ не выразилъ ни малѣйшаго участія къ дальнѣйшимъ намѣреніямъ Прохора. Онъ только зачавкалъ ртомъ съ видомъ человѣка, у котораго печень не въ порядкѣ и которому весь міръ внушаетъ отвращеніе, въ томъ числѣ и

его ближайшій собесѣдникъ. Прошка вышелъ своей медвѣжьей походкой и направился къ плотинѣ и пруду...

Площадь была пустынна. На нее выѣхалъ „фіакръ“ и поставилъ лошадь противъ трактира; лошадь раскорячила ноги, выгнула костистую спину и застыла, какъ будто мгновенно заснула, а ея хозяинъ поплелся въ трактиръ мелкими шажками и тряся на ходу огромной бородой. Блокъ взвизгнулъ, и все опять стало тихо.

Въ воздухѣ ясно почувствовалась утренняя свѣжесть. На березкахъ и кустахъ сверкали капли невысохшей росы. Было тихо, только блокъ трактира то и дѣло пріятно взвизгивалъ, послѣ чего стучала дверь. Это движеніе шло мимо Прошки, и это приводило его въ чрезвычайно мрачное настроеніе.

Онъ лѣниво оглянулся по направленію къ своей полуразвалившейся избушкѣ. Изъ черной покосившейся трубы вился легкій дымокъ. Дунька вчера „гуляла“, вернулась поздно и теперь очевидно собиралась стряпать. Это въ нѣкоторой степени снимало съ Прошки заботу о малолѣткахъ и престарѣломъ родителѣ. „Сыты на сегодня“—дальше этого его заботы не простирались... Онъ не заработалъ ничего, но сестра очевидно заработала... Этого достаточно. Почесавшись какъ-то по своему, руками, плечами и спиной,—Прошка вяло двинулся по направленію къ водѣ.

Шелъ онъ тихо, съ развальцой; по временамъ почти пріостанавливался, почесывался и опять шелъ. Казалось, ему все равно—идти ли къ водѣ или назадъ, или совсѣмъ не идти. Въ самомъ началѣ онъ чуть было не наткнулся на несчастную клячу „фіакра“ и, проходя мимо, поднялъ локоть, чтобъ ударить ее по мордѣ; но такъ какъ ему лѣнь было податься въ ея сторону, то ударъ чуть-чуть только задѣлъ клячу, а она, въ свою очередь, не сочла нужнымъ выразить чѣмъ-либо свое негодованіе. Кляча осталась въ своей задумчивой позѣ, а Прошка пошелъ дальше тою же нелѣпою походкой.

У конца плотины надъ прудомъ стояла красная сторожка. Отъ нея въ глубину парка уходилъ невысокій валъ, поросшій травой, съ узкою дорожкой, которая убѣгала, теряясь въ зелени, отдѣленная отъ вала канавкой. Листья березъ чуть-чуть шептались подъ вѣтромъ, который, пробѣгая надъ прудомъ, подымалъ кое-гдѣ небольшую зыбь: легкая струйка, сверкая на солнцѣ, билась въ берегъ, покачивая двѣ лодки. Упавшіе сквозь листву яркіе лучи смыкались и размыкались свѣтлыми кружками на дорожкѣ. Это былъ ясный мирный уголокъ; кусты и деревья отдѣляли его отъ площади, отъ ея кабаковъ, пыли и лавокъ. На другой сторонѣ пруда виднѣ-

лась красивая баллюстрада лодочной пристани и густой академическій паркъ. И бѣлая баллюстрада, и густая, темная зелень отражались въ синей водѣ пруда. Все было прозрачно, густо, отчетливо, необыкновенно свѣжо и чисто.

Появленіе угрюмой и грязной фигуры Прошки составило рѣзкій диссонансъ въ тиши этого уголка. Вѣроятно, онъ самъ не могъ не сознавать этого, потому что въ первую же минуту его лицо еще болѣе потемнѣло и на припухлыхъ щекахъ, въ заплывшихъ глазахъ появилось выраженіе цинизма. Это выраженіе онъ умѣлъ усиливать по произволу; у всякаго свое положеніе въ свѣтѣ, а Прошка имѣлъ свое: онъ былъ жуликъ, драчунъ, человѣкъ „отчаянный“. Если-бъ онъ лишился этихъ качествъ, не пріобрѣтя взамѣнъ другихъ, онъ сталъ бы на Выселкахъ нулемъ. Теперь же онъ былъ чѣмъ-нибудь и, такъ или иначе, все же выдѣлялся, заставлялъ съ собою считаться. Разъ онъ „отчаянный“, такъ пусть же знаютъ, что онъ въ этомъ отношеніи можетъ зайти далеко, дальше, чѣмъ отъ него ожидаютъ. Находясь среди людей, онъ чувствовалъ на себѣ ихъ взгляды, исполненные пренебреженія, и ему было пріятно, когда это пренебреженіе переходило въ удивленіе, а иногда и въ страхъ. Поэтому онъ любилъ порой усилить свое безобразіе, любилъ, покачнувшись будто нечаянно, задѣть какого-нибудь уважаемаго обывателя, любилъ такъ дрогнуть плечомъ, чтобы близстоящіе, кто бы они ни были, хотя бы совершенно посторонніе, невольно шарахнулись, опасаясь со стороны отчаяннаго человѣка внезапнаго нападенія. Онъ сознавалъ, что ему сходитъ многое, что не сошло бы другому. Каждый, при взглядѣ на его фигуру, сразу замѣчалъ рѣзкіе признаки „отчаяннаго человѣка“, съ которымъ лучше не связываться.

Теперь, хмурый и заспанный, онъ особенно сильно чувствовалъ на себѣ такіе взгляды... Но кругомъ никого не было. Были только березки, блики на прудѣ, свѣжая зелень и легкій утренній вѣтеръ. Это въ немъ самомъ было смутное сознаніе того диссонанса, какой онъ вносилъ сюда, въ этотъ ясный уголокъ воды, зелени и солнечныхъ лучей. Поэтому онъ еще болѣе обмякъ и опустился. Взойдя на кладку надъ водой, онъ ступалъ такъ тяжело, что доски трещали и гнулись. Усѣвшись и спустивъ ноги къ водѣ, онъ зачѣмъ-то выругался и толкнулъ ногой лодку. Лодка тихо откачнулась, ударилась о другую и опять подплыла къ ногѣ чистенькая и съ чистенькимъ отраженіемъ. Прошка толкнулъ опять, но уже тише. Повторивъ это три-четыре раза, онъ опустилъ голову и на минуту смирился. Когда онъ поднялся, его лицо приняло болѣе спокойное выраженіе. Онъ умылся, поглядѣлъ еще

разъ кругомъ, взошелъ на насыпь и, выбравъ мѣсто, гдѣ солнце уже высушило капли росы, легъ въ траву.

Фигура человѣка, такимъ мрачнымъ пятномъ ворвавшаяся сюда, теперь стушевалась, будто слившись съ этою природой. И душа человѣка тоже начала съ нею сливаться. Прошка полежалъ нѣсколько минутъ, закрывъ лицо согнутыми въ локтяхъ руками. Потомъ онъ открылъ глаза и, поднявъ голову, посмотрѣлъ на прудъ, на лодки, которыя опять мѣрно покачивались на синихъ струяхъ, разводя вокругъ себя серебристые круги; на листья, которые дрожали надъ нимъ въ тонкой синевѣ воздуха, прислушался къ чему-то, и вдругъ легкая улыбка подернула его щеки.

Усмѣшка эта была какая-то косая, неопредѣленная. Лицо Прошки трудно ей поддавалось; оно подернулось ею, какъ дергается поплавокъ на поверхности рѣки, когда въ глубинѣ трогаютъ наживку... сначала слабо, потомъ нѣсколько явственнѣе. Наконецъ, улыбка широко разлилась по мясистымъ скуламъ, раздвинула ротъ, заискрилась въ чуть видныхъ глазахъ. Это была лукавая улыбка: Прошкѣ было смѣшно оттого, что онъ одинъ, что кругомъ такъ благосклонно шепчутъ ему листья, что ему хорошо, что ему не нужно показывать отчаянность и, главное, что его никто не видитъ, что онъ укралъ для себя у людей эту особенную минуту. Онъ былъ похожъ на кота, котораго гладятъ по спинѣ. Но его никто не гладилъ по спинѣ или, вѣрнѣе, его гладила общая мать-природа. Она коснулась его души своимъ нѣжащимъ и любящимъ прикосновеніемъ, и онъ почувствовалъ, какъ эта душа разглаживалась, „выпрямлялась“, добрѣла. Что-то изъ нея улетучивалось, что-то утопало, стиралось въ сознаніи, и взамѣнъ изъ глубины поднималось нѣчто другое, невѣдомое, неопредѣленное, смутное... Все это совершалось такъ ощутительно, что порой у Прошки являлся даже вопросъ: что это такое? Что это наростаетъ въ немъ, пробивается къ сознанію, напоминаетъ о чемъ-то, „подмываетъ“ на что-то? О чемъ напоминаетъ, на что̀ подмываетъ?.. Порой Прошка ощущалъ въ себѣ неясное желаніе. И когда, по привычкѣ, онъ задавалъ себѣ вопросъ: ужъ не выпить ли ему хочется, — то поднимавшаяся въ душѣ безвкусица не оставляла ни малѣйшаго сомнѣнія, что дѣло не въ выпивкѣ. Такъ въ чемъ же?

Онъ затихалъ и отдавался настроенію, надѣясь схватить неясное ощущеніе, какъ мы стараемся по временамъ схватить пріятный полузабытый сонъ. Но ему никогда не удавалось этого достигнуть: непривыкшее къ напряженію вниманіе

вскорѣ ослабѣвало, туманилось, — и, продолжая улыбаться, Прошка мирно засыпалъ. Быть можетъ, во снѣ онъ видѣлъ, наконецъ, то, что желалъ увидѣть, но никогда не помнилъ, что̀ ему снилось.

Одно было жалко: излюбленный уголокъ находился очень близко отъ плотины, и порой, для сокращенія дороги, студенты изъ выселковскихъ номеровъ и дачъ проходили прямо черезъ насыпь, мимо Прошки. Раньше Прошку это не безпокоило, но въ послѣдніе годы характеръ студенчества сталъ какой-то безпокойный. Прежде студенты проходили мимо Прошки и, если обмѣнивались съ Прошкой остротами, даже порой ругательствами, то дѣлалось это какъ-то „по простотѣ“, не обидно. Теперешніе студенты не ругались; они только оглядывались на Прошку какъ-то особенно. Однажды проходившій мимо юноша указалъ на него другому и сказалъ:

— Вотъ вашъ „народъ“. Смотрите.

Тотъ, къ кому это восклицаніе обращалось, повернулся къ Прошкѣ, посмотрѣлъ на него сначала сквозь синія очки, потомъ поверхъ очковъ и спокойно отвѣтилъ:

— Ну, какой же это „народъ“... подмосковный. И, притомъ... (онъ еще разъ внимательно посмотрѣлъ на Прошку) кажется, это Прошка, котораго зовутъ жуликомъ.

Затѣмъ, продолжая горячо спорить на непонятномъ для Прошки господскомъ языкѣ, юноши пошли своею дорогой. Прошка сердито заворчалъ. Онъ видѣлъ, что, въ сущности, его какъ будто не желали обидѣть. Но уже недоумѣніе, возбужденное непонятнымъ разговоромъ, было ему непріятно.

— И что только говорятъ... ничего не поймешь. Народъ... ежели я тутъ одинъ лежу...

Конечно, онъ могъ перемѣнить мѣсто, но, во-первыхъ, очень ужъ онъ привыкъ къ этому уголку, а, во-вторыхъ, инертность была существенною чертой его характера. Онъ злился, но мѣста не мѣнялъ. „Наплевать! — думалъ Прошка про себя, кидая на юношей вызывающіе взгляды.—Лежу вотъ, больше ничего. Имѣю полное право“.

Въ описываемое утро, по случаю ранняго праздника, движенія было меньше. Многіе студенты отправились въ Москву еще наканунѣ, другіе еще спали дома, поэтому Прошка надѣялся, что его уединеніе не будетъ нарушено.

Однако, онъ ошибся.

Прежде всего, на валу, въ узкой просѣкѣ показалась фигура студента Чубарова. Онъ прошелъ мимо Прошки, не замѣтивъ его, и, подойдя къ пруду, снялъ шляпу и сталъ умываться.

„Пьянствовалъ, видно, толстая морда!“—непріязненно подумалъ Прошка, глядя на красное, веселое лицо Чубарова. Догадка, въ сущности, была справедлива: Чубаровъ всю ночь кутилъ у „стараго студента“ Воронина, жившаго на одинокой дачкѣ, въ лѣсу, и теперь вышелъ, чтобы достать припасовъ для продолженія пирушки. Кстати задумалъ немного освѣжиться.

„Здоровъ пить, — подумалъ опять Прохоръ, разсматривая прищуренными глазами оживившуюся отъ свѣжей воды физіономію Чубарова.—Небось, всѣхъ товарищей споилъ, а самому хоть опять начинать“.

Студентъ фыркнулъ, потянулъ въ себя поздухъ, обтеръ лицо носовымъ платкомъ и пошелъ по направленію къ плотинѣ, слегка покачиваясь.

„Небось, разбираетъ на воздухѣ-то!“ — комментировалъ опять Прошка, съ невольнымъ интересомъ слѣдя за проявленіями хорошо ему знакомаго недуга.

На другомъ концѣ плотины, ближе къ академіи находилась лавка, гдѣ торговали коньякомъ и винами. Она еще была заперта, но это не послужило препятствіемъ. Черезъ четверть часа Чубаровъ вновь появился на плотинѣ и, къ великой досадѣ Прохора, опять долженъ былъ пройти мимо. Теперь онъ несъ подъ мышкой кулекъ, изъ котораго виднѣлись горлышки бутылокъ.

„Ишь его... носитъ взадъ-впередъ“, — непріязненно подумалъ Прохоръ. Чубаровъ быстро прошелъ мимо и сталъ удаляться по валу; Прошка опять поднялъ глаза кверху и замечтался... Мечтательность, смутная и безпредметная, скоро переходила у него въ дремоту. Онъ обладалъ счастливымъ свойствомъ здоровыхъ натуръ засыпать по произволу во всякое время; поэтому немудрено, что черезъ минуту его вѣки отяжелѣли, глаза сомкнулись. Дремота налегала на него все гуще, и неясный сонъ мелькалъ въ воображеніи, покрывая понемногу сознаніе дѣйствительности.

Прошкѣ казалось, что воздухъ затуманился, небо заволакивается тучами, листья шепчутся тревожно, точно передъ наступленіемъ грозы. Еще черезъ нѣсколько минутъ ему послышалось даже глухое рокотаніе грома, и онъ сталъ испытывать безпокойство и желаніе проснуться, чтобъ укрыться отъ близкаго дождя. Но дремота все крѣпче и крѣпче охватывала его, сковывая всѣ члены.

По странному совпаденію, дѣйствительность, хотя и въ метафорическомъ смыслѣ, соотвѣтствовала этому сновидѣнію. День былъ ясенъ, и солнце свѣтило попрежнему ярко, но

на синемъ клочкѣ неба, который виднѣлся между деревьевъ въ концѣ узкой просѣки, на горизонтѣ показалось черное пятнышко, которое все выростало по мѣрѣ приближенія. Пятнышко оказалось группой людей, и Чубаровъ, узнавшій своихъ товарищей изъ „кружка“, къ которому принадлежалъ только отчасти, свистнулъ, покачалъ головой и прибавилъ шагу. Онъ недавно порядочно повздорилъ съ кружкомъ; кромѣ того, онъ былъ пьянъ и веселъ. „Кружокъ“, наоборотъ, возвращался послѣ неудавшейся въ Москвѣ сходки; студенты ночевали кое-какъ, въ тѣснотѣ, не выспались, прошли болѣе десяти верстъ пѣшкомъ, а потому шли усталые, въ самомъ мрачномъ настроеніи. Такимъ образомъ, если не на небѣ, то на узкой насыпи въ лѣсной просѣкѣ, навстрѣчу другъ другу стремились два противуположныя электричества, и столкновеніе было неизбѣжно. Прошка спалъ, не предчувствуя, что этому столкновенію суждено разразиться надъ его беззаботной особой и что оно повлечетъ за собой для него лично многочисленныя послѣдствія.

Черное пятно все увеличивалось, фигура Чубарова все умалялась, разстояніе между ними уменьшалось. Наконецъ, они сошлись. Чубаровъ потерялся въ группѣ, но за то вся группа остановилась. Въ ней поднялось какое-то движеніе, послышался отдаленный рокотъ голосовъ. Черезъ минуту группа двинулась опять, но движеніе это происходило какъ-то неровно, съ остановками. По временамъ Чубаровъ, который вмѣстѣ съ однимъ изъ новоприбывшихъ составлялъ центръ двигавшейся живой тучки, клалъ на землю свой кулекъ и начиналъ жестикулировать съ размашистостью горячаго и, при томъ, выпившаго человѣка. Очень вѣроятно, что присниившійся Прохору рокотъ надвигавшейся грозы отчасти объяснялся гуломъ смѣшанныхъ голосовъ, и въ особенности могучей, нѣсколько осипшей октавой Чубарова. Она то и дѣло выносилась изъ кучки студентовъ, которая, между тѣмъ, надвинулась почти вплоть къ тому мѣсту, гдѣ лежалъ Прохоръ.

Споръ былъ горячій. Главный оппонентъ Чубарова, Семеновъ, пытался прекратить неожиданно завязавшійся диспутъ, но неудачно. Это былъ молодой человѣкъ, съ русою небольшою бородкой, одѣтый въ длинный черный пиджакъ, застегнутый на всѣ пуговицы, и въ простомъ суконномъ картузѣ. Вся эта темная, некрупная фигура не имѣла въ себѣ ничего выдающагося и представляла рѣзкую противуположность съ размашистою и широкою фигурой Чубарова. Между тѣмъ какъ въ Чубаровѣ рѣзко выступали характерныя черты студента,—Семенова на первый взглядъ можно было принять за

мѣщанина или рабочаго. Онъ не горячился въ спорѣ и не нападалъ. Только румянецъ, проступившій на его матово-смуглыхъ щекахъ, обнаруживалъ нѣкоторое волненіе. Его сѣрые, задумчивые глаза глядѣли на Чубарова изъ-подъ козырька съ сдержаннымъ выраженіемъ неодобренія, съ какимъ убѣжденный сектантъ смотритъ на грѣшнаго мірянина. Казалось, этотъ взглядъ еще болѣе раздражалъ и безъ того разгоряченнаго Чубарова.

— Нѣтъ, вы па-азвольте,—заговорилъ онъ, опять останавливаясь и ставя кулекъ на землю, такъ что дальнѣйшій путь оказался прегражденнымъ. — Па-азвольте! Это вы, кажется, изволите игнорировать мои мнѣнія, потому что считаете меня пьянымъ. Не одобряете... понимаемъ... Стоите на высотѣ-съ. Отлично. А всетаки мой логическій аппаратъ дѣйствуетъ, и я утверждаю: ваше основное положеніе ведетъ къ отрицанію культуры...

— Къ чорту вашу культуру!—рѣшительно произнесъ студентъ съ большими черными глазами, горѣвшими на блѣдномъ лицѣ какимъ-то темнымъ пламенемъ. При этомъ онъ стукнулъ объ землю большою палкой. Но въ средѣ кружка это рѣшительное заявленіе вызвало нѣкоторое замѣшательство. Споръ отклонился. Въ кружкѣ безпорядочно зашумѣли.

— Какіе ты, Гурьяновъ, можешь выставить аргументы въ пользу этого мнѣнія? — спросилъ студентъ, котораго звали Ерстиковымъ. Въ сущности, фамилія этого молодого человѣка была не Еретиковъ, а Ярославцевъ; товарищи прозвали его Теоретикомъ, а Выселки перекрестили въ Еретикова, и послѣдняя кличка осталась за нимъ, быть можетъ, потому, что она очень шла къ нему: широкое, жирное лицо, обрамленное длинными, но жидкими волосами, которые спадали изъ-подъ круглой шляпы косицами, напоминало духовное происхожденіе Ярославцева. Казалось, ряса и стихарь наиболѣе шли бы къ этой физіономіи; между тѣмъ, кургузый свѣтло-сѣрый пиджакъ стягивалъ широкія круглыя плечи и, очевидно, былъ сшитъ не по немъ; широчайшія брюки были длинны и обтерханы внизу, а весь костюмъ, въ общемъ, казалось, принадлежалъ кому-то другому и только случайно попалъ на этого разстригу. Лицо Еретикова производило впечатлѣніе необыкновенной мягкости и жизнерадостности: голубые глаза глядѣли съ добродушнымъ лукавствомъ, и порой, когда ему удавалось построить удачный силлогизмъ, они загорались веселымъ, довольнымъ огонькомъ. Въ кружкѣ онъ былъ извѣстенъ необычайною легкостью, съ какою умѣлъ дѣлать выводы изъ всевозможныхъ посылокъ. Стоило только заинтересовать его какимъ-либо предположе-

ніемъ, намекомъ или вопросомъ, какъ голубые глаза Еретикова начинали играть и свѣтиться, а губы шевелились лукавою усмѣшкой человѣка, въ сознаніи котораго уже вставало совсѣмъ оформленнымъ то, что̀ вы считали новымъ и оригинальнымъ. Обладая громадною памятью, онъ вооружался и философіей, и исторіей, и соціологіей, сыпалъ цитатами и, въ концѣ концовъ, самъ начиналъ вѣрить своей быстро возникшей теоріи. Но стоило любому скептику умѣло тронуть хоть одинъ уголокъ законченнаго зданія, какъ мысль Ярославцева уже неудержимо стремилась по пути разрушенія. Онъ тотчасъ же вспоминалъ все, что можно было возразить противъ новой теоріи, и лукавая улыбка уже опять оживляла его широкое лицо. Въ кружкѣ знали это свойство ума Еретикова, и Семеновъ относился къ нему неодобрительно.

Гурьяновъ представлялъ во многихъ отношеніяхъ контрастъ Теоретику. Онъ не любилъ спорить, и какая-то мрачная искренность отмѣчала всѣ его рѣшительныя выходки. Кружокъ далеко не во всемъ съ нимъ соглашался; нѣкоторые считали его душевно-больнымъ, но Семеновъ, тоже далеко не раздѣлявшій его взглядовъ, цѣнилъ искренность Гурьянова. Въ сущности, онъ мало зналъ его дѣйствительные взгляды. Гурьяновъ самъ не могъ ни доказать, ни обосновать, ни даже ясно формулировать ихъ. Всѣ его заявленія, рѣзкія, категорическія и короткія, являлись какъ бы откровеніями подъ вліяніемъ наитія непосредственной натуры. Семеновъ старался разыскать особенный смыслъ этихъ страстныхъ выходокъ и часто терялся. Порой это удавалось ему лишь при помощи болѣе или менѣе сложныхъ комментаріевъ, часто совершенно измѣнявшихъ первоначальное значеніе высказаннаго Гурьяновымъ мнѣнія.

Теперь, услышавъ рѣшительное заявленіе Гурьянова относительно культуры и видя недоумѣніе кружка, онъ на минуту ушелъ въ себя, неопредѣленно глядя впередъ задумчивыми глазами и будто что-то разсматривая въ своемъ воображеніи. Всегда, въ тѣхъ случаяхъ, когда Гурьяновъ вмѣшивался въ разговоръ, Семеновъ становился спокойнѣе.

— Наша культура односторонняя и построена на слишкомъ узкомъ основаніи,—сказалъ онъ.—Гурьяновъ хочетъ сказать, что нужно уничтожить эту односторонность.

— Гм... Кажется, онъ высказался нѣсколько опредѣленнѣе,— иронически замѣтилъ Чубаровъ.

Глаза Семенова на минуту опять затуманились, и онъ сказалъ задумчиво:

— Знаете ли... Пусть такъ... Развѣ стоитъ тратить силы на уходъ за тепличнымъ растеніемъ?.. Стоитъ ли украшать

зданіе, которое нужно сначала сломать, а потомъ подвести болѣе широкій фундаментъ... Вѣдь при этомъ все равно, всѣ эти детали полетятъ къ чорту!..

Онъ говорилъ тономъ полувопроса, какъ будто мысль эта еще только выяснялась для него подъ вліяніемъ страстнаго выкрика Гурьянова.

— Ну, это похоже на изреченіе нашего почтеннаго оракула,—перебилъ Чубаровъ.

Семеновъ покраснѣлъ, обидѣвшись за Гурьянова, и отвѣтилъ довольно рѣзко, стараясь двинуться впередъ (Чубаровъ поднялъ кулекъ).

— Объ этомъ мы уже говорили и, можетъ быть, поговоримъ еще. Теперь я скажу кратко: даже наиболѣе рѣзкое и интенсивное проявленіе дѣятельности культурныхъ классовъ, даже допустивъ, что они стали бы политическою силой... и то безполезно, если не вредно. Единственная творческая сила—народъ. Какое мы имѣли бы право навязывать ему наши такъ называемые политическіе взгляды, зная, что мы — продуктъ односторонняго развитія? Повѣрьте, что народъ, когда онъ выступитъ на арену исторіи, съумѣетъ сломать всѣ эти изысканнѣйшіе стили и построить свое новое зданіе. Оно будетъ просто, сурово, и въ немъ будетъ своя красота...

— Новое небо и новая земля,—подсказалъ Еретиковъ.

— Такъ, такъ,—насмѣшливо одобрилъ Чубаровъ. — Подождемъ, пока ему угодно будетъ выступить... А затѣмъ... прикажете присутствовать въ качествѣ благородныхъ свидѣтелей?

— Постойте, Чубаровъ,—живо возразилъ Теоретикъ.—Изъ только что высказаннаго взгляда вовсе не вытекаетъ необходимость пассивности. Намъ предстоятъ двѣ задачи: во-первыхъ, отказаться отъ себя...

— Фью-ю-ю! — свиснулъ Чубаровъ и громко засмѣялся.— Хороша задача! Ну-съ... А если я не желаю отказываться отъ себя... Не признаю самоотреченія и аскетизма... Я есть я... Да, да, чортъ возьми! Смотрю на себя и вижу, „яко добро есть“...

Онъ вызывающе сталъ на дорогѣ, веселый, пьяный и возбужденный. Семеновъ посмотрѣлъ на него холоднымъ взглядомъ. Въ кружкѣ безпорядочно зашумѣли.

Въ концѣ концовъ Теоретикъ опять овладѣлъ словомъ и сказалъ, довольно и вкусно улыбаясь. Ему предстояло закончить формулу.

— Я утверждаю, что передъ честной русской интеллигенціей лежатъ двѣ задачи: во-первыхъ, отрѣшиться отъ себя...

совлечь ветхаго человѣка... за исключеніемъ одного свойства.— знанія... Во-вторыхъ, разбудить народъ, загипнотизированный вѣковой спячкой...

— Къ чорту знаніе! — категорически произнесъ Гурьяновъ.—Просто разбудить и только.

— Но... какъ же?—спросилъ Теоретикъ нѣсколько растерянно...

— Да... Толчекъ нуженъ здоровый,—сверкнулъ Гурьяновъ своими черными глазами и замолчалъ...

Опять поднялся шумъ... Передъ Теоретикомъ потянулся другой рядъ цитатъ. Спенсеръ утверждаетъ, что только эмоція заражаетъ и родитъ дѣйствіе. Мысль въ этомъ отношеніи безразлична... Это сбило его съ прежней позиціи, а такъ какъ въ это время онъ уже овладѣлъ словомъ и его отвѣта ждали, то онъ сталъ нерѣшительно приводить цитаты объ умѣ и чувствѣ, какъ факторахъ прогресса. Онъ мямлилъ, и споръ явно уходилъ въ ничью.

Какъ разъ въ минуту этого кратковременнаго затишья передъ глазами молодыхъ людей, въ небольшой ложбинкѣ на травѣ, явилась фигура Прошки. Жуликъ лежалъ въ самой безпечной и непринужденной позѣ, сладко потягивался и издавалъ легкій носовой свистъ. Чубаровъ, собиравшійся возразить что-то, при видѣ этого зрѣлища остановился какъ вкопанный. Въ его глазахъ забѣгали веселые огоньки.

— Сдаюсь!—воскликнулъ онъ,—смиряюсь передъ указаніемъ свыше: вотъ сынъ народа, котораго предстоитъ разбудить. При семъ случаѣ можемъ произвести и надлежащій экспериментъ. Итакъ, господа,—заговорилъ вдругъ Чубаровъ, подходя къ Прошкѣ и принимая позу и тонъ одного изъ профессоровъ,—прошу вниманія.

Семеновъ нетерпѣливо повелъ плечомъ и хотѣлъ пройти далѣе, но кружокъ, увлеченный внезапною выходкой Чубарова и мастерскимъ подражаніемъ, шумно стѣснился вокругъ спящаго Прохора. Семеновъ вяло остановился нѣсколько въ сторонѣ.

Чубаровъ вынулъ полубутылку и, употребляя ее вмѣсто указательной палочки, уставилъ ее въ Прохора.

— Silentium. Начинаю. Передъ нами, господа, на лонѣ природы, въ самой непринужденной и натуральной позѣ, лежитъ рѣдкій экземпляръ... Homo primitivus, непосредственная натура, сынъ народа... Прошу не перебивать!.. Дальнѣйшія опредѣленія,—видъ, подвидъ и индивидуальность будутъ введены мною своевременно. Итакъ, общій родовой признакъ стоитъ внѣ сомнѣній: сынъ народа...

Прошка слегка зашевелился. Окружавшая его толпа и густой басъ Чубарова, раскатывавшійся въ воздухѣ, вызвали въ немъ нѣкоторое безпокойство. Онъ повернулъ голову и открылъ одинъ глазъ, потомъ закрылъ его, взглянулъ опять, потянулся, поднялъ голову и, Богъ знаетъ зачѣмъ, крякнулъ. Среди молодежи послышался смѣхъ.

— Онъ проснулся,—замѣтилъ Чубаровъ. — Тѣмъ лучше, ибо это даетъ намъ возможность предлагать ему вопросы. Пунктъ первый. Отвѣтствуй, Прохоръ: твое званіе? Жуликъ?

— Пшолъ къ чорту!—пробурчалъ Прошка, еще не вполнѣ оріентировавшійся въ этомъ странномъ положеніи.

— Проанализируемъ, господа, его отвѣтъ. Онъ великолѣпенъ; изъ него мы видимъ, что Прошка вѣритъ, во-первыхъ, въ существованіе чорта; во-вторыхъ, вы видите, что онъ не отрицаетъ своей профессіи, не негодуетъ, не лжетъ. Онъ просто посылаетъ насъ къ чорту, разумѣя довольно резонно, что мы суемся не въ свое дѣло. Однако, въ интересахъ научнаго изслѣдованія, продолжимъ. Прохоръ! Пунктъ второй: понимаешь ли ты, что твое ремесло не вполнѣ одобрительно?

Прошка былъ удивленъ и разсерженъ. Онъ приподнялся на локтѣ и сказалъ:

— Слышь, Чубаровъ, въ морду хочешь?..

— Именно этого и ожидала отъ тебя наука,—снисходительно поддакнулъ Чубаровъ, и среди слушателей раздался шумный смѣхъ. — Онъ не отвѣчаетъ на вопросъ, ибо столь сложныя нравственныя понятія недоступны его простому разуму, неиспорченному гнилой культурой. Теперь, если наука меня не обманываетъ, я могу предсказать отвѣтъ на третій и послѣдній вопросъ. Это будутъ элементарные мышечные рефлексы.

Элементарные рефлексы наступили даже ранѣе, чѣмъ былъ предложенъ третій вопросъ. Прошка поднялся и сталъ засучивать рукава, отставивъ для устойчивости одну ногу. Намѣренія его были очевидны, но Чубаровъ, съ апломбомъ истинно ученаго человѣка, остановилъ эти приготовленія.

— Постой,—сказалъ онъ.—Опытъ конченъ, отъ тебя не требуется ничего болѣе. Выпей, братъ, на здоровье и за процвѣтаніе науки.

Съ этими словами Чубаровъ передалъ удивленному Прошкѣ полубутылку, которую держалъ въ рукѣ.

Затѣмъ онъ слегка качнулся и несовсѣмъ твердыми шагами побрелъ было прочь со своею веселою аудиторіей.

Семеновъ все время стоялъ въ сторонѣ, наблюдая эту

сцену холоднымъ взглядомъ. На его загорѣлыхъ щекахъ появился румянецъ негодованія, главнымъ образомъ противъ товарищей, поддавшихся гаерству Чубарова. Когда Чубаровъ повернулся къ нему, смѣясь и съ горящими веселъемъ глазами, взгляды молодыхъ людей встрѣтились. Веселье Чубарова сразу погасло.

— Вы полагаете, что это остроумный отвѣтъ на нашъ споръ?—заговорилъ взволнованно Семеновъ.—Это не отвѣтъ, а низкое балагурство, униженіе человѣческаго достоинства... Я не хочу участвовать даже пассивно въ этой пошлости...

Затѣмъ, быстро подойдя къ изумленному Прохору, онъ снялъ шапку и поклонился.

— Прости насъ, Прохоръ Иванычъ,—сказалъ онъ серьезно.—Видишь,—человѣкъ выпивши...

Прохоръ вскинулъ на него осоловѣлыми глазами; поступокъ одного изъ студентовъ, только что надъ нимъ насмѣхавшихся, былъ ему еще менѣе понятенъ, чѣмъ самыя насмѣшки; поэтому онъ сердито отвернулся и пошелъ прочь развалистою походкой, весь опустившись и убравъ голову въ плечи. Въ его фигурѣ было что-то до такой степени пришибленное, грустное и вмѣстѣ укоризненное, что Чубаровъ, посмотрѣвъ ему въ слѣдъ внимательнымъ взглядомъ, сказалъ въ раздумьи, какъ будто для самооправданія:

— Бутылку, всетаки, унесъ...

Однако, когда молодые люди дошли до плотины и повернули подъ прямымъ угломъ, они услышали звонъ разбитаго стекла. Прошка, пройдя нѣсколько шаговъ, вдругъ круто остановился, поднялъ обѣими руками бутылку высоко надъ головой и съ размаху бросилъ ее о ближайшій пень. Затѣмъ онъ быстро и не оглядываясь углубился въ чащу...

Зачѣмъ собственно Чубаровъ шелъ вмѣстѣ съ другими членами кружка по плотинѣ, онъ самъ не зналъ; до встрѣчи съ ними, онъ направлялся къ Воронину, который, безъ сомнѣнія, ожидалъ его съ томительнымъ нетерпѣніемъ. Но вмѣсто того, чтобы вернуться къ лѣсной дорожкѣ, Чубаровъ шелъ впередъ, молча, сердито сдвинувъ брови и что-то ворча про себя. Кромѣ Семенова, остальные члены кружка имѣли пристыженный видъ; они дали себя увлечь веселою выходкой, и теперь сознавали, что это не соотвѣтствовало общему тону, господствующему въ кружкѣ, что они нѣкоторымъ образомъ согрѣшили. Чубаровъ улавливалъ это настроеніе и злился. Видъ Семенова, который шелъ въ сторонѣ съ обычною спокойною и нѣсколько грустною задумчивостью, раздражалъ его еще болѣе.

— Отецъ настоятель,—ворчалъ онъ про себя...—Скорбитъ о грѣхахъ міра. Нельзя, чортъ возьми, и пошутить... Чортъ бы побралъ весь этотъ возвышенный тонъ... И эти тоже... Идутъ, какъ въ воду опущенные... Согрѣшили... чувствуютъ...

Ему хотѣлось громко выругаться или удачно съострить и, круто повернувъ, отправиться на дачу Воронина, гдѣ его нетерпѣливо ждали. Но въ это время въ концѣ плотины показалась фигура стараго студента Арфанова или, какъ его называли въ шутку, „князя Арфанова“.

Это былъ высокій, стройный брюнетъ, въ небольшой крымской мурмолкѣ на густыхъ кудрявыхъ волосахъ, въ которыхъ вблизи можно было разглядѣть рѣдкія серебряныя нити... Онъ былъ въ высокихъ сапогахъ, что-то въ родѣ сѣраго казакина ловко перехватывало гибкую талію. Широкія плечи, крутая грудь, тонкая талья, гибкая походка,—все обличало кавказца. Черты лица были правильны, въ черныхъ глазахъ виднѣлась надменная усмѣшка и какъ будто усталость. Онъ беззаботно насвистывалъ какую-то пѣсенку и ловкими взмахами хлыста срѣзывалъ слабыя вѣтки ветелъ, росшихъ по одну сторону плотины. На встрѣчную кучку студентовъ онъ поглядѣлъ равнодушнымъ, нѣсколько надменнымъ взглядомъ. Только замѣтивъ Чубарова,—онъ весело улыбнулся.

— Куда же вы съ этимъ?—сказалъ онъ, указывая взглядомъ на кулекъ.—Кажется, не по назначенію?..

— Да мы тутъ... заговорились немного,—сказалъ Чубаровъ, чувствуя облегченіе отъ встрѣчи съ колоритной фигурой стараго студента.—Теперь я съ вами обратно... Вы, конечно, тоже къ Воронину?..

— Да... Вчера я немного... смалодушествовалъ,—отвѣтилъ Арфановъ...—Кажется,—прибавилъ онъ,—мы немного пошумѣли съ Вильфридомъ. Да?..

Онъ искоса посмотрѣлъ на Чубарова вопросительнымъ взглядомъ, но его тонкое лицо оставалось сдержанно. Чубаровъ вспомнилъ, что во время пирушки Арфановъ устроилъ дикій дебошъ. Во хмѣлю онъ былъ совершенно неистовъ и на другой день ничего не помнилъ. Вчера пьяные товарищи силой удалили его изъ своей компаніи. Но теперь, глядя на его спокойныя изящныя черты, Чубаровъ не рѣшился напомнить объ этомъ и сказалъ только:

— Да, было кое-что... Такъ, пустяки...

— Куда же это вы шли сейчасъ?—спросилъ Арфановъ.

— А! Чортъ знаетъ куда!—отвѣтилъ Чубаровъ съ кислымъ видомъ...—Кажется, ко граду взыскуемому.

Тонкая улыбка шевельнула красивые мягкіе усы Арфанова.

— Съ кульками?—спросилъ онъ.—Но вы что-то сильно не въ духѣ?..

— Будешь въ духѣ...

И, поддавшись дурному настроенію, которое такъ и не нашло исхода въ какой-нибудь выходкѣ по адресу Семенова или всего кружка,—онъ сталъ изливать свою досаду передъ Арфановымъ.

— Чортъ знаетъ... Настроеніе какое-то... особенное. Пошутить нельзя. Грѣхъ, и сейчасъ высокія слова... Просто,—удавиться съ тоски въ пору... Ей Богу...

— Что же собственно случилось?..

— Да ничего особеннаго. Видите ли... Купилъ я эти всѣ исторіи,—онъ указалъ глазами на кулекъ,—иду назадъ къ Воронину... Братія ждетъ, конечно, съ нетерпѣніемъ. На бѣду, гляжу: ползутъ наши изъ Москвы. Сходка тамъ была... Полиція нагрянула... Протоколъ... Идутъ и договариваютъ тутъ дорогой, чего тамъ не договорили... Все о томъ же предметѣ!.. Magnus ignotus... великій незнакомецъ, именуемый народомъ. Роль интеллигенціи—пробудить его отъ вѣкового сна... Теоретикъ тутъ съ цитатами изъ Спенсера, Гурьяновъ съ пиѳійскими изреченіями, которыя Семеновъ пытается комментировать... Ну, меня нелегкая дерни вмѣшаться спьяну-то... Слово за слово—полѣзли на стѣну... А тутъ, кстати или некстати, у самой нашей дороги—Прошка...

— Жуликъ?

— Ну, да. Лежитъ вонъ тамъ у вала по тропинкѣ къ дачѣ Воронина, въ ложбиночкѣ. И лежитъ, подлецъ, во всей непосредственности. Спитъ, какъ младенецъ, и морду выставилъ на солнце... А тутъ рѣчь идетъ какъ разъ о возможномъ пробужденіи народа для великаго будущаго... Ну, понимаете... Тема соблазнительная...

У Чубарова въ глазахъ забѣгали веселые огни...

— Я имъ, такъ сказать, in anima vili прочелъ небольшую лекцію въ тонѣ профессора Лемана...

Арфановъ захохоталъ вдругъ сразу необыкновенно красивымъ и заразительнымъ смѣхомъ. Онъ любилъ шутку и понималъ юморъ. Это подняло упавшее настроеніе Чубарова, и онъ передалъ въ краткихъ чертахъ, съ нѣкоторыми удачными варьяціями, весь эпизодъ вплоть до словъ Семенова объ оскорбленіи личнаго достоинства жулика Прошки.

— Личное достоинство,—сказалъ Арфановъ съ тонкой усмѣшкой на красивыхъ губахъ.—Вещь очень хорошая... На этотъ разъ только, кажется, не по адресу. Вѣроятно, отъ преувеличеннаго *личнаго достоинства* у Прошки морда вѣчно припухшая...

Теперь Чубаровъ въ свою очередь захохоталъ во всю октаву...

— Ха-ха-ха... Чортъ знаетъ, что такое... Нѣтъ, это великолѣпно. Чортъ знаетъ чего бы не далъ, чтобы это словечко пришло мнѣ въ голову въ ту минуту...

Онъ чувствовалъ себя опять въ своей тарелкѣ. Кислое настроеніе прошло. Правда, гдѣ-то въ глубинѣ души шевелилось угрызеніе совѣсти при мысли, что онъ высмѣиваетъ за глаза и передъ чужимъ людей, къ которымъ, какъ бы то ни было, питаетъ невольную симпатію и съ которыми въ гораздо бо̀льшей степени связанъ въ идейномъ смыслѣ.

Однако это ощущеніе гнѣздилось гдѣ-то далеко на днѣ души.

Оба студента свернули съ плотины и вскорѣ затерялись на зеленой тропинкѣ по направленію къ дачѣ Воронина.

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

1887.

НА ЗАВОДѢ.

(Двѣ главы изъ неоконченной повѣсти).

I.

Два мальчика.

Заводъ работалъ. Приближался полдень жаркаго весенняго дня, и площадь передъ заводомъ притихла. Лачуги, гдѣ жили семьи рабочихъ, глядѣли на площадку подслѣповатыми маленькими окнами. Движенія не было. Казалось, заводская слободка томится въ ожиданіи обѣденнаго свистка...

Начальникъ завода, Доримедонтъ, или, какъ его звали рабочіе,—Дормидонъ Иванычъ Вахрушинъ, вышелъ изъ своего просторнаго и свѣтлаго, но довольно скромнаго дома и направился черезъ площадь къ заводу. Каждый день въ это самое время выходилъ онъ изъ дому и проходилъ черезъ площадь обычной неторопливой походкой, глядя на молчаливую, хорошо знакомую слободку нѣсколько заплывшими добродушными глазами. Это былъ мужчина немолодой, довольно тучный, съ краснымъ лицомъ, еще болѣе краснымъ носомъ и большими опущенными внизъ усами. Одѣтъ онъ былъ въ старую полушинель съ потускнѣвшими мѣдными пуговицами, а на головѣ у него, несмотря на жару, была надѣта косматая баранья папаха.

Пройдя менѣе четверти пути, Дормидонъ Иванычъ остановился, прикрылъ глаза ладонью отъ солнца и присмотрѣлся къ фигурѣ, бѣжавшей по боковой дорожкѣ наперерѣзъ.

— Попъ бѣжитъ...—констатировалъ онъ, и легкая улыбка шевельнула его усы. За попомъ, слегка упираясь, бѣжалъ какой-то мальчишка, котораго онъ тянулъ за руку, и другой, бѣжавшій въ нѣсколькихъ шагахъ сзади.

— Здравствуйте, батюшка, куда такъ торопитесь?.. — произнесъ Дормидонъ Иванычъ, подойдя къ тому мѣсту, гдѣ дорожка пересѣкалась.

— Къ вамъ, Доримедонтъ Ивановичъ,—къ вашей милости прибѣгаю... — отвѣтилъ запыхавшійся священникъ... — Не угодно ли будетъ?..

И онъ протянулъ начальнику завода табакерку.

— Отроковъ вотъ хочу на заводъ опредѣлить...

— А чьи они?—спросилъ начальникъ, взявъ изъ табакерки священника порядочную понюшку. Онъ старательно закладывалъ табакъ, закрывъ одну ноздрю и прижмуривъ одинъ глазъ. Священникъ, рядомъ съ которымъ стояли два маленькихъ оборвища, только что собрался отвѣтить, какъ вдругъ Дормидонъ поднялъ голову, сдѣлалъ ужасную гримасу и громогласно чихнулъ.

— Здорово чхнулъ... — простодушно замѣтилъ одинъ изъ оборвышей, ширококостный загорѣлый мальчишка съ черными, нѣсколько дикими глазами.

— Что сказалъ? — спросилъ начальникъ завода, склоняя ухо, чтобы лучше слышать, и уставившись на мальчишку добродушными заслезившимися глазами. При этомъ большой, пунцово-красный носъ, еще разгорѣвшійся отъ только что принятаго заряда, привлекъ на себя наивную наблюдательность маленькаго дикаря.

— Носъ у тебя... ну, и красный же!..—сказалъ онъ и покачалъ головой.

— Ахъ ты шельмецъ! — заворчалъ начальникъ брюзгливымъ голосомъ.—Тебѣ, негодяю, какое дѣло... А! Скажите, пожалуйста!

И онъ протянулъ было руку, чтобы схватить мальчишку за вихоръ. Но юркій дикарь ловко увернулся.

— Сиротки-съ,—вздохнулъ священникъ, отвѣчая на первый вопросъ начальника и стараясь замять неловкую выходку мальчишки.

— Нѣтъ, вы посмотрите-ка... Носъ ему не понравился,— изволите видѣть!.. — жаловался Дормидонъ, обиженно глядя искоса на мальчика, который стоялъ въ трехъ шагахъ. Маленькій дикарь понялъ, что старикъ съ краснымъ носомъ осердился, и потому онъ держался насторожѣ, видимо готовясь въ случаѣ крайности къ побѣгу.

— Простите несмысленнаго... — кротко замѣтилъ священникъ.—Сиротки оба, некому было научить...—И онъ опять протянулъ начальнику табакерку.

— Откуда?—спросилъ Дормидонъ, смягчаясь.

— Моего приходу. Одинъ изъ Палихи, вотъ этотъ (и онъ указалъ на чернаго дикаря). Мать недавно умерла, а отецъ, можетъ, слыхали, — духовнаго званія человѣкъ, разстрига, гдѣ-то по свѣту шатается. Невѣдомо, живъ ли или принялъ уже безвѣстную кончину. А другой,—священникъ наклонился и добавилъ шопотомъ:—происхожденія, можно сказать, благороднаго.

При этихъ словахъ отецъ Іоаннъ тряхнулъ свою широкую рясу, точно желалъ изъ нея вытряхнуть жука или таракана. Дѣйствительно, сзади, стараясь укрыться въ складкахъ, прильнулъ къ священнику худой бѣлокурый мальчишка. Два большихъ глаза, испуганныхъ, точно у пойманнаго голубя, уставились на Дормидона, и мальчикъ опять потянулся къ священнику грязными худыми ручонками.

— Вотъ оно что...—кивнулъ Дормидонъ головой.—Какъ же это... а?.. случилось-то?..

Священникъ опять наклонился къ уху начальника.

— Была тутъ, знаете, духовнаго званія вдовица... въ бѣдственной своей жизни совратилась съ пути... Вѣроятно, изволили знать господина Пандектова, инженера...

— Зналъ... Отъ него, подлеца, можно ожидать.

Священникъ вздохнулъ и слегка возвелъ глаза къ небу.

— Въ Петербургѣ теперь, говорятъ... наслаждается жизнію, а несчастная сія, принявъ многое безчестіе и тяжко искупивъ свой грѣхъ, недавно скончалась. Такъ вотъ я къ вашей милости прибѣгаю съ заступничествомъ. Примите сирыхъ на вашъ заводъ...

Дормидонъ опять принялъ понюшку, прочихался, на этотъ разъ безъ всякихъ замѣчаній со стороны дерзкаго Сеньки, и затѣмъ кликнулъ проходившаго мимо чернорабочаго.

— Эй ты, какъ тебя...

Рабочій подошелъ и, неповоротливо снявъ фуражку, отвѣтилъ:

— Аксёномъ звали.

— Куда идешь, Аксёнъ?

— Да вотъ, Дормидонъ Иванычъ, отъ монтера теперича...

— Ну ладно, отъ монтера послѣ сходишь. А пока веди вотъ этихъ двухъ къ шорнику. Слышишь? Скажи: начальникъ прислалъ. Пусть пока въ сторожевской живутъ. Кормить ихъ тамъ... понимаешь?..

— Понимаемъ...—кивнулъ рабочій головой. — Ну ступай, пострѣлята, впередъ!

Священникъ перекрестилъ мальчишекъ уже вдогонку и пошелъ по улицѣ рядомъ съ Дормидономъ, довольный, что

удалось исполнить доброе дѣло. Судьбу двухъ сиротокъ онъ считалъ устроенной. Неувѣреннымъ шагомъ двое мальчишекъ, приближавшихся теперь къ чернымъ воротамъ завода,—вступали на опредѣленную жизненную дорогу.

Изъ большой трубы, торчавшей надъ заводскими постройками, валилъ дымъ; глухой смѣшанный гулъ несся изъ темныхъ заводскихъ зданій. Гулъ этотъ, по мѣрѣ того, какъ мальчишки подходили къ заводу, усиливался и будто надвигался на нихъ. Бѣлокурый Ванька, быть можетъ, отъ благородныхъ родителей унаслѣдовалъ болѣе тонкую организацію и чуткое воображеніе; его лицо все болѣе омрачалось и становилось грустнѣе. Въ угрюмомъ ворчаніи завода ему слышался скрежетъ и сдержанное злобное ожиданіе... Темная полоса дыма лѣниво и съ какой-то безнадежной медленностью развертывалась траурной полосой высоко въ синемъ небѣ; теперь она клубилась надъ его головой, скрывая солнце, и ея мрачная тѣнь отражалась на дѣтскомъ лицѣ. Голубые глаза наполнялись слезами, зрачки расширялись, и выраженіе беззащитности и покорнаго страха застывало въ тонкихъ чертахъ.

Когда дѣти прошли по корридору входной будки и ступили во дворъ, — ихъ поразило внезапно наступившее молчаніе. Стукъ, грохотъ и металлическій скрежетъ завода вдругъ прекратились, точно по волшебству, и только черный дымъ по прежнему застилалъ солнце.

— Пошелъ, пошелъ,—чего боишься,—подтолкнулъ рабочій остановившагося въ испугѣ мальчишку.—Слышь, братецъ! — окликнулъ онъ пробѣгавшаго мимо другого рабочаго.—Гдѣ шорникъ?

— У главнаго приводу,—сказалъ тотъ, пробѣгая мимо.—Вишь *она* стала.

Они направились черезъ дворъ къ темнѣвшей внизу двери.

— Тебя какъ кличутъ, слышь?

Ванька почувствовалъ, что его дергаютъ за рукавъ. Это невольный товарищъ его бѣдствій, храбрый Сенька, нашелъ въ себѣ достаточно развязности, чтобы вступить въ разговоръ. Ванька посмотрѣлъ на него мутнымъ взглядомъ и ничего не отвѣтилъ; но этотъ нѣмой взглядъ, эти искаженныя черты были, повидимому, очень краснорѣчивы; казалось, они объяснили менѣе чуткому Сенькѣ ихъ общее положеніе. Онъ взглянулъ на сдержанно-молчавшее темное зданіе, на черную пелену дыма, которая все такъ же медленно клубилась въ вышинѣ, и вдругъ остановился. Его черные глазенки забѣгали по сторонамъ, вся юркая фигура какъ-то сократилась, точно

у звѣрька, готовящагося скользнуть въ какую-нибудь нору. Провожатый во-время замѣтилъ эти приготовленія и поспѣшилъ разрушить ихъ посредствомъ легкаго подзатыльника.

— Пошелъ, пошелъ впередъ... Ишь озирается, волченокъ...

Сенька рванулся было впередъ, но вдругъ повисъ на воздухѣ, прихваченный за шиворотъ крѣпкой рукой. Ванька смотрѣлъ на эту сцену съ выраженіемъ горестнаго изумленія.

Черезъ нѣсколько секундъ Сенька, барахтавшійся ногами, очутился внутри зданія, у входа въ кочегарную.

Провожатый поставилъ его на полъ, выждалъ, пока Ванька покорно послѣдовалъ за ними, и усѣлся на порогѣ.

— Шорни-икъ...—окрикнулъ онъ, вынимая кисетъ съ табакомъ.

— Здѣсь,—глухо произнесъ будто изъ-подъ земли невидимый голосъ.

— Мальчишекъ я къ тебѣ привелъ отъ начальника.

— Погоди.

— Да одинъ, слышь, стрекануть норовитъ...

— Посторожи. Сейчасъ я...

Ванька прижался къ стѣнѣ; его строптивый товарищъ, видя выходъ загороженнымъ, сердито потупился и какъ-то искоса бокомъ подошелъ къ тому же мѣсту.

— Гляди-ко-сь... внизу-то, внизу-то...—сказалъ онъ черезъ нѣсколько секундъ, опять дергая Ваньку за рукавъ. Но Ванька и безъ этого приглашенія не могъ оторвать глазъ отъ зрѣлища, зіявшаго въ трехъ шагахъ, подъ ихъ ногами.

Нѣсколько каменныхъ ступенекъ обрывались въ темнотѣ громаднаго подполья. Въ глубинѣ этой ямы красноватый свѣтъ ходилъ неопредѣленнымъ отблескомъ во мракѣ, на фонѣ котораго сверкали два громадные огненно-красные глаза; изъ-за раскаленныхъ до-красна печныхъ заслонокъ слышалось сердитое ворчаніе и трескъ пламени.

Что-то лязгнуло въ глубинѣ ямы, одна заслонка быстро распахнулась, пламя пыхнуло изъ нея, и на свѣтломъ фонѣ появился черный силуэтъ человѣка. Сунувъ длинную кочергу въ огонь, онъ быстро и съ ожесточеніемъ сталъ шевелить спекшуюся груду угля. Съ бѣшенымъ трескомъ поднялась туча искръ, и человѣкъ потонулъ на мгновеніе въ ослѣпительномъ блескѣ.

— И-и, страсти какія...—произнесъ Сенька.—Какъ это онъ... Батюшки!

Заслонка хлопнула, одинъ огненный глазъ закрылся, но тотчасъ же открылся другой, и опять туча искръ и окалины взвилась кругомъ темной фигуры.

— Ты думаешь—кто это?—спросилъ неугомонный Сенька, толкая товарища локтемъ. Тотъ молчалъ.

— Не знаешь?.. А я знаю, потому, это кочегаръ Микита. Брови у его вовсе сгорѣли; я вчера видѣлъ.

Ванька повелъ на товарища своимъ испуганнымъ взглядомъ. Впрочемъ, эти обыденныя подробности на счетъ кочегаровыхъ бровей повидимому производили на него успокоительное дѣйствіе.

— А ты, небось, думалъ—чортъ это. А? думалъ?

— Думалъ,—жалобно повторилъ Ванька.

— Го-то-о-о-во!..—вдругъ точно изъ земли глухо выкрикнулъ чей-то голосъ. „То-о-о-во! во-о-о!..“ — повторило будто удалявшееся эхо. Гдѣ-то вдали зашипѣло что-то протяжно и съ усиліемъ, потомъ дрогнулъ ударъ, другой, третій. Казалось, подъ зданіемъ ворочалось что-то тяжелое... Кто-то старался сдвинуть съ мѣста громадную телѣгу.

— Берегись, эй! Пострѣлята!.. Отойди отъ колеса, отъ колеса-то отойди!..—крикнулъ доставившій мальчишекъ рабочій. Легкая струя воздуха пахнула на нихъ и полилась струей вѣтра. Мальчики отскочили къ противоположной стѣнѣ.

У того мѣста, гдѣ они раньше стояли, началось движеніе. Прижавшійся къ стѣнѣ громадный маховикъ, наполовину спрятанный въ отверстіи пола,—дрогнулъ, качнулся, и мальчишкамъ показалось, что колесо гигантской телѣги набѣгаетъ на нихъ. Вѣтеръ ударилъ сильнѣе, колесо заворчало, громадная спица выглянула изъ-подъ полу, скользя на сѣромъ фонѣ стѣны. Она лѣниво поднялась, стала вертикально, склонилась и торопливо нырнула въ подполье, увлекая за собой другую; черезъ минуту колесо, ворча, шипя и слегка колеблясь, скользило по круговой линіи, тяжело вздрагивая на ходу, а спицы взлетали и падали одна за другой, безъ остановки и перерыва.

Телѣга была въ полномъ ходу. Внизу, подъ поломъ, за стѣнками и надъ головами мальчишекъ покатился немолчный грохотъ. Въ смежной длинной мастерской, на которую до этой минуты мальчишки не обращали вниманія, какой-то хаосъ изъ валовъ, поршней, колесъ, ремней, станковъ и людей теперь пришелъ въ движеніе, присоединяясь къ общему гулу. Желѣзо завизжало металлическимъ скрежетомъ, шестерни дребезжали, точно пересыпаемые камни, приводные ремни сухо трещали и шипѣли, разсѣкая въ безконечномъ движеніи воздухъ...

У Ваньки кружилась голова. Его глаза поворачивались инстинктивно, слѣдя за быстро мелькавшими спицами, въ

лицѣ застыло выраженіе безсмысленнаго страданія, глаза потускли, вѣки отяжелѣли. Гигантская телѣга набѣжала на него, и онъ слышалъ со всѣхъ сторонъ надъ собой, вокругъ, даже внутри замиравшаго сердца—ея неумолкающій грохотъ.

Онъ уже не отдавалъ себѣ яснаго отчета въ томъ, что происходило, и нисколько не удивился, когда изъ-подъ полу, у самаго центра колеса, въ томъ мѣстѣ, гдѣ свистѣли и мелькали чугунныя спицы, появились очертанія человѣческой фигуры. Ему казалось, что спицы проходятъ черезъ эту фигуру насквозь, не задѣвая ея и не принося ей вреда, но это его не поражало. Фигура налегла на руки, человѣкъ поднялся и вспрыгнулъ на полъ.

— А который тутъ бѣгунъ у тебя?—обратился онъ къ сидѣвшему у порога рабочему.

— Эво!—мотнулъ тотъ головой, отряхая въ кисетѣ крошки табаку.

Рука такъ внезапно появившагося человѣка вдругъ прихватила Сеньку за вихоръ.

Пораженный въ первую минуту удивленіемъ, Сенька только двигалъ покорно головой вслѣдъ за рукой шорника. Однако, вскорѣ онъ потерялъ терпѣніе и испустилъ, безъ всякихъ предварительныхъ приготовленій, такой громкій и отчаянно рѣзкій вопль, что изъ сосѣдней мастерской стали выбѣгать рабочіе, и даже безбровый и весь опаленный кочегаръ сверкнулъ изъ ямы своими бѣлыми зубами. Шорникъ выпустилъ волосы Сеньки.

— Ишь чертенокъ... Какъ его, братцы, прорвало,—сказалъ онъ не безъ удивленія.

— Ловокъ орать! — прибавилъ чернорабочій, закуривая цыгарку.

Дѣйствительно, во время своей недолгой, но уже исполненной самыхъ горестныхъ приключеній жизни,—Сенька успѣлъ выработать особую интонацію крика, которая, какъ онъ убѣдился многократнымъ опытомъ, озадачивала и ошеломляла всякаго настолько, что наказующая рука инстинктивно разжималась. Это было своего рода орудіе въ житейской борьбѣ, и Сенька владѣлъ этимъ орудіемъ въ совершенствѣ.

II.

Барышня.

Съ тѣхъ поръ, какъ Вапькѣ крикнули въ первый разъ: „берегись“, и онъ отскочилъ отъ колеса, съ тѣхъ поръ, какъ грохотъ завода въ первый разъ охватилъ его со всѣхъ сторонъ и покатился надъ его головой,—ощущеніе страха и ка-

кой-то „жуткости“ уже не прекращалось. Гигантская телѣга все катилась, ворочая тяжелыми колесами, громыхая и угрожая со всѣхъ сторонъ.

— Берегись!—кричали Ванькѣ въ мастерскихъ, гдѣ ремни грозили захватить его своимъ вращеніемъ,—берегись, берегись, берегись!..—Тачки съ желѣзомъ мчались мимо, катились стопудовые валы, громадные цилиндры, препровождаемые въ сборную, перекатывались сердитымъ и гулкимъ громомъ.—Берегись!

Яркая жгучая окалина сыпалась изъ-подъ молотовъ въ кузницѣ, въ кричной на желѣзныхъ шестахъ носили раскаленныя до-красна „крицы“, переливавшія пламенемъ и трещавшія, будто отъ ярости, отъ страшнаго жара. Изъ-подъ прокатныхъ валовъ тянулась горячая сталь, и всюду Ванькѣ кричали: „берегись“, и всюду онъ чувствовалъ себя на дюймъ отъ опасности и гибели; въ лучшемъ случаѣ ему приходилось жмуриться отъ предостерегающихъ подзатыльниковъ.

Даже ночью, въ сторожевской, онъ всхлипывалъ по временамъ и нервно вздрагивалъ, а чуть брезжило утро, рѣзкій свистокъ опять кричалъ ему: „берегись“, и мальчикъ быстро вскакивалъ на ноги, предупреждая неласковое прикосновеніе суровой руки шорника.

Оба мальчика поступили къ шорнику въ науку. Наука была не хитрая: нужно было заготовлять тонкіе ремешки и сшивать ременныя полосы. Каждые полчаса откуда-нибудь кричали: „шорни-и-къ!“—и старикъ кидался по лѣстницѣ внизъ, чтобы связать разорванный приводъ. Въ свободные промежутки онъ чинилъ старые сапоги, бродни и бабьи „чирки“, что давало ему сторонніе доходы. Этой премудрости онъ началъ обучать и своихъ новыхъ учениковъ.

Впрочемъ, у мальчишекъ, кромѣ шорника, было не мало непосредственнаго начальства: въ сущности весь заводъ заявлялъ на нихъ права, и, какъ шорникъ ни ворчалъ и ни ругался,—все же ихъ то и дѣло посылали въ разные концы завода съ самыми разнообразными порученіями.

Сенька быстрѣе оріентировался въ суетливой обстановкѣ. Онъ сначала присмотрѣлся къ наиболѣе опаснымъ мѣстамъ, изучилъ характеръ машинъ, запомнилъ, гдѣ выдвигаются поршни, гдѣ можно получить ударъ какого-нибудь рычага, какихъ-нибудь желѣзныхъ пальцевъ, шнырялъ незамѣтно и быстро подъ руками особенно сердитыхъ рабочихъ. Въ нѣсколько недѣль онъ усвоилъ уже и общій ходъ всего грохочущаго и вѣчно подвижнаго чудовища-завода, и сдѣлалъ попытку приладиться къ нему съ наибольшимъ удобствомъ.

Въ большой комнатѣ, гдѣ работалъ шорникъ, въ углу лежали кучи желѣзной ломи и всякаго мусора. У окна, освѣщавшаго эту комнату, шорникъ приладилъ свою незатѣйливую мастерскую. Дальняя половина тонула въ вѣчномъ сумракѣ, падавшемъ отъ потемнѣвшихъ и закоптѣлыхъ стѣнъ. Когда дверь была заперта,—въ комнатѣ становилось сравнительно тихо. Гулъ и грохотъ завода скрадывали сумрачныя стѣны, и только окна вздрагивали по временамъ и жалобно звенѣли отъ тяжелыхъ ударовъ парового молота.

Однажды, когда шорникъ вышелъ, Сенька проскользнулъ за мусорную кучу и прилегъ тамъ въ уютномъ углу. Заслышавъ шаги по лѣстницѣ, мальчишка тотчасъ же выскочилъ оттуда, но уголъ ему понравился. Онъ натаскалъ туда сѣна и устроилъ гнѣздо. Понемногу онъ сталъ смѣлѣе, и когда шорникъ возвращался на мѣсто, онъ продолжалъ лежать еще нѣкоторое время. Затѣмъ, тихо прокравшись къ двери, вбѣгалъ въ комнату, будто возвращаясь откуда-нибудь съ „посылки“. Ванька только дивился смѣлости своего друга.

Однажды шорника позвали къ главному приводу. Онъ собралъ цѣлую вязанку тонкихъ ремешковъ, взялъ ножъ, широкую полосу ремня и удалился. Сенька тотчасъ же юркнулъ въ гнѣздо.

— Ванько, а Вань!..—окликнулъ онъ, выглядывая оттуда, какъ заяцъ изъ своей ямки.—Подь сюда а-ты!.. Право.

Ванька испуганно оглянулся. Предложеніе было заманчиво и страшно. По случаю большого заказа заводъ работалъ усиленно, и на мальчишкахъ это обстоятельство отражалось тѣмъ, что ихъ глаза подвелись синими кругами и потускли, ноги ныли отъ постоянной бѣготни, а подзатыльники сыпались на нихъ еще чаще.

Ванька робко подошелъ къ мусорной кучѣ. Сенька лежалъ тамъ, будто на перинѣ. Его совсѣмъ не было видно, мѣста было болѣе чѣмъ достаточно на обоихъ. Ванька поддался соблазну. Черезъ нѣсколько минутъ въ ушахъ Ваньки грохотъ завода сталъ будто стихать, стушевываться и наконецъ совсѣмъ смолкъ, только ноющее чувство страха и грозящей бѣды не перестало носиться надъ головой уснувшаго ребенка.

Характеръ у шорника былъ суровый. Сидя въ своей мрачной комнатѣ, на „сѣдухѣ“, онъ не зналъ никогда „спокою“, ежеминутно ожидая призыва къ приводамъ. Такая собачья должность естественно располагала къ нѣкоторой ожесточенности нрава, и потому шорникъ вѣчно ворчалъ что-то про себя, ругая и людей, и заводъ, и ремни, и даже скотину, изъ которой ремни были приготовлены. Этой же строгостью были

отмѣчены и отношенія шорника къ ученикамъ. Онъ понималъ, что мальчишки отданы ему въ „науку“, и имѣлъ довольно высокое представленіе о своемъ долгѣ по отношенію къ нимъ, но осуществлялъ этотъ долгъ по своему; задавалъ ворча работу, ворчаніемъ же выражалъ свое удовольствіе, если работа исполнялась хорошо,—неудовольствіе же и наставленія преподавалъ въ формѣ трепки и подзатыльниковъ.

Вернувшись отъ главнаго привода, онъ заворчалъ, что мальчишекъ опять услали. „Не собаки тоже... и опять же надо къ дѣлу обучать, а замѣсто того,—все на побѣгушкахъ. Сказать Дормидону... ей-Богу баловство!“ Онъ сердито поправилъ ногой сѣдуху, сердито приладилъ широкую полосу ремня и ожесточенно воткнулъ въ нее трехгранное нило. Вдругъ его сѣрое лицо вытянулось, брови приподнялись отъ удивленія. Изъ угла послышался долгій вздохъ сладкаго сна.

Прислушавшись еще, шорникъ подошелъ къ мусорной кучѣ, взглянулъ за нее и остановился, пораженный изумленіемъ: мальчики спали обнявшись. Ванька свернулся при этомъ калачикомъ и спряталъ голову на груди Сеньки. Послѣдній одной рукой охватилъ пріятеля, другую широко откинулъ и весь развалился. Эта возмутительная поза, казалось, была разсчитана нарочно, чтобы возбудить въ шорникѣ сильнѣйшее негодованіе, такъ эта мирная безпечность противорѣчила сердитой озабоченности гремящаго и пыхтящаго завода.

Заводъ имѣлъ свои неписанные, но непреложные законы. Какъ за свисткомъ слѣдовало начало работъ, съ такой же неизмѣнностью за проступкомъ мальчишекъ должна была послѣдовать трепка. Данный проступокъ выходилъ изъ ряду; онъ поразилъ шорника своей неожиданностью и громадностью вины. Вѣчно гремящій заводъ не зналъ, пожалуй, ничего, что больше нарушало бы его уставы, чѣмъ этотъ мирный сонъ въ тихомъ углу двухъ забывшихся мальчишекъ. Если бы они сами не спали въ эту минуту, они бы слышали укоризненный ревъ стараго завода, призывающій на нихъ примѣрную кару.

Шорникъ былъ человѣкъ систематическій. Очнувшись отъ удивленія, онъ пріотворилъ дверь и, перегнувшись черезъ перила лѣстницы, поманилъ къ себѣ рабочаго изъ кочегарной. Тотъ вошелъ въ компату, взглянулъ по молчаливому указанію шорника на мальчишекъ и осклабился съ довольнымъ видомъ. Среди надоѣвшихъ будней—ему предстояло нѣкоторое развлеченіе. То, въ чемъ суровый шорникъ видѣлъ свой долгъ, для рабочаго являлось своего рода удовольствіемъ.

Шорникъ выбралъ средней длины круглый ремень, протянулъ его въ рукѣ и взмахнулъ въ воздухѣ. Ремень оказался

подходящимъ,—размашистымъ и хлесткимъ. Рабочій, сверкая бѣлыми зубами, подошелъ къ мирно спавшимъ мальчишкамъ. Планъ шорника состоялъ въ томъ, чтобы поднять обоихъ за уши, а затѣмъ, поочередно, наказать ремнемъ, для чего и нуженъ былъ помощникъ.

Первая часть плана была исполнена съ успѣхомъ. Оба преступника въ одно мгновеніе почувствовали странное ощущеніе и на половину повисли въ воздухѣ. Шорникъ поднялъ ихъ за уши въ извѣстной симметріи, повернулъ къ себѣ и взглянулъ въ лица мальчишекъ своимъ суровымъ безстрастнымъ взглядомъ. На дѣтскихъ лицахъ виднѣлось недоумѣлое выраженіе испуга и боли. Нѣсколько разъ хлопнувъ сонными глазами, они, казалось, стали приходить къ пониманію дѣйствительности. Заводъ ревѣлъ и бѣсновался, шорникъ глядѣлъ неумолимымъ судьей, бѣлые зубы кочегара сверкали равнодушнымъ весельемъ.

— Дяинька, дяинька-а-а...—пискнулъ Ванька, тяжело повиснувшій въ лѣвой рукѣ шорника, между тѣмъ какъ Сенька барахтался съ молчаливымъ ожесточеніемъ. Онъ не просилъ пощады. Онъ зналъ характеръ стараго завода, зналъ, что спать не полагается, зналъ, что вѣчно чинить ремни и бѣгать по приводамъ не весело,—и сумма этихъ знаній сложилась въ представленіе о неизбѣжности жестокой трепки. И только его шустрое тѣльце инстинктивно барахталось, протестуя противъ неестественнаго и неудобнаго положенія.

Шорникъ развелъ головы мальчишекъ и стукнулъ ихъ одну объ другую, разъ, другой... Каждый разъ мальчишки щурились, и потомъ на ихъ лицахъ появлялось выраженіе надежды, что это послѣдній ударъ. Радостное значеніе этой надежды умалялось, впрочемъ, видомъ упругаго ремня, который болтался подъ мышкой у шорника. Въ третій разъ мальчишки закрыли глаза, въ ожиданіи удара, и сердчишки ихъ замерли. Но ударъ не послѣдовалъ.

Въ комнатѣ произошло что-то странное. Нѣсколько секундъ тревожнаго ожиданія, заминка, какіе-то голоса. Мальчишки открыли глаза и сначала не могли понять, что передъ ними происходитъ. Какая-то незнакомая барышня стояла рядомъ съ шорникомъ, трясла его за плечо и что-то говорила быстро, взволнованно, прерывающимся и захлебывающимся голосомъ. Шорникъ оглядывался на нее съ недоумѣніемъ и даже испугомъ. Кочегаръ отошелъ къ стѣнкѣ съ виноватымъ и сконфуженнымъ видомъ, какъ будто стыдясь за свою темную и задымленную особу, а въ дверяхъ, раскрывая свою неизмѣнную табакерку, стоялъ Дормидонъ, искоса поглядывающій на всю сцену.

Шорникъ отпустилъ уши мальчишекъ, но тотчасъ же, все оглядываясь на незнакомую барышню, прихватилъ ихъ за шиворотъ. Сенька быстрымъ взглядомъ окинулъ всю обстановку и сразу сообразилъ нѣкоторую выгодность новаго положенія. Ему бросилась также въ глаза необычайная наружность барышни: ея волосы были острижены и вились кудрями, какъ у мальчишки. Глаза горѣли, лицо было искажено женскимъ гнѣвомъ, который вотъ-вотъ разразится слезами.

— Отпусти, отпусти совсѣмъ! — вскрикивала она, злобно тормоша шорника за плечо.—Слышишь, отпусти...

Шорникъ отвелъ плечо и поглядѣлъ на Дормидона, какъ бы спрашивая у него, что̀ ему дѣлать. Дормидонъ малодушно опустилъ глаза въ табакерку. Повидимому, онъ самъ не сообразилъ еще, какъ быть въ этихъ обстоятельствахъ. Онъ взялъ дочь, пріѣхавшую изъ Петербурга, по ея настоянію, на заводъ, не предвидя послѣдствій, и теперь предоставлялъ шорника его собственной находчивости.

— Нельзя мнѣ, барышня, чтобы отпустить... Потому я ихъ учу,—сказалъ шорникъ вразумительно.

— Учитъ, онъ учитъ!—съ негодованіемъ воскликнула барышня, въ свою очередь поворачиваясь къ отцу.

Дормидонъ еще пристальнѣе уставился въ табакерку.

— Такъ точно,—отвѣчалъ шорникъ:—потому они сиротки.

— Что онъ говоритъ, что онъ говоритъ, этотъ ужасный человѣкъ,—спрашивала барышня, странно мигая широко раскрытыми глазами. Видимо, она не могла понять причинную связь между сиротствомъ и трепкой.

— Сиротки-съ,—наставительно пояснилъ барышнѣ шорникъ:—то есть безъ отца-матери, вотъ что...

— Онъ съ ума сошелъ! Папа, папка, да что-жъ это ты. Да какъ же ты допускаешь сумасшедшаго тиранить ребятъ.

— Кажись, въ своемъ разумѣ еще...—отвѣтилъ шорникъ тономъ угрюмой обиды.

— Какъ же ты не понимаешь, что сиротъ надо жалѣть.

— То-то жалѣть, и я говорю. Кто-жъ ихъ теперича безъ отца-матери выучитъ. Вы, барышня, вотъ что: вы не мѣшайте.

— Папа! Да что онъ говоритъ? Господи! Какой невозможный человѣкъ!

Губы у барышни дрогнули; она взглянула на отца, и по лицу ея протянулась складка, какъ у ребенка, готоваго заплакать. Шорникъ въ свою очередь былъ глубоко уязвленъ названіемъ „невозможнаго человѣка“,—названіемъ, значенія котораго онъ не могъ понять, и потому считалъ его особенно

обиднымъ. Онъ тоже взглянулъ на Дормидона и выпустилъ мальчишекъ, какъ бы умывая руки.

Барышня тотчасъ же закрыла мальчишекъ собою и нервнымъ голосомъ опять накинулась на шорника:

— За уши... подымать... Ты не знаешь: вѣдь у нихъ могли разойтись позвонки... шейный нервъ... мгновенная смерть... Понимаешь ты?.. Вѣдь это убійство...

Шорникъ понялъ изъ этой рѣчи только то, что теперь его обвиняютъ въ уголовщинѣ.

— Слава-те Господи! Никогда душегубомъ не бывалъ, а теперь вотъ на старости лѣтъ въ убивцы пожалованъ. Славно! Да вы знаете ли, барышня, что они, поскудники, сдѣлали?

— Что, ну, что, говори: что они сдѣлали такое?

— Спали они, вотъ что!

Барышня всплеснула руками.

— Спали! Бѣдныя дѣти! И въ этомъ вся ихъ вина! Въ дѣтскомъ возрастѣ это естественно!.. Они устали. Смотрите, какіе у нихъ глаза. Папа, да что же это у тебя дѣлается? Ты добрый, добрый, я знаю... Пойми же: все это надо измѣнить, все до основанья...

— Успокойся, Миля!—сказалъ Дормидонъ.

Теперь онъ закрылъ ужъ свою табакерку и смотрѣлъ на дочь и на шорника какимъ-то особеннымъ, вдумчивымъ и умнымъ взглядомъ.

— Шорни-и-икъ! — раздался вдругъ снизу призывный окрикъ. Шорникъ угрюмо потупился, какъ человѣкъ, претерпѣвшій напрасную обиду, и, собравъ свои ремни, двинулся къ дверямъ.

— Пойдемъ, Миля!—позвалъ Дормидонъ.

— Не смѣй бить ихъ,—не смѣй, не смѣй!..—крикнула барышня въ догонку шорнику и затѣмъ погладила головы ребятъ.—Не бойтесь, дѣтки. Онъ не будетъ. Хорошо, хорошо, иду... А все же этого не должно быть. Я придумаю.

Мальчики остались одни. Послѣднимъ вышелъ, отдѣлившись отъ стѣны, кочегаръ. Уходя, онъ на секунду остановился, посмотрѣлъ на мальчишекъ и покачалъ головой. „И что только теперь съ вами будетъ, я ужъ и не знаю“,—казалось, хотѣлъ онъ сказать.

— А что слышь...—заговорилъ первый Сенька...

— Чего?—откликнулся Ванька механически.

— Какъ же теперича! Будетъ насъ шорникъ драть, ай ужъ нѣтъ?

— Не знаю...—произнесъ Ванька задумчиво...—Какая она!.. добавилъ онъ, помолчавъ.

— Ты про барышню-то. Дочка она Доромидону приходится... Я чай, не станетъ драть-то. Потому барышня не велѣла...

И Сенька просіялъ. Однако, тотчасъ же оба мальчика притихли: по лѣстницѣ опять тяжело подымался шорникъ.

— Слышь, пострѣлята!—заговорилъ онъ обыкновеннымъ нѣсколько суровымъ голосомъ, но безъ сердца.—Ступай на господскій дворъ, барышня требуетъ... Ну, чего смотрите,—продолжалъ онъ, усаживаясь на свою сѣдуху.—Не бойтесь, чай не съѣдятъ тамъ... Вишь, и учить не дастъ... Ступай, ребята, ступай!.. Можетъ, еще черезъ это свое счастье получите.

И затѣмъ шорникъ сталъ протыкать ремень шиломъ и вдѣвать прошву. Мальчишки замялись и смотрѣли на шорника съ чувствомъ, близкимъ къ угрызенію совѣсти. Онъ не только не намѣренъ былъ доканчивать экзекуцію, но самъ принялся за ту работу, которую они не докончили.

Было что-то жалко угрюмое въ этой сѣрой фигурѣ. Шорникъ зналъ, что ужъ ему-то, шорнику, неоткуда ждать себѣ счастья, что на него вѣчно, до конца жизни все такъ же будутъ глядѣть эти мрачныя стѣны, эти тусклыя окна. Поэтому, передавъ мальчишкамъ приказъ, онъ пересталъ обращать на нихъ вниманіе, относясь къ ихъ дальнѣйшей судьбѣ съ задумчивымъ и угрюмымъ равнодушіемъ.

— Видишь вотъ... Больно горяча...—ворчалъ онъ сквозь зубы, въ которыхъ держалъ конецъ ремня.—А мнѣ все одно, мальчишки нужны. Другихъ взять—только и всего. Скажу вотъ Дормидону, потому безъ мальчишекъ мнѣ невозможно. Учить ужъ не смѣй... Насъ, небось, не учили?.. Ну-съ...

Онъ качалъ головой и улыбался, при чемъ его жидкіе усы шевелились, а губы какъ-то странно искривлялись. И долго въ темной компатѣ слышалось одинокое ворчаніе сѣраго, угрюмаго шорника.

1887.

ПАВЛОВСКІЕ ОЧЕРКИ.

ВМѢСТО ВСТУПЛЕНІЯ.

Размышленія о павловскомъ колоколѣ.

Село Павлово лежитъ надъ Окой, на нѣсколькихъ горахъ и по оврагамъ. Горы эти даютъ свои названія разнымъ частямъ Павлова: Семенова или, какъ называютъ ее иногда по старинному, Семенья-гора, Дальняя Круча, Троицка-гора. На Троицкой горѣ стоитъ старая церковь, видная издалека, съ пароходовъ, бѣгущихъ книзу по излучинамъ Оки. Около церкви разбитъ небольшой садикъ, въ садикѣ находится квадратная площадка съ шатровымъ навѣсомъ, замѣняющая колокольню. Подъ этимъ навѣсомъ, на толстой деревянной перекладинѣ, виситъ громадный колоколъ, какихъ не много увидите вы даже и въ большихъ городахъ.

Небольшая калитка въ церковной оградѣ выводитъ изъ сада прямо къ обрыву Троицкой кручи, а съ этого обрыва видны, какъ на ладони, Ока, заокскіе луга съ деревнями и самое Павлово.

Раннею еще осенью, пріѣхавъ въ Павлово на пароходѣ, я ходилъ съ трехъ часовъ утра въ понедѣльникъ по павловскимъ улицамъ, присматриваясь къ картинамъ и прислушиваясь къ разговорамъ кустарной „скупки“, которая происходитъ разъ въ недѣлю и начинается еще при огняхъ. Тогда цѣны начали уже сильно „низнуть“, какъ говорятъ въ Павловѣ, и поэтому картины и разговоры, не особенно привлекательные и въ обыкновенное время, теперь произвели на меня впечатлѣніе угнетающее. Когда взошло солнце и огни въ скупщицкихъ подвалахъ погасли одинъ за другимъ, меня потянуло изъ этой человѣческой свалки въ кривыхъ улицахъ куда-нибудь на просторъ, въ уединеніе. Я еще не зналъ Павлова,

но случайно пустынные взвозы и кривые переулки вывели меня къ собору на горѣ; тропинка въ церковномъ садикѣ привела къ калиткѣ. Переступивъ ее, я очутился на кручѣ и остановился, восхищенный открывшимся передо мною видомъ.

Солнце было еще невысоко. Вчера выпалъ дождь, и луга за Окой въ разныхъ мѣстахъ курились плотными бѣлыми туманами, изъ-за которыхъ кое-гдѣ сверкали окна далекихъ, тоже кустарныхъ деревень. Ока нѣжилась въ берегахъ, синѣя и сверкая искрами далеко подъ береговыми ярами. По ней грузно сновалъ парóмъ отъ одного берега къ другому, точно большой водяной жукъ, между тѣмъ какъ легкія лодки мелькали взадъ и впередъ, какъ комарики. И парóмъ, и лодки были нагружены рабочимъ народомъ. Народъ сновалъ по улицамъ Павлова, подъ моими ногами. Кучи кустарей, толпившихся ранѣе, подобно муравьямъ у муравейниковъ, около скупщицкихъ подваловъ, теперь рѣдѣли, и муравьи расползались по улицамъ, по базару, скучиваясь у возовъ съ деревенскими продуктами, у лавокъ. Гулъ этой толпы едва достигалъ сюда, уменьшенный, какъ и самыя фигуры.

Картина была полна жизни, солнечнаго блеска и оживленія. А когда, вдобавокъ, откуда-то сверху, изъ ничтожнаго, едва замѣтнаго облачка посыпался вдругъ рѣдкій дождикъ и капли, сверкая, протянулись въ синемъ воздухѣ золотыми нитками, то казалось, что это радостное, благосклонное утро шутитъ и заигрываетъ съ бодрою, полною рабочаго оживленія страной.

Но это была только иллюзія. Въ дѣйствительности, впечатлѣнія, которыя я принесъ съ собою на Троицкую кручу, были спутаны и неясны. Кустарное село имѣетъ несомнѣнно свою собственную физіономію, и я не могъ сказать о ней, по первому впечатлѣнію, что „такихъ много“. Но выраженіе ея мнѣ какъ-то не давалось...

Вчера одинъ мой знакомый, живущій въ Павловѣ, восторженный поклонникъ кустарной формы промышленности, сводилъ меня къ мастеру-ковалю. Въ домѣ намъ сказали, что хозяинъ въ кузницѣ, а кузница въ саду. И дѣйствительно, маленькая, черная и покривившаяся на бокъ кузница едва виднѣлась среди цвѣтниковъ. Ни одной грядки съ картофелемъ или капустой здѣсь не было. Все небольшое пространство пестрѣло цвѣтами, которыхъ запахъ смѣшивался съ запахомъ дыма изъ кузницы. Худой, весь черный коваль, съ впалою грудью и непомѣрно развитыми руками, представлялъ странное зрѣлище среди этого цвѣтущаго и благоухающаго царства.

— Да вотъ,—сказалъ онъ, замѣтивъ мое удивленіе,—пика-

кой болѣе охоты не имѣю... Иные къ вину привержены, кто кочетиные бои уважаетъ, а я больше насчетъ цвѣтовъ.

И онъ съ гордостью оглядѣлъ свое цвѣтущее царство, а мой знакомый съ гордостью посмотрѣлъ на него.

— Вы видите,—сказалъ мой знакомый:—собственная семья, собственный домъ и собственный садикъ съ цвѣтами... Здѣсь есть всѣ элементы, указывающіе, что рабочій остался человѣкомъ, а не превратился въ винтъ сложнаго механизма.

Теперь я искалъ глазами этотъ садикъ и не могъ разыскать. Не только этого, но и другихъ „собственныхъ“ садиковъ не было видно. „Собственные“ дома, правда, виднѣлись въ изобиліи, а одинъ изъ нихъ вскарабкался даже на кручу и виднѣлся въ нѣсколькихъ саженяхъ подъ моими ногами. Но что это былъ за домикъ! Какая-то игрушка, съ крохотными стѣнами, крохотною крышей, игрушечною трубой, изъ которой вилась совсѣмъ игрушечная струйка дыма, и совсѣмъ уже смѣхотворными оконцами. И такихъ „собственныхъ“ домовъ, на отшибѣ, безъ плетня, безъ кола, виднѣлось всюду очень много. Кустарь хватается за послѣднюю возможность самостоятельной жизни съ такими же усиліями, какъ эти домишки за каждый выступъ глинистаго обрыва. Но какъ жить и вмѣстѣ работать въ такой конуркѣ?

И все Павлово, разстилавшееся подо мной по оврагамъ, по горамъ и обрывамъ, производило такое же впечатлѣніе. Какъ мало здѣсь новыхъ домовъ! Свѣжаго, сверкающаго тесу, новыхъ бревенъ, которыя бы показывали, что здѣсь строятся, что новое выростаетъ на смѣну дряхлаго и повалившагося,— совсѣмъ незамѣтно. За то разметанныхъ крышъ, выбитыхъ оконъ, подпертыхъ снаружи стѣнъ сколько угодно. Среди лачугъ высятся „палаты“ мѣстныхъ богачей, изъ краснаго кирпича, съ претенціозною архитектурой, съ башенками, шпицами и чуть ли не амбразурами... Когда же надъ этимъ хаосомъ провалившихся крышъ и нелѣпыхъ палатъ взвилась струйка бѣлаго пара и жидкій свистокъ „фабрики“ прорѣзалъ воздухъ, то мнѣ показалось, что я, наконецъ, схватилъ общее впечатлѣніе картины: здѣсь какъ будто умираетъ что-то, но не хочетъ умереть, что-то возникаетъ, но не имѣетъ силы возникнуть...

. . . . . .

На площадку, замѣняющую колокольню, взошелъ какой-то молодой человѣкъ въ черномъ подрясникѣ, съ длинными волосами, и сталъ раскачивать огромный стержень колокола, собираясь звонить къ ранней обѣднѣ. Чугунное сердце завизжало и заскрипѣло въ гнѣздѣ, причетникъ съ усиліемъ

тянулъ веревку, а подъ конецъ самъ весь подавался за стержнемъ. Я со страхомъ ждалъ перваго удара, думая о томъ, какая масса звона хлынетъ сейчасъ на меня изъ-подъ этой громады.

И вдругъ какой-то дребезжащій стукъ, а за нимъ жалкій, надтреснутый хрипъ пронесся надъ моею головой, упалъ съ кручи и замеръ въ лугахъ, за Окой. За этимъ ударомъ послѣдовалъ другой, за нимъ третій, и все такіе же жалкіе, такіе же надтреснутые и хриплые. Тяжело было слушать эти разбитые стоны и выкрикиванія мѣди; казалось, вотъ-вотъ съ послѣднимъ ударомъ большой колоколъ издастъ послѣдній глухой хрипъ и оборвется.

— Сломанъ, — сказалъ мнѣ въ промежуткѣ старикъ, сидѣвшій невдалекѣ, на скамейкѣ, котораго я не замѣтилъ ранѣе,—сломанъ колоколъ-те. Оттого и хрипитъ...

И самъ онъ тоже закашлялся, при чемъ этотъ кашель, въ которомъ слышалась многолѣтняя разъѣдающая желѣзная пыль, удивительно напоминалъ хрипы колокола.

Я оглянулся. Дѣйствительно, внизу въ тѣлѣ огромнаго колокола виднѣлась большая зазубрина, отъ которой кверху змѣилась широкая трещина.

Старикъ поднялся со скамейки и, между тѣмъ, какъ вѣтеръ трепалъ на немъ жалкую одежонку, онъ съ досадой махалъ рукой по направленію къ колокольнѣ.

— Ну, будетъ ужъ, будетъ. Чего тутъ... Такъ вотъ и Павлово наше, — сказалъ онъ мнѣ, поворачиваясь, чтобы уйти.—Бухаетъ, бухаетъ, а толку мало.

И онъ опять махнулъ рукой, закашлялся и побрелъ шагомъ человѣка, которому, въ сущности, и идти-то некуда („все толку мало“). А я остался, слушая, какъ усердствуетъ звонарь, и думая про себя: „Неужели это и есть настоящее впечатлѣніе, котораго я искалъ? Неужто этотъ старикъ, прожившій здѣсь свой вѣкъ, сказалъ правду, и этотъ грузный, надтреснутый колоколъ есть настоящій символъ, прообразъ знаменитаго кустарнаго села?.. Павлово,—одинъ изъ оплотовъ нашей „самобытности“ противъ вторженія чуждаго строя, — неужели оно тоже бухаетъ безъ толку, предсмертнымъ, надрывающимъ хрипомъ? Какъ будто въ „кустарномъ“ бытовомъ строѣ тоже есть своя зіяющая трещина...“

Таково было первое впечатлѣніе, произведенное на меня кустарнымъ селомъ.

ОЧЕРКЪ ПЕРВЫЙ.

На „скупкѣ“.

I.

Дорогой.—Аверьянъ и его сказка.—На постояломъ.

Зимой этого же года я опять отправился въ Павлово. На желѣзнодорожной станціи въ Гороховцѣ мнѣ попался попутчикъ, молодой виноторговецъ, недавно открывшій въ Павловѣ складъ. Мы наняли просторныя сани и позднимъ вечеромъ отправились въ путь.

Случайный мой спутникъ недавно вернулся изъ Парижа и весь былъ еще подъ впечатлѣніемъ выставки. Онъ разсказывалъ о парижской толпѣ, о веселыхъ французахъ, которые мчатся по бульварамъ, распѣвая шансонетки, о томъ, какъ публика, при видѣ этого дебоширства, только сторонится, благосклонно улыбаясь. Какъ, выходя съ заводовъ, рабочіе устраиваютъ импровизированныя процессіи, во главѣ которыхъ подростки, сидя на плечахъ товарищей, размахиваютъ красными знаменами и всѣ поютъ, и поютъ. Какъ при немъ въ ресторанъ вбѣжалъ какой-то господинъ, скинулъ зачѣмъ-то сюртукъ и, взобравшись на столъ, сталъ тараторить, горячась и жестикулируя. Разсказчикъ плохо зналъ языкъ, но, всетаки, понялъ, что рѣчь шла о правительствѣ, и ораторъ кого-то сильно ругалъ... Потомъ отзвонилъ, надѣлъ пиджакъ и ушелъ, какъ ни въ чемъ не бывало. И никто ничего, какъ будто такъ и надо.

Даже наши, русскіе въ Парижѣ „осмѣлѣли“: всѣ остались недовольны наградами. Администрація русскаго отдѣла, послѣ экспертизы, повывѣсила въ павильонахъ, рядомъ съ экспонатами, объявленія о наградахъ: „медаль де-бронзъ“, „медаль д'аржанъ“, или тамъ почетный отзывъ. А наши громадными буквами внизу: „рефюзе“, значитъ не желаемъ, отказываемся. Послѣ этого начальство сколько упрашивало: „снимите, Бога ради! Что такое за срамота: весь отдѣлъ въ заплатахъ“...

Каюсь, я не особенно внимательно слушалъ эти характерные разсказы. Меня укачивало тихое поскрипываніе полозьевъ по мягкому снѣгу, и туманная, неопредѣленно клубившаяся даль наводила дремоту. Въ темнотѣ русской ночи, въ русскихъ розвальняхъ, среди русскаго кочкарника, покрытаго русскимъ снѣгомъ, эти разсказы о солнцѣ, пѣсняхъ и вольномъ озорствѣ парижанъ производили такое несообраз-

ное впечатлѣніе, какъ будто среди зимы у меня надъ ухомъ жужжитъ лѣтній комаръ. Я едва ли даже возстановилъ бы теперь въ памяти эти разсказы человѣка, лица котораго я почти не видалъ въ темнотѣ, если бы впослѣдствіи мнѣ не пришлось много разъ вспоминать эти разсказы по контрасту съ впечатлѣніями кустарнаго села.

Со второй половины пути мой спутникъ тоже замолкъ. Ночь была темна, снѣгъ едва бѣлѣлъ по сторонамъ, а вдали по горизонту, казалось, клубились неясными очертаніями какіе-то дымные столбы, безъ огней. Это были, должно быть, кустарники и перелѣски. Такіе же темные столбы стали попадаться у самой дороги, но это были уже не кусты, а фигуры и группы людей, съ кошелями за спиной. Это мастера изъ деревень спѣшили къ утренней скупкѣ и сторонились съ дороги, утопая выше колѣнъ въ снѣгу.

— Эй, дяденьки, дяденьки!—остановилъ насъ чей-то грубовато-насмѣшливый голосъ при одной такой встрѣчѣ.—Не подвезете ли мастера, Христа ради?..

— Аверьянъ это,—сказалъ ямщикъ съ усмѣшкой въ голосѣ.—Затѣйливый мужикъ... Говорунъ!..

Я попросилъ остановиться, и сзади насъ догналъ здоровенный мужикъ съ котомкой за плечами. Онъ весело скинулъ со спины кошель, бросилъ его, брякнувъ замками, въ сани и самъ усѣлся, свѣсивъ ноги наружу.

— Вотъ и отлично, спасибо добрымъ господамъ. Погоди, братъ ямщикъ, погоди. Дай мужику цыгарочку закурить.

Въ его грубоватомъ голосѣ слышалась иронія деревенскаго остряка и балагура. Огонь спички освѣтилъ широкое лицо съ лохматою бородой и искрящимися насмѣшкой глазами. Закуривъ трубочку, онъ поднесъ спичку и взглянулъ мнѣ въ лицо.

— Не евреи ли будете?

— Нѣтъ, не евреи.

— Эхма! Жалко! А я думалъ, не моего ли еврея опять мнѣ Богъ даетъ.

— Зачѣмъ вамъ такъ понадобился еврей?

— Продавалъ я тутъ одному,—сказалъ онъ, ухмыляясь и почесывая въ затылкѣ.—Да вишь унистожили его, чтобы вовсе имъ въ Павловѣ не торговать. Вотъ теперь и объ жидѣ заплачешь!

Онъ пыхнулъ цыгаркой и сказалъ:

— А по моему, никакого отъ нихъ утѣсненія мастерамъ не было. Можетъ гдѣ-нибудь въ прочихъ мѣстахъ... А къ намъ пріѣхалъ, купилъ, деньги отдалъ, — опять милости просимъ.

Скупщики возненавидѣли... Онъ—еврей, за два процента десять верстъ пѣшкомъ пробѣжитъ, а инымъ прочимъ народамъ пятнадцать процентовъ подавай, потому что мы на рысакахъ ѣздимъ.

Онъ докурилъ трубку, выбилъ ее объ отводину саней и сказалъ:

— Кто знаетъ, отчего это цѣна, Богъ съ ней, все низнетъ! Кто говоритъ—Москва цѣны сбила. Конечно, можетъ и это быть. У насъ говорится: „Въ Москвѣ заѣстъ,—въ Павловѣ стопоритъ“. Вотъ все равно на станкѣ: въ одномъ мѣстѣ заѣстъ, — всѣ колеса станутъ. А тутъ еще еврея запретили... Теперь у скупщика они закупаютъ. Ну! Еврею нуженъ барышъ, скупщику барышъ, а ужъ кустарю и полбарыша не осталось. Такъ ли я говорю, господа?..

— То-то вотъ,—продолжалъ онъ, впадая опять въ прежній насмѣшливый тонъ.—И такъ можно говорить, и этакъ можно говорить. А какъ оно взаправду выходитъ, мы, деревенщина, не смекаемъ, а павловскіе господа-мастера и подавно.

Онъ помолчалъ и опять заговорилъ съ ноткой насмѣшки:

— Вы какъ объ нихъ понимаете, о павловскихъ мастерахъ? Мы такъ понимаемъ, что павловскій народъ вовсе бездушный. Хаживали мы къ нимъ... Думаемъ себѣ: всетаки, не намъ, деревенщинѣ, съ павловскими ровняться. Народъ нѣсколько, всетаки, пообломанный, а на повѣрку выходитъ нестоющее дѣло. И разговоры у нихъ все про кулачные да про кочетиные бои. Много-много что про діакона заговорятъ. Дескать та-акую октаву вытянулъ,—во! Стекла задребезжали, свѣчи потухли. А этого, чтобы какъ слѣдуетъ о жизни своей подумать,—этого нѣтъ.

— А вы, деревенскіе, думаете?—спросилъ я съ любопытствомъ...

— Ну... тоже со всячинкой... Мало и мы думаемъ, правда это. Извѣстно, мужики—темнота. Иной вѣкъ проживетъ и въ землю уйдетъ, ни разу не думавши. Ну, а ужъ который ежели задумается, такъ не о кочетахъ, да не объ діаконѣ... вотъ что! Тутъ ужъ, господинъ, мысли пойдутъ вовсе другія. Деревенскій народъ не обломанъ, конечно. Личка на немъ не та, а вѣсомъ-то онъ потяжелѣ павловскаго выйдетъ.

— Послушай, какъ тебя?—вмѣшался доселѣ молчавшій мой попутчикъ.

— Аверьяномъ люди добрые звали, величали Иванычемъ, по прозванію Щетинкинъ.

— Ты, Аверьянъ Иванычъ, не по старой ли вѣрѣ?

— Нѣтъ. Мы сами по себѣ. И не люблю я ихъ... У нихъ

господинъ, книги старинныя, съ застежками. Ну, много ли ихъ всѣхъ-то? Долго ли ихъ перечитать. А новыхъ имъ не надо. А мы, какъ бы то ни было, всякую книжку прочитаемъ, намъ это наша вѣра дозволяетъ. Иная книга такое разскажетъ, что другому, можетъ, и читать-то не надо бы, который безъ разума человѣкъ... А вы, позвольте спросить, къ скупкѣ ѣдете?

— Къ скупкѣ.

— Покупаете?

И опять, раскуривая трубку, онъ посвѣтилъ мнѣ въ лицо, взглянувъ съ насмѣшливою пытливостью.

— Нѣтъ. Я ѣду къ скупкѣ только изъ любопытства. Самъ не покупаю.

— У насъ про скупку сказочка есть...

Онъ затянулся и, посмѣиваясь, покуривая и сплевывая, разсказалъ слѣдующее:

— Давно дѣло-то это было. Задумалъ какъ-то чортъ устроить адъ на землѣ, стало быть, на семъ свѣтѣ. Обернулся нѣмцемъ и подсыпался къ графу, который проживалъ за границей. Что, дескать, людишки у тебя все одною землей занимаются? Устрой да устрой у себя въ имѣніи заводъ. И доходъ пойдетъ, да и почетнѣе тоже. Послушался помѣщикъ, самъ остался за границей, а нѣмца послалъ въ имѣніе заводы строить. И построилъ нѣмецъ первый заводъ въ Павловѣ, на Семеньей горѣ, желѣзо дѣлать.

Вотъ живетъ помѣщикъ за границей, получаетъ доходъ хорошій. И вздумалось ему какъ-то разъ провѣдать свои имѣнія и посмотрѣть, какъ работаютъ на заводахъ. А былъ онъ доброй души человѣкъ. Вотъ пріѣхалъ онъ въ Павлово и пришелъ на заводъ, какъ разъ на ту пору, когда изъ сварочной печи вынимали раскаленную „сварку“ *). Глядитъ помѣщикъ: печь пламенемъ пышетъ, такъ что и подойти невозможно, люди въ дыму и въ копоти. А сварка красная вся, шипитъ, трещитъ, окалиной во всѣ стороны такъ и брыжжетъ. Подтащили ее крючьями къ наковальнѣ, какъ грохнетъ по ней стопудовый молотъ, какъ пыхнетъ отъ нея пламя да искры... Съ нами крестная сила! И людишекъ-то изъ-за огня не видно.

Испугался добрый графъ... „Подать нѣмца сюда! Не зналъ я, откуда у меня доходы“... Глядь, а нѣмецъ точно скрозь землю провалился.

---

*) Желѣзные остатки, ломъ, которые сплавляются подъ молотомъ въ одну массу, опять годную въ дѣло.

Заводъ уничтожили, горно потушили, да искры изъ-подъ заводскаго горна уже разлетѣлись кругомъ съ Семеновой горы по всему Павлову. Застучали въ избушкахъ молоты, завизжали пилы, зашипѣли паяльники, закипѣло мастерство и разлилось, какъ пожаръ, по всей округѣ. По деревнямъ-то хоть землю не бросили, а павловцы совсѣмъ забыли про пашню.

Прошло сколько-то годовъ, только опять тотъ самый чортъ и загляни въ Павлово: дескать, какъ тамъ народъ теперь живетъ? И видитъ, живутъ павловцы отлично; народъ кормится, лапти скинули, въ сапоги обулись. Наработаютъ сколько кто управится, потомъ пріѣдутъ покупатели, купятъ. А то и самъ мастеръ лошадку запряжетъ, да, благословясь, на базаръ свезетъ, въ Нижній тамъ или еще куда. Сосѣдъ попроситъ, онъ и сосѣдскій товаръ захватитъ, продастъ, деньги привезетъ. Такъ и шло, а, можетъ, и доселѣ такъ бы велось или бы и еще какъ-нибудь...

— Какъ-нибудь, Аверьянъ Иванычъ?

— То-то что вотъ. Все мы какъ-нибудь, да какъ-нибудь, анъ бѣсъ-то скорѣе нашего спроворитъ. Стало чорту за обиду. Дескать, изъ-за чего же я-то бился, этакое неподходящее дѣло теперь выходитъ. Сталъ онъ думать, какъ дѣло на свой ладъ поправить.

И придумалъ.

Былъ въ Павловѣ мастерокъ одинъ. Работать не любилъ, а деньги любилъ. Къ этому человѣку дьяволъ и подъѣхалъ: „Хочешь, говоритъ, я такъ тебя поставлю: въ понедѣльникъ вставать тебѣ пораньше, а за то всю недѣлю спи сколько хочешь?“ Ну, тотъ, конечно, радъ. Ладно. „Сдѣлай, говоритъ, себѣ подвалъ, чтобы прямо на улицу, да съ крѣпкими затворами“.

Сдѣлалъ.

Вотъ разъ, зимняя ночь-полночь на дворѣ, первые пѣтухи только скричали, народъ спитъ, будитъ онъ мастера. А дѣло какъ разъ съ воскресенья на понедѣльникъ. „Вставай!“

Потянулся мастеръ, вспомнилъ обѣщаніе, всталъ. „Свѣти огонь!“ Засвѣтилъ фонарикъ, пошли на улицу.

Отперли кладовую, а въ кладовой-то пусто. Поставили огонь на прилавокъ, сѣли сами, сидятъ. Огонь на пустую улицу свѣтитъ.

„Что будетъ?—думаетъ мастеръ.—Что такое это выдумано: сиди въ пустомъ подвалѣ сложа руки, да чтобъ отъ этого деньги завелись? Чудно что-то“. И люди смѣются... На другой понедѣльникъ мастеръ и вставать не хотѣлъ, да, всетаки, послушался. А, между тѣмъ, слухъ прошелъ и сталъ на огонь

народъ выползать, все одно мухи на свѣчку. Первые полѣзли похмѣльщики. Съ воскресенья-то глаза налили, ночь-полночь— ужъ у пихъ тоска, глотка по рюмкѣ тоскуетъ, надо похмѣляться, а не на что. Вотъ одинъ, другой похватали замки, несутъ.

— Чѣмъ такъ-то сидѣть, возьми вотъ замки, за что дашь!.. Смерть наша приходить.

А дьяволъ подъ бокъ толкаетъ мастера: „бери!“

Ну, и пошло! Мастеръ недѣлю спитъ, въ понедѣльникъ до зари встаетъ, огонь зажигаетъ, садится въ подвалѣ. Народу показалось хорошо: чѣмъ самому возить на базары да съ купцами торговаться, пускай же они возятъ, а мы въ то время сколько наработаемъ...

Вотъ оно, старики говорятъ, какъ скупка началась. А дьяволу что и нужно!.. Теперь вотъ про себя я вамъ скажу: охочъ я на работу... Недѣлю работаю, встаю въ три часа, ложусь въ одиннадцать. Стучу молоткомъ, пѣсни пою. Лягу на подушку—камнемъ засыпаю. А какъ суббота на исходѣ, тутъ радоваться надо, спи, отдыхай въ охоту, Аверьянъ Иванычъ. А не спится. Не спится, всю ночь мечешься: что-то будетъ въ понедѣльникъ, не упадетъ ли цѣна, возьмутъ ли товаръ? Какъ бы не насидѣться безъ хлѣба съ дѣтишками, на желѣзо бы хватило, да ковалю отдать. Тоже ждать не станетъ. Настоящій намъ адъ каждый понедѣльникъ на покупкѣ.

Вотъ, ежели уѓодно, посмотрите ноньче. Гдѣ еще до зари, часовъ, никакъ, съ трехъ, пойдутъ скупщики съ фонарями, отопрутъ подвалы, сядутъ. А мы тучами къ нимъ, какъ мухи на падаль. „Батюшка, возьми! батюшка, не оставь только!“ Мечемся, лѣземъ, другъ дружку давимъ. А кого, спрашивается, тѣшимъ? Все его, перваго заводчика. Вотъ вы смотрѣть станете. Вамъ со стороны виднѣе: не увидите ли гдѣ его, перваго заводчика? Небось толкается тутъ да смѣется... А намъ не видно.

Намъ не то что *онъ*, самъ Микола угодникъ приходи, мы и того не разглядимъ, подъ бока натолкаемъ. Сторонись, дескать, наше дѣло: съ товаромъ къ прилавку премъ... Эхма, не взыщите съ Аверьяна: болтаю я все! Такого мать родила. И отецъ-покойникъ, сказываютъ, такой же былъ; гдѣ бы другому плакать, а мы всѣ смѣемся...

— Это что за огни? Павлово, что ли?

— Самое Павлово. Вишь, огней сколько. Говорилъ я вамъ: не спитъ народъ,—не до сна подъ понедѣльникъ-то имъ.

Копыта лошадей стучали по льду Оки. Горы Павлова сли-

вались съ сумракомъ ночи и огни, казалось, висѣли на разныхъ высотахъ въ воздухѣ, надвигаясь на насъ. Потомъ, скользя и спотыкаясь, лошади стали карабкаться по уклону и изъ темноты выдѣлились и проплыли надъ нами угрюмыя „палаты“ съ темными окнами.

— Слава Тебѣ, Господи, пріѣхали,—весело сказалъ Аверьянъ.—Спасибо и вамъ, подвезли мастера. А сами гдѣ остановитесь?

— Въ гостиницѣ гдѣ-нибудь.

— И отлично. Гостиница у насъ первѣйшая, Парижъ и Лондонъ. Вотъ она самая. Тпру-у, милыя! Стой, ямщичекъ...

Лошади остановились у двухъэтажнаго дома.

— Пожалуйте! Парижъ и Лондонъ, все къ одному мѣсту. А просто сказать,—постоялый дворъ... Прощенья просимъ. Ежели взаправду выйдете на покупку, можетъ, еще увидимся,— сказалъ Аверьянъ.

— А долго еще до покупки?

Аверьянъ посмотрѣлъ кверху, гдѣ, въ вышинѣ, слабо виднѣлось нѣсколько звѣздъ, потомъ оглянулся по улицамъ:

— Часа полтора осталось, не болѣ. Вишь народъ набирается.

Дѣйствительно, улицы были полны шороха и той особенной нешумливой суеты, которая какъ будто приглушается покровомъ ночи. Мимо насъ то и дѣло проходили группы деревенскихъ кустарей съ кошелями за спиной. По сторонамъ улицы стояли сани, хозяева спали на нихъ, а лошади чавкали сѣно. Невидимый топотъ, невидимые голоса и возростающее въ темнотѣ оживленіе вливались изъ переулковъ, наполняя глубокую, теплую и сыроватую ночь.

Аверьянъ, вскинувъ на плечи кошель съ замками, быстро исчезъ, смѣшавшись съ ночною толпой. Мой попутчикъ тоже распрощался и сталъ гдѣ-то недалеко стучаться въ окно. Мнѣ предстояло разыскивать себѣ ночлегъ въ „Лондонѣ и Парижѣ“, зіявшемъ передо мною раскрытыми воротами, въ глубинѣ которыхъ, гдѣ-то неизмѣримо далеко, блуждалъ одинокій фонарикъ.

Съ великимъ трудомъ и даже съ немалою опасностью поднялся я во второй этажъ по узкой лѣстницѣ. Передо мной раскрывались внезапно то какія-то пропасти, откуда слышалось тихое чавканье и жалобные вздохи лошадей, то вдругъ отверстіе въ стѣнѣ ставило меня въ непосредственное сосѣдство съ наружною пустотой, гдѣ бѣлѣли старыя крыши. Гдѣ-то все мелькалъ фонарикъ, гдѣ-то кто-то тихо, но свирѣпо ругался, гдѣ-то стучали копыта лошадей и полозья саней терлись по деревянному помосту. Вообще, царило то же движеніе въ темнотѣ на ряду со сномъ, какъ на улицѣ.

Наконецъ, при помощи спички, я нашелъ какую-то дверь, куда и рѣшился войти.

— Ну, что сталъ, проходи впередъ!—не особенно привѣтливо встрѣтилъ меня сиплый голосъ откуда-то изъ темноты каморки, въ которой я очутился.

Я прошелъ впередъ, въ такую же каморку. Дальнѣйшія изысканія привели меня въ комнату побольше, но всюду, на лавкахъ, на диванѣ, на полу, валялись человѣческія фигуры въ повалку. Все это сопѣло, бормотало во снѣ и шевелилось при тускломъ свѣтѣ стѣнной лампочки съ закоптѣлымъ стекломъ.

Постоявъ нѣсколько секундъ въ нерѣшимости, я двинулся назадъ, такъ какъ пристроиться здѣсь не было никакой возможности.

— Послушайте, тамъ нѣтъ мѣста,—робко обратился я въ темноту, откуда прежде послѣдовалъ неудачный совѣтъ.

— А? Что? Да, вѣдь, это валенщики.

— Ну, такъ что же, что валенщики, а, всетаки, мѣста нѣтъ,—отвѣтилъ я, стараясь придать своему голосу возможно болѣе убѣдительности.

— Они скоро уѣдутъ. Да вы кто, евреи, что ли? Ложитесь пока вотъ сюда.

Кто-то завозился на кровати и на ней усѣлась какая-то невѣроятно длинная, похожая на привидѣніе, фигура. Фигура посидѣла, позѣвала, потомъ, какъ будто окончательно рѣшившись, поднялась, вглядываясь въ меня при тускломъ освѣщеніи изъ сосѣдней комнаты.

— Евреи будете? Ну, ложитесь, ложитесь съ Богомъ на мое мѣсто.

Я не счелъ удобнымъ разсѣивать заблужденіе, вслѣдствіе котораго получалась, наконецъ, возможность пристроить куданибудь свою скитальческую особу. Мѣсто, куда я легъ, не раздѣваясь, было согрѣто моимъ предшественникомъ, подушка пахла чѣмъ-то кислымъ, а по стѣнамъ что-то очень подозрительно шуршало. Но, взглянувъ, съ какими усиліями мой предмѣстникъ вонзалъ теперь свою сухопарую фигуру между другихъ тѣлъ на полу, въ сосѣдней комнатѣ, я нашелъ, что понятія объ удобствахъ весьма относительны.

Черезъ нѣкоторое время стали уходить валенщики, холодя каморку и хлопая дверями. Потомъ кто-то, будто во снѣ, натыкается на мою лежанку, падаетъ впередъ, упирается въ меня руками и говоритъ: „извините-съ“. Осторожно, ощупью обойдя мое ложе, незнакомецъ начинаетъ мыться гдѣ-то надо мной, и брызги летятъ мнѣ въ лицо. Умывшись, онъ, въ про-

летѣ двери, подвязываетъ очень тщательно щеку платкомъ, и еще черезъ нѣсколько минутъ я вижу его уже за самоваромъ, съ хозяиномъ помѣщенія, въ которомъ узнаю моего благодѣтеля. Послѣдній одѣтъ въ ситцевую рубаху, повязанную шнуркомъ, на ногахъ—отопки, на шеѣ—высокій старомодный галстукъ, придающій его фигурѣ видъ отчасти хищный, отчасти же. унылый. Они сосредоточенно пьютъ чай и ведутъ отрывочные разговоры.

— Кто? — спрашиваетъ подвязанная щека, кивая въ мою сторону.

— Еврей.

— Допустили опять?

— Не слыхалъ что-то. Видно допустили...

Нѣсколько минутъ они пьютъ молча. Потомъ хозяинъ мрачно ставитъ стаканъ и говоритъ съ угрюмою сосредоточенностью:

— Прежде отъ однихъ евреевъ сколько ренты получалъ: покупаешь ему, укупориваешь, отправляешь. Теперь ничего нѣтъ. Вотъ нонѣ прилечь негдѣ, набилось народу. Да народъ пустой: валенщики! дивиденду отъ нихъ грошъ... И что такое? Правительство, напримѣръ, хлопочетъ облегчить бѣдному народу, а тутъ дѣлается стѣсненіе...

Лихорадочные глаза хозяина сверкаютъ сдержанною злостью. Собесѣдникъ, повидимому, мелкій пріѣзжій скупщикъ, равнодушно допиваетъ изъ блюдечка.

— Торговцу отъ нихъ тѣснота,—говоритъ онъ спокойно.— Лучше же русскому человѣку получить доходъ... А, впрочемъ, наше дѣло маленькое. Намъ хватитъ. Пожалуйте-ка мнѣ столикъ. Пора!

Онъ одѣвается и уходитъ со столикомъ и фонаремъ въ рукахъ, а хозяинъ уныло продолжаетъ наливать чашку за чашкой, что-то бормоча по временамъ про себя. Его раздраженіе усиливается, когда я тоже выхожу къ свѣту, и онъ убѣждается, что я не еврей.

Выйдя на улицу, я съ первыхъ же шаговъ натыкаюсь на его бывшаго собесѣдника. Онъ сидитъ у стѣны дома, за столикомъ, на которомъ горитъ фонарь, тщательно закрываетъ воротникомъ больную щеку и просматриваетъ взглядомъ образцы, которые какъ-то вяло еще подаютъ ему кустари. Они отходятъ отъ него съ насмѣшками и остротами.

— Даромъ огонь засвѣтилъ!

— Чай, свѣчка-то копѣйку стоитъ!

Нѣсколько такихъ же столиковъ съ фонарями, точно свѣтляки, виднѣются вдоль темной улицы.

Я посмотрѣлъ на небо. До свѣту, повидимому, еще далеко. Небо было темно, послѣднія звѣзды исчезли, мелкая изморозь сыпалась сверху и вѣтеръ прорывался съ рѣки въ переулки.

Кто-то осторожно толкнулъ меня локтемъ. Кучка кустарей стояла кругомъ, протягивая образцы.

— Гдѣ принимать будете? — тихо спрашивалъ одинъ; видимо, они опять сочли меня за еврея, пріѣхавшаго сюда контрабандой.

— Опознались, ребята! — сказалъ насмѣшливый голосъ, по которому я узналъ Аверьяна. — Это мой баринъ, скупку посмотрѣть пріѣхалъ, да вотъ теперь на небо и смотритъ: не видно ли, дескать, гдѣ-нибудь самаго-то главнаго скупщика?..

— Аверьянъ сказочку свою, видно, разсказывалъ, — засмѣялся одинъ изъ деревенскихъ кустарей.

— Рано еще, господинъ,— продолжалъ Аверьянъ. — Безъ поповъ обѣдни не служатъ, а настоящіе-то попы еще не вышли. Это вотъ, — насмѣшливо кивнулъ онъ на огоньки, — только дьячки да причетники.

— Вышелъ Молотковъ, сказываютъ, вышелъ! — сказалъ кто-то, пробѣгая мимо, и кучка кустарей метнулась за нимъ. Въ то же время, въ другой сторонѣ улицы показался фонарь и за нимъ, все увеличиваясь и прихватывая за собой встрѣчныхъ, потянулся цѣлый хвостъ народа.

Фонарь остановился у широкой сводчатой двери подвала. Загремѣли болты, открылась какая-то темная нора. Скупщикъ прошелъ туда, опустилъ прилавокъ, перегородившій широкій входъ, поставилъ на него фонарь и усѣлся, освѣщенный огнемъ на фонѣ этой пещеры. Толпа тотчасъ же плотно сомкнулась за нимъ, тѣснясь и чуть не влѣзая другъ на друга.

Это значитъ, что „богачи“ засвѣтили огни, и началась настоящая скупка.

II.

Скупка, ея логика и ея разговоры.

Обстановка скупки придумана какъ бы нарочно для того, чтобы во всякомъ стороннемъ человѣкѣ вызвать жуткое чувство. Темная нора, прилавокъ, трепетный огонекъ сальнаго огарка въ фонарѣ, освѣщающій фигуру за прилавкомъ, и напряженныя лица кустарей, напирающихъ съ улицы. Скупщикъ одѣтъ въ теплой шубѣ, кустари дрожатъ отъ пронизывающаго вѣтра. Онъ сдержанъ, холоденъ, спокоенъ, — они взволнованы. Онъ развертываетъ образцы и равнодушно отодвигаетъ одни, назначаетъ цѣну за другія. Соотвѣтственно съ этимъ на физіономіяхъ мастеровъ смѣняются выраженія:

надежды у тѣхъ, кто подходитъ, — страха у тѣхъ, чьи образцы въ рукахъ скупщика, — вражды на лицахъ отходящихъ... „Вотъ паукъ, раскинувшій свою сѣть у входа въ пещеру“, — невольно приходитъ въ голову, при видѣ этого человѣка, сидящаго у фонаря за прилавкомъ въ серединѣ загороженнаго входа.

Но съ другой стороны, — если бы скупщикъ не засвѣтилъ сегодня своего огня, многіе кустари впали бы въ уныніе. Если бы не вышло ихъ трое или четверо, уныніе достигло бы значительныхъ размѣровъ. Если бы не явился ни одинъ, все Павлово принуждено было бы голодать цѣлую недѣлю и, пожалуй, прекратить работу за недостаткомъ матеріала.

Итакъ, выходя, онъ оказываетъ этой толпѣ благодѣяніе. Онъ скупитъ эти замки и ножи, а отсюда, изъ его подваловъ, они разойдутся по всему бѣлому свѣту, попадутъ въ Турцію и въ Персію, и на далекіе недоступные рынки невѣдомыхъ странъ Средней Азіи.

Онъ здѣсь не одинъ. Рядомъ, вдоль улицы и въ переулкахъ, горятъ такіе же огни, идутъ тѣ же разговоры. Онъ знаетъ, что всѣ его сосѣди будутъ сбивать цѣну до той степени, до какой только масса будетъ подаваться. И онъ долженъ не отставать отъ сосѣдей, иначе его товаръ выйдетъ дороже и Москва возьметъ у другихъ.

И вотъ онъ окидываетъ толпу острымъ, проницательнымъ взглядомъ. Онъ ее давно изучилъ; онъ видитъ, какъ люди жмутся, точно испуганные бараны, и думаетъ, что „ноньче народъ станетъ уступать до послѣдняго“. Это его не радуетъ и не печалитъ, онъ просто принимаетъ это къ свѣдѣнію.

— Рука, что ли, Иванъ Иванычъ? — и кустарь кидаетъ образцы на прилавокъ.

Скупщикъ медленно разворачиваетъ и равнодушно отодвигаетъ товаръ.

— Не рука.

Можетъ быть, онъ и могъ бы взять этотъ товаръ, но ему нужно укрѣпить свое положеніе и расшатать положеніе другой стороны. Для него отодвинутые образцы—нѣсколько гривенниковъ барыша, для кустаря, работавшаго ихъ цѣлую недѣлю, это новая недѣля сравнительной обезпеченности или голода. Кустарь схватываетъ образцы и судорожно выбивается изъ толпы, чтобы бѣжать къ другому огню, а въ оставшейся толпѣ этотъ эпизодъ уже посѣялъ нѣкоторую долю неувѣренности и унынія.

— Рука, что ли?—спрашиваетъ слѣдующій.

— Почемъ отдашь?

— По прежнему, Иванъ Иванычъ, какъ всегда.

— Безъ полтины.

— Много дороже слышали...

— Надо было отдавать.

И онъ опять завертываетъ образцы и отодвигаетъ ихъ, обращаясь къ слѣдующему.

Это онъ пробуетъ, до какой степени народъ подается. Черезъ нѣкоторое время, послѣ нѣсколькихъ уступокъ, послѣ того, какъ кустари обѣжали другіе огни, онъ уже отлично знаетъ положеніе сегодняшняго рынка.

Вотъ передъ нимъ старикъ, деревенскій кустарь, съ которымъ онъ ведетъ дѣло давно и съ которымъ пускается иногда въ пріятельскіе разговоры.

— Не сойдутся опять образцы у тебя съ товаромъ. Личка *) у васъ плоха,—говоритъ онъ.

— Личка у насъ нонѣ, Иванъ Иванычъ, первый сортъ. Нонѣ мы рабочихъ нажали нѣсколько. Забудутъ спать-то.

— Почемъ?

— По шести гривенъ.

— Уступай, Потапычъ, уступай.

— Уступлено, Иванъ Иванычъ, сами знаете, по восьми брали.

— Знаю, что по восьми. Да еще уступить надо. Нонѣ, самъ видишь, до слезъ уступаетъ народъ.

Уступаютъ до слезъ! Скупщику не нужны эти слезы. Зачѣмъ онѣ ему? Въ общемъ, человѣкъ, всетаки, человѣкъ, и слеза народа иному скупщику, можетъ быть, даже непріятна. Но онъ ее выжметъ. Ему нужна увѣренность, что дальше уже не идетъ уступчивость, что больше не выжметъ ни онъ, ни его сосѣдъ, что предѣлъ уступчивости народа достигнутъ для даннаго рынка. Конкурренція — прессъ... Кустарь—матеріалъ, лежащій подъ прессомъ, скупщикъ—винтъ, которымъ прессъ нажимается. Мнѣ самому пришлось видѣть, какъ во время пріемки **), которая слѣдуетъ за скупкой, торговецъ взялъ въ руки связку образцовъ, оглядѣлъ ихъ, посмотрѣлъ записанную цѣну и швырнулъ съ досадой въ общую кучу.

— Еще упала цѣна! Все уступаютъ, да уступаютъ. Этотъ замокъ полгода назадъ шелъ по рублю, нонѣ вонъ по шести

---

*) Личить—значитъ обтачивать поверхность ножей на камнѣ, передъ полировкой.

**) На *скупкѣ* принимаются отъ кустаря образцы, къ которымъ привѣшивается ярлычокъ съ обозначеніемъ условленной цѣны. Во время *пріемки* кустарь доставляетъ условленное количество самаго товара.

гривенъ валятъ. Изъ-за чего работаютъ только, дьяволы,—за такую цѣну отдавать!

— Развѣ это вамъ невыгодно? — спросилъ я, удивленный этою досадой на дешевизну покупки.

Оказалось, что въ данномъ случаѣ, дѣйствительно, ему было невыгодно: на прежнихъ базарахъ онъ запасся большимъ количествомъ товара, и если бы цѣна поднялась, онъ продалъ бы дешевый товаръ дороже. Теперь цѣна еще упала, и ему придется, наоборотъ, дорогой товаръ пускать по болѣе дешевой цѣнѣ. Но онъ, конечно, жметъ на скупкѣ такъ, какъ всегда; необходимо дожать до послѣдней возможности.

Къ огню подходитъ молодой мастеръ и молча, угрюмо кидаетъ товаръ на прилавокъ. Онъ, видимо, уже обѣгалъ другіе огни, слышалъ цѣны, но изъ него скупщическій прессъ выжимаетъ не слезу, а угрюмое ожесточеніе. Скупщикъ окидываетъ его проницательнымъ взглядомъ и съ особеннымъ вниманіемъ присматривается къ образцамъ. Мастеръ съ оттѣнкомъ презрѣнія наблюдаетъ эту процедуру. Онъ знаетъ, что образцы у него безукоризненны, что скупщику это извѣстно, что именно потому-то онъ и не можетъ отдать товаръ такъ дешево, какъ отдаютъ другіе. Каждое продолжительное пониженіе цѣны понижаетъ также общее качество товара; форма остается та же, но вѣсъ и работа—другіе. Онъ—артистъ своего дѣла, гордый своимъ искусствомъ, одинъ изъ тѣхъ, которые до послѣдней возможности не идутъ на компромиссы...

— Почемъ?

— Знаете сами, почемъ брали.

— Теперь дешевле.

— А какъ?

— Полтина.

Мастеръ самъ беретъ образцы съ прилавка, не дожидаясь, пока ихъ завернетъ скупщикъ.

— За полтину этотъ товаръ отдавать—солому надо ѣсть. Не научились еще дѣти у насъ.

— Научатся,—говоритъ скупщикъ хладнокровно.

Много, конечно, нужно упражняться въ жестокомъ дѣлѣ, чтобы такъ спокойно кинуть ближнему такое слово. Но въ этой желѣзной торговлѣ вырабатываются и желѣзныя сердца, не знающія жалости.

Мнѣ пришлось однажды зайти въ домъ кустаря. Онъ сидѣлъ, больной, на своей постели, встрѣтивъ меня какимъ-то лихорадочно-безпокойнымъ взглядомъ. Разговаривая, онъ все посматривалъ въ окна и на двери.

— Вы о чемъ-то безпокоитесь?—спросилъ я.

— Безпокоюсь, вѣрно. Баба у меня съ образцами послана. Боленъ самъ. Это въ нашемъ дѣлѣ, господинъ, бѣда большая, что бабу послать къ торговцу... Запугиваютъ ихъ... Ну, вотъ идетъ, кажись, погоди-ка...

Въ избу вошла молодая женщина, сѣла въ изнеможеніи на лавку и какъ-то виновато опустила руки на колѣни.

— Почемъ?—спротилъ мужикъ угрюмо.

— По шести.

— Такъ и зналъ. Это, господинъ, пятакомъ дешевле самой низкой цѣны. Говорилъ, вѣдь, я цѣну тебѣ?

— Не беретъ. Ни почемъ, говоритъ, завтра этотъ товаръ не возьмутъ, въ послѣднее и брали.

И вдругъ, какъ-то встряхнувшись и вытирая рукавами слезы, молодая женщина заговорила съ истерическою торопливостью:

— Да еще даетъ пять съ полтиной и смѣется: „Бери, грабь, загребай съ меня деньги лопатой“.—„Полно, говорю, вамъ надъ бѣднотой надъ нашей смѣяться, Василь Василичъ! Какая это цѣна!“—„Да, вѣдь, отдаютъ!“—„Отъ нужды отдаютъ, молъ. Плачутъ, да отдаютъ!“ — „Какая, говоритъ, ваша нужда: въ своихъ домахъ живете, въ калошахъ ходите, по праздникамъ бѣлый хлѣбъ покупаете. Вотъ будетъ нужда, какъ въ прочихъ мѣстахъ уже дошелъ народъ: по пяти семей въ одну избу натолкаетесь, на десять человѣкъ одна шуба, а о пшеничномъ хлѣбѣ и думать забудете“.

Женщина посмотрѣла на меня и на мужа обезумѣвшими, испуганными глазами.

Мнѣ нужно было повидать одного знакомаго скупщика и сказать ему нѣсколько словъ, но кругомъ была тѣсная толпа,..

Я видѣлъ черезъ головы освѣщенное огнемъ лицо моего знакомаго и надѣялся, что меня подвинетъ къ нему общее теченіе. Но въ это время какой-то рослый деревенскій кустарь, котораго образцы были забракованы скупщикомъ, сталъ пробиваться изъ толпы, прижимавшей его къ прилавку. Я видѣлъ, какъ съ величайшимъ усиліемъ онъ ворочалъ спиной и задѣвалъ кошелемъ по лицамъ ближайшихъ сосѣдей. Тѣ лишь безпомощно отворачивали лица, такъ какъ рукъ поднять не могли. Вдругъ прилавокъ затрещалъ, фонарь на немъ вздрогнулъ, толпа колыхнулась и совершенно неожиданно я увидѣлъ почти у самаго своего носа красное лицо съ вытаращенными глазами.

Оба мы очутились на серединѣ улицы. Кустаря, повидимому, нисколько не смутилъ этотъ пассажъ и, только узнавъ меня, онъ нѣсколько сконфузился.

— А что, Аверьянъ Ивановичъ,—засмѣялся я,—пожалуй, *ему* теперь, дѣйствительно, весело смотрѣть на насъ.

— Просимъ прощенія, помяли васъ маленечко. Что и говорить: большое ему удовольствіе. Не повредилъ ли, упаси Господи, вашей милости.

— Это все пустяки. Но скажите, неужели трудно устроить дѣло иначе, чтобы всѣмъ было легче подходить: по очереди, съ одной стороны?

— Да оно, конечно. Суемся мы, все равно, какъ слѣпыя мухи. Я ужъ вамъ докладывалъ: темнота наша. Однако, надо мнѣ бѣжать къ другому огоньку, къ Портянкину Сенькѣ. Давалъ онъ по шести съ пятакомъ. Надо отдать пойти, пока не закупился. Сейчасъ я васъ розыщу.

Черезъ четверть часа онъ, дѣйствительно, нагналъ меня, и мы вмѣстѣ пошли по темнымъ улицамъ, на которыхъ я насчиталъ около тридцати скупщицкихъ огней. Изъ нихъ только пять или шесть принадлежали крупнымъ мѣстнымъ торговцамъ; остальные свѣтились на столикахъ, поставленныхъ гдѣ-нибудь на улицѣ, подъ стѣнами домовъ. За такими столиками торговалась мелкота, вродѣ моего знакомаго по постоялому двору, а кое-гдѣ мастера-кустари, присоединяющіе къ работѣ за станкомъ также и скупку. Это та часть кустарной массы, гдѣ мелкій скупщикъ еще не вылупился окончательно изъ мастера. Вотъ онъ принанялъ двухъ-трехъ рабочихъ; ему повезло, онъ нанимаетъ еще. Сколотивъ нѣсколько десятковъ лишнихъ рублей, онъ начинаетъ скупать товаръ у другихъ кустарей и въ одинъ изъ понедѣльниковъ зажигаетъ огонь и садится за столикъ. Почти всѣ огни, горящіе теперь въ крупныхъ кладовыхъ, загорались такимъ образомъ, на маленькихъ столикахъ, прямо изъ-подъ горновъ кустарей.

Аверьянъ называлъ мнѣ имена этихъ торговцевъ, сопровождая свои объясненія безцеремонными прибаутками и крѣпкими словцами. Вообще, видимо, и онъ, и другіе кустари, кучками собиравшіеся теперь на улицахъ, послѣ того, какъ они отдали образцы, относились къ этой мелкотѣ съ большимъ презрѣніемъ. Впрочемъ, и изъ торговцевъ покрупнѣе рѣдкаго звали за глаза иначе, какъ Петькой, Васькой или Митькой.

III.

Человѣкъ, который срамитъ свое званіе.

— Этому вотъ милостивому государю кошку дохлую на прилавокъ бросили, — сказалъ Аверьянъ, останавливая меня невдалекѣ отъ одного огня.

Милостивый государь, которому кустари выразили такимъ оригинальнымъ образомъ свое вниманіе, сидѣлъ за своимъ прилавкомъ, сохраняя выраженіе такого достоинства въ лицѣ, какъ будто ему никто и никогда не бросалъ на прилавокъ дохлыхъ кошекъ. Только когда къ огню подходили кустари, которыхъ здѣсь было меньше, чѣмъ у другихъ, и которые, отходя, ругались безцеремоннѣе, въ его лицѣ и фигурѣ проявлялась неожиданно какая-то чисто-ноздревская подвижность, безпокойная и какъ будто даже злая.

— Горшокъ еще съ кашей на ворота повѣсили надняхъ,— прибавилъ изъ темноты какой-то кустарь къ сообщенію Аверьяна...

— Ну-у?

Въ восклицаніи Аверьяна слышался восторгъ.

— Ахъ, ты, братецъ мой! Да кто жъ это ему, а?

— Да ужъ кто ни сдѣлалъ, а сдѣлали, — политично отвѣтилъ кустарь, придвигаясь къ намъ и отчасти опасливо, отчасти съ любопытствомъ посматривая на меня.

— Пріѣзжіе будете?

— Пріѣзжій.

— Торгуете?

— Не торгуетъ онъ, посмотрѣть наши порядки пріѣхалъ,— перебилъ Аверьянъ.—А ты, дядя, не опасайся, говори, ничего.

— Намъ что опасаться, наше дѣло сторона, а что дѣйствительно горшокъ на воротахъ висѣлъ, сами видѣли.

— Съ пшеномъ, что ли?

— Ну, ну!

— Молодцы, ребята! Ну, а онъ что же?

— Лѣшій его знаетъ. Чай, велѣлъ снять, да ссыпалъ куда. Потомъ нашему же брату опять на треть отвалитъ...

Аверьянъ отвелъ меня нѣсколько въ сторону, кустарь, сообщившій о горшкѣ, послѣдовалъ за нами, а черезъ минуту къ нашей группѣ присоединилось еще нѣсколько человѣкъ, освободившихся уже отъ образцовъ.

— Этакъ-то лучше, всетаки, — сказалъ Аверьянъ, оглядываясь на отдалившійся теперь огонекъ. — Какъ бы не услыхалъ. Ему, вѣдь, я нонѣ образцы-то отдалъ.

— Видите ли, господинъ,—обратился онъ ко мнѣ.—Теперь вотъ скупка у насъ идетъ, а вотъ разсвѣтетъ начисто, начнется пріемка. Понесемъ товаръ по образцамъ сдавать, да деньги получать по разсчету, сколько кому причтется. Тутъ вотъ главная-то у насъ путаница и пойдетъ.

— Товаръ, что ли, бракуютъ?

— Бывастъ и это. А главное въ разсчетѣ. Промѣномъ,

вотъ, донимаютъ, да третьей частью. Сейчасъ, напримѣръ, раздѣлываетъ онъ десять человѣкъ, приходится на всѣхъ сто рублей, да еще тамъ сколько-нибудь. Вотъ вынимаетъ онъ сотельный манетъ и даетъ одному,—раздѣлывайтесь, ребята, какъ знаете.

— Это мы такъ говоримъ, что *связалъ* онъ насъ сотельной бумажкой, — пояснилъ другой кустарь изъ кучки.—Теперь, чтобы развязаться, надо ему по двѣ или хоть по 1½ копѣйки отдать промѣну. Рѣдкій у насъ скупщикъ безъ промѣну торгуетъ.

Я вспомнилъ, что уже читалъ объ этомъ своеобразномъ явленіи павловскаго рынка. Изслѣдователи остановились передъ нимъ въ недоумѣніи. Дѣйствительно, при условіи конкурренціи между скупщиками, легко сообразить, что въ общемъ, всетаки, масса сдѣлаетъ соотвѣтствующую поправку и скупщику, торгующему съ промѣномъ, станетъ продавать дороже, чѣмъ тому, кто платитъ безъ вычета. Эти соображенія я высказалъ и кустарямъ.

— Такъ-то оно такъ,—сказалъ одинъ.—Да, вѣдь, поди-ка каждый разъ усчитай, сколько оно тамъ придется. Иной, конечно, смекнетъ, а другой и ошибется.

— Мутную воду любятъ, вотъ что. Намутитъ, напутляетъ, да тутъ счиститъ пятакъ, тамъ утянетъ другой, — глядишь, ужъ и гривенникъ. Конечно, не разживется этимъ, а нашему брату иной разъ просто слезы съ ними, съ путаниками. А то еще такъ дѣлаютъ, вонъ какъ Кульковъ. Тотъ ужъ и разсчитываетъ съ промѣномъ. „Вотъ, молъ, вамъ, ребята, слѣдуетъ столько-то, да промѣну съ васъ столько-то. Получите“. Да опять ту же сотельную въ руки. Какъ, молъ, такъ, и промѣнъ взялъ, и не мѣняетъ, такой-сякой?—„Да, вѣдь, вы ужъ съ меня, дескать, за промѣнъ подороже и берете, а денегъ помельче у меня нѣтъ. Ступайте вотъ къ Рогожкину, онъ васъ развяжетъ“. А Рогожкинъ, сродникъ и благопріятель, опять съ насъ за рязвязку по 1½ копѣечки утягиваетъ. Вотъ этакимъ способомъ съ нашего брата по двѣ шкуры и спускаютъ.

— Ну, а горшокъ съ пшеномъ тутъ при чемъ же?

— А это опять статья особая. Горшокъ обозначаетъ другое. Это, господинъ, насчетъ *третьей части*. У которыхъ скупщиковъ свои лавки есть, тѣ при разсчетѣ третью часть товаромъ выдаютъ, чаемъ тамъ, желѣзомъ, а Портянкинъ вотъ пшеномъ сталъ выдавать. Цѣну-то ставятъ дорогую, а товаръ даютъ самый послѣдній.

— И опять вамъ это легко сообразить и прикинуть въ цѣнѣ.

— Ну, нѣ-ѣтъ. Тутъ ужъ ему приволье, тутъ его не услѣ-

дишь, все одно щуку въ мутной-то водицѣ. Сейчасъ онъ, напримѣръ, чаемъ выдаетъ. Подите-ка, поспросите по Павлову, какой чаекъ, дескать, пьютъ кустари, въ какую цѣну? Все по два рубля, не менѣе-съ. И сами скупщики тоже говорятъ: господами живете. Какая бѣдность! Чаемъ все двухрублевымъ балуетесь! А вы, господинъ, этого чаю и въ ротъ, пожалуй, не возьмете, вотъ онъ намъ какой двухъ-то рублевый достается. Ну, конечно, надоѣстъ. Смекнемъ тоже, начнемъ и сами цѣну выправлять на замкахъ. Глядь, ужъ у него чаю и нѣтъ. „Пшено, говоритъ, ребята, у меня о-отличное“. Ну, отличное не отличное, а все по началу ничего, ѣсть можно. А какъ во вкусъ-то народъ войдетъ, онъ закупитъ гнили, да въ два-три понедѣльника въ народъ и пуститъ. Смотришь, хвораютъ у насъ ребятишки отъ каши, а наконецъ того замѣчаемъ, ужъ и куры отъ этого пшена дохнутъ. Вотъ за это за самое и повѣсили Портянкину горшокъ.

— Для сраму, значитъ,—добродушно пояснилъ изъ кучки какой-то старичокъ съ сѣренькою бородкой и моргающими глазами.

— Вы, Аверьянъ Иванычъ, ему, кажись, сегодня образцы сдали?

— Да, вѣдь, вы вотъ не взяли, — шутливо отвѣчалъ Аверьянъ,—кому жъ мнѣ и сдавать-то?

— Да это что,—какъ-то грустно сказалъ сѣренькій старичокъ, моргая глазами и улыбаясь. — Промѣнъ тамъ или треть—это рѣдкій скупщикъ не пользуется. А, вѣдь, Портянкинъ этотъ прямо отъемомъ еще беретъ.

— Вѣрно, отъемомъ тоже... бываетъ...

— Какъ еще?

— Что вы все какъ да какъ? — рѣзко сказалъ Аверьянъ, нѣсколько сконфуженный раньше моимъ замѣчаніемъ. — Да просто, какъ вотъ на большой дорогѣ,—отнялъ, да и все тутъ.

— Закинетъ товаръ въ кучу,—пояснилъ старикъ,—навалитъ еще на него; потомъ, при разсчетѣ, полтину или семь гривенъ и не додастъ. Какъ такъ? тутъ, молъ, не всѣ.— „Знаю, говоритъ, что не всѣ, да я тебя, подлеца, сколько ждалъ, ты все не шелъ, такъ вотъ штрафъ съ тебя. А ежели, говоритъ, несогласенъ, — пошелъ, бери свой товаръ, да убирайся, мѣста у меня не простаивай“. А гдѣ его разыщешь, въ кучѣ? Да и скупка кончилась. Заплачешь, или обругаешься, да съ тѣмъ и уйдешь.

— А то еще на гуся беретъ,—опять послѣ короткаго молчанія выступилъ старичокъ, и на этотъ разъ на его сѣромъ лицѣ появилось что-то вродѣ улыбки.

— Ну-ну, — подтвердили другіе.

— На гуся, ей-Богу, съ меня взялъ. Съ зятемъ я былъ, съ Тимошей. Разсчиталъ насъ, анъ рубля съ четвертакомъ нѣтъ. Невѣрно, молъ, Семенъ Семенычъ. А у насъ, господинъ, обычай такой, что къ празднику, къ Вознесеньеву дню, гусей мы покупаемъ. Такъ вотъ и говоритъ: гуся я нонѣ купилъ, да гусь-то, говоритъ, поджарай.

Всѣ, даже и самъ старикъ, засмѣялись.

— Поджарай, говоритъ, а цѣну я далъ за него хорошую, полтора рубля. Такъ вотъ на гуся съ васъ теперича я, говоритъ, и отчисляю. Четвертакъ еще вамъ уступки дѣлаю, на бѣдность на вашу.

— Это ужъ не со всякимъ сдѣлаетъ, — сказалъ, протискиваясь плечомъ, низкорослый широкоплечій парень, съ черными сверкающими глазами.—На меня бы, я-бъ ему, подлецу, въ этомъ случаѣ такого гуся показалъ... Съ дураками, господинъ, этакъ-то можно.

— Чего съ дураками!—заговорило нѣсколько голосовъ заразъ.—Самъ больно уменъ. Небось ребятишки пить-ѣсть запросятъ, да какъ на недѣлю-то муки да соли не хвататъ, тутъ и самъ накланяешься.

— Не увидитъ отъ меня этого, — сказалъ парень, поводя своими глазищами, въ которыхъ горѣло выраженіе страшной ненависти.

— А ты послушай, паренекъ, не знаю какъ тебя звать. Я тебѣ скажу присказку,—сказалъ Аверьянъ.—Отхватилъ какъ-то котище ухо у крысы одной. Сѣла крыса въ норѣ и плачется. Какъ тутъ подбѣгаетъ къ ней мышенокъ, да давай надъ ней же смѣяться. „Эка, говоритъ, дд-у-ура! Ухо коту отдала. Да на меня бы, да я бы!..“ Откуда ни возьмись на тѣ слова котище тутъ какъ тутъ. Сцапалъ мышенка въ ротъ цѣликомъ и держитъ въ зубахъ, только хвостикъ мотается. „Что жъ ты, миляга?—говоритъ тутъ крыса изъ норы.—Ты бы, чудачокъ, не дался. Чать, самъ-отъ дороже уха. Ухо мое—куда ни шло...“

Всѣ засмѣялись. Парень плюнулъ и быстро пошелъ прочь. Старичокъ какъ-то передернулъ плечами и прибавилъ со вздохомъ:

— Да, по нашему такъ-то: что смирнѣе, то и лучше.

— Какъ не лучше, извѣстно лучше, — подхватилъ Аверьянъ. — Шелъ какъ-то одинъ по дорогѣ. И попадись тутъ на встрѣчу грабитель: „Давай, говоритъ, пальто“. А мужичокъ этакой же смиренной былъ. Снялъ пальто и говоритъ: „Спасибо, молъ, мнѣ же и легче“. — „Вотъ оно что, — говоритъ

охальникъ.—А я и не зналъ, чѣмъ тебѣ угодить. Такъ скидай же, милый человѣкъ, вдобавокъ, и жилетку...“ Однако, господинъ, пожалуй, и скупкѣ скоро конецъ, а архіерея вы нашего еще не видали. Пойдемъ-ка-те, я вамъ самаго главнаго покажу.

— Это къ Дужкину, значитъ, — сказалъ кто-то въ кучкѣ кустарей, разступаясь, чтобы дать намъ дорогу.—Что-жъ, посмотрите, господинъ. Нонѣ онъ самъ сидитъ.

Мы съ Аверьяномъ пошли внизъ по улицѣ. Сверху, надъ крышами немного свѣтлѣло, вѣтеръ становился пронзительнѣе и изморозь крутилась порывистѣе и сильнѣе.

IV.

Свѣтлое явленіе на Павловской улицѣ.

На одномъ изъ угловъ Стоялой улицы помѣщается винный складъ братьевъ NN. Съ однимъ изъ нихъ я именно и ѣхалъ вчера въ Павлово. Складъ уже былъ открытъ; изъ-за горки съ разноцвѣтными бутылками, выставленными въ окнѣ, яркій огонекъ свѣтилъ на улицу, освѣщая то фигуры проходящихъ, то однѣ снѣжинки изморози, крутившіяся въ темнотѣ.

— Эхъ! Вотъ гдѣ милостивые-то люди живутъ, — услышалъ я за собой тихій возгласъ, когда мы приблизились къ складу.

Я оглянулся съ невольнымъ изумленіемъ. Говорилъ маленькій старичокъ съ острой бородкой и въ женской шали, тотъ самый, у котораго Сенька взялъ на гуся рубль съ четвертакомъ, уступивъ ему четвертакъ на бѣдность. Теперь глаза смиреннаго человѣка умиленно смотрѣли на освѣщенныя окна и стеклянную дверь виннаго склада братьевъ NN.

Я невольно посмотрѣлъ туда же. У прилавка стоялъ мой вчерашній спутникъ, довольно пріятный человѣкъ лѣтъ тридцати, въ пальто и мягкой шляпѣ. Два приказчика, почтительно наклонившись изъ-за прилавка, о чемъ-то разговаривали съ хозяиномъ. Оба были одѣты прилично и обладали спокойными манерами сознающихъ свое достоинство „городскихъ“ сидѣльцевъ. По стѣнамъ стояли рядами бутылки разныхъ цвѣтовъ, величинъ и калибровъ, — каждая за бандеролью,—и вся картина ярко освѣщалась нѣсколькими лампами... Контрастъ съ подвалами скупщиковъ, правда, былъ значительный, но я всетаки продолжалъ съ недоумѣніемъ оглядываться, разыскивая глазами—къ кому бы здѣсь могло относиться названіе милостивыхъ людей...

Не было сомнѣнія—„благодѣтели“ стояли у прилавка виннаго склада, и я испыталъ невольное разочарованіе. Воскли-

ланіе смиреннаго человѣка пробуждало во мнѣ надежду, что, наконецъ, среди этихъ жестокихъ картинъ я наткнулся на „свѣтлое явленіе“. И вдругъ—въ качествѣ свѣтлаго явленія—чуть не кабацкая стойка!

— Вино что ли дешево продаютъ? — спросилъ я не безъ нѣкоторой жесткости въ голосѣ.

Смиренный человѣкъ потупился.

— Бываетъ, конечно, и винишко тоже покупаютъ,—сказалъ онъ своимъ угасающимъ голосомъ, смиряясь еще болѣе...— Тоже когда,—и выпьемъ грѣшное дѣло... Бываетъ это, что говорить напрасно.

Очевидно, мысли смиреннаго человѣка, направились въ сторону „самообличенія“. Но изъ объясненій Аверьяна я понялъ, почему виноторговля братьевъ NN. составляетъ въ Павловѣ „свѣтлое явленіе“,—до извѣстной степени совершенствующее павловскія понятія. Стоитъ, напримѣръ, нѣсколькимъ мастерамъ, „связаннымъ“ однимъ сотеннымъ билетомъ по тому способу, какъ описано выше, зайти въ виноторговлю, и ихъ „развяжутъ“ безкорыстно. Это восхищаетъ мастеровъ, за это косятся торговцы, лишающіеся грошоваго барыша, а главное сознающіе нѣкоторую деморализацію, вносимую этимъ примѣромъ.

— Ужъ мы и то удивляемся,—пояснилъ смиренный человѣкъ.—Возьмите-молъ съ насъ хошь, скажемъ, полтину, мы ничего, мы со всякимъ удовольствіемъ, потому—прочимъ надо отдать полтора, а то и два...

Глаза смиреннаго человѣка улыбнулись и онъ прибавилъ съ радостнымъ изумленіемъ:

— Нѣ-ѣтъ. Не берутъ! Конечно, нижегороцкой народъ образованной! У насъ, говоритъ, не мѣняльная лавка! Есть, говоритъ, въ выручкѣ—размѣняемъ. Нѣтъ —не взыщите! А ни за что деньги брать—это надо самимъ срамиться и хозяина срамить. Мы, говоритъ, не согласны...

Я невольно опять посмотрѣлъ въ окна склада. Въ это время въ лавку вошли двое покупателей,—какой-то молодой человѣкъ въ пальто, вѣроятно изъ торговцевъ, и деревенскій крестьянинъ, пріѣхавшій на базаръ съ возомъ. Младшій приказчикъ съ спокойнымъ изяществомъ обратился къ мужику, который вошелъ первымъ, и, снявъ съ прилавка посуду, подалъ покупателю. Старшій принялъ деньги и выдалъ сдачу.

Все это было мнѣ такъ знакомо и такъ обычно: мало ли приходилось видѣть винныхъ складовъ и магазиновъ съ такими же вотъ сидѣльцами, и такихъ же хозяевъ, вродѣ моего вчерашняго спутника. Но теперь я глядѣлъ на все это

съ павловской Стоялой улицы и все представлялось мнѣ въ какомъ-то новомъ свѣтѣ. Я вспомнилъ разсказы вчерашняго моего спутника о Парижѣ... Теперь самъ онъ казался даже и мнѣ представителемъ какого-то другого міра... Какъ будто, здѣсь, на этомъ самомъ мѣстѣ должно бы, по настоящему, стоять „царское кружало“ временъ по крайней мѣрѣ Алексѣя Михайловича... Эти ряды бутылокъ, обезличенныя, заранѣе обандероленныя и ждущія такого же безличнаго покупателя, эта спокойная вѣжливость вмѣсто хищной настороженности и готовности вступить съ покупателемъ въ ожесточенную борьбу, которая теперь, цѣлымъ рядомъ поединковъ между каждымъ скупщикомъ и каждымъ мастеромъ кипѣла на всемъ протяженіи кустарнаго села,—вотъ что, очевидно, отличало этотъ обильно освѣщенный уголокъ отъ остального Павлова, выдѣляя его изъ общаго фона.

— Ну, идемъ, что ли! — вывелъ меня изъ задумчивости Аверьянъ, не понимавшій, конечно, моего настроенія.—А то опоздаемъ!

И его дюжая фигура нырнула въ темноту. Смиренный человѣкъ, кинувъ умильный взглядъ въ сторону „милостиваго“ учрежденія, послѣдовалъ за нами.

V.

Человѣкъ, соблюдающій свое званіе.

Скупка кончилась. Кустари, сдавшіе образцы, бесѣдовали кучками на улицахъ въ ожиданіи пріемки. У огня Дмитрія Васильевича Дужкина народу было нѣсколько больше, чѣмъ у другихъ. Но и здѣсь, въ освѣщенное пространство то влетали вдругъ цѣлыя кучки темныхъ силуэтовъ, то опять такъ же быстро снимались, и огонь свѣтилъ съ косогора на улицу полнымъ свѣтомъ. По бо́льшей части это приходили мастера, обѣгавшіе уже остальные огни и возвращавшіеся сюда, чтобы отдать за предложенную ранѣе цѣну.

— Ну, вотъ глядите,—сказалъ мнѣ Аверьянъ, осторожно останавливая меня за рукавъ въ затѣненномъ мѣстѣ, куда не хваталъ огонь съ прилавка.

Но въ это время послѣднія фигуры передъ огнемъ опять исчезли и изъ-за прилавка къ намъ повернулось сухое лицо съ вытянутымъ носомъ, тонкими, но широкими и характерно сжатыми губами и небольшою бородкой, странно торчавшею отъ самаго горла. Два черныхъ выразительныхъ глаза уставились въ меня чутко и пытливо. Мнѣ стало неловко отъ этого пристальнаго взгляда, хотя я и не зналъ, дѣйствительно ли онъ видитъ меня въ темнотѣ, или просто повернулся на

шорохъ. Аверьянъ тоже какъ будто смутился. Онъ отодвинулся отъ меня, стянулъ горстью шапку съ головы и выступилъ на свѣтъ.

— Возьмете, что-ль, образцы у меня, Митрій Василичъ?

Въ тонѣ шутника-мастера я не могъ разобрать, заискиваетъ онъ у скупщика или насмѣхается надъ нимъ. Можетъ быть, даже—для меня онъ насмѣхался, для того, къ кому обращался,—заискивалъ.

Голова на тонкой шеѣ повернулась къ нему, въ него уставились черные глаза, глубокіе и страстные, и скупщикъ сказалъ сдержанно и сухо:

— Проходите мимо, не требуется.

И опять съ какою-то странною торопливостью, точно два насторожившіеся звѣрька, глаза его перебѣжали въ мою сторону.

Аверьянъ отошелъ, почесывая въ затылкѣ, между тѣмъ какъ къ прилавку опять подходили рабочіе.

— Сердится все, вотъ ужъ которую недѣлю, — говорилъ онъ мнѣ, останавливаясь невдалекѣ и озабоченно оглядываясь назадъ. Было замѣтно, что гнѣвъ этого человѣка съ лисьимъ лицомъ и острыми глазами безпокоилъ даже беззаботнаго Аверьяна.

— Ну, да намъ тоже больно-то и наплевать. Не привыкать намъ, Щетинкинымъ, къ ихнему гнѣву.

Онъ тряхнулъ головой и прибавилъ уже съ прежнимъ веселымъ оттѣнкомъ въ голосѣ:

— Отца-покойника годовъ десять и къ прилавку не допускалъ.

— За что?

— Все за языкъ. Больно говорить востры Щетинкины эти, зубасты. Покорность любитъ... Меня, говоритъ, мастерствомъ не удивишь, я, говоритъ, себѣ изъ послѣдняго мужика мастера сдѣлаю, а лучшаго мастера ни въ грошъ поставлю. У меня своя наука... Да,—сказано Дужкинъ, такъ Дужкинъ и есть... Гнетъ не паритъ, сломаетъ—не жаль. А ужъ ежели черезъ руки его прошелъ, такъ весь вѣкъ изъ его рукъ и смотритъ. И то сказать,—прибавилъ кустарь со вздохомъ,—нашего брата не научи, мы и хлѣба, пожалуй, ѣсть не станемъ.

— Такъ вы бы, Аверьянъ Иванычъ, языкъ попридержали... Пошли бы тоже въ науку...

— То-то вотъ, говорилъ разъ гусь свиненку: почетъ нашему брату, сказываютъ, на барскій столъ на блюдѣ носятъ. А свиненокъ и отвѣчаетъ: тебѣ пускай почетъ, а ужъ мы таковскіе, и въ грязи поваляемся. Отецъ-покойникъ, бывало, въ

сердитый часъ примется меня трепать. „Оверька, говоритъ, каторжный! Когда я тебя проклятаго научу, чтобы ты хорошимъ господамъ уважилъ? Держи, подлая душа, языкъ за зубами“. А я ему: „Ладно, батюшка. Этакъ же, читалъ я въ книжкѣ, училъ старый ракъ своего подросточка: „Что ты, окаянный, все задомъ пятишься? Ступай передомъ“.—„Ну, молъ, тятенька, прогуляйся сколько-нибудь самъ, а я ужъ за тобой, не отстану“... Самъ таковскій былъ. Самъ сколь, бывало, ни укрѣпляется, все не выдержитъ. Разъ было совсѣмъ въ милость къ Митрію Василичу попалъ. А, наконецъ, затянулъ-таки словцо... на десять лѣтъ послѣ того къ Дужкину и ходу не было.

— Что же такое онъ сказалъ?

— Приноситъ разъ образцы. Такъ и такъ, Митрій Василичъ, возьмите-ка замочковъ.—„Ладно, молъ, Иванъ Елистратычъ. А какъ цѣна?“—„А вотъ какъ,—отецъ отвѣчаетъ,—по семи гривенъ“. — „Нѣтъ, дорого, нонѣ на двугривенный меньше“.—„Невозможно, молъ. Мнѣ обида, а вамъ, пожалуй, много лишку этакъ сойдетъ“. Ну, это еще ничего. Только на это слово Митрій Василичъ и скажи поученіе: „Вы, говоритъ, мастера и все этакъ: торговецъ грабитъ, торговецъ лишку беретъ! А того не сообразите, что торговцу побольше вашего и требуется“.—„Это какъ?“—отецъ спрашиваетъ. А, между тѣмъ, народу кругъ прилавка много...—„А вотъ какъ,—говоритъ Митрій Василичъ:—отвѣчай по правдѣ: ты за сколько душъ подати несешь?“—„Ну, молъ, за три, что дальше-то?“—„И тѣ, небось, въ недоимкѣ?“—„Въ недоимкѣ, молъ, не потаю“.—„А я за пятнадцать вношу въ правленіе полностью и недоимки на мнѣ не бывало. Что ты скажешь на эти слова?“

У отца борода торчкомъ стала, да самъ, всетаки, боится отвѣтить.

— Вотъ что, говоритъ, Митрій Василичъ, сказалъ бы я тебѣ слово, да ты разсердишься.

— Не осерчаю.

— Апъ осерчаешь!

— Говорятъ, не осерчаю.

— Побожись?

Побожился при народѣ. Потому что,—человѣкъ на счетъ слова любопытенъ до крайней степени.

Ну, отецъ и говоритъ:

— Умный ты человѣкъ, а на этотъ разъ я тебѣ отвѣтить могу. Теперь я стану спрашивать, а ты отвѣчай...

— Ну, молъ, хорошо. Я тебѣ завсегда отвѣчу.

— Много ль годовъ ты у меня замки покупаешь?

— Да лѣтъ, молъ, съ десятокъ будетъ.

— Такъ. Двѣ части даешь деньгами, а третью желѣзомъ изъ лавки?

— Вѣрно.

— Почемъ желѣзо ставишь?

— По рублю по восьми гривенъ.

— А самъ по многу ли въ Нижнемъ покупаешь?

Замялся маленько Митрій Василичъ,—видитъ, куда дѣло-то клонитъ. Да ужъ тутъ весь народъ вступился. Нѣтъ, молъ, Митрій Василичъ, подрядился отвѣчать, такъ держи отвѣтъ по уговору.

— Ладно, молъ,—отецъ говоритъ,—хоть говори, хоть не говори, сами знаемъ: по восьми гривенъ стоитъ тебѣ съ провозомъ. По рублю лишку тебѣ съ меня на каждомъ пудѣ сходитъ. Ну-ка, прикинь на счетахъ, сколько тебѣ съ меня за десять-то лѣтъ сошло? Вотъ мои и подати, тебѣ я ихъ вношу полностью, а въ правленіе еще не донесъ.

Промолчалъ, только еще желтѣе сталъ. Да десять годовъ послѣ этого отца къ прилавку и не допускалъ... Вонъ онъ какой, Дужкинъ, Митрій Василичъ. И замѣтьте: съ того ли отцова слова, съ другого ли чего, а только промѣну не сталъ брать, ни изъ третьей части не торгуетъ. Купитъ, деньги отдастъ, въ разсчетѣ никогда не обидитъ. На это, нечего говорить, аккуратенъ.

Онъ помолчалъ и прибавилъ:

— Званіе свое соблюдаетъ! Скупщикомъ не велитъ звать. „Торговецъ павловскаго издѣлія“... Самъ срамниковъ не одобряетъ. „Безтолковые, говоритъ, выгоды на грошъ, а, между прочимъ, сословіе срамятъ“.

VI.

Одна изъ формъ павловскаго кредита.

— Однако, господинъ, прощенья просимъ. Мы тутъ съ вами болтаемъ, а люди уже и товаръ сдаютъ. Вонъ ужъ и Портянкинъ огонь погасилъ. Идти надо.

— Рано еще, гляди,—сказалъ смиренный человѣкъ.—Чай еще станутъ по домамъ пить...

— Чего рано тебѣ!—раздался вдругъ около насъ бойкій женскій голосъ.—Чего тебѣ рано, тебѣ все рано!.. Только вотъ стоять на улицѣ, да зубы скалить. Ну, ну, пошевеливайся! Сдалъ, что ли, образцы-то?

И, какъ это обыкновенно бываетъ, слишкомъ бойкая жена слишкомъ смиреннаго мужа, протиснувшись плечомъ между мной и Аверьяномъ, схватила смиреннаго человѣка за рукавъ и стала теребить изъ стороны въ сторону.

— Сдалъ, что ли, образцы-то? Говори, говори, мучитель!..

— Сдалъ.

— Весь товаръ продалъ?

— Весь.

— Ну, слава-те Господи, Владычица небесная!.. Что-жъ ты торчишь, коли такъ? Ступай, ступай... Къ Овсянкину еще надо...

— Да, ты того... Аннушка,—ропталъ смиренный человѣкъ, слегка упираясь.—Еще настоишься на холоду, что ты, Богъ съ тобой, торопишься?

Аверьянъ, съ большимъ вниманіемъ наблюдавшій эту сцену, толкнулъ меня локтемъ.

— Эй, тетка!—крикнулъ онъ вслѣдъ расходившейся бабенкѣ.—Много ли подъ тебя Овсянкинъ даетъ, подъ этакую бойкую?

— Да ужъ много ли, нѣтъ ли,—обернулась баба, скаля бѣлые зубы и не выпуская въ то же время изъ рукъ покорнаго мужа,—а все мы чего-нибудь стоимъ, бабы-те. Васъ, вотъ, небось, пьяницъ и въ залогъ не принимаютъ.

— Закладывать бабу повелъ,—мотнулъ головой Аверьянъ въ сторону удалявшейся пары.

И онъ объяснилъ мнѣ, въ чемъ дѣло.

Въ одинъ изъ прошлыхъ базаровъ смиренному человѣку не удалось сдать свой товаръ за сколько-нибудь подходящую цѣну. На этотъ случай въ Павловѣ есть два-три благодѣтеля, готовые выручить человѣка за скромное вознагражденіе въ размѣрѣ 2% въ недѣлю. Одинъ изъ такихъ благодѣтелей, Овсянкинъ, къ которому сейчасъ направились супруги, оказалъ кредитъ смиренному человѣку, конечно, подъ обезпеченіе того же непроданнаго товара. Теперь, сдавъ образцы, мастеру предстоитъ взять товаръ у ростовщика, сдать его скупщику, получить деньги и расплатиться со своимъ кредиторомъ. Но такъ какъ кредиторъ, очевидно, не пользуется особеннымъ довѣріемъ благодѣтеля, то послѣдній не отдаетъ ему товара, пока не получитъ долга. Изъ этого безвыходнаго положенія павловская практика нашла, всетаки, выходъ: смиренный человѣкъ оставляетъ подъ залогомъ... свою законную супругу, которая дожидается на холоду, у крыльца ростовщика, пока мужъ сдаетъ товаръ и разсчитывается съ скупщикомъ.

— Этакой-то залогъ еще вѣрнѣе,—прибавилъ Аверьянъ.—Поди-ка онъ теперь, замѣшкайся или напаче—въ кабакъ,—сохрани Господи,—заверни! Да она ему, на холоду-то настоявшись, голову за этакое дѣло сорветъ. Что, небось, госпо-

динъ, вамъ это удивительно?—спросилъ Аверьянъ, поглядывая на меня исподлобья иронически прищуренными глазами.— Я чаю, въ прочихъ мѣстахъ вы про этакое дѣло и не слыхивали?

На этомъ мы распрощались съ Аверьяномъ. Онъ отправился къ Портянкину, а я пошелъ на свою квартиру, на постоялый дворъ. Совсѣмъ ужъ разсвѣло, хотя солнце всходило неизвѣстно гдѣ, за туманными холодными облаками. Я былъ уже на лѣстницѣ, по которой съ такимъ трудомъ взбирался ночью, когда надъ Павловымъ раздался первый хриплый ударъ большого колокола.

Мои нервы были напряжены частью отъ безсонницы, частью отъ зрѣлища этихъ своеобразныхъ формъ кустарнаго быта, такъ свободно распускающихся на павловской почвѣ, на ряду съ цвѣтками въ „собственныхъ садикахъ“ кустарей. Поэтому я быстро взбѣжалъ наверхъ, разыскалъ свою дверь и, отказавшись отъ самовара, кинулся на диванъ въ опустѣвшей комнатѣ, гдѣ ночью спали валенщики. Мнѣ хотѣлось тотчасъ же заснуть, пока еще въ голову не полѣзли назойливыя мысли обо всемъ, что я только что видѣлъ.

Но, едва успѣвъ задремать, я опять внезапно проснулся, какъ будто кто назвалъ меня по имени.

Въ комнатѣ, тщательно прибранной послѣ ночного безпорядка, было совершенно тихо. Тикали часы, гдѣ-то за дверями женщина убаюкивала ребенка, напѣвая вполголоса пѣсню. Очевидно, меня старались не безпокоить; тѣмъ не менѣе, я понялъ, кто меня разбудилъ отъ начинавшейся дремоты: удары большого колокола одинъ за другимъ глухо толкались въ тусклыя окна, и стекла въ старыхъ рамахъ какъ-то жалобно звенѣли въ отвѣтъ.

Я зарылся съ головою въ подушки. Но и тутъ какъ будто отъ стѣнъ или откуда-то изъ-подъ полу все бухали надтреснутые, больные звуки.

И вмѣстѣ съ ними въ головѣ толпились фигуры, сцены, разговоры скупки, толпились безпорядочно и назойливо, какъ это бываетъ въ безсонницу. И, наконецъ, какъ это тоже бываетъ иногда, я пришелъ къ неожиданному, но вмѣстѣ неотразимому заключенію, состоявшему въ томъ, что мнѣ необходимо познакомиться съ Дмитріемъ Васильевичемъ Дужкинымъ.

VII.

Легенды о благодѣтельныхъ скупщикахъ.

Мы видѣли, какъ балагуръ Аверьянъ объяснялъ происхожденіе скупщицкаго сословія: первый огонекъ въ первомъ скупщицкомъ подвалѣ зажженъ врагомъ человѣческаго рода,

который теперь, въ холодныя зимнія утра, послѣ воскресенья, простираетъ надъ скупкой свои темныя крылья, смотритъ на смятенныя павловскія улицы, на которыхъ мечется испуганный народъ, на огни у входовъ въ подвалы, слушаетъ взаимные покоры и проклятья, любуется дѣломъ жадности, вражды и раздора, плодами своей выдумки. А надоѣстъ на улицы любоваться—взмахнетъ лукавый темными крылами, летитъ на Троицкую, на Семенову гору, гдѣ въ домахъ тускло свѣтятся всю ночь огоньки, гдѣ напуганныя бабы ожидаютъ мужей, гдѣ у домовъ благодѣтелей-закладчиковъ дрожатъ заложенныя дѣти...

Одинъ павловскій старожилъ, человѣкъ, стоящій по уму и развитію выше кустарной массы, разсказывалъ мнѣ эту исторію болѣе реально:

— Былъ въ давніе годы въ Павловѣ Бѣлозеровъ, знаменитый по округѣ боѐсъ *). А въ то время въ Павловѣ жили свободно, больше достатковъ было, и веселились больше, утѣшаясь кочетиными да кулачными боями. А за замками покупатели наѣзжали изъ Москвы и изъ другихъ мѣстъ сами; замокъ былъ въ цѣнѣ, за мастерами покупатели ухаживали: пожалуйста, молъ, сдѣлай ножей или замочковъ. „А сколько тебѣ, добрый человѣкъ, надобно?“—„Да дюжинъ, что ли, хоть двадцать“.—„Что больно много? Будетъ тебѣ половину, другимъ тоже нажить сколь-нибудь надобно...“ Вотъ какъ, по преданію, тогда разговаривали мастера. Наѣзжали московскіе купцы въ Павлово, хлѣбъ-соль съ мастерами водили, и между прочимъ уважали кулачные бои. Любитъ московскій купецъ хорошую „стѣнку“. Бѣлозерова они полюбили и стали выписывать въ Москву. А потомъ одинъ купецъ, Егоровъ, и научилъ любимца: покупай павловскій товаръ, да вози сюда. Онъ и сталъ покупать. Давно это было, еще до француза. Послѣ француза кинулись за Егоровымъ другіе... И долго фамилія Бѣлозеровыхъ стояла во главѣ павловской скупки...

Какъ бы то ни было, вскорѣ послѣ того, какъ одинъ за другимъ загорѣлись скупщицкіе огни, почувствовали павловцы, что гдѣ-то и въ чемъ-то дали они крѣпкаго маху. Исчезъ отъ ихъ глазъ покупатель, пересталъ появляться въ Павловѣ, заслонили его стѣной свои доморощенные „скупщики“, и быстро надъ деревянными домами поднялись каменныя палаты... Пожаръ отъ мелкихъ искръ, разлетѣвшихся съ Семеновой горы, разливался все шире и шире, ставились горны, укрѣплялись тиски, и пилы заводили свою скрипучую пѣсню

*) „Боецъ“—особенность павловскаго говора.

по деревнямъ, по селамъ, по мелкимъ поселкамъ. Забыли кустари то время, когда покупатели наѣзжали къ нимъ, и кланялись, и просили. Теперь сами они слетались уже на огни скупщиковъ, какъ слѣпыя мухи на пламя свѣчки...

И всѣ свои невзгоды мастеръ олицетворяетъ въ скупщикѣ. Далекій рынокъ, съ его мѣняющимися настроеніями, съ его колеблющимся спросомъ, безличный, безстрастный и стихійный, какъ океанъ, исчезъ отъ глазъ. Между нимъ и кустарнымъ селомъ стала фигура сосѣда, скупщика, юркаго, пронырливаго, вѣчно насторожѣ, готоваго воспользоваться малѣйшимъ промахомъ, неудачей, нуждой... Онъ явился для Павлова представителемъ того процесса россійской коммерціи, которая давно уже выработала извѣстное правило: „не обманешь — не продашь“.

Кустарная масса помнила, что тамъ, назади, гдѣ-то недалеко, оставлена какая-то возможность иного „мірского“ уклада. Такъ, порой, когда дорога впереди становится все уже и неудобнѣе, сбившійся путникъ смутно вспоминаетъ, что недавно было распутье, и начинаетъ догадываться, что онъ выбралъ не то направленіе. Но вернуться уже трудно... Масса темна, мудрено ли, что всѣ свои бѣды безъ исключенія она тотчасъ же приписала скупщику.

На берегу Оки, спускаясь своимъ грузнымъ подножьемъ къ самой водѣ, стоитъ огромное бѣлое зданіе, состоящее изъ двухъ корпусовъ, связанныхъ поперечною галлереей. Балконы этого дома свѣсились на рѣку, а нижняя часть безъ оконъ, съ тяжелыми воротами, приспособлена какъ будто къ защитѣ отъ какихъ-то нападеній, можетъ быть, отъ нападеній весенняго половодья, когда волны буйно плещутся въ стѣны, а, можетъ быть, и отъ чего другого... Отъ зданія вѣетъ стариной, грузною основательностью, презрѣніемъ къ пустымъ украшеніямъ и какою-то мрачною опасливостью... Не строятъ теперь такихъ палатъ павловскіе богачи, и старинное хмурое зданіе какъ будто посмѣивается надъ вычурною претенціозностью сосѣднихъ новѣйшихъ построекъ съ башенками и лѣпными карнизами.

Теперь павловскіе старики смотрятъ на эту старинную хоромину и вздыхаютъ...

Это—акиѳьевскія палаты. Богаты и славны были Акиѳьевы и высились надъ всѣми остальными богачами, какъ высится теперь надъ селомъ ихъ старинное жилище. Много молотковъ стучало, много работало горновъ, и пилъ, и рукъ мастерового народа, созидая это богатство. По Павлову и окрестностямъ, говорятъ, ходили даже акиѳьевскія деньги, и не помнятъ

теперь стариковъ Акиѳьевыхъ иначе, какъ добрымъ словомъ: „Вотъ были скупщики, вотъ были коренные благодѣтели народу!“ При комъ стояли высокія цѣны?—при Акиѳьевыхъ. Кто расплачивался съ мастеровыми, не утягивая трудовыхъ копѣекъ? — Акиѳьевы! Кто помогалъ въ нуждѣ мастерамъ, „подошедшимъ“, какъ говорятъ въ Павловѣ, отъ болѣзни, пожару или иного невзгодья?—все они же, Акиѳьевы! Когда въ голодный годъ торговцы стакнулись и подняли цѣну на муку до рубля 15 копѣекъ, Акиѳьевы выписали изъ дальнихъ мѣстъ огромную партію хлѣба и пустили ее на базаръ. Акиѳьевы рубль — и торговцы, хочешь не хочешь, до рубля подаются. Акиѳьевы 85, торговцы тоже 85. Догналъ старикъ такимъ способомъ цѣну до шести гривенъ. „Ну, молъ, теперь, ребята, сами покупайте“.

Вотъ какими рисуетъ Акиѳьевыхъ народная память, когда Акиѳьевы отодвинулись въ прошлое.

На Троицкой кручѣ, которую я описывалъ уже въ началѣ моихъ очерковъ, нѣсколько разъ впослѣдствіи приходилось мнѣ сидѣть въ тихіе вечера со стариками-мастеровыми. Съ Троицкой кручи хорошо смотрѣть на село, на рѣку, на дальнія села и на синіе лѣса, дремлющіе въ дальнихъ туманахъ... Хорошо отсюда старикамъ смотрѣть своими тусклыми глазами и вглубь воспоминаній. И, прежде всего, эти воспоминанія останавливаются на бѣломъ акиѳьевскомъ домѣ.

— Выйдетъ, бывало, старикъ на крылецъ, на ту вонъ галдарейку, что надъ водой свѣсилась, выйдетъ Божій старичокъ раннимъ утречкомъ... А вдоль по берегу, вонъ туда далеко, до самой Дальней кручи все его полѣнницы дровъ лежали... „Погляди, говоритъ, Аннушка,—а хозяйку его Анной Митревной звали, — погляди: вонъ птички Божьи мою пшеничку клюютъ“. Хе-хе-хе! Птички Божьи—это людишки, бѣднота павловская дровишки у него грѣшнымъ дѣломъ потаскиваютъ. Ничего! Только съ телѣгой не ѣзди, а на рукахъ волоки... не препятствовалъ... Птички, говоритъ, небесныя...

А, между тѣмъ, въ свое время не было зданія, которое павловцы разнесли бы съ такимъ удовольствіемъ, какъ акиѳьевскія палаты... Жаль, что у насъ на Руси прошлое такъ быстро исчезаетъ изъ глазъ и стирается въ памяти. Теперь только смутные обрывки устныхъ преданій объ этой борьбѣ, первой борьбѣ кустарной массы съ первымъ напластованіемъ скупщицкаго сословія, носятся въ туманѣ прошлаго... А, между тѣмъ, было это не такъ давно: не далѣе тридцатыхъ годовъ XIX столѣтія. Однако, все же сохранились еще нѣкоторые эпизоды этой исторіи павловскаго раз-

дора. Вспоминаютъ старики о томъ, какъ Флягинъ, Черниковъ, Цвѣтовъ и еще нѣсколько павловцевъ, наиболѣе рѣшительныхъ представителей бѣдноты, во главѣ съ умнымъ и настойчивымъ Капустинымъ, дерзновенно ворвались въ акиѳьевскія палаты, вымѣряли всѣ стѣнки, описали мебель, имущество и промысла всѣхъ богачей и представили все это въ помѣщичью контору... Было это во времена крѣпостного права. Говорятъ, что помѣщикъ убѣдился этими своеобразными жалобами оскорбленнаго міра на нарушеніе равненія, и Акиѳьевымъ, Балашевымъ, Емельяновымъ, Рябининымъ грозила бѣда, если бы не заступилась контора, которую скупщики купили. Дѣло на этотъ разъ повернулось на сторону богатѣевъ, а семеро самовольныхъ приставовъ, производившихъ „буйственнымъ и непорядочнымъ обычаемъ“ опись, попали даже въ арестантскія роты.

Но примѣръ былъ показанъ, и за первой волной двинулась другая. Эта была спокойнѣе, ровнѣе, тише и подкатилась незамѣтно, но за то вѣрнѣе...

На этотъ разъ за Акиѳьевыхъ принялись другіе слои павловскаго общества. Это были крупные мастера и богатые торговцы, остававшіеся крѣпостными, а значитъ, и членами павловскаго міра, между тѣмъ какъ Акиѳьевы давно выкупились и приписались къ нижегородскому купечеству. Можетъ быть, тутъ были и тѣ самые торговцы мукой, съ которыми боролись Акиѳьевы, можетъ быть, просто маленькіе капиталы рвались на просторъ изъ-подъ давленія крупныхъ, какъ бы то ни было, новые враги Акиѳьевыхъ соединились съ бѣднотой, взяли на себя ея дѣло.

И пошли по Павлову новые раздоры, забухало кустарное село новымъ междоусобіемъ. Акиѳьевскія палаты представляли изъ себя нѣчто вродѣ уединеннаго форта въ обширномъ городѣ, занятомъ непріятелемъ, а такъ какъ стоялъ онъ на куплепной землѣ, то павловскій міръ рѣшилъ: лишить скупщиковъ воды и не подпускать никого изъ палатъ къ берегу... Взвыли Акиѳьевы, взвыли сродники ихъ Долгановы, и Рябинины, и Емельяновы, а міръ, подбиваемый Бѣлозеровыми, Личковыми, Калякиными, стоялъ на своемъ: вдоль берега Оки разставлены были міряне съ крѣпкими дубинами и гоняли отъ воды скупщицкихъ людей. Присмирѣли богатыя палаты. Темною ночью, украдучись, ползкомъ пробирались ихъ люди съ кувшинами къ рѣкѣ и быстро убѣгали въ раскрытыя на тотъ случай ворота... Но воды, добываемой такимъ образомъ, не хватало. Надумали тогда отправлять свою бочку далеко, на Дальнія кручи, за границы села, гдѣ никто не въ правѣ

былъ воспретить имъ подъѣздъ къ рѣкѣ. Тогда міръ рѣшилъ не допускать провозъ воды по улицамъ. И вотъ, однажды, когда Долгановъ самъ везъ лагунъ воды для своихъ домочадцевъ, павловцы напали на него, опрокинули лагунъ и вылили воду... Приведенный въ отчаяніе, Долгановъ кинулся на колокольню и ударилъ въ большой колоколъ... И забухало Павлово сплошнымъ набатнымъ звономъ... Надѣялся, должно быть, Долгановъ поднять одну половину міра на другую, разсчитывая на самую бѣдноту, которую задабривали подачками, ворованными дровишками и дешевымъ хлѣбомъ. Но напрасно гудѣлъ съ Троицкой кручи отлитый Акиньевыми же колоколъ: по улицамъ бушевала враждебная гроза, а робкая бѣднота оставалась въ домахъ.

Въ сороковыхъ годахъ, наконецъ, Акиньевы уступили, и такъ называемые „купцы“ покинули или, вѣрнѣе, были выселены изъ Павлова. Уѣхали Акиньевы и ихъ сродники, а на прощаніе Емельяновъ сказалъ павловцамъ:

— Вспомните насъ, дураки! Для этого дѣла нужны руки, да головы, да еще капиталы. Руки у васъ остаются, а головы и капиталы унесемъ мы съ собою изъ вашего села въ другія мѣста.

Вздохнули павловскіе міряне, но... замки и ножи надо было, всетаки, продавать, а рынокъ, разросшійся широко, какъ море, былъ незнакомъ и далекъ отъ павловцевъ, такъ же, какъ море. И тотчасъ изъ среды того же міра поднялся на очищенномъ мѣстѣ новый скупщицкій слой.

Увидали павловцы, что промѣняли кукушку на ястреба. Акиньевы были уже сыты. А теперь на ихъ мѣстѣ закипѣла жадная, неотъѣвшаяся еще толпа, освобожденная отъ акиньевской конкурренціи и принявшаяся за то же дѣло. Далеко назади осталось распутье, гдѣ еще была возможность сохранить цѣльность мірского уклада. Павловскій кустарный міръ куётъ, рубитъ, строгаетъ и слаживаетъ замокъ за замкомъ отъ зари до глубокой ночи... Но куда этотъ замокъ поплыветъ, въ какія земли, къ какимъ народамъ, про то кустарь не знаетъ...

И забухало Павлово новою усобицей и новою враждой. А такъ какъ къ тому времени, вдобавокъ, кустарный пожаръ разлился еще шире, и въ разныхъ городахъ замокъ столкнулся съ замкомъ, и ножъ встрѣтился съ ножомъ, и стало имъ все тѣснѣе, то кустарь эту усилившуюся невзгоду опять отнесъ цѣликомъ насчетъ новой перемѣны. Новые богатѣи опостылѣли пуще прежнихъ, а къ прежнимъ несутся сочувственные вздохи... „Были коренные благодѣтели!..“

Нѣкоторые древніе старики вспоминаютъ еще и теперь,

какъ въ ихъ молодые годы ходили по домамъ акиѳьевскіе клевреты и тихо, озираясь, повѣщали бѣдноту, что пріѣхалъ Николай или Василій Алексѣевичи,—шли бы ночью къ акиѳьевскимъ палатамъ. Бабы брали саночки и, будто за даровыми дровишками или щепой, прокрадывались къ рѣкѣ. Тутъ, на льду, межъ пустыми зимующими барками, какъ воры или контрабандисты, прикрывшись рогожами, чтобы не выдалъ ихъ огонекъ, принимали бывшіе владыки павловскаго рынка замки и ножи, прибавляя противъ цѣнъ, уставленныхъ новыми скупщиками. Кустари кланялись и вздыхали, проклиная „смутьяновъ“.

Нигдѣ въ такой мѣрѣ не сохранился прежній характеръ нашихъ старинныхъ городовъ и пригородовъ, какъ въ этомъ кустарномъ селѣ, чѣмъ-то древнимъ вѣетъ на васъ въ этихъ узкихъ и кривыхъ улицахъ, отъ этихъ мрачныхъ палатъ, отъ этого рѣзкаго дѣленія на „бѣдноту“ и „богатѣевъ“, которое вы встрѣчаете здѣсь на каждомъ шагу. Такъ и кажется, что попалъ въ семнадцатое или даже шестнадцатое столѣтіе... Загудитъ вдругъ набатный колоколъ, и подымется „конецъ“ на „конецъ“, улица на улицу, гора на гору...

Настоящая старина, съ голытьбой и богачами, съ самодурствомъ, съ наивно-грабительными пріемами торга и даже съ кабалой... Только та старина была своевременная, такъ сказать, свѣжая. А въ Павловѣ старина залежавшаяся, затхлая, сохранившаяся какимъ-то случаемъ въ затѣненной ямѣ. Съ павловской улицы и нижегородская виноторговля кажется чѣмъ-то вродѣ свѣтлаго явленія...

Еще нѣсколько эпизодовъ изъ прошлаго.

VIII.

Изъ новой исторіи.

Пришли шестидесятые годы, приближалась воля.

Въ одной изъ узкихъ павловскихъ улицъ, позади собора и варыпаевскихъ палатъ, построенныхъ въ „патріотическомъ“ стилѣ послѣдняго времени и украшенныхъ золотыми орлами, есть небольшой каменный домикъ, старинной, грузной и основательно-неуклюжей стройки, съ деревяннымъ флигелемъ на улицу. Совершенно случайно пришлось мнѣ узнать, что этотъ домикъ, ничѣмъ особеннымъ не кидающійся въ глаза, отличающійся одинаково какъ отъ претенціозныхъ „палатъ“ богачей, такъ и отъ деревянныхъ лачугъ кустарной массы, игралъ когда-то въ исторіи Павлова хотя не громкую, но своеобразную роль.

На стѣнѣ во флигелѣ, гдѣ теперь живетъ вдова его бывшаго владѣльца, умершаго въ 1879 или 80-мъ году, виситъ его портретъ: чрезвычайно интеллигентное лицо, мыслящій взглядъ, черты мягкія и нѣсколько расплывчатыя, — такова была наружность павловскаго крѣпостного крестьянина Елагина. На полкахъ, покрытыя пылью, лежатъ его книги. Я развернулъ нѣсколько изъ нихъ,—это были: „Новая Элоиза“, „Духъ законовъ“. А на стѣнѣ, рядомъ съ портретомъ Елагина, среди старинныхъ гравюръ, изображающихъ эпизоды изъ „Павла и Виргиніи“, висѣлъ прекрасно исполненный портретъ Роберта Оуэна...

Своеобразная исторія этого крестьянина кустаря, читавшаго Руссо и Вольтера, преклонявшагося передъ Оуэномъ, уходитъ отъ насъ и какъ-то сразу покрывается полнымъ мракомъ. Его бумаги, которыхъ было много, разошлись, какъ кажется, по лавкамъ, съ вѣсовымъ хлѣбомъ и селедками, его сынъ уѣхалъ куда-то въ Америку и тамъ умеръ... И память его живетъ еще только въ сердцѣ простой малограмотной женщины, которая вышла за вдовца Елагина еще очень молодой и теперь среди нужды тяжелыхъ будней съ грустью и нѣкоторымъ благоговѣніемъ вспоминаетъ о томъ, что цѣлая полоса ея жизни прошла рядомъ съ другою жизнью, непонятною и далекою отъ ея настоящаго.

Просты, безхитростны и слишкомъ скудны ея разсказы. Я узналъ изъ нихъ, что у Елагина былъ въ Павловѣ кружокъ единомышленниковъ, съ которыми онъ дѣлился, въ глухую полночь крѣпостного рабства, своими мечтами о волѣ. Они уходили изъ Павлова, на дальнія кручи, въ лѣса и овраги, окружавшіе Павлово, — читали и слушали страстныя, запрещенныя рѣчи. Здѣсь они читали и обсуждали первыя вѣсти о волѣ, занимавшейся дальнимъ еще разсвѣтомъ надъ Россіей. На Руси давно уже пѣли пѣтухи и занималась заря, но въ павловской глухой ямѣ стояла еще тьма, и самыя газеты считались чѣмъ-то предосудительнымъ и запрещеннымъ.

Но воля, всетаки, подошла, озарила она и недоумѣвающее Павлово... Елагинъ вынулъ изъ тайниковъ свои книги, а его запрещенныя рѣчи стали раздаваться свободно. Въ маленькомъ бѣломъ домикѣ собирался теперь по вечерамъ небольшой елагинскій кружокъ, здѣсь обсуждались новые вопросы, вытекавшіе изъ новаго положенія, читались газеты... Свѣтъ изъ елагинскихъ оконъ свѣтилъ далеко за полночь на темную улицу, и долго, вызывая недоумѣніе въ запоздалыхъ прохожихъ, неслись неяснымъ жужжаніемъ горячіе споры. А

на утро новыя вѣсти, новые взгляды и мнѣнія расходились по селу, возвѣщая о томъ, что старое кончилось...

Ближайшими членами елагинскаго кружка были, между прочимъ, Ѳедоръ Михайловичъ Варыпаевъ и Николай Петровичъ Сорокинъ, два человѣка, которымъ вскорѣ суждено было занять видное мѣсто въ исторіи павловскаго буханья. Тогда это были два единомышленника и друга. Вскорѣ имъ суждено было сдѣлаться смертельными врагами...

Ѳедоръ Михайловичъ Варыпаевъ, членъ когда-то извѣстной въ Павловѣ, но потомъ обѣднѣвшей семьи, началъ карьеру за замочнымъ станкомъ, съ молоткомъ и пилою въ рукахъ. За одно съ бѣднотой онъ всю недѣлю стучалъ и пилилъ отъ зари до зари, а въ понедѣльникъ, съ кошелемъ за спиною, метался отъ прилавка къ прилавку, пробираясь къ огнямъ... Лукавый „заводчикъ“, ширяя въ темные часы надъ скупкой, видалъ въ толпѣ метавшихся людишекъ также и эту могучую фигуру, и ненависть къ скупщикамъ осталась въ ней на всю жизнь.

Послѣ долгихъ лишеній, тяжелой борьбы, можетъ быть, униженій, Вырыпаевъ пробился на дорогу. Благодаря уму, вкрадчивости и энергіи, ему удалось завязать непосредственныя сношенія съ Москвою. „Ахъ, подлецы, ахъ, подлецы! — говорилъ по этому поводу скупщикъ Бѣлозеровъ.—Этакъ они скоро съ Америкой пересылаться начнутъ!“ Посягательство Варыпаева скупщики сочли посягательствомъ чуть ли не на божественный порядокъ.

Но дѣлать уже было нечего,—Варыпаевъ ускользнулъ отъ ихъ вліянія; его мастерская расширилась, потомъ разрослась въ фабрику; онъ вывелъ свою ладью на широкую воду и въ этой ладьѣ увезъ съ собою на просторъ свою ненависть и стремленіе къ мести. Рослый, широкоплечій богатырь, онъ обладалъ неопредѣленнымъ, высматривающимъ и, въ то же время, ласкающимъ взглядомъ, изъ-за котораго порой только, точно изъ-за мглистой тучи, сверкала неожиданная молнія, и тихимъ, почти дѣтскимъ голосомъ, въ которомъ, однако, чувствовалась возможность угрожающихъ нотъ... Говорилъ онъ мало, сдержанно, неохотно.

Очень скоро кустарная бѣднота почуяла въ его сердцѣ отголоски своей ненависти и намѣтила его, какъ своего будущаго избранника.

Николай Петровичъ Сорокинъ, наоборотъ, происходилъ изъ зажиточной семьи и имѣлъ родственныя связи съ богачами. Добродушно-лукавый, шумливый, самолюбивый и экспансивный, онъ любилъ и умѣлъ поговорить, зналъ отлично законы

и охотно выказывалъ это знаніе. Въ его характерѣ были тоже черты настойчивости, упорства. На своемъ знамени вначалѣ онъ поставилъ слово „крестьянинъ“, разумѣя подъ этимъ всю совокупность бывшаго крѣпостного павловскаго міра въ его отношеніяхъ къ помѣщикамъ. Отсюда его либерализмъ, его искреннее одушевленіе, заставлявшее многихъ считать Николая Петровича Сорокина страдальцемъ за интересы крестьянскаго міра. Но теперь уже ясно видно, что Сорокинъ боролся, претерпѣвалъ гоненія и безкорыстно, страстно, упорно стоялъ до конца за интересы павловскихъ богачей въ той впрочемъ ихъ части, которая совпадала до извѣстной степени съ интересами крестьянства вообще. Но именно лишь въ части... Какъ бы то ни было, шестидесятые годы подходили къ концу среди легкихъ схватокъ двухъ партій, изъ которыхъ одна, фактически обладавшая властью, охватывается постепенно какою-то растерянностью и недоумѣніемъ, другая растетъ, какъ прибывающая волна. На сходѣ, собиравшемся не въ полномъ составѣ, по назначенію старшинъ, уже слышатся раскаты грозы, гудятъ протестующіе голоса, расторгаются предписанныя впередъ рѣшенія. Однажды старшина Прядиловъ, выведенный изъ терпѣнія этимъ непривычнымъ сопротивленіемъ, крикнулъ непокорному сходу:

— Что вы понимаете, орда!

Сходъ колыхнулся и зашумѣлъ. „Какъ, мы орда? міръ, по-вашему, орда?“ — и мастеровые буйно кинулись къ старшинѣ. Правда, мировому посреднику удалось кое-какъ возстановить согласіе, и послѣ этого началось даже дѣло объ оскорбленіи сельской власти, при чемъ одинъ изъ „буяновъ“, Рачковъ, былъ посаженъ въ тюрьму и просидѣлъ цѣлый годъ. Однако, время брало свое: невинность Рачкова обнаружилась, а Прядилову, оскорбившему міръ, пришлось выйти изъ должности. За него дослуживалъ срокъ сапожникъ Пуховъ, человѣкъ нейтральный, очутившійся между двухъ стульевъ; послѣ Пухова попалъ въ старшины Кочергинъ, первый ставленникъ бѣдноты, котораго служба вся прошла подъ перепалку двухъ партій. Потомъ мировой посредникъ назначилъ сходу Соколова, изъ богачей. Говорятъ, прямо изъ схода, ошеломленнаго этимъ назначеніемъ и уже приготовлявшагося къ отпору, посредникъ повезъ Соколова въ соборъ и заставилъ принять присягу. Только такимъ способомъ партіи богачей удалось поставить своего старшину.

На смѣну шестидесятымъ годамъ наступали семидесятые. Туманъ, поднятый паденіемъ крѣпостного уклада, разсѣивался, положеніе борющихся партій опредѣлялось все болѣе и болѣе...

Интересная черта, которую, конечно, не могла бы выдумать простая и необразованная женщина. Вдова Елагина разсказывала мнѣ, что въ это время Иванъ Петровичъ Елагинъ, передъ самыми выборами, горячо убѣждалъ своихъ друзей отказаться отъ кандидатуры. Если бы онъ пожелалъ, можетъ быть, и за него нашлись бы голоса, можетъ быть, даже не мало. Но самъ онъ рѣшительно устранился отъ борьбы и того же требовалъ отъ другихъ, въ особенности отъ Варыпаева. „Обществу нужны свѣжіе, сильные люди, — говорилъ онъ,—а мы съ тобой попьемъ чайку въ комнатахъ, да идемъ пить чай на балконъ... устарѣли мы, не годимся...“

Эта ли причина побуждала Елагина дѣйствовать такимъ образомъ,—кто знаетъ? Можетъ быть, силы крѣпостного мечтателя, дѣйствительно, ушли на грезы о волѣ среди глухихъ потемокъ, да на бесѣды,—и по себѣ онъ судилъ о другихъ. Можетъ быть, онъ сознавалъ, что новое время требуетъ новыхъ идей; можетъ-быть, боялся, что въ новые мѣха вольется вино старой вражды; можетъ быть, предвидѣлъ, что его кружокъ раздѣлится вскорѣ взаимною ненавистью, что онъ способенъ только еще болѣе разжечь, а не утишить пламя этой вражды, раздѣляющей павловскій міръ, — вражды неосмысленной и потому неисходной. Можетъ быть, онъ тоже думалъ о павловскомъ колоколѣ, бухающемъ надтреснутымъ звономъ, и о томъ, что колоколъ нужно перелить съ новымъ металломъ, а павловскому міру нужны новыя идеи и новые люди, которыхъ въ немъ нѣтъ налицо.

Варыпаевъ, будто бы, далъ требуемое обѣщаніе и согласился содѣйствовать полной законности выборовъ, отказавшись отъ честолюбивыхъ замысловъ. Между тѣмъ, приблизился сходъ 1871 г., отъ котораго ведетъ свое счисленіе „варыпаевская партія“; здѣсь загадочный человѣкъ впервые развернулъ свои силы.

Предстояло рѣшеніе важныхъ дѣлъ, и главное изъ нихъ было окончаніе сдѣлки съ помѣщикомъ. Вопросъ этотъ сильно затянулся, между прочимъ, изъ-за усадебныхъ и лавочныхъ мѣстъ на площади. Спорныя мѣста не представляли для бѣдноты ни малѣйшаго интереса, — ихъ оспаривали у помѣщика отдѣльныя лица изъ общества, понятно, принадлежавшія къ „богачамъ“, и изъ-за этого тормазилась самая сдѣлка. Опекѣ малолѣтняго владѣльца эта затяжка была выгодна, такъ какъ до заключенія сдѣлки доходы съ оброчныхъ статей поступали въ пользу вотчины... Зато общество много теряло. Составлялись одинъ за другимъ проекты выкупа, но примирить столкнувшіеся интересы было довольно трудно.

Сколько можно разсмотрѣть въ туманѣ, окутывающемъ этотъ узелъ павловскаго раздора, кажется, что двѣ павловскія партіи рѣшились заключить перемиріе, нѣчто вродѣ компромисса. Рѣшено было, что мѣста выкупаетъ общество. Въ чью пользу? Въ свою, — толковалъ Варыпаевъ и бѣднота. Въ нашу, — говорили про себя торговцы. Для заключенія окончательной сдѣлки созванъ былъ сходъ, на которомъ вновь произошло бурное столкновеніе...

Нѣсколько словъ о томъ, что такое павловскій сходъ.

На верхушкѣ одного изъ семи павловскихъ холмовъ есть старое, въ высшей степени ветхое и облупленное зданіе. Это ничто иное, какъ общественное павловское управленіе, своимъ жалкимъ, до неприличія ободраннымъ видомъ свидѣтельствующее о полномъ пренебреженіи къ внѣшности. Впрочемъ, и внутренность этого общественнаго зданія немногимъ лучше, — общая печать нѣкоторой затхлости и запустѣнія тяготѣетъ надъ нимъ, отличая его мѣстными, чисто-павловскими чертами.

Позади дома — большой дворъ, покатый къ зданію, обнесенный заборами, полѣнницами дровъ, сараями, изъ-за которыхъ смотрятъ во дворъ окна сосѣднихъ домовъ. У зданія — крыльцо съ деревяннымъ навѣсомъ, ведущее въ правленіе. Сходъ собирается на этомъ дворѣ. Когда болѣе тысячи домохозяевъ сомкнутся плотною кучей головъ, когда на ветхомъ крыльцѣ появятся сельскія власти и съ высоты станутъ „вычитывать“ толпѣ указы или постановленія, когда толпа загудитъ и міръ закачается, точно море подъ дыханьемъ вѣтра, — вамъ опять кажется, что вы присутствуете при чемъ-то не нынѣшнемъ, необычномъ и старинномъ.

Какъ и на скупкѣ, меня поразило здѣсь то, что павловская практика не выработала самыхъ простыхъ и самыхъ удобопримѣнимыхъ пріемовъ. Какъ на скупкѣ всякій стихійно пялится впередъ, пробираясь къ огню, лѣзетъ на сосѣда, давитъ его и толкаетъ, такъ и здѣсь вся толпа жмется къ ступенямъ, откуда голосъ слышнѣе и легче достигаетъ до слуха властей на крыльцѣ.

— Согласны, согласны! — гудятъ одни.

— Несогласны, несогласны! — кричатъ другіе, и это „согласны, несогласны“ сливается вмѣстѣ, переплетается, смѣшивается, стоитъ въ воздухѣ сплошнымъ гуломъ. Какъ это никому не пришло въ голову, что удобнѣе опрашивать мнѣніе отдѣльно, — сначала тѣхъ, кто согласенъ, и уже послѣ — кто несогласенъ? Можетъ быть, впрочемъ, это и приходило многимъ въ голову, но ни одна изъ партій, стоящихъ у власти, не считаетъ удобнымъ именно для себя примѣнить это про-

стое средство, которое повело бы къ значительно бо̀льшей ясности результатовъ голосованія. Теперь эти результаты извлекаются, такъ сказать, слухомѣромъ, изъ общаго галдѣнія; понятно, что неточностью этого пріема пользуется тотъ, кто можетъ... Когда же раздаются протесты, то нѣтъ ничего легче, какъ выставить протестантовъ бунтовщиками. Обѣ партіи, каждая въ свое время, пользовались этимъ политическимъ ходомъ противъ своихъ противниковъ.

Сходъ, о которомъ идетъ рѣчь, представлялъ именно такую картину. Съ крыльца кинуто было толпѣ, для выбора въ уполномоченные, три имени: Варыпаева, Сорокина и Соколова.

— Согласны, согласны!..

— Несогласны! — загудѣла дружно толпа, покрывая сравнительно рѣдкіе голоса. — Одного Варыпаева!.. Соколова и Сорокина не надо!..

— Пиши: согласны, — сказалъ предсѣдательствующій Соколовъ.

Черезъ четверть часа толпѣ, безпокойно волновавшейся и шумѣвшей, былъ прочитанъ приговоръ, въ которомъ утверждалось избраніе Варыпаева вмѣстѣ съ двумя представителями „богачей“, которые, понятно, должны были получить перевѣсъ.

Толпа колыхнулась и кинулась къ крыльцу. Старшина и писарь скрылись.

Поднялось волненіе. Раскаты народнаго гула показывали, что на этотъ разъ міръ уже прорываетъ плотины покорности, что дѣло становится нешуточнымъ. Писаря потребовали на сходъ. „Онъ нашъ слуга, нашъ работникъ! Давай сюда писаря!“ И писарь вынужденъ былъ выйти. Составили другой приговоръ. Кто-то вспомнилъ при этомъ, что Соколову кончился срокъ, и предстоятъ новые выборы.

Шумный сходъ разошелся поздно, и по селу пошли сразу два приговора; обѣ партіи для подписи поднимали спящихъ съ постелей. Но бумага „варыпаевцевъ“ вся покрылась именами, тогда какъ у противной партіи не набралось и половины.

Въ это время въ Павлово пріѣхалъ мировой посредникъ Беклемишевъ, и обѣ стороны кинулись къ нему, требуя одни — усмирить бунтъ, другіе — возстановить права большинства.

— У насъ больше грамотныхъ, — говорило правленіе.

— Чѣмъ же мы виноваты, — возразила бѣднота, — головы у насъ такія же, а руки неграмотныя... Неужто изъ-за этого мы безгласны?

Обѣ стороны засылали къ посреднику своихъ предводите-

лей. Отъ бѣдности явился Варыпаевъ и сталъ просить созвать сходъ для избранія старшины, которому вышелъ срокъ.

— Вы уже назначили кого-нибудь? — спросилъ посредникъ.

— Сходъ назначитъ,—отвѣтилъ Варыпаевъ смиренно и глядя на посредника своими непроницаемыми, покорными глазами.

— Однако, всетаки...

— Можетъ быть, станутъ просить стараго, не знаю... — и глаза Варыпаева стали еще мягче, еще непроницаемѣе. — Главное, надо соблюсти законъ.

— Это вѣрно, — замѣтилъ посредникъ.

Въ это время пришелъ Бѣлозеровъ, самый видный изъ представителей противной партіи, и посредникъ обратился къ нему съ тѣмъ же вопросомъ.

— Назначили кого-нибудь?

— Назначили, — наивно отвѣтилъ тотъ.

— Вы назначили? — усмѣхнулся посредникъ.

— Мы назначили.

— А не сходъ?

Бѣлозеровъ удивленно и наивно взглянулъ на посредника...

Послѣ нѣкоторыхъ переговоровъ сходъ назначили на ближайшее воскресенье... Въ этотъ день къ воротамъ приливали все бо̀льшія толпы народа. Пожарные и десятники не успѣвали провѣрять билетовъ, которыхъ у многихъ не было.

— Народъ какъ градъ посыпался, — съ тревогой жаловались посреднику. — Идутъ безъ билетовъ, сломаютъ ворота.

Посредникъ велѣлъ открыть ворота для всѣхъ, народъ хлынулъ широкою толпой, и дворъ передъ правленіемъ, въ первый еще разъ послѣ многихъ лѣтъ, увидѣлъ павловскій сходъ въ полномъ составѣ.

Это была уже полная побѣда бѣдноты. При имени Варыпаева въ избирательный ящикъ посыпалась масса шаровъ. Они падали одни за другими, и звукъ паденія становился все глуше. Но вотъ къ ящику подошелъ суровый „богачъ“ Бѣлозеровъ. Его шаръ громко застучалъ въ пустомъ неизбирательномъ ящикѣ. На дворѣ раздался хохотъ.

Этотъ малепькій эпизодъ оттѣнилъ побѣду новой партіи, долго работавшей въ тиши для этого мгновенія: мало находилось послѣ этого охотниковъ кидать налѣво, къ осмѣянному бѣлозеровскому шару, — чтобы не слыхать этого унылаго, пустого звука и этихъ раскатовъ ироническаго хохота. Варыпаевъ выбранъ подавляющимъ большинствомъ.

— Міръ не одинъ человѣкъ, — сказалъ онъ на слѣдующій день Елагину. — Міръ выбираетъ, надо слушаться, надо послужить міру.

Съ этихъ поръ между друзьями водворилась холодность. Елагинъ до конца держался въ сторонѣ и, быть можетъ, не разъ передъ его спокойнымъ взглядомъ потуплялись взгляды дѣльцовъ, выдвинутыхъ новымъ бурнымъ періодомъ павловской исторіи. А фигура Варыпаева надолго появилась на павловскомъ горизонтѣ.

И затрепетала партія павловскихъ богачей, почувствовавшая надъ собой тяжелую и твердую руку, державшую теперь всю ненависть павловскаго міра...

Въ 70-хъ и началѣ 80-хъ годовъ имя Варыпаева пользовалось широкой газетной извѣстностью и павловское буханье того времени отдавалось по всей Россіи. Газеты были полны описаніями павловской „классовой борьбы“ и павловскіе „вопросы“ раздѣляли газетные лагери.

За Варыпаева стояли консервативныя газеты, за Варыпаева былъ „патріотизмъ“, „благонамѣренность“ и вся бѣднота. Варыпаевъ имѣлъ вліяніе въ Петербургѣ, тамъ слушали съ удовольствіемъ павловскаго старшину-демагога, являвшагося въ послѣднее время въ шитомъ бархатномъ кафтанѣ, говорившаго вкрадчивымъ голосомъ „простыя“ рѣчи, въ которыхъ охотно признавали „голосъ простого русскаго человѣка“. Вліяніе это въ губерніи сказывалось уже сильнѣе, а въ родномъ селѣ это былъ неограниченный, почти самодержавный властитель, котораго твердая рука чувствовалась во всѣхъ мелочахъ общественной павловской жизни.

Плохо приходилось противникамъ Варыпаева. Тогдашнія газеты полны описаніемъ случаевъ, когда ихъ хватали не въ мѣру усердные становые и исправники и сажали въ кутузку безъ всякихъ другихъ основаній, кромѣ того, что они завѣдомо-неблагонамѣренные, тогда какъ Варыпаевъ признанный патріотъ. Либеральные мировые посредники съ трудомъ выручали этихъ несчастныхъ изъ мрачныхъ узилищъ, гдѣ они содержались вмѣстѣ съ ворами и мошенниками... Одинъ изъ бывшихъ друзей Варыпаева, впослѣдствіи самый настойчивый изъ его враговъ, Сорокинъ, описалъ въ одномъ изъ журналовъ исторію своей борьбы съ павловскимъ владыкой. Кончилась она для него очень печально. Два раза собирались подписи для ссылки его въ Сибирь, но оба раза „общество“ отступило передъ явною несправедливостью этой мѣры. Въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ появилась громовая статья П. И. Мельникова, направленная противъ Сорокина. Онъ обвинялся въ томъ, что будто бы „обивалъ пороги министровъ съ карманами, набитыми запрещенными изданіями“... Варыпаевъ

представлялъ изъ себя въ то время знамя патріотизма и благонамѣренности. Сорокина сослали административно...

Такъ было ранѣе. Теперь обстоятельства круто измѣнились. Варыпаевъ, одряхлѣвшій, посѣдѣвшій, больной — не у дѣлъ и подъ судомъ *). У кормила павловскаго правленія стали богачи. Скупщики имѣютъ въ немъ важное рѣшающее значеніе, а „неблагонамѣренными“ стали теперь варыпаевцы. Бывшій всесильный владыка живетъ уединенно, не вмѣшиваясь въ дѣла, отягченный обвиненіями враговъ и... благословеніями голытьбы на Троицкой, на Семеньей и на другихъ горахъ кустарнаго села, гдѣ стучатъ молотки и дымятся горны въ кузницахъ. Да, тяжелы могутъ быть эти благословенія человѣку съ загадочнымъ взглядомъ и бурнымъ прошлымъ, стоящему у края могилы, если только, положа руку на сердце, онъ не можетъ сказать про себя, что въ этомъ мутномъ для посторонняго наблюдателя лабиринтѣ интригъ, столкновеній и борьбы ему служило путеводною нитью посильное стремленіе помочь этимъ людямъ, благословляющимъ его, безсильнаго и гонимаго.

Можетъ ли сказать это Ѳедоръ Михайловичъ Варыпаевъ? Я не знаю. Густой, почти непроглядный туманъ виситъ надъ этимъ вопросомъ. Я знаю только, что многіе изъ „ближнихъ“ варыпаевцевъ сказать этого не могутъ. Затѣмъ, я знаю, что это время было временемъ самаго пламеннаго раздора, что оно запятнано несправедливыми гоненіями, что въ борьбѣ пускались въ ходъ всякія средства, что эти годы отмѣчены сбивчивостью, темнотой и неясностью въ дѣлахъ, что они омрачены жесточайшею смутой и озарены кровавымъ заревомъ страшнаго пожара, что коренные вопросы павловскаго быта даже не ставились борющимися партіями, что изъ тумана, въ которомъ бьются эти партіи, слышится тоже надтреснутое, болѣзненное буханье, лишенное гармоніи и смысла, что, наконецъ, павловское общество не вышло изъ него болѣе счастливымъ, спокойнымъ и богатымъ...

Теперь тишина и порядокъ. И среди этой тишины и порядка ведутся рѣчи о томъ, чтобы превратить Павлово въ городъ. Тогда замостятъ центральныя улицы, зажгутъ фонари, длинныя кузницы вынесутъ за черту „города“, на окраины, и въ свѣтлой думской залѣ скупщики, въ полномъ порядкѣ, поведутъ рѣчи о нуждахъ бывшаго села кустарей...

---

*) Позже былъ освобожденъ изъ-подъ слѣдствія.

IX.

Мечты.

То, что я хочу теперь разсказать, происходило въ самый разгаръ павловскаго буханья. Недавно еще угасло зарево страшнаго павловскаго пожара, истребившаго половину села. Не затихли еще самые чудовищные слухи, самыя невѣроятныя обвиненія, которыми меньшинство, подавляемое въ самыхъ законныхъ порой стремленіяхъ, мстило торжествующей партіи... надъ пособіемъ, выданнымъ отъ правительства, кипѣла жестокая свалка...

Была ранняя весна. Она недавно еще взмыла весеннимъ половодьемъ, взломала льды, подтопила кручи и горы и залила широко, далеко поемные луга на зарѣчной сторонѣ... Кустарныя села и деревни въ окрестностяхъ Павлова казались островами, плававшими въ прозрачномъ туманѣ надъ гладью разлива.

На небольшой кручѣ села Тумботина, отдѣленнаго половодьемъ отъ глинистыхъ павловскихъ горъ, стоялъ молодой человѣкъ. Онъ недавно еще протащился нѣсколько часовъ по самой ужасной дорогѣ, продрогъ, потерялъ калошу и узналъ, что въ Тумботинѣ придется еще ждать перевоза.

Серединой рѣки неслись послѣднія порѣдѣвшія льдины, павловскія горы, широко раскинувшіяся надъ рѣкой, синѣли въ легкой дымкѣ, въ ясномъ небѣ причудливо вырѣзались куполы павловскихъ церквей, домишки кустарей лѣпились по склонамъ, отсвѣчивая далеко стеклами своихъ оконъ, надъ воднымъ просторомъ свободныя чайки взмахивали круто изломанными бѣлыми крыльями, а далеко подъ самымъ берегомъ, въ низинкѣ, гдѣ кустарное село сбѣгаетъ къ рѣкѣ, маленькія фигуры людей мелькали и суетились около перваго еще въ этомъ году парома.

Молодой человѣкъ смотрѣлъ на все это и забывалъ скучную дорогу по грязи, забылъ о томъ, что онъ продрогъ и промокъ, забылъ даже о потерянной калошѣ. Первый паромъ долженъ былъ доставить его въ родное село, куда онъ везъ съ собою новое дѣло...

Въ жизни каждаго человѣка есть свой весенній праздникъ, когда душа паритъ, какъ птица надъ буйнымъ разливомъ, а всѣ мелочи и непріятности будней стряхиваетъ съ себя, какъ легкія пушинки, которыя вѣтру удается выхватить изъ ея крыльевъ. Этотъ праздникъ—то время, на которое работала юность, когда все, о чемъ мечталъ, къ чему готовился, что мелькало въ золотомъ туманѣ юношескихъ грёзъ, вдругъ вы-

плываетъ изъ этого тумана и раскидывается передъ восхищенными глазами такъ близко, такъ ясно, какъ Павлово раскинулось передъ глазами Николая Петровича Зернова. Взмахъ крыла,—или, выражаясь реальнѣе, первый паромъ, — и вотъ неопредѣленная юность съ ея мечтами уже назади, а впереди подвигается, и ширится, и идетъ навстрѣчу самая жизнь, къ которой такъ долго готовился, которую такъ страстно желалъ...

Николай Петровичъ Зерновъ, стоявшій весной 1872 года, на Страстной недѣлѣ, въ виду Павлова на Тумботинской кручѣ, былъ именно въ такомъ положеніи.

Николай Петровичъ Зерновъ и его другъ, связанный съ нимъ общимъ дѣломъ, Фаворскій, оба родились, получили первыя впечатлѣнія и выросли въ кустарномъ селѣ. Отецъ Зернова былъ мѣстный почтмейстеръ, отецъ Фаворскаго—протопопъ. Такимъ образомъ, судьба давала возможность двумъ мальчикамъ, игравшимъ на кручахъ Павлова съ чумазыми мальчишками кустарей, получить основательное образованіе и заглянуть въ свѣтъ подальше того, что видно съ самыхъ высокихъ павловскихъ горъ. Въ то время, какъ товарищи ихъ ранняго дѣтства давно уже стучали молотками въ убогихъ мастерскихъ, бились съ „низнувшими“ цѣнами и проталкивались въ темныхъ улицахъ къ скупщицкимъ огнямъ, Зерновъ и Фаворскій учились въ гимназіи и затѣмъ оканчивали курсъ—одинъ въ технологическомъ институтѣ, другой—въ университетѣ по юридическому факультету.

Но оба они не забывали родного села. Оба съ дѣтства видѣли собственными глазами и собственными ушами слышали тяжелое, надтреснутое павловское буханье. Съ дѣтства они привыкли различать въ немъ знакомые оттѣнки, съ дѣтства выростали въ ихъ сердцахъ симпатіи и антипатіи среди раздѣленнаго смутой павловскаго міра.

Образованіе расширило ихъ кругозоръ, но не истребило симпатій. И вотъ теперь оба друга, юристъ и технологъ, несли обратно въ родное село свои знанія. Юристъ и технологъ являлись сюда основателями двухъ учрежденій, съ которыми связали свою дѣятельность въ лучшую пору своей жизни. Связь была такъ крѣпка, что вмѣстѣ съ нею порвалась у одного изъ друзей самая жизнь.

Дѣло было маленькое и скромное, называлось оно „устройствомъ въ селѣ Павловѣ складочной артели“ (Зерновъ) и „ссудо-сберегательнаго товарищества“ (Фаворскій). Дѣло было очень прозаичное и негромкое, но друзья смотрѣли на него какъ на зернышко перваго посѣва, какъ на дѣло будущаго.

Оно било въ самую суть вопроса; если возможно умиро-

твореніе павловскихъ раздоровъ безъ окончательной гибели самой кустарной формы, то это рѣшеніе и эта возможность лежитъ именно тамъ, гдѣ его искали въ семидесятые годы многіе „вѣрующіе“ люди и въ ихъ числѣ „два павловскихъ студента“.

Это было дѣло вѣры, дѣло любви и примиренія. Зерновъ и Фаворскій являлись въ Павловѣ третьей партіей, пускали въ ходъ повую идею, мечтали образовать такой островокъ, куда могли бы спастись всѣ утомленные безтолковою борьбой, которой не видѣлось конца. Старыя партіи дѣйствительно утомили уже Павлово и — увы! — еще долго суждено было имъ утомлять несчастный кустарный міръ. Онѣ походили на двухъ человѣкъ, схватившихся въ узкомъ проходѣ. Побѣждалъ то одинъ, то другой, то одному, то другому приходилось плохо, но оба, всетаки, не двигались ни на шагъ.

Зерновъ и Фаворскій мечтали, что они укажутъ настоящую, болѣе просторную дорогу. Заблудившійся въ потемкахъ павловскій міръ они, видѣвшіе дальше, чѣмъ можно видѣть съ павловскихъ горъ, хотѣли понемногу вернуть къ распутью, оставшемуся далеко назади и съ котораго онъ свернулъ на ложную дорогу. Они хотѣли уничтожить или, вѣрнѣе, обойти ту стѣну, которая отдѣляла міръ кустарный отъ остальнаго Божьяго міра. Труднымъ и узкимъ, правда, проселкомъ они хотѣли вывести изъ-за нея кустарей и указать имъ этотъ міръ, широкій, разнообразный, заманчивый, съ его далекими перспективами, съ его измѣнчивыми запросами.

Дѣло состояло въ томъ, чтобы дать плоть и кровь тому „какъ-нибудь“, которое смутно мелькало передъ Аверьяномъ. Нужно было организовать новую ячейку *производства*, связать ее со *сбытомъ* живою нитью, и когда эта живая связь примется и окрѣпнетъ, сказать ей: теперь живи и множься и покрывай кустарный міръ. Въ тебѣ живая душа этого міра, больного и умирающаго.

Вотъ что стояло за маленькимъ дѣломъ, которое везъ съ собой молодой человѣкъ, ожидавшій на Тумботинской кручѣ перваго парома.

Все способствовало, казалось, практическому начинанію двухъ идеалистовъ, потому что въ то время была вѣра, а формула всякой вѣры: „на земли міръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе“—казалась основнымъ закономъ жизни. Трудностей не боялись, скорѣе грѣшили излишнимъ пренебреженіемъ къ трудностямъ. Все, что загромождаетъ сущность вопроса, тогда устраняли, какъ легкую шелуху, и, разыскавъ мыслью

„основныя причины“, брались за нихъ въ предположеніи, что устраненныя детали вовсе уже не существуютъ.

. . . . . .

. . . . . .

Все, что я написалъ въ этой главѣ, заимствовано мною изъ стараго письма. Отъ потемнѣвшаго листочка бумаги, взятаго изъ безпорядочной, неразобранной груды такихъ же старыхъ листковъ, пахнуло на меня этой весной; тамъ описанъ и этотъ разливъ, и первый паромъ, и ожиданіе Николая Петровича Зернова въ виду роднаго села...

„Здравствуй, дорогой мой А. Е.,—такъ начинается это письмо.—Ну, вотъ я и въ Павловѣ... Какъ встрѣтила меня мама, ты можешь себѣ представить,—самого тебя не разъ встрѣчали такъ же... Въ каждомъ движеніи столько любви, столько безпредѣльнаго обожанія... И, право, совѣстно и больно, что въ сердцѣ, занятомъ другимъ, не находится столько же отвѣтной любви...“

А дальше, послѣ описанія труднаго переѣзда и грязи и ожиданія парома, идутъ подробности встрѣчи съ друзьями и знакомыми въ Павловѣ. И тутъ же непосредственно—мысли, толки, предположенія объ ожидающемъ дѣлѣ, о надвигающейся практикѣ и ея прозаическихъ мелочахъ. Пятидесятикопѣечные еженедѣльные взносы тяжелы для кустарей, членовъ артели... Есть параграфы, которые надо будетъ устранить... Торговцы хихикаютъ, принимая во вниманіе незначительность капиталовъ артели сравнительно съ ихъ капиталами, и, не стѣсняясь, высказываютъ на сторонѣ тѣ препятствія, на которыя артель неизбѣжно натолкнется при веденіи дѣла. Они соглашаются, что со временемъ для артели дѣло будетъ выясняться все болѣе и болѣе, но до тѣхъ поръ артель, не имѣющая, по уставу, права покупать чужія издѣлія и пополнять ими свой „ассортиментъ“, уже разлетится на этомъ камнѣ. Мастера, которыхъ издѣлія необходимы, могутъ и не попасть въ члены артели, тѣмъ болѣе, что ихъ постараются „придержать“ и т. д., и т. д.

Это уже—проза и практика житейской борьбы, которая охватила съ перваго же дня новое дѣло... Противъ мечтаній объ основномъ законѣ жизни, о мирѣ и благоволеніи выступаетъ суровая рать стройно сомкнувшихся жизненныхъ фактовъ, выступаютъ „экономическіе“ законы, въ своемъ благоразуміи короткой данной минуты претендующіе на вѣчное, незыблемое значеніе.

Но, кромѣ экономическихъ законовъ, предстояли еще и другія трудности. Къ слабому дѣтищу мирнаго идеализма тя-

нулись уже болѣе опасныя объятія борющихся партій, стремившихся завербовать къ себѣ юнаго новобранца... Между тѣмъ, дѣло это должно было стать дѣломъ не борьбы, а мира: не ненависть, а примиреніе вносилось въ павловскую жизнь этимъ начинаніемъ. И Николай Петровичъ Зерновъ твердою рукой постарался на первыхъ же порахъ оградить нейтральность своего дѣтища. Ни главнѣйшіе изъ скупщиковъ, ни самъ всесильный уже въ то время Варыпаевъ не вошли въ составъ артели, и это произошло не по ихъ собственному желанію...

Съ тѣхъ поръ прошло почти двадцать лѣтъ... Двадцать лѣтъ, это почти половина жизни. Что же случилось съ молодымъ человѣкомъ, стоявшимъ на Тумботинской кручѣ, что онъ сдѣлалъ, гдѣ очутился самъ, что сталось съ его надеждами?..

Каково продолженіе нашего романа? Какъ кончился идеалистическій опытъ, чему онъ насъ учитъ своею удачей или своими ошибками? Каковы его окончательные и неопровержимые выводы?

Можетъ быть, при первомъ столкновеніи съ дѣйствительностью, мечты разлетѣлись, какъ хрупкое стекло, и никакого романа не вышло? Или онъ вступилъ въ борьбу съ суровымъ экономическимъ закономъ, во имя утопіи, и суровый законъ неопровержимо доказалъ свою силу, а мечтатель смирился и побрелъ за другими по избитой дорожкѣ? Или, наконецъ, молодая идиллія перешла постепенно въ благоразумную зрѣлую прозу: мечты никогда не осуществляются цѣликомъ, дѣйствительность оборвала лепестки у цвѣтка юности, но изъ-подъ нихъ вынырнулъ скромный плодъ, маленькій и некрасивый, но все же заключающій въ себѣ сѣмена дальнѣйшихъ всходовъ?

Ни то, ни другое, ни третье... Зернова нѣтъ уже на свѣтѣ и, вмѣсто романа, передо мною безпорядочная груда пожелтѣвшихъ бумагъ, въ которой мелькаютъ разрозненныя цифры, отдѣльныя замѣчанія, вписанныя твердою рукой, дружескія и дѣловыя письма... Но все это обрывается, какъ внезапно лопнувшая струна...

Въ Павловѣ было двѣ партіи. Зерновъ не примкнулъ ни къ одной, и потому обѣ съ затаенною враждой смотрѣли на новое начинаніе. Зерновъ не вступалъ въ борьбу за Варыпаева съ „богачами“, онъ не трогалъ „скупщиковъ“, но самая идея, на которой покоилось скупщицкое сословіе, подвергалась нападенію. Съ другой стороны, онъ не заступался за „богачей“, не ратовалъ противъ варыпаевскаго вліянія на сходѣ, но клалъ основаніе учрежденію, которое было дальше варыпаевской оппозиціи „богачамъ“ и звало бѣдноту подъ новое, менѣе боевое, но болѣе обѣщавшее знамя...

Какъ бы то ни было, въ тревожное время, когда Павлово еще не успокоилось послѣ пожаровъ и раздорнаго буханья, когда по селу ходили самые тревожные слухи, вызванные безтолковою демагогической борьбой, кто-то пустилъ противъ Зернова „шипъ по змѣиному“ въ видѣ ложнаго политическаго доноса...

Время было тревожное. Произвели обыскъ. У Зернова не нашли ничего; „недоразумѣніе“ длилось недолго, однако, достаточно для того, чтобы дѣло Зернова сразу завяло. Кружокъ Зернова, на время разгромленный и деморализованный, или отсутствовалъ, или потерялъ значеніе, а въ это время разнуздалось и пошло врозь все, что прежде сдерживалось рукой организатора въ неокрѣпшемъ дѣлѣ.

Прошлымъ лѣтомъ, въ домѣ одного мастера, держащагося теперь совершенно въ сторонѣ отъ всякихъ общественныхъ дѣлъ, я встрѣтилъ старушку... Это была самая обыкновенная старушка съ чулкомъ въ рукахъ и съ тѣмъ особеннымъ выраженіемъ строгаго спокойствія на лицѣ, которое иногда встрѣчается у такихъ старушекъ. Не знаешь, чему приписать это выраженіе: можетъ быть, ей надо считать петли и она сосредоточена на этомъ счетѣ, а можетъ быть и то, что тяжелое горе и горькая скорбная дума о жизни наложили эти морщины, придали неподвижность этому взгляду.

Отъ хозяина я узналъ, что это—мать Николая Петровича Зернова, пріѣхавшая въ Павлово прямо съ похоронъ сына. Послѣ своей неудачи онъ жилъ еще болѣе десяти лѣтъ, даже служилъ гдѣ-то на желѣзной дорогѣ. Но всѣ, знавшіе его прежде, видѣли, что это уже не жизнь, что въ ней недостаетъ главнаго нерва. Когда же, вдобавокъ, у него умерла жена,—замѣтное и прежде нервное разстройство перешло въ настоящую острую душевную болѣзнь.

Судьба порой особеннымъ образомъ заботится о своихъ любимцахъ, со вкусомъ истиннаго художника располагая всѣ аксессуары такъ умѣло, что образъ выступаетъ наиболѣе цѣльно и ярко. Такую трагическую заботу проявила она и относительно Зернова. Любовь и заботы близкихъ людей успѣли побѣдить болѣзнь, сознаніе его прояснялось, онъ выздоравливалъ. Но въ то время, когда, однажды, онъ сидѣлъ въ Петербургѣ у окна, изъ четвертаго этажа противъ его квартиры выбросилась на мостовую женщина. Николай Петровичъ вскрикнулъ и съ этой минуты не приходилъ уже въ сознаніе...

Скупщикъ и скупщицкая философія.

X.

Скупщицкій юморъ.

Свѣтлый, лѣтній вечеръ. Солнце освѣщаетъ покатую улицу, межъ крышъ мелькаетъ рѣка, съ другой стороны виднѣются горы съ лачугами. Дымятся кое-гдѣ кузницы. Изъ раскрытыхъ оконъ несется на улицу визгъ пилъ и стукъ молотковъ. Рабочій день еще не конченъ, до понедѣльника далеко.

На лавочку передъ воротами своихъ палатъ садится Осипъ Ивановичъ Портянкинъ, крупный скупщикъ и торговецъ. Это человѣкъ толстый, съ нѣсколько оплывшими чертами лица. Глаза его, скользящіе вдоль спокойной улицы, свѣтятся лѣнивымъ юморомъ.

Дѣйствительно, Осипъ Ивановичъ большой юмористъ.

Какъ-то въ лавку Осипа Ивановича зашло „начальство“. Производилось оффиціальное „изслѣдованіе“ по поводу заявленія о бѣдствіи въ Павловѣ и начальство съ учеными цѣлями присутствовало при скупкѣ и пріемкѣ. Осипъ Ивановичъ, по своему обыкновенію, разсчитывался при посредствѣ „промѣна“ и „третьей части“.

— Не надо бы промѣну брать, — сказало оффиціальное лицо.

Осипъ Ивановичъ посмотрѣлъ на него ироническимъ взглядомъ и сказалъ спокойно:

— На роду мнѣ написано брать съ нихъ, подлецовъ, промѣнъ. Ничего не подѣлаешь.

— Ты бы хоть меня постыдился.

— Не стыдимся мы денежку наживать. Да и что намъ тебя, ваше благородіе, стыдиться?

Говорятъ, начальникъ, уже въ силу своей особенной профессіи видавшій всякіе виды, потупился и слегка покраснѣлъ подъ этимъ твердымъ взглядомъ павловскаго юмориста.

Такимъ же взглядомъ смотритъ онъ теперь вдоль тихой улицы, по которой ласково скользятъ солнечные лучи, золотя мураву на косогорахъ, насѣдку съ цыплятами, разгребающую желѣзный мусоръ и опилки, воробьевъ, купающихся въ мягкой пыли. Въ этомъ взглядѣ изъ прищуренныхъ заплывшихъ глазъ такъ и сквозитъ какая-то дремлющая, нѣсколько циничная насмѣшка. Какъ будто этотъ человѣкъ знаетъ что-то нелестное и объ улицѣ съ ея тихимъ покоемъ, и о насѣдкѣ, и о воробьяхъ, и даже о солнцѣ, льющемъ свои золотые лучи. Они одинаково свѣтятъ и на безпечнаго воробья, и на кошку,

которая тихо крадется подъ заборомъ, сверкая на глупую птицу жадными глазами. Мгновеніе—и глупая птица уже въ ея лапахъ, и мягкая пыль обагряется глупою птичьею кровью.

Осипъ Ивановичъ отлично знаетъ, что гораздо лучше быть хищникомъ, чѣмъ жертвой.

Кромѣ того, онъ увѣренъ, что всѣ думаютъ такъ же, но только одни хотятъ и умѣютъ занять это удобное положеніе подъ солнышкомъ Божіимъ, а другіе тоже хотятъ, но не умѣютъ.

У него есть и умѣніе, и желаніе.

И вотъ почему его умные глаза свѣтятся, или, вѣрнѣе, лоснятся, этимъ насмѣшливымъ довольствомъ, и вотъ почему подъ этимъ взглядомъ порой становится такъ неловко.

Обѣжавъ вдоль улицы, взглядъ Осипа Ивановича падаетъ на противуположную сторону. Тамъ, на такой же лавочкѣ, у такихъ же воротъ, оказывается сидящимъ другой павловецъ, молодой скупщикъ Александръ Семеновичъ Чайкинъ, въ просторѣчіи называемый „Лёской, который смотритъ на Осипа Ивановича такимъ же „павловскимъ“ взглядомъ.

Глаза сосѣдей встрѣчаются и обоимъ становится не по себѣ, какъ будто каждый подглядѣлъ что-то въ другомъ. Они отводятъ глаза, но черезъ минуту обоихъ тянетъ опять посмотрѣть на противуположную сторону.

— Что, радуешься,—спрашиваетъ равнодушно Осипъ Ивановичъ,—дядьевъ-то обокравши?

Чайкинъ такъ же равнодушно отвѣчаетъ:

— Что тутъ! какіе мы еще воры! А вотъ у кого лошади по недѣлѣ не распряжены стояли, помнишь ты, Осипъ Ивановичъ?

И молодой „Лёсынька“ напоминаетъ старому „Ванькѣ“ одинъ изъ эпизодовъ его собственной біографіи.

Разговоръ, съ его тонкими намеками, понятными однимъ павловцамъ, мгновенно пресѣкается. Противники чувствуютъ, что оба достойны другъ друга и оба одинаково твердо и не потупясь встрѣчаютъ эти шутки. А это, дѣйствительно, только шутки. Черезъ минуту, пыхтя и отдуваясь, выходитъ съ подсолнухами въ карманѣ супруга Осипа Ивановича и садится рядомъ съ мужемъ.

— Переходи-ко-те къ намъ, Ликсанъ Семенычъ,— говоритъ она Чайкину.—Вмѣстѣ веселяе.

Чайкинъ, какъ ни въ чемъ не бывало, переходитъ черезъ улицу, и... начинается бесѣда откровенныхъ павловскихъ мудрецовъ о другихъ такихъ же мудрецахъ, умѣющихъ устраивать дѣла...

Вотъ, напримѣръ, къ старику Акиѳьеву или Долганову является съ ирбитской ярмарки молодой приказчикъ. Дѣла шли превосходно, вышла, какъ говорятъ въ Павловѣ, настоящая „упайка“, товаръ „шелъ ходомъ“, и приказчикъ сдастъ при отчетѣ крупную сумму.

Разсчетъ покончонъ, старикъ отворяетъ столъ и кидаетъ туда дрожащею рукой пачки денегъ. Въ это время приказчикъ, не говоря ни слова, кладетъ передъ нимъ еще одну пачку въ три тысячи.

— Это что? -спрашиваетъ хозяинъ, вскидывая глазами на потупившагося прикащика.

— Это-съ,—скромно говоритъ тотъ,—еще сверхъ того... Позвольте сказать: утаилъ, да совѣсть взяла. Не будетъ ли милости вашей, для награжденія добродѣтели...

Скупой старикъ быстро сгребаетъ пачку и щелкаетъ замкомъ:

— Нѣтъ, нѣтъ... Не умѣлъ взять безъ вѣдома, не взыщи, не дамъ!.. Глупъ, глупъ, Ванюша...

И онъ окидываетъ Ванюшу взглядомъ сожалѣнія. Оказывается, что „глупый Ванюша“ укралъ не три, а цѣлыхъ 13 тысячъ... и впослѣдствіи самъ становится скупщикомъ и конкуррируетъ съ бывшимъ хозяиномъ...

И вспоминая такія исторіи, лежащія въ основѣ скупщицкаго накопленія,—собесѣдники благодушно смѣются...

Однако, надо быть справедливыми и къ скупщицкому сословію. Всѣмъ извѣстно, что среди рабочихъ есть лѣнтяи и пьяницы; однако, существенная черта того коллективнаго типа, который носитъ названіе рабочаго, вовсе не то, что онъ пьянствуетъ и лѣнится, а то, что онъ трудится и производитъ. Иначе у насъ былъ бы одинъ питейный вопросъ и вовсе не было бы вопроса рабочаго. Для характеристики рабочаго класса мы должны обращаться не въ кабакъ, а въ мастерскую, — не къ тѣмъ, кто, главнымъ образомъ, пьянствуетъ, а къ тѣмъ, кто, главнымъ образомъ, работаетъ, и по ихъ положенію судить и дѣлать тѣ или другіе выводы.

Очевидно, то же, думалъ я, нужно примѣнить и къ скупщику... Толкаясь среди базара, глядя на эти картины отсталаго строя, слушая гнѣвные или циническіе разсказы о продѣлкахъ павловскаго капитала,—я думалъ всетаки, что должна же быть и другая сторона явленія. Пока нѣтъ другихъ формъ обмѣна,—скупщикъ выполняетъ эту необходимую общественную функцію... Онъ является единственнымъ посредникомъ между мастеромъ и потребителемъ, и явленіе нужно посмотрѣть въ этой его сущности и при томъ въ наиболѣе сильномъ ея проявленіи.

Съ этимъ рѣшеніемъ, какъ помнитъ читатель, я и заснулъ на постояломъ дворѣ, въ туманное зимнее утро послѣ скупки. И въ моемъ воображеніи носился образъ Дмитрія Васильевича Дужкина, человѣка, соблюдающаго свое званіе.

XI.

Объ экономическомъ человѣкѣ.

Слыхали ли вы когда-либо объ экономическомъ человѣкѣ? Экономическій человѣкъ выдуманъ учеными людьми собственно для научнаго употребленія и изготовленъ по чисто-отрицательному рецепту. Для этого взяли обыкновеннаго человѣка и у него, какъ лепестки у махроваго цвѣтка, оборвали и отбросили прочь всѣ душевныя свойства, всѣ побужденія, всѣ невинныя глупости, всѣ страсти, чувства, стремленія, кромѣ простѣйшихъ стремленій къ стяжанію богатства, къ такъ называемой экономической выгодѣ.

Если бы этотъ человѣкъ размножился и заполнилъ землю, это было бы большою потерей въ экономіи природы, но отъ этого очень много выиграла бы политическая экономія. Человѣческая природа проиграла бы оттого, что всѣ ея цвѣтки, вся игра ея красокъ, всѣ благоуханія сразу бы исчезли. Но экономическая наука покрыла бы всѣ остальныя знанія, стала бы наукой наукъ, пріобрѣла бы точность и пророческія способности астрономіи: все неуловимое, все безконечно-сложное и потому безконечно-безпорядочное движеніе въ человѣчествѣ сразу стало бы упрощеннымъ и стройнымъ, всѣ мы задвигались бы по одинаково описаннымъ, опредѣленнымъ орбитамъ, и законы человѣчества стали бы непреложны и непререкаемы, какъ законы тяготѣнія.

Вотъ что, собственно, прельщало нѣкоторыхъ ученыхъ людей, мечтавшихъ уже о весьма точной гармоніи подлежащихъ несложному учету силъ и интересовъ... Къ счастію, не всѣ мечты, рождающіяся въ иныхъ даже очень ученыхъ головахъ, осуществимы...

И, однако, экономическій человѣкъ, все-таки, существуетъ. Нѣтъ такого образа, нѣтъ такого намека на образъ въ запасѣ человѣческой мысли, которые бы не поторопилась уже гораздо ранѣе, когда-нибудь, гдѣ-нибудь осуществить вѣчно творящая природа. Такимъ образомъ, задолго еще до того, какъ передъ взглядами ученыхъ людей обрисовался во всей полнотѣ идеалъ экономическаго человѣка, самъ экономическій человѣкъ, сухой и лишенный всѣхъ излишнихъ украшеній, уже слонялся по бѣлу свѣту среди остальныхъ дѣтей общей матери, смотрѣлъ кругомъ своимъ острымъ взглядомъ, зловѣще сверкавшимъ на всѣ яркіе лепестки и роскошные придатки жизни...

Только неисправимая мотовка-природа, любящая цвѣты, переливы и благоуханія, стремящаяся къ излишеству и сложности формъ, вмѣсто ихъ упрощенія, всюду, гдѣ только появляется это благоразумнѣйшее, повидимому, изъ ея дѣтищъ, брезгливо отворачивается отъ него и протестуетъ: вокругъ него все тускнѣетъ, омрачается, вянетъ и усыхаетъ, и даже самое богатство обращается въ сухой, костлявый, истомленный неутолимымъ голодомъ призракъ...

Впрочемъ, это только присказка. Дѣло идетъ просто о нѣкоторыхъ чертахъ изъ біографіи Дмитрія Васильевича Дужкина...

Жилъ-былъ въ Павловѣ кустарь Василій Ивановъ, по прозванію Дужкинъ.

Это было еще въ то время, когда мастерамъ жилось посвободнѣе, ножъ и замокъ шли съ рукъ порядочно, мастерство не шло на убыль и цѣны держались довольно крѣпко. Чаще тогда слышались въ Павловѣ пѣсни, мастера покупали себѣ хорошія шубы, женамъ дарили платки и узорные ситцы, утѣшались по праздникамъ кулачными боями, въ домахъ стѣны распирались отъ толпы, глазѣвшей на бой кочетовъ, да, правду сказать, не разъ къ празднику безпечные мастера прихватывали и будней, а „расходъ вели по приходу“. Мастерство всегда въ рукахъ, думали они, и не чаяли, не гадали о черныхъ дняхъ и невзгодахъ.

Василій Ивановъ не отличался особенными талантами, работалъ самый простой ножъ, не требующій никакой ловкости или сноровки. Но за то при продажѣ торговался такъ, что выводилъ изъ терпѣнія самыхъ терпѣливыхъ скупщиковъ, и не имѣлъ никакихъ личныхъ слабостей. Никогда не видали его въ кабакѣ, мимо всякихъ гулянокъ онъ проходилъ съ суровымъ видомъ осужденія, появляясь только въ церкви по праздникамъ, да на базарѣ въ понедѣльникъ. Все остальное время онъ работалъ въ своей мастерской. Одѣвался бѣдно, жилъ скупо, и всякую копѣйку откладывалъ, урѣзывая себя, даже въ то сравнительно обильное время, во всемъ самомъ необходимомъ.

— Насъ у него было двое,—говорилъ мнѣ объ отцѣ Дмитрій Васильевичъ,—я, да братецъ старшій,—покойникъ теперь. Любитъ онъ насъ, полагать надо, любилъ. Ну, а жалѣлъ... маловато. Съ осьми лѣтъ ужъ мы у него съ молоткомъ познакомились. Скричатъ вторые пѣтухи—будитъ, а ложились часовъ въ одиннадцать. И если по нынѣшнему объ немъ говорить, такъ надо сказать — скупой... Ну, а встарину говорили—бережливый. Баловства мы отъ него не видали. Чаемъ

насъ поилъ разъ въ недѣлю: послѣ вечеренъ въ субботу. Брату, какъ онъ больше помогалъ, четыре чашки, кусокъ сахару. Мнѣ, какъ я помогалъ меньше, двѣ чашки, полкуска. Теперь, вотъ, господа кустари изволятъ жаловаться: чай плохой торговцы отпускаютъ... И многіе господа кустарей жалѣютъ, о кустаряхъ многіе господа заботятся. Бѣдные, несчастные... Ба-лов-ство-съ!.. Объ насъ, позвольте спросить-съ, заботились? Насъ, позвольте спросить, жалѣли собственные родители?.. Двѣ чашки, полкуска-съ!.. Вотъ какъ!

На лицѣ Дмитрія Васильевича, когда онъ произносилъ эти слова, было какое-то странное выраженіе: жалѣлъ ли онъ о своемъ дѣтствѣ, проведенномъ въ желѣзныхъ тискахъ безпощадной наживы, или съ сыновнею нѣжностью вспоминалъ суроваго родителя, который умѣлъ любить, не жалѣя?.. На блѣдномъ лицѣ разсказчика проступилъ крѣпкій румянецъ. Такой румянецъ и на такихъ лицахъ вспыхиваетъ не сразу, но за то долго не угасаетъ. Онъ перекрестился на икону и закончилъ твердо:

— И посейчасъ благодарю своего родителя, царствіе небесное, что научилъ уму-разуму, какъ надо на свѣтѣ жить...

И затѣмъ продолжалъ свой разсказъ.

Посредствомъ этой системы, путемъ неуклонной энергіи и истинно-геройскихъ лишеній, отецъ скопилъ первую тысячу ассигнаціями. Прибавивъ послѣдній рубль къ накопленнымъ ранѣе, онъ поставилъ свѣчу своему угоднику въ церкви, крѣпко помолился, еще крѣпче подумалъ самъ и позвалъ старшаго сына для совѣта. Мастеръ-кустарь задумалъ открыть свою торговлю.

Это былъ шагъ очень серьезный.

— Думаете, сразу пустилъ въ оборотъ всю сумму?—спросилъ у меня Дмитрій Васильевичъ, лукаво улыбаясь при этомъ воспоминаніи.—Какъ бы не такъ! Нѣ-ѣ-тъ... Старинные люди не любили пыль въ глаза пускать. Встарину любили потихоньку, да чтобы крѣпче. Подумали они, потолковали съ братомъ, потомъ сняли тихонечко лавчонку нехитрую, попросили у сосѣда лошадь съ телѣгой, да, благословясь, въ Нижній... Купили на 500 ассигнацій желѣза и съ Господомъ... открыли торговлю, клёпань да проволоку мастерамъ по мелочи продавать. Встарину, милостивый государь, это не такъ легко зачиналось, какъ нынѣ, это дѣло встарину было серьезное-съ.

Я легко представилъ себѣ, что это, дѣйствительно, было дѣло серьезное. При взглядѣ на сына, разсказывавшаго мнѣ эту поэму отцовской наживы, я читалъ даже въ его лицѣ исторію непривѣтнаго дѣтства. Въ глазахъ горѣлъ огонь, на

щекахъ стоялъ крѣпкій румянецъ, обнаруживавшій желѣзную натуру отца. Но въ сухихъ чертахъ, во всей тощей фигурѣ изъ однихъ костей и сухожилій, сказался непосильный ранній трудъ и лишенія. Онъ напоминалъ растеніе крѣпкой породы, выросшее въ глухомъ углу, безъ тепла и свѣта.

Понятно, что первый шагъ къ выдѣленію старика Дужкина изъ своей среды, къ переходу изъ мастеровъ въ торговцы, среда эта встрѣтила не особенно дружелюбно. „Дужкинъ съ молоткомъ распрощался, Дужкинъ выходитъ въ торговцы! Тысячникъ, милліонщикъ!“—иронизировали павловскіе Аверьяны, саркастически кланяясь новому торговцу, пуская ему въ догонку насмѣшки и остроты. Среда вообще мирится съ существующимъ фактомъ превосходства, но не терпитъ и ненавидитъ такой фактъ, возникающій у нея на глазахъ.

Старый Дужкинъ шагалъ обдуманно и осторожно. По прежнему, задолго до свѣту, онъ зажигалъ рабочую лампочку, задолго до свѣту подымалъ заспавшагося ребенка, который не смѣлъ ослушаться и, прощаясь съ обрывками золотаго дѣтскаго сна, какъ и у другихъ дѣтей полнаго грёзъ, тщательно скрывалъ отъ суроваго отца горькія слезы. Не всюду у мастеровъ свѣтились окна въ тѣ часы, когда свѣтились они у начинавшаго торговца Дужкина, когда за его станкомъ стучали уже три молотка.

Потомъ, подъ благовѣстъ къ ранней обѣднѣ, Дужкины шли въ свою лавку и блѣдный мальчикъ съ черными глубокими глазами помогалъ здѣсь отцу или брату до вечера. Вечеромъ до одиннадцати часовъ опять работа, а тамъ короткій сонъ и опять оборванныя грёзы.

Да, мало жалости встрѣтилъ Дмитрій Васильевичъ Дужкинъ въ свои молодые годы!.. Суровая рука „экономическаго человѣка“, не знавшаго слабостей родительскаго сердца, не давала развернуться ни одному лепестку въ юной душѣ, безпощадно вгоняя ее въ колею наживы, вырабатывая ее по своему суровому образу и подобію.

Между тѣмъ, торговля шла хоть тихо, но вѣрно впередъ. И вотъ, однажды опять старикъ помолился въ церкви, опять заперся со старшимъ сыномъ и говорилъ съ нимъ всю ночь; сынъ отпрашивался и даже плакалъ, а отецъ сурово приказывалъ и настаивалъ. Василій Дужкинъ, уже ранѣе занявшійся мелкою скупкой для ближайшихъ рынковъ, рѣшилъ снарядить старшаго сына въ путь на дальніе рынки, въ Польшу и Украйну. Самъ онъ былъ уже слишкомъ старъ и не могъ бы вынести труднаго путешествія съ возами: но его энергія искала еще новаго примѣненія, хотя бы въ сыновьяхъ.

Онъ обдумалъ все дѣло, а сынъ долженъ былъ привести его въ исполненіе.

— Ну-съ, милостивый государь,—разсказывалъ мнѣ Дмитрій Васильевичъ съ сверкающими отъ восторга глазами, — это дѣло зачиналось еще посерьезнѣе. Теперь, конечно, когда все поставлено, любой приказчикъ его оборудуетъ. А тогда все равно, что Америку открывали. И опять родитель покойникъ отдѣлилъ на это дѣло половину капитала, а другую оставилъ въ старомъ, уже испытанномъ дѣлѣ. И поѣхалъ старшій братъ съ возами въ Польшу, а съ братомъ я, а съ нами еще приказчикъ, человѣкъ бывалый и вѣрный, какихъ теперь вѣрныхъ людей, по совѣсти вамъ скажу, тоже что-то не открывается

Поѣхали и... проторговались.

Поздно ли пріѣхали, или по какой другой причинѣ, только товаръ не пошелъ, денегъ затрачено много, и все понапрасну. Братъ, который и ѣхалъ уже со страхомъ и со слезами, совсѣмъ пришелъ въ отчаяніе. Онъ зналъ, что значатъ напрасно потраченныя деньги, и боялся показаться отцу на глаза послѣ неудачи.

Но тутъ выручилъ вѣрный человѣкъ. „Что-жъ, Семенъ Василичъ,—сказалъ онъ,—теперь ужъ одно: либо весь капиталъ топить, либо весь выручить. Подъ лежачій камень вода не потечетъ. Айда, а тамъ авось и въ Харьковъ къ ярмаркѣ поспѣемъ“. И двинулись они опять со своими возами съ Польши на Украйну.

Что страху набрались, что передумано, что Богу намолились, ѣдучи съ возами по полямъ, шляхамъ и по степямъ Украйны, въ жаркіе пыльные дни и въ звѣздныя росистыя ночи. Что будетъ, что подастъ Господь?.. Страшно невѣдомое, новое дѣло... Просыпаясь въ телѣгѣ, въ глухую полночь, мальчикъ слышалъ не разъ тихій и сомнѣвающійся говоръ брата и успокоительныя замѣчанія бывалаго приказчика. Впрочемъ, младшій Дужкинъ еще не понималъ всей серьезности положенія. Онъ только расправлялся, какъ захирѣвшій цвѣтокъ, вынесенный на свѣжій воздухъ, вдыхалъ полною грудью вѣяніе степного вѣтра, слушалъ разговоры степи съ чарующими ночами юга, и въ его душѣ слагалось что-то, чего онъ не зналъ въ мастерской, что мелькало только отрывками въ грёзахъ недоконченныхъ сновъ въ суровомъ родительскомъ домѣ.

Да, вотъ почему и теперь у Дмитрія Васильевича лучшій хоръ пѣвчихъ изъ всего Павлова, а, пожалуй, могъ бы даже соперничать съ архіерейскими. Этотъ лепестокъ такъ и остался въ душѣ необорваннымъ...

Украйна и харьковская ярмарка выручили. Убытокъ весь наверстался и старику привезли еще, хотя и незначительный, барышъ. Главное, степные шляхи были уже проторены дужкинскими колесами, и вскорѣ въ Польшѣ и въ Харьковѣ открылись двѣ дужкинскія лавки. Въ Польшѣ торговалъ приказчикъ, въ Харьковѣ братъ съ Дмитріемъ Васильевичемъ; отецъ оставался въ Павловѣ, порой наѣзжая въ Харьковъ и въ Польшу.

Тутъ-то, въ харьковскій періодъ жизни, Дмитрію Васильевичу пришлось пережить тяжелыя искушенія, грозившія разрушить всѣ плоды суроваго отцовскаго воспитанія. Точно захирѣвшее растеніе, выросшее подъ желѣзнымъ колпакомъ и вдругъ вынесенное на просторъ, на солнце и на волю,— молодая душа стала расправляться и даже играть неожиданными переливами.

Началось это, вѣроятно, еще тогда, когда мальчикъ шагалъ съ дѣтскою беззаботностью за скрипучими возами по широкимъ шляхамъ; когда чудныя зори умирали за темнѣющею степью, когда безбрежный небесный шатеръ загорался огнями и синяя ночь вѣяла на землю миромъ въ человѣцѣхъ и благоволеніемъ. Тамъ, у красныхъ огней, отъ которыхъ темнѣло небо и невольная жуть падала на сердце, среди чумаковъ, съ ихъ вольною поэзіей и чудными ночными разсказами, у ребенка рождалось желаніе чего-то новаго, другого, чего онъ не зналъ за станкомъ, чего не могла дать ни лавка, ни нажива, ни самая счастливая торговая удача.

И вотъ, тайкомъ отъ старшихъ, мальчикъ смастерилъ себѣ скрипку и сначала робко, потомъ все смѣлѣе, въ свободные часы, гдѣ-нибудь на задахъ или въ далекомъ огородѣ, пробовалъ въ звукахъ излить неопредѣленныя чувства, тѣснившіяся въ душу, которая невольно раскрывалась навстрѣчу. И порой, навѣрное, ясно звучало въ этой душѣ то, что теперь Дмитрій Васильевичъ безповоротно призналъ однимъ баловствомъ: „на земли миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе“...

XII.

Дужкинъ и Дорошенко.

Въ Харьковѣ Дужкины наняли лавку у богатаго помѣщика и домовладѣльца Дорошенка. У послѣдняго былъ сынъ Борисъ одного возраста съ Дмитріемъ Дужкинымъ. Теперь, по прошествіи многихъ лѣтъ, лавка или, вѣрнѣе, магазинъ кустарныхъ издѣлій Дужкина находился въ томъ же домѣ и жизнь двухъ мальчиковъ, а теперь взрослыхъ людей, Дужкина и Дорошенка, протекала двумя близкими параллельными линіями.

Домъ, гдѣ жилъ самъ Дорошенко, находился напротивъ, и Митя, сидя въ лавкѣ среди желѣзныхъ замковъ, подъ желѣзнымъ надзоромъ отца и брата, смотрѣлъ, какъ его сверстникъ,—потомокъ славнаго рода, баловень семьи, — начиналъ свое счастливое существованіе. Къ нему ходили учителя, изъ открытыхъ оконъ лѣтними вечерами неслись звуки музыки.

— Я поигрывалъ на самодѣльной скрипочкѣ, Дорошенко тоже игралъ на скрипкѣ,—говоритъ съ ироническою улыбкой Дмитрій Васильевичъ.—Только я самоучкой, а къ нему ѣздили лучшіе учителя. Потомъ его отдали въ гимназію... а я свою гимназію проходилъ: за прилавкомъ замки продавалъ...

Мальчики встрѣчались изрѣдка на улицѣ, видѣли другъ друга изъ оконъ въ окна. Но молодой Дорошенко долго не замѣчалъ даже существованія молодого Дужкина, тогда какъ тотъ отлично зналъ молодого Дорошенка. Все, что прельщало его противуположностью съ желѣзными тисками наживы, съ узкимъ и суровымъ режимомъ мастерской, лавки, желѣзной торговли,—все, что манило неопредѣленными грёзами въ степяхъ,—все это теперь получило опредѣленный образъ. Ему хотѣлось, во-первыхъ, имѣть такую же скрипку. Вначалѣ онъ чувствовалъ, что молодой Дорошенко далеко уступалъ ему, самоучкѣ, разыскивавшему мелодію по слуху, на дрянномъ инструментѣ. Но прошелъ годъ и „ученый“ музыкантъ далеко обогналъ своего соперника. Мальчику хотѣлось тоже учителя. Были ли съ его стороны робкія просьбы въ этомъ смыслѣ, были ли попытки молодой жизни пробиться изъ желѣзныхъ тисковъ, или онъ затаилъ все это въ себѣ, не пытаясь даже осуществить мечту, — не знаю. Но только и теперь еще въ страстно сверкающихъ взглядахъ Дмитрія Васильевича, когда онъ насмѣхался надъ гимназіями, мнѣ чудилась когда-то, давно, отложившаяся въ глубинѣ души, подавленная драма неудовлетворенныхъ стремленій.

— Да-съ... Онъ въ гимназіи обучался, а я-съ... я свою гимназію проходилъ... за прилавкомъ-съ... Потомъ онъ — въ университетъ, а я... съ возами, по матушкѣ Россіи, въ Польшу, да въ Украйну... Стало быть, тоже университетъ, только по другой части. Хе-хе-хе...

Дмитрій Васильевичъ много, горячо и охотно говорилъ мнѣ о своемъ воспитаніи, объ отцѣ, объ его системѣ, объ ея непреложности, о вынесенныхъ изъ опыта взглядахъ на жизнь, на образованіе, на людей, на кустарное дѣло. Но на этомъ періодѣ своей біографіи онъ останавливался мало и неохотно, такъ, какъ говорится иногда о непріятной болѣзни. Тонкая улыбка пренебреженія играла у него на губахъ, и все, что

я пишу о стени, о скрипкѣ и о юныхъ порывахъ, только промелькнуло въ этомъ разсказѣ.

Какъ бы то ни было, все это несомнѣнно было, оказало свое вліяніе и наложило извѣстный отпечатокъ на дальнѣйшую жизнь. Долго ли „это“ продолжалось, сказать трудно: однако, когда умеръ отецъ и братья раздѣлились, „это“ еще не совсѣмъ смолкло въ душѣ молодого павловскаго торговца.

Между тѣмъ, Борисъ Платонычъ Дорошенко вернулся изъ-за границы, гдѣ онъ изучалъ... кустарный вопросъ. Молодой, блестящій, талантливый, онъ открылъ въ Харьковѣ рядъ публичныхъ лекцій по этому вопросу, и лекціи эти производили настоящій фуроръ. Время было либеральное, послѣ недавней „эмансипаціи“ передъ обществомъ раскрывалась перспектива дальнѣйшихъ реформъ, такая же заманчивая, какъ баловническія грёзы дужкинскаго дѣтства, а порой и такая же неопредѣленная. Во всякомъ случаѣ, всюду въ воздухѣ, какъ основная нота, какъ господствующій тонъ всѣхъ стремленій, звучалъ все тотъ же призывъ: на земли миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе,—который теперь кажется Дмитрію Васильевичу баловствомъ изъ самыхъ опасныхъ.

— Бориса Платоныча Дорошенка изволили знать? — говорилъ мнѣ Дмитрій Васильевичъ Дужкинъ, съ глазами, сверкающими какимъ-то ироническимъ восторгомъ, между тѣмъ какъ на его губахъ змѣилась насмѣшливая улыбка. — Вотъ ужъ кого любо было послушать! Насъ же ругаетъ: и башибузуки-то мы, и турецкія звѣрства дѣлаемъ, и въ египетскомъ рабствѣ кустарей держимъ... И мы же заслушивались, сидя въ публикѣ, и даже сами, повѣрите ли, хлопали въ ладоши. Человѣкъ знаменитый, краснорѣчивый, личность фигурная! Публика плещетъ руками, барыни платками машутъ, восторгъ! Собственные мои приказчики мнѣ же уши оборвали: „Вотъ, молъ, Митрій Васильевичъ, какъ бы и у насъ въ Павловѣ надо. А то все вы по старинѣ, все по старинѣ, а на одной старинѣ далеко ли уѣдешь?.. Вотъ Борисъ Платонычъ какъ по наукѣ рекомендуютъ...“ Хорошо! Сталъ ужъ я у собственныхъ приказчиковъ за послѣдняго человѣка!..

Дмитрій Васильевичъ замолчалъ и нѣкоторое время сидѣлъ, барабаня пальцами по столу и какъ будто вглядываясь въ свои воспоминанія объ этомъ времени.

— Да-съ, — сказалъ онъ, продолжая улыбаться тонкими сухими губами.—Тоже, вѣдь, были и мы молоды, а я,—долженъ вамъ объяснить, — по своему характеру даже весьма пылокъ былъ. Тоже хотѣлось эти самыя, знаете ли, артёлки заводить, господъ мастеровъ благодѣтельствовать. Только какъ

я практическій человѣкъ, то меня, спасибо имъ, сами почтенные господа мастера отпугали, и даже, могу сказать, довольно скоро. Потому что, не хвалясь скажу, голова у меня, милостивый государь, не опилками набита. Да-съ... Если не скучно послушать, я вамъ могу разсказать, какъ это у насъ вышло.

Я, конечно, былъ очень радъ выслушать эту любопытную исторію. Дмитрій Васильевичъ пристально посмотрѣлъ на меня и неожиданно спросилъ:

— Кто я, по вашему-съ? Какъ вы меня назовете? Скупщикъ и фабрикантъ. Такъ ли-съ?

— Конечно.

— А Полетàва Семенъ Семеныча знаете?

— Знаю.

— Ему какое будетъ названіе? Мастеръ? Кустарь?

— Да.

— А онъ двадцать человѣкъ рабочихъ держитъ. Почему же такъ, что онъ кустарь, а я не кустарь? По моему такъ выходитъ, что ежели я фабрикантъ, ежели я сокъ выжимаю, то и онъ, Семенъ Семенычъ, то же самое дѣлаетъ, въ аккуратъ. И даже по понедѣльникамъ огонь засвѣчаетъ и, по силѣ возможности, дѣлаетъ покупку. А не въ понедѣльникъ, то на недѣлѣ покупаетъ. Стало быть, тотъ же скупщикъ. Такъ ли я разсуждаю, по вашему?

— Пожалуй!

— Хорошо! А ежели кто пять рабочихъ содерживаетъ, это какъ? Вѣдь, ежели отъ меня далеко,—у меня, скажемъ, ихъ двѣсти,—то отъ Полетава вовсе близко. А все онъ будетъ кустарь? Это бы дѣло надо маленько разобрать. Теперь я вамъ про того же Полетава скажу. Иду я этто по улицѣ, къ музею, скажемъ, напримѣръ, посмотрѣть: какіе такіе умные люди въ музеѣ *) еще болѣ ума набираются... И идетъ со мной рабочій, съ фабрики моей. Хорошо! Попадается, теперича, встрѣчу Семенъ Полетавъ. И сейчасъ шапку въ одну руку, другую здороваться ко мнѣ... „Здравствуйте, Дмитрій Василичъ, какъ въ своемъ здоровьи пребываете?“ А рабочему моему, который рядомъ идетъ, и головой не кивнулъ. Почему? Не такой же человѣкъ? Такъ это еще, милостивый государь, теперь-съ! А дайте-ка въ настоящую силу войти, онъ тогда станетъ вродѣ Ивана Грознаго!

Онъ засмѣялся своемъ дребезжащимъ смѣхомъ, между тѣмъ какъ глаза его сверкали, и продолжалъ:

*) Въ Павловѣ существуетъ музей образцовъ, открытый отдѣленіемъ техническаго общества.

— Теперь еще вотъ что я вамъ скажу: вотъ у насъ цѣны низнутъ, процентовъ на 20 упали... А у меня на фабрикѣ плата все та же. Хвалиться не стану, — не изъ милости это дѣлаю, — изъ разсчету. Я всякаго къ себѣ на фабрику не поставлю, хоть будь онъ семи пядей во лбу. Я народъ тоже сортирую, у меня съ выборомъ каждый принятъ. Иной разъ изъ дальней деревни выпишу, мужикъ-мужикомъ, стать у станка не умѣетъ. Ничего, выучу, къ дѣлу опредѣлю, если только человѣкъ по разуму подходящій. Такъ мнѣ каждый разъ цѣну имъ мѣнять не приходится. Хорошо! Теперича у каждаго, напримѣръ, моего ковàля—молотобоецъ или подручный меньше съ нихъ получаютъ, а только плату я назначаю самъ. Такъ что-жъ вы думаете? Не болѣ вотъ недѣли назадъ говорятъ мнѣ мастера: „Обидно намъ. Мы теперь себѣ подручныхъ найдемъ: народъ бѣдствуетъ. За два рубля съ охотой пойдутъ“. Слыхали? „Мука, говорятъ, дорогà стала“. Такъ! Вамъ муки надо! А имъ, говорю, не надо?.. Вотъ видите: пусти-ка любого, да онъ вотъ какъ на своемъ же братѣ поѣдетъ, что на клячѣ!

Онъ улыбнулся еще язвительнѣе и перешелъ къ разсказу:

— Былъ тутъ у меня одинъ... Иванъ Михайловъ. Руки у него очень порядочныя, голова глупая была, а ужъ голосъ... просто цѣны тому голосу нѣтъ. А я большое пристрастіе имѣю къ пѣнію. И теперь еще, какъ услышу пѣніе стройное да задушевное, - слезы на глазахъ, душа въ умиленіи. Ну, а въ тѣ времена, конечно, и душа была помягче, и все такое-съ. Такъ вотъ, по такой-то причинѣ этого я мастера побаловывалъ: и не нужно бы когда замковъ его брать—беру. Только ходи ко мнѣ на спѣвки, да чтобы въ церкви аккуратно... И бывалъ я, знаете, въ разныхъ тамъ мѣстахъ... Конечно, не какъ господинъ Дорошенко, а все же видѣлъ кое-что, доводилось! И все, бывало, смотрю, какъ люди дѣлаютъ, до чего люди доходятъ, и нѣтъ ли чего по нашему дѣлу полезнаго. И вижу я въ одномъ мѣстѣ: штампа! замочная! Стукъ— и готово, стукъ—и готово! Скоро, чисто, аккуратно, отчетливо! Ахъ, ты Господи, думаю себѣ, я не я буду, а въ Павловѣ у себя эту штуку заведу. Первымъ дѣломъ — штампу введу заграничную, а около заграничной штампы совокуплю артель. А? Штука-то какая? Тамъ господинъ Дорошенко пока еще говоритъ, а ужъ мы и на практикѣ проведемъ это самое дѣло. Вотъ-съ, надумавши это, тихимъ манеромъ подошелъ къ штампѣ, посмотрѣлъ клеймо: гдѣ, молъ, такая штука дѣлана. Замочекъ тоже добылъ для образца. Отлично! Привожу штампу къ себѣ, въ Павлово.

„Вотъ, думаю, какъ мнѣ надо сдѣлать: призову мастера изъ лучшихъ, изготовимъ мы матрицы или, сказать по просту, формы, выучу одного штамповать, потомъ примусь за другого, тамъ за третьяго. И вотъ этакимъ манеромъ, потихоньку, да помаленьку, безъ шуму, составлю артель. Наштампуетъ одинъ клёпани, сколько надо, — ступай, отдѣлывай, а въ то время припущается къ штампѣ другой. И пойдетъ у меня около этой штампы круговая работа. А тамъ, молъ, посмотримъ.

„Только вотъ бѣда-то въ чемъ. Требуется, прежде всего, форму сдѣлать, потому что штампа одна сама по себѣ еще не дѣйствуетъ, а надобна къ ней своимъ порядкомъ для каждаго предмета матрица или форма, вещь опять особая. Ну, да, вѣдь, нашъ русскій мастеръ, да еще кустарь,—слава-те, Господи!—блоху, и ту, сказываютъ, подковалъ. Вотъ отлично! Призываю къ себѣ слесаря одного. „Такъ и такъ, можешь?“— Показываю замокъ, объясняю.—„Этакой, говоритъ, штуки, да чтобъ я не сдѣлалъ. Въ моментъ! Давай, хозяинъ, задатокъ!“— „Задатокъ, говорю, задаткомъ, что ни возьми, да только сдѣлай!“

„Ну, дѣлалъ, дѣлалъ,—не сдѣлалъ. „Шутка-то, видишь ты, говоритъ, не наша, съ хитростью“,—самъ затылокъ чешетъ.— „Эхъ, говорю, Степанушка-а! Видно, хлопать-то больно легко. На вотъ тебѣ деньги сполна, за всю работу, да смотри, чтобъ никому ни словечка, что мы съ тобой осрамились. Вѣдь, засмѣютъ“. А ужъ у насъ такъ повелось: чуть что новенькое, да еще, храни Богъ, не удалось, Аверьяны одни проходу не дадутъ, засмѣютъ... А я этого не люблю.

„Призываю, поэтому, другого. „Сдѣлаешь?“—„Въ самомъ превосходномъ видѣ, лучше заграничнаго. Это что! Это намъ ничего не составляетъ!“— „Сдѣлаешь ли, смотри?“ — „Говоритъ не о чемъ, сдѣлаю“.

„Не сдѣлалъ. Путлялъ, путлялъ, недѣли съ три провозился. Сработалъ махину, только развѣ орѣхи давить. Ахъ, Ты, Господи! Ужъ у меня сердце за это время накипѣло. И что, молъ, это вы за народъ за такой. Все у васъ только изо рту течетъ: нахвастаете, а на дѣлѣ оправдать не можете!

„Ну, наконецъ-таки, нашелся! Татаринъ, машинистомъ въ Гороховцѣ служилъ, — слесарь первѣйшій! Зазвалъ я его къ себѣ съ базару. „Садись, Василь Василичъ,—всѣ, вѣдь, они по нашему Василь Василичи,—водки хочешь? — пей, закуски хочешь?—жри! А вотъ и дѣло: сдѣлаешь, аль нѣтъ?“

„Посмотрѣлъ прежнюю работу, помолчалъ, подумалъ. Ну, слава-те, Господи, хоть не хлопаетъ зря, думаю себѣ. Авось выдетъ толкъ.

„— Ладно!—говоритъ.—Пятьдесятъ рублей дашь, сдѣлаю.

„Дѣло-то, положимъ, пяти рублей не стоитъ... Ну, да бери, Васенька, только не выдавай!

„Недѣли три мучилъ, злодѣй,—выпить крѣпко любилъ, даромъ что магометовой вѣры. Пріѣдешь къ нему, думаешь: не готово ли, а онъ, замѣсто этого, пьянъ валяется, лыка не вяжетъ. Ахъ, мухи тебя заѣшь! Ну, всетаки, принесъ, наконецъ, приладилъ матрицу къ штампѣ, разъ, р-разъ! Просто точка въ точку!

„Отдалъ деньги, да еще сверхъ уговору напоилъ пьянаго, да на своей лошади домой отправилъ...

„Послѣ этого призываю Ивана Михайлова, стало быть, уже по другому дѣлу, насчетъ артёлки. Начнемъ съ Богомъ!

„— Ну, сладенькой ты мой, вотъ какая штука! Давай, станемъ учиться!

„Выучился мой Иванъ Михайловъ, пошла у него работа какъ слѣдуетъ, замокъ новенькаго фасона, идетъ хорошо и цѣну я ему даю тоже хорошую. Теперь надо мнѣ другого пріучать.

„Только, между этими дѣлами, примѣчаю: начинаетъ что-то мой Иванъ Михайловъ портиться. Просто сказать, зазнается мужикъ. Дескать, и голосъ у меня, и въ церкви я надобенъ, и на штампѣ стукать умѣю, — самый, значитъ, я первѣйшій человѣкъ. На спѣвки не ходитъ, пьянъ напьется, грубить начинаетъ, а я все терплю, все, замѣтьте себѣ, терплю! Захаръ Васильевичъ, староста церковный, тотъ даже удивляется на меня: „Вы, говоритъ, молодой человѣкъ, еще обращенія настоящаго съ этимъ народомъ не знаете. Теперь бы, по нашему, весьма полезно ему въ шею хорошенько накласть! Послушайтесь опытнаго человѣка. Самое теперь время, а то, пожалуй, упустите, потомъ ужъ и поздно будетъ!“ А я: „Что вы это, Захаръ Васильевичъ? Нельзя этакъ грубо. Что мы здѣсь, на кулачномъ бою, что ли? Надо по нынѣшнему времени иначе. По настоящему времени надо словомъ убѣжденія!“

„Вотъ призываю милаго дружка: „Ванюша, не хорошо, голубчикъ! Образумься нѣсколько. Вѣдь, это же выходитъ довольно съ твоей стороны безобразно!“ Вотъ мой Ванюша послѣ этого такъ ужъ поправился, что въ церковь пьяный вкатился, старосту скверно обругалъ, мнѣ языкъ кажетъ. Еще бы малость, такъ, пожалуй, отъ хорошаго убѣжденія меня же ударилъ бы. Какъ разъ бы потрафилъ.

„Ну, тутъ ужъ я маленичко опоминаться сталъ, дѣйствительно. Драться, всетаки, не сталъ, потому что, по моему, глупые это люди, которые дерутся. А призвалъ его къ себѣ,

тихонько да вѣжливенько: „Иванъ Михалычъ, господинъ Шуповъ, получите съ насъ разсчетъ, да ужъ больше, сдѣлайте милость, къ намъ не ходите. Отъ нашихъ воротъ имѣйте поворотъ!“—„Какъ, да что?“—„Ничего-съ, только мы вамъ, а вы намъ болѣе не нужны. Получите слѣдуемое сполна“.

„— Да я, говоритъ, больше не буду!

„— Дѣло ваше, какъ хотите, такъ сами себя и ведите, мы съ васъ воли не снимаемъ. А только, — говорю я ему,— послушай ты теперь, что я тебѣ говорить стану, да запомни, за-апомни! Я вашего брата мастерового весьма знаю и манера ваша мнѣ извѣстна: шапки ты теперь на улицѣ передо мной ломать не станешь. Богъ съ тобой, не надо. А вотъ зачнешь меня на улицѣ остановлять, да срамить на народѣ, да проходу не давать. Ну, этого не дѣлай! Не ругай ты меня, Иванъ Михайловъ, я тебѣ говорю: ни въ глаза!.. Отъ нужды никто не застрахованъ. Въ нуждѣ я тебя достану, въ нуждѣ ты отъ меня кровавыми слезами заплачешь...“

Дмитрій Васильевичъ перевелъ духъ. Даже теперь, когда онъ передавалъ эти подробности, его голосъ дрожалъ и понизился до шопота. Я посмотрѣлъ въ худое лицо, пылавшее страстнымъ гнѣвомъ, и испугался за безпечнаго пѣвца Ивана Михайлова...

„— Ну, послушался, понялъ! И дѣйствительно, съ этихъ поръ я своею дорогой иду, онъ своею. Шапки не снимаетъ, да и не ругается, больше все куда-нибудь въ переулокъ норовитъ. Сталъ я немножечко стороной у мастеровъ поспрашивать: „То-то, молъ, Ванька меня, чай, теперича коститъ?“— „Нѣтъ, не было этого, не слыхивали“.

„А, между тѣмъ, наковальня отъ штампы такъ у него и осталась. Я ничего, ни слова объ этомъ, что-то будетъ дальше. Приходитъ разъ къ прилавку, несетъ замки: „Не возьмете ли?“—„Не требуется намъ на этотъ разъ, не взыщите“. Въ другой—то же самое: проходите мимо!

„А на ту пору и подойди нужда! Да не такая, какъ теперь, а ужъ именно что настоящая нужда, отъ какой нужды упаси Господи! Цѣны базаръ отъ базару все низнутъ, да все низнутъ. Мѣсяцъ назадъ по рублю кои замки покупалъ, тѣ ужъ по восьми гривенъ. По восьми возьмешь, черезъ недѣлю ужъ по семи цѣлую гору накидаютъ. Мы и то закачались маленько, и съ капиталами. А простому рабочему народу — зарѣзъ!

„Вотъ, еще въ началѣ этой самой исторіи идетъ мой Иванъ Михайловъ, тихій да смирный. „Вотъ, молъ, Дмитрій Василье-

вичъ, принесъ я вамъ наковальню вашу, — изъ ума она у меня вонъ, только теперь вспомнилъ".

„— Это, говорю, хорошо, что вспомнили. Это обозначаетъ, что есть еще въ васъ сколько-нибудь совѣсти. Это я похвалю.

„— А замочковъ не возьмете ли у меня?

„— Замочковъ мнѣ вашихъ не надо.

„А самъ примѣчаю: подается мужикъ, отмякъ, въ настоящее чувство входить начинаетъ. Хорошо-съ.

„Вотъ и подошла, наконецъ, самая коренная нужда, бѣдствіе, туча, наказаніе Давидово. Сами мы даже испугались, народъ ревомъ реветъ, дѣтишки пухнутъ. Идетъ опять Иванъ Михайловъ и голову повѣсилъ.

„— Не надо ли, молъ, замочковъ?.. Возьмите, Дмитрій Васильевичъ.

„Смотрю я на моего Ванюшу: только, молъ, отъ него и будетъ, или еще что-нибудь скажетъ?

„— Да что ужъ! Бери, ради Христа! Прости, Митрій Василичъ. Ввѣкъ самъ не буду, дѣтишкамъ закажу, даже до седьмого колѣна, чтобъ имѣли всякое почтеніе къ тому человѣку, который превыше...

„И смотрю я: изъ глазъ у мужика слезы ручьемъ.

„Н-ну! Это дѣло другое-съ!.. Взялъ! И нужды въ тѣхъ замкахъ не было, а взялъ. Потому что, понимаете ли вы это,—замокъ не нуженъ, такъ человѣкъ нуженъ. Человѣка я себѣ по гробъ пріобрѣтаю.

„— Такъ-то, говорю, Ваня. — Ужъ не Иванъ Михайловъ! Котораго я человѣка приближаю, все ужъ полуименемъ зову.— Ты, говорю, Ваня, понимай! Потому что и въ Священномъ Писаніи сказано: богатство порождаетъ добродѣтель, бѣдность уничтожаетъ. А еще сказано, и ты понимай, что это правильно: всякій человѣкъ долженъ кому-нибудь покоряться... Понимаешь! Кому-нибудь, а ужъ долженъ покоряться. Ты вотъ сейчасъ мнѣ покорился, а я, думаешь, никому не покорствую? Нѣтъ, и я покоряюсь, покоряюсь, Ваня! Гнусь вотъ какъ, побольше еще, чѣмъ ты теперь передо мною... Потому что я тебя, Ваня, умнѣе!..

„Съ этого самаго времени пріобрѣлъ я себѣ мужика; работаетъ у меня на фабрикѣ за перваго работника и на клиросѣ даже за регента дѣйствуетъ, когда придется. И много еще, послѣ того случаю, я дураковъ такихъ захомутывалъ. Теперь о глупостяхъ о своихъ и вспоминать забыли. „Спасибо, говорятъ, Митрій Василичъ, что научилъ насъ, глупыхъ, уму-разуму".—„Спасибо и вамъ, и вы меня тоже на-

учили, какъ надо съ вами, ребятушки! Потому что у каждаго человѣка свое дѣло, свое и понятіе. Вы свое отъ меня узнали, я отъ васъ свое!..“

XII.

Побѣды „экономическаго человѣка“.

Суровый родитель могъ спокойно почивать въ своей могилѣ. Молодыя глупости, всѣ эти бреши и изъяны, нанесенные душѣ его сына чужедальною стороной, заманчивымъ просторомъ Божьяго міра, музыкой, гимназіями, университетами, лекціями Бориса Платоновича Дорошенка, — все это разсѣялось... Родимое село опять захватило своего питомца и поставило его въ колею. Душа отряхала ненужные придатки, возвращаясь къ выполненію отцовскихъ традицій, простыхъ, незатѣйливыхъ и суровыхъ.

Однако, что-то тамъ было еще назади, что влекло если не симпатіи молодого скупщика, то его ревнивое вниманіе. Онъ продолжалъ съ затаеннымъ интересомъ слѣдить за карьерой своего соперника, занимавшагося тѣмъ же дѣломъ, съ теоретической его стороны. Проходя *свою* гимназію и *свой* университетъ, колеся по Россіи, Польшѣ и Украйнѣ, онъ закалился, высохъ на солнцѣ, затаилъ все, что прежде рвалось наружу, но все же прикидывалъ *свой* опытъ, *свои* познанія къ тому, что говорилъ, что писалъ его краснорѣчивый, образованный соперникъ. Это была своего рода борьба, въ которой одна борющаяся сторона даже не знала о своей роли... Своя профессія по-просту и безъ затѣй стала для Дужкина отъ этого еще дороже...

— Вотъ я вамъ случай на этотъ счетъ разскажу изъ собственной моей практики. Пріѣзжалъ къ намъ сюда корреспондентъ одинъ. Долго ли прожилъ у насъ, коротко ли, а обругалъ всѣхъ. И обругалъ, я вамъ доложу, на славу, хлестко. Скупщики — разбойники натуральные, баши-бузуки турецкіе, на святой Руси болгарскія звѣрства дѣлаютъ. Хор-ро-шо-съ. Прочитали мы, молчимъ,—не впервой, привыкли!

„Только попадись эта газета въ Твери молодому купцу. Отецъ денежки копилъ, а сынъ въ университетѣ обучался. Старикъ умеръ, сынъ прямо изъ университета—за дѣло. Капиталъ агромаднѣйшій, хочется и образованіе свое показать, и главнаго приказчика себѣ подыскалъ, который окончилъ курсъ гимназіи.

„Вотъ прочитали они газету и возмутились. Ка-акъ! Въ Россіи болгарскія звѣрства! Мы этихъ скупщиковъ въ лоскъ уложимъ!

„Призываютъ для начала одного приказчика, изъ простыхъ, настоящихъ, который изъ мальчиковъ лямку тянулъ, и посылаютъ къ намъ, въ Павлово, съ такимъ разсчетомъ, что, дескать, купить на тысячу рублей товару, а между тѣмъ временемъ и присмотрѣться, какъ насъ уничтожать, съ которой стороны за насъ, за разбойниковъ, приниматься... А какъ я еще съ старикомъ дѣло имѣлъ, то и послали парня этого ко мнѣ, съ письмомъ: дескать, имѣемъ нужду въ павловскомъ товарѣ, такъ помогите. И списокъ составили, и даже проставили цѣны, по своимъ соображеніямъ, по ученымъ, чтобы и кустаря какъ-нибудь, сохрани Господи, не обидѣть.

„Отлично. Посмотрѣлъ я списокъ, подивился про себя. Однако, какъ это дѣло не мое,—помогъ. Купили, укупорили, отправили. Черезъ сколько-то времени ѣдетъ приказчикъ опять, и опять списокъ,—товаръ другой, цѣны другія. „Ну, что, молъ? Какъ расторговались?“ Ухмыляется парень: — „Плохо“.— „Хлебнули шиломъ патоки?“—„Маленько. Рублей на шестьсотъ убытку“.—„Такъ. А кто у тебя хозяинъ? Никакъ изъ университета?“—„Такъ точно“.—„А главный приказчикъ?“— „Гимназистъ“.—„Отлично. Стало быть, университетъ да гимназія. А мы съ тобой люди простые, не ученые, не балованные?“—„Гдѣ намъ-съ“.—„Ну, такъ давай-ка ты списокъ сюда“. Да по списку этому карандашомъ чиркъ, чиркъ—и захѣрилъ все. „Ну, давай теперь мы съ тобой свой списокъ составимъ, не по ученому, а по простому нашему разуму. Вотъ за это— и дороже можно дать, потому что товаръ теперь въ ходу, а этого вотъ и даромъ, ежели дадутъ, не бери,—не надобенъ, никочемъ“.

„Купилъ ему такимъ способомъ весь сортаментъ, присланныя деньги извелъ, да еще отъ себя на такую же сумму прибавилъ. Вези, другъ милый, да поучи маленько ученыхъ людей!

„Черезъ небольшое время опять ко мнѣ парень на дворъ, съ письмами да съ поклонами. „Велѣли кланяться, благодарятъ за наставленіе, просятъ впредь наукой не оставлять“.— „Поняли, значитъ?“ — „Какъ не понять, помилуйте-съ. То убытокъ былъ, своего не выручили, а теперь въ полгода съ барышомъ растоварились“.—„То-то молъ, скажи, пусть газетъ не читаютъ. По газетамъ хорошо разговоры разговаривать, по наукамъ лекціи читать, а торговое дѣло надо по старинѣ вести, какъ люди ведутъ...“

Дмитрій Васильевичъ помолчалъ, нервно побарабанилъ пальцами и рѣзко повернулся опять ко мнѣ.

— То же самое и Борисъ Платонычъ, господинъ Доро-

шенко. Слушалъ я его, слушалъ, — ну, а какъ сталъ свой университетъ проходить, и думаю: погодите, Борисъ Платонычъ, высоко летаете, куда-то сѣсть придется...

И дѣйствительно, послѣ смерти отца дѣла краснорѣчиваго противника скупщиковъ пошатнулись. А тутъ подъ рукой хорошо изученное „дорогое“ кустарное дѣло, а тутъ подъ рукой и помощникъ, тихо, смиренно, съ затаеннымъ горькимъ смѣхомъ въ душѣ предложившій свои „непросвѣщенныя“, скромныя услуги. И вотъ опять теоретическій университетъ попадаетъ подъ руководство университета „практическаго“. „Фигурная личность“, блестящій ораторъ, громившій скупку и поселявшій сомнѣнія даже въ скупщицкой душѣ, Борисъ Платоновичъ, уронившій Дужкина даже въ глазахъ его собственныхъ приказчиковъ, очутился, наконецъ... хотя и не прямо, не непосредственно, но все же очутился за скупщицкимъ прилавкомъ и трепетный огонекъ у входа въ мрачныя пещеры освѣтилъ также и дорошенковскую долю этой операціи.

Дмитрій Васильевичъ отплатилъ своему сопернику истинно по христіански: онъ берегъ его интересы такъ ревниво, какъ не берегъ даже своихъ; при каждой новой удачѣ бывшаго оратора на губахъ скупщика являлась такая радостная улыбка, какъ будто барыши приходились на его собственную долю. Нѣтъ, за себя онъ не могъ радоваться *такою* радостью. Тутъ была доля стараго чувства, тутъ отдавалась дань юности, ея задавленнымъ стремленіямъ, ея горькой зависти, ея нравственнымъ униженіямъ и глухой борьбѣ. Скупщикъ отдавалъ ученому барыши по счету на бумажки, а себѣ бралъ у прежняго Дорошенка, у краснорѣчиваго оратора, у строгаго проповѣдника, иные барыши, безъ счета. Онъ говорилъ себѣ съ торжествомъ, что *онъ*, а не *они* правы, что *они* пошли *его* путемъ, значитъ, путь этотъ вѣренъ, что его родитель не напрасно вырвалъ суровою рукой изъ юнаго сердца трепетавшіе въ немъ когда-то ненужные придатки и обманчивыя грёзы! Это было торжество и вмѣстѣ оправданіе,—оправданіе и давно умершему экономическому человѣку, лежавшему въ могилѣ, и новому экономическому человѣку, который выходилъ теперь на свой путь уже безъ малѣйшихъ сомнѣній, даже безъ малѣйшихъ остатковъ горечи, превратившихся въ сознаніе удовлетворенія и торжества...

И вотъ въ одинъ прекрасный день, почтительно, но съ явною улыбкой, немолодой уже Дужкинъ взглянулъ въ глаза немолодому Дорошенку и сказалъ своимъ жесткимъ голосомъ:

— А что, Борисъ Платонычъ, помните ли вы ваши прежъ-

нія рѣчи? Пожалуй, вѣдь, и сами теперь... тоже болгарскія звѣрства производите?

Ораторъ сдался. Онъ зачеркнулъ все, что говорилъ когда-то въ томъ самомъ городѣ, въ присутствіи того самаго человѣка, который теперь пристально смотрѣлъ ему въ глаза.

Была какъ-то кустарная выставка въ Харьковѣ... Выставка не удалась, все лѣзло врозь, экспоненты остались недовольны, недовольна осталась публика, недовольны газеты. Тріумфаторомъ вышелъ одинъ Дмитрій Васильевичъ Дужкинъ. Онъ получилъ награды, почетные отзывы, его товаръ обратилъ на себя всеобщее вниманіе, и, наконецъ, въ томъ самомъ городѣ, а, можетъ быть, даже въ той самой залѣ, гдѣ нѣкогда раздавались громовыя рѣчи противъ „египетскаго рабства“ кустарей,—теперь Дорошенко торжественно сознался въ своихъ прежнихъ заблужденіяхъ. Нѣтъ, благородное скупщицкое сословіе является необходимымъ звеномъ въ кустарномъ организмѣ. Это — просвѣщенные коллекторы, совершенствующіе производство!

И Дмитрій Васильевичъ, разгорячившійся отъ молодыхъ воспоминаній и недавняго торжества, смотритъ мнѣ въ глаза, и взглядъ Дмитрія Васильевича какъ будто спрашиваетъ у меня, молчаливаго слушателя этой драмы: „ну, чья же школа лучше?“

XIII.

О торговомъ дѣлѣ и баловствѣ.

— А Николай Петровичъ Зерновъ?—спросилъ я какъ-то невольно.—Вѣдь, и Николай Петровичъ тоже... изъ университета?

Дмитрій Васильевичъ привскочилъ со стула.

— Что-жъ такое Николай Петровичъ?—позвольте спросить. Ничего и не вышло.

— Да; но отчего?

— Отчего? А вотъ я вамъ скажу отчего.

Онъ нервно взялъ стоявшій на столѣ стаканъ и поставилъ его передо мной, крѣпко стукнувъ донышкомъ.

— Видите: стаканъ. Не велика штука, нехитрая, какіе тутъ узоры, — вонъ грань одна, больше ничего. Такъ. А тридцать лѣтъ назадъ дѣлался этотъ стаканъ съ кромочкой. Значитъ, тогда спросъ одинъ былъ, теперь спросъ другой. Дай вамъ теперича стаканъ съ кромкой, вы скажете: нѣтъ, не желаю, дайте мнѣ новѣйшаго фасона. Вѣрно?

— Вѣрно.

— Такъ то стаканъ. А теперь возьмите замокъ, —

тутъ сколько сортовъ, да сколько фасоновъ!.. Сейчасъ вотъ мѣдная штучка придѣлана, только и есть разницы. А, между тѣмъ, эта штучка пускаетъ замокъ въ ходъ, отъ этой штучки поплыветъ этотъ замокъ рѣкой, а ужъ другой который-нибудь остановляется. Такъ ли я говорю? Вѣдь, па это есть спросъ, штука весьма, скажу вамъ, капризная! Вотъ я о себѣ, не хвастаясь, скажу: по Харьковской, да по Московской губерніи все знаю, настоящій профессоръ. Чуть маленько одинъ товаръ позамялся, ужъ у меня ушки на макушкѣ, — отчего? Другой опять тронулся шибче, — какая причина? Сейчасъ соображаю: тутъ попридержу, тамъ повыпущу! Потому что въ томъ мы полагаемъ свою выгоду и мѣста эти намъ стали извѣстны... Сколько теперь этого желѣзнаго товару черезъ руки прошло. Вѣдь, онъ, замокъ-то, всякій бываетъ. Есть замокъ по рублю за штуку, и есть замокъ по сороку копѣекъ десятокъ. Опять есть замокъ съ секретомъ, а есть и такой, что возьмите вы ихъ десять, только одинъ отпирается. Значитъ, въ одно мѣсто требуется одно, въ другое мѣсто — другое.

— Куда же, однако, — спросилъ я, — можетъ требоваться замокъ, который вовсе не открывается?

Дмитрій Васильевичъ посмотрѣлъ на меня взглядомъ снисходительнаго превосходства и сказалъ не безъ нѣкотораго паѳоса:

— Россія, милостивый государь, государство агромаднѣйшее... тутъ всякая дрянь сойдетъ!

И, не останавливаясь дальше на этомъ предметѣ, продолжалъ съ увлеченіемъ:

— Такъ вотъ-съ! Которому человѣку это выгодно, кто этимъ съ малыхъ лѣтъ занимается, тотъ можетъ все услѣдить. А другому какъ узнать? Вотъ и говорю я Николаю Петровичу: — „Не выйдетъ у васъ“. — „Нѣтъ, выйдетъ“. Ну, хорошо, я объ себѣ не сталъ утверждать, пусть я не понимаю, а только говорю, что не выйдетъ. И не вышло!

„Почему не вышло?.. А вотъ почему-съ. Былъ тутъ, напримѣръ, мастеръ одинъ, Рябовъ по фамиліи. Дѣлалъ замокъ, называемый рябовскій, и былъ тотъ замокъ „введенный“. Хочешь, не хочешь, а безъ рябовскаго замка торговать невозможно, потому что придетъ оптовый покупатель, спрашиваетъ: „Дай ты мнѣ, говоритъ, на пятьсотъ рублей чего хочешь, да на пятнадцать цѣлковыхъ рябовскаго замка“. Не дашь, и остального товару не продашь, въ другое мѣсто покупатель уйдетъ. Работа, что говорить, чистая была, извѣстная, и свое клеймо!

„Вотъ приходитъ разъ этотъ Рябовъ, приноситъ замки. Я и говорю: теперь, Михайло Петровичъ, вашего замка у меня довольно, а надо мнѣ вотъ какой, скажемъ хоть, для примѣра, балагурскій.

„— Какъ такъ? — говоритъ. — Мнѣ, говоритъ, балагурскій не столь уже выгоденъ. На своемъ я сорокъ копѣекъ получаю, на балагурскомъ четвертакъ. Какая же мнѣ надобность? Не желаю.

„— Какъ хотите, — говорю, — а покамѣстъ долженъ я переждать съ вашимъ замкомъ.

„На слѣдующей недѣлѣ тащитъ опять свои. Дѣлать нечего, человѣкъ нужный, беру. — Сдѣлайте одолженіе, Михайло Петровичъ, приносите мнѣ балагурскихъ.

„— Не желаю.

„— Воля ваша, непріятно мнѣ это, да ужъ хоть разладиться съ вами, а больше теперь брать не могу.

„Потому что ужъ я замѣчаю: замялся этотъ замокъ, задерживается въ лавкахъ. Думаю, можетъ, на короткое время сталъ, а тамъ и опять пойдетъ; ну, а бываетъ и то, что вовсе изъ моды вышелъ. Значитъ, мертвое дѣло. А мастеръ только свиститъ.

„— Наплевать! У насъ теперь артель. Въ артель сволоку. И то давно зовутъ.

„— Какъ вамъ угодно. И нежелательно мнѣ съ вами разставаться, а больше мнѣ не подъ силу.

„Ну, и ушелъ въ артель. И горюшка себѣ не знаетъ: надѣлаетъ и сдаетъ свои замки, надѣлаетъ и сдаетъ. А тамъ все берутъ, да все берутъ. Навалилъ груду, а, между тѣмъ, замокъ этотъ на рынкѣ и вовсе сталъ, кончилась мода, а они и не замѣтили. Набрали всякаго добра много, возятъ съ мѣста на мѣсто: на ярмаркѣ торгуютъ, въ Москвѣ, въ Петербургѣ, въ Урюпинѣ шиломъ патоки хлебнули... Наше дѣло требуетъ сноровки, гдѣ шажкомъ, гдѣ ползкомъ, гдѣ и поклониться. Вотъ я вамъ опять-таки случай разскажу, со мной и дѣло-то было. Пріѣзжаетъ каждый годъ въ ярмарку купецъ изъ Сибири, Кабаловъ, ежели слышали. И каждый годъ все на тысячу рублей у меня товару беретъ; не то, что павловскимъ товаромъ торговлю ведетъ, а такъ, между другими предметами и нашъ годится. Только разъ и говоритъ мнѣ этотъ купецъ: „Вашъ мнѣ товаръ ни шьетъ, ни поретъ; ни барышу отъ него настоящаго, ни убытку: возьмешь его — сойдетъ, пожалуй, не возьмешь — и безъ него обойдется дѣло. Ужъ и то думаю, тысячу рублей не на другое ли что оборотить?“ Намоталъ я эти слова на усъ. На слѣдующую ярмарку,

жду-пожду, не является ко мнѣ приказчикъ ихній. Плохо дѣло, — на тысячу рублей не продать, тоже изъянъ. Иду къ самому въ гостиницу. „Спитъ, черезъ часъ приходите“. Прихожу черезъ часъ — на биржу уѣхалъ. Я на другой день. „Принимаютъ?“ — „Спитъ, приходите черезъ часъ“. — „Ничего, я въ передней обожду, человѣкъ небольшой“. Сѣлъ, сижу себѣ смирненько. Вотъ, слышу, проснулся, одѣлся, черезъ малое время выходитъ въ пальто. Увидѣлъ меня, кивнулъ только головой.

„— А, это вы?

„— Я-съ. По дѣлу.

„— Некогда, завтра приходите.

„— Съ нашимъ удовольствіемъ.

„На утро опять таже исторія: „Приходите послѣ-завтра“, — а продежурилъ я у него на этотъ разъ уже два часа. На третій день, какъ увидѣлъ меня на мѣстѣ, такъ даже удивился.

„— Все ходишь? — говоритъ.

„— Хожу, по приказанію вашему.

„— Я, — говоритъ, — думалъ: ты обидишься и ходить бросишь.

„— Помилуйте, говорю, молодъ я еще на людей обижаться, которые болѣе меня стоютъ.

„Посмотрѣлъ на меня старикъ, усмѣхнулся, протянулъ руку:

„— Видна, говоритъ, птица по полету. Вы, говоритъ, молодой человѣкъ, имѣете умъ. Люблю умныхъ людей. Не угодно ли со мной въ гостиницу отправиться, тамъ и о дѣлѣ потолкуемъ.

„Отправились, столковались. И до настоящаго времени, вотъ уже двѣнадцатый годъ, все беретъ товаръ. И не надо бы иной разъ, а беретъ. Вотъ какъ наше дѣло идетъ-съ. Всякое дѣло своего ума требуетъ, а въ нашемъ дѣлѣ умъ требуется покорный.

„Да это и во всякомъ дѣлѣ такъ-съ... Да это и во всей жизни такъ. Страхъ — начало премудрости, это сказано не даромъ. Умный человѣкъ самъ себя въ страхѣ держитъ, самъ на себя покорность налагаетъ. Глупаго человѣка чѣмъ удержишь? — нуждой-съ! А безъ страха одинъ развратъ, непокорство, баловство! Товарищества, артели, помощь бѣднымъ... — Куда это вы, господинъ мастеръ, спѣшите? „Иду въ артель деньги получать“. За что? Для чего? — Баловство одно! — закончилъ Дмитрій Васильевичъ, стоя передо мной и страстно сверкая своими глубокими черными глазами. — Баловство! Потачка! Рубь сберечь — вотъ чему народъ учить надо“.

— Но изъ чего же сберечь, Дмитрій Васильевичъ?

— Изъ чего?

Дмитрій Васильевичъ посмотрѣлъ на меня глубокимъ взглядомъ.

— Изъ чего? А вотъ изъ чего-съ! Я вамъ сейчасъ разскажу изъ чего-съ.

XIV.

О Мишанькѣ, праведномъ стяжателѣ.

— Всетаки, былъ я, милостивый государь, счастливъ и отъ Бога взысканъ, что мнѣ еще и въ нынѣшній вѣкъ люди попадались. Настоящіе. Стар-риннаго закалу, негордые, имѣющіе разумъ, который дается отъ Бога. Вотъ я вамъ про такого и разскажу.

„Былъ тутъ, не въ дальнемъ селѣ, ковáль одинъ,—много лѣтъ на меня тотъ человѣкъ работалъ. Мужикъ хорошій, аккуратный, дѣло изъ рукъ не валилось, пьянаго я его не видалъ, въ глупостяхъ этихъ, которыя теперь въ народѣ встрѣчаются, тоже не замѣчалъ никогда. Ну, и тоже надо сказать, много лѣтъ и добродѣтели въ немъ настоящей не замѣчалъ, потому что настоящая добродѣтель все одно, какъ червонецъ на дорогѣ. Сколько разъ мимо пройдешь, и ногой, пожалуй, наступишь, и не видишь. А случай подойдетъ, онъ вдругъ блеснетъ и объявится...

„Такъ было и тутъ.

„Приходитъ разъ мужичокъ этотъ ко мнѣ, сдалъ клёпань, веселый. „Нынѣ, говоритъ, Митрій Васильичъ, радость у меня“.

„— Что такое?

„— Вы меня, Митрій Васильичъ. знаете, не пьяница я, въ карты не играю, какъ иные прочіе, баловствомъ тоже никакимъ не занятъ. Бабу мнѣ Богъ послалъ—золото! Работали мы, работали. труждались, можно сказать, неустанно, добились до настоящей суммы, которую себѣ положили. Вотъ онѣ—получилъ теперича отъ васъ послѣднюю десятку; сколько годовъ мы ее, родимую, дожидаемся! Теперь я, Митрій Васильичъ, обезпеченный человѣкъ: избу строю, кузница у меня станетъ въ огородѣ новая, дровъ, углей—на годъ запасу. Теперь я, говоритъ, самъ себѣ господинъ.

„Посмотрѣлъ я на него. Не понравились мнѣ, признаться, его похвальныя рѣчи.

„— Это все, говорю, хорошо. Дай тебѣ Богъ. А только, Мишанька, говорю, ты не загордился ли? Этакъ же одинъ говорилъ: „построю житницы... душе моя, яждь, пій, весе-

лися". А Господь слушаетъ, да говоритъ про себя: „погоди-ка, гордый человѣкъ, Я тебя нонѣ ночью возвеселю". Потому что Богу это неугодно, что человѣкъ самъ себя отъ страха освобождаетъ.

„И что-жъ вы думаете? Прошло сколько-то времени, приходитъ ко мнѣ тотъ Мишанька, обливается слезами.

„— Вотъ, говоритъ, Митрій Васильичъ, какое дѣло вышло. Исполнилось по вашему слову, посѣтилъ меня Господь за грѣхи: домъ сгорѣлъ, кузница новая сгорѣла. Отъ нея и огонь пошелъ. Палъ огонь на полѣнницы, да на уголь,— запасъ весь какъ есть пригорѣлъ, синь-пороха не осталось; сами съ бабой еле живы отъ Господа убѣжали, струментъ, и тотъ не пощадила сила Господня. Потому что посѣтилъ насъ въ самую полночь... Теперь бѣднѣе я бѣднаго, вотъ передъ вами весь тутъ, какъ меня видите.

„Плачетъ! Да и заплачешь. Подумайте сами: сколько лѣтъ копилъ и все въ одинъ мигъ прахомъ пошло.

„— То-то, говорю, Мишанька. Раненько возликовалъ. Видно, хочетъ Господь тебя испытать горькою долей. Пріемли, Мишанька, со смиреніемъ.

„— Да, ужъ видно, говоритъ, Его, Батюшку, не переспоришь. Возьмите меня, Митрій Васильичъ, къ какому ни то дѣлу. Сдѣлайте милость.

„— Что-жъ, говорю, приставить, конечно, можно, отчего не приставить. Только, какъ у тебя даже и инструментъ Господь отнялъ, то, видно, ужъ тебѣ не въ мастерахъ быть, а въ сторожа ко мнѣ идти.

„Заплакалъ мужикъ. Подумайте: мастеръ, вѣкъ въ своей кузницѣ на себя работалъ, а тутъ въ сторожа! А дѣлать нечего, спорить не сталъ. Нужда!

„Приставилъ я его дворъ караулить, два рубля сорокъ въ недѣлю, бабѣ тоже дѣло нашлось. Два сорокъ, на своихъ харчахъ! Много ли денегъ-то?.. послѣ прежняго-то достатка?

„Хорошо. Вотъ приставилъ я его и посматриваю, какъ мой Мишанька смиряться будетъ, какъ самъ себя поведетъ. Ничего! Караулитъ усердно. И смиряется... Прежде въ комнатахъ у меня сиживалъ, чай вмѣстѣ пивали, а теперь на чернорабочемъ положеніи, у воротъ съ дубинкой сидитъ; а увидитъ хозяина издали—встаетъ, шапку въ руки. Вижу, мужикъ съ понятіемъ. И на сторонѣ тоже прислушиваюсь: не ропщетъ ли? Нѣтъ, ничего не слышно.

„Только начинаю вдругъ замѣчать одно обстоятельство. Всю недѣлю мой Мишанька укрѣпляется, по субботамъ слабѣетъ. Разъ прохожу—плачетъ-сидитъ у воротъ. Что такое,

думаю, а самъ, конечно, виду не показываю. Другой разъ вижу,—уже и баба съ нимъ,—выбѣжала изъ стряпущей, сѣла рядомъ съ мужикомъ—разливаются... конечно, потихоньку. И такъ у нихъ пошло: какъ суббота, да смеркнется, гляжу: они за свое: сидятъ рядышкомъ и плачутъ... Долго я понять не могъ... Ну, наконецъ понялъ".

Въ комнатѣ, гдѣ мы разговаривали съ Дмитріемъ Васильевичемъ, сгустились сумерки, а свѣчей еще не приносили. Мнѣ видны были только общія, неясныя очертанія его фигуры; онъ то вставалъ, то нервно ходилъ по комнатѣ, утопая въ дальнемъ углу и затѣмъ приближаясь ко мнѣ. Теперь онъ стоялъ передо мною, и его блѣдное лицо, съ черными глазами, пятномъ выступало изъ темноты. Его голосъ какъ будто отмякъ. Разсказъ о Мишанькѣ, о его смиреніи, о субботнихъ слезахъ, видимо, доставлялъ этому человѣку нѣкоторое эстетическое волненіе...

— Понялъ я! Уразумѣлъ, въ чемъ дѣло. Вспоминалъ мой Мишанька благополучную жизнь въ своемъ дому, на своей волѣ. Церковь-то у насъ подъ-бокомъ. Вотъ какъ смеркнется, да заблаговѣстятъ, ему и вспомнится, какъ, бывало, въ прежнее время, молотъ подъ печку, инструментъ сложитъ, пріодѣнется, да къ вечернѣ, да свѣчечку къ образу Михаила Архангела.

„А теперь нельзя! Карауль!.. Вотъ поэтому-то всю недѣлю мужикъ укрѣпляется, а въ субботній вечеръ, какъ суета стихнетъ, рабочіе разойдутся,—у него на сердцѣ накипитъ, и подымется. Церковь видна: въ окнахъ огни свѣтятся, изъ домовъ народъ потянулся, колокола бомъ да бомъ, бомъ да бомъ! А ты, сторожъ, сиди у воротъ, потому что нѣтъ своей воли, нѣтъ своего дому, и долженъ ты, сторожъ, чужія вороты караулить...

„Вотъ и сидитъ, дѣла справляетъ аккуратно и плачетъ...

„Засталъ я разъ Мишаньку на этакомъ случаѣ,—не успѣлъ онъ и слезъ обмахнуть,—да и говорю: „Что, Михаилъ Моссичъ?.. Прискорбно вамъ у меня служить, такъ, вѣдь, мы не держимъ. Люди вы вольные!"

„Всталъ онъ, поклонился. Попросилъ прощенія... Я догадываюсь да не подаю вида... Что будетъ дальше?

„Проходитъ этакъ съ полгода. Мишанька мой караулитъ, по субботамъ поплакиваютъ съ бабой, но ужъ украдкой. Только въ одинъ день, праздничнымъ дѣломъ, говоритъ мнѣ прислуга: „Михайло пришелъ, проситъ его допустить". Я, грѣшный человѣкъ, подумалъ: „ну, зарокталъ Мишанька иль прибавки станетъ просить". Да нѣтъ-съ, ошибся!

„— Вотъ, говоритъ, Митрій Васильичъ, господинъ хозяинъ. Много доволенъ вашими милостями. Пособилъ мнѣ Господь отъ милостей вашихъ сберечь двадцать пять рублей, четвертной билетъ. Извольте принять отъ меня на сохраненіе. У васъ цѣлѣе будутъ.

„Видали? Изъ двухъ-то сорока въ недѣлю четвертной билетъ! Ну, думаю, Мишанька,—человѣкъ ты видно настоящій... Однако, виду не показываю, взялъ билетъ, спряталъ. А ему на бумажку номеръ выписалъ. О роспискѣ—ни слова.

„Еще сколько-то времени прошло, опять четвертной билетъ. И все, замѣтьте. на томъ же положеніи, и все, вѣдь, по субботамъ тихонько плачетъ. Взялъ я и этотъ билетъ, положилъ къ прежнему въ пакетъ, а на пакетѣ написалъ: „сіи деньги принадлежатъ Михаилу Моисееву“. На всякій случай: въ животѣ и смерти Богъ воленъ.

„Ну, еще черезъ пять мѣсяцевъ, опять билетъ,—стало быть, это уже составилось семьдесятъ пять рублей. Какъ принесъ онъ мнѣ эти деньги, я отворяю столикъ, вынимаю прежнія.

„— Помнишь, Мишанька, номера?

„— Помню,—говоритъ.

„— Посмотри, тѣ ли?

„— Они самые.

„— То-то. Я твоихъ денегъ въ оборотъ не пускалъ, какъ при тебѣ положены, такъ и лежали все. Да и никогда я такихъ денегъ не потревожу, такія для меня деньги... святыя-съ“.

Дужкинъ остановился. Въ темной залѣ стояло нѣкоторое время молчаніе...

— И долго онъ у васъ караулилъ такимъ образомъ? — спросилъ я.

Дмитрій Васильевичъ не отвѣтилъ.

Сумракъ въ непріютной палатѣ скупщика все сгущался, Дмитрій Васильевичъ ходилъ по комнатѣ и опять говорилъ. Видимо, онъ увлекался изложеніемъ завѣтныхъ взглядовъ, и слова, жесткія, точно отчеканенныя, опредѣленныя и суровыя, такъ и лились у него съ языка. Но я уже не вслушивался... Я понялъ Дмитрія Васильевича, и подробности его программы не могли уже сказать мнѣ ничего новаго... Это была обыкновенная программа экономическаго человѣка.

Когда внесли свѣчи,—его рѣчь какъ-то сразу оборвалась... Казалось, свѣтъ отрезвилъ моего собесѣдника, и въ его пытливомъ, пристальномъ взглядѣ я прочиталъ что-то вродѣ тревожнаго вопроса: ужъ не высказалъ ли онъ слишкомъ много?

Я сталъ прощаться.

— Прощайте-съ...—сказалъ Дмитрій Васильевичъ, провожая меня до дверей. — Да! вотъ мы такъ и думаемъ объ этомъ дѣлѣ... Теперь опять появились эти глупости въ нашемъ селѣ, можетъ слышали? Ломбарду просятъ... И человѣкъ нашелся, который имъ прошенія пишетъ... рефераты читаютъ въ Москвѣ, въ Петербургѣ... Что-жъ! Мы тоже не безъ языка, тоже можемъ кое-съ-кѣмъ потолковать. Говорилъ ужъ исправнику: вы знаете ли, кого мы тутъ въ Павловѣ имѣемъ? Весь даже затрясся, какъ услышалъ. „А! То-то, спохватились, да не поздно ли?“

— Однако, Дмитрій Васильевичъ, неужели такая страшная вещь — прошеніе отъ кустарей, что это можетъ безпокоить исправника?

— Замѣчаемъ мы: съ этихъ самыхъ поръ, какъ завелся этотъ музей, да прошенія, народъ волками смотритъ...

Мы попрощались.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Когда я вышелъ изъ воротъ дужкинскаго дома и прошелъ нѣсколько шаговъ по улицѣ, отъ забора отдѣлились вдругъ двѣ темныя фигуры и подошли ко мнѣ.

Въ одной я узналъ Аверьяна. Деревенскій остроумецъ, зачѣмъ-то оставшійся до вечера въ Павловѣ, пожимался отъ холода и имѣлъ угрюмый видъ.

— Что, наслушались дужкинскихъ рѣчей? — сказалъ онъ, догнавъ меня и идя рядомъ.

— Наслушался,—отвѣтилъ я.—Да и есть чего послушать: человѣкъ умный.

— Колй не умный!—сказалъ Аверьянъ.

Со стороны небольшой фигурки, въ припрыжку бѣжавшей за нами, послышался вздохъ. По этому вздоху я узналъ смиреннаго человѣка.

— А, и вы здѣсь!

— А то гдѣ же?—грубо перебилъ Аверьянъ. — Сколь времени дожидались. Видно, у скупщика чаемъ васъ подчивали, да видно сладко...

— Да вы зачѣмъ же ждали? Мнѣ почемъ было знать.

— Будетъ вамъ ужъ по скупщикамъ ходить. Пошли бы нашу бѣдноту посмотрѣли, Мы бы вотъ и свели васъ куда надо... Идете, что-ль?

Мы пошли кривыми переулками и взъемами и скоро вышли въ поле, на какую-то гору. Вѣтеръ вздымалъ струйки сухого

снѣга и крутилъ ихъ въ воздухѣ, перекрывая холодныя звѣзды. Послѣдніе огоньки крайнихъ избушекъ какъ-то сиротливо свѣтили на широкій пустырь, угрюмо разстилавшійся въ морозной дали. Мы подошли къ какимъ-то рытвинамъ, ямамъ и развалинамъ.

— Вотъ тутъ первый заводъ ставленъ, отъ него и ямы остались,—сказалъ Аверьянъ.

Я остановился въ невольномъ раздумьи. Такъ это Семенья гора, а это первый очагъ павловскаго производства? Здѣсь стоялъ первый заводскій горнъ, здѣсь громыхалъ молотъ, здѣсь добрый помѣщикъ видѣлъ своихъ людишекъ въ аду и думалъ ихъ вывести, потушивъ заводскіе огни?..

Рѣзкій вѣтеръ, налетавшій изъ клубившейся морозною пылью пустой и темной дали, не позволилъ мнѣ предаваться долгимъ размышленіямъ, тѣмъ болѣе, что Аверьянъ уже шелъ по направленію къ ближайшимъ огнямъ и нетерпѣливо звалъ меня за собой.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ исчезъ, согнувъ свою могучую спину, въ какой-то лачугѣ, и вышелъ оттуда съ небольшимъ человѣкомъ, въ огромной шапкѣ, въ такихъ же огромныхъ валенкахъ и въ передникѣ. Человѣкъ этотъ почтительно поклонился, поздоровался со всѣми за руку и предложилъ мнѣ себя въ провожатые.

Затѣмъ мы начали свой обходъ.

Я не стану утомлять васъ подробностями. Самъ я, обойдя нѣсколько домовъ, гдѣ меня встрѣчали очень радушно, а иногда съ какою-то безотчетною надеждой, попросилъ у Аверьяна пощады... Но неумолимый Аверьянъ шелъ изъ дому въ домъ, отъ лачуги къ лачугѣ, развертывая передо мной картины одну безотраднѣе другой...

Прежде всего, мы подошли къ крохотной избушкѣ, лѣпившейся къ глинистому обрыву. Такихъ избушекъ въ Павловѣ много, и снаружи онѣ даже красивы: крохотныя стѣны, крохотныя крыши, крохотныя окна. Такъ и кажется, что это игрушка, кукольный домикъ, гдѣ живутъ такіе же кукольные, игрушечные люди.

И это отчасти правда... Когда мы, согнувъ головы, вошли въ эту избушку, на насъ испуганно взглянули три пары глазъ, принадлежавшихъ тремъ крохотнымъ существамъ.

Три женскія фигуры стояли у станковъ: старуха, дѣвушка лѣтъ 18 и маленькая дѣвочка лѣтъ 13. Впрочемъ, возрастъ ея опредѣлить было очень трудно: дѣвочка была какъ двѣ капли воды похожа на мать, такая же сморщенная, такая же старенькая, такая же поразительно-худая.

Я не могъ вынести ея взгляда... Это былъ буквально маленькій скелетъ, съ тоненькими руками, державшими тяжелый стальной напильникъ въ длинныхъ, костлявыхъ пальцахъ. Лицо, обтянутое прозрачною кожей, было просто страшно, зубы оскаливались, на щекѣ, при поворотахъ, выступали одни сухожилія... Это было маленькое олицетвореніе... голода!..

Да, это была просто-на-просто маленькая голодная смерть за рабочимъ станкомъ. Того, что зарабатываютъ эти три женщины, едва хватаетъ, чтобы поддерживать искру существованія въ трехъ рабочихъ единицахъ кустарнаго села. Но жизнь, всетаки, тлѣетъ и, всетаки, подъ ея вліяніемъ и здѣсь, въ крохотной избушкѣ, старое старится, молодое ростетъ. Но только голодъ и непосильная работа страшно уравняли старое и молодое; одни глаза дѣвочки, смотрѣвшіе мягко, жалобно, съ безмолвнымъ вопросомъ и какъ будто съ нѣмою просьбой о пощадѣ, сразу указывали возрастъ этой крохотной кустарной работницы.

Такой дѣтскій взглядъ выносить очень трудно. Старики много знаютъ или... ужъ очень много забываютъ. Наконецъ, старики, такъ или иначе, погрѣшали уже противъ жизни. Но дѣти неповинны въ ея неправдахъ, и потому у нихъ сохраняется какое-то странное инстинктивное сознаніе или, вѣрнѣе, воспоминаніе о своемъ естественномъ правѣ. За что они страдаютъ? Гдѣ тутъ правда? Когда такой глубоко-сознательный дѣтскій взглядъ устремляется на васъ и въ немъ свѣтится раннее страданіе и этотъ упорный вопросъ, вамъ нечего отвѣтить, и вы невольно отворачиваетесь, чтобы только избѣгнуть этого безмолвнаго, тяжелаго упрека...

Эти три существа работаютъ съ утра до ночи, занимаясь отдѣлкой замковъ. Нищета есть вездѣ. Но такую нищету, за неисходною работой, вы увидите, пожалуй, въ одномъ только кустарномъ селѣ. Жизнь городского нищаго, протягивающаго на улицахъ руку, да это рай въ сравненіи съ этою *рабочею* жизнью!

— Вотъ она въ корню у меня,—указала старуха на старшую дочь. Та отличалась отъ обѣихъ тѣмъ, что гораздо болѣе походила на живаго человѣка, хотя ея лицо тоже было блѣдно и нездорово. Тѣмъ не менѣе, она отдавала даже нѣкоторую дань кокетству, если не одеждой, которая была также бѣдна, то хоть прической, по городскому, съ чолкой...

Пусть осуждаетъ, кто можетъ!

Я отдалъ дѣвочкѣ нѣсколько денегъ и вышелъ, отвернувшись, чтобы не видѣть жалкой улыбки, странно заигравшей на этомъ ужасномъ лицѣ. Но я, всетаки, унесъ ея взглядъ съ собой, на темную павловскую улицу.

Я не привожу вамъ цифръ ихъ работы и заработка. Кругомъ—на окнахъ, на лавкѣ, на стѣнкахъ — я видѣлъ груды отдѣланныхъ по бѣлому замковъ, а только что описанная картина говоритъ о результатахъ этой работы краснорѣчивѣе, чѣмъ могли бы сказать самыя точныя цифры. Если же кто заподозритъ меня въ преувеличеніи, то описанная мною избушка, да и много такихъ избушекъ, стоитъ все на томъ же мѣстѣ. Стоитъ только спросить вдову Прянишникову (она же Блударева) — на Семеньей горѣ. Мнѣ не разъ приходилось жалѣть о томъ, что я не живописецъ, но никогда я не жалѣлъ объ этомъ такъ сильно, какъ въ этотъ разъ. Да, достаточно было бы нарисовать эти три фигуры, и, можетъ быть, мнѣ не зачѣмъ было бы тратить такъ много словъ на изображеніе павловскаго кустарнаго строя.

Выйдя изъ этой избы, мы подошли къ большому, двухъэтажному темному дому. Мрачное старое зданіе сѣло передними подгнившими вѣнцами, какъ обезсилѣвшее животное, упавшее на колѣни. Окна уже вростали въ землю, а крыша наклонилась впередъ.

И опять дѣти!

Нашъ провожатый отворилъ дверь и мы вошли въ сѣни. Огня нигдѣ не было видно, но откуда-то изъ темноты слышался несмолкающій дѣтскій плачъ. Удары въ запертую дверь прозвучали рѣзко и громко, отдаваясь въ верхней нежилой части стараго дома.

Послышалось быстрое шлепанье босыхъ дѣтскихъ ногъ, остановившееся у двери. Голосъ другого, плачущаго ребенка не смолкалъ. Онъ то всхлипывалъ, то „заходился“ отъ неудержимаго плача.

— Тятька, ты?—спросилъ изъ-за двери мальчикъ, по голосу лѣтъ пяти.

— Отопри!

— Да ты кто?

— Иванъ Аѳанасьевъ.

— Не знаю я. Тятьки нѣту. Ахъ ты, Господи!.. Молчи ты, Митенька, молчи.

Ноги зашлепали быстро вглубь избы и слышно было, какъ мальчикъ уговариваетъ братишку. Черезъ минуту опять онъ подбѣжалъ къ двери.

— Вы здѣсь еще?

— Здѣсь.

— Не пущу я. Тятька ушелъ.

— Куда?

— Пальто въ залогъ утащилъ.

— Зачѣмъ безъ свѣту сидите?

— Свѣчка догорѣла. Мамка пошла свѣчку просить, да вишь долго не идетъ. Боюсь я.

И голосъ мальчика тоже вздрагиваетъ. Но въ это время маленькій опять заливается, нашъ собесѣдникъ бѣжитъ къ нему, а мы стоимъ въ нерѣшительности.

— Мамынька, темна-а...—слышится горькій плачъ.

— Молчи, вотъ тятька придетъ.

— Темна, темна-а... А, мамынька, темна-а-а... — продолжаетъ заливаться тоненькій жалобный голосъ, и этотъ крикъ я опять уношу съ собой на улицу, пускаясь дальше за Аверьяномъ.

Мы подходимъ къ третьему дому. Изба просторная, свѣтлая, на стѣнахъ обои, небольшое зеркальце, кровать съ занавѣской. Но навстрѣчу мнѣ сверкаетъ испуганный взглядъ, очевидно, задавленнаго судьбою, пришибленнаго человѣка. Узнавъ, зачѣмъ мы пришли, онъ успокаивается и изъ мастерской приглашаетъ насъ за перегородку, гдѣ у стола сидитъ его жена и ковыряетъ шиломъ громадный валенокъ. Она полой кафтана стираетъ пыль со стула и привѣтливо приглашаетъ насъ садиться. Женщина еще молода и на ея лицѣ изъ-подъ блѣдности и печали проглядываютъ слѣды красоты. Во всей квартиркѣ еще видны слѣды недавняго достатка.

— Что вы это дѣлаете—для себя или по заказу?

— Людямъ, нàсторону. Вотъ чѣмъ кормиться пришлось,— говоритъ она, стараясь улыбаться. Сначала улыбка эта дѣйствительно освѣщаетъ лицо, но тотчасъ же губы молодой женщины вздрагиваютъ, и смѣхъ покрывается плачемъ.

Надъ этою семьей виситъ неотвратимая невзгода: недавно въ домѣ, въ передней избѣ, гдѣ мастерская, рухнулъ потолокъ. Это происшествіе, надо замѣтить, очень часто теперь въ кустарномъ селѣ: я былъ въ Павловѣ раза четыре, и изъ нихъ два раза въ мою бытность проваливались потолки. Стоитъ, стоитъ, да вдругъ рухнетъ. Обвалилось въ одномъ мѣстѣ, тамъ въ другомъ, тамъ въ третьемъ...

На этотъ разъ задавило мальчика и сильно ушибло хозяина. Его испуганный, пришибленный взглядъ — это взглядъ человѣка, которому грозитъ долгая болѣзнь, при невозможности работать, т. е. гибель, потому что въ кустарномъ строѣ нѣтъ даже слабыхъ попытокъ обезпечить рабочаго отъ случайности. Настигло человѣка невзгодье—и гибель идетъ на семью неотвратимыми, неумолимыми шагами. А кругомъ такія же избушки, грозящія такимъ же паденіемъ, только жмутся отъ страха и ждутъ своей очереди!

На полу, въ кучѣ тряпья, наваленнаго у перегородки, что-то зашевелилось.

— Что это у васъ въ руньѣ *)?—спросилъ Аверьянъ.

— А это Марьюшка-дурочка. Вчерась пришла.

— Дурочка это, въ руньяхъ лежитъ и стонетъ,—говоритъ мой провожатый, указывая на груду тряпья съ такимъ видомъ, какъ будто я, сторонній человѣкъ, могу и не понять объясненія женщины.—Она, дурочка, въ поляхъ больше находится. Да, видно, познобилась.

— На колокольнѣ ночевала,—говоритъ женщина, кидая по направленію къ „руньюˆ“ взглядъ сожалѣнія.—Что дѣлать, не выгонишь... Самимъ бы ѣсть нечего, а жалко.

Губы ея опять слегка вздрагиваютъ. Мужъ безсильно разводитъ больными руками.

— Да вонъ поди ты! Еще лечитъ меня, даромъ что дурочка. Покушай, говоритъ, мѣлку, мѣлку покушай. И кушаю, а то доктора совсѣмъ отступились. Вишь домъ былъ развалѣнной. Все прикапливали маленько,—вотъ поправимъ, вотъ поправимъ. А онъ, видишь, не дождался, да и упалъ... О, Господи!

Несмотря на всю тяжесть положенія, въ этой семьѣ живетъ еще какая-то надежда, и центромъ ея, какъ кажется, является эта бодрая, красивая женщина, зашивающая валенокъ и призрѣвшая дурочку. На что эта надежда? На здоровыя руки жены, на дурочку, отъ леченія которой мужу становится легче, да на Бога... Отъ людей трудно ждать помощи инвалиду труда въ кустарномъ селѣ...

Нашъ путь изъ этой избы лежалъ опять мимо темнаго дома, поэтому мы опять завернули въ сѣни, надѣясь, что хозяинъ уже вернулся. Но надежда не оправдалась, въ окнахъ не было огня и изъ глубины опять слышался плачъ:

— Мамынька, темна-а, темна-а...

Описывать ли дальше нашъ обходъ по Семеновой горѣ? Описывать ли эту бѣдноту за станками, этихъ голодающихъ людей, дѣтей, плачущихъ въ темнотѣ, этихъ кустарныхъ стариковъ, съ горбами на правыхъ лопаткахъ; со впалою грудью съ лѣвой стороны, съ отупѣвшимъ, испуганнымъ взглядомъ?

Я думаю, довольно. Я не хочу терзать читателя, какъ терзалъ меня безжалостный Аверьянъ. Я и безъ того боюсь уже, что меня заподозрятъ въ тенденціозности и преувеличеніяхъ.

Поэтому я спѣшу оговориться. Да, такихъ домовъ—мень-

*) Рунье—старое тряпье.

шинство, пожалуй, незначительное. Да, такія картины вы встрѣтите не на каждомъ шагу. Но онѣ есть, и вы ихъ все-таки встрѣтите немало, и этого, мнѣ кажется, довольно потому, что это *нищета трудовая*!

Наконецъ, истомленный безотрадными картинами, раздавъ уже всѣ бывшія при мнѣ деньги и чувствуя себя совершенно беззащитнымъ, я наотрѣзъ отказался слѣдовать за мучителемъ Аверьяномъ.

Мы стояли на льду рѣки Тарки. Холодная изморозь все сѣялась сверху, мелькая сѣточкой на дискѣ полной луны, вставшей надъ горами. На насъ съ крутого обрыва глядѣли кустарные домики, развалепныя крыши, какія-то бревна, торчавшія въ хаотическомъ безпорядкѣ.

Смиренный человѣкъ, какъ и я, смотрѣвшій на эту картину, глубоко вздохнулъ и сказалъ, обращаясь ко мнѣ:

— Охъ-хо-хо. То слѣпой и жалится, что зги не видать!..

А затѣмъ, помолчавъ, прибавилъ:

— А что я, позвольте сказать вамъ, Владиміръ Глахтіонычъ, думаю... Я думаю, не тѣ ли времена идутъ, о коихъ временахъ сказано: живые позавидуютъ мертвымъ?

— Перебой первородный,—подтвердилъ провожатый, тоже глядя кверху, изъ-подъ своей лохматой шапки, на причудливую картину кустарнаго села, въ этомъ мѣстѣ какъ будто валившагося на насъ съ безпорядочныхъ обрывовъ.

Мы постояли молча. Я понималъ настроеніе кустарей: вѣдь здѣсь для нихъ весь Божій міръ. А ихъ міръ покачнулся и грозитъ паденіемъ. Мудрено ли, что имъ это кажется чуть не настоящимъ свѣтопреставленіемъ...

— Ну, полно каркать, — первый прервалъ наступившее молчаніе Аверьянъ.—Вы лучше вотъ что: пойдемъ-ко-те еще въ одно мѣсто, гдѣ маленько повеселяе.

Я согласился и конецъ вечера провелъ въ сравнительно достаточной рабочей семьѣ. Здѣсь меня угощали чаемъ за столомъ, гдѣ хозяева сидѣли вмѣстѣ съ рабочими. Набралось еще посторонняго народу, и мы долго толковали о судьбахъ кустарнаго села. Семенова гора — почти сплошь все варыпаевцы. Старики разсказывали о бывшемъ старшинѣ и о борьбѣ его съ богачами, и у молодежи сверкали глаза при этихъ недавнихъ еще воспоминаніяхъ... До сихъ поръ, все-таки, живъ еще этотъ павловскій раздоръ, до сихъ поръ это самое чувствительное мѣсто, на которомъ тлѣютъ павловскія страсти.

Рано утромъ, задолго до свѣта, я опять ѣхалъ, лежа въ саняхъ, по той же дорогѣ, на которой нѣсколько дней назадъ

встрѣтилъ Аверьяна. Только теперь огоньки Павлова, его горы, купола церквей и лачуги на обрывахъ остались сзади, а навстрѣчу мнѣ надвигалась, клубясь, развертываясь, отступая и колыхаясь, неопредѣленная тьма зимней ночи. И въ этой тьмѣ видѣлись мнѣ опять картины, разговоры, сцены кустарнаго быта... Аверьянъ съ его сказочкой, „лукавый заводчикъ“, ширяющій на своихъ крыльяхъ надъ смятенными улицами, трепетные огни у входа въ подвалы, суровыя фигуры скупщиковъ и жмущіяся къ огнямъ толпы кустарей... Затѣмъ— смиренные кустарные человѣчки, могучая фигура павловскаго старшины, бухающій колоколъ, суровые стяжатели, лучшіе изъ представителей скупщицкаго принципа, и бѣдный Мишанька, тихо плачущій по субботамъ у воротъ дужкинскаго двора, въ виду сіяющаго огнями Божьяго храма...

1889.

ПО ПУТИ.

(Святочный разсказъ).

I.

Лихо взлетѣвъ на пригорокъ, тройка остановилась, ямщикъ сошелъ съ козелъ и сталъ оправлять разладившуюся упряжь.

Сѣдокъ, пробужденный внезапной остановкой, высунулъ голову изъ-подъ шинели, потомъ потянулся и сѣлъ въ просторной повозкѣ, стараясь не потревожить спавшаго рядомъ мальчика.

— А? Что такое?—спросилъ онъ, зѣвая.

Денщикъ, который крутилъ, сидя на облучкѣ, цыгарку изъ толстой бумаги, отвѣтилъ, не торопясь:

— Ничаво, ничаво! Сычасъ поѣдемъ, ваше высокородіе. Недалече!

Колокольчикъ подъ дугой коренника звякнулъ нѣсколько разъ, оставивъ въ воздухѣ мягкій отголосокъ. Вѣтеръ шевелилъ гривы лошадей и шелестѣлъ въ придорожныхъ кустахъ. Сѣдокъ, офицеръ лѣтъ около пятидесяти, снялъ мохнатую папаху и посмотрѣлъ на небо.

Денщикъ скрутилъ цыгарку, взялъ ее въ зубы и, добывая изъ кармана спички, сказалъ:

— Партія, ваше высокородіе.

Офицеръ встрепенулся, черты его румянаго лица приняли опредѣленное начальственное выраженіе, и онъ посмотрѣлъ впередъ.

Дорога сбѣгала въ долину и опять полого подымалась кверху длиннымъ „тянигужомъ“. На подъемѣ она, казалось, жила, шевелилась, кишѣла сѣрыми движущимися точками. Кое-гдѣ можно было различить телѣги, которыя казались отсюда странными насѣкомыми... Вся масса тихо, почти незамѣтно на этомъ разстояніи ползла кверху...

— Расползлись, канальи, точно овцы,—сказалъ офицеръ съ неудовольствіемъ.—И конвоя не видно...

— Вонъ они, забѣгали... — сказалъ денщикъ, закуривая и улыбаясь.—Въ телѣгахъ спали видно...

— Ничего!—увѣренно прибавилъ ямщикъ, взбираясь на козлы.—На слово партія идетъ... Фроловъ за старосту. Спи знай!

— Фроловъ, — какой Фроловъ? — спросилъ полковникъ. — Бродяга? По прозванію Безпріютный?

— Ну! Онъ самой... Фроловъ по всей Сибири человѣкъ извѣстный. Можно сказать, — знаменитый бродяга... Сказываютъ,—не знаю правда, не знаю нѣтъ, но будто въ Питербурхѣ и то Безпріютнаго знаютъ...

— Фроловъ...—сказалъ офицеръ задумчиво. Онъ вспомнилъ себя молодымъ урядникомъ, вспомнилъ первую партію, которую конвоировалъ, и молодого бродягу и прибавилъ:

— Да, вотъ она жизнь...

— Такъ точно, — отозвался съ козелъ денщикъ, пуская въ воздухъ синюю струйку дыма.

Замѣчаніе офицеру не понравилось.

— Дуракъ ты, Климовъ, ей-Богу! Ну что „такъ точно“?.. Я вообще говорю: жизнь!.. А ты: такъ точно!.. Глупо, братецъ.

— Да вѣдь и я, ваше высокородіе, вопче... Самая это собачья жизнь, бродяжья.

— А, ты вотъ насчетъ чего! Привычка, говорятъ, вторая натура.

— А я что же говорю: натура волчья, въ лѣсъ тянетъ.

Почему-то и это замѣчаніе не удовлетворило офицера...

— Э! все ты не то говоришь... Молчи, Климовъ! Ямщикъ, поѣзжай.

Ямщикъ подобралъ возжи и привсталъ. Тройка понеслась подъ гору и потомъ лихо взяла кверху. Черезъ нѣсколько минутъ, замедливъ ходъ, она врѣзалась въ середину разступавшейся партіи. Теперь конвойные шли по сторонамъ, съ ружьями на плечахъ. Смѣшанный говоръ и шумъ охватилъ ѣдущихъ со всѣхъ сторонъ. Изъ-за шороха колесъ слышался плачъ дѣтей, топотъ толпы, переливчатый звонъ кандаловъ. Арестанты снимали шапки и низко кланялись. Каторжане съ достоинствомъ и не торопясь обнажали на половину бритыя головы...

Въ одномъ мѣстѣ мелькнула фигура не совсѣмъ обычная: молодой человѣкъ въ вольной одеждѣ и въ очкахъ шелъ стороной дороги рядомъ съ высокимъ арестантомъ и о чемъ-то разговаривалъ съ своимъ спутникомъ. Полковникъ нахму-

рился; когда повозка поровнялась съ этой парой, — молодой человѣкъ снялъ запыленныя очки, протеръ ихъ платкомъ и съ любопытствомъ взглянулъ на проѣзжающихъ, но не поклонился. Другой арестантъ поклонился вѣжливо, но тоже безъ особенной почтительности... Повозка проѣхала дальше.

Въ головѣ партіи, въ сторонѣ, ожидалъ, стоя на вытяжку, старшій конвойный. Полковникъ остановилъ ямщика и подозвалъ его жестомъ.

— Все благополучно?—спросилъ онъ.

— Такъ точно, ваше—діе.

— Почему запоздали? Смотри: до заката не попадете на этапъ...

— При выходѣ изъ N., ваше-скородіе, случилось неблагополучіе.

— Что такое?

— Скоропостижно скончался старикъ арестантъ...

— А!.. Да-да... За старосту у васъ Фроловъ?

— Такъ точно, ваше-скородіе... Безпріютный.

— А гдѣ онъ, кстати?.. Покажи мнѣ...

Старшой приглядѣлся и сказалъ:

— Вонъ онъ,—съ политическимъ идетъ... Прикажете позвать?

— Не надо... Пошелъ!

Тройка подхватила и понеслась по свободной дорогѣ... А партія ползла дальше.

II.

Въ самомъ концѣ партіи тащилась, шурша колесами, телѣга. На другихъ телѣгахъ ѣхали „привилегированные“ арестанты, женщины съ грудными дѣтьми и старики. Порой на нихъ присаживались конвойные. На этой виднѣлся только мужикъ, правившій лошадью, и старый сѣдой арестантъ. Онъ сидѣлъ на краю, спустивъ ноги и повѣсивъ обритую голову съ бѣлой бородой. За нимъ виднѣлось что-то длинное, покрытое сѣрыми халатами.

Казалось, присутствіе этой послѣдней телѣги бросаетъ тѣнь на всю партію...

Невдалекѣ за нею шелъ Фроловъ съ „политическимъ“...

„Политическаго“ звали Залѣсскимъ. Это былъ молодой блондинъ, съ закинутыми назадъ волосами и серьезнымъ, немного наивнымъ лицомъ человѣка, привыкшаго къ кабинетной работѣ, надъ книгами. Какимъ-то внезапнымъ порывомъ политическаго вѣтра его подхватило изъ привычной обстановки и кинуло на эту дорогу съ тюрьмами и этапами. И

отъ нечего дѣлать онъ присматривался къ этому новому и удивительному для него міру. Арестантская среда въ свою очередь присматривалась съ неменьшимъ удивленіемъ къ странному „барину“, глядѣвшему на нее черезъ очки наивно изучающимъ взглядомъ. Онъ былъ „привилегированный“ и ему полагалось мѣсто въ телѣгѣ. Но отъ самаго Томска онъ ни разу не садился въ нее, предоставивъ партіи распоряжаться своимъ мѣстомъ, какъ угодно. Теперь его небольшой чемоданчикъ лежалъ рядомъ съ мертвымъ тѣломъ.

Имя Фролова, шедшаго рядомъ съ Залѣсскимъ, было дѣйствительно широко извѣстно по всему сибирскому тракту отъ Благовѣщенска до Перми. Къ партіи онъ былъ присоединенъ въ Томскѣ и тотчасъ же его выбрали старостой. Онъ принялъ этотъ выборъ спокойно, какъ должное, и тотчасъ же Залѣсскій почувствовалъ, что это большая сила. Партія сразу подтянулась. Распоряженіе этапомъ фактически перешло къ Фролову. Онъ велъ партію „на слово“, и конвойные знали, что на слово теперешняго старосты можно положиться: ни побѣговъ, ни экстренныхъ происшествій не будетъ. Конвойные шли вольно и даже спали въ телѣгахъ...

Всякая профессія имѣетъ своихъ выдающихся людей. Фроловъ былъ такимъ выдающимся человѣкомъ бродяжьей профессіи. Еще ребенкомъ онъ послѣдовалъ за отцомъ, котораго сослали въ Сибирь. Мать его умерла въ пути, и мальчикъ росъ въ тюремной средѣ. Въ тюремной церкви онъ слышалъ кое-что о Богѣ... кое-что торопливое, казенное и небрежное. Въ тюрьмахъ выучился грамотѣ. Впослѣдствіи изъ него выработался настоящій герой сибирской дороги. Объ его побѣгахъ ходило много разсказовъ, слагались даже пѣсни. Никто не зналъ за нимъ убійствъ, но онъ обладалъ большой хитростью и изобрѣтательностью. Однажды на глазахъ Залѣсскаго онъ закатилъ глаза такъ, что видны были одни бѣлки, и физіономія его, даже вся фигура сразу измѣнилась до неузнаваемости. Онъ протянулъ впередъ руку, какъ будто держась за поводыря, и сталъ поразительно похожъ на старика слѣпого, бредущаго за милостыней. Черезъ минуту лицо его опять измѣнилось. Прежній Фроловъ смотрѣлъ на Залѣсскаго пытливо и печально, какъ будто стараясь узнать, какое впечатлѣніе произвела на „барина“ эта метаморфоза.—„Онъ могъ бы быть замѣчательнымъ трагическимъ актеромъ“,—подумалъ про себя Залѣсскій... Во время дневныхъ переходовъ, вечерами на этапахъ они часто говорили другъ съ другомъ. Ихъ влекло другъ къ другу какое-то взаимное чувство. Фроловъ зналъ сибирскую дорогу и тюрьмы такъ, какъ ихъ не зналъ никто.

Арестантская одежда, въ которой другіе выглядѣли чуждо и странно, сидѣла на немъ, точно онъ въ ней родился. Это былъ его міръ, и въ немъ онъ чувствовалъ себя хозяиномъ. Широкій сибирскій трактъ, обставленный столбами, глухая таежная тропа, съ чуть замѣтными признаками прохода людей, этапы, тюрьмы, солдаты, начальство, смотрители, надзиратели, арестантская среда съ ея волненіями и страстями, — все это было ему знакомо во всѣхъ самыхъ глубокихъ подробностяхъ... Когда онъ подходилъ къ околицѣ сибирской деревни, старикъ „поскотникъ“, присмотрѣвшись къ нему, узнавалъ его такъ же легко, какъ тюремный служака на любомъ этапѣ.

— Опять убѣгъ? Отколѣ Богъ несетъ? — спрашивалъ мужикъ, сторонясь и давая мѣсто у огня съ тѣмъ радушіемъ, съ какимъ товарищи арестанты очищали мѣсто на нарахъ... И Фроловъ занималъ это мѣсто въ своемъ мірѣ увѣренно и просто, зная, гдѣ нужно быть насторожѣ и гдѣ можно спать спокойно даже подъ звонъ колокольцовъ проѣзжающаго трактомъ начальства...

Но зато, это былъ совершенный ребенокъ по отношенію ко всему остальному Божьему міру, который казался ему сказочнымъ и страннымъ. Въ Залѣсскомъ онъ видѣлъ представителя этого другого, страннаго міра, лежащаго за гранью его горизонта, къ которому, однако, его влекло всю жизнь. Вернуться въ Рассею, на родину, которую онъ не зналъ, и зажить тамъ какою-то новою жизнью,—было его мечтой. Залѣсскій, въ свою очередь, былъ совершеннымъ младенцемъ въ той средѣ, куда его теперь занесла судьба. Отсюда странный взаимный интересъ, который привлекалъ ихъ другъ къ другу...

Разговоры ихъ были какъ будто несистематичны и случайны. Однажды на остановкѣ въ пересыльной тюрьмѣ, когда арестанты толковали о выборѣ новаго старосты, Залѣсскій вмѣшался въ общій разговоръ. Онъ заговорилъ, просто и наивно, о томъ, что ему казалось несправедливымъ въ арестантскихъ обычаяхъ, въ законодательствѣ этого страннаго общества, гдѣ достоинство и значеніе людей опредѣляется важностью совершенныхъ ими преступленій и отчаянной рѣшимостью на новыя преступленія. Всѣмъ руководили „каторжники“,—аристократія тюрьмы. „Шпанка“, забитая и загнанная, подчинялась безропотно и робко. Женщины продавались „на майданѣ“ изъ полы въ полу; воровство общественныхъ денегъ и хищенія старостъ и артельщиковъ было какъ бы установленнымъ институтомъ, освященнымъ обычаемъ. Со всей искренностью наивнаго и прямого человѣка Залѣсскій, просто и вдумчиво,

старался выяснить свое мнѣніе... Арестанты слушали съ любопытствомъ... Политическая ссылка еще была явленіемъ новымъ, и ея представители внушали интересъ и невольное почтеніе. Но затѣмъ „общество“ перешло къ обсужденію своихъ дѣлъ, какъ будто „баринъ“ ничего не говорилъ. Залѣсскій почувствовалъ въ этомъ особаго рода почтительное, но безповоротное пренебреженіе и болѣе не пытался подымать общіе вопросы.

Но Фроловъ именно съ этихъ поръ сталъ проявлять къ нему влеченіе. Все, что говорилъ этотъ молодой человѣкъ въ очкахъ, Фролову казалось тоже ребячески наивнымъ. Но онъ понималъ какъ будто, что есть гдѣ-то такой міръ, для котораго все это не наивно и не глупо.

Фроловъ былъ не молодъ, хотя возрастъ его опредѣлить было бы трудно. Его движенія были увѣренны, неторопливы и ровны. Залѣсскому постоянно казалось, что когда-то они должны были быть порывисты и быстры. И теперь по временамъ глаза арестанта загорались, а плечи вздрагивали, заставляя ожидать рѣзкаго движенія... Но случалось это рѣдко,—какъ будто было что-то въ настроеніи этого человѣка, что постепенно умѣрило живость его порывовъ. Бывали минуты, когда его глаза уходили еще глубже и какъ будто задергивались. Тогда именно Залѣсскому казалось, что этотъ человѣкъ, знающій такъ хорошо все, чѣмъ живетъ сѣрая масса, знаетъ или предполагаетъ еще и *о жизни вообще* что-то, неизвѣстное другимъ. Знастъ, но не хочетъ сказать.

Не этимъ ли, думалъ Залѣсскій, объясняется то вліяніе, какимъ пользовался Фроловъ въ своей средѣ. Было что-то придававшее особенное значеніе самымъ простымъ его словамъ. За прямымъ смысломъ этихъ словъ слышалось еще нѣчто недосказанное, что глядѣло на слушателя изъ глазъ Фролова и прикасалось къ душѣ при звукахъ его голоса, будя въ ней какія-то смутныя чувства и намекая на что-то, кромѣ вопросовъ обычнаго тюремнаго дня.

III.

Однажды Залѣсскій перебиралъ въ своемъ чемоданчикѣ книги и письма. Староста принесъ чемоданъ и долженъ былъ отнести его обратно. Съ наивной безцеремонностью простого человѣка онъ сталъ разсматривать книги, и его вниманіе привлекла одна. Заглавіе ея было: „Вопросы жизни и духа“ (Льюиса).

Бродяга заинтересовался и прочиталъ вполголоса:

— Нашъ вѣкъ страстно ищетъ вѣры.

Залѣсскій поднялъ на него глаза. Фроловъ прочиталъ про себя еще нѣсколько фразъ и сказалъ задумчиво:

— Этто гнали лонѣсь (въ прошломъ году) штундистовъ изъ Екатеринославской губерніи. За вѣру... Капитанъ съ ними былъ, а прочіе мужики... Книжка у него, евангеліе. Отнять хотѣли. Ну, прошеніе написалъ. Дозволили. Придутъ на этапъ, сядутъ въ уголокъ... Онъ читаетъ, тѣ слушаютъ.

И онъ положилъ книгу. Затѣмъ взглядъ его остановился на фотографіи, выпавшей изъ письма.

— Это кто?—спросилъ онъ, поворачивая карточку оборотной стороной, на которой была надпись. Залѣсскій взялъ у него карточку и сказалъ:

— Не надо читать. Это написано только для меня...

— Начальство, небось, читало,—отвѣтилъ Фроловъ.

— Вы вѣдь не тюремщикъ, — отвѣтилъ Залѣсскій: — если хотите, посмотрите карточку, но не читайте. Это—моя сестра съ семьей.

— Ну, не сердись баринъ... Мнѣ что!.. Сестра такъ сестра. У меня тоже сестра... была.

— А теперь?

— Кто ее знаетъ... Можетъ жива, можетъ нѣтъ. Я ее не видалъ... Сказываютъ: хорошо живетъ... въ Рассеѣ...

Затѣмъ, когда Залѣсскій сталъ опять закрывать чемоданъ, Фроловъ вдругъ сказалъ:

— А книжечки этой... можно мнѣ почитать?

Въ умѣ молодого человѣка быстро промелькнула общая физіономія труда Льюиса. Онъ примѣрилъ его къ умственному уровню бродяги, и ему хотѣлось отказать. Но затѣмъ онъ сказалъ:

— Возьмите... Только будетъ ли понятно?

И ему почему-то стало совѣстно, Ночью онъ видѣлъ, что бродяга за сальнымъ огаркомъ читалъ Льюиса. Брови его были сдвинуты... На лицѣ отражалась упрямая и трудная работа мысли...

Залѣсскій не спрашивалъ, понимаетъ ли онъ книгу и какъ именно понимаетъ... Фроловъ сталъ въ дорогѣ часто заговаривать съ нимъ, но тоже не упоминалъ о книгѣ... Разговоры эти носили странный характеръ. Они были какъ будто безсвязны, но Залѣсскому казалось, что ихъ направляетъ какая-то одна постоянная мысль, стоявшая въ головѣ бродяги. Его разсказы порой были такъ выразительны и красивы, что Залѣсскій думалъ про себя:

— Изъ него могъ бы выработаться замѣчательный разсказчикъ...

Порой у Фролова готовы были сорваться съ языка какія-то полупризнанья... Что-то въ родѣ внезапной откровенности прорывалось въ голосѣ, но онъ обрывалъ ихъ на полумысли, и опять только приводилъ какой-нибудь эпизодъ.

— Мальчикъ-то... что у васъ на карточкѣ?.. Стало, вамъ племянникъ приходится?—спросилъ онъ какъ-то.

— Да,—отвѣтилъ Залѣсскій.

— Славный парнишка... сытенькій... А неизвѣстно,—прибавилъ онъ вдругъ,—какая ему линія выйдетъ...

Залѣсскій молчалъ и ждалъ.

— У всякаго человѣка своя линія... Вонъ мужикъ пашетъ. Ввелъ коня въ борозду,—онъ идетъ, и погонять не надо... А небось въ первый-то разъ неохота лѣзть въ оглоблю. Такъ-то... У мужика опять своя линія... У нашего брата, бродяги, своя. Вы, баринъ, про генерала Кукушкина слыхали?

— Нѣтъ, не слыхалъ.

— Бродяжій генералъ... По лѣсу кричитъ: ку-ку, ку-ку... Крикнетъ весной, у бродяги сердце горитъ... Послѣдній разъ втроемъ мы изъ Акатуя бѣжали. Одного часовой застрѣлилъ, другого поймали, тоже пожалуй прикончили: у нихъ, у архангеловъ тюремныхъ опять своя линія. А я всетаки къ генералу Кукушкину явился въ тайгу... Все одно, какъ къ начальству... Здравья желаю, ваше превосходительство...

Фроловъ замолчалъ и потомъ сказалъ серьезно, какъ будто удивляясь своимъ словамъ:

— Вѣришь ты, баринъ. Одинъ разъ на поселеніе вышелъ. Съ поселенкой слюбился. Одну весну руками за нее хватался, на другую не выдержалъ, сбѣжалъ... Пришелъ въ тайгу и думаю: ну, генералъ Кукушкинъ! Не слуга я тебѣ! Лучше жизни рѣшусь... А всетаки... остался на своей линіи...

Въ другой разъ онъ опять заговорилъ о племянникѣ Залѣсскаго и сталъ разспрашивать, сколько ему лѣтъ, когда его отдадутъ въ школу...

И потомъ вдругъ разсказалъ эпизодъ изъ своей жизни.

— Въ первый разъ отецъ мой изъ поселенья бѣжать надумалъ. Въ Рассею пробраться. Мать-отецъ тамъ у него остались, внучка у нихъ... Жили хорошо. Пошли. Хомякъ еще съ нами — вонъ тотъ, что съ мертвымъ тѣломъ въ твоей телѣгѣ ѣдетъ... Идемъ дорогой. Оголодали. А народъ въ томъ мѣстѣ плохой. Не то что дальше по Сибири: завсегда для бродяги краюха хлѣба, молока кринка на окнѣ у амбара ночью стоятъ...—Бери,—молъ,—да ступай себѣ мимо. Въ Забайкальѣ этого нѣтъ. Надо, значитъ, самому промышлять. Ломать амбаръ, услышутъ. А тутъ оконце небольшое. Подса-

дилъ меня отецъ къ оконцу:—„Ну-ко, говоритъ, Яшь! Пробуй: не пролѣзетъ ли голова. Голова пролѣзетъ и весь пролѣзешь“. А мнѣ боязно: въ амбарѣ темно, можетъ еще и чалдонъ сторожитъ... И совѣстно,—въ первый-то разъ... Не воровалъ еще никогда... Сунулъ голову: „Не лѣзетъ молъ“... Слышу,—отецъ говоритъ Хомяку: „эхъ, братъ. Ломать видно, не миновать!“—„Плохо это,—отвѣчаетъ Хомякъ...—Озлится чалдонъ... И то они по здѣшнимъ мѣстамъ варвары“. А отецъ опять:—„Такъ-то оно такъ... Да вишь мочи нѣтъ... И мальчонко отощаетъ... Не дойдемъ“... Повернулось у меня сердце, и стало опять совѣстно: зачѣмъ солгалъ. — Тятька, говорю, а, тять!.. Голова-то у меня пролѣзла...—Взяли хлѣба каравай да холста на онучи... Пошли дальше...

Фроловъ посмотрѣлъ на Залѣсскаго своимъ вдумчивымъ взглядомъ и прибавилъ:

— Понялъ ты?..

— Кажется, понялъ,—отвѣтилъ Залѣсскій.

— А понялъ, такъ и ладно...

IV.

Въ тотъ день, съ котораго начинается нашъ разсказъ, Залѣсскій во весь переходъ чувствовалъ себя въ особенномъ настроеніи. Недолгій осенній день отходилъ... Партія продолжала тянуться по дорогѣ... И завтра, и черезъ недѣлю,—думалъ Залѣсскій,—и черезъ мѣсяцъ то же солнце увидитъ тѣхъ же людей на той же дорогѣ... Только вонъ тотъ, что лежитъ на задней телѣгѣ, уже кончилъ свой путь. И старикъ, который сидитъ съ нимъ рядомъ, пожалуй тоже скоро его кончитъ... Да вонъ еще ребенокъ, который жалобно плачетъ въ другой телѣгѣ... Онъ родился весной на одномъ этапѣ, умретъ на другомъ осенью...

Партія вытянулась на гребень, и голова ея стала спускаться внизъ. Фроловъ, который молча шелъ рядомъ съ Залѣсскимъ, взглянулъ внизъ на долгій спускъ и крикнулъ:

— Подтягивайся, братцы, подтягивайся... Ямщики, подхлесни лошадей... Близко!

Партія дрогнула; пѣшіе пошли живѣе... Колеса зарокотали быстрѣе...

Но Фроловъ опять шелъ рядомъ съ Залѣсскимъ, молчаливо и задумчиво...

— О чемъ вы задумались?—спросилъ Залѣсскій.

— Такъ... вопче... вспомнилось,—сказалъ бродяга...

И потомъ, пройдя еще нѣсколько саженей, онъ тряхнулъ головой и посмотрѣлъ на Залѣсскаго вдумчивымъ и вопроси-

тельнымъ взглядомъ. Залѣсскій понялъ, что сейчасъ онъ опять разскажетъ ему одинъ изъ эпизодовъ своей жизни... На этотъ разъ подъ вліяніемъ настроенія, витавшаго надъ партіей во весь этотъ переходъ, онъ будетъ, можетъ быть, болѣе откровеннымъ...

Фроловъ началъ безъ всякихъ приготовленій.

— ...Въ третій разъ я тогда бродяжилъ. Отецъ уже померъ, товарищъ отсталъ,—пошелъ я одинъ. Все думалъ къ сестрѣ пробраться. Тоскливо было до страсти, скука! Иду и все вспоминается, какъ мы тутъ съ родителемъ съ покойникомъ шли; и зарубки на лѣсинахъ его рукой дѣланы. Вотъ разъ къ вечеру бреду тропкой, запоздалъ до ночлежнаго мѣста шибко. Хотѣлъ въ шалашикѣ переночевать, который шалашъ вмѣстѣ мы съ отцомъ построили. Только подхожу къ самому этому мѣсту, черезъ ручей перейти,—гляжу: за ручьемъ огонекъ горитъ, и сидитъ у огонька бродяжка. Исхудалый, глаза какъ у волка, кидаетъ на огонь сучья, самъ къ огню тянется, дрожитъ. Однимъ словомъ, голодный человѣкъ и холодный: одежда почитай вся обвалилась. Вотъ хорошо. Обрадовался я этому случаю,—думаю: товарища Богъ послалъ. Покормилъ я его, чѣмъ богатъ, чайкомъ обогрѣлъ,—какъ слѣдуетъ, по товарищески. У насъ, баринъ,—своя честь есть бродяжья. Иной, подлецъ, изъ-за халата товарища убьетъ... Ну, это ужъ нестоющіе люди. Меня отецъ не тому училъ... И въ товарищахъ я ходилъ съ такими людьми, на которыхъ можно положиться. Ну, всетаки и этому товарищу радъ... Посидѣли мы, потолковали... Спать! Легъ я, вѣтокъ подъ голову наломалъ... Полежалъ, полежалъ... Не спится. Отецъ вспоминается покойникъ: этакъ же вдвоемъ въ шалашѣ лежали. Слышу: встаетъ мой бродяжка, изъ шалаша вонъ идетъ. „Куда?“—говорю.—Да такъ молъ, не спится что-то. Дойду, говоритъ, къ ручью, воды въ котелокъ зачерпну, да сучьевъ натаскаю. Завтра пораньше чай варить... Да, ты, говоритъ, что же это, молодецъ, головой-то подъ самый навѣсъ уткнулся,—чай вѣдь душно...

„А меня отецъ покойникъ училъ: случится, говоритъ, съ незнакомымъ человѣкомъ ночевать,—пуще всего голову береги; въ животъ ткнетъ—не убьетъ сразу... Вотъ я завѣтъ отцовскій храню, хоть на этотъ разъ ничего и въ умѣ не было... „Ничего, — говорю, — въ привычку мнѣ такъ-то и комаръ меньше ѣстъ“. Хорошо.

„Ушелъ бродяжка къ ручью, — не идетъ, да и не идетъ. Ночь темная была, на небѣ тучи, да и неба сквозь деревъ не видать. Огонекъ у шалаша этакъ потрескиваетъ да листья шелестятъ... Тихо.

„Вотъ лежалъ я, лежалъ, объ отцѣ думалъ, про своихъ вспоминалъ, про сестру, да про Рассею... вздремнулъ. Только слышу отецъ меня окликаетъ: „Яшка!“. Такъ это будто съ вѣтромъ издалека принесло. Прокинулся, открылъ глаза: костеръ дымитъ, да вѣтка надъ входомъ качается. Я и опять заснулъ.

„И опять слышу: идетъ кто-то къ шалашу, сучья хрустятъ, за огонькомъ будто кто маячитъ. И опять: „Яшка! Не спи!“

„Перекрестился я сонной рукой, воздохнулъ объ родителѣ... а не могу вовсе проснуться. Глаза такъ и сводитъ. Заснулъ опять, крѣпче прежняго.

„Прошло сколько-то времени, слышу: идетъ отецъ къ шалашу, сталъ въ дверяхъ, руки эдакъ уперъ, а самъ наклонился ко мнѣ въ дыру-то.

„— Слышь, говоритъ, Яшка! не спи, а то заснешь навѣки!..

„Да явственно таково сказалъ, что сна моего какъ не бывало. Прокинулся: огонь погасъ, по листьямъ дождикъ шумитъ, и нѣтъ никого.

„Присѣлъ я тихонько. Думаю: не спроста это дѣло. Гдѣ же это товарищъ мой богоданный?..

„Слышу: дышитъ кто-то сзади меня, вѣтками шебаршитъ... Поднялся я на ноги, вышелъ неслышно на волю. Гляжу: сидитъ мой товарищъ на корточкахъ, надъ головой моей шалашъ разбираетъ... И корягу вырѣзалъ въ тайгѣ здоровую...“

Фроловъ смолкъ и потомъ спросилъ:

— А вы и не спросите, что я тогда съ тѣмъ человѣкомъ сдѣлалъ?

— Не спрошу, — отвѣтилъ Залѣсскій...—Захотите,—сами скажете... А не захотите, — не надо.

Фроловъ посмотрѣлъ на него и пошелъ молча.

V.

Партія съ тихимъ рокотомъ скатывалась по дорогѣ. Въ вечерѣющемъ воздухѣ звонъ кандаловъ и шуршаніе колесъ звучали мягче и тише. Сѣрые люди, телѣги, казавшіяся какими-то безформенными животными, проплывали мимо... Ребята спали на рукахъ матерей, люди говорили другъ съ другомъ тихо и сдержанно. Неровный топотъ двухъ сотенъ ногъ покрывалъ всѣ остальные звуки.

Этапъ съ высокимъ частоколомъ стоялъ на холмикѣ и мелкій хвойный перелѣсокъ подбѣгалъ къ нему съ одной стороны. Невдалекѣ, въ лощинѣ искрились и мигали ранніе огни села... Все было по старому. Только развѣ лѣсъ отступилъ отъ частокола, оставивъ пни и обнаживъ кочки, да частоколъ потемнѣлъ, да караулка еще болѣе покосилась.

Ворота отперли, партія столпилась около нихъ съ шумомъ и говоромъ, во дворѣ сидѣли торговки изъ села... Въ этапной кухнѣ горѣлъ яркій огонь, и около крыльца этапнаго начальника зажгли фонарь. Полковникъ, проѣзжавшій по ревизіи, стоялъ, окруженный другимъ начальствомъ, и смотрѣлъ на прибытіе партіи. Его военная тужурка была разстегнута и изъ-подъ нея виднѣлась бѣлая жилетка съ форменными пуговицами... Вообще онъ держалъ себя нараспашку, курилъ трубку, отводя по временамъ длинный чубукъ въ сторону, и порой обмѣнивался съ кѣмъ-нибудь добродушными шутками. Отъ всей его фигуры вѣяло самодовольствомъ.

— Эй,—спохватился вдругъ полковникъ,—а гдѣ же тотъ, какъ его?.. Безпріютный?

— Фроловъ, — крикнулъ кто-то...—Баринъ требуетъ...

Полковникъ обождалъ. Но партія успѣла втянуться въ ворота, которыя были заперты за ней, а Фроловъ не являлся.

— Прикажете позвать, Семенъ Семенычъ?—спросилъ одинъ изъ конвойныхъ офицеровъ.

— Нѣтъ, не надо, зачѣмъ? Я это такъ, — по старому знакомству... человѣкъ усталый, зачѣмъ его тревожить... Все равно, завтра повидаю... При томъ—у него забота. Вѣдь онъ староста?

— Такъ точно, ваше высокоблагородіе...

Невдалекѣ, въ тѣни частокола, стояла тройка. Лошади ржали и фыркали и колокольчикъ позвякивалъ подъ дугой. Полковникъ собирался навѣстить старыхъ знакомыхъ въ сторонѣ отъ тракта и завтра долженъ былъ вернуться, чтобы продолжать дальнѣйшій объѣздъ.

Черезъ полчаса лошади были поданы къ крыльцу, денщикъ помогъ полковнику усѣсться, усадилъ мальчика и самъ вскочилъ на козлы.

— Прощайте, господа! — сказалъ полковникъ добродушно.

— Счастливаго пути! — отозвалось нѣсколько голосовъ.

— А вы, Степановъ,—обратился полковникъ къ этапному начальнику,—смотрите, чтобы все было въ порядкѣ. Вы меня знаете: я никому зла не желаю; ну, а за безпорядки не взыщите. Солдата и арестанта въ обиду не дамъ, не дамъ-съ!.. У меня правило!..

— Слушаю-съ...

Тройка взвилась, повозка обогнула холмикъ, и звуки колокольчика долго еще неслись изъ сумерекъ, тихо порхая вокругъ запертаго и примолкшаго этапа.

Залеталъ этотъ звонъ и въ этапную камеру, въ которой воздухъ, не смотря на открытыя окна, былъ спертый, затхлый

и душный... Черезъ часъ камера спала тяжелымъ сномъ усталости. Порой слышался сдавленный писк ребенка, порой прорывалось сонное бормотаніе и затѣмъ опять все сливалось въ одномъ дыханіи, точно камера дышала одной грудью, обладала однимъ пульсомъ. Порой по тракту проѣзжала обратная тройка, и тихіе удары колокольчика врывались сюда и висѣли въ воздухѣ ровными толчками, точно рядомъ съ камерой бился еще чей-то пульсъ, — пульсъ раскинувшейся за оградой свободной и свѣжей ночи.

Въ камерѣ не спали два человѣка. Одинъ былъ Залѣсскій. Заложивъ руки за голову, онъ глядѣлъ впередъ, и мысли бѣжали лихорадочно въ его головѣ... Порой онѣ туманились, и тогда только смутные образы стояли въ воображеніи. Ему слышался ровный шумъ лѣса. Громадныя вѣтви, теряясь въ темнотѣ, качались сумрачно и важно; темнѣло; колокольчикъ замеръ гдѣ-то въ безконечной дали и оборвался... Какъ будто цѣлая безконечность отдѣлила эти звуки отъ темной чащи, въ которой бились затерянные люди... И ему казалось, что самъ онъ тутъ же, рядомъ съ ними, въ такомъ же темномъ лѣсу и не можетъ найти выхода ни себѣ, ни имъ. Когда же онъ опять открывалъ глаза, онъ видѣлъ на другой нарѣ напротивъ сальный огарокъ и лицо Фролова, склоненное надъ книгой. На лбу бродяги залегли глубокія морщины...

— Не понимаетъ, — думалъ Залѣсскій, и ему опять стало отчего-то совѣстно...

Потомъ онъ совсѣмъ забылся...

Ночью его разбудилъ шумъ... Фроловъ стоялъ около него и гнѣвно смотрѣлъ на его сосѣда. Это былъ тощій и жалкій субъектъ, шутъ и балагуръ, который постоянно подходилъ къ нему съ предложеніемъ услугъ и лестью. Залѣсскаго это тяготило и, чтобы избавиться отъ него,—онъ раза два давалъ ему по мелочамъ деньги. Теперь Жилейка (такъ звали этого арестанта), пользуясь темнотой, прилегъ тѣсно рядомъ съ нимъ и попытался выдернуть изъ-подъ головы Залѣсскаго пиджакъ, въ которомъ были деньги. Фроловъ очевидно замѣтилъ это, и теперь держалъ Жилейку сильной рукой за шиворотъ... Начинали просыпаться арестанты.

— Что такое? — спросилъ кто-то.

— Жилейка, слышь, къ барину подсыпался...

— Оставьте его, — сказалъ Залѣсскій.

Фроловъ тряхнулъ Жилейку и бросилъ его опять на нары.

— Собака! — сказалъ онъ. — Ложись поди со мной. Ну!.. А ты, баринъ, тоже... Самъ виноватъ... Не видишь, что это

за человѣкъ... Зачѣмъ давалъ деньги?.. Слабы вы на это, господа политическіе...

Черезъ минуту въ камерѣ всѣ опять спали. Фроловъ тоже легъ на свое мѣсто... Погасилъ свой огарокъ. Въ дальнемъ углу, въ фонарѣ тускло свѣтила лампа.

VI.

На слѣдующій день Залѣсскій проснулся поздно.

Партія получила отъ этапнаго начальника позволеніе отрядить охотниковъ за сборомъ подаянія въ сосѣднія деревни. Окруженные конвоемъ, нарочно звеня кандалами какъ можно сильнѣе, они проходили по улицамъ деревень, стараясь придать себѣ особенно угнетенный и несчастный видъ, — и тянули хоромъ жалобный мотивъ:

„Мило-се-ердныя наши-и ма-а-тушки-и...“

Они успѣли уже вернуться съ цѣлой телѣгой милостыни, и когда Залѣсскій открылъ глаза,—староста и два помощника были заняты дѣлежкой. Передъ ними были навалены каравai хлѣба, куски ситника, баранки; они старательно рѣзали ровные куски, прибавляя къ каждой долѣ небольшіе ломтики булокъ. Половинки баранокъ втыкались въ хлѣбъ.

— Много набрали сегодня,—подумалъ Залѣсскій,—должно быть праздникъ.

Сегодня онъ чувствовалъ себя въ другомъ настроеніи; вчерашнія его впечатлѣнія отодвинулись куда-то далеко, и онъ опять съ любопытствомъ наблюдалъ суетливую толпу арестантовъ.

— Баринъ, — милостыню возьмешь, что ли? — спросилъ у него Фроловъ, замѣтивъ, что онъ проснулся.

— Нѣтъ, не возьму.

Залѣсскій никогда не бралъ своей доли. Въ первое время онъ старался побѣдить въ себѣ невольную гордость и брать милостыню, какъ всѣ другіе. Но затѣмъ онъ представилъ себя въ числѣ поющихъ „Милосердную“. Можетъ ли онъ, какъ другіе, заработать эти куски? Нѣтъ,—стало быть онъ не долженъ участвовать и въ дѣлежѣ.

Это выдѣляло его изъ арестантской среды и могло показаться гордостью. Фроловъ спрашивалъ его всякій разъ и всякій разъ равнодушно кидалъ его долю въ общую кучу, не выражая своего мнѣнія...

Залѣсскій всталъ съ наръ и осмотрѣлся. Камера была почти пуста: большинство арестантовъ гуляли по двору, шутя и балагуря съ торговками. Нѣсколько человѣкъ зашивали у оконъ халаты, искали насѣкомыхъ, кое-кто приглаживалъ

коты или подкандальники, готовясь къ завтрашнему пути. Въ камерѣ господствовало настроеніе лѣнивыхъ и прозаическихъ будней.

Такой же будничной показалась теперь Залѣсскому и фигура Фролова.

— Кипятокъ! кипятокъ!—раздалось вдругъ у дверей и два человѣка внесли въ камеру ушатъ съ кипяткомъ для чая, поставивъ его около старосты. Арестанты торопливо наполнили камеру, подходя съ чайниками и получая вмѣстѣ съ тѣмъ свою долю милостыни.

Торговки, продававшія на дворѣ съѣстное, убирали лотки. Залѣсскій торопливо вышелъ, остановилъ одну изъ нихъ и, взявъ первый ломоть, попавшійся подъ руку,—вернулся въ камеру. Онъ также заварилъ чай и, усѣвшись въ сторонѣ, сталъ медленно пить.

День прошелъ такъ же тускло и скучно.

Солнце зашло и на дворѣ быстро темнѣло; въ окна виднѣлась большая тяжелая туча; она тихо ползла по небу, какъ бы раздумывая о чемъ-то и разглядывая то мѣсто, куда пролиться дождемъ. Но дождя не было, только въ окна залеталъ посвѣжѣвшій вѣтеръ.

Зажгли лампы; отъ этого стѣны сразу побѣлѣли, окна выступили черными пятнами, и туча потерялась въ темнотѣ. Теперь дворъ затихъ, а камера ожила и зашумѣла.

Въ дверяхъ показалась голова караульнаго.

— Смирно, ребята!—сейчасъ будетъ полковникъ.

Во дворѣ послышался топотъ шаговъ.

Въ темномъ четыреугольникѣ дверей показалась добродушная фигура Семена Семеновича. Сюртукъ его съ измятыми погонами по обыкновенію былъ разстегнутъ, что придавало ему видъ нѣкоторой благодушной распущенности. Въ лѣвой рукѣ онъ держалъ свою трубку, съ длиннымъ чубукомъ, одинъ конецъ котораго посасывалъ угломъ рта. На головѣ у него была надѣта большая сибирская папаха съ кокардой, откинутая нѣсколько назадъ, что какъ-то выдѣляло еще больше его лоснящіяся щеки, вздернутый носъ, опущенные внизъ усы. Небольшіе глаза искрились добродушіемъ человѣка, довольнаго собой и другими.

— Здорово, подлецы,—сказалъ онъ весело, вынувъ чубукъ изо рта и остановившись на мгновеніе у порога. Глаза его заискрились еще больше. Онъ зналъ, что арестанты знакомы съ его манерой, что слово „подлецы“ выражаетъ только фамильярное доброжелательство. Дѣйствительно, въ камерѣ послышались радушные отвѣтные возгласы:

— Здравія желаемъ, ваше высокородіе...—А кой-гдѣ вынеслись голоса побойчѣе:—Здравствуйте, Семенъ Семеновичъ, ваше высокородіе.

За полковникомъ вошелъ начальникъ этапа, болѣзненный, очень высокій и худой офицеръ съ воспаленными и непріятно бѣгавшими глазами. Онъ не имѣлъ на этотъ разъ причинъ бояться какихъ бы то не было претензій, но все же, когда онъ видѣлъ инспектора и арестантовъ вмѣстѣ,—ему было не по себѣ. Съ нимъ вошли еще два молодыхъ прапорщика конвойной команды, два-три солдата и наконецъ рослый фельдфебель вынырнулъ изъ темноты и тотчасъ же прилипъ къ косяку молодцовато вытянутой фигурой.

— Ну, каково дошли, мерзавцы, а?—спросилъ опять полковникъ и затѣмъ сталъ вдругъ серьезнѣе, насупился и вынулъ изо рта трубку.

— Нѣтъ ли претензіи? Говори, ребята, откровенно.

Полковникъ спрашивалъ отрывисто, рѣзкимъ голосомъ. Внезапная серьезность, водворившаяся на его лицѣ и во всей фигурѣ, показывала, что въ этомъ дѣлѣ онъ не шутитъ, и арестанты это знали.

— Слава Богу,—раздавались ихъ голоса,—спасибо, ваше высокородіе,—не забываете насъ. Не имѣемъ претензіи. Идемъ хорошо, слава Богу...

— Ну, слава Богу лучше всего,—и полковникъ опять расцвѣлъ.—Садись, ребята, садись по мѣстамъ,—чай простынетъ. А гдѣ тутъ... у меня?..

Семенъ Семеновичъ оглянулся по камерѣ, какъ бы кого-то разыскивая; онъ на мгновеніе насупился: взглядъ его упалъ въ одномъ углу на фигуру Залѣсскаго. Молодой человѣкъ сидѣлъ недалеко на низенькой скамейкѣ, сосредоточенно наливалъ чай изъ жестяного чайника въ деревянную кружку и затѣмъ, отпивая медленными глотками, смотрѣлъ въ другую сторону. Хотя полковникъ велѣлъ арестантамъ, вставшимъ при его появленіи,—сидѣть свободно, но этотъ повидимому не вставалъ вовсе, и начальнику это не понравилось. Кромѣ того, Семенъ Семеновичъ былъ въ душѣ демократомъ и хотя никого не притѣснялъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ не допускалъ никакихъ незаконныхъ льготъ для такъ называемыхъ „привилегированныхъ“... „Вольная одежа“ молодого человѣка его смущала, но онъ зналъ, что на этотъ разъ ничего не можетъ сдѣлать: „циркуляръ“!.. Поэтому на выразительномъ лицѣ его появилась гримаса, какъ будто онъ принялъ слишкомъ крѣпкую понюшку табаку,—что замѣтили всѣ арестанты,—и онъ отвелъ глаза.

— А гдѣ у меня тутъ старый знакомый... а?

Взглядъ его весело пробѣжалъ по сѣрой толпѣ, и онъ увидѣлъ около ушата съ кипяткомъ знакомую фигуру Фролова. Услышавъ вопросъ инспектора, староста равнодушно посмотрѣлъ на полковника, но не двинулся съ мѣста.

— Фроловъ!.. Староста... Тебя слышь...—толкали его ближайшіе сосѣди, но полковникъ самъ приближался къ нему, проходя между нарами, при чемъ свита слѣдовала за нимъ.

Арестанты столпились вокругъ нихъ, глядя съ почтительнымъ любопытствомъ на полковника и на своего старосту. Залѣсскій тоже взялъ свою чашку и подошелъ поближе. Сверкающая фигура полковника вошла въ освѣщенное лампой пространство, и арестанты остановились, сдерживая другъ друга на почтительномъ разстояніи. Полковникъ и бродяга стояли въ центрѣ этого круга.

Глаза инспектора сіяли веселымъ огонькомъ и бѣгали особенно оживленно; онъ имѣлъ видъ человѣка, увѣреннаго въ томъ, что своимъ появленіемъ онъ дѣлаетъ неожиданный сюрпризъ, радуется самъ и готовится обрадовать другого.

— Что, Фроловъ, узнаешь меня? — спросилъ онъ, круто остановившись у наръ и вынимая изо рта трубку.

— Узналъ, ваше благородіе,—просто отвѣтилъ Фроловъ.

— Помнишь, стало быть?—и полковникъ подмигнулъ бродягѣ однимъ глазомъ весело и фамильярно, какъ человѣку, съ которымъ у него есть общія пріятныя воспоминанія.

Фроловъ промолчалъ. Очевидно, для него въ этихъ воспоминаніяхъ не было ничего пріятнаго.

Инспекторъ поднялъ брови и, отведя трубку, сталъ что-то разсчитывать въ умѣ.

— Да, да! Лѣтъ восемь никакъ мы не видались, — такъ вѣдь, братецъ?

— Не могу знать,—отвѣтилъ Фроловъ съ холоднымъ спокойствіемъ.—Намъ года считать ни къ чему...

— Да... восемь. Меня тогда въ штабсъ-капитаны произвели. А въ первый разъ встрѣтились двадцать лѣтъ назадъ... Вѣрно! Я не ошибусь!.. Вотъ, господа, — повернулся онъ къ своимъ молодымъ спутникамъ.— Имѣйте въ виду: двадцать лѣтъ назадъ, это было въ первый годъ послѣ моего опредѣленія, мы съ нимъ встрѣтились въ первый разъ... Много воды утекло, ахъ, много!..

— Много,—повторилъ бродяга и бросилъ на полковника быстрый, короткій взглядъ исподлобья. Въ этомъ взглядѣ мелькало то же выраженіе, съ какимъ вчера онъ изслѣдовалъ покосившіяся этапныя постройки. Полковникъ угадалъ его мысль.

— Да, братъ,—перемѣнился и я, что дѣлать. А ужъ о тебѣ и говорить нечего: сгорбился, глаза впали, сѣдина пробилась... постарѣлъ, братецъ, постарѣлъ!..

Фроловъ стоялъ неподвижно, слегка опершись рукой на край ушата. Его лицо не выражало ничего; окружающіе тоже молчали; синяя струйка дыма вилась изъ трубки, расплываясь надъ головами людей причудливыми завитками.

— Д-да, — сказалъ полковникъ отрывисто и затянулся; трубка захрипѣла, и онъ принялся выколачивать ее о край нары. — Д-да! Русская поговорка: гора дескать съ горой не сходится. Имѣйте въ виду, господа. Двадцать лѣтъ... Молодой прапорщикъ, новые эполеты... такъ сказать, у порога жизни... Оба были молоды, и вотъ теперь... Знаете: для ума много, такъ сказать... для мысли...

И онъ кинулъ въ сторону Залѣсскаго самодовольный взглядъ. Выколотивъ трубку, онъ сунулъ ее въ кисетъ и началъ набивать табакомъ, потомъ, закуривъ, снялъ папаху, кинулъ ее на нары и запросто усѣлся.

Минуту стояло молчаніе. Полковникъ, очевидно, вспоминалъ... Тогда онъ былъ молодъ; усики только пробивались надъ губой и доставляли ему такое же удовольствіе, какъ новый мундиръ и погоны; все это наполняло тогда радостью и блескомъ его жизнь, которая представлялась молодому прапорщику цѣлой лѣстницей повышеній. Если во столько-то лѣтъ онъ достигнетъ чина поручика,—то умретъ навѣрное полковникомъ... Теперь полковникъ оглядывался назадъ, на пройденную часть жизненнаго пути и видѣлъ съ удовольствіемъ, что онъ ушелъ гораздо дальше, чѣмъ это представлялось безусому фендрику. Вотъ онъ еще бодръ и крѣпокъ, а уже достигъ высшаго предѣла своихъ мечтаній. Все, чего удастся еще добиться, будетъ уже сверхсмѣтнымъ подаркомъ судьбы.

Да, онъ доволенъ судьбой. Все ему удавалось. Сына онъ сразу поставилъ выше, чѣмъ стоялъ самъ въ началѣ карьеры, дочерямъ далъ приданое... Теперь, если придется, онъ умретъ спокойно и, конечно, съ наилучшими надеждами въ будущей жизни...

Въ это время со двора донесся ласковый визгъ собаки и веселый смѣхъ мальчика, игравшаго съ нею на крыльцѣ смотрительской квартиры. Полковнику захотѣлось имѣть его около себя, и онъ кивнулъ фельдфебелю.

— Ваську сюда!..

— Василій Семенычъ,—почтительно позвалъ фельфебель,—папаша требуютъ.

На порогѣ показался краснощекій мальчуганъ въ синей

косовороткѣ и военной фуражкѣ. Свѣтъ керосиновой лампы на мгновеніе ослѣпилъ его; мальчикъ съ улыбкой закрылъ глаза руками, но затѣмъ, разглядѣвъ отца, радостно кинулся къ нему среди разступившихся арестантовъ. Его не пугали сѣрые халаты, онъ привыкъ къ звону кандаловъ, и не разъ жесткая рука каторжника гладила его бѣлокурые волосы. Однако, встрѣтивъ взглядъ человѣка, стоявшаго передъ его отцомъ, онъ вдругъ присмирѣлъ и прижался лицомъ къ отцовской ногѣ.

— Вонъ какой бутузъ ростетъ у меня, это самый младшій,—сказалъ полковникъ, гладя рукой голову сына, и взглянулъ на Фролова. Вмѣстѣ съ сожалѣніемъ къ бродягѣ, онъ испытывалъ то странное чувство, которое заставляетъ еще болѣе цѣнить мѣсто у камина, когда вспоминаешь о томъ, что другіе пробираются среди темной мятели...

Фроловъ стоялъ сгорбившись, съ темнымъ лицомъ и угрюмой лихорадкой во взглядѣ. Залѣсскій посмотрѣлъ на него и подумалъ, что онъ понимаетъ его настроеніе... Встрѣча съ „старымъ знакомымъ“ заставила и его оглянуться на свою жизнь... Что-то смятое, спутанное, рядъ годовъ, ничѣмъ не отмѣченныхъ, и какіе-то обрывки воспоминаній, отзывающіеся тупой болью... Люди, которыхъ онъ зналъ близко,—были не тѣ, что живутъ полною жизнью. Города онъ зналъ только со стороны тюремъ, въ деревняхъ — бани и задворки... Жизнь прошла стороной и онъ смотрѣлъ на нее со стороны, съ опушекъ тайги и съ своей безконечной дороги. Въ одномъ мѣстѣ онъ видѣлъ, какъ пахари выводили на заимочныхъ пашняхъ борозду за бороздой, посматривая на солнце. Дальше уже косцы, звеня косами, укладываютъ зеленые ряды на лугахъ. Еще дальше жнецы жали поспѣвшую рожь. Вся эта чужая работа катилась стройно по заведенной колеѣ, изъ мѣсяца въ мѣсяцъ, изъ года въ годъ, и все это не задѣвало человѣка, который смотрѣлъ съ дороги. Матери кормили ребятъ грудью; мужики, положивъ головы на колѣни бабъ, подымали кверху дѣтишекъ, которыя тянулись къ нимъ ручонками и звонко смѣялись... А онъ смотрѣлъ на все это изъ кустовъ.

— Много разъ бѣгалъ съ тѣхъ поръ? — спросилъ вдругъ полковникъ отрывисто.

— Одиннадцать разъ,—тихо отвѣтилъ Фроловъ.

— И все неудачно!

— До своей губерніи два раза доходилъ...

— Ну?..

Бродяга молчалъ, полковникъ пожалъ плечами:

— Эхъ, Фроловъ, Фроловъ! Жаль мнѣ васъ, ей-Богу... На

дорогѣ гдѣ-нибудь встрѣчу, самъ рубль подамъ, даромъ что отъ васъ хлопотъ казнѣ не оберешься. Вотъ ты одиннадцать разъ прошелъ, и назадъ тебя гнали. Сколько казнѣ расходу... А убей ты меня,—не понимаю, зачѣмъ вы все бѣгаете... Да и самъ ты не скажешь.

— Сестра у меня,—тихо и какъ-то жалко сказалъ Фроловъ.

— Сестра! Что она тебѣ письма что ли пишетъ, зоветъ на именины да на крестины?..

— Никакъ нѣтъ...

— Можетъ, давно умерла?

— Тетка еще была.

— Ну хорошо, ну жива, ну обѣ живы. Такъ ты думаешь, онѣ бродягѣ обрадуются? Вѣдь она замужъ вышла, семья у нея. Сама за сотскимъ не пошлетъ, такъ мужъ во всякомъ случаѣ... Имѣйте въ виду,—повернулся полковникъ къ офицерамъ:—чѣмъ опытнѣе въ своемъ дѣлѣ бродяга, тѣмъ глупѣе въ житейскихъ дѣлахъ. Я этотъ народъ изучилъ...

Въ голосѣ полковника звучала такая увѣренность, что, казалось, сама практическая жизнь говорила его устами, глядѣла изъ его маленькихъ и теперь нѣсколько насмѣшливыхъ глазъ. Между тѣмъ Фроловъ, тотъ самый „Безпріютный“, чье имя пользовалось у сотенъ людей безусловнымъ авторитетомъ, о комъ по сибирскому тракту сложились цѣлыя легенды, стоялъ передъ нимъ и бормоталъ что-то невнятно и смутно.

Молодой прапорщикъ, стоявшій сзади полковника и державшій подъ мышкой новенькую папаху съ блестящей кокардой, смѣрилъ бродягу съ ногъ до головы пренебрежительнымъ взглядомъ; двое его товарищей неодобрительно покачали головами. Только одинъ Степановъ, смотритель этапа, худой, съ раздражительнымъ и желчнымъ лицомъ, стоялъ неподвижно, и вся его фигура выражала, по меньшей мѣрѣ, равнодушіе къ излагаемымъ начальникомъ мыслямъ или даже пассивное неодобреніе. Впрочемъ, это могло происходить оттого, что Степановъ, не молодой уже подпоручикъ, и самъ-то не вполнѣ соотвѣтствовалъ видамъ начальства, получалъ частые выговоры, а теперь, кажется, вдобавокъ былъ еще и съ похмѣлья.

Лица обступившихъ эту группу арестантовъ были угрюмы. Кто-то въ заднихъ рядахъ вздохнулъ. Хомякъ сидѣлъ на одной изъ наръ въ своей обычной позѣ, и даже онъ какъ будто прислушивался къ увѣренному голосу полковника и къ тихимъ отвѣтамъ Безпріютнаго. Въ сѣрой массѣ чуялось напряженіе; арестанты переглядывались, какъ будто поощряя другъ друга сказать что-то такое, что у многихъ было на умѣ, но что не могло ни у кого сорваться съ языка.

Вдругъ мальчикъ, тихо прислонившійся къ ногамъ полковника, посмотрѣлъ въ лицо человѣка, стоявшаго противъ отца, и съ безпокойною просьбой сказалъ:

— Папа... пойдемъ...

Залѣсскій тоже взглянулъ вслѣдъ за мальчикомъ и, протолкавшись черезъ кучку арестантовъ, положилъ руку на колѣно полковника и сказалъ съ наивной простотой человѣка, очевидно совершенно забывшаго свое положеніе:

— Знаете, полковникъ... вамъ бы лучше уйти.

Это было совершенно неожиданно. Полковникъ посмотрѣлъ на него съ недоумѣніемъ, но вдругъ понялъ то *что-то* особенное и тяжелое, что нависло среди угрюмой, ожидающей тишины, и немного растерялся... Степановъ тоже что-то сказалъ ему, нагнувшись, и полковникъ вдругъ какъ-то жалко заторопился.

— Ну-да, ну-да... Я сейчасъ... Прощайте, ребята.

Никто не отвѣтилъ, и когда полковникъ сошелъ съ наръ, было мгновеніе тяжелаго ожиданія и ужаса. Мальчикъ пошелъ впередъ... Толпа разступилась...

Фроловъ стоялъ, схватившись за край нары судорожно сжатыми руками и подавшись впередъ. Онъ дышалъ тяжело и весь дрожалъ мелкою судорожною дрожью. Онъ шепталъ что-то, но словъ не было слышно...

VII.

Въ этотъ вечеръ староста Фроловъ закутилъ. Онъ угощалъ всѣхъ, даже Жилейку; бродяги, усѣвшись кучей — затянули протяжную и надрывающую пѣсню. Приходилъ фельдфебель, потомъ начальникъ этапа, но всѣ они видѣли, что это одна изъ тѣхъ неудержимыхъ вспышекъ неповиновенія, въ которыхъ увѣщанія безполезны, а насиліе можетъ повести къ самымъ ужаснымъ послѣдствіямъ для обѣихъ сторонъ. Еще третьяго-дня конвойные, провожавшіе партію, спокойно спали въ телѣгахъ, а кандальщики сами наблюдали дисциплину и порядокъ. Теперь староста первый шумѣлъ и вызывающе отвѣчалъ на увѣщанія. Кругомъ этапа во дворѣ царило напряженное ожиданіе. Солдаты не ложились спать, караулъ удвоили, со двора слышалось сдержанное бряцаніе ружей. Казалось, звѣрь, котораго вчера можно было водить на шелковой лентѣ, теперь ощетинился и грозилъ разбить свою клѣтку.

Опытные люди знаютъ эти мгновенныя вспышки въ арестантской средѣ. Масса людей, которые обычно такъ или иначе руководятся своими разрозненными интересами,—тутъ

вдругъ проникаются общею всѣмъ страстію. Каждый чувствуетъ это странное единодушіе, наступающее безъ предварительнаго сговора, безъ разсужденій, и сознаніе общности настроенія страшно усиливаетъ его въ каждомъ отдѣльномъ человѣкѣ. Тутъ трусъ становится храбрымъ, а храбрый человѣкъ—безумцемъ. Изъ двухъ сторонъ, стоящихъ лицомъ къ лицу, одна чувствуетъ себя сильнѣе, потому что заранѣе отказывается отъ самаго дорогого, за что можно бояться...

Степановъ, состарившійся на этапахъ, — былъ знакомъ съ этими стихійными вспышками. Поэтому онъ принялъ всѣ мѣры, чтобы избѣгнуть столкновенія. Онъ не пытался вмѣшаться, не отнималъ водку, которую арестантамъ удалось добыть въ большомъ количествѣ, и даже удалилъ отъ дверей камеры часового. Онъ надѣялся, что такимъ образомъ пламя внезапно вспыхнувшихъ страстей перегоритъ и погаснетъ, не выходя за предѣлы камеры.

Залѣсскій старался заснуть, но это ему не удавалось: дремота была тревожна. По временамъ, открывая глаза, онъ видѣлъ будто въ туманѣ силуэты двигавшихся людей; слышалъ сквозь дремоту говоръ и пѣсни. Одинъ голосъ особенно выдѣлялся и тревожилъ его, напоминая о чемъ-то непріятномъ и тяжеломъ. Поэтому онъ не хотѣлъ просыпаться, а проснувшись, старался тотчасъ же опять заснуть.

Въ одну изъ такихъ минутъ,—онъ увидѣлъ Фролова. Староста сидѣлъ на краю нары, обнявшись съ простоволосой арестанткой. Женщина покачивалась и, смѣясь, съ пьяною наглостію заводила циничную пѣсню. Въ камерѣ было душно, накурено и пыльно отъ движенія; фигуры рисовались тускло, будто въ волнахъ тумана, пронизаннаго скуднымъ свѣтомъ ночниковъ. На одной изъ наръ въ серединѣ выдѣлялась тощая фигура Жилейки. Онъ потрясалъ въ воздухѣ кулаками и выкрикивалъ охрипшимъ голосомъ, видимо кому-то угрожая: „Знай нашихъ!.. Поберегайся!“ Во всѣхъ концахъ камеры стоялъ оживленный говоръ. Даже тѣ, кто не принималъ въ пирушкѣ непосредственнаго участія, — сидѣли на постеляхъ кучками и громко бесѣдовали другъ съ другомъ о самыхъ разнообразныхъ дѣлахъ и случаяхъ, не имѣвшихъ повидимому ни малѣйшаго отношенія къ тому, что здѣсь происходило. Камера гудѣла, какъ улей, разбуженный какимъ-то толчкомъ въ глухую полночь.

Потомъ протяжная хоровая пѣсня покрыла всѣ остальные звуки, и подъ ея грустный напѣвъ Залѣсскій опять забылся.

Проснулся онъ отъ наступившей вдругъ тишины и, проснувшись, сразу усѣлся на своей постели. Теперь въ камерѣ

слышался одинъ только голосъ. Кто-то плакалъ, но это не былъ плачъ пьянаго человѣка. Это былъ протяжный грудной ревъ, какъ-то безнадежно и ужасающе ровный, которому, казалось, конца не будетъ. Этотъ ревъ какъ будто поглотилъ въ себѣ все оживленіе разбушевавшейся камеры. Остальные арестанты прислушивались къ нему въ тяжеломъ испуганномъ молчаніи. Только пьяная женщина тянулась къ рыдавшему, стараясь приподнять съ нары его голову, и по временамъ причитала:

— Яши-инька, Яшь! Горемышный ты мо-о-ой...

— Мамка, не трогъ меня...—глухо и прерывисто отвѣчалъ бродяга.

— Не трогъ, не трогъ,—испуганно шептали арестанты.

Вдругъ Фроловъ поднялъ голову и обвелъ камеру тяжелымъ взглядомъ. Казалось, водка не опьянила его, и трудно было бы повѣрить, что этотъ человѣкъ только что плакалъ. Глаза его были сухи, черты стали какъ будто острѣе и жестче. Онъ порывисто приподнялся, держась руками за край нары, и искалъ кого-то глазами.

— А, баринъ! — крикнулъ онъ Залѣсскому, который смотрѣлъ на него, сидя на своемъ мѣстѣ, отдѣленномъ отъ бродяги тянувшимися посреди камеры двойными нарами.

Съ языка бродяги сорвалось короткое циничное ругательство.

— Ва-а-просы... Я, братъ, и самъ спрашивать-то мастеръ... Нѣтъ, ты мнѣ скажи,—долженъ я отвѣчать или нѣтъ... ежели моя линія такая. А то—ва-а-просы. На цыгарки я твою книгу искурилъ...

Залѣсскій молчалъ.

— Сестра-а! — сказалъ опять Фроловъ тономъ глубокаго презрѣнія...—У меня у самого сестра.

И затѣмъ цѣлый градъ самыхъ грубыхъ ругательствъ полился изъ устъ Фролова. Казалось, онъ чувствовалъ особое наслажденіе, втаптывая въ грязь образъ миѳической сестры, мечту своей жизни.

Залѣсскій сидѣлъ молча и думалъ, чѣмъ кончится эта сцена. Арестанты смотрѣли то на него, то на Фролова, не понимая, въ чемъ дѣло. Съ трудомъ сойдя съ своего мѣста, безъ халата и шапки, въ одномъ бѣльѣ и съ палкой въ рукахъ, старый Хомякъ пробирался, между тѣмъ, вдоль нары, направляясь къ Безпріютному. Подойдя на два шага, онъ протянулъ руку, пошарилъ передъ собой и, нащупавъ плечо Фролова, сказалъ съ неожиданной силой:

— Молчи... Яковъ... Я тебѣ говорю: ишшкни!

Фроловъ отстранился и, дико глядя на Хомяка, продолжалъ ругаться. Старикъ поднялъ палку и ударилъ Фролова. Среди арестантовъ пронесся внезапный вздохъ.

— Вяжи его, ребята... Вяжи щенка... Вали въ мою голову...

— Врешь,—закричалъ Фроловъ.—Самъ молчи, старая собака... Связалъ одинъ такой-то!..

— Братцы, родимые, — ножикъ! — взвизгнула вдругъ арестантка.

Въ камерѣ поднялась суматоха. Около наръ топталась и глухо наваливалась сѣрая, безличная толпа...

— Старика смяли, — крикнулъ кто-то сдавленнымъ голосомъ. — Что вы стоите, какъ быки? Уведи старика, ребята... Нѣ-ѣтъ, врешь... Нѣтъ, отдашь...

Сѣрая куча глухо сопѣла и ворчала, ворочаясь сплошной массой на полу...

— Берегись! Ножикъ,—крикнулъ кто-то, и, пролетѣвъ надъ головами, ножъ зазвенѣлъ на полу. Нѣсколько тѣлъ опять глухо свалились на полъ, и Фроловъ поднялся на мгновеніе надъ толпой, дикій и страшный. Но вскорѣ опять свалился со стономъ.

Когда, привлеченные шумомъ, въ камеру вошли конвойные солдаты съ ружьями,—все уже было кончено. Степановъ вошелъ блѣдный и ждалъ столкновенія, — но столкновенія не вышло. Вся страсть этой толпы ушла на борьбу съ однимъ человѣкомъ, который лежалъ на нарѣ весь опутанный принесенной со двора веревкой. Фроловъ лежалъ неподвижно и только съ какой-то странной размѣренностью поворачивалъ голову, останавливая взглядъ на комъ-нибудь изъ арестантовъ. Отъ этого взгляда становилось жутко.

VIII.

— Баринъ, а баринъ!.. Слышь, баринъ!..

Залѣсскій проснулся. Утомленная борьбой камера была погружена въ глубокій сонъ. Даже одинъ изъ караульныхъ, приставленныхъ къ связанному Фролову, — крѣпко спалъ, прислонясь спиной къ деревянной колонкѣ. Другой—Жилейка—растерянно топтался на мѣстѣ въ большомъ затрудненіи.

Фроловъ сидѣлъ на нарѣ все еще связанный и глядѣлъ на Залѣсскаго. Хомякъ стоялъ около него, пытаясь развязать узлы своими дрожащими и безсильными руками.

— Помоги развязать, баринъ,—сказалъ Фроловъ.—Не бойся, ничего не будетъ. Видишь,—старикъ меня знаетъ.

Залѣсскій поднялся и сталъ помогать Хомяку. У него работа тоже не особенно спорилась, но Жилейка, видимо обра-

дованный тѣмъ, что вмѣшательство барина окончательно снимаетъ съ него отвѣтственность, — принялся за дѣло самъ, и черезъ минуту Фроловъ сталъ на ноги.

— Ну, ложись спать, ребята,—сказалъ онъ своимъ обычнымъ голосомъ Жилейкѣ и другому караульному, молодому арестантику, который успѣлъ тоже проснуться и удивленно протиралъ теперь заспанные голубые глаза.

— Слушаемъ, Яковъ Ивановичъ,—сказалъ подобострастно Жилейка; казалось, все происшедшее внушило Жилейкѣ еще болѣе почтенія къ Фролову.

— Да смотри, ребята, никого не будить, — добавилъ послѣдній. Теперь это опять былъ авторитетный староста, отдававшій приказанія, и оба караульные, не говоря больше ни слова,—полѣзли на свои мѣста и тихо улеглись, покрывшись халатами.

Фроловъ, между тѣмъ, взялъ свою шапку, надѣлъ халатъ, помогъ одѣться Хомяку, и оба они вышли на дворъ, огороженный палями. Залѣсскій, спавшій у открытаго окна, приложился лицомъ къ желѣзной рѣшеткѣ.

Двѣ фигуры виднѣлись неясно на ступенькахъ крыльца. Они говорили о чемъ-то, но словъ не было слышно. Только по временамъ грудной голосъ Фролова прорывался въ темнотѣ глубоко и полно. Хомякъ говорилъ что-то глухо и неясно.

Ночь уходила своей тихой чередой. Фроловъ проводилъ Хомяка на его мѣсто и помогъ ему улечься. Затѣмъ самъ онъ опять вернулся на крыльцо, и Залѣсскому все виднѣлись въ окно неясныя очертанія неподвижной фигуры.

Острые концы палей все яснѣе проступали на свѣтлѣющемъ небѣ. Дыханіе утра постепенно развѣивало сумеречную мглу прохладной ночи... Небо синѣло, становилось прозрачнѣе, и взглядъ Залѣсскаго, глядѣвшаго изъ-за рѣшетки, уходилъ все дальше ввысь...

Потомъ розовые лучи заиграли на зубцахъ и стали спускаться внизъ на землю, золотя щели... Бѣлое облако заглянуло сверху во дворъ и стало подыматься все выше. Потомъ другое, третье, цѣлая стая... И за ними еще глубже проступала синяя высь...

Встрепенувшись отъ холодной росы, жаворонокъ, спавшій всю ночь за кочкой внѣ ограды, поднялся отъ земли, точно камешекъ, брошенный сильной рукой,—и посыпалъ сверху яркой веселою трелью...

Изъ семейной камеры вдругъ послышался плачъ ребенка, и эти неудержимыя всхлипыванія рѣзко пронеслись изъ окна по этапному дворику. Когда ребенокъ смолкалъ на время,

тогда было слышно дыханіе спящихъ, чье-то сонное бормотаніе и храпъ. Но вскорѣ дѣтскій плачъ раздавался опять, наполняя собой тишину.

Блѣдная, изможденная вышла на крыльцо мать ребенка. Некрасивое испитое лицо носило слѣды крайняго утомленія; глаза были окружены синевою; она кормила и вмѣстѣ съ тѣмъ вынуждена была продаваться за деньги, чтобы покупать молоко. Стоя на крыльцѣ, она слегка покачивалась на нетвердыхъ ногахъ. Казалось, она все еще спала и двигалась только подъ внушеніемъ звонкаго дѣтскаго крика.

Безпріютный поднялся.

— Матрена!—окликнулъ онъ женщину.—Тебѣ молока, что ли?

Женщина протерла глаза.

— А! ты здѣся, Яковъ. Никакъ уже всталъ. Да, Яшъ, голубчикъ,—молочка бы ему: слышь, какъ заливается.

Фроловъ направился къ небольшому домику, гдѣ помѣщалась караулка и кухня. Черезъ минуту онъ вышелъ опять во дворъ съ охапкой щепокъ и кастрюлькой. Синій дымокъ взвился кверху, и огонь весело потрескивалъ и разгорался. Безпріютный держалъ надъ пламенемъ кастрюльку, арестантка, все еще сонная, съ выбившеюся изъ-подъ платка косой, стояла тутъ же.

— Ишь—заливается, оретъ,—произнесъ Безпріютный.—Ты бы хоть грудь дала.

— Чего давать, молока ни капли нѣту; всю онъ меня высосалъ...

— Ишь ты. А живъ!.. Въ кого онъ у тебя такой уродился? Ась?

Арестантка не отвѣтила. Она поправила выбившіеся волосы и сказала:

— А ты, Яковъ, теперь пошумѣлъ сильно.

— Пошумѣлъ, — сказалъ Яковъ просто.—На вотъ, неси... Ишь оретъ... Наголодался...

День совсѣмъ разгорѣлся. Выкатилось на небо сіяющее солнце. Невдалекѣ съ одной стороны лѣсъ вздыхалъ и шумѣлъ, а съ другой шуршали за оградой телѣги, слышно было, какъ весело бѣжали къ водопою лошади, скрипѣлъ очепъ колодца.

Деревня принималась за работу.

— Ну, ребята! Подымайся въ дорогу!..—раздался голосъ Фролова у входа въ этапную камеру. — Живѣй! Переходъ нынче долгій...

1888 г.

«БОЖІЙ ГОРОДОКЪ».

(Изъ дорожнаго альбома).

I.

Раннимъ лѣтнимъ утромъ съ котомкой за плечами я вышелъ изъ Арзамаса...

На юго-востокъ отъ города передо мной разстилалась отлогая, зеленая гора. Бѣлая церковка городского кладбища привѣтливо и кротко глядѣла изъ-за густо разросшихся надъ могилами деревьевъ, а въ сторонѣ отъ кладбища, по скату горы, кое-гдѣ изрытой ямами, бѣлѣли нѣсколько пятнышекъ... Подойдя поближе, я увидѣлъ четыре крохотныхъ домика изъ стариннаго кирпича, съ двухскатными крышами, сильно обомшѣлыми и поросшими лишаями... На верхушкахъ странныхъ, почти игрушечныхъ хижинокъ стоятъ кресты, а въ стѣны вдѣланы темныя доски иконъ, на которыхъ лики давно уже свѣяны вѣтрами и смыты дождями...

Мнѣ говорили въ Арзамасѣ, что сравнительно еще недавно отлогость горы была густо покрыта этими странными домиками, точно цѣлый городъ карликовъ раскинулся противъ настоящаго города, съ его огромнымъ соборомъ, стѣнами, колокольнями монастырей и куполами церквей... Народъ звалъ это мѣсто „божіимъ городкомъ“, а теперь, когда городокъ постепенно исчезъ, — остатки зоветъ „божіими городами“...

Каждый годъ, въ четвергъ седьмой недѣли послѣ пасхи, духовенство отправляется на эту гору, и тамъ, среди загадочныхъ домиковъ, вьется въ воздухѣ синій кадильный дымъ, разносится запахъ ладона и заупокойное клирное пѣніе: „Помяни, Господи, убіенныхъ рабовъ Твоихъ и отъ невѣдомой смерти умершихъ, ихъ же имена Ты, Господи, вѣси!..“ О комъ молятся, кому поютъ вѣчную память, чьи грѣшныя души жадно внимаютъ молебному пѣнію, — объ этомъ не знаетъ ни вздыхающій кругомъ и молящійся народъ, ни даже арзамасскій клиръ, для котораго эта молитва среди исчезающаго „городка“ есть законный обычай, завѣщаніе сѣдой старины.

А сѣдая старина была печальна и покрыта кровью...

Черезъ Арзамасъ шелъ когда-то рубежъ: городъ несъ сторожевую службу... Любой вихрь, взметавшій пыль въ далекихъ вольныхъ степяхъ, уже вызывалъ тревогу и волненіе. Одни смотрѣли на степь со страхомъ, другіе—съ смутными надеждами... И всякая искра, занесенная сюда волжскимъ вѣтромъ, находила достаточно горючаго матеріала — въ насиліи, въ неправдѣ, въ порабощеніи и въ тяжкихъ страданіяхъ... На этой почвѣ и возникъ „божій городъ“...

Первый, кажется, положилъ ему основаніе въ 1708 году Кондрашка Булавинъ, разославшій съ вольнаго Дона свои „прелестныя письма“. „Атаманы-молодцы, дорожные охотнички, вольные всякихъ чиновъ люди, воры и разбойники! Кто похочетъ съ военнымъ походнымъ атаманомъ Кондратьемъ Аѳанасьевичемъ Булавинымъ, кто похочетъ съ нимъ погулять по чисту полю, красно походить, сладко попить да поѣсть, на добрыхъ коняхъ поѣздить, то пріѣзжайте на черны вершины самарскія“... Такъ писалъ крамольный атаманъ къ донцамъ и на Украину, и въ Сѣчь къ запорожцамъ. А въ „низовые и верховые города, начальнымъ добрымъ людямъ, также въ села и деревни“ летѣли съ Дону другія рѣчи. Въ длинныхъ и дѣловитыхъ, серьезно и съ большимъ политическимъ смысломъ составленныхъ письмахъ излагались всѣ притѣсненія помѣщиковъ и подьячихъ, вся волокита и неправда, отъ которыхъ издавна стонала земля. И замѣчательно, что въ этихъ письмахъ говорилось о томъ же, о чемъ говорили и многіе царскіе указы... Хуже всего, конечно, было то, что все это была горькая правда... Только не суждено было атаманамъ, стоявшимъ за старину и налетавшимъ на добрыхъ коняхъ изъ окраинныхъ степей, вывести на Руси злое сѣмя!

А истомленная земля ждала и колыхалась... Пылали пожары, лилась кровь, чинилась жестокая народная расправа, а изъ Москвы двигались рати и слышалось грозное слово Петра: „ходить по городамъ и деревнямъ, которые пристаютъ къ воровству, и оные жечь безъ остатку, а людей рубить, а заводчиковъ на колеса и колья... Ибо сія сарынь, кромѣ жесточи, не можетъ унята быть“...

И въ жесточи, очевидно, недостатка не было, такъ что и самъ грозный царь послѣ усмиренія пишетъ Долгорукому, чтобы онъ не мстилъ за смерть убитаго Булавинымъ брата, помня, что многіе пристали къ бунту по неразумію или отъ утѣсненій... Бунтовщиковъ свозили и къ Арзамасу. По дорогамъ стояли висѣлицы, колья и колеса, и городъ во время одной изъ подобныхъ расправъ, по словамъ очевидца-совре-

менника, приведеннымъ у Соловьева, — походилъ на адъ: болѣе недѣли кругомъ стояли стоны нестерпимыхъ мученій, и хищныя птицы носились надъ мѣстомъ казни...

А вслѣдъ за тѣмъ на горѣ забѣлѣли первые домики божьяго городка...

Потомъ къ костямъ булавинцевъ присоединились кости несчастныхъ ссыльныхъ стрѣльцовъ, что еще во времена Петра самовольно и въ противность царскому указу покинули Великія-Луки, и крѣпко за свою правду стояли противъ царскаго воеводы Шеина съ большимъ полкомъ, и бились огненнымъ и рукопашнымъ боемъ, чтобы грудью проложить себѣ путь въ Москву, въ стрѣлецкія слободы, ко дворамъ, къ женамъ и дѣтишкамъ. Послѣ упорнаго боя воевода одолѣлъ; и царскими ослушниками наполнились арзамасскіе тюрьмы и караулы. Зачинщиковъ тогда же показнили; но царь, вернувшись изъ-за границы, остался недоволенъ слабостію и поноровкою Шеина. Изъ Москвы наѣхалъ въ Арзамасъ царскій стольникъ, и въ городѣ не хватило для новыхъ пытокъ и казней заплечныхъ мастеровъ, которыхъ стольникъ требовалъ нарочито изъ Москвы...

И къ божьему городу прибавились новые домы...

Такъ, залитая кровью бунтовъ и казней, замирала дѣтски-наивная мечта народа о вольной жизни, связанная съ крестомъ и бородою, съ казацкими кругами, съ смутными воспоминаніями о давно отжившихъ формахъ... Замирала до новыхъ судорожныхъ вспышекъ, въ ожиданіи великихъ дней свободы... А старое безправіе и неволя смыкались еще тѣснѣе, и подъ ними копилось и закипало опять вѣковое страданіе... И память народа невольно возвращалась къ тѣмъ, кто обѣщалъ свободу и кто запечатлѣлъ эти обѣщанія и своей, и чужой кровью...

И послѣ каждаго движенія, точно камни, выкидываемые на отмель бурнымъ приливомъ, выростали еще нѣсколько божіихъ домовъ“ на скатѣ арзамасской горы. Прибавилось ихъ немало и послѣ Пугачова... И кто-то тутъ долго плакалъ, и припадалъ къ землѣ, и орошалъ позорныя могилы своими горячими, любящими слезами... Потомъ умирали и эти плакавшіе люди; но народъ всетаки поддерживалъ домы божьяго городка, и чьи-то безвѣстныя руки приносили сюда иконы... Вѣтеръ и солнце, дожди и бури стирали на иконахъ лики, оставляя однѣ темныя доски, на которыхъ ничего уже не было видно. Но надъ горой оставалось чувство народа, связанное съ давно исчезнувшими изъ памяти событіями... чувство грустнаго недоумѣнія, не смѣющаго про-

нзнести судъ и предоставляющаго этотъ судъ Богу... „Для души“ люди поповляли развалившіяся крыши, приносили иконы; и до сихъ поръ надъ горой звучитъ молитва о всѣхъ убіенныхъ и невѣдомою смертію умершихъ, чьи имена Ты, Господи, вѣси, и чьи дѣла истомленная земля отдаетъ на судъ небу...

II.

Было тихое, ясное утро, когда я подходилъ къ остаткамъ божьяго городка. Какая-то арзамасская мѣщанка гнала корову, которую, повидимому, проискала всю ночь, и теперь машинально крестилась на крестъ одного изъ божьихъ домовъ... Прошли мимо двое рабочихъ, съ черными глазами, загорѣлыми лицами и рѣзкими движеніями... Они съ любопытствомъ посмотрѣли на мою странницкую фигуру и остановились въ раздумьи, замѣтивъ мое вниманіе къ гробницамъ... Они исконные арзамасцы, скорняки-кошатники; дѣло ихъ идетъ плохо, хоть брось, и они думаютъ, что когда-то въ старинныя времена было, пожалуй, лучше. О божіемъ городкѣ знаютъ только, что здѣсь хоронятъ умершихъ „незапною или дурною смертью“. Прежде домовъ было много больше...

Теперь ихъ осталось только четыре. Три совсѣмъ крохотные, меньше человѣческаго роста, одинъ значительно больше, что-то вродѣ часовенки съ незапертой дверью, позволяющей войти внутрь. На порогѣ сидѣлъ старый дѣдъ, съ посошкомъ и котомкой, и перевязывалъ оборку лаптя.

— Здравствуй, дѣдушка.

— Здорово, сынокъ. Куда путь держишь?

— Въ Саровъ.

— Эвона—дорога-те! На мостъ, да на слободу.

— Знаю, дѣдушка. Я нарочно свернулъ — поглядѣть на божіи домы.

— Погляди, что-жъ. И помолиться этто гоже. Божье мѣсто, угодное...

— А кто здѣсь похороненъ, не знаешь ли?

— И-и, сынокъ... Лежитъ здѣсь народу... всякаго званія... сила. Одинъ Салтыковъ, помѣщикъ, сколько душъ загубилъ... Не приведи Господи! Бывало,—говорили старые люди,—ѣдетъ купецъ отъ Макарья, доѣхалъ до Арзамасу,—служитъ молебенъ. Теперъ, баетъ, слава-те Господи, почитай дома. А на зарѣ выѣдетъ изъ городу неопасно, на мосту его баринъ Салтыковъ съ челядью и прикончатъ... Кинутъ въ Тёшу, а черезъ день, черезъ два всплывутъ тѣла,—людишки-те пой-

мають и похоронять вотъ тутъ... А то и сами салтыковскіе, дурачки, сволокутъ ночнымъ дѣломъ: лежите, молъ, до суда Господня...

Мнѣ приходилось уже слышать фамилію этого Салтыкова, а старинныя дѣла нижегородскаго архива хранятъ память о самыхъ мрачныхъ подвигахъ этого дворянскаго рода... Одинъ изъ нихъ извѣстенъ и въ исторіи Пугачовскаго бунта. Когда въ народѣ пронеслась вѣсть, что Петръ Ѳедоровичъ объявился и идетъ на царство, салтыковскіе крѣпостные подумали, что теперь пришелъ уже конецъ злодѣйствамъ и разбоямъ ихъ барина. Собравшись міромъ, они захватили его, связали, положили въ телѣгу и повезли въ „царскій лагерь“. Но,—говорится въ печатныхъ извѣстіяхъ объ этомъ эпизодѣ,—Господь услышалъ молитву невинной жертвы, и вмѣсто получищъ самозванца, злодѣи наткнулись на отрядъ Михельсона. Невинная жертва была тотчасъ же освобождена, а простодушные злодѣи понесли должное наказаніе... И кости ихъ присоединились, вѣроятно, къ костямъ булавинцевъ и стрѣльцовъ, и жертвъ того же Салтыкова. И всѣ вмѣстѣ лежатъ—до божьяго суда надъ земными дѣлами!..

— Да, вонъ она слобода-те,—сказалъ дѣдъ, подымаясь на ноги и указывая рукой на Выѣздную слободу, курившуюся въ дыму и въ утреннемъ туманѣ за Тёшей.—Что станешь дѣлать! Могутный баринъ былъ, видно, сильный...

— Такъ, по вашему, съ этихъ поръ и домы стоятъ?

— Гдѣ съ этихъ поръ! Нѣ-ѣтъ, много ранѣе, видно... Какъ Пугачовъ ходилъ, пожалуй, уже стояли.

— А кто такой Пугачовъ?

— Да вѣдь... кто знаетъ, народъ мы темный. Да и дѣло-то, слышь, давнее. Отецъ у меня сорокъ лѣтъ назадъ померъ, а жилъ девяносто годовъ. Считай теперь, много ли годовъ тому... Отецъ-то еще, почитай, мальчикомъ малымъ былъ.

— Сто двадцать лѣтъ.

— То-то—сто двадцать, поболѣе, гляди. А что строгой былъ, это вѣрно. Сейчасъ въ деревню пришелъ,—подавай господъ! И гдѣ которыхъ ежели мужички скроютъ,—и-и! Не приведи Богъ. Лютой! И тоже почесть любилъ. Этто, родитель покойникъ сказывать, два села были рядомъ. Изъ одного-то—догадались міряне, икону подняли, да стрѣчу ему и пошли. Ну, пожаловалъ тѣхъ, наградилъ и указъ далъ, стало-быть, милостивой манифестъ. А наши, баетъ, не догадались, дурачки, не вышли, такъ онъ, слышь, все село и спалилъ. Строгой былъ, строгой, нечего сказать, строгой...

Тутъ дѣдъ посмотрѣлъ на меня, на цѣпочку отъ моихъ часовъ, на записную книжку, въ которую я захотѣлъ записать его слова—и сказалъ, снимая шапку:

— Прости Христа ради!

— Что ты это, дѣдушка?

— Темные мы, гдѣ намъ знать... Можетъ, что не такъ сказалъ... А что строгой былъ, это вѣрно... И порядокъ любилъ!

Кажется, почтенный старецъ опасался, какъ бы „господинъ“ не осудилъ его за фамильярные отзывы о высокой особѣ Пугачова, любившаго порядокъ и издававшаго манифесты...

Мнѣ удалось его успокоить, и мы опять завели бесѣду о божьихъ домахъ. Старикъ оказался очень сообщительнымъ. Его маленькіе, живые глазки свѣтились умомъ, а память хранила много любопытнаго. И онъ разсказалъ мнѣ легенду, связанную съ божіимъ городомъ и прекрасно выражающую смутное чувство, витающее надъ этимъ мѣстомъ... Чувство прощающаго и робкаго недоумѣнія, смутнаго вопроса и молитвы обо всѣхъ, кто теперь лежитъ здѣсь подъ землей, а когда-то жилъ и, можетъ быть, заблуждался, и, можетъ быть, понесъ должную казнь, а можетъ быть, сложилъ свою голову за дѣло, которое слѣдуетъ считать святымъ и хорошимъ...

III.

Было это во время Степана Тимоѳеича Разина. Когда загремѣлъ Стенькинъ громъ надъ широкою русскою землей,—пошалили, говорятъ, разинскіе работнички и въ Арзамасѣ. Выбѣгали они оттуда и дальше на сѣверъ, загнѣздились было въ Большомъ-Мурашкинѣ, ходили на Лысково и на Макарій. А потомъ по тѣмъ же слѣдамъ ходили царскіе воеводы и чинили свою расправу, послѣ расправы разинцевъ.

Коротки и кровавы были дни молодецкаго разгула и мести, коротка и жестока была также и расплата. Настроили заплечные мастера цѣлый лѣсъ столбовъ съ перекладинами, и къ вечеру народъ глядѣлъ съ горы на гору, какъ качались, рисуясь на аломъ небѣ, темныя тѣла удалыхъ молодцовъ-атамановъ, да и своей арзамасской вольницы, приставшей къ кровавому пиру... Видѣли все это арзамасскіе люди и колебались смущенною совѣстью. Вороны летали надъ угоромъ: садилось за дальними полями кровавое солнце, пугливыя сумерки крыли небо, ложились на землю... Кто же это виситъ тамъ, на горѣ? Злодѣи и напрасные душегубы, проливавшіе неповинную чужую кровь, или подлинные защитники народной

воли, грозные мстители вѣковѣчной неправды? Правда, казацкая сабля плохо разбирала друзей и враговъ, хмѣльной разгулъ вольной-волюшки лилъ кровь, какъ вино; и объ атаманѣ Степанѣ Тимоѳеичѣ тоже вспоминали, навѣрнос, не въ одной деревнѣ: „Строгой былъ, строгой, нечего сказать, строгой!“ Но его громъ, какъ и настоящая гроза, всетаки чаще попадалъ въ высокія хоромы, обходя низкія избы. И среди пролитой крови было не мало крови повинной. Съ другой стороны, въ застѣнкахъ лилась далеко не одна только виновная кровь, и тогдашняя расправа иной разъ немногимъ отличалась отъ разбоя. Мудрено ли, что совѣсть народа колебалась и смущалась, и что больше сожалѣнія вызывалъ именно тотъ, кто болѣе страдалъ въ данное время?

И вотъ,—говоритъ арзамасское преданіе, — въ эту самую ночь по большой саратовской дорогѣ молодой арзамасскій купецъ гналъ во всю мочь усталаго коня. Богатый купецъ, пожалуй, зналъ лучше другихъ, кого ему слѣдуетъ жалѣть и кого ненавидѣть, и богатый обозъ нелегко было провести безъ убытку въ это безпокойное время. Но онъ бросилъ далеко на дорогѣ обозъ, товары и пожитки, вскинулъ пищаль за плечо и мчался одинъ къ Арзамасу, узнавъ отъ встрѣчныхъ бѣглецовъ, что въ городѣ неладно, что въ немъ уже гуляютъ стенькины неласковые ребята. А у купца въ городу старые отецъ съ матерью да молодая любимая жена съ первенцемъ сыномъ.

Въ темную полночь, на взмыленномъ конѣ выскочилъ молодецъ изъ лѣсу на поляну, въ виду родимаго города. Не видать уже надъ городомъ зарева пожаровъ, не слышно набата, городъ будто весь вымеръ, только въ церквахъ кое-гдѣ робко теплятся огоньки,—знать, у мертвыхъ тѣлъ, поставленныхъ для отпѣванія...

И вдругъ конь у купца захрапѣлъ и насторожился.

Было это на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоятъ божіи домы. Видитъ купецъ,—стоитъ на горѣ странный лѣсъ, безъ листвы, безъ вѣтвей, и точно зрѣлые плоды—висятъ добрые молодцы, и черные вороны тяжело машутъ крыльями и глядятъ молодцамъ въ мертвыя очи. Накипѣло у купца на сердцѣ отъ неизвѣстности и горя, когда онъ мчался днемъ и ночью, смѣняя уставшихъ коней, а на душѣ чернымъ камнемъ лежала кручина... Осадилъ онъ коня, привсталъ на стременахъ и изо всей силы хлестнулъ плетью ближайшее мертвое тѣло... Тѣло закачалось, лязгнула цѣпь, и вороны поднялись, тяжело взмахивая крыльями...

И говоритъ старое арзамасское преданіе, что свершилось

въ ту минуту страшное чудо. Со всѣхъ висѣлицъ, и съ колесъ, и съ окровавленныхъ кольевъ черною сѣтью взвились вороны, какъ темная туча. Потомъ, лязгая цѣпями, сорвались казненные съ петель и крючьевъ. Испуганный конь помчалъ молодца съ отлогой горы, пролетѣлъ по лугамъ, перемахнулъ черезъ ручей и, напрягая послѣднія силы, принесъ въ городъ... И все время, точно осенніе листья въ непогоду, вихремъ неслись за нимъ тѣни казненныхъ, и мертвыя очи горѣли огнями, и руки, закованныя въ цѣпи, тянулись къ нему съ проклятьями, и мертвые голоса плакали, жаловались и проклинали.

Понялъ тогда купецъ, что не ему судить тѣхъ, кто стоитъ уже передъ другимъ судомъ, слагая тамъ и свои и чужія неправды, и свои и чужія обиды, и свою и чужую пролитую кровь. И далъ онъ въ ту страшную минуту крѣпкій обѣтъ: схоронить всѣхъ казненныхъ въ общей могилѣ, воздвигнуть надъ ними скудельницу и ежегодно дарить грѣшныя души молебнымъ пѣніемъ...

Съ этихъ будто поръ и повелись въ Арзамасѣ божіи домы. Съ этихъ поръ, продолжая стародавній обычай, поетъ надъ безвѣстными могилами клиръ, съ этихъ поръ не переводятся въ божіихъ домахъ невѣдомо кѣмъ приносимыя иконы.

IV.

Мы вошли въ часовню. Вдоль ея стѣнъ придѣланы полки, а у восточной стѣны цѣлый кіотъ съ распятіемъ и иконами... Мрачные, темные лики, старыя доски, усѣкновенныя главы, распятія. Какъ будто смутное чувство простодушныхъ приносителей этихъ иконъ подсказываетъ имъ этотъ подборъ символовъ мученія, страданія и казней. Но особенно поразила меня одна, въ которой, по странному вдохновенію невѣдомаго художника, сосредоточенно выразилось все значеніе этого печальнаго мѣста, проникнутаго и печалью, и прощеніемъ, и надеждой. Икона, повидимому, не стара или подновлена, и изображена у подножія распятія. Волею или безсознательно, чья-то наивная кисть съ грубоватою силою собрала въ одно мѣсто орудія мученій и пытокъ. На полукругломъ бугрѣ темнѣетъ отрубленная кисть руки съ сжатыми пальцами. Большіе гвозди лежатъ рядомъ съ нею; молотокъ и клещи висятъ просто на воздухѣ. Затѣмъ, обрывки цѣпи, позорный столбъ съ привязанными къ нему пучками розогъ и плетью... все это рисуется на фонѣ блѣдныхъ, неясно клубящихся тучъ. Но откуда-то съ вышины уже блеститъ слабый лучъ, разорвавшій облака, скользнувшій среди тумановъ, какъ отблескъ

далекой надежды. И будто для того, чтобы яснѣе подчеркнуть свою мысль, художникъ нарисовалъ пѣтуха, привѣтствующаго свѣтъ. На вершинѣ позорнаго столба вѣщая птица уже трепещетъ крыльями и съ разинутымъ клювомъ, видимо, кличетъ зарю...

. . . . . .

Тихо, въ глубокомъ молчаніи мы вышли изъ часовни. И хотя въ ней не было темно, но мнѣ и—судя по облегченному вздоху моихъ собесѣдниковъ,—не мнѣ одному показалось, что изъ-за этой низкой дверки мы шагнули изъ глубокаго мрака на свѣтъ яснаго дня. Прямо передо мной маленькія крупчатки, точно живыя, тихо махали своими изящными крыльями; церкви и монастыри Арзамаса, точно кружево, бѣлѣли на сосѣдней горѣ. Вытѣзная слобода съ напольною церковью красиво глядѣлись въ Тёшу...

— Э-эхъ, ты, Господи, батюшка! — глубоко и протяжно вздохнулъ одинъ изъ двухъ субъектовъ, работающихъ „по кошачьей части“. Что онъ хотѣлъ сказать этимъ вздохомъ,— я не знаю. То ли, что и теперь имъ приходится трудно, хоть брось... Или то, что какъ ни трудно, а всетаки лучше жить нынѣшнимъ днемъ, чѣмъ этой старинною, мрачною ночью... Мнѣ казалось, что скорѣе—послѣднее.

Мы распрощались.

ИЗЪ ТЕКУЩЕЙ ЖИЗНИ.

О судѣ, о защитѣ и о печати.

(По поводу одной книги).

I.

Въ Москвѣ вышла книга г-жи Е. И. Козлининой. Называется она „За полвѣка“ и имѣетъ кромѣ того еще три подзаголовка: „Записки старѣйшей русской журналистки“, „Пятьдесятъ лѣтъ въ стѣнахъ суда“ и „Воспоминанія, очерки и характеристики“. Каждый изъ этихъ подзаголовковъ способенъ возбудить вниманіе читателя. „Пятьдесятъ лѣтъ въ стѣнахъ суда“! Сколько можно бы сказать на одну эту тему любопытнаго, значительнаго, радостнаго или скорбнаго. Вѣдь это — отъ медоваго мѣсяца обновленнаго суда — до временъ Лыжина, дѣла Дашнакцутюновъ и ритуальныхъ процессовъ. Какая знаменательная эволюція, сколько яркихъ „воспоминаній, очерковъ и характеристикъ“ могло бы вырисоваться на этомъ фонѣ, если бы г-жа Козлинина умѣла наблюдать и добросовѣстно излагать наблюдаемое.

Къ сожалѣнію, г-жа Козлинина отнеслась къ своей задачѣ слишкомъ односторонне и узко. Черезъ всю ея объемистую и солидную по внѣшности книгу проходитъ одна господствующая нота. Это панегирикъ магистратурѣ и сатира на защиту. Почти всѣ свѣтлыя краски ея палитры уходятъ на изображеніе магистратуры и прокурорскаго надзора; почти всѣ темныя ложатся на сторону адвокатуры. Нѣкоторая часть, впрочемъ, достается еще на долю всесословной школы и разночинца, „преждевременно“ допущеннаго къ образованію реформами 60-хъ годовъ.

До какой наивности доходятъ пріемы автора при распредѣленіи этой свѣто-тѣни, показываетъ хотя бы слѣдующій примѣръ, который я беру наудачу. „Спросите, — говоритъ г-жа Козлинина на стр. 164,—кто былъ безпристрастнѣйшій изъ судей? Вамъ скажутъ: Н. П. Посниковъ“ (бывшій това-

рищъ предсѣдателя моск. суда и затѣмъ прокуроръ судебной палаты). Чтобы обрисовать его суровое безпристрастіе, г-жа Козлинина приводитъ слѣдующій случай: „По дѣлу прис. пов. Глаголева, судившагося въ отдѣленіи Посникова за мошенничество въ 80-хъ годахъ, свидѣтелемъ являлся предсѣдатель московскаго суда В. Н. Лавровъ, *роль котораго въ этомъ дѣлѣ была сомнительна* (курс. мой). Когда допросъ его былъ конченъ и онъ хотѣлъ пробраться на судейскія мѣста сзади судей, Н. П. Посниковъ обратился къ нему со словами: „Свидѣтельскія мѣста вонъ тамъ,—потрудитесь занять тамъ мѣсто!“ И предсѣдатель покорно исполнилъ это его приказаніе“.

Фактъ дѣйствительно краснорѣчивый и поучительный, едва ли возможный въ настоящее время. И г-жа Козлинина, для того, чтобы оттѣнить его ярче, — не жалѣетъ другого представителя магистратуры, В. Н. Лаврова. Но каково должно быть удивленіе читателя, когда черезъ 8 страницъ онъ встрѣчастъ того же Лаврова съ самой похвальной рекомендаціей: „Были почтенные дѣятели и среди товарищей предсѣдателя гражданскихъ отдѣленій суда, напримѣръ—С. С. Перфильевъ... Н. И. Белюстинъ и... В. Н. Лавровъ, около 20-ти лѣтъ состоявшій предсѣдателемъ суда“ (стр. 173). Читатель, конечно, нѣсколько озадаченъ. Едва ли можетъ служить къ авантажу магистратуры то обстоятельство, что человѣкъ, 20 лѣтъ состоящій предсѣдателемъ столичнаго суда, „играетъ сомнительную роль“ въ дѣлѣ о мошенничествѣ... И читатель непремѣнно подумаетъ, что тутъ въ мемуарахъ что-нибудь неладно. Но г-жу Козлинину нимало не трогаетъ это читательское недоумѣніе: г-нъ Лавровъ въ обѣихъ, повидимому, столь противоположныхъ роляхъ, годится ей для ея цѣли.

Впрочемъ, долженъ сознаться, я далекъ отъ судебныхъ круговъ и не сталъ бы занимать вниманіе читателя книгой старѣйшей русской журналистки (тѣмъ болѣе, что краткая рецензія о ней уже дана была въ майской книжкѣ нашего журнала), если бы она ограничилась подробностями чисто-судебнаго характера, біографіями, послужными списками и фотографіями судебныхъ дѣятелей. Но она задѣваетъ мимоходомъ два дѣла уже не технически-судебнаго, а общественнаго значенія и одинъ вопросъ чисто литературной этики. И сдѣлала она это въ связи съ моимъ именемъ. Такимъ образомъ, г-жѣ Козлининой угодно было, вмѣстѣ съ злополучной россійской адвокатурой, повлечь и меня за тріумфальной колесницей любезной ея сердцу магистратуры. Мнѣ эта роль не нравится и я намѣренъ въ этой церемоніи произвести маленькій безпорядокъ.

II.

Мое имя г-жа Козлинина упоминаетъ въ своей книгѣ нѣсколько разъ. Начну съ самаго маловажнаго, но довольно характернаго, послѣдняго упоминанія. Рѣчь идетъ объ извѣстномъ въ свое время и до сихъ поръ еще не забытомъ дѣлѣ такъ называемыхъ „павловскихъ сектантовъ“, разбиравшемся въ 1902 году въ городѣ Сумахъ. По отношенію къ защитѣ даже г-жа Козлинина не находитъ въ данномъ случаѣ никакихъ поводовъ для упрековъ. Но она, къ сожалѣнію, очень мало касается роли магистратуры, которая, однако, должна бы привлечь вниманіе сколько-нибудь наблюдательнаго и добросовѣстнаго лѣтописца. Вся печать отмѣчала въ свое время, что засѣданіе напоминало скорѣе средневѣковой застѣнокъ, чѣмъ обстановку современнаго суда, съ равенствомъ сторонъ. Двери суда были закрыты такъ плотно, что даже родители подсудимыхъ не получили доступа въ залу. Вмѣсто ближайшихъ родственниковъ подсудимые имѣли утѣшеніе видѣть „командированныхъ различными вѣдомствами“ чиновниковъ, въ томъ числѣ жандармскаго полковника отъ департамента полиціи и г-на Скворцова по синодскому вѣдомству. Разумѣется, никакія подробности не проникли въ печать черезъ плотно закупоренныя щели этого суда, кромѣ одной замѣчательной черты: между концомъ судебнаго слѣдствія, послѣ того, какъ судъ удалился для постановленія приговора, и самымъ объявленіемъ вердикта прошло болѣе 2-хъ сутокъ... Въ то время, какъ сотня несчастныхъ подсудимыхъ и нѣсколько сотъ родственниковъ трепетно ждали рѣшенія своей участи, судьи развлекались, насколько было возможно въ глухомъ городѣ, и... чего-то ждали. Совершенно понятно, что въ обществѣ возникло изумительное толкованіе этого страннаго явленія, проникшее даже въ печать. Говорили—и обстановка дѣлала это вполнѣ правдоподобнымъ,—будто приговоръ *независимаго суда* путешествовалъ въ Петербургъ для свѣдѣнія (?) министра юстиціи г. Муравьева и его высокопревосходительства, оберъ-прокурора свят. синода Побѣдоносцева. Это было бы, конечно, осуществленіемъ замѣчательнаго циркуляра г. Муравьева, гласившаго, что судъ долженъ „согласовать свою дѣятельность съ видами правительства“. И г-жа Козлинина не сочла нужнымъ отмѣтить хотя бы то обстоятельство, что въ этихъ замѣчательныхъ для эволюціи русскаго суда засѣданіяхъ предсѣдательствовалъ одинъ изъ старѣйшихъ членовъ магистратуры, сѣдовласый „шестидесятникъ“ А. А. Чернявскій, а отъ министерства юстиціи

былъ командированъ И. Г. Щегловитовъ, нынѣ министръ юстиціи.

Какое же, казалось бы, значеніе, при такихъ умолчаніяхъ, имѣютъ незначительныя обстоятельства, связанныя съ моимъ именемъ? Но г-жа Козлинина считаетъ нужнымъ отмѣтить, что защита по этому дѣлу понесла обиду. Не отъ суда и его порядковъ, а отъ... писателя Короленка. Упомянувъ (на стр. 532) о томъ, что Л. Н. Толстой прислалъ подсудимымъ сектантамъ записочку, рекомендуя въ качествѣ защитниковъ гг. Тесленка, Маклакова и Муравьева, г-жа Козлинина считаетъ нужнымъ прибавить:

„А въ это же время другой видный общественный дѣятель, В. Г. Короленко, тоже очень интересовавшійся этимъ дѣломъ, писалъ: „Къ сожалѣнію, въ процессѣ этомъ *отсутствуетъ коренная русская адвокатура*, и защиту взяла на себя молодежь, *какіе-то* (оба курсива мои) Тесленко, Маклаковъ и Муравьевъ“. Правда, впослѣдствіи онъ измѣнилъ о нихъ свое мнѣніе (какое?) и оцѣнилъ ихъ по достоинству, но тогда этотъ отзывъ ужасно ихъ огорчилъ“ (стр. 533).

Г-жа Козлинина не поясняетъ, что собственно въ моемъ отзывѣ могло огорчить гг. Тесленка, Маклакова и Муравьева, и въ чемъ мнѣ пришлось „впослѣдствіи измѣнить свое мнѣніе“. Если рѣчь шла о томъ, что 11 лѣтъ назадъ не только гг. Маклакова и Муравьева, но и г. Тесленка я позволилъ себѣ причислить къ „адвокатской молодежи“, то, конечно, съ тѣхъ поръ мнѣ пришлось отступиться отъ этого взгляда: теперь они, несомнѣнно, люди средняго возраста; а еще лѣтъ черезъ двадцать, если я до этого доживу, — мнѣ придется, навѣрное, измѣнить мнѣніе еще болѣе радикально. Но вѣдь по этому поводу можно питать горькія чувства развѣ противъ общей судьбы человѣковъ, которая смѣняетъ лишь постепенно цвѣтущія ланиты юности старческими морщинами... И ужъ никакъ не противъ писателя, который молодыхъ адвокатовъ называлъ въ свое время адвокатской молодежью, а не ветеранами адвокатуры. Если же обида истекала изъ того, что я не причислялъ ихъ *къ коренной русской адвокатурѣ* и употребилъ мѣстоименіе *какіе-то*, то это было бы еще менѣе основательно, такъ какъ въ моей статьѣ этихъ выраженій совсѣмъ не было. Да, какъ это ни странно, но „старѣйшая русская журналистка“ за свою долговременную практику не успѣла усвоить общепринятаго въ литературѣ обычая ставить въ ковычки лишь подлинныя чужія слова, а не собственную слишкомъ вольную передачу. Прочтя это мѣсто въ изложеніи г-жи Козлининой, я сразу почувствовалъ, что это не я, а

г-жа Козлинина выражается подобнымъ образомъ. Я обратился за разъясненіемъ недоумѣнія къ редакціи „Русскихъ Вѣдомостей“, гдѣ (въ № 33 за 1902 годъ) была напечатана единственная моя замѣтка о дѣлѣ павловскихъ сектантовъ, и редакція любезно сообщила мнѣ слѣдующую выписку:

„...Защитниковъ 11 человѣкъ, при чемъ имена перворазрядныхъ свѣтилъ адвокатскаго міра отсутствуютъ. Нѣтъ ни г. Плевако, ни г. Карабчевскаго, которыхъ газеты называли въ предварительныхъ сообщеніяхъ. Защита разбивается на три группы. Во-первыхъ, представители молодой московской адвокатуры: гг. Муравьевъ, Маклаковъ, Тесленко. Затѣмъ нѣсколько харьковскихъ адвокатовъ...“ И т. д. Больше имена гг. Маклакова, Муравьева и Тесленка не упоминаются вовсе, ни о какой *коренной русской адвокатурѣ* нѣтъ рѣчи и ни къ кому изъ участвующихъ въ дѣлѣ эпитетъ *какіе-то* не прилагается ни разу.

Какимъ же образомъ, — позволю себѣ спросить у старѣйшей русской журналистки, — названные ею адвокаты могли обидѣться *на меня* и *въ 1902* году за слова, которыя она за меня выдумала одиннадцать лѣтъ спустя!

Слово „выдумала“ можетъ показаться рѣзкимъ. Я, конечно, не утверждаю, что г-жа Козлинина намѣренно выдумывала это съ какой-нибудь цѣлью. Некрасивая цитата явилась, конечно, результатомъ простой неряшливости ея въ обращеніи съ чужими словами и ковычками. Но это-то и характерно для этихъ „мемуаровъ“: говоря объ эпизодѣ, полномъ самаго драматическаго значенія въ исторіи русскаго суда вообще и нравовъ магистратуры въ частности, — она скользитъ мимо самаго важнаго и значительнаго, останавливается на сущемъ пустякѣ и при этомъ беззаботно ставитъ въ ковычки слова, которыхъ никто не писалъ. Невольно возникаетъ вопросъ: если такова точность г-жи Козлининой даже тогда, когда она цитируетъ „по печатному“, — чего ждать отъ ея „мемуаровъ“ въ тѣхъ случаяхъ, когда она дѣлаетъ оцѣнку явленій болѣе сложныхъ, пытается читать въ сердцахъ и ставить ковычки къ побужденіямъ и намѣреніямъ лицъ, о которыхъ пишетъ?

А именно это г-жа Козлинина считаетъ возможнымъ дѣлать по отношенію къ защитникамъ и ко мнѣ лично, касаясь нашей роли въ мултанскомъ дѣлѣ.

III.

Мултанское дѣло — это тоже своего рода вѣха, отмѣчающая скорбный путь русскаго правосудія отъ введенія судебныхъ уставовъ до нашихъ дней. Но, конечно, и здѣсь г-жа Козли-

нина не видитъ ничего, кромѣ повода для уязвленія защиты. Я, конечно, не стану возстановлять передъ читателемъ всѣхъ подробностей этого „ритуальнаго процесса“ 90-хъ годовъ и коснусь его лишь постольку, сколько это нужно для характеристики разбираемой книги, во-первыхъ, и взаимныхъ отношеній въ этомъ дѣлѣ магистратуры и защиты — во-вторыхъ.

„Къ этому же приблизительно времени,—говоритъ г-жа Козлинина (на стр. 452), — относится вновь усвоенная (?) адвокатурой манера раздувать уголовные процессы. Прежде всего (?) такимъ образомъ было раздуто дѣло мултанскихъ вотяковъ, цѣлое село которыхъ обвинялось въ принесеніи человѣческой жертвы.

„Въ сущности же это дѣло, дѣйствительно страшное, было какъ нельзя болѣе просто. Язычники-вотяки, заселяющіе вятскія лѣсныя дебри, и принявъ православіе, о которомъ имѣли самое смутное понятіе, продолжали совершать свои языческіе обряды, въ числѣ которыхъ было и жертвоприношеніе двурукаго (?), кровь котораго была нужна для совершенія нѣкоторыхъ обрядовъ.

„Но однажды, совершивъ этотъ обрядъ (!?), они оплошали и не позаботились подальше убрать трупъ убитаго нищаго, а бросили его на проселочной дорогѣ, гдѣ на него и наткнулось случайно ѣхавшее начальство, которое и возбудило по этому поводу дѣло.

„Что можно было по такому дѣлу требовать отъ обвиняемыхъ (?!). Виноваты ли они были въ томъ, что на ихъ долю не нашлось *ни церкви, ни школы*, которыя хоть до нѣкоторой степени могли бы ихъ просвѣтить?

„И что на этихъ дикарей *не поднимется рука ни коронныхъ, ни судей совѣсти*,—въ этомъ конечно не сомнѣвались ни извѣстный писатель В. Г. Короленко, ни прис. повѣренный Н. П. Карабчевскій, ни другіе представители адвокатуры, ѣхавшіе ихъ защищать въ Мамадышъ. И въ данномъ случаѣ *шумиха, поднятая вокругъ этого дѣла*, имѣла исключительно тотъ смыслъ, чтобы напомнить, что необходимо сдѣлать что-нибудь и для этого забытаго Богомъ и людьми края.

„Такъ и смотрѣла на это читающая публика и, конечно (sic), *такъ же смотрѣлъ В. Г. Короленко*. Но нѣчто иное усмотрѣли во всемъ этомъ *адвокаты*. Имъ болѣе всего этотъ трезвонъ понравился, *какъ великолѣпная реклама*“ (стр. 452—453 *).

Право, сдѣлавъ эти выписки, мнѣ пришлось на нѣкоторое

*) Курсивы мои. *В. К.*

время положить перо, чтобы вернуть себѣ возможность вести дальше бесѣду въ серьезномъ и спокойномъ тонѣ. Я опять напоминаю себѣ, что г-жа Козлинина написала все это безъ должнаго разумѣнія, по неряшливости и предвзятому взгляду, усвоенному, вѣроятно, въ тѣ времена, когда она въ качествѣ репортера отъ судебнаго вѣдомства ѣздила въ министерскихъ поѣздахъ, въ средѣ судебной администраціи. Это не всегда проходитъ даромъ для ясности взгляда. Но даже и эти „смягчающія обстоятельства“ должны же имѣть предѣлы и не оправдываютъ такой степени извращенія фактовъ.

Вѣдь можно сказать, не боясь впасть въ преувеличеніе, что въ этомъ изложеніи въ свое время широко-оглашеннаго дѣла нѣтъ *ни одного слова правды*. „Старѣйшая русская журналистка“ ухитрилась не сказать, хотя бы ненарокомъ, хотя бы случайно, хотя бы въ какой-нибудь второстепенной подробности, хотя бы одну фразу, которая бы не была неправдой и извращеніемъ.

Начать съ того, что въ Мултанѣ есть и церковь, и школа. Среди обвиняемыхъ находился Кузнецовъ, грамотный, состоятельный торговецъ, ѣздившій на Нижегородскую ярмарку, и даже—церковный староста. На „просслочной дорогѣ“ никто мертваго тѣла не бросалъ, а найдено оно на непроходимой тропѣ, куда отъ Мултана даже не было проходу иначе, какъ черезъ русскія села. Но, чтобы проложить туда тропинку отъ Мултана, понадобился подлогъ плана, впослѣдствіи разоблаченный защитой. Само собою, что и начальство тамъ на него наткнуться не могло. Ни о какомъ „двурукомъ“ въ дѣлѣ не было рѣчи (упоминалось о „двуногомъ“, а двуногія есть и курицы). И т. д., и т. д.

Но эта путаница и безпомощная сбивчивость рѣчи „старѣйшей русской журналистки“ только курьезны. Иной характеристики заслуживаетъ оцѣнка ею роли магистратуры, печати и защиты. Г-жа Козлинина увѣряетъ, что ни у коронныхъ судей, ни у присяжныхъ „не поднялась бы рука“ на этихъ темныхъ людей, нуждавшихся въ просвѣщеніи, а не карѣ. И это хорошо будто бы знали и адвокаты, и Короленко, шумѣвшіе для рекламы. Чѣмъ же тогда объясняетъ г-жа Козлинина то обстоятельство, что *вотяки два раза были приговорены въ каторжныя работы?* Два раза сенатъ кассировалъ эти приговоры, указывая на то, что коронный судъ добился обвиненія посредствомъ ряда вопіющихъ правонарушеній. Въ томъ числѣ устраненіемъ по чисто формалистическимъ основаніямъ *всѣхъ свидѣтелей защиты*. И, не смотря на то, что сенатъ *дважды* призналъ въ этомъ кассаціонные

поводы,—въ третій разъ, уже другой судъ (казанскій) вновь повторилъ всѣ указанныя сенатомъ правонарушенія, отказавъ защитѣ въ вызовѣ хотя бы одного свидѣтеля. Это была настоящая война магистратуры съ сенатомъ... И прямо дерзкое невниманіе къ категорическимъ указаніямъ высшей судебной инстанціи не могло бы, разумѣется, имѣть мѣста безъ прямой поддержки министра. Это была схватка магистратуры въ ея цѣломъ съ сенатомъ, тогда еще дѣйствительно независимымъ и стремившимся возстановить элементарнѣйшія начала правосудія и поставить преграды коррупціи судебныхъ нравовъ...

И у г-жи Козлининой хватаетъ духу говорить о томъ, что „шумиха“ поднята защитой въ цѣляхъ саморекламы! Это опять фактическая неправда: первыя статьи, имѣвшія явною цѣлью привлечь на мултанское дѣло общественное вниманіе и сдѣлать изъ него cause célèbre, были напечатаны „Волжскимъ Вѣстникомъ“, имѣли чисто обвинительный характеръ и были инспирированы честолюбіемъ прокуратуры. Защита въ лицѣ М. І. Дрягина, малоизвѣстнаго тогда частнаго повѣреннаго саранульскаго окр. суда, скромно и тихо дѣлала свое дѣло. И если г-ну Дрягину одному не удалось разорвать на глазахъ у присяжныхъ сѣть судебной интриги, опутавшей его несчастныхъ кліентовъ, то все же настоящей его заслугой, прямо подвигомъ, является то обстоятельство, что онъ съумѣлъ, наконецъ, довести изнанку этого дѣла до сената. Общество, печать и столичная адвокатура въ лицѣ Н. П. Карабчевскаго сдѣлали остальное. И, не смотря на то, что въ третій разъ обвиненіе совершенно незаконно было усилено еще одиннадцатью свидѣтелями, что защитѣ опять не позволили вызвать ни одного,—истина выступила передъ присяжными съ такой же приблизительно ясностью, какъ впослѣдствіи въ дѣлѣ Дашнакцутюновъ подлоги Лыжина. И вотяки были оправданы присяжными, а злой предразсудокъ опровергнутъ.

И вѣдь удивительно: г-жѣ Козлининой стоило прочитать хотя бы однѣ только рѣчи А. Ф. Кони и кассаціонныя постановленія сената, чтобы избѣгнуть курьезныхъ и предосудительныхъ для мемуариста заблужденій. Но г-жа Козлинина, воспѣвая дифирамбы магистратурѣ „за полвѣка“, какъ соловей, закрываетъ глаза на очевидную истину и не замѣчаетъ, что въ сущности по поводу такихъ дѣлъ, какъ павловское и мултанское, умѣстнѣе было бы читать отходную великимъ началамъ судебной реформы.

IV.

Мнѣ остается еще сказать нѣсколько словъ, pro domo, о той роли, которую г-жа Козлинина отводитъ на мою долю.

„Такъ,—говоритъ она,—смотрѣла на это читающая публика и, конечно, такъ же смотрѣлъ В. Г. Короленко".

Иначе сказать,—я самъ былъ убѣжденъ, что вотяки принесли въ жертву человѣка, но изъ маниловскаго сожалѣнія къ темнымъ людямъ (которое со мной будто бы раздѣляли даже „коронные судьи"),—лицемѣрно увѣрялъ читающее общество, что я не допускаю мысли о существованіи кроваваго обычая.

Откуда же Козлинина узнала, какъ я смотрѣлъ на это дѣло, и что даетъ ей право читать въ моей душѣ и вскрывать мои побужденія? Я не знаю, какъ сама „старѣйшая журналистка" смотритъ на такое защитительно-утилитарное примѣненіе печатнаго слова. Повидимому, въ ея манерѣ сквозитъ въ данномъ случаѣ готовность оказать мнѣ лично нѣкоторое снисхожденіе: я дѣйствовалъ глупо и нецѣлесообразно, я лгалъ и стучался въ открытыя двери, но это—изъ филантропическихъ побужденій. Я долженъ, однако, сказать, что рѣшительно отвергаю эту снисходительность и г-жи Козлининой, и той среды, которой она, повидимому, является безсознательнымъ отголоскомъ. Я не адвокатъ, а профессіональный писатель, и считалъ бы такой образъ дѣйствій настоящимъ преступленіемъ. И потому ту истинно „дамскую" беззаботность, съ которой г-жа Козлинина роется въ моей душѣ, вскрывая въ ней лицемѣріе и ложь „съ благою цѣлью",—считаю для себя глубоко оскорбительной.

Темноты у насъ море. И такое же море бездушнаго формализма. Отсюда масса судебныхъ драмъ и трагедій, вызывающихъ часто острое сожалѣніе къ такъ называемымъ жертвамъ правосудія, даже виновнымъ передъ закономъ. Но я не адвокатъ, а писатель и журналистъ. Дѣло моей жизни — литература, а не судебная защита. И если я одинъ разъ выступилъ на судебной трибунѣ по вопросу, о которомъ писалъ, то это не значитъ, что я писалъ, какъ профессіональный защитникъ, а, наоборотъ, я защищалъ, какъ писатель, изучившій лучше профессіональныхъ защитниковъ этнографическую сторону даннаго явленія. Не писатель въ этомъ случаѣ служилъ адвокату, а случайный адвокатъ стремился закрѣпить судебнымъ приговоромъ убѣжденіе писателя. Благородная задача судебной адвокатуры—защитить невиннаго и сказать все, что можетъ послужить къ смягченію вины виновнаго. Порой—даже часто, но всегда попутно—защитѣ удается вскрыть и общія, широко дѣйствующія условія, порождающія то или другое отрицательное явленіе или извращающія отношеніе къ нимъ общественной совѣсти. Но это лишь побочная и подчиненная задача защиты. Главное для меня въ каждомъ данномъ

дѣлѣ участь живого человѣка и только черезъ нее — общія условія.

Для писателя, наоборотъ, главная задача — освѣщеніе общихъ условій и типичныхъ явленій. Въ этой области онъ не въ правѣ—не говорю уже: прямо солгать хотя бы изъ сожалѣнія,—но даже скрыть что бы то ни было, что онъ считаетъ истиной... Изъ сожалѣнія къ живымъ людямъ, онъ можетъ не вмѣшиваться со своимъ взглядомъ до произнесенія приговора. Но когда онъ уже говоритъ печатно о томъ или другомъ вопросѣ общественнаго значенія,—то это должна быть только правда и вся правда, какъ онъ ее понимаетъ...

Я писалъ по мултанскому дѣлу именно то, что думалъ, и взялся за защиту потому, что въ томъ, что я писалъ, не было ни слова, которое противорѣчило бы или моему убѣжденію, или интересамъ подсудимыхъ. Я былъ убѣжденъ въ томъ, что среди народа, давно живущаго одною жизнью съ народами земледѣльческой культуры, не можетъ быть человѣческихъ жертвоприношеній. Что такого рода обвиненія всегда являются плодомъ темнаго предразсудка, поддерживаемаго сознательной злонамѣренностью. Что для суда просвѣщенной страны позорно поддаваться этому предразсудку и ставить такія дѣла, какъ было бы позорно возстановлять средневѣковые процессы о вѣдьмахъ.

И еще я былъ убѣжденъ въ томъ, что наше правосудіе, которое въ идеѣ я ставлю очень высоко, уже тогда ступило на опасный путь, на роковую наклонную плоскость, по которой оно съ тѣхъ поръ лишь спускалось все ниже. И для меня, какъ для журналиста, лишь за этими идеями общепублицистическаго порядка рисовалась участь девяти невинныхъ людей, опутанныхъ сѣтью судебной интриги. И такъ какъ для судебной защиты мнѣ не приходилось поступиться хотя бы одной іотой своихъ убѣжденій, такъ какъ въ интересахъ подсудимыхъ вотяковъ важно было то самое, что нужно для иллюстраціи моихъ публицистическихъ взглядовъ... Такъ какъ, наконецъ, я могъ принести пользу дѣлу защиты своимъ прежнимъ общеніемъ съ полу-язычниками инородцами и нѣкоторымъ знаніемъ ихъ вѣрованій и быта,—то я не видѣлъ причины отступить передъ несвойственной мнѣ ролью защитника. И я счастливъ, что участвовалъ въ качествѣ сотрудника въ славномъ дѣлѣ этой судебной борьбы адвокатуры съ магистратурой. При всѣхъ инквизиціонныхъ пріемахъ слѣдствія, при всѣхъ неслыханныхъ ограниченіяхъ защиты со стороны короннаго суда, — присяжные разглядѣли истину, и сѣть была разорвана. Вердиктъ присяжныхъ сказалъ ясно:

нѣтъ, народная, хотя бы и инородческая, масса—не каннибалы. Она лучше, чѣмъ вы ее считаете, при всей ея темнотѣ и безправіи. Но вашъ судъ гораздо хуже, чѣмъ вы думали,—онъ пошелъ назадъ, въ сторону покровительства предразсудкамъ, подлогамъ, истязаніямъ, инквизиціонному процессу.

V.

Г-жа Козлинина со своими дифирамбами запоздала приблизительно на четверть вѣка.

Да, обновленный русскій судъ вначалѣ былъ дѣйствительно орудіемъ правового сознанія и прогресса въ области права. Онъ училъ русское общество, только что вышедшее изъ крѣпостничества, новымъ отношеніямъ, вытекавшимъ изъ освобожденія крестьянъ, и внѣдрялъ въ него идею равенства передъ закономъ. Самой власти онъ умѣлъ внушить на нѣкоторое время уваженіе своей независимостью и подчиненіемъ только закону. Если онъ и былъ органомъ правительства, то лишь въ самомъ общемъ смыслѣ, поскольку и правительство, проводя реформы, стояло впереди своего народа, въ его рабской и рабовладѣльческой массѣ, и вводило новыя начала жизни. Эту роль и магистратура во всемъ ея составѣ, и слѣдственная, и прокурорская власть выполняли одно время съ послѣдовательностью и настойчивостью, заслуживающими уваженія. Я ничего не знаю о Н. П. Посниковѣ, о которомъ говоритъ г-жа Козлинина, но я знаю, что судьи этого типа дѣйствительно были. Въ Нижнемъ-Новгородѣ, напримѣръ, гдѣ я поселился въ серединѣ 80-хъ годовъ, мнѣ пришлось слышать очень много о такомъ предсѣдателѣ суда, Пановѣ, умѣвшемъ поднять достоинство судьи въ глазахъ общества, администраціи и защиты на высоту непререкаемаго нравственнаго авторитета.

И около того же времени Щедринъ создалъ своего Балалайкина, который намъ совершенно понятенъ: когда суду предстояло при помощи закона бороться съ остатками крѣпостническихъ пережитковъ,—адвокатурѣ eo ipso часто могла выпадать на долю ихъ защита. А такъ какъ по взглядамъ и убѣжденіямъ адвокатура была, конечно, на сторонѣ новыхъ началъ, то нерѣдко на этой почвѣ возникала та степень компромисса, которая не проходитъ безнаказанно для человѣческой совѣсти...

Съ тѣхъ поръ многое радикально измѣнилось. Правительство давно остановилось на пути реформъ и стало бороться съ тѣми самыми началами, которыя реформы вызвали къ жизни. А общество не остановилось. И это вело къ постояннымъ столкновеніямъ двухъ теченій—передового и попятнаго. Отго-

лоски этихъ столкновеній въ области права заполняютъ собою исторію суда въ послѣднія десятилѣтія, и тотъ самый министръ Муравьевъ, котораго прославляетъ г-жа Козлинина, при своемъ вступленіи въ министерство издалъ знаменитый циркуляръ, въ которомъ заявилъ безъ обиняковъ, что „судъ долженъ согласоваться съ видами правительства“, то есть,— изъ независимаго орудія закона и права стать политическимъ орудіемъ въ рукахъ каждаго даннаго министерства, и преимущественно министра внутреннихъ дѣлъ. А такъ какъ „правительства“ были неизмѣнно реакціонны, то и суду предстояло стать орудіемъ реакціи и сопротивленія очевиднымъ требованіямъ развивающейся жизни.

Это повело къ своего рода отбору: судьи типа Посниковыхъ и Пановыхъ должны были постепенно стушевываться передъ судьями новаго типа. „Виды правительства“ поглотили сначала институтъ слѣдователей и прокуроровъ. Потомъ низшую магистратуру, затѣмъ сенатъ. На этомъ учрежденіи, какъ на высокой горѣ, дольше всего держались еще отблески великой реформы, но, наконецъ, и они погасли, послѣдними... На нашихъ глазахъ сенатъ явно и покорно склонился передъ вліяніемъ министра юстиціи...

И въ то же время роль адвокатуры радикально измѣнилась. Конечно, были и въ прежнее время почтенные адвокаты, настоящіе рыцари права, какъ есть и теперь такіе рыцари права въ магистратурѣ. Но исторія — великій волшебникъ. И въ то время, какъ прежде она выдвигала на свѣтъ дѣйственную роль суда въ защитѣ права, — теперь эта роль перешла къ адвокатурѣ. Когда по всей поверхности нашей жизни кипитъ и пѣнится правительственный отливъ, и вся бюрократія, въ томъ числѣ и судебная, въ тысячахъ мелкихъ и крупныхъ бытовыхъ столкновеній противится тому, что прежде сама проводила, — на долю адвокатуры выпала тяжелая, но благодарная историческая роль: въ тысячахъ бытовыхъ столкновеній отстаивать остатки права и защищать общество отъ оживающаго стариннаго безправія. Сама исторія предъявила это требованіе, и въ живомъ народѣ нашлись силы, услыхавшія этотъ призывъ. И вотъ на нашихъ глазахъ происходитъ грандіозная перекраска, мѣняющая отношеніе тоновъ въ картинѣ судебныхъ нравовъ. Есть и теперь Балалайкины въ адвокатурѣ, и, можетъ быть, много. Но на первомъ планѣ общество видитъ не ихъ, а цѣлые кадры людей, борющихся за право, противодѣйствующихъ судебнымъ ужасамъ, отстаивающихъ тѣ области жизни, гдѣ творится новое правовое будущее. Есть и Пановы въ судебной средѣ.

Но они уныло утопаютъ въ тѣни, уступивъ первый планъ дѣятелямъ, называть которыхъ нѣтъ надобности... Они у всѣхъ на виду. А иной разъ...

Я рѣдко видѣлъ фигуру красивѣе и благороднѣе покойнаго А. А. Чернявскаго. Глядя на эти сѣдые волосы, на это лицо истаго шестидесятника,—трудно было представить себѣ этого человѣка въ роли предсѣдателя по дѣлу павловскихъ сектантовъ, создающаго сознательно и умѣло обстановку судебнаго застѣнка. И, однако, это было. Было и то, что этотъ же Чернявскій направлялъ дѣйствія прокуратуры въ третьемъ мултанскомъ процессѣ... въ качествѣ прокурора казанской судебной палаты. Послѣ рѣчей защиты этотъ старый судебный дѣятель подошелъ въ перерывъ къ одному изъ защитниковъ и, горячо пожимая его руку, сказалъ растроганнымъ голосомъ, не стѣсняясь присутствіемъ публики, товарищей прокурора и другихъ защитниковъ:

— Если бы въ нашихъ судахъ почаще раздавались такія рѣчи, — то судъ, быть можетъ, не дошелъ бы до такого униженія...

И голосъ стараго судебнаго дѣятеля, помнившаго медовый мѣсяцъ судебныхъ уставовъ, дрожалъ, казалось, искреннимъ волненіемъ.

А черезъ 7 лѣтъ,—онъ самъ предсѣдательствовалъ въ Сумахъ, на процессѣ павловцевъ.

На мултанскій процессъ онъ былъ спеціально командированъ министромъ. Послѣ приведенныхъ выше его словъ защитнику можно было ожидать, что его докладъ нарисуетъ правдивую картину этого „ритуальнаго“ дѣла, гдѣ несчастные люди явились настоящими жертвами прокурорскаго честолюбія, и что это послужитъ предостереженіемъ всему судебному вѣдомству. Предостереженіемъ это не послужило: наоборотъ, обвинитель мултанцевъ, руководившій и чудовищнымъ дознаніемъ, и слѣдствіемъ, и даже судомъ, — получилъ повышеніе... Не смотря на то, что въ дѣлѣ ясно проступили и истязанія при дознаніяхъ и подлоги, обвинитель вотяковъ г. Раевскій былъ переведенъ изъ Сарапула въ Петербургъ. И вотъ теперь, въ концѣ эволюціи, начатой мултанскимъ и продолженной павловскимъ процессомъ, — мы имѣемъ еще болѣе яркіе подлоги Лыжина въ дѣлѣ Дашнакцутюновъ... А вмѣсто „ритуальнаго процесса“ въ глухихъ городишкахъ вятскаго и казанскаго края,—дѣло о новомъ „ритуалѣ“, которое должно привлечь вниманіе къ нашимъ судебнымъ нравамъ всего просвѣщеннаго міра.

Прискорбные случаи изъ области суда.

Судебнымъ учрежденіямъ очень не везетъ, или быть можетъ вѣрнѣе будетъ сказать: очень везетъ въ послѣднее время. Выборъ термина зависитъ отъ вкуса, фактъ же состоитъ въ томъ, что въ послѣднее время приходится очень много слышать и читать о судѣ по разнымъ случаямъ и что случаи эти принадлежатъ къ категоріи „прискорбныхъ“. Есть, однако, одна очень характерная черта и самыхъ случаевъ, и толковъ, ими вызываемыхъ, которая значительно смягчаетъ пессимистическое чувство наблюдателя, внимательно вдумывающагося въ это явленіе.

Еще не такъ давно самыя основы „судебныхъ уставовъ“ подвергались чрезвычайно оживленной бомбардировкѣ по всей линіи консервативной прессы. Чуть не каждый день приносилъ какой-нибудь новый поводъ для яростныхъ нападокъ, при чемъ упомянутыя основы объявлялись несогласными съ нашимъ государственнымъ строемъ и духомъ нашей исторіи. Теперь порой раздаются еще тѣ же рѣчи, но онѣ какъ-то прислушались и потеряли силу. Вслѣдъ за этимъ обнаружено было нѣсколько частію дѣйствительныхъ, частію же только тенденціозно раздутыхъ случаевъ произвола судебныхъ слѣдователей, практикующихъ „личное задержаніе уважаемыхъ лицъ“ съ чрезвычайно легкимъ сердцемъ. Въ одномъ случаѣ г. Е. Марковъ доказывалъ печатно, что задержаніе имѣло будто бы мѣсто послѣ пари между судебнымъ слѣдователемъ и его пріятелемъ. Послѣдній усомнился въ возможности столь неосновательнаго ареста, а судебный слѣдователь доказалъ,

что для него нѣтъ невозможнаго въ этой области. Такъ какъ рѣчь шла о задержаніи „уважаемыхъ въ уѣздѣ личностей“, то консервативная пресса сочла это новымъ поводомъ для канонады уже со стороны „возмутительнаго произвола“ представителей новаго суда, и мы имѣли рѣдкій случай слышать патетическія нападки на „произволъ“ со стороны приверженцевъ весьма своеобразно понимаемой „сильной власти“. Къ своему удивленію, однако, послѣдніе скоро замѣтили, что такъ называемая „лже-либеральная“ пресса, вмѣсто того, чтобы взять гг. судебныхъ слѣдователей подъ свою защиту и восторгаться неосновательнымъ задержаніемъ извѣстныхъ въ уѣздѣ персонъ,—сама заняла ту же позицію и даже пошла нѣсколько дальше, указывая на то, что, если такъ поступаютъ съ людьми въ уѣздѣ замѣтными, то люди незамѣтные по причинѣ своего ничтожества и многочисленности—должны претерпѣвать во сто кратъ больше непріятностей отъ проявленій того же произвола.

Это обстоятельство вызвало въ консервативномъ лагерѣ нѣкоторое раздумье, послѣ котораго, какъ-то незамѣтно, нападки еще болѣе понизились въ тонѣ и смолкли. И теперь, когда вся остальная пресса такъ много говоритъ о тѣхъ или другихъ конкретныхъ случаяхъ „прискорбнаго“ свойства,—пресса консервативная вовсе не торопится эксплуатировать ихъ въ своемъ излюбленномъ направленіи.

Это совершенно понятно. Всякое дѣйствительно живое, развивающееся явленіе, выходя изъ прошлаго, устремляется въ будущее, унося съ собой вмѣстѣ съ зародышами дальнѣйшаго развитія также и омертвѣлыя частицы стараго, съ элементами разложенія и регресса. Вся задача его жизни сводится, такимъ образомъ, къ укрѣпленію того, что подлежитъ дальнѣйшему развитію, и къ освобожденію отъ чуждыхъ элементовъ отжившей старины, которой оно пришло на смѣну. Сообразно съ этимъ, и нападки на всякое новое учрежденіе возможны, почти даже неизбѣжны съ двухъ различныхъ сторонъ. Одни нападаютъ на все то новое, что данное учрежденіе внесло въ жизнь, т. е. на самую его душу, другіе преслѣдуютъ въ немъ тѣ остатки старыхъ началъ, которые мѣшаютъ послѣдовательному и полному обнаруженію его собственныхъ основныхъ положеній.

Понятно, поэтому, что, нападая на „судъ улицы“, какъ имъ угодно было называть судъ присяжныхъ, на самостоятельность судебныхъ дѣятелей, наши консерваторы были до извѣстной степени послѣдовательны: они отстаивали бюрократическую опеку надъ обществомъ. Но нападки на „про-

изволъ“ и требованіе его ограниченія являлись въ этомъ хорѣ нотой, рѣжущей ухо и неустойчивой, такъ какъ, во 1-хъ, попадали въ унисонъ совсѣмъ другому концерту, а во 2-хъ, рѣзко диссонировали съ собственнымъ камертономъ.

Мнѣ очень и очень жаль, что въ настоящую минуту я не могу привести точной цитаты и сдѣлать точныя ссылки, но я помню, и многіе, вѣроятно, вспомнятъ также очень яркія статьи, напечатанныя нѣсколько лѣтъ назадъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ и сочувственно перепечатанныя въ „Гражданинѣ“, или наоборотъ, напечатанныя въ „Гражданинѣ“ и сочувственно перепечатанныя „Вѣдомостями“. Въ этихъ замѣткахъ, очень характерныхъ и колоритныхъ, какой-то исправникъ или становой, вообще старый полицейскій служака, дѣлился своими воспоминаніями и очень зло иронизировалъ надъ „новыми порядками дознанія и слѣдствія“. Къ сожалѣнію, опять таки, долженъ ограничиться блѣдной передачей своими словами, но смыслъ этой ретроспективной критики заключался въ томъ, что, когда *его*, т. е. вора и мошенника, приводятъ къ слѣдователю, то „молодой человѣкъ, недавно сошедшій со школьной скамьи“, обращается къ нему съ любезнымъ вопросомъ: „не угодно ли вамъ, милостивый государь, сознаться въ томъ, что вы такого-то числа изволили взломать замокъ и сочли возможнымъ присвоить себѣ непринадлежащія вамъ деньги. Впрочемъ, считаю долгомъ предупредить васъ, милостивый государь, что вы въ правѣ и не признаваться: это вполнѣ зависитъ отъ собственнаго вашего усмотрѣнія“. Разумѣется, старый служака не можетъ говорить объ этомъ безъ крайняго сарказма и даже негодованія. Ну, нѣтъ! Грѣшный человѣкъ, въ свое время онъ поступалъ не такъ! Вотъ приводятъ бывало *его*, подлеца, и ставятъ передъ ясныя очи. Говори! Чуть скосилъ глазами—въ зубы. Разумѣется, онъ прежде всего озадаченъ и до извѣстной степени даже потрясенъ. Онъ начинаетъ понимать, что *его* привели не для шутокъ.—„Признавайся, куда спрятаны“.—Не могу знать, ваше благородіе.—Другой разъ! Приходитъ, постепенно, въ чувство, а за третьимъ разомъ раскрываетъ всю душу. И не обижались, потому что русскій человѣкъ любитъ простоту и откровенный образъ дѣйствій.

Разумѣется, послѣ сочувственныхъ комментаріевъ къ такому разсказу простого русскаго полицейскаго человѣка, — очень неудобно продолжать нападки на произволъ гг. „судебныхъ слѣдователей“. Очевидно, основное положеніе, изъ котораго исходитъ старый служака, состоитъ въ томъ, что разъ *его* (подлеца) привели, то значитъ онъ непремѣнно виноватъ,

ибо порядочныхъ людей приводить не станутъ. А значитъ, и церемониться съ нимъ нечего,—весь вопросъ въ томъ, какъ вызвать въ немъ надлежащее расположеніе духа. Но и судебные слѣдователи въ аналогичныхъ случаяхъ исходили изъ такого же положенія, нѣсколько даже смягченнаго: разъ человѣка посадили, значитъ, виновенъ, ибо, вообще говоря, напрасно сажать не станутъ. А послѣ этого останется лишь трудъ „собиранія доказательствъ“. Очевидно, это явленія родственныя, совершенно одного порядка, имѣющія корни въ отдаленной старинѣ, въ томъ добромъ старомъ времени, когда съ *ними* церемонились еще меньше и для наилучшаго узнанія истины прямо приступали къ разспросу съ пристрастіемъ. Понятно также, почему консервативная пресса очень скоро оставляетъ скользкій путь нападокъ на этой почвѣ, и дальнѣйшій разговоръ о „прискорбныхъ явленіяхъ“ въ этомъ родѣ идетъ уже въ другомъ лагерѣ, въ средѣ приверженцевъ судебныхъ уставовъ, при сдержанномъ молчаніи ихъ принципіальныхъ противниковъ.

Въ январской книжкѣ „Русскаго Богатства“ мы приводили уже случай, имѣвшій мѣсто въ Елабугѣ, когда трое крестьянъ сознались въ убійствѣ четвертаго и въ утопленіи его трупа. Уже послѣ преданія суду обнаружилось, при содѣйствіи весенняго солнца, что убитый не убитъ и не утопленъ, а найденъ въ полѣ замерзшимъ и занесеннымъ снѣгомъ. На вопросъ сознавшимся: для какой цѣли они вводили правосудіе въ обманъ своимъ сознаніемъ, мнимые убійцы разсказали нѣкоторыя подробности „о способахъ узнанія отъ нихъ истины“, которымъ они были подвергнуты въ полицейскомъ управленіи гор. Елабуги и полная достовѣрность которыхъ подтверждалась, повидимому, вполнѣ осязательнымъ фактомъ. Трудно думать, въ самомъ дѣлѣ, чтобы люди „сознавались“ въ такихъ вещахъ добровольно и для собственнаго удовольствія, а присутствіе замерзшаго не въ рѣкѣ, а въ полѣ и безъ признаковъ насильственной смерти, говоритъ ясно, что это сознаніе было ложно. Итакъ, для чего же эти люди дали ложное сознаніе, изъ-за котораго рисковали каторгой? Черта,—на которую мы просимъ обратить особенное вниманіе читателя: если исключить изъ дѣла трупъ убитаго, какъ вещественное доказательство невинности этихъ сознавшихся людей,—то все остальное, цѣлый рядъ свидѣтелей съ полицейскими во главѣ рисовали картину мнимаго убійства съ необыкновенной точностью и такъ правдоподобно, что осужденіе подсудимыхъ было болѣе чѣмъ вѣроятно. Присяжные вынесли оправдательный вердиктъ. Нужно сказать, однако, что въ

этомъ помогли имъ не данныя предварительнаго слѣдствія и не процедура суда, даже не медицинская экспертиза, такъ какъ экспертъ, уѣздный врачъ, покорно слѣдовалъ за обвинителемъ во всѣхъ его гипотезахъ, боровшихся съ прямой очевидностію,—а вмѣшательство весенняго солнца и безмолвное свидѣтельство трупа, найденнаго не въ рѣкѣ, а въ полѣ, и не убитымъ, а замерзшимъ. Подробности этого суда, на которомъ обвинитель стремился поддержать обвиненіе во что бы то ни стало и вопреки прямой очевидности, пассивность, съ которой сарапульскій судъ отнесся къ оправдательному приговору, не считая, повидимому, нужнымъ возбудить вопросъ о „способахъ дознанія“, дають такую горестную для всякаго приверженца праваго суда картину, которою, повидиму, должны были бы воспользоваться панегиристы дореформенныхъ порядковъ и порицатели судебныхъ уставовъ. Но дѣло было напечатано и обсуждалось только въ либеральной прессѣ, и опять совершенно понятно почему: все мрачное въ этомъ дѣлѣ есть именно наслѣдіе восхваляемаго прошлаго: елабужскій исправникъ Таширевъ и его команда дѣйствовали по рецепту цитированнаго нами выше браваго служаки старыхъ временъ (изъ нижняго земскаго суда), а сарапульскіе судьи отнеслись къ дѣлу съ формализмомъ, которому могли бы позавидовать подьячіе прежнихъ приказовъ или судьи и подсудки бывшихъ уѣздныхъ судовъ. Такимъ образомъ, осудить елабужскую полицію и равнодушіе сарапульскихъ судей—значитъ осудить все то, что обращено къ прошлому въ новомъ судѣ, и апеллировать къ развитію тѣхъ новыхъ началъ, которыя внесены, къ сожалѣнію, недостаточно полно и послѣдовательно именно судебными уставами!

По поводу нашей замѣтки въ январской книжкѣ мы получили отъ мѣстныхъ жителей очень интересное дополненіе къ этому дѣлу, которымъ считаемъ нелишнимъ подѣлиться съ нашими читателями, хотя это опять очень прискорбное явленіе изъ той же области дорогого намъ учрежденія. Оказывается, что, какъ въ интересныхъ романахъ съ захватывающей завязкой, дѣло это вердиктомъ присяжныхъ, сказавшихъ „нѣтъ, не виновны“, еще далеко не вполнѣ закончено. Правда, подсудимые оправданы безповоротно. Дѣло, однако, въ томъ, что въ то же самое время и въ томъ же закрытомъ помѣщеніи елабужской полиціи тѣ же трое подсудимыхъ, которые стремились ввести правосудіе въ очевидное заблужденіе своимъ собственнымъ сознаніемъ, сдѣлали еще оговоръ на непріятнаго полиціи по разнымъ причинамъ старшину, который будто бы, зная объ убійствѣ и утопленіи Чернышева,

помогалъ сокрытію преступленія, взявъ съ подсудимыхъ 170 рублей взятки. Такъ какъ это уже преступленіе по должности, то старшину выдѣлили изъ дѣла, и ему предстоитъ дать отвѣтъ въ судебной палатѣ. Итакъ, благодаря усердію елабужской полиціи, намъ предстоитъ еще одна изумительная судебная процедура, на которой обвиняемаго придется спрашивать: „признаете ли себя виновнымъ въ томъ, что взяли съ такихъ-то взятку за сокрытіе убійства, котораго, впрочемъ, никто не совершилъ, и утопленіе трупа, который, впрочемъ, найденъ замерзшимъ въ полѣ?“ Положеніе, въ которомъ оказалась судебная палата, вынужденная производить подобнаго рода судебныя дѣйствія, наводитъ, разумѣется, на размышленія.

Между тѣмъ, передъ читателемъ, слѣдящимъ за проявленіями общественной жизни въ прессѣ, уже стоитъ новое дѣло, на этотъ разъ прошедшее всѣ инстанціи, совершенно законченное, по которому правосудіе, въ лицѣ кассаціоннаго сената, произнесло свое послѣднее слово. Я говорю о дѣлѣ Тальма, обвиненнаго въ убійствѣ Болдыревой. Оно еще такъ свѣжо въ памяти всѣхъ по длиннымъ и обстоятельнымъ газетнымъ отчетамъ, что я не считаю нужнымъ возстановлять здѣсь всѣ обстоятельства. Присяжные послѣ внимательнаго обсужденія вынесли обвинительный вердиктъ. Защитникъ съ глубокимъ волненіемъ обратился къ суду, прося примѣненія статьи, по которой единогласное постановленіе суда отмѣняетъ приговоръ,—но судъ эту просьбу не уважилъ. 22 декабря прошлаго года дѣло было назначено къ слушанію (въ одинъ день съ дѣломъ мултанскихъ вотяковъ), но докладъ въ этотъ день не состоялся, и уже совсѣмъ недавно, въ нынѣшнемъ году, состоялось опредѣленіе сената, которымъ жалоба защиты оставлена безъ послѣдствій, такъ какъ въ дѣлѣ существенныхъ судопроизводственныхъ нарушеній не найдено. Такимъ образомъ, приговоръ вступилъ въ законную силу.

Повидимому, не было особыхъ причинъ сомнѣваться въ правильности приговора присяжныхъ по существу. Слѣдствіе доставило массу данныхъ, которыя рисовали внутреннія отношенія семьи въ самомъ неправильномъ свѣтѣ и говорили за то, что преступленіе было вполнѣ возможно. Таково было, повидимому, господствующее впечатлѣніе отъ этого процесса, даже болѣе, казалось, что обвинительный вердиктъ еще недостаточенъ въ томъ смыслѣ, что онъ не охватываетъ всѣхъ виновныхъ въ этомъ дѣлѣ. Правда, нѣкоторыя довольно тонкія, чисто психологическія черты шевелили отчасти сомнѣніе и легкое колебаніе совѣсти, которое находило подтвержденіе

въ пренебреженныхъ слѣдствіемъ обстоятельствахъ. Такъ, въ ночь убійства, на усадьбѣ, сосѣдней съ домомъ Болдыревой, слышенъ былъ сильный лай собакъ. Отъ забора оказалась оторванной доска, и у доски былъ замѣченъ большой слѣдъ ноги, что было удостовѣрено показаніемъ учителя гимназіи г. Иличала. Далѣе, при первомъ же осмотрѣ двора Тальмы, 28-го марта 1894 г., было установлено, что у забора, отдѣляющаго дворъ отъ проулка, между флигелями Тальмы и сосѣднимъ, близъ помойной ямы, находился остовъ отъ дрогъ, на передней подушкѣ котораго и на концѣ лѣвой дрожины замѣчено восемь кровяныхъ пятенъ засохшихъ; анализъ этой крови для повѣрки заявленія свидѣтелей, что кровь *могла произойти* отъ зарѣзанной на дрогахъ курицы, сдѣланъ не былъ (какъ это напоминаетъ щепочки въ мултанскомъ дѣлѣ, на которыхъ тоже была кровь и которыя уничтожены приставомъ, какъ ничего не значащія). Между тѣмъ, если это была человѣческая кровь, то фактъ приближенія дрогъ къ заборчику и оставленные на немъ слѣды служили прямымъ указаніемъ на то, что убійцы скрылись черезъ заборъ въ проулокъ, каковое предположеніе находитъ себѣ подтвержденіе и въ томъ удостовѣренномъ предварительнымъ слѣдствіемъ обстоятельствѣ, что по проулку въ ночь преступленія пробѣжалъ человѣкъ.

Еще далѣе: въ Москвѣ, въ полицейскомъ участкѣ 9 іюля 1893 года лишилъ себя жизни посредствомъ отравленія нѣкто Коробовъ, который передъ смертью заявилъ, что онъ знаетъ убійцъ Болдыревой, а можетъ быть и самъ участвовалъ въ преступленіи. По наведеннымъ справкамъ оказалось, что Коробовъ дѣйствительно находился въ Пензѣ во время убійства. Наконецъ, бывшій военный слѣдователь, а нынѣ членъ казанскаго военнаго окружнаго суда, полковникъ Панкратовъ, еще во время производства предварительнаго слѣдствія довелъ до свѣдѣнія прокуратуры, что въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1894 г., проходя около 12 часовъ ночи по Поперечно-Покровской улицѣ г. Пензы, онъ нагналъ около церкви Покрова двухъ неизвѣстныхъ мужчинъ и услышалъ, какъ одинъ изъ нихъ говорилъ своему спутнику: „Жаль мнѣ Тальму, если бы я только одно слово сказалъ, его сейчасъ же выпустили бы“. На это другой отвѣтилъ. „Оставь; какъ посадили, такъ и пускай сидитъ, а то еще и тебя посадятъ“. Когда полковникъ Панкратовъ хотѣлъ вмѣшаться въ разговоръ, неизвѣстные разбѣжались, при чемъ задержать ихъ, за отсутствіемъ извозчиковъ или городовыхъ, Панкратову не удалось.

Сведенныя здѣсь въ одно цѣлое эти мелкія указанія про-

изводятъ нѣкоторое впечатлѣніе, намекая на таинственное присутствіе неразъясненныхъ обстоятельствъ и какой-то невѣдомой руки, которая могла совершить то же, въ чемъ обвиняютъ Тальму. Слѣдственныя власти, убѣжденныя сразу въ виновности именно Тальмы, не обратили на нихъ вниманія, и въ дѣлѣ они потонули подъ грудой обвинительнаго матеріала, имѣвшаго, правда, характеръ косвенный, но совершенно подавлявшаго своимъ обиліемъ и, такъ сказать, своей массой. Присяжные сказали: *„да, виновенъ“*, и приговоръ вступилъ въ законную силу.

Но вотъ одинъ изъ послѣднихъ №№ газеты „Новости“ внезапно приноситъ намъ совершенно неожиданное извѣстіе о томъ, что сенату приходится опять заняться этимъ дѣломъ, „по вновь открывшимся обстоятельствамъ“. Такими новыми обстоятельствами, читаемъ мы въ указанной газетѣ (№ 62), жена осужденнаго Александра Тальмы считаетъ показаніе пензенской жительницы, нѣкоей Битяевой, которое проливаетъ яркій свѣтъ на убійство генеральши Болдыревой.

Битяева (нынѣ ей 19 лѣтъ) поселилась въ качествѣ завѣдующей хозяйствомъ въ семействѣ нѣкоего Олигера, который въ г. Пензѣ считался человѣкомъ весьма состоятельнымъ (домъ Олигера находится по близости дома Тальмы, въ которомъ была найдена убитой генеральша Болдырева). Въ половинѣ января 1894 года къ Битяевой на улицѣ присталъ неизвѣстный молодой человѣкъ, предложившій проводить ее и назвавшійся Борисомъ Николаевичемъ Леонтьевымъ. Послѣ этого между молодыми людьми стали происходить частыя свиданія. О себѣ г. Леонтьевъ говорилъ, что онъ—круглый сирота, холостой и ищетъ въ Пензѣ занятій; пріѣхалъ же онъ сюда по очень трудному, но выгодному дѣлу. Во время одного изъ свиданій онъ проговорился, что познакомился на пирушкѣ съ нѣкіимъ Коробовымъ (отравившимся впослѣдствіи въ Москвѣ) и видится съ нимъ. 27 марта, т. е. наканунѣ убійства Болдыревой, Битяева получила отъ Леонтьева письмо, въ которомъ онъ проситъ ее на свиданіе въ этотъ день не приходить, такъ какъ онъ очень занятъ, а придти 28-го. Явившись въ этотъ день, Леонтьевъ заявилъ Битяевой, что онъ вчера, наконецъ, обдѣлалъ то выгодное, но трудное дѣло, о которомъ онъ говорилъ, и теперь у него много денегъ и векселей. Въ это время какъ разъ молодые люди проходили мимо дома Тальмы, и Битяева въ шутку предложила своему поклоннику вопросъ: „Не Болдыреву ли вы убили, что сразу разбогатѣли?“—„Моментально,—пишетъ Битяева въ своемъ показаніи,—лицо его измѣнилось, испугъ и страхъ запеча-

тлѣлись на немъ; онъ судорожно, до боли сжалъ мою руку и, задыхаясь, прошепталъ: „Молчите, молчите!“. Эти мгновенія я подробно описать не могу, но звукъ его голоса, этотъ порывъ, этотъ ужасъ, проявившійся у человѣка, который держалъ себя всегда такъ спокойно и ровно,—словомъ, все вмѣстѣ взятое подсказало моей совѣсти, что я вижу передъ собою виновника или участника этого звѣрскаго убійства“.

Не смотря, однако, на такое подозрѣніе, г-жа Битяева продолжала сношенія съ своимъ поклонникомъ. Въ одно изъ свиданій Леонтьевъ предложилъ Битяевой въ подарокъ аметистовыя сережки (такія же сережки были похищены у убитой), но дѣвушка отказалась принять ихъ. Романъ этотъ закончился тѣмъ, что Леонтьевъ предложилъ Битяевой обокрасть Олигеровъ, или, если она не можетъ сама этого сдѣлать, то чтобы впустила его ночью въ квартиру, а когда возмущенная дѣвушка отвѣтила отказомъ, Леонтьевъ сказалъ: „Въ такомъ случаѣ вы мнѣ больше не нужны, мы съ вами больше не увидимся“.

Не смотря на увѣренность, что ея новый знакомый—одинъ изъ соучастниковъ убійства Боллыревой, Битяева колебалась доносить, боясь раскрытіемъ своихъ свиданій съ нимъ скомпрометтировать себя въ глазахъ Олигеровъ: „Я все надѣялась,—пишетъ она въ своемъ заявленіи прокурорскому надзору и въ письмѣ къ двоюродному брату осужденнаго Тальмы, полковнику Тальмѣ,—что Тальму оправдаютъ, и что мое молчаніе не принесетъ никому вреда. По крайней мѣрѣ, всѣ мои знакомые вѣрили въ оправданіе Тальмы, противъ котораго совершенно не было уликъ“. И только послѣ осужденія Тальмы она рѣшилась все открыть судебнымъ властямъ. Въ доказательство сношеній своихъ съ Леонтьевымъ она представила двѣ записки послѣдняго.

Приступлено было къ дознанію о личности Леонтьева, которое выяснило, что лицо, выдававшее себя передъ Битяевой за Леонтьева, въ дѣйствительности—пензенскій житель Шиллетъ, служащій на сызрано-вяземской желѣзной дорогѣ. Показанія Битяевой съ указаніемъ на факты, не бывшіе вовсе въ разсмотрѣніи суда, были признаны г. прокуроромъ саратовской судебной палаты достаточнымъ поводомъ къ возобновленію дѣла. По распоряженію прокурора судебной палаты, на мѣстѣ было начато разслѣдованіе подъ ближайшимъ руководствомъ прокурора пензенскаго окружнаго суда.

Дѣло Тальмы пріобрѣтаетъ, такимъ образомъ, двойной интересъ. Это, во 1-хъ, еще одна поразительная психологическая картина, вскрывающая удивительные изгибы сложной человѣческой природы. Уже одна любовь этой дѣвушки, убѣдившейся, что любимый человѣкъ убійца, и въ то же время

продолжающей щадить его, пока не вынуждаетъ ее къ сознанію гибель неповиннаго человѣка; далѣе эта семья, въ которой жертва, какъ старый Карамазовъ въ романѣ Достоевскаго, является наименѣе симпатичной изъ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ; Тальма — настоящій снимокъ, заимствованный дѣйствительностью изъ того же романа, такъ же несправедливо обиженный и, повидимому, питавшій такія же сложныя чувства къ обидчицѣ и жертвѣ; его судьба на судѣ, когда „возможность“ и вѣроятность вмѣнены ему, какъ совершеніе преступленія, — наконецъ, этотъ неизвѣстный Коробовъ, таинственный, нашедшій въ преступленіи одно отчаяніе, кончающій самоубійствомъ и всетаки только намекающій на невинность Тальмы, — развѣ это не Смердяковъ, раздѣлившій только свою роль съ мнимымъ Леонтьевымъ...

Однако, насъ здѣсь, разумѣется, занимаютъ главнымъ образомъ не психологическія сближенія, тѣмъ болѣе, что послѣ неожиданнаго признанія Битяевой, вся эта слѣдственно-обвинительная психологія является весьма проблематической, а психологическая проницательность ея авторовъ должна возбудить значительныя сомнѣнія.

Жена подсудимаго, тотчасъ по обнаруженіи „новыхъ обстоятельствъ“, запаслась копіями показаній Битяевой и обратилась въ сенатъ съ просьбой о пересмотрѣ дѣла и пріостановкѣ приговора. Сенатомъ эта просьба оставлена безъ послѣдствій. Это не значитъ, конечно, что сенатъ считаетъ признаніе Битяевой неправильнымъ по существу. Это значитъ только, что для пересмотра дѣла, по которому произнесенъ окончательный приговоръ, нуженъ новый приговоръ надъ новымъ обвиняемымъ. Только этимъ ключомъ можно открыть дверь тюрьмы и каторги, грозящей обвиненному Тальмѣ.

Это совершенно законно и иначе не можетъ дѣйствовать никакое судебное учрежденіе. Въ поведеніи суда, повидимому, тоже не было существенныхъ погрѣшностей, которыя бы подали поводъ къ кассаціи. Присяжные... Кто изъ читавшихъ отчеты по дѣлу, положа руку на сердце, скажетъ, что онъ не присоединился къ ихъ вердикту на основаніи даннаго имъ матеріала?

Дѣло Тальмы, въ этомъ отношеніи, счастливо только этой случайностью, наступившей, какъ бы для вящшаго эффекта, послѣ того, какъ процессъ закончилъ всѣ свои стадіи. Но кто скажетъ, что это—наиболѣе яркое проявленіе недостатковъ нашей слѣдственной процедуры, въ основѣ которой фактически все еще лежитъ не всестороннее разъясненіе истины, а лишь собираніе „доказательствъ виновности заподозрѣннаго“. Громкое и все еще нерѣшенное мултанское дѣло даетъ въ

этомъ отношеніи еще болѣе яркую картину. Въ другихъ странахъ считаютъ, что вопросъ о томъ, *какъ* ведется то или другое дѣло, часто становится болѣе существеннымъ, чѣмъ вопросъ о самомъ фактѣ виновности или невинности даннаго лица. Намъ очень важно,—говоритъ своему суду англичанинъ,—чтобы преступленіе не осталось безнаказаннымъ. Но намъ еще важнѣе, чтобы вы искали виновнаго только правильными и законными путями. Очень жаль, если преступникъ не будетъ обнаруженъ въ данномъ случаѣ. Но, если вы посягнете ради успѣха на выработанныя закономъ нормы, то порча самого аппарата, которымъ дѣйствуетъ правосудіе страны, принесетъ вредъ въ тысячу разъ большій.

У насъ, повидимому, нѣтъ еще этого взгляда, и вотъ почему вопросъ, напримѣръ, о виновности или невиновности данныхъ семи лицъ въ мултанскомъ дѣлѣ для насъ является также какъ бы вопросомъ объ одобреніи или оправданіи слѣдственныхъ порядковъ этого дѣла. И неужели только удачей или неудачей, въ смыслѣ достиженія обвинительнаго приговора, можетъ опредѣляться достоинство слѣдствія и позволительность нарушеній закона...

Мы имѣемъ въ виду еще не разъ вернуться къ вопросамъ этого порядка на страницахъ нашего журнала, при чемъ надѣемся дать мѣсто мнѣніямъ лицъ, болѣе компетентныхъ въ юридическихъ вопросахъ; теперь же, въ качествѣ журналиста, обязаннаго слѣдить за конкретными фактами текущей дѣйствительности, я могу только констатировать, что приведенные выше эпизоды громко стучатся въ дверь и требуютъ общественнаго вниманія. Смыслъ ихъ, повторяю, одинъ: измѣните слѣдственные порядки, сдѣлайте еще шагъ въ направленіи, указанномъ духомъ судебныхъ уставовъ, отрѣшитесь отъ пережитковъ давно осуждаемаго инквизиціоннаго процесса. Вотъ мораль этихъ прискорбныхъ эпизодовъ въ области правосудія, и не нужно быть спеціалистомъ для того, чтобы памѣтить и существеннѣйшій шагъ въ этомъ направленіи: допущеніе защиты не только на судѣ, но и на слѣдствіи. Безъ сомнѣнія, это должно сильно затруднить гг. слѣдователей и въ особенности гг. прокуроровъ, имѣющихъ теперь возможность безпрепятственно создавать матеріалъ для будущихъ своихъ судебныхъ рѣчей. Но, во 1-хъ, цѣль правосудія—не одно облегченіе ихъ работы, а во 2-хъ, можно думать, что теперь исполненіе ихъ задачи уже слишкомъ легко, такъ легко, что можно собрать доказательства не только того, что было, но нерѣдко даже и того, чего не было вовсе.

1896 г.

Къ вопросу о прислугѣ.

Въ біографіи извѣстнаго провинціальнаго писателя, А. С. Гацискаго, изданной нижегородской ученой архивной комиссіей, приводится, между прочимъ, слѣдующій характерный эпизодъ: въ „Нижегородскомъ Ярмарочномъ Листкѣ“ (одной изъ первыхъ ласточекъ провинціальной печати), редакторомъ котораго состоялъ покойный писатель, появилось въ 1871 или 1872 году объявленіе нѣкоего г-на Лика о конторѣ для найма и рекомендаціи прислуги. „Въ наше время, — пишетъ біографъ,—такія конторы открываются съ соотвѣтствующаго разрѣшенія полиціи и безъ дальнихъ околичностей приступаютъ къ взиманію соотвѣтствующей платы за комиссію. Но въ тѣ наивныя времена каждое новое дѣло ставилось принципіально и не обходилось безъ нѣкотораго паѳоса... Поэтому и г. Ликъ въ своемъ объявленіи прибѣгаетъ къ примѣрамъ „просвѣщенныхъ странъ“, говоритъ о прогрессѣ, объ общественномъ благѣ и чуть ли даже не „о любви къ отечеству и народной гордости“. А. С. Гацискій, отмѣчая новое учрежденіе въ своемъ фельетонѣ, обращаетъ вниманіе на одну сторону дѣла, упущенную изъ виду Ликомъ, обѣщавшимъ всевозможныя гарантіи и справки о поведеніи прислуги нанимателю. Хорошо, возражаетъ Гацискій,—но отчего же нѣтъ рѣчи о гарантіяхъ и справкахъ для нанимающихся? „Кто бы ни былъ нанимающійся, — гувернеръ или кучеръ, управляющій или дворникъ,—онъ долженъ имѣть въ актѣ условія одинаковыя права съ нанимателемъ. Что такое наемъ? Если это обоюдносвободное условіе одного лица съ другимъ... то оно должно существовать на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и всякій разумный договоръ двухъ заинтересованныхъ сторонъ, со всѣми разумными послѣдствіями. Если договоръ такого рода, что требуетъ непремѣнно гарантіи, — гарантія необходима съ обѣихъ сторонъ. А если это такъ, то странно, что, наклады-

ван своего рода main morte на нанимающагося, г. учредитель не допускаетъ въ то же время недобросовѣстности нанимателя. А вѣдь это легко можетъ случиться“...

Эти простыя соображенія написаны болѣе четверти вѣка назадъ, но, какъ справедливо полагаетъ біографъ,—„они не утратили своей свѣжести и въ наше время, когда въ значительно выросшей россійской прессѣ вновь и неоднократно подымается все тотъ же „вопросъ о прислугѣ“. Въ то время идея равноправности только что освобожденнаго меньшаго брата, провозглашенная сверху въ основныхъ положеніяхъ,—проводилась послѣдовательно и неуклонно во всѣ мелкія развѣтвленія житейскихъ отношеній. Съ тѣхъ поръ многое вокругъ насъ измѣнилось: идея освобожденія десятилѣтіями проникала въ практику жизни и обоюдно укоренялась въ нравахъ. Это, конечно, преимущество нашего времени, черта бытового прогресса. Фактически мы имѣемъ теперь гораздо больше равноправности въ житейскомъ обиходѣ, чѣмъ въ тѣ времена, когда практика во всемъ объемѣ житейскихъ отношеній была еще полна крѣпостническихъ привычекъ съ обѣихъ сторонъ. Но за то въ идеѣ—мы заключали тогда отъ рабства къ свободѣ. Теперь у насъ гораздо больше свободы въ нравахъ, но какъ часто мы опять заключаемъ — отъ свободы къ рабству“... *)

Эти мысли приходятъ въ голову каждый разъ, когда въ прессѣ возникаетъ „вопросъ о прислугѣ“. А возникаетъ онъ ежегодно, въ промежутки, когда остальныя „злобы дня“ оскудѣваютъ. И тогда, особенно столичная мелкая пресса начинаетъ настойчиво и страстно напоминать о „рабской зависимости хозяевъ отъ прислуги“ и о „порокахъ“ послѣдней.

Въ данную минуту вопросъ опять на очереди не потому, чтобы не было другихъ болѣе животрепещущихъ темъ; напротивъ, темы есть, и сама по себѣ печать дала бы отдыхъ вопросу о прислугѣ, если бы случайно онъ не былъ поставленъ съ двухъ, можно сказать, совершенно противуположныхъ сторонъ.

Прежде всего сама „практика“ этого вопроса выдвинула и невольно привлекла вниманіе на нѣкоторыя его „проявленія“. „На дняхъ,—читаемъ мы въ „Сынѣ Отечества“,—въ тифлисскомъ полицейскомъ управленіи происходилъ разборъ удиви-

*) Сборникъ въ память А. С. Гацискаго. См. тоже „Р. Вѣд.“ 1894 г., № 319, ст. „Изъ исторіи областной прессы“.

тельнаго, почти невѣроятнаго дѣла. Контролеръ закавказской жел. дороги г. Горностаевъ просилъ объ „освобожденіи отъ крѣпостной зависимости (!) 18-лѣтней дѣвушки сироты Пелагеи Звѣревой“. Объ этомъ сообщила недавно газ. „Нов. Обозрѣніе“. Оказывается, что состоятельные люди Ивановы, живущіе въ собственномъ домѣ, держали у себя 18-лѣтнюю Полю Звѣреву, плохо кормили и постоянно колотили. Два года выносила дѣвушка эту пытку и, наконецъ, избитая, ушла къ г-мъ Горностаевымъ, умоляя ихъ принять ее къ себѣ хоть даромъ. Горностаевы приняли, но недѣли черезъ двѣ г-жа Иванова на улицѣ, среди бѣлаго дня напала на Полю, вырвала изъ ея рукъ ребенка Горностаевыхъ и прогнала его, а Полю, кричавшую и просившую помощи, увела къ себѣ и заперла, въ присутствіи многочисленныхъ стороннихъ свидѣтелей“ *).

Очевидно, г-жа Иванова какъ будто проспала всѣ 30 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ уничтожена крѣпостная зависимость. Нужно быть очень увѣренной въ своемъ правѣ, чтобы такъ рѣшительно, среди бѣла дня, на улицѣ ловить бѣглую крѣпостную и водворять ее на мѣсто. Однако, еще гораздо изумительнѣе отношеніе къ этому дѣлу тифлисской полиціи. Когда, по заявленію Горностаевыхъ, Поля была вызвана въ полицію, то приставъ прежде всего накинулся на нее. „Ты бродяга, ты чего исторіи затѣваешь... Ты должна жить у Ивановыхъ, или я тебя въ острогъ отправлю“ **).

Г-жѣ Горностаевой пришлось напоминать г. приставу, „что крѣпостное право отмѣнено болѣе 37 лѣтъ назадъ“.

Къ сожалѣнію, „Сынъ Отеч.“, изъ котораго мы заимствовали эту небольшую исторію, не приводитъ ея финала. Приставъ, какъ и околоточные, отказался освободить неправильно закрѣпощенную дѣвушку, предлагая „жаловаться полицеймейстеру“. Авторъ цитированной замѣтки говоритъ, что гг. Горностаевы люди не безъ вліянія и „могутъ жаловаться“, изъ чего можно почерпнуть нѣкоторое утѣшеніе: вѣроятно, Поля теперь, когда я пишу эти строки, отъ крѣпостной зависимости уже какой-нибудь инстанціей освобождена. „Но что, если бы за Полю некому было заступиться?“—спрашиваетъ газета, и предлагаетъ нашему вниманію другой случай изъ той же области.

Это дѣйствительно случай выдающійся, — настолько, что

---

*) „Сынъ Отеч.“, № 251.
**) Тамъ же.

даже „Россійское телеграфное агентство“, не особенно щедрое на извѣстія такого рода изъ нашей внутренней жизни, сочло нужнымъ оповѣстить о немъ читающую публику въ обширной телеграммѣ. Дѣло вотъ въ чемъ.

28 ноября 1896 года Александра Зазинко подала прокурору кишиневскаго окружнаго суда прошеніе, въ которомъ, обвиняя жену губернскаго инженера, Ольгу Гаскетъ, и дочь ихъ, Леонору Гаскетъ, въ истязаніи, изложила, между прочимъ, слѣдующее: „Прослуживъ горничной у гг. Гаскетъ съ 24 августа по 8 октября с. г., я испытала столько невзгодъ и жестокихъ пытокъ отъ г-жи Ольги Гаскетъ, что (это) заставило меня оставить эту злосчастную службу и искать пріюта у другихъ людей. По поводу истребованнаго мною разсчета г-жа Гаскетъ обрушилась на меня всею силою истерическаго гнѣва и безвинно стала причинять мнѣ побои, и чѣмъ дольше я кричала, чѣмъ жесточе она била меня, при чемъ, призвавъ на помощь дочь свою, Леонору, и остальную домашнюю прислугу, повалили меня на полъ, подняли вверхъ на голову юбку и рубаху и обнаженныя части тѣла г-жа Гаскетъ стегала бичевкой, пытаясь затѣмъ наложить ту же веревку мнѣ на шею, чтобы задавить меня, при чемъ также бросилась на меня съ ножомъ, но въ этомъ остервененномъ бѣшенствѣ была остановлена людьми, при помощи которыхъ я едва успѣла бѣжать. Отъ описанной выше операціи я занемогла и даже слегла въ постель, что и лишило меня возможности принести своевременно жалобу на преступныя дѣйствія Гаскетъ“...

Въ подтвержденіе своей жалобы Зазинко сослалась на 8 свидѣтелей, и эта жалоба послужила первоначальнымъ поводомъ къ процессу, о которомъ оповѣстило телеграфное агентство. Въ концѣ концовъ, Александру Зазинко всетаки оправдали...

Какъ, — скажетъ, быть можетъ, удивленный читатель,— развѣ судили не Ольгу Гаскетъ, а избитую Зазинко? Именно судили избитую Зазинко! Это-то обстоятельство и рисуетъ передъ нами самую характерную сторону въ злополучномъ „вопросѣ о прислугѣ“.

Вышло это вотъ какъ. По жалобѣ потерпѣвшей Зазинко было произведено полицейское дознаніе и... Это уже секретъ полицейскаго дознанія, какъ все это вышло, но только большинство свидѣтелей отказались подтвердить показаніе Зазинко, а не отказавшійся, нѣкто Ткачукъ, и заступившійся за Зазинко Довбышъ попали вмѣстѣ съ нею на скамью подсудимыхъ. Первая за клевету на почтенную г-жу Ольгу Гаскетъ, а Довбышъ и Ткачукъ по обвиненію въ томъ, что,

„не участвуя сами въ преступленіи Зазинко, склонили ее всетаки къ совершенію сего преступленія“ (!!).

Оказалось, однако, что г-жа Ольга Гаскетъ слишкомъ ужъ натянула струну. Если бы она просто великодушно „простила“ избитую ею Александру Зазинко, то Зазинко такъ и осталась бы клеветницей. Но г-жа Ольга Гаскетъ пожелала еще, въ назиданіе, вѣроятно, остальному составу „распущенной прислуги“—упрятать Зазинко въ тюрьму. Тогда, конечно, никто изъ „этихъ людей“ не посмѣлъ бы обращаться къ прокурорамъ. И вотъ г-жа Ольга Гаскетъ подаетъ вдобавокъ жалобу, обвиняя избитую дѣвушку въ клеветѣ.

Результатъ и былъ оповѣщенъ телеграммой агентства. На судѣ оказалось, что Зазинко вовсе не клеветала, что ее дѣйствительно жестоко истязали, что она выскочила на улицу, „вся окровавленная, съ распущенными волосами“... „Она была въ отчаяніи, тѣмъ болѣе, что г-жа Гаскетъ грозила ее повѣсить и пыталась набросить веревку на шею“... Оказалось еще, что г-жа Гаскетъ и вообще истязала прислугу, но послѣдняя почему-то боялась говорить объ этомъ, и, наконецъ, было установлено документально, что „добрая барыня“ подкупала свидѣтелей и склоняла нѣкоего Домбровскаго къ подлогу „въ своихъ интересахъ по этому дѣлу“. „Вы знаете,—писалъ ей, между прочимъ, нѣкто Семетницкій (письмо прочитано на судѣ), сколько труда мнѣ стоило убѣдить Дарью не показывать слѣдователю правду, какъ вы били Сашку“ (Зазинко). Въ виду всѣхъ этихъ показаній, обвинитель отказался поддерживать обвиненіе и, наоборотъ, выступилъ защитникомъ Зазинко. „Нарисовавъ полный портретъ г-жи Гаскетъ, г. обвинитель настаивалъ на полномъ оправданіи обвиняемыхъ“... Нечего говорить, что присяжные вынесли оправдательный вердиктъ Зазинко,—и вотъ какимъ образомъ вышло, что она оправдана въ томъ, что ее били, истязали и грозили повѣсить...

Почти одновременно съ этими извѣстіями выступаетъ сначала на страницахъ „Спб. Вѣдомостей“, а затѣмъ и въ остальныхъ газетахъ новый проектъ урегулированія отношеній между нанимателями и нанимаемыми въ городѣ С.-Петербургѣ (подлежащій обсужденію думы „въ одномъ изъ ближайшихъ засѣданій“, какъ сказано въ газетахъ). Совпаденіе—нельзя сказать, чтобы очень выгодное для проекта, который, къ сожалѣнію, тоже долженъ быть отнесенъ къ числу актовъ, „заключающихъ отъ свободы къ рабству“ и вносящихъ начала, стоящія въ полномъ противорѣчіи съ основами новой, пореформенной русской жизни...

Вотъ важнѣйшія черты этого проекта въ томъ видѣ, какъ онъ появился въ газетахъ.

При управленіи с.-петербургскаго градоначальника учреждается „контроль частной прислуги въ Петербургѣ и пригородныхъ участкахъ“, съ соотвѣтствующимъ, разумѣется, штатомъ и канцеляріей. По утвержденіи и изданіи соотвѣтствующаго устава, вся прислуга, находящаяся въ Петербургѣ и пригородныхъ участкахъ, должна быть въ теченіи 6 мѣсяцевъ записана въ алфавитные списки контроля и снабжена „служебными книжками“. Безъ такихъ книжекъ прислуга не имѣетъ права наниматься, а хозяева—принимать ее въ услуженіе. За книжку взимается съ прислуги 15 коп., а за перемѣну мѣста служенія устанавливается плата, въ размѣрѣ одного рубля, который взыскивается посредствомъ особо установленныхъ марокъ, при чемъ этотъ расходъ несутъ обѣ стороны, предъявивъ, не позднѣе 2-хъ недѣль со дня найма, книжку въ контроль для необходимыхъ отмѣтокъ. За нарушеніе этихъ правилъ наниматели подвергаются денежному взысканію до 30 р. или аресту не свыше 20 дней. Прислуга, вновь прибывшая въ столицу (?), обязана въ теченіи 3-хъ дней явиться въ контроль для полученія служебной книжки и билета на проживаніе безъ мѣста: эти *билеты выдаются только на одинъ мѣсяцъ* и могутъ быть возобновлены не иначе, какъ по представленіи прислугою основаній для отсрочки (съ противномъ случаѣ „прислуга“ высылается изъ столицы?).

„За нарушеніе этихъ правилъ, прислуга подвергается штрафу до ста р. или аресту до 1 мѣс. Если въ книжкѣ прислуги окажется три неодобрительныхъ аттестата о службѣ, то она *высылается къ мѣсту приписки*, съ воспрещеніемъ жительства въ столицѣ отъ одного до трехъ лѣтъ. Дѣйствіе устава распространяется вообще на всю домашнюю прислугу, какъ-то: лакеевъ, камердинеровъ, кучеровъ, поваровъ, дворниковъ, швейцаровъ, кондукторовъ общ. каретъ, оффиціантовъ, бонъ, няпекъ, мамокъ, кухарокъ, горничныхъ, судомоекъ и прачекъ. Со временемъ имѣется въ виду учредить при контролѣ прислуги справочный отдѣлъ для указанія хозяевамъ—прислуги, и послѣдней—мѣстъ. Суммы, поступающія въ доходъ контроля, назначаются на содержаніе личнаго состава этого учрежденія и на проч. расходы, *а также на выдачу наградъ прислугѣ за безупречную службу*. Изъ образующихся остатковъ отъ доходовъ, устраивается пріютъ для престарѣлой и неспособной къ труду прислуги, общежитіе для временно оставшихся безъ службы и обратившихъ на

себя вниманіе хорошимъ поведеніемъ слугъ, и, кромѣ того, будетъ выдаваться единовременное пособіе прислугѣ, въ случаѣ болѣзни или увѣчья".

„Новое Время", приводя извлеченія изъ проекта, прибавляетъ, что онъ „безъ сомнѣнія, нуждается еще въ немалой обработкѣ". Намъ кажется, что слово „обработка" не совсѣмъ идетъ къ проекту, вызывающему, при самомъ поверхностномъ анализѣ, цѣлую массу недоразумѣній и именно въ своихъ основныхъ положеніяхъ. Прежде всего, онъ вводитъ новые налоги и взысканія, а это, какъ извѣстно, не предоставлено ни городскимъ управленіямъ, ни администраціи, и можетъ быть сдѣлано лишь въ законодательномъ порядкѣ. Далѣе, самая квалификація „прислуги", въ связи съ предъявленными къ ней требованіями, становится въ противорѣчіе съ многими существующими законоположеніями. Начнемъ съ того, что *„прислуга, вновь прибывшая въ столицу*, обязана въ теченіи 3-хъ дней явиться въ контроль для полученія служебной книжки и билета". Этотъ пунктъ рѣшительно ставитъ въ тупикъ. Въ Россіи, какъ извѣстно, ни законъ, ни практика не знаетъ особой касты — прислуги, которая бы являлась прислугой, даже не состоя ни у кого въ услуженіи. У насъ есть крестьяне, мѣщане, люди духовнаго званія, дворяне и „разночинцы", и изъ всѣхъ этихъ сословій пополняются также кадры прислуги. До тѣхъ поръ, пока я не поступилъ въ услуженіе, я, очевидно, не прислуга и имѣю законнѣйшее право не являться въ „контроль" не только 3 дня, а хоть и 3 года. Но представьте, что по истеченіи 3 мѣсяцевъ по пріѣздѣ въ столицу мои обстоятельства сложились такимъ образомъ, что я вынужденъ поступить въ кучера, лакеи, управляющіе или въ качествѣ „бонны". И вотъ, я уже подлежу штрафу за то, что пользовался своимъ неотъемлемымъ правомъ въ качествѣ русскаго обывателя и проживалъ въ столицѣ, не являясь въ контроль по истеченіи 3-хъ дней.

Какимъ образомъ, въ самомъ дѣлѣ, заставить кого-нибудь, пріѣзжающаго въ столицу, немедленно заявлять о своемъ желаніи поступить въ прислуги, если это сразу ставитъ его въ положеніе человѣка, лишеннаго нѣкоторыхъ правъ? Въ самомъ дѣлѣ, не принадлежа къ числу такъ называемыхъ Спиридоновъ-солнцеворотовъ, „рѣшенныхъ столицы" *) жуликовъ и т. п. народа,—я имѣю право проживать въ городѣ

*) См. очеркъ Н. С. Лѣскова подъ этимъ заглавіемъ, изображающій похожденія людей, „лишенныхъ столицы" за разные проступки.

неограниченно. Но разъ я заявилъ о своемъ намѣреніи поступить въ прислуги, мнѣ выдаютъ билетъ-книжку срокомъ только на мѣсяцъ, и дальнѣйшее мое пребываніе уже становится въ зависимость отъ особыхъ разрѣшеній. Какимъ же образомъ полиція будетъ отличать прислугу отъ неприслуги, если только не завести особаго штата, который будетъ слѣдить за людьми, пытающимися найти себѣ мѣсто, какъ нынѣ полиція нравственности слѣдитъ за женщинами, уклоняющимися отъ полученія извѣстнаго билета?

Передо мною изданіе петербургской городской управы: „С.-Петербургъ по переписи 15 декабря 1890 года“. Изъ него я узнаю, что среди остальныхъ группъ столичнаго населенія въ 1890 году числилось прислуги домовой (дворники, швейцары и т. д.) 20.040 чел. съ 15.471 лицомъ, зависѣвшимъ отъ ихъ заработка. Прислуги личной было гораздо больше, а именно 86.183 чел. самостоятельныхъ и 9.176 человѣкъ, зависѣвшихъ отъ ихъ заработка. Складывая эти цифры, получаемъ 130.870 человѣкъ, что къ общему числу петербургскихъ жителей того времени (954.390 чел.) составляло 13,7%. Въ настоящее же время, когда населеніе возросло свыше милліона, контингентъ „прислуги“ можно навѣрное считать въ 150 тысячъ.

Итого 150 тысячъ человѣкъ и 13 процентовъ общаго числа столичнаго населенія,—такова внушительная масса людей, которыхъ разбираемый проектъ стремится простымъ постановленіемъ городской думы и утвержденіемъ административной власти поставить внѣ дѣйствія равныхъ для всѣхъ русскихъ людей законовъ и лишить нѣкоторыхъ правъ, принадлежащихъ всѣмъ русскимъ людямъ. Это коренная ошибка проекта, выработаннаго въ с.-петербургскомъ градоначальствѣ, и ея не исправить никакими „обработками“. Очень похвально, конечно, что проектъ предполагаетъ въ будущемъ пріюты для престарѣлой прислуги и т. п. учрежденія. Все это крайне необходимо. Но цѣна, которую требуетъ проектъ, слишкомъ дорога. Да и вообще, какъ всякая попытка, основанная на невѣрной общей формулѣ,—проектъ просто невыполнимъ, такъ какъ разныя его части сталкиваются и съ существующими, давно вошедшими въ жизнь узаконеніями, и между собою. Если мнѣ не удалось найти мѣсто въ теченіи 3-хъ мѣсяцевъ,—меня высылаютъ. А моя семья? А тѣ изъ 25—30 тысячъ „несамостоятельныхъ“, которые жили въ столицѣ моимъ заработкомъ? Наконецъ, на какомъ же основаніи, если я не ворую, не нищенствую, а живу на свои сбереженія? Или, можетъ быть, я перебиваюсь

въ это время поденной работой. Или мнѣ помогаетъ братъ. Наконецъ,—навсегда ли я „рѣшаюсь столицы“, какъ „Спиридоны-солнцевороты“, громилы, жулики и т. д., или мнѣ предоставляется, проѣхавшись по этапу на родину, вновь явиться въ столицу и вновь потребовать въ контролѣ билетъ, чтобы вновь пытать счастіе въ теченіи новаго мѣсячнаго срока. Но тогда для чего же я путешествовалъ на родину, съ которой можетъ быть давно потерялъ всѣ связи, и на какой предметъ казна или общество несли расходы по моему туда препровожденію?..

Но особенно характерны и интересны пункты, которыми проектъ пытается „регулировать взаимныя отношенія сторонъ“. Урегулировать взаимныя отношенія — это значитъ, конечно, поставить ихъ, во 1-хъ, на законную почву, а во 2-хъ—обезпечить обѣимъ сторонамъ возможность пользоваться своими законными правами. Вотъ почему новѣйшее законодательство этого рода по самой „силѣ вещей“ главнымъ образомъ заботится о сторонѣ слабѣйшей. Это—общая тенденція такъ называемаго рабочаго законодательства, ограждающаго рабочаго отъ злоупотребленій (въ родѣ произвольныхъ штрафовъ, уплаты не деньгами, а натурой и пр.) и отъ такихъ опасностей для жизни, здоровья и нравственности, которыя создаются условіями труда. Вотъ почему главное содержаніе рабочаго законодательства, практикуемаго и у насъ,—ограниченіе продолжительности рабочаго дня, воспрещеніе труда малолѣтнихъ, установленіе тѣхъ или другихъ смѣнъ...

Проектъ, подлежащій внесенію въ думу, по самому типу своему, является полной противоположностью этимъ началамъ. Весь онъ разсчитанъ на удобства и гарантіи одной, и при томъ именно сильнѣйшей стороны. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ принимать серьезно газетныя ламентаціи о „рабской зависимости хозяевъ отъ прислуги“. Если бы газеты писались и выписывались прислугой, а не господами,—мы бы читали въ нихъ совсѣмъ другое. Достаточно представить себѣ положеніе дѣвушки или женщины, входящей вполнѣ одинокою въ чужую среду, чтобы понять, гдѣ тутъ слабѣйшая сторона, и почему мы никогда не читали о прислугѣ, которая бы въ теченіи продолжительнаго времени истязала своихъ господъ, а потомъ еще посадила ихъ же на скамью подсудимыхъ, а вотъ о г-жѣ Ольгѣ Гаскетъ прочитали совсѣмъ на-дняхъ. Между тѣмъ, ко многимъ угрозамъ „высылки изъ столицы“ проектъ прибавляетъ еще одну: прислуга высылается послѣ третьей неодобрительной аттестаціи въ книжкѣ.

Кто же будетъ вписывать эти аттестаціи? Контроль? Но тогда этому контролю присваиваются (постановленіемъ думы!) судебныя функціи, и для 150 тысячъ столичныхъ жителей создается особая юрисдикція. Хозяинъ? Но тогда въ рукахъ третьяго, аттестующаго частнаго лица будетъ фактически находиться право административной высылки, а полиція превращается въ простую исполнительницу его распоряженія, совершенно такъ, какъ въ крѣпостное время, когда „господамъ“ достаточно было прислать своего кучера или горничную съ запиской въ участокъ, чтобы тамъ уже надъ ними „распорядились“. Но теперь вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, времена другія, и полиція тоже пережила своего рода эмансипацію.

Наконецъ, что же дѣлать съ тѣми общими законами, которые ограждаютъ отъ „клеветы“ всякаго россійскаго гражданина, совершенно независимо отъ рода его занятій? Не далѣе, какъ въ прошломъ году, нѣкто г. Драгомирецкій, въ то время редакторъ „Руси“, начерталъ въ паспортѣ своей прислуги неодобрительный отзывъ, оказавшійся клеветой. Прислуга обратилась къ защитѣ закона, и вотъ г. Драгомирецкій очутился лицомъ къ лицу съ весьма непріятными статьями уложенія о наказаніяхъ. Изъ этого, конечно, слѣдуетъ выводъ, что клеветать нехорошо и опасно. Но юридически это выражается такъ: не слѣдуетъ дѣлать такихъ отзывовъ, вредящихъ доброму имени и интересамъ другихъ лицъ (хотя бы и прислуги), которыхъ нельзя доказать.

Какъ же теперь будетъ съ этими узаконеніями? Я ставлю себя въ положеніе хозяина. Передо мной „книжка“, моя прислуга дурна, и я вижу себя обязаннымъ написать о ней правду. Хорошо. Но я вовсе не желаю, подобно г-ну Драгомирецкому, навязать себѣ процесса ни у мирового, ни даже въ „участкѣ“. Будутъ ли въ мою пользу отмѣнены существующія узаконенія въ томъ смыслѣ, что я могу писать о прислугѣ позорящія свѣдѣнія, не обязываясь доказательствами?

Представимъ себѣ, что будутъ. Но тогда еще хуже. Я ставлю себя въ положеніе прислуги; представляю себѣ молодую дѣвушку, которой „хозяинъ“ дѣлаетъ предложенія, несогласныя съ нравственностью. Она ихъ отвергаетъ съ негодованіемъ, и вотъ въ ея книжку вписывается „неодобрительный отзывъ“. Долженъ ли законъ оказать ей защиту и потребовать у „хозяина“ доказательствъ? Очевидно, долженъ.

Вообще, признаюсь откровенно, что даже съ точки зрѣнія „хозяина“ я не могъ бы почувствовать ни малѣйшаго удовлетворенія отъ разбираемаго проекта. Не говоря уже о налогѣ на перемѣну прислуги, о всякихъ лишнихъ хлопотахъ,

о рискѣ, подобно г-ну Драгомирецкому, вступить въ конфликтъ съ уложеніемъ о наказаніяхъ,—мнѣ не улыбаются даже наиболѣе ласковые пункты проекта. Съ какой стати за службу лично мнѣ, моя прислуга, живущая въ моей квартирѣ, можно сказать въ нѣдрахъ моего семейства, будетъ ожидать „денежной награды“ не отъ меня, а отъ полицейскаго контроля...

Нѣтъ,—сказалъ бы я въ качествѣ россійскаго обывателя,—лучше ужъ я выпесу нѣкоторыя неудобства, но предоставьте мнѣ устраиваться и ограждать себя по старому. А законъ пусть ограждаетъ насъ всѣхъ одинаково, и къ этому, т. е. къ возможности обѣимъ сторонамъ пользоваться своими законными правами, только и должны направляться всѣ дальнѣйшіе проекты.

1898 г.

„Заставы“.

(Картинка провинціальной жизни).

Въ 1891 (голодномъ) году печати пришлось отмѣтить слѣдующій удивительный эпизодъ. Господинъ вятскій губернаторъ почувствовалъ себя до такой степени независимымъ владыкой ввѣреннаго ему края, что, не довольствуясь разными формами внутренняго законодательства (которое, вѣроятно, будетъ памятно вятчанамъ изъ рода въ родъ), рѣшилъ ему объявить свою сепаратную таможенную систему. Онъ просто-на-просто воспретилъ вывозъ хлѣба, хотя бы и купленнаго на законнѣйшемъ основаніи, за границу своей губерніи... А такъ какъ, разумѣется, всюду, гдѣ есть „законъ“ (хотя бы и чисто щедринскій), — тамъ непремѣнно явится и преступленіе противъ закона, то и въ Вятской губерніи явились небывалое преступленіе и невиданные дотолѣ преступники. „Ночь, вьюга, на небѣ тучи, перекликаются „пограничные“ дозорные, а глухими и неудобными дорогами прокрадываются „контрабандисты“ съ кулями русскаго хлѣба, черезъ границу „двухъ русскихъ внутреннихъ губерній“ *).

Когда это мудрое законодательное дѣйствіе вятскаго губернатора было оглашено сначала въ нижегородской продовольственной комиссіи, а затѣмъ и въ печати, то, разумѣется, сепаратная таможенная политика вятской державы была упразднена. Повторился ли впослѣдствіи, въ практикѣ другихъ губернскихъ державъ, этотъ замѣчательный „законодательный починъ“, или нѣтъ — я не знаю. Знаю только, что въ другой области, по отношенію къ другимъ отправленіямъ общественной жизни, явленіе это повторяется непрестанно; можно сказать, что вся Россія представляется искрещенной и изборожденной внутренними заставами всякаго рода и вся пестритъ независимыми сепаратными политическими системами гг. губернаторовъ.

*) См. „Голоднаго года“, кн. II, стр. 48.

Для примѣра и поясненія позволю себѣ остановиться на небольшомъ (даже очень небольшомъ) конкретномъ эпизодѣ этого рода.

Я имѣю честь состоять предсѣдателемъ одного просвѣтительнаго учрежденія въ гор. Полтавѣ. Это—полтавская общественная библіотека. Учрежденіе это, отчасти въ видахъ усиленія своихъ средствъ, а отчасти и по внутренней связи разныхъ просвѣтительныхъ задачъ, по временамъ устраиваетъ спектакли и лекціи, для чего приглашаетъ извѣстныхъ лекторовъ, имена которыхъ могутъ обезпечить это начинаніе какъ со стороны внутренняго содержанія, такъ и въ смыслѣ внѣшняго успѣха.

Нужно сказать между прочимъ, что эта скромная дѣятельность требуетъ отъ устроителей самоотверженія, далеко не пропорціональнаго ея размѣрамъ. Начать съ того общеизвѣстнаго факта, что администрація (на основаніяхъ, „законныхъ“, можетъ быть, въ той же степени, какъ и таможенная политика вятскаго губернатора) присвоила себѣ освященное годами право по своему усмотрѣнію и безъ объясненія причинъ разрѣшать или запрещать чтенія, уже много разъ разрѣшенныя, или пьесы, снабженныя одобреніемъ театральной цензуры. Говорятъ, на все это есть многочисленные „циркуляры“, предусмотрительность коихъ доходитъ даже до... права г. полицеймейстера требовать на предварительный пересмотръ ноты (!), по которымъ должны исполняться музыкальные нумера.

Итакъ, устроителямъ приходится прежде всего *просить*. Ну, а исходъ всякой просьбы зависитъ, какъ извѣстно, отъ многихъ обстоятельствъ: личной снисходительности, доброты характера, наконецъ, расположенія духа. Затѣмъ, въ случаѣ милостиваго разрѣшенія, гг. устроители немедленно попадаютъ подъ надзоръ полиціи, которая наистрожайше слѣдитъ, дабы они, при продажѣ билетовъ, не утаили какой-нибудь части сбора. Это дѣлается въ формѣ очень откровенной; просто-напросто въ кассу сажается полицейскій чинъ, который для осторожности забираетъ всю выручку, а затѣмъ, на другой или на третій день, милостиво отдаетъ ее тѣмъ же устроителямъ, но уже какъ представителямъ учрежденія. Эта картина „довѣрія“, повторяющаяся у кассы при каждомъ спектаклѣ или лекціи съ просвѣтительною цѣлью,—такъ характерна и наглядна, что уже сама по себѣ стоитъ иного занимательнаго спектакля.

Впрочемъ прошу простить это небольшое отступленіе. Предметъ, о которомъ я говорю, до такой степени извилистъ, что

очень легко съ одной тропинки совершенно незамѣтно попасть на другую, и все равно очутишься въ той же области неисходнаго „довѣрія“... Постараюсь, по возможности, продолжать безъ отступленій.

Комитетъ полтавской библіотеки, имѣющей въ своей средѣ людей, достаточно самоотверженныхъ, весной нынѣшняго года обратился къ проф. Ив. Ив. Иванову (члену московскаго лекціонаго бюро) съ просьбой прочесть рядъ лекцій о Гоголѣ, Гончаровѣ, Тургеневѣ, Толстомъ и Чеховѣ и получилъ отъ него любезное согласіе. Послѣ этого комитетъ обратился съ „покорнѣйшей просьбой“ о соотвѣтственномъ разрѣшеніи къ мѣстной администраціи. Но здѣсь онъ былъ уже не такъ счастливъ: отъ мѣстной администраціи послѣдовалъ категорическій отказъ.

Форма этого отказа такъ интересна, что я рискую новымъ отступленіемъ. Съ нѣкоторыхъ поръ „практика“ выработала особый способъ сношеній административныхъ мѣстъ и лицъ съ общественными учрежденіями неоффиціальнаго характера: въ учрежденіе является помощникъ пристава, а иногда и околоточный и приноситъ съ собой бумагу, которую и ссужаетъ учрежденію, такъ сказать, на подержаніе, только для прочтенія и расписки на оборотѣ. А затѣмъ бумага исчезаетъ, и отъ нея въ заинтересованномъ учрежденіи не остается никакихъ слѣдовъ. Мнѣ лично пришлось одинъ разъ отказаться самымъ рѣшительнымъ образомъ отъ такого временнаго пользованія одной бумагой, на верху которой было написано „секретно“. Какія удобства представляетъ эта своеобразная форма сношеній, я не знаю. Можетъ быть, — „сокращеніе переписки“, но можетъ быть также, что тутъ играютъ роль затрудненія, которыя иной разъ авторы испытываютъ въ пріисканіи „законныхъ основаній“. Впрочемъ, по большей части они обходятся безъ всякой мотивировки.

Въ такой именно формѣ и безъ всякихъ мотивовъ присланъ былъ и отказъ библіотекѣ: въ бумагѣ говорилось только, что г. полтавскій губернаторъ не находитъ возможнымъ разрѣшить лекцію...

Vis major! Комитету пришлось успокоиться, и мы, знакомые проф. Иванова, строили уже печальныя догадки о томъ, за какія провинности почтенный профессоръ подвергся „ограниченію нѣкоторыхъ правъ“... Однако, черезъ нѣкоторое время до насъ стали доходить извѣстія, показавшія, что наши опасенія были напрасны: профессоръ Ивановъ читалъ свои лекціи въ разныхъ мѣстахъ, и, наконецъ, его лекціонная дѣятельность подвинулась вплоть къ самой границѣ Полтавской губерніи.

Какъ разъ въ то время, когда мы разсчитывяли было слышать Ив. Ив. Иванова у себя, онъ читалъ въ г. Екатеринославѣ полностью всю серію своихъ лекцій о Гоголѣ, Тургеневѣ, Гончаровѣ и Чеховѣ, и мѣстная газета („Екатеринославскій Листокъ“) отмѣчала ихъ содержаніе день за днемъ, въ подробныхъ рефератахъ *). Къ великому нашему соблазну, газета нашихъ сосѣдей была пропущена черезъ нашъ рубежъ, возбуждая у насъ разныя превратныя толкованія...

Итакъ, И. И. Ивановъ, очевидно, не былъ вообще ограниченъ въ правахъ своего лекторскаго состоянія. Намъ оставалось печальное предположеніе, что это, наоборотъ, Полтавская губернія ограничена въ своемъ правѣ слушать лекціи московскаго проф. Иванова.

Мысль эта показалась мнѣ до такой степени огорчительной, а отчасти, признаюсь, и маловѣроятной, что я рѣшился провѣрить ее, такъ сказать, въ первоисточникѣ и съ этой цѣлью отправился, отложивъ разныя свои дѣла, въ пріемную полтавскаго губернатора, которому и изложилъ подробно и откровенно свои недоумѣнія.

Г. губернаторъ выказалъ любезную готовность выяснить ихъ и распорядился навести соотвѣтствующія справки изъ „дѣла“ о несостоявшейся лекціи. При этомъ, правда, встрѣтилось нѣкоторое затрудненіе, такъ какъ я не могъ сообщить ни числа, ни нумера бумаги съ отказомъ, за чрезвычайной кратковременностью и, такъ сказать, мимолетностью ея пребыванія въ комитетѣ. Въ концѣ концовъ, однако, „дѣло“ было разыскано, и я получилъ отъ г. губернатора письмо (отъ 18-го октября, за № 8002), въ которомъ кн. Урусовъ въ вѣжливой, но за то и совершенно категорической формѣ увѣдомилъ меня, что онъ, „къ сожалѣнію, поставленъ въ невозможность разрѣшить приватъ-доценту Иванову прочесть въ гор. Полтавѣ въ пользу полтавской общественной библіотеки публичную лекцію“. Ничего больше въ письмѣ не заключалось.

Такимъ образомъ, мои недоумѣнія такъ и остались недоумѣніями, но теперь, по крайней мѣрѣ, не остается уже ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что даже въ „эпоху довѣрія“ Полтавская губернія дѣйствительно и, повидимому, безповоротно ограничена въ принадлежащемъ другимъ губерніямъ правѣ слушать лекціи Ив. Ив. Иванова (а можетъ быть и другихъ членовъ московскаго лекціоннаго бюро) о *Гоголѣ, Гончаровѣ, Тургеневѣ, Толстомъ и Чеховѣ*...

---

*) „Екатеринославскій Листокъ“, 20—23-го марта 1904 г.

Вѣроятно, читатель согласится, что параллель съ вятской сепаратной таможенной политикой напрашивается сама собою. Только тамъ дѣло шло о хлѣбѣ матеріальномъ, здѣсь о духовномъ. Я, конечно, не смѣю сомнѣваться, что, въ подкрѣпленіе этого „лишенія нѣкоторыхъ правъ“ цѣлаго города, въ распоряженіи полтавской администраціи есть достаточное, а можетъ быть даже нѣсколько излишнее количество циркуляровъ. Но, во-первыхъ, намъ эти циркуляры не могутъ доставить ни малѣйшаго утѣшенія, такъ какъ и содержаніе ихъ, и „законныя основанія“, на которыхъ они покоятся, покрыты тайной. А во-вторыхъ, вѣдь это, пожалуй, еще хуже: таможенная политика г. вятскаго губернатора относительно хлѣба можетъ быть разсматриваема какъ продуктъ индивидуальнаго творчества. Легче ли намъ отъ мысли, что полтавская сепаратная политика относительно пищи умственной является результатомъ какой-то таинственной „системы“? Но и въ томъ, и въ другомъ случаѣ на границѣ двухъ смежныхъ губерній предполагается пограничный кордонъ, черезъ который не могутъ переступить законно пріобрѣтенный хлѣбъ или совершенно „легальная“ идея... И если тутъ есть „законныя основанія“, то выходитъ, что теперь уже законы пишутся особо для Екатеринославской, и особо для Полтавской губерніи, и кромѣ того эти странные „законы“ остаются тайными для заинтересованныхъ лицъ...

Все это приводитъ мнѣ на память стихотвореніе какого-то стараго поэта, которое я читалъ какъ-то еще въ отдаленные дни моей юности... Авторъ ѣдетъ по шоссе и подъѣзжаетъ къ захолустному городу. И вдругъ взоръ его поражается неожиданностью: полосатый шлагбаумъ, еще недавно преграждавшій дорогу, сломанъ и лежитъ въ сторонѣ... Дорога свободна. Авторъ предается гражданскому восторгу (было это въ началѣ „эпохи великихъ реформъ“), но степной вѣтеръ дружески расхолаживаетъ его пылъ. Да, это правда,—шепчетъ онъ ему въ уши, — полосатое бревно лежитъ въ пыли. Но...

...Ты будь, какъ прежде, остороженъ:
Пока шлагбаумъ для идей
Еще нигдѣ не уничтоженъ...

Пока! Это пока, читатель, написано въ началѣ 60-хъ годовъ, то есть 40 лѣтъ назадъ! Съ тѣхъ поръ „шлагбаумы для идей“ не только нигдѣ окончательно не уничтожены, но, наоборотъ, росли по всему лицу русской земли, какъ грибы послѣ хорошаго дождика!.. Большіе и маленькіе... широкіе и узкіе, въ видѣ цензуры, предварительной цензуры „предостере-

гающей", въ видѣ повторныхъ разрѣшеній того, что уже разрѣшено, и въ видѣ запрещенія того, что несомнѣнно дозволено, въ видѣ кордоновъ, раздѣляющихъ губерніи, и въ видѣ „усмотрѣній" каждаго администратора въ отдѣльности... Высятся эти сооруженія, какъ лѣсъ, загораживающій всѣ горизонты русской жизни. И беретъ просто отчаяніе, когда подумаешь, сколько нужно времени и усилій на уборку, каждой порознь, всѣхъ этихъ заставъ, загородокъ, шлагбаумовъ и волчьихъ ямъ... если, конечно, не найдется одной волшебной формулы, отъ которой онѣ падутъ всѣ разомъ, очистивъ проѣзжія дороги для свободнаго обращенія внутри великой страны отечественной мысли и отечественнаго слова...

1904 г.

Дѣло Жеденева.

Слѣдя за провинціальной жизнью по газетамъ, мы встрѣтили ровно два года назадъ слѣдующее странное извѣстіе изъ села Лопуховки, Камышинскаго уѣзда: „Давшая прекрасные результаты общественная виноторговля чуть было не погибла. Пріѣхалъ въ наше село для производства слѣдствія о поджогѣ и. д. судебнаго слѣдователя Жабицкій, страдающій, какъ говорятъ, психическимъ разстройствомъ, и, собравъ въ волостное правленіе крестьянъ, объявилъ имъ, что ихъ земскій начальникъ отвезенъ въ Петербургъ и тамъ заключенъ въ тюрьму (?!) и что теперь крестьяне должны *винныя лавки передать кабатчикамъ, пожарную команду разогнать и пріютъ сиротскій уничтожить*, старшинѣ же Заплатинскому онъ сказалъ, что за постройку пріюта онъ посадитъ его въ тюрьму и самый пріютъ растащитъ баграми по кускамъ... Присутствовавшимъ крестьянамъ г. Жабицкій велѣлъ передать своему обществу, что деньги, потраченныя на пріютъ, *оно можетъ взыскать съ земскаго начальника.* Среди крестьянъ началась дѣятельная агитація кабатчиковъ, а черезъ день *общество постановило приговоръ* о передачѣ винныхъ лавокъ въ руки частныхъ виноторговцевъ и объ уничтоженіи пожарной команды. Міроѣды же, у *которыхъ отняты были сиротскія надѣльныя души и у которыхъ жили погонщиками и няньками теперешніе питомцы пріюта*, стали агитировать въ пользу передачи дѣтей и ихъ земельныхъ надѣловъ снова въ ихъ, міроѣдовъ, распоряженіе. Дѣло кончилось бы печально для сиротъ. Но мѣстный земскій начальникъ (г. Жеденевъ), *услышавъ о народномъ волненіи, поспѣшилъ изъ отпуска* и поддержалъ готовыя рушиться учрежденія. Объ *агитаціи* г. Жабицкаго составленъ актъ и представленъ въ губернское присутствіе, которое, какъ слышно, *дастъ дѣлу законный ходъ**).

*) Напечатано въ „Сарат. Дневникѣ“, цитирую изъ „Волгаря“ 4 апр. 1894 г., № 76.

Происходила эта странная „агитація“ судебнаго слѣдователя въ началѣ 1894 года, и всякаго знакомаго съ атмосферой „современной“ деревни (особенно за послѣдніе годы) возьметъ большое сомнѣніе, дѣйствительно ли тутъ была агитація и дѣйствительно ли г. Жабицкій сумасшедшій. Правда, говоритъ о томъ, что г. земскій начальникъ увезенъ въ Петербургъ, что „пріютъ растащатъ баграми по кускамъ“ и т. д. могъ только человѣкъ ненормальный. Но вѣдь не все то говорится въ самомъ дѣлѣ, что пишется въ актахъ, особенно заинтересованными лицами, и очень легко можно предположить, что все это выросло изъ простого разговора крестьянъ съ проѣзжимъ чиновникомъ о законѣ. — „Есть такой-то законъ?“—спрашиваетъ одна сторона. — „Нѣтъ, такого закона нѣту“,—отвѣчаетъ другая. И этого порой достаточно, чтобы самая добросовѣстная справка свѣдущаго человѣка выросла въ событіе. Или мы сильно ошибаемся, или г. Жабицкій и донынѣ благополучно исправляетъ свою должность, никакого *законнаго хода* его словамъ навѣрное не дано, и развѣ только ему шепнули, что разговоръ о законѣ въ раіонѣ пріютовъ г-на Жеденева является довольно щекотливымъ. Какъ бы то ни было, приведенное извѣстіе говоритъ, во 1-хъ, о томъ, что уже въ началѣ 1894 года въ крестьянской средѣ существовало сильное недовольство затѣями г-на Жеденева, и во 2-хъ, что какъ непосредственное его начальство, такъ и мѣстная пресса стояли въ то время явно на его сторонѣ.

Въ томъ же 1894 году, 19 сентября г. Жеденевъ читалъ докладъ объ устроенныхъ имъ „сельско-хозяйственныхъ пріютахъ“ въ засѣданіи воронежскаго отдѣла моск. общ. сельскаго хоз. (докладъ напечатанъ въ № 18 „Справочнаго листка воронежск. выставки 1894 г.“). „Случалось ли вамъ, мм. гг., видѣть крестьянскаго сироту?—спрашивалъ докладчикъ.—Если въ деревнѣ вамъ встрѣтится ребенокъ зимою, въ жестокій морозъ, въ разорванной шубенкѣ, въ огромныхъ сапожищахъ, изъ которыхъ торчатъ голые пальцы, и на головѣ, вмѣсто шапки, клокъ волосъ, черезъ плечо большая до земли полотняная сумка, — то вы навѣрно увидѣли сироту. Вглядываясь въ такого ребенка, вы увидите изможденное лицо, съ постоянно испуганнымъ выраженіемъ глазъ, какъ будто ребенокъ боится, что вы хотите его ударить; на тѣлѣ струпья, среди которыхъ кишатъ насѣкомыя“.

Картина, нарисованная г. Жеденевымъ, очень трогательна, но адресована неправильно. Такихъ дѣтей, дѣйствительно, легко встрѣтить на дорогахъ, но это далеко не всегда сироты. Часто холщевую суму надѣваетъ любящая материнская

рука и, конечно, никакими пріютами этого искоренить невозможно. Что же касается спеціально сиротъ, то, правда, что деревня дѣлаетъ для нихъ не очень много, а то, что она дѣлаетъ, организовано довольно стихійно. Но кое-что она все-таки дѣлаетъ. Одинъ изъ присутствовавшихъ при докладѣ г. Жеденева справедливо замѣтилъ, что въ каждомъ обществѣ для сиротъ отводится надѣлъ и выбираются опекуны. Опекунскими дѣлами вѣдаетъ общество. Разъ общество назначаетъ опекуна, надѣломъ пользуется послѣдній; усадебное мѣсто сиротъ, иногда съ садомъ и огородомъ, тоже находится въ управленіи опекуна. Самъ сирота, лишь только достигъ онъ 3—4-лѣтняго возраста, уже дѣлается полезнымъ семьѣ опекуна въ качествѣ такъ называемой „няньки“ (особый терминъ для названія 4—7-лѣтней дѣвочки или, безразлично, мальчика), 6—7 лѣтъ онъ является сторожемъ птицы, далѣе пастухомъ свиней, овецъ, а наконецъ, 12—13 лѣтъ онъ уже ходитъ за бороной.

Это совершенно справедливо и при этомъ порядкѣ картина, нарисованная г. Жеденевымъ, относится не столько къ сиротамъ, сколько къ дѣтямъ нищенствующихъ семей. И дѣйствительно, въ приведенной выше корреспонденціи мы видимъ, что рѣчь идетъ о какихъ-то „міроѣдахъ“, добивавшихся *возвращенія имъ сиротъ* съ ихъ надѣлами. Потомъ мы слышали о бунтахъ и о томъ, что въ нихъ принимали участіе бабы. Это опять указываетъ, что трогательная картина бродячихъ сиротъ закрываетъ собою нѣсколько иную дѣйствительность. Если дѣти жили у „міроѣдовъ“ въ нянькахъ и пастухахъ, то они уже не бродили съ сумами, и пріютъ г-на Жеденева, очевидно, не столько подбиралъ сиротъ на дорогахъ, сколько отнималъ ихъ у семей, гдѣ они, можетъ быть, уже прижились. Г. Жеденевъ говоритъ, что это все были семьи „міроѣдовъ“. Но почему же непремѣнно міроѣдовъ! Во многихъ другихъ мѣстахъ мы знаемъ, что міръ, въ сущности, довольно разумно распредѣляетъ сиротъ, что ихъ часто берутъ бездѣтные, и на любомъ многолюдномъ сходѣ вы непремѣнно встрѣтите одного-двухъ такихъ пріемышей, полноправно представляющихъ дворы своихъ пріемныхъ отцовъ. На эту сторону „Жеденевской реформы“ печать, какъ кажется, обращаетъ слишкомъ мало вниманія, а между тѣмъ, она очень существенна. Легко приписать „міроѣдамъ“ все, что намъ не нравится въ деревнѣ. Но, какъ ни стихійны въ ней тѣ или другія обычныя формы, нельзя не признать, что въ нихъ не все отрицательно, что много въ нихъ есть гуманнаго, простого, истинно христіанскаго. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что, распо-

рядившись чисто по казенному отбирать сиротъ у всѣхъ „міроѣдовъ“,—г. Жеденевъ вызвалъ не мало самыхъ потрясающихъ драмъ во многихъ семьяхъ и, если бы опросить самихъ опекаемыхъ такъ по казенному сиротъ,—то мы, быть можетъ, услышали бы много поучительнаго, способнаго ослабить сочувствіе къ „добрымъ намѣреніямъ“ г-на Жеденева и перенести его на другую сторону. А если такъ, если дѣйствительно бывали и такіе случаи, то очевидно, что, устраивая свои „казенные“ пріюты и принудительно посягая на обычный деревенскій порядокъ призрѣнія, г. Жеденевъ въ сущности посягалъ на явленіе живое и болящее. И мы нисколько не сомнѣваемся, что во время „бабьихъ бунтовъ“ противъ пріютовъ слышались въ числѣ другихъ и истинно материнскіе вопли бабьихъ сердецъ, уже привязавшихся къ своимъ „пастухамъ и нянькамъ“ (не забудемъ, что такъ называютъ въ деревнѣ и родныхъ дѣтей извѣстнаго возраста). И вотъ почему безъ всякихъ агитацій деревня считала самого г-на Жеденева чуть не антихристомъ, а его пріюты антихристовой затѣей *).

Очевидно, земскому начальнику г. Жедедеву приходилось или слѣдить за тѣмъ, чтобы устранить по возможности злоупотребленія опекой на почвѣ существующей и давно сложившейся организаціи, или придумать новую систему. Къ сожалѣнію, онъ выбралъ послѣднее. Мы говоримъ къ сожалѣнію совсѣмъ не потому, чтобы признавали существующій порядокъ не требующимъ никакихъ измѣненій, но мы полагаемъ только, что реформаторскіе таланты не всегда полагаются по штату всякому чиновнику, и законодательная дѣятельность, въ сущности, не есть и не можетъ быть прерогативой каждаго земскаго начальника. Когда же эта дѣятельность не ограничивается попытками насажденія чего-нибудь новаго, но и посягаетъ предварительно на грубую ломку того или другого бытового, по существу законнаго явленія,—то она прямо становится преступленіемъ. Многія газеты очень восторгаются „намѣреніями“ г. Жеденева, а въ „Новомъ Времени“ высказывается благодушное пожеланіе, чтобы онъ самъ, даже послѣ „бунтовъ“ и послѣ выстрѣла въ г. Меньшикова, — получилъ возможность „продолжать“ далѣе свои опыты. Авторъ этой замѣтки забываетъ, что опытъ производился надъ живыми людьми и потребовалъ уже не мало не только пожертвованій, но и прямыхъ „жертвъ“ со стороны сельскихъ обществъ.

*) Объ этомъ говорилъ и самъ Жеденевъ въ докладѣ. См. „Нижн. Лист.“ 1896 г., № 57.

Если бы, напр., частный приставъ той петербургской части, гдѣ проживаетъ авторъ указанной замѣтки, пожелалъ издавать свои законы, вводить принудительную филантропію и безъ всякихъ основаній отнимать отъ семей ранѣе законно взятыхъ пріемышей,—да еще вдобавокъ облагать обывателей самовольно данями на свою филантропію,—то, вѣроятно, авторы благодушныхъ замѣтокъ отнеслись бы къ этому не столь сочувственно. Между тѣмъ, г. Жеденевъ поступалъ именно такъ. Онъ, во 1-хъ, самъ призналъ себя способнымъ реформаторомъ, во 2-хъ, издалъ въ своемъ участкѣ новые законы и уничтожилъ старыя законоположенія высшей власти о правахъ сходовъ (запретивъ на сходахъ даже обсужденіе вопроса объ обременительности расходовъ на содержаніе пріюта), и затѣмъ, прямо уже превышая свою власть, вступилъ на этой почвѣ въ борьбу съ сельскими обществами, имѣвшими законное право—не желать и противудѣйствовать его затѣямъ.

Мы не знаемъ, конечно, какъ это совмѣстительство должности реформатора, законодателя и земскаго начальника отражалось на послѣдней и единственно законной функціи г-на Жеденева,—несомнѣнно, однако, что реформаторомъ онъ оказался совершенно неудачнымъ. Пріюты вышли дорогіе, плохіе, мертворожденные и кромѣ того легли тяжелымъ бременемъ на населеніе. Въ своемъ докладѣ г-нъ Жеденевъ увѣрялъ, что крестьяне „даютъ средства очень охотно“. Но мы видѣли, что еще за годъ до доклада ему уже приходилось справляться съ „волненіемъ“, вызваннымъ фантастической агитаціей г. Жабицкаго. А послѣ этого „бунты“ и волненія шли crescendo. 21 сентября 1895 г. сельско-хозяйственная комиссія составила для камышинскаго земскаго собранія докладъ, въ которомъ говорится, что „хозяйство въ пріютахъ ведется плохо, надзоръ за дѣтьми оставляетъ желать очень многаго, грамотность находится въ зачаточномъ состояніи. Самая идея г. Жеденева—устройство пріютовъ на началахъ самостоятельнаго ихъ существованія—совершенно непримѣнима къ жизни“. „Существующіе пріюты въ ихъ настоящемъ видѣ *совершенно не оправдываютъ того, что о нихъ сообщалось г. Жеденевымъ*. Это не образцовыя фермы, разсадники сельско-хозяйственныхъ знаній среди населенія, а просто благотворительныя учрежденія, требующія, какъ и всякія такого рода учрежденія, *постороннихъ средствъ на свое содержаніе*“. И при томъ учрежденія, устроенныя весьма плохо: ѣздившій для осмотра пріютовъ членъ комиссіи И. Г. Штырловъ отъ себя добавляетъ, что хлѣбъ въ Тарасовскомъ пріютѣ ѣли въ 1895 г. *изъ прѣлаго зерна*“ („Р. Вѣд.“, 1896 г., № 54). И т. д. Оказалось, такимъ образомъ, что г. Же-

деневъ, по его собственнымъ словамъ,—не встрѣтилъ сочувствія „ни снизу, ни сверху“ („Нижегор. Лист.“, № 57, 28 февр. 1896 г.); крестьяне, которымъ пріюты стоили очень дорого *) и которые справедливо считали ихъ организацію совершенно нераціональной, стремились составлять приговоры объ ихъ закрытіи; г. Жеденевъ этому препятствовалъ, отсюда возникали волненія. Пресса, какъ мы видѣли, сначала относившаяся къ г. Жеденеву и его пріютамъ очень сочувственно,—вскорѣ поняла, что въ сущности г. Жеденевъ нарушилъ и затопталъ гораздо больше, чѣмъ создалъ и устроилъ,—и вскорѣ о лопухинскомъ реформаторѣ и его мертворожденныхъ затѣяхъ создалась цѣлая литература. Но г. Жеденевъ не желалъ уступить и продолжалъ законодательствовать въ своемъ участкѣ съ благою цѣлью, пока, наконецъ, этой его дѣятельности не положило конецъ начальство.

Г-ну Жеденеву пришлось объясняться въ Петербургѣ. Между этими дѣлами, 20 марта, онъ зашелъ въ редакцію „Недѣли“, въ которой незадолго передъ тѣмъ была напечатана статья „Красноярскій бунтъ“ (№ 10). Въ ней излагалась вся эта трагикомическая исторія непризнаннаго камышинскаго Оуэна, и г. Жеденевъ нашелъ, что его особенно оскорбляетъ фраза, „будто онъ, г. Жеденевъ, уговаривалъ открыть общественную виноторговлю только для пробы, на полгода, но впослѣдствіи крестьяне узнали, что приговоръ составленъ на годъ, и затѣмъ эта торговля продолжалась противъ желанія общества цѣлыхъ три года“. Г. Жеденевъ потребовалъ, чтобы редакція въ слѣдующемъ № передъ нимъ извинилась. Завѣдывающій редакціей М. О. Меньшиковъ (за отъѣздомъ редактора за границу) предложилъ г. Жеденеву доставить свое письменное возраженіе, которое, по принятому обычаю, могло бы быть напечатано въ „Недѣлѣ“. Г. Жеденевъ заявилъ на это, что *званіе дворянина не позволяетъ ему возражать и оправдываться;* приходя все въ большее и большее волненіе, онъ повторилъ, что объясняться не желаетъ ни письменно, ни устно; считаетъ, что указанной фразой онъ оскорбленъ, и если редакція не выполнитъ его требованія, то онъ заставитъ ее сдѣлать это. „Вызываю васъ, милостивый государь, на дуэль! Прошу прислать секундантовъ!“ Его просили успокоиться, увѣряя, что все, что совмѣстно съ достоинствомъ его и редакціи, будетъ сдѣлано. Но г. Жеденевъ выхватилъ револьверъ и заявилъ, что въ такомъ случаѣ онъ убьетъ г. Меньшикова

*) Кромѣ спротскихъ надѣловъ, г. Жеденевъ настоялъ на прирѣзкѣ уже прямо крестьянской земли и, кромѣ того, обращалъ на пріюты доходы отъ общественныхъ кабаковъ.

тутъ же на мѣстѣ. Въ комнатѣ, гдѣ происходило все это, были дамы изъ конторы редакціи, всѣ просили его успокоиться, но онъ кричалъ: „прошу васъ отойти, я сейчасъ буду стрѣлять! Я его убью!“ Послѣдовалъ выстрѣлъ, и г. Меньшиковъ раненъ (легко) въ руку.

Мораль этой исторіи совершенно ясна, и было бы очень желательно, чтобы ее усвоили всѣ гг. Жеденевы Русской земли: нельзя создавать отдѣльные источники законодательной власти въ каждомъ земскомъ участкѣ, и, если въ какомъ-нибудь районѣ самое упоминаніе о законѣ ведетъ къ опаснымъ „волненіямъ“, то, конечно, нужно убирать изъ него не законъ, а г-на начальника, который поставилъ себя къ закону въ столь щекотливыя отношенія. Далѣе, изъ всѣхъ совмѣстительствъ — совмѣстительство роли Робертовъ Оуэновъ съ должностью земскаго начальника является самымъ опаснымъ и ведущимъ къ трагическимъ конфликтамъ... Наконецъ, еще одно, быть можетъ, самое важное заключеніе. „Не будьте отцами!“—таково, если не ошибаюсь, было заглавіе одного изъ маленькихъ писемъ А. С. Суворина, посвященныхъ институту земскихъ начальниковъ. Заглавіе необыкновенно удачное, стоющее иной длинной статьи. Теперь почтенная газета, повидимому, уже забыла эту точку зрѣнія. Но намъ кажется, что имѣть одного только отца — есть неотъемлемое право всякаго человѣка, а крестьянское населеніе должно имъ пользоваться въ той же мѣрѣ, какъ и остальные люди.

1896 г.

Толки печати о приговорѣ по дѣлу г. Жеденева.

Въ Петербургѣ судили извѣстнаго уже нашимъ читателямъ г-на Жеденева, бывшаго земскаго начальника, насаждавшаго въ Красноярскомъ уѣздѣ „филантропію принудительнаго характера“ и вызвавшаго волненія среди „подвѣдомственнаго населенія“. Обстоятельства дѣла также извѣстны: 20 марта 1896 года, г. Жеденевъ явился въ редакцію газ. „Недѣля“ для личныхъ объясненій по поводу замѣтки „Красноярскій бунтъ“, въ которой г-на Жеденева особенно оскорбила, какъ земскаго начальника и какъ дворянина, слѣдующая фраза: „по словамъ крестьянъ, земскій начальникъ уговаривалъ ихъ, напримѣръ, открыть общественную виноторговлю только для пробы, на 1/2 года, но впослѣдствіи они узнали, что приговоръ составленъ на цѣлый годъ, и затѣмъ эта торговля продолжалась, противъ желанія общества, цѣлыхъ 3 года“. Г. Жеденевъ потребовалъ извиненія. Въ редакціи ему отвѣтили совершенно резонно, что такъ эти дѣла не дѣлаются, и что удовлетвореніе задѣтой „чести“ г-на Жеденева можетъ послѣдовать вслѣдъ за опроверженіемъ извѣстія. Вообще, г. Меньшиковъ старался успокоить г-на Жеденева и обѣщалъ сдѣлать все возможное и согласное съ достоинствомъ газеты. Однако, г. Жеденевъ нашелъ, что, „какъ дворянинъ“, онъ не можетъ входить ни въ какія объясненія—и затѣмъ, послѣ нѣсколькихъ угрозъ — ранилъ г-на Меньшикова изъ револьвера почти въ упоръ.

Дѣло, такимъ образомъ, замѣчательно просто. Г-на Жеденева задѣли, какъ земскаго начальника, и большая часть обвиненій, выдвинутыхъ прессой, оказалась справедливой. Одно изъ нихъ г-ну Жеденеву хочется отвергнуть уже не какъ земскому начальнику, а какъ дворянину. Но онъ не желалъ

снизойти до какихъ бы то ни было объясненій, а требуетъ, безъ всякихъ разговоровъ — или извиненія, или готовности умереть отъ его руки. Во что обратится, однако, печатное слово, если признать за каждымъ общественнымъ дѣятелемъ право, прикрываясь сословною честью, требовать у журналиста извиненія,—безъ всякихъ объясненій по существу оглашеннаго поступка! Вердиктомъ присяжныхъ г. Жеденевъ признанъ виновнымъ въ покушеніи на нанесеніе раны, но заслуживающимъ снисхожденія,—и приговоренъ судомъ къ лишенію всѣхъ особенныхъ лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и къ ссылкѣ въ Архангельскую губ. на 1 годъ и 4 мѣс. При этомъ судъ постановилъ ходатайствовать предъ Высочайшею властью о смягченіи участи подсудимаго и о присужденіи Жеденева къ тюремному заключенію на одинъ годъ безъ лишенія правъ

Никто изъ журналистовъ, разумѣется, не станетъ возражать противъ этого, сравнительно мягкаго приговора. Самъ г. Меньшиковъ въ судъ не явился, и все его поведеніе въ этомъ дѣлѣ проникнуто несомнѣнною незлобивостью и прощеніемъ. А затѣмъ,—кому нужны личныя страданія г-на Жеденева? Пусть бы онъ остался и вовсе не наказаннымъ, если это только возможно безъ реабилитаціи его поступка, совершенно непростительнаго по существу и не имѣющаго оправданія ни въ какихъ смягчающихъ обстоятельствахъ. Поведеніе его, какъ земскаго начальника—даже въ собственномъ его, одностороннемъ освѣщеніи — является и незаконнымъ, и неразумнымъ, и глубоко антипатичнымъ. Г-ну Жеденеву угодно было на судѣ назвать себя „прогрессистомъ“... что-жъ, не станемъ спорить о словахъ, но тогда родоначальникомъ россійскаго прогресса придется, пожалуй, признать знаменитаго Аракчеева *).

Затѣмъ, признаемся, лично за г. Жеденева,—намъ пріятнѣе было бы видѣть въ немъ человѣка, который „умѣетъ стрѣлять, умѣетъ и отвѣтъ держать“. Между тѣмъ, будучи привлеченъ къ слѣдствію и суду, онъ объясняетъ свой выстрѣлъ совершенною случайностью, какъ невольный; и при этомъ ссылается

*) „Г. Жеденевъ разсказываетъ на судѣ о своей администрат. дѣятельности и дѣлаетъ характеристику нашего русскаго общества, которая, — говоритъ онъ,—вполнѣ примѣнима и къ крестьянамъ. Тамъ тоже существуютъ три теченія: одно — прогрессивное, второе — желающее оставить все по старому и третье—безразличное. Онъ, Жеденевъ, принадлежалъ къ первому и старался, чтобы и безразличные къ нему присоединились“ („Нов. Время“, 14 іюня). Однако, неправда ли, какъ это просто и какъ много обѣщала бы эта параллель русскому обществу, если бы послѣднее имѣло несчастье очутиться въ положеніи „жеденевскаго земскаго участка“.

на свидѣтелей, которые, впрочемъ, его ссылки отрицаютъ *).

Мы уже говорили о дѣятельности г-на Жеденева на мѣстѣ, и теперь, послѣ того, какъ въ прессѣ она разоблачена до конца**), — мы остаемся при прежнемъ мнѣніи и не находимъ словъ, достаточно суровыхъ для осужденія этой удивительной гордости малоспособнаго человѣка, такъ беззастѣнчиво посягавшаго на волю и человѣческую личность другихъ. Пусть г. Жеденевъ самъ является жертвой. Но онъ жертва не г. Меньшикова, честно исполнявшаго въ данномъ случаѣ свою обязанность и почетно раненаго на своемъ посту. Онъ жертва своей узкой гордыни и увы!—того простора, который былъ предоставленъ его неосновательнымъ и жестокимъ по способу ихъ осуществленія предпріятіямъ!.. „Мы не можемъ, — пишетъ одна изъ газетъ, симпатизирующихъ г-ну Жеденеву,—не усматривать необходимости особаго снисхожденія къ тѣмъ, которые были неосновательно опозорены печатью (?), не могли сдержать оскорбленной души и нарушили требованіе закона, не разрѣшающаго самому судить своего оскорбителя“ ***)... Очень хорошо, но при этомъ намъ невольно приходитъ въ голову одно соображеніе, которое мы позволяемъ себѣ представить вниманію нашихъ собратьевъ, такъ благосклонно относящихся къ г. Жеденеву и такъ сурово къ потерпѣвшему, г-ну Меньшикову. Въ дѣлѣ есть еще третья сторона: крестьяне бывшаго Жеденевскаго участка, тѣ живыя лица, у которыхъ г-нъ Жеденевъ принудительно отнималъ дѣтей для укомплектованія своихъ пріютовъ (въ томъ числѣ, въ одномъ случаѣ, — по свидѣтельству г. Далина, — у родной матери!..). Г. Жеденеву, а за нимъ и его панегиристамъ угодно называть ихъ всѣхъ „кулаками и міроѣдами“. Но вѣдь это, господа, тоже живые люди. Что, если и у нихъ есть чувство чести, что, если и они почувствуютъ себя оскорбленными названіемъ „кулаковъ и міроѣдовъ“, — что, если и они явятся требовать „извиненія“ безъ всякихъ объясненій со своей стороны! Неужели и для нихъ найдутся тѣ же обстоятельства, „смягчающія“ вину

---

*) Присутствіе въ карманѣ своемъ револьвера г. Жеденевъ объясняетъ предупрежденіемъ г-на Анепкова, будто г. Меньшиковъ человѣкъ рѣзкій и грубый. Но изъ показаній капитана Анепкова выяснилось, что онъ наоборотъ рекомендовалъ г-на Меньшикова, какъ человѣка гуманнаго и даже любвеобильнаго (ib.).

**) См. напримѣръ въ „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ“ интересныя статьи г-на Далина, посѣтившаго „Жеденевское царство“.

***) „С.-Петербургскія Вѣдомости“. Сочувственная цитата „Новаго Времени“.

мѣткаго выстрѣла г. Жеденева, въ глазахъ журналистовъ, прощающихъ ошибки г-на Жеденева, угнетавшаго населеніе, и такъ строго осуждающихъ своего собрата, который (допустимъ даже) ошибся въ одномъ пунктѣ, честно защищая это населеніе по всѣмъ остальнымъ.

Впрочемъ, въ этомъ отношеніи можно быть спокойнымъ. *Они*, мнимые „кулаки и міроѣды“, — не обидятся, они извиненій требовать не станутъ. Еще доблестный Ламанчскій рыцарь говорилъ своей племянницѣ: „что касается простолюдиновъ, то о нихъ замѣчу, что, служа главнымъ образомъ для поддержанія человѣческаго рода, они не дѣлаютъ исторіи и мало обращаютъ на себя ея вниманіе“. Конечно, — они „исторіи“ не сдѣлаютъ и въ этомъ случаѣ; за нихъ дѣлаютъ ее и дѣлаютъ довольно эффектно гг. Жеденевы,—*они же* и въ наше время доставляютъ лишь пассивный матеріалъ для всевозможныхъ „прогрессивныхъ“ экспериментовъ... Насъ удивляетъ, однако, та готовность, съ какой часть прессы обрушивается на защищавшаго „простолюдиновъ“ и за это раненаго своего собрата — и выгораживаетъ „симпатичнаго прогрессиста“, проводящаго свои идеи при помощи 61 статьи и опровергающаго газетныя сообщенія — „случайными“, „ненамѣренными“ и „нечаянными“ револьверными выстрѣлами... Къ счастью, такъ думаетъ далеко не вся русская пресса и не все русское общество. Иначе исчезла бы вся мораль этой чрезвычайно поучительной „Жеденевской исторіи“, исторіи „жестокой филантропіи“, „утѣснительнаго прогресса“ и назойливыхъ благодѣяній, приводящихъ къ револьверу и полемикѣ въ пользу „симпатичныхъ“ мнѣній...

Слова министра. Дѣла—губернаторовъ.

Нашъ законъ о печати — одинъ изъ наиболѣе либеральныхъ законовъ Европы...

Газеты могутъ быть закрываемы административными распоряженіями лишь въ городахъ, находящихся въ осадномъ положеніи. *Во всѣхъ остальныхъ мѣстахъ примѣняются обыкновенные законы...*

Даже въ районахъ, объявленныхъ въ осадномъ положеніи, мы закрываемъ лишь тѣ революціонные органы, которые возбуждаютъ народъ къ насиліямъ или позволяютъ себѣ нападки на Особу Государя.

...На меня лично могутъ нападать сколько угодно"... (Изъ бесѣды премьеръ-министра съ иностран. корреспондентомъ Нодо". См. „Новое Время", № 10972).

Эти заявленія, оглашенныя г. Нодо въ европейской печати, воспроизведены затѣмъ въ русскихъ оффиціальныхъ и оффиціозныхъ органахъ. Итакъ, мы должны смотрѣть на нихъ, какъ на признанную программу министерства П. А. Столыпина. Въ этой бесѣдѣ передъ Европой предсталъ если не конституціонный министръ, то, по крайней мѣрѣ, министръ „просвѣщеннаго абсолютизма", признающій хоть тѣ, порой слишкомъ строгіе законы, которые издаетъ само правительство...

Ни мало не соблазняясь любезнымъ разрѣшеніемъ г. Столыпина (нападать на него „сколько угодно"), я не позволю себѣ пускаться съ изысканія относительно его личной искренности и „психологической", такъ сказать, правдивости его заявленій. Мы, русскіе (и особенно провинціальные) журналисты, желали бы, однако, чтобы премьеръ-министру хоть сколько-нибудь повѣрили подчиненные ему гг. губернаторы...

А между тѣмъ они-то именно ни мало не вѣрятъ въ искренность министерской программы и опровергаютъ ее на всѣ лады. Такую, напримѣръ, чрезвычайно при томъ яркую полемическую демонстрацію произвелъ (и продолжаетъ производить) полтавскій губернаторъ г. Князевъ, закрывающій административными распоряженіями газету за газетой и не считающійся ни съ заявленіями своего начальника, ни съ азбукой законности.

Исторія эта до такой степени характерна для всѣхъ ступеней провозглашаемаго премьеръ-министромъ просвѣщеннаго абсолютизма и лояльности, что я позволю себѣ съ нѣкоторой подробностью остановить на ней вниманіе читателя.

14-го іюля текущаго года новый полтавскій губернаторъ г. Князевъ временно пріостановилъ газету „Полтавщина“, закрывъ типографію, въ которой она печаталась. Дней черезъ семь газета начала выходить снова. Вѣроятно, г. губернаторъ желалъ демонстрировать „силу власти надъ силою либеральнѣйшаго закона въ Европѣ“ въ надеждѣ, что газета „образумится“ и подчинится фактически прежнимъ „цензурнымъ порядкамъ“. Редакція, наоборотъ, разсчитывала, повидимому, что г. губернаторъ уразумѣлъ всю вопіющую незаконность и „несогласіе съ видами правительства“ столь явнаго превышенія власти (редакторъ по телеграфу принесъ жалобу министру внутреннихъ дѣлъ... Послѣдствія ея увидимъ ниже).

Надежды обѣихъ сторонъ оказались неосновательными, и 4-го сентября типографія закрыта вновь на все время усиленной охраны. Съ этихъ поръ газета „Полтавщина“ фактически прекращена. Редакція потребовала выдачи копіи съ постановленія объ этомъ закрытіи. Губернаторская канцелярія, надо отдать ей справедливость, долго колебалась выпустить изъ рукъ этотъ краснорѣчивый документъ. Есть вещи, которыя охотно дѣлаются, но въ которыхъ расписываются не такъ охотно. Сомнѣнія и нерѣшительность канцеляріи продолжались ровно мѣсяцъ. Но, наконецъ, 4-го октября копія была выдана, и мы можемъ говорить теперь на основаніи этого истинно замѣчательнаго документа.

Онъ состоитъ изъ двухъ частей: доклада и постановленія. Послѣднее гласитъ буквально:

„Въ виду непрекращающагося колебанія газетой „Полтавщина“ престижа законной власти (sic), систематическаго возбужденія ею общественнаго мнѣнія противъ всѣхъ мѣропріятій правительства и крайне вреднаго вліянія этой газеты на малокультурное крестьянское населеніе, признавая дальнѣйшую дѣятельность этого органа печати недопустимой въ интересахъ огражденія общественнаго порядка и спокойствія, на основаніи п. 3-го ст. 16-й Положенія объ усиленной охранѣ, пред-

оставляющей губернатору право закрытія торговыхъ и промышленныхъ заведеній,—*типографію И. А. Дохмана, въ которой печатается означенная газета явно-революціоннаго направленія, закрыть* на все время дѣйствія въ Полтавѣ Положенія объ усиленной охранѣ, о чемъ дать соотвѣтствующее предписаніе полтавскому полицеймейстеру. Сентября 4-го дня 1906 года. Подлинное за подлежащими подписями...

Яснѣе и опредѣленнѣе расписаться въ вопіющемъ беззаконіи невозможно.

Въ самомъ дѣлѣ: можно ли представить себѣ хотя бы самый исключительный законъ, который предоставлялъ бы *право* карать кого бы то ни было безъ всякой вины?

Очевидно, такого закона представить невозможно. Очевидно, значитъ, и статья 16-я Положенія объ усиленной охранѣ предоставляетъ губернатору закрывать типографію *лишь за вину типографщиковъ*.

Составляетъ ли такую вину печатаніе газеты, законно выходящей въ свѣтъ и не закрытой рѣшеніемъ суда? Очевидно, не составляетъ.

Далѣе: предоставлено ли полтавскому губернатору законное право закрывать газеты въ порядкѣ административныхъ распоряженій?

Положеніе объ усиленной охранѣ такого права г-ну губернатору не даетъ. Даже наоборотъ: ст. 26-я Положенія о мѣрахъ охраны государственнаго спокойствія и общественной безопасности снабжаетъ администрацію этимъ особымъ правомъ лишь при чрезвычайной охранѣ и военномъ положеніи, изъ чего ясно, что полтавскій губернаторъ закрывать газеты по закону не можетъ.

Наконецъ, премьеръ-министръ тоже объявляетъ всенародно, что у насъ газеты закрываются административными распоряженіями, „лишь въ мѣстахъ осаднаго положенія“. Ни осаднаго положенія, ни чрезвычайной охраны въ Полтавѣ нѣтъ.

Изъ всего этого ясно, что полтавскій губернаторъ совершилъ двойное превышеніе власти, воспользовавшись *беззаконнымъ средствомъ* (наказаніе типографіи безъ ея вины) *для беззаконной цѣли* (закрытіе газеты въ порядкѣ административномъ).

Въ правѣ ли мы сказать послѣ этого, что г. Князевъ произвелъ блестящую полемическую демонстрацію въ опроверженіе заявленій премьеръ-министра?

Но этого мало.

Г. Столыпинъ въ той же бесѣдѣ увѣрялъ европейца Нодо, будто у насъ даже явно революціонныя газеты (и даже „въ мѣстахъ осаднаго положенія“) закрываются лишь за призывы къ бунту или за оскорбленіе Величества. При этомъ у

г. Столыпина вырвалось пожеланіе, чтобы „во Франціи и въ другихъ государствахъ отдали себѣ ясный отчетъ, что такое это революціонная литература“, которую приходится „закрывать“ даже при долготерпѣніи просвѣщенной русской администраціи.

Данный эпизодъ можетъ помочь любознательнымъ иностранцамъ исполнить это задушевное пожеланіе премьеръ-министра. Такой ужасный органъ, получившій оффиціальный патентъ явной революціонности,—на-лицо: это—газета „Полтавщина“. Она закрыта даже безъ „осаднаго положенія“, для нея г. полтавскій губернаторъ совершилъ присвоеніе непринадлежащей ему власти и подписалъ цитированное выше изумительное „постановленіе“ (съ которымъ, скажемъ кстати, тоже не мѣшало бы познакомиться любознательнымъ иностранцамъ). Итакъ, мы имѣемъ явно-революціонный органъ, и въ немъ указана квинтъ-эссенція революціонности, которую обозрѣть не составитъ особаго труда.

Газетѣ инкриминируются два нумера (131 и 133) и въ нихъ двѣ замѣтки. Одна—чисто-фактическое, перепечатанное изъ газеты „Новый Путь“ сообщеніе въ хроникѣ о томъ, что „въ Петергофскомъ уѣздѣ поступленіе окладныхъ сборовъ почти совсѣмъ прекратилось. Причиной тому служитъ, какъ полагаютъ, выборгское воззваніе, сильно распространенное въ уѣздѣ. Администрація очень обезпокоена этимъ явленіемъ, для борьбы съ которымъ недавно было созвано совѣщаніе податного инспектора съ волостными старшинами“. Далѣе (вся замѣтка—33 строки) сообщается, что въ Медужской волости земскій начальникъ уговаривалъ крестьянъ поодиночкѣ, но „увѣщанія не подѣйствовали“. Такой отказъ „объясняется не экономическими причинами, а принципіальнымъ сочувствіемъ населенія выборгскому воззванію“.

„И это все?“—спроситъ, вѣроятно, съ изумленіемъ любознательный иностранецъ... Мы вынуждены увѣрить его, что это именно все и что въ этомъ легко убѣдиться между прочимъ и изъ нумера газеты, представленнаго при жалобѣ издателя тому самому г. Столыпину, который велъ бесѣду съ г. Нодо *).

Другой преступный нумеръ „Полтавщины“ содержитъ статью г. Сосновскаго, озаглавленную „Новый вызовъ“. Статья довольно длинна (почти 1½ столбца), и потому приводитъ ее подробно мы не можемъ. Мысль автора исчерпывается общепризнанной (теоретически) истиной, что „потеря въ населе-

*) Можно развѣ прибавить, что въ то время, когда я пишу эти строки, всѣ русскія газеты обходитъ не менѣе революціонное оффиціальное сообщеніе: петербургскій губернаторъ въ циркулярѣ къ земскимъ начальникамъ говоритъ (въ примѣненіи не къ одному уѣзду, а ко всей губерніи) о послѣдовавшихъ *со многихъ случаяхъ успѣшныхъ* попыткахъ склонить населеніе къ неплатежу податей и повинностей...

нія чувства легальности начинается тогда, когда для него суживается и закрывается возможность легальной работы". Такое суженіе авторъ усматриваетъ въ запрещеніи общероссійскаго съѣзда партіи народной свободы. Наиболѣе сильное мѣсто: „мы отмѣчаемъ лишь роковую наклонную плоскость, на которой стоитъ г. Столыпинъ и его правительство, отмѣчаемъ роковую неизбѣжность, съ которой старый строй самъ творитъ себѣ враговъ и, теряя чувство мѣры и дѣйствительности, стремится все большіе и большіе круги населенія убѣдить въ невозможности легальной гражданской работы для всѣхъ, кто мало-мальски иначе смотритъ на міръ, чѣмъ г. Столыпинъ".

П. А. Столыпинъ, какъ мы видѣли, любезно разрѣшаетъ нападать на него сколько угодно. Итакъ, газета закрыта не за эту вполнѣ корректную критику правительства, и въ вышеприведенныхъ цитатахъ любознательные иностранцы приглашаются видѣть или явно-революціонный призывъ къ бунту, или—оскорбленіе Величества.

Исторія имѣетъ продолженіе еще болѣе любопытное, чѣмъ начало. Вмѣсто „незапрещенной" „Полтавщины" стала выходить газета „Черноземъ". Печаталась она въ другой типографіи (содержатель которой испросилъ на то спеціальное разрѣшеніе администраціи!!). Издатели забыли, однако, что, разъ вкусивъ отъ беззаконія, которое осталось неотмѣненнымъ, администрація пойдетъ непремѣнно до крайнихъ предѣловъ произвола. Такъ именно и случилось.

Въ Полтавѣ существуетъ предсѣдатель казенной палаты г. Маклаковъ, который любитъ писать выразительные циркуляры.

Чиновный авторъ, приглашая подчиненныхъ отнюдь не заниматься политикой, самъ ругательски ругалъ депутатовъ, подписавшихъ выборгское воззваніе. „Полтавщина" иронически отмѣтила это противорѣчіе въ фельетонѣ, и многіе въ Полтавѣ полагаютъ, что этотъ фельетонъ, задѣвшій чиновничье самолюбіе, и послужилъ истинной причиной похода на газету, предпринятаго полтавскимъ губернаторомъ. „Черноземъ" вскорѣ пришлось отмѣтить новый циркуляръ, принадлежащій тому же краснорѣчивому перу. Въ немъ подвѣдомые г-ну Маклакову чиновники приглашались доносить „о всѣхъ тѣхъ данныхъ, которыя вызываютъ сомнѣніе (!!) въ добросовѣстномъ и сознательномъ отношеніи къ присягѣ и долгу". „Служащіе,—категорически заканчиваетъ авторъ,—которые навлекутъ на себя малѣйшее подозрѣніе (sic) въ политическомъ отношеніи, мною не будутъ терпимы на службѣ ни одного

дня". И одинъ чиновникъ, навлекшій арестъ, уже уволенъ *).

Газета въ фельетонѣ (21-го сентября) подвергла критикѣ этотъ новый приказъ „незанимающагося политикой" предсѣдателя. Въ тотъ же день нумеръ газеты былъ конфискованъ, и полтавскій цензоръ г. Ахшарумовъ совершенно беззаботно увѣдомилъ объ этомъ редакцію новымъ замѣчательнымъ документомъ (21 сентября, № 385), въ которомъ, ничто же сумняся, указываетъ на замѣтку о г. Маклаковѣ, какъ на причину конфискаціи. Въ замѣткѣ онъ усматриваетъ „издѣвательство надъ распоряженіемъ представителя правительственной власти, являющимся исполненіемъ его служебнаго долга", и даже „намѣреніе (полтавскій цензоръ проникаетъ даже въ намѣренія!) вызвать противъ означеннаго лица вражду населенія".

Судъ не согласился съ цензоромъ, и черезъ четыре дня запрещеніе съ конфискованнаго нумера было уже снято. Но, разумѣется, полтавская администрація и не разсчитывала, что судъ утвердитъ конфискацію. Эта конфискація была лишь сигналомъ для типографіи и угрозой новаго закрытія. Судъ снялъ запрещеніе, но фактически вторая независимая газета въ Полтавѣ запрещена „административнымъ распоряженіемъ" по типографіи.

Изъ сопоставленія этого дѣйствія полтавской администраціи со словами премьеръ-министра любознательные иностранцы должны сдѣлать заключеніе, что полтавскій чиновникъ казенной палаты нынѣ облеченъ прерогативами верховной власти, и непочтительный отзывъ объ его циркулярѣ равняется оскорбленію Величества!

Наконецъ, послѣдній актъ этой трагикомедіи лишь на-днях оглашенъ въ газетахъ. „Полтавщина" и „Черноземъ" сложили оружіе. На ихъ мѣсто компанія, не имѣющая ничего общаго съ прежней редакціей, выдвинула новый органъ. До какой степени скромно выступала эта новая газета, видно хотя бы изъ того факта, что редакція обязалась (письменно) передъ всемогущимъ цензоромъ перепечатывать извѣстія только изъ трехъ газетъ: „Новаго Времени", „Кіевлянина" и „Россіи". Милостивое разрѣшеніе на выпускъ газеты (разрѣшенной впрочемъ уже ранѣе) сначала было дано, по городу

*) Этимъ арестомъ и былъ вызванъ новый приказъ. Нужно отдать справедливость г. Маклакову: его поступки нѣсколько лучше приказовъ, и неосновательно арестованный чиновникъ вновь принятъ на службу. Изъ чего еще яснѣе—неосновательность приказа, исходящаго изъ положенія, что безпричинныхъ „подозрѣній" и даже арестовъ не бываетъ.

расклеены объявленія. Но наканунѣ предполагаемаго выхода перваго нумера цензоръ (онъ же и старшій совѣтникъ губернскаго правленія) явился къ типографу и сообщилъ просто и непринужденно, что онъ (или кто-то другой) раздумалъ и газету, неповинную ни въ бунтѣ, ни въ оскорбленіи Величества, какъ неповиненъ въ томъ всякій еще не родившійся младенецъ, выпускать не дозволяетъ... Это сдѣлано даже въ отсутствіе губернатора...

Дальше, разумѣется, идти въ осуществленіи „либеральнѣйшаго закона въ Европѣ“ уже некуда. Еще недавно, до манифеста 17-го октября, для закрытія газеты нужно было безпокоить четырехъ министровъ. Теперь для этого простому чиновнику губернаторской канцеляріи стоитъ прогулкой зайти въ типографію и сказать: такую-то газету не печатать!..

Прогрессъ новѣйшей законности очевиденъ...

Мнѣ могутъ, конечно, сказать, что все это—явное злоупотребленіе мѣстной администраціи, неспособной войти въ просвѣщенные виды П. А. Столыпина и компрометтирующей его программу, быть можетъ, безъ его вѣдома. Жаловаться надо не статьями въ газетахъ, а оффиціально министру.

Это и было сдѣлано. Когда газета „Полтавщина“ была закрыта въ первый разъ (14-го іюля), редакторъ телеграфировалъ объ этомъ беззаконіи министру внутреннихъ дѣлъ, прося немедленной отмѣны произвольнаго распоряженія. На это послѣдовалъ отвѣтъ: жалоба оставлена безъ послѣдствій. Вице-губернаторъ г. Катериничъ увидѣлъ въ этомъ поводъ для маленькаго торжества, и г. Ярошевичъ, редакторъ „Полтавщины“, получилъ изъ губернаторской канцеляріи извѣщеніе объ этомъ отказѣ, начинавшееся словами: „Объявить *нѣкоему* Д. О. Ярошевичу“... Итакъ, законная жалоба привела къ отказу со стороны власти мѣстной...

Теперь я дошелъ до конца, и мнѣ остается извиниться передъ читателями, вниманіе которыхъ я занималъ такъ долго изложеніемъ одной изъ мѣстныхъ исторій, какихъ, безъ сомнѣнія, на Руси много. Но именно поэтому мнѣ кажется, что въ этой мѣстной исторіи сказываются очень ярко существенные общіе мотивы.

Повторяю: я совсѣмъ не ставилъ и не ставлю вопроса о личной правдивости или неискренности г. Столыпина, до которой въ сущности ни мнѣ, ни читателямъ нѣтъ никакого дѣла. Я не желаю также выставлять исключительнымъ чудовищемъ произвола и полтавскаго губернатора, который на дѣлѣ опровергаетъ заявленія г. Столыпина, ссылаясь на его циркуляры. Наоборотъ, я долженъ сказать, что при переходѣ

его изъ Екатеринослава ему предшествовали самые пріятные для обывателя слухи: о немъ говорили, какъ о человѣкѣ въ сущности добродушномъ и незложелательномъ.

И если всетаки г. Столыпинъ, въ качествѣ главы правительства, увѣряетъ Европу въ томъ, что у насъ въ отношеніи печати дѣйствуютъ какіе-то либеральные законы, а г. Князевъ въ качествѣ губернатора „административно“ истребляетъ газеты, разоряетъ ихъ владѣльцевъ и швыряетъ на улицу десятки работниковъ съ ихъ семьями, ссылаясь на того же г. Столыпина, то, полагаю, мы въ правѣ сказать, что во всей *системѣ* такихъ программныхъ заявленій для Европы и такихъ „домашнихъ“ распоряженій обнаруживается все что угодно, но только не „правдивость“ и не уваженіе къ законности.

1906 г.

Артуръ Ивановичъ Черепъ-Спиридовичъ.

(Справка изъ журнальнаго архива).

Въ нашемъ журнальномъ архивѣ есть нѣсколько газетныхъ „фрагментовъ“, рисующихъ эту своеобразную фигуру, съ такой ошеломляющей внезапностью выскочившую на поверхность кратковременной, но за то всероссійской и даже всеевропейской извѣстности. Конечно, это только отрывки. И, если бы мы могли предвидѣть, что этому „отставному подполковнику“ суждена такая громкая извѣстность и что ему дано будетъ въ теченіи трехъ дней вѣщать московскому народу со всѣхъ фонарныхъ столбовъ и со всѣхъ свободныхъ мѣстъ на стѣнахъ и заборахъ бѣлокаменной, — то, конечно, мы бы своевременно озаботились большей полнотой этихъ справокъ. Думаемъ, однако, что и нижеслѣдующаго для отставного полковника Артура Ивановича Черепъ-Спиридовича совершенно достаточно...

Самое, такъ сказать, древнее извѣстіе, какимъ мы располагаемъ объ его общественной дѣятельности, — относится къ 1902 году. Это — выдержка изъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ *). Изъ нея мы узнаемъ, во-первыхъ, что г. Черепъ-Спиридовичъ — предсѣдатель Славянскаго общества, въ коемъ слыветъ „вторымъ Аксаковымъ“,—а во-вторыхъ, что далеко не всѣ члены общества своимъ „Аксаковымъ“ довольны. „Группа членовъ Славянскаго общества, — пишетъ авторъ цитируемой замѣтки, — просила меня указать въ печати на *излишне-суетливую* дѣятельность предсѣдателя, занимающаго своею личностью слишкомъ много мѣста, какъ въ отчетахъ общества, такъ и на его собраніяхъ“. Дѣйствительно, продолжаетъ авторъ, „въ газетахъ то и дѣло появлялись замѣтки,

*) Отъ 26 авг. 1902 г.

въ которыхъ воспѣвались неутомимость и энергія предсѣдателя общества. Большая часть этихъ замѣтокъ совершенно не согласовалась съ истиной, что, въ концѣ концовъ, повело за собой протестъ совѣта общества“ (!).

Правда, „протестъ совѣта общества“ рисуется тоже чертами довольно своеобразными: „воспользовавшись отсутствіемъ г-на Черепъ-Спиридовича (вотъ какіе храбрые люди!), часть членовъ совѣта обратилась съ сообщеніемъ въ газеты, въ которомъ они разоблачили „всю смѣхотворную хлопотливость г-на Черепъ-Спиридовича въ качествѣ предсѣдателя общества“ и просили не вѣрить никакимъ сообщеніямъ, не скрѣпленнымъ подписью секретаря.

Къ величайшему сожалѣнію, въ нашемъ архивѣ нѣтъ этого замѣчательнаго документа, но намъ извѣстно изъ той же замѣтки, что это не единственный случай, когда часть членовъ совѣта пыталась жаловаться на своего предсѣдателя. Авторъ увѣряетъ, что и его лично просили „разоблачить излишнюю суетливость“ Артура Ивановича, но, когда онъ исполнилъ просьбу, то... *тѣ же лица* составили опроверженіе (такъ какъ, вѣроятно, къ тому времени предсѣдатель уже вернулся). Вообще отъ Аксакова до Черепъ-Спиридовича эволюція Славянскаго общества очень значительная, и дѣятельность его въ этотъ періодъ напоминаетъ что-то вродѣ шумнаго фарса, происходящаго передъ изумленной публикой, но за спущенной занавѣской. Порой господа „члены совѣта“ выскакиваютъ къ рампѣ, горько жалуются на „смѣхотворную хлопотливость“ предсѣдателя, просятъ помочь имъ поднять занавѣсъ. Но когда кто-нибудь пытается исполнить ихъ просьбу и поднять хоть уголъ занавѣски, то „тѣ же лица“ кидаются по мѣстамъ, какъ школьники, и вмѣсто обличеній подносятъ „суетливому“ предсѣдателю благодарности и восхваленія. Одинъ разъ къ рампѣ выскочило цѣлое тріо. Г. Черепъ-Спиридовичъ обвинилъ своего противника секретаря Филиппова въ растратѣ 200 рублей, которые онъ долженъ былъ переслать г-ну Корженевскому, „командированному въ Прагу на торжество въ честь Іоанна Гусса“. Г-нъ Филипповъ перенесъ это обвиненіе на приверженца г-на Черепъ-Спиридовича, Эверсбаха. Тотъ возвратилъ его г-ну Филиппову. Дѣло поступило къ судьѣ, но было отложено „для вызова свидѣтелей“. Мы не знаемъ, кончилось ли оно, или всѣ трое опять скрылись за занавѣску, такъ какъ въ нашемъ распоряженіи есть лишь небольшая газетная замѣтка по этому предмету, съ недоумѣвающимъ заглавіемъ „Кто растратилъ?“ *).

*) „Южное Обозр.“, 22 февр. 1904 г., № 2417.

Газеты націоналистскаго лагеря очень мало способствовали разъясненію смѣхотворной кутерьмы, происходившей на аренѣ Славянскаго общества, превращеннаго подъ руководствомъ А. И. Черепъ-Спиридовича въ настоящій скоморошескій балаганъ. „Новое Время“ и „Спб. Вѣдомости“ то осуждали г-на Черепъ-Спиридовича, то брали его подъ свою защиту. Такъ, г. А. Ст—нъ въ „С.-Петерб. Вѣдомостяхъ“ сначала высмѣялъ хлопотливаго предсѣдателя, а затѣмъ далъ ему милостивую индульгенцію и объявилъ, что „весь походъ приводитъ къ повороту симпатій въ сторону предсѣдателя“ *).

Въ виду этого „разнорѣчія въ показаніяхъ“ мы вынуждены обратиться къ источникамъ болѣе прямымъ. Въ нашемъ распоряженіи есть еще выдержки изъ оффиціальнаго отчета Славянскаго общества за 1902 годъ, приводимыя въ тѣхъ же „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“, гдѣ работалъ тогда и снисходительный г-нъ А. Ст—нъ **). Правда, авторъ замѣтки очень нелестно характеризуетъ этотъ отчетъ, въ которомъ, по его словамъ, „безбожно искажалась истина въ сторону восхваленія дѣятельности предсѣдателя“, но... это значитъ, что и мы, если рискуемъ ошибиться, то также въ сторону восхваленія. А этого мы, въ видахъ безпристрастія, избѣгать не станемъ.

Отчетъ этотъ состоитъ изъ 157 страницъ, и въ немъ „имя г-на Черепъ-Спиридовича упомянуто 127 разъ съ какимъ-то благоговѣйнымъ трепетомъ“ ***)... „Господинъ предсѣдатель изволилъ (!) выяснить значеніе кружковъ“... „Совѣтъ, выслушавъ горячія рѣчи предсѣдателя“... „Рѣчь нашего уважаемаго предсѣдателя была прерываема горячими аплодисментами“... „Дѣятельность Славянскаго общества стала цѣлесообразной и плодотворной съ тѣхъ поръ, какъ во главѣ его сталъ убѣжденный славянолюбъ, образованный, молодой (здѣсь авторъ цитируемой нами замѣтки ставитъ знакъ вопроса. Очевидно, вопросъ о „молодости“ почтеннаго подполковника въ отставкѣ долженъ считаться спорнымъ), полный кипучей энергіи А. И. Черепъ-Спиридовичъ. Что симпатичнѣе всего въ духѣ его дѣятельности, это — твердое, непоколебимое никакими инсинуаціями, раздуваемыми заграничною печатью (вѣроятно, англо-японская интрига?), стремленье — примирить братьевъ 130-милліонной семьи. Онъ одинаково безпристрастно стремится примирить болгаръ съ сербами, поляковъ съ русскими, чеховъ съ поляками, сербовъ съ хорватами“... Съ

*) „Спб. Вѣд.“, 24 окт. 1903 г.
**) „Спб. Вѣд.“, 2 сент. 1903 г., № 239.
***) По счету автора замѣтки въ „Русск. Вѣдомостяхъ“ даже 150 разъ!

этой грандіозной цѣлью, какъ гласитъ намъ отчетъ, почтенный предсѣдатель, во-первыхъ, „замалчиваетъ наружно (sic) всѣ печальныя столкновенія между славянами“ и, во-вторыхъ, „зорко слѣдитъ за малѣйшимъ проявленіемъ симпатій къ одному (?!) изъ славянъ“, стараясь тотчасъ же наградить такой порывъ орденомъ или дипломомъ. „Такъ, напримѣръ, избранъ былъ Лубэ почетнымъ членомъ въ Парижѣ (стр. 59—60 отчета)“.

Разумѣется, столь блестящая дѣятельность на пользу „130-милліонной (?) семьи“ не могла не вызвать черной зависти и нападокъ, но по этому поводу на стр. 83 отчета приводятся слѣдующія основательныя соображенія: „Если на солнцѣ нѣтъ пятенъ (къ сожалѣнію, есть), то смотрящіе на него умышленно коптятъ стекло, чтобы не ослѣпнуть: такъ и толпа не можетъ выносить величіе носителей идеи, не обрызгавъ ихъ грязью зависти и насмѣшекъ, чтобы не придти въ отчаяніе отъ сознанія собственнаго ничтожества“.

Прошу читателей повѣрить, что я ничего не прибавляю отъ себя, а только добросовѣстно привожу выдержки изъ отчета, помѣщенныя съ соотвѣтствующими ссылками въ газетахъ *). Все это такъ и напечатано въ дѣловыхъ отчетахъ Славянскаго общества, того самаго, которое оглашалось когда-то рѣчами Аксаковыхъ и въ которомъ теперь гремятъ Черепъ-Спиридовичи. Что касается до объективныхъ проявленій дѣятельности самого общества и до тѣхъ могучихъ средствъ, которыми эти результаты достигаются, то по этому предмету мы располагаемъ слѣдующими данными: во-первыхъ, г. Черепъ-Спиридовичъ сдѣлалъ выговоръ хорватамъ за избіеніе сербовъ (стр. 93 отчета); во-вторыхъ, одобрилъ адмирала Тыртова за требованіе по морскому вѣдомству, чтобы корабли снабжались исключительно русскими предметами (95). Въ-третьихъ, въ отчетѣ описаны устроенныя г. Черепъ-Спиридовичемъ торжества по поводу 25-лѣтія освободительной войны. При этомъ, согласно отчету, „пѣлись кантаты, совершались шествія по московскимъ улицамъ съ хоругвями и вѣнками, среди шпалеръ учащихся, въ присутствіи духовенства, властей, депутацій, заграничныхъ гостей, съ рѣчами г. гор. головы кн. Голицына, генерала Богдановича и самого г. Черепъ-Спиридовича“ (36 — 39). Самая замѣчательная черта этого въ высшей степени поэтическаго описанія состоитъ въ томъ, что... *описаннаго событія совершенно не*

*) Кромѣ указанныхъ уже источниковъ, см. также „Русскія Вѣдомости“ 7 янв. 1904 г., № 7.

было въ дѣйствительности, такъ какъ самое празднованіе не было разрѣшено администраціей!

Однако, торжествомъ и даже, такъ сказать, апогеемъ вліянія Славянскаго общества на ходъ историческихъ событій слѣдуетъ считать сношенія г-на Черепъ-Спиридовича съ папскимъ правительствомъ вообще и въ частности его переписку съ кардиналомъ Рамполлой. Происхожденіе этого дипломатическаго конфликта относится къ тому времени, когда, въ виду непріятностей съ французской республикой, папское правительство предположило передать покровительство надъ восточными католиками императору Вильгельму. Г. Черепъ-Спиридовичъ возсталъ всѣми силами души противъ этого намѣренія и тотчасъ же написалъ кардиналу Рамполла письмо, въ которомъ „яко-бы отъ группы католиковъ предостерегалъ святой престолъ отъ столь гибельнаго шага, угрожая въ противномъ случаѣ *перейти... въ православіе*“!.. Кардиналъ Рамполла, повидимому, человѣкъ, любящій хорошую шутку или сочную глупость, и потому, рискуя даже потерять цѣлое стадо овечекъ изъ Славянскаго общества, — не воздержался отъ искушенія передать дипломатическую ноту Артура Ивановича въ газеты. И нота пошла гулять по Европѣ, всюду вызывая самый веселый хохотъ. Дѣло въ томъ, что свое обращеніе къ святому престолу г. Черепъ-Спиридовичъ послалъ *на оффиціальномъ бланкѣ Славянскаго общества*, и такимъ образомъ московское (!) Славянское общество предстало передъ Европой въ качествѣ „группы католиковъ, готовой не сегодня, такъ завтра измѣнить вѣрѣ своихъ отцовъ и перейти въ православіе въ зависимости отъ того или иного шага кардинала Рамполлы“ *)... Положительно есть еще веселые мотивы и въ нашей хмурой русской жизни!..

Въ замѣткѣ „Русскихъ Вѣдомостей“ приводятся нѣкоторыя данныя о бюджетѣ Славянскаго общества за отчетный годъ и объ его расходахъ. Бюджетъ этотъ, съ которымъ г-ну Черепу-Спиридовичу приходится выполнять грандіозныя задачи примиренія 130-милліонной семьи, достигаетъ 11 тысячъ рублей. Изъ нихъ 1.487 рублей было издержано на выдачу пособій нуждающимся славянамъ, да послано въ славянскія страны съ благотворительными цѣлями 1.500 рублей. Итого 2.987 р. „Куда же пошли остальныя деньги?“ — спрашиваетъ авторъ замѣтки въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“. Оказывается, что самую крупную статью расходовъ (4.350 рублей) составило изготовленіе футляровъ и дипломовъ почетнымъ членамъ. Эти

*) „Спб. Вѣдомости“, 26 авг. 1903 г., № 232.

футляры и дипломы были поднесены сербскому королю (Александру) и болгарскому князю, въ результатѣ чего явились многочисленные ордена, которыми были осчастливлены гг. члены совѣта общества. Такъ, „согласно представленію предсѣдателя общества“, кн. Фердинандъ пожаловалъ болгарскіе ордена за гражданскія заслуги со звѣздой: почетнымъ членамъ общества д. ст. сов. В. А. Грингмуту и предсѣдателю А. И. Черепъ-Спиридовичу, а ордена другихъ степеней — гг. Спасокукоцкому, Баеву, Голофтѣеву и др.,—всего 17 орденовъ...

На этомъ мы можемъ покончить съ г. Черепъ-Спиридовичемъ, какъ предсѣдателемъ Славянскаго общества... Избавится ли когда-нибудь это общество отъ клейма балаганнаго скоморошества и позора, которое наложено на него смѣхотворною суетливостью отставного подполковника, — этотъ вопросъ мало интересуетъ и насъ, да, вѣроятно, и самого Артура Ивановича, который, повидимому, имѣлъ очень большія основанія оставить Москву и перенести свою славную дѣятельность за рубежъ дорогого отечества...

Мы не знаемъ, какое вліяніе оказалъ на этотъ переѣздъ небольшой фактъ, недавно оглашенный „Русскимъ Словомъ“, но самъ по себѣ фактъ всетаки интересенъ и характеренъ для того шарлатанствующаго „патріотизма“, который объединяетъ на почвѣ общаго „кавалерства“ знаменитыхъ россійскихъ патріотовъ—Артура Ивановича Черепъ-Спиридовича и В. А. Грингмута (Карла-Амалію, какъ почему-то называютъ его газеты). Въ Москвѣ скоропостижно скончалась купчиха Л. В. Соловьева, смерть которой въ свое время „надѣлала шума въ Москвѣ“. Она была очень богата и по духовному завѣщанію распредѣлила свое состояніе слѣдующимъ образомъ: 20.000 рублей на похороны и поминовеніе души, по 5.000 рублей родственникамъ, 60.000 на благотворительныя учрежденія и 200.000 на сооруженіе храма. Оказалось, однако, что послѣ ея смерти дома денегъ почти не найдено, а вмѣсто нихъ найдены три интересныхъ документа, подписанныхъ „предсѣдателемъ Славянскаго общества, сербскимъ консуломъ и извѣстнымъ дѣятелемъ „Латинскаго агентства“, изъ коихъ видно, что этотъ патріотъ въ разное время взялъ у купчихи всѣ цѣнныя бумаги на сумму свыше полумилліона рублей, замѣнивъ ихъ довольно двусмысленными расписками... „Возвращено ли что-нибудь г. Черепъ-Спиридовичемъ изъ взятаго у г-жи Л. В. Соловьевой всего ея состоянія? Имѣется ли какая-нибудь возможность привести въ исполненіе добрыя дѣла, на которыя предназначала свои деньги покойная?“ —

спрашиваетъ авторъ замѣтки и пока оставляетъ эти вопросы безъ отвѣта *). Быть можетъ, кто-нибудь попроситъ отвѣтить на нихъ самого г-на Черепъ-Спиридовича, такъ какъ, надо думать, въ этомъ вопросѣ онъ обладаетъ свѣдѣніями болѣе точными, чѣмъ о таинственныхъ англо-японскихъ милліонахъ.

А пока — газеты сообщаютъ слѣдующія свѣдѣнія о новой дѣятельности г. Черепъ-Спиридовича уже за рубежомъ, въ „Латинскомъ агентствѣ“. По свѣдѣніямъ, собраннымъ французскими газетами, агентство это помѣщается въ Парижѣ, на улицѣ Дюфо, въ д. № 16, пользуясь помѣщеніемъ кельто-славянской лиги. Во главѣ его стоитъ г. Спиридовичъ. Онъ выдаетъ себя за князя, именуетъ себя „prince Spiridovich“, не имѣя никакого права на этотъ титулъ. Въ составъ агентства входятъ: де-Борегаръ,—комми-вояжеръ одной французской фирмы винъ; г. Буэ—французскій журналистъ, сотрудникъ неизвѣстно какой газеты, и, наконецъ, Ракени—корреспондентъ итальянской газеты. Съ Борегаромъ г. Спиридовичъ встрѣтился въ Москвѣ. Онъ „плѣнился дешевымъ виномъ Борегара, а Борегаръ соблазнился дешевой политикой Спиридовича“. Они и рѣшили открыть въ Парижѣ свое агентство. „Явившись въ Парижъ, г. Спиридовичъ выдалъ себя за частнаго агента министра фонъ-Плеве (!) и заявилъ, что основываетъ лигу по совѣту послѣдняго и при поддержкѣ многихъ русскихъ сановниковъ. Русскую публику онъ старался одурачить увѣреніями, что его лига пользуется огромнымъ вліяніемъ во Франціи и къ ея составу принадлежатъ выдающіеся дѣятели (Борегаръ!). А парижанамъ импонировалъ званіемъ предсѣдателя Славянскаго общества и выдавалъ себя за представителя могущественной организаціи, существующей въ Россіи. На различныхъ банкетахъ въ Парижѣ онъ появлялся одѣтымъ въ какую-то полувоенную форму съ массою серебряныхъ звѣздъ на груди. Онъ блестѣлъ этими звѣздами, какъ хорошо убранная елка“ **).

Французскія газеты раскопали и самую исторію сенсаціонной телеграммы, сдѣлавшей имя г. Спиридовича европейски-извѣстнымъ. „Послѣднія событія въ Петербургѣ показались г. Спиридовичу блестящимъ моментомъ для того, чтобы выдвинуться. На конференціи трехъ представителей агентства было рѣшено, что наиболѣе сенсаціонной исторіей, которая будетъ благопріятно принята извѣстными кругами въ Россіи, явится сообщеніе объ организаціи безпорядковъ на японское

*) Цит. изъ „Руси“, 5 февр. 1905 г., № 29.
**) Цит. изъ „Нижегор. Листка“, № 26—27 января.

и англійское золото. Буэ составилъ телеграмму. Она была сначала послана въ Лондонъ. Оттуда попала опять въ агентство, и уже Черепъ-Спиридовичъ отправилъ ее въ Россію". Интересно, что, по увѣренію англійскихъ газетъ, депеша эта сначала не была пропущена у насъ цензурой. „И, однако, это не помѣшало телеграммѣ оказаться расклеенной въ нѣкоторыхъ городахъ", такъ какъ она, очевидно, выдержала цензуру мѣстныхъ администрацій.

Полагаемъ, этихъ краткихъ справокъ изъ журнальнаго архива совершенно достаточно. Теперь читатель видитъ, кто такой Артуръ Ивановичъ Черепъ-Спиридовичъ, предсѣдатель Славянскаго общества, сербскій консулъ, создатель Латинскаго агентства и авторъ англо-японскихъ милліоновъ, „открывающій глаза русскому народу"!

1905 г.

Любители пыточной археологіи.

Въ заграничныхъ газетахъ появились статьи, въ которыхъ сообщалось о жестокихъ пыткахъ, которымъ русскія власти „конституціоннаго періода“ подвергаютъ заключенныхъ, чтобы вынудить у нихъ сознаніе. Одна изъ такихъ статей была напечатана въ солидномъ англійскомъ „Таймсѣ“ и подписана именемъ М. Горькаго. Въ ней разсказывается о пыткахъ, которымъ, по упорнымъ слухамъ, подвергали недавно умершаго въ тюрьмѣ фабриканта Шмидта. Въ бельгійской газетѣ „Le Peuple“ Камиллъ Гюисманъ описываетъ ужасающія истязанія, которымъ карательные отряды въ Прибалтійскомъ краѣ подвергаютъ, по его словамъ, захваченныхъ и заподозрѣнныхъ „въ революціи“. Русскія газеты, съ своей стороны, выступили съ такими же разоблаченіями. Особенно повезло при этомъ гор. Ригѣ, въ которомъ, по словамъ газетъ, оказался даже настоящій застѣнокъ, съ орудіями пытки разныхъ образцовъ и временъ, начиная съ средневѣковыхъ и кончая новѣйшими резинами и проволочными жгутами.

Выходитъ, такимъ образомъ, что въ Россіи, на зарѣ конституціоннаго періода ея жизни, — возобновлены варварскіе обычаи средневѣковой инквизиціи и нашихъ родныхъ застѣнковъ съ ихъ „разспросами“ и „пристрастіемъ“. Правительство, нерѣдко оказывающее просвѣщенное вниманіе обличеніямъ, которыя появляются въ заграничной печати, и на сей разъ выступило со своимъ разслѣдованіемъ и „опроверженіемъ“.

„Въ виду появившихся въ русскихъ и иностранныхъ газетахъ извѣстій, — гласитъ этотъ интересный оффиціальный документъ,—о будто производимыхъ въ Ригѣ истязаніяхъ чинами охраннаго отдѣленія политическихъ арестованныхъ, министерство внутреннихъ дѣлъ своевременно дѣлало указанія мѣстнымъ властямъ, затѣмъ министръ командировалъ въ Ригу директора департамента полиціи для провѣрки. Разслѣдованіе Трусевича установило, что разоблаченія газетъ могли касаться только сыскной полиціи, а не мѣстнаго охран-

наго отдѣленія, и что происходили обвиненія объ истязаніяхъ не отъ политическихъ, а отъ уголовныхъ преступниковъ, содержавшихся въ сыскной полиціи. Указывавшаяся корреспондентами коллекція орудій пытокъ оказалась просто музеемъ вещественныхъ доказательствъ (?). Въ то же время директоръ департамента полиціи отмѣтилъ случаи жестокаго обращенія съ тяжкими преступниками, что выражалось въ побояхъ, впрочемъ безъ тяжкихъ послѣдствій. Озлобленіе сыскной полиціи противъ злоумышленниковъ легко (?) объясняется многочисленными убійствами и пораненіями въ Ригѣ представителей полицейской власти. Для окончательнаго изслѣдованія событій въ рижской сыскной полиціи министръ велѣлъ возбудить слѣдствіе въ порядкѣ 1086 и слѣдующихъ статей устава уголовнаго“ *).

Очевидно, общество можетъ совершенно успокоиться: во-первыхъ, истязала не охрана, а только сыскная полиція. Во-вторыхъ, операціи послѣдней касались не политическихъ, а только уголовныхъ заключенныхъ; въ-третьихъ, истязали не очень тяжко (тяжки были только преступленія потерпѣвшихъ) и, наконецъ, все это *легко* (!) объясняется озлобленіемъ полиціи по поводу убійствъ и пораненій полицейскихъ. Что же касается до застѣнка, въ которомъ собраны орудія истязаній,—то это вовсе не застѣнокъ, а просто „музей вещественныхъ доказательствъ“, который свидѣтельствуетъ, очевидно, о большой культурности рижской полиціи, интересующейся предметами археологіи по своей спеціальности.

Интересуясь, съ своей стороны, предметами изъ этой области и обладая по этому вопросу нѣкоторымъ матеріаломъ, который надѣюсь представить впослѣдствіи вниманію читателей, я позволю себѣ пока добавить къ правительственному опроверженію, что русскія и иностранныя газеты, сдѣлавшія эти сенсаціонныя яко-бы открытія,—не совсѣмъ правы. Явленіе это не ново, возникло оно совсѣмъ не въ періодъ россійской конституціи и имѣетъ за собой длинную никогда не прерывавшуюся традицію. Истина состоитъ въ томъ, что пытки въ Россіи *никогда и не прекращались*, что онѣ составляютъ „обычное право“ россійскихъ (даже столичныхъ) участковъ и что въ періодъ россійской конституціи онѣ только распустились, какъ и многое другое, пышнымъ цвѣтомъ.

Задача настоящей замѣтки—дать маленькую историческую справку собственно о нѣкоторыхъ „музеяхъ вещественныхъ доказательствъ“. Такихъ музеевъ было (да, вѣроятно, и оста-

*) „Р. Вѣд.“, 25 февр. 1907 г., № 45.

лось) не мало въ разныхъ мѣстахъ нашего обширнаго отечества. Прежде учрежденія эти находились при каждомъ воеводствѣ и магистратѣ. Потомъ ихъ держали только при губернскихъ канцеляріяхъ, такъ какъ указы Петра III и Екатерины II повелѣвали въ провинціальныхъ (т. е. уѣздныхъ) городахъ отнюдь не пытать. Съ уничтоженіемъ въ 1801 году пытки, „позоръ и укоризну человѣчеству наносящей“,—всѣ эти „музеи“ были повсемѣстно закрыты, а орудія пытокъ повелѣно предать сожженію. Оказалось, однако, что вандализмъ центральнаго правительства встрѣтилъ сопротивленіе въ средѣ просвѣщенныхъ провинціальныхъ любителей пыточной археологіи, и „музеи вещественныхъ доказательствъ“ остались для поученія будущимъ поколѣніямъ, а порой и кое для чего другого. „Должно быть,—читаемъ мы, напримѣръ, въ „Русской Старинѣ“ (апр. 1887 г.),—не легко было разставаться съ подобными „орудіями“, и они употреблялись долго спустя послѣ формальнаго упраздненія“. Такъ, 6 февраля 1827 года правительствующему сенату данъ былъ указъ, изъ котораго явствуетъ, что нѣкто служилый сотникъ войска Донского Григорій Левицкій заковалъ малороссіянина Климова въ неподвижную колодку. „Каковой способъ держанія людей“ указъ справедливо признавалъ за родъ пытки, „отъ коей Климовъ и умеръ“. Указъ строжайше повелѣваетъ подобныя орудія, очевидно оставшіяся отъ прежнихъ временъ, „истребить повсемѣстно“, а къ пыткамъ отнюдь не прибѣгать, подъ страхомъ тяжкой отвѣтственности виновныхъ. Однако, и послѣ того даже въ то безгласное время выходили наружу и становились извѣстны факты, говорившіе очень краснорѣчиво, что указы оставались въ области пожеланій. Такъ, въ 1847 году пытка вновь была примѣнена по поводу поджоговъ и волненій въ Москвѣ. Въ томъ же году въ Костромѣ, тоже по поводу поджоговъ, которые молва приписывала полякамъ, губернаторъ, ничто же сумняся, арестовалъ всѣхъ проживавшихъ въ городѣ поляковъ и, „взведя слѣпо вину на безвинныхъ“, какъ говорилось въ новомъ указѣ, — подвергъ ихъ допросамъ съ жестокими истязаніями, за что д. ст. сов. Григорьевъ, по повелѣнію императора Николая I, преданъ суду при петерб. ордонансъ-гаузѣ *).

Однако, и эти мѣры все же не помогали, и нѣкій „музей вещественныхъ доказательствъ“ вдругъ обнаружился близъ самой столицы. Въ томъ же 1847 году ямбургскій (Петерб. губ.) уѣздный судъ „по нѣкоему, производившемуся въ немъ част-

*) „Р. Стар.“, 1879, XXVI, стр. 341 -343.

ному дѣлу“ потребовалъ оффиціальной бумагой колодку, употреблявшуюся, какъ орудіе пытки, при Молосковицкомъ приходѣ (Петерб. губерніи, Ямбургскаго уѣзда, въ 30 верстахъ отъ гор. Ямбурга). Оказалось, что на сей разъ эта принадлежность „музея вещественныхъ доказательствъ“ была во владѣніи мѣстнаго пастора, простодушно употреблявшаго ее для исправленія заблудшихъ овецъ его паствы. Пасторъ считалъ колодку до такой степени несомнѣннымъ аттрибутомъ своей духовной власти, что прежде, чѣмъ отослать ее суду, обратился оффиціально къ своему начальству,—петербургской лютеранской консисторіи. Послѣдняя не увидѣла препятствій къ исполненію требованія уѣзднаго суда, но, соглашаясь отдать колодку во временное его пользованіе,—простодушно прибавила требованіе: „возвратить сіе орудіе мѣстному пастору по минованіи въ немъ надобности“. Случай этотъ сталъ извѣстенъ министру внутреннихъ дѣлъ Л. А. Перовскому, который былъ такъ заинтересованъ, что затребовалъ отъ консисторіи болѣе подробныхъ свѣдѣній. Оказалось по справкѣ, что „до 1833 года въ лютеранскихъ церквахъ употреблялось сіе орудіе по распоряженію пасторовъ и церковныхъ старостъ для наказанія крестьянъ“. Такимъ образомъ, лютеранская консисторія тоже превращала въ своемъ отзывѣ приходскую колодку въ предметъ исторической археологіи, употреблявшійся до 1833 года, умалчивая о томъ, для какой, собственно, надобности она желала вернуть ее вновь въ распоряженіе пастора. Императоръ Николай I, до свѣдѣнія котораго было доведено это дѣло, призналъ „сіе требованіе (консисторіи) нелѣпымъ и беззаконнымъ“, почему повелѣно было, дабы ямбургскій судъ оную колодку истребилъ *).

Изъ сказаннаго ясна та историческая такъ сказать почва, на которой сохранились и дожили до нашихъ дней музеи вещественныхъ доказательствъ. Правительство, уничтоживъ пытки, требовало истребленія и ихъ орудій. Но оффиціальныя учрежденія не легко отказывались отъ этихъ превосходныхъ орудій испытанія истины, и „музеи вещественныхъ доказательствъ“ обнаруживались отъ времени до времени то при станичномъ правленіи войска Донского, то въ лютеранскомъ „приходѣ“, то даже порой въ помѣщичьей усадьбѣ. Что касается спеціально рижскаго „музея“, то, если не ошибаюсь, онъ имѣетъ свою собственную исторію, восходящую къ временамъ и болѣе близкимъ. Къ сожалѣнію, у меня нѣтъ подъ рукой матеріаловъ для болѣе точныхъ ссылокъ, но мнѣ

*) „Русская Старина“, 1887 г., апр. (249—250).

вспоминается ясно, что еще въ 70-хъ годахъ въ русскихъ газетахъ писали очень много о пыткахъ, которымъ подвергали заключенныхъ въ застѣнкахъ при магистратѣ одного изъ остзейскихъ городовъ, помнится именно въ Ригѣ *). Обстоятельство это въ то время возбудило много шума, и націоналистскіе органы прессы объясняли его спеціально остзейской жестокостью и неустройствомъ. Производилось, конечно, „разслѣдованіе“, „виновные (надо думать) понесли наказаніе“. Специфически остзейскіе порядки преобразованы, но, очевидно, любовь къ археологіи оказалась очень живучей, и послѣ обрусительныхъ реформъ „музей вещественныхъ доказательствъ“ не только сохранился во всей неприкосновенности, но еще обогатился резиновыми палками и жгутами съ проволокой, очевидно современнаго происхожденія...

А пока извѣстія о рижскомъ „музеѣ“ проникали въ печать и успѣли заинтересовать иностранцевъ, — та же любовь къ историческимъ пережиткамъ обнаружилась въ другихъ мѣстахъ. Одесскому градоначальнику пришлось опровергать извѣстія „Рѣчи“ о настоящихъ застѣнкахъ въ „подземельяхъ Бульварнаго полицейскаго участка“, гдѣ „заключенныхъ подвергаютъ ужаснымъ истязаніямъ, съ цѣлью вынудить сознаніе. Для разслѣдованія былъ командированъ старшій чиновникъ особыхъ порученій Подольцевъ, которому всѣ заключенные заявили, что во время ихъ содержанія подъ арестомъ ихъ никто не билъ. Чтобы они не стѣснялись дѣлать заявленія, при опросѣ никто изъ чиновниковъ въ присутствовалъ“ **). Это, конечно, могло бы успокоить общественное мнѣніе, если бы опросъ (хотя бы и сепаратный) заключенныхъ и находящихся во власти той же администраціи давалъ достаточную гарантію правдивости подневольныхъ показаній и если бы такія же извѣстія въ удручающемъ изобиліи не приходили изъ другихъ мѣстъ. Такъ, въ Ельцѣ подсудимый Красниковъ и свидѣтели показали, что при дознаніи о кражѣ его сильно били, при чемъ проломили голову, а стражникъ, выхвативъ шашку, грозилъ убить, таскалъ за волосы и приказывалъ бить другимъ ***). Къ этому нужно присоединить извѣстіе изъ Ферганской области, гдѣ во время суда обнаружились истязанія, производимыя джигитами Кувинскаго волостного правленія. Одному подсудимому облили спину керосиномъ и подожгли, другимъ въ

---

*) Мы были бы очень признательны тѣмъ изъ нашихъ читателей, кто могъ бы дать по этому поводу болѣе точную справку.

**) Заимствуемъ извѣстіе изъ „Голоса Волыни“, 23 февр. 1907 г.

***) „Голосъ Волыни“, 14 февр. 1907 г., № 30.

половые органы вгоняли мелко-нарѣзанный конскій волосъ *). „Въ Кіево-Подольскомъ участкѣ,—пишутъ въ одной кіевской газетѣ,—*снова* (!) убили человѣка. Въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ это уже третья смерть“ (!!).

Раньше въ томъ же участкѣ производились систематическія истязанія заключенныхъ полицейскими городовыми подъ руководствомъ околоточнаго надзирателя Платона Дубиллера. Если съ этими фактами сопоставить свѣдѣнія объ убійствахъ, совершаемыхъ полиціей въ разныхъ другихъ мѣстахъ, то нельзя не придти къ заключенію, что уваженіе къ закону... пало еще ниже въ полицейской средѣ... Въ подтвержденіе можно сослаться хотя бы на тѣ вздорныя и нелѣпыя „опроверженія“, съ которыми на-дняхъ выступили въ „Кіевской Мысли“ исправники Ковальскій и Щербаковъ по поводу *ряда убійствъ (!!!)*, совершенныхъ низшими полицейскими чинами въ Ольгопольскомъ и Васильевскомъ уѣздахъ **).

Какъ видите, рѣчь здѣсь идетъ о „цѣломъ рядѣ убійствъ“, какъ о какомъ-то бытовомъ явленіи, по поводу котораго гг. исправникамъ совершенно достаточно напечатать въ газетѣ хотя бы и „совершенно нелѣпое“ объясненіе. И пока это извѣстіе обходитъ газеты, его нагоняетъ другое: „На имя членовъ Гос. Думы Горбунова и Церетели получена изъ Харькова слѣдующая телеграмма: „Обнаружены возмутительныя подробности звѣрскихъ истязаній въ тюрьмѣ. Требуйте думской ревизіонной комиссіи. Студенты харьковскаго ветеринарнаго института по порученію общей сходки“ ***).

Разумѣется, опровергать такія извѣстія чисто оффиціальными справками, „нелѣпыми“ или даже совсѣмъ не нелѣпыми,—очень нетрудно. Несомнѣнно, однако, и то, что многіе изъ такихъ случаевъ *доказаны* даже судебнымъ порядкомъ, что и односторонніе административныя разслѣдованія приводятъ порой къ признанію наличности „дѣйствій, выходящихъ за предѣлы закономѣрности“, какъ въ рижскомъ случаѣ, и что явленіе это требуетъ серьезнаго изслѣдованія тѣмъ путемъ, на который совершенно правильно указываютъ харьковскіе студенты.

Правительственные отзывы по этому предмету стремятся объяснить эти явленія тревожнымъ состояніемъ общества и временнымъ раздраженіемъ полиціи. Къ сожалѣнію, это совершенно неправильно: явленіе лежитъ глубже, и мы имѣемъ

---

*) Газ. „Самаркандъ“ (пит. изъ „Русск. Вѣд.“, 4 марта 1907 г., № 51).
**) „Кіевскій Голосъ“, 10 марта 1907 г., № 30.
***) „Кіевскій Голосъ“, 10 марта 1907 г.

право утверждать, что истязанія при дознаніяхъ составляютъ явленіе хроническое, что въ „спокойныя времена“ въ участкахъ убивали и истязали такъ же часто, какъ и теперь, что судебные приговоры установили множество такихъ случаевъ не только на окраинахъ, но въ центральной Россіи и что, наконецъ,—это широкое прямо обычное явленіе составляетъ не слѣдствіе нынѣшняго случайнаго времени, а скорѣе одну изъ безчисленныхъ его причинъ...

Но объ этомъ придется поговорить болѣе пространно и болѣе доказательно въ другой разъ.

1905 г.

Нѣкоторыя проявленія полицейскаго всемогущества.

2 февраля,—писали въ „Руси“, — на Варваринской улицѣ (на Выборгской сторонѣ) разыгралась возмутительная исторія. Въ домѣ № 8 Б, въ одной изъ отдаваемыхъ въ наймы комнатъ живетъ семейство крестьянина Петра Карелло, состоящее изъ отца и четырехъ сыновей; двое изъ нихъ, Викторъ и Адамъ, возвращались навеселѣ съ прогулки и около своего дома встрѣтили совершенно пьянаго городового (1 участка Выборгской части). Послѣднему не понравилось поведеніе Карелло, и онъ сталъ ихъ ругать площадными словами. Тѣ отвѣтили, произошла перебранка, при чемъ городовой выхватилъ шашку и полоснулъ ею Адама по головѣ такъ, что тотъ свалился безъ чувствъ. Раненаго внесли въ домъ и уложили въ комнатѣ сестры, Юзефы Кизеръ, а Викторъ удалился въ свою комнату. Спустя нѣсколько минутъ, тотъ же городовой, захвативъ себѣ на помощь дворника, Никона Буракова, очевидно, въ качествѣ проводника, направился съ окровавленною уже обнаженной шашкой прямо въ комнату Карелло и... сталъ рубить его, при дѣятельной помощи подручнаго дворника. На крики Виктора прибѣжали сосѣди, братъ Станиславъ и старшій дворникъ. Общими усиліями имъ удалось выпроводить буяновъ изъ комнаты, но при этомъ получили новыя раны: Викторъ (на ладони правой руки), Станиславъ — глубокія раны тоже на внутренней части ладони, и старшій дворникъ въ палецъ. Едва жильцы квартиры успѣли придти въ себя, какъ послышались испуганные крики: оказалось, что городовой идетъ опять съ обнаженной шашкой, съ какимъ-то еще субъектомъ-добровольцемъ, Александромъ Быковымъ. При этомъ городовой сталъ съ бѣшенствомъ кидаться уже на кого попало, такъ что всѣ разбѣжались, и всѣ двери въ корридоръ оказались запертыми. При этой второй атакѣ полицейскій воинъ нанесъ легкое поранение ладони правой руки вахтеру Ботаническаго сада Михаилу Кацкину и нѣсколько ударовъ,

плашмя по головѣ, Юзефѣ Карелло, которая при этомъ выронила грудного ребенка. Сидя за запертыми дверьми, жильцы слышали, какъ компаніонъ упрекалъ городового въ томъ, что тотъ забылъ дома револьверъ... Мысль понравилась городовому, и онъ пошелъ домой за револьверомъ. А на лѣстницѣ (это особенно достойно примѣчанія) оставилъ „нѣсколько хулигановъ, которые никого не выпускали“. Плѣнъ жильцовъ продолжался до 5 час. 30 минутъ вечера, и, наконецъ, въ 8 час. прибылъ околоточный надзиратель Бауманъ и началъ слѣдствіе *).

Въ этомъ замѣчательномъ эпизодѣ есть нѣсколько черточекъ, стоящихъ, такъ сказать, на второмъ планѣ, но достойныхъ быть выдвинутыми на первый. Это—прежде всего помощь, которую „подручный дворникъ“ считаетъ себя обязаннымъ подать пьяному разбойнику только потому, что на немъ полицейская форма. И если принять въ соображеніе, что для дворника городовой есть „начальство“,—то легко понять, почему это случилось. И едва ли за это можно строго судить дворника. Такимъ образомъ выходитъ, что домовладѣлецъ платитъ дворнику, но, если пьяный и изступленный полицейскій прикажетъ этому же дворнику помогать, когда онъ будетъ рубить шашкой самого хозяина или жильцовъ, то... дворникъ поможетъ разбойнику, и любой судъ едва ли не оправдаетъ его при данныхъ условіяхъ... Таково „положеніе вещей“... Правда, городскія думы уже подняли кое-гдѣ вопросъ объ измѣненіи этого замѣчательнаго „порядка“, но... данный случай произошелъ два мѣсяца спустя послѣ начала этихъ разговоровъ и при томъ—въ столицѣ.

Затѣмъ очень интересна также фигура другого союзника, таинственнаго Быкова, который сдѣлалъ столь дружеское напоминаніе о забытомъ револьверѣ. Что это за прекрасный незнакомецъ и по какимъ основаніямъ онъ считалъ себя обязаннымъ помогать полицейскому при нападеніи на мирныхъ обывателей? Откуда, затѣмъ, съ такой быстротой, явились и тѣ невѣдомые „хулиганы“, которые по командѣ полицейскаго заняли выходы изъ дома, чтобы кто-нибудь изъ жильцовъ не попытался избѣгнуть „праведнаго гнѣва“ разбойничавшаго городового?..

Исторія завязалась въ началѣ 5-го часа, и до половины шестого (1½ часа!) жильцы большого дома (въ столицѣ!) выдерживали въ смертельномъ страхѣ правильную осаду вооруженнаго разбойника. Теперь стоитъ вспомнить, что „полиція

*) „Русь“. Цитирую изъ „Нижег. Листка“, № 40.

всегда находится при исполненіи обязанностей“ и что обыватель былъ много разъ предостерегаемъ отъ *„всякаго вмѣшательства* въ дѣйствія и распоряженія полиціи“,—чтобы стать въ тупикъ передъ изумительной парадоксальностью нашей жизни...

Читатель помнитъ, вѣроятно, Михаила Ивановича, героя извѣстной повѣсти Успенскаго „Раззореньe“, и его восторгъ при первой встрѣчѣ съ столичными полицейскими. „Уже въ Москвѣ будочникъ съ револьверомъ и огромными усами, смутившими было Михаила Ивановича, сказалъ ему весьма любезно: — „Вы чего пужаетесь? Вы насъ не опасайтесь... Подойдите! Мы бросаемъ по нонѣшнему времени эту моду, чтобы каждаго человѣка облапить, напримѣръ, съ затылка и въ часть“... А въ Петербургѣ Михаилъ Ивановичъ нашелъ въ первомъ же полицейскомъ истиннаго друга...

Герой Успенскаго объяснялъ это „новыми временами“, которыя пришли и раззорили „всякую подлость“, а въ томъ числѣ и слишкомъ упрощенные пріемы обращенія съ обывателемъ... Были эти „новыя времена“... лѣтъ уже 40 назадъ. Но съ тѣхъ поръ пришли времена „новѣйшія“; если бы Михаилъ Ивановичъ захотѣлъ теперь повторить свои наблюденія, то навѣрное попалъ бы въ кутузку, откуда едва ли бы вышелъ (при строптивости своего нрава и при склонности къ „политическимъ разговорамъ“) безъ серьезнаго увѣчья. Теперь скромному обывателю уже не говорятъ: „Мы въ нашей сторонѣ дозволяемъ человѣку... съ чего же?“ Все это уже утонуло въ дали временъ, какъ что-то вродѣ быстро промелькнувшаго золотого вѣка полицейской добродѣтели, а нынѣ наступилъ вѣкъ... Богъ его знаетъ какой... Новѣйшія времена въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ совершили рѣшительный поворотъ къ древнѣйшимъ, и „полицейская репрессія“ приняла дореформенные пріемы: при малѣйшей попыткѣ обывателя „разговаривать“—его „сцапаютъ съ затылка да въ участокъ“... А ужъ тамъ...

Да, прогрессъ — понятіе сложное и разностороннее. Несомнѣнно, что нашъ „пореформенный“ полицейскій прогрессъ очень быстро сталъ направляться въ сторону всемогущества полиціи надъ обывателемъ, что, разумѣется, знаменовало для послѣдняго процессъ совершенно обратный и привело къ полной фактической безотвѣтственности однихъ и столь же полному безправію другихъ. Въ гніломъ Западѣ „разнузданность“ дошла до строгой отвѣтственности министровъ. У насъ „порядокъ“ дошелъ до безотвѣтственности околоточнаго надзирателя. Что же касается до г-на пристава или еще,—въ добрый

часъ молвить, въ худой промолчать,—г-на полицеймейстера,— то это уже нѣчто вродѣ олимпійцевъ, головы которыхъ утопаютъ въ недосягаемыхъ высотахъ, окруженныя нимбомъ „служебной гарантіи“... Хочетъ караетъ, хочетъ милуетъ.

Вотъ на какой почвѣ оказались возможными явленія, вродѣ описаннаго выше. Мы взяли данный случай потому, что онъ разыгрался въ столицѣ, но мы могли бы привести десятки такихъ случаевъ изъ жизни провинціи... У пьянаго только ярче проявляется то, что на умѣ трезвыхъ. Эти люди пьянѣютъ уже отъ сознанія своего всемогущества, своей безотвѣтственности, своей власти надъ обывателемъ и, наконецъ, въ послѣднее время, еще отъ возможности командовать Быковыми и отрядами невѣдомыхъ добровольцевъ, которые тоже „охраняютъ порядокъ“.

Интересно, будетъ ли гласно разбираться это дѣло, или надъ нимъ уже распростерлась благодѣтельная „служебная гарантія“?

1905 г.

Одинъ случай.

Былъ такой случай.

Въ Швейцаріи жилъ нашъ соотечественникъ Викторъ Васильевъ. Однажды его арестовали по требованію русскаго правительства, какъ участника экспропріаціи въ Сѣверномъ банкѣ. Грабежъ не признается политическимъ преступленіемъ. Васильева выдали.

На русской границѣ его заковали по рукамъ и ногамъ. Приставили отрядъ солдатъ и жандармовъ съ офицеромъ, и всякій, кто смотрѣлъ на него въ это время, конечно, думалъ: вотъ человѣкъ, котораго везутъ на висѣлицу. У Васильева есть мать. Она знала навѣрное, что сынъ ея невиновенъ. Но могла ли она быть увѣрена, что военный судъ его не повѣситъ.

Его не повѣсили. Наоборотъ, его „выдача“ спасла другихъ. Вышло это такъ.

Швейцарія согласилась выдать предполагаемаго грабителя, но только для суда. Нашей военной юрисдикціи нигдѣ въ Европѣ судомъ не считаютъ. „Угодно вамъ судить Васильева обычнымъ, а не экстраординарнымъ судомъ,—тогда извольте“. И Швейцарія пошлетъ на судъ своего уполномоченнаго, чтобы убѣдиться, что его будутъ судить, а не просто приговаривать.

Россія приняла своего подданнаго на этомъ иностранномъ условіи.

Оказалось, что Васильевъ никакого отношенія къ нападенію на Сѣверный банкъ не имѣлъ. Его оговорилъ ложно одинъ изъ подсудимыхъ. Оговорилъ не по злобѣ, а потому, что зналъ: человѣка, котораго выдастъ Швейцарія, надо будетъ судить обычнымъ судомъ, а не военной процедурой, работающей подъ мрачнымъ знакомъ висѣлицы. А за нимъ, изъ-подъ этой висѣличной тѣни, выйдутъ и другіе подсудимые—девятнадцать человѣкъ! Такъ и случилось: всѣхъ судилъ судъ съ сословными представителями, и никто не повѣшенъ.

По окончаніи процесса мать Васильева написала въ газетахъ трогательное письмо. Упомянувъ о страданіяхъ, которыя вынесъ ея сынъ и, конечно, она сама, пока выяснился загадочный оговоръ, она говоритъ, что материнское сердце всетаки благословляетъ эти страданія. Девятнадцать другихъ матерей спасены отъ ужаса казни своихъ дѣтей.

Въ томъ же письмѣ она благодаритъ всѣхъ, кто проявилъ къ ней въ тяжелое время искреннее человѣческое участіе.

И, между другими,—конвойныхъ солдатъ, провожавшихъ ея закованнаго сына. Это оказались простые и добрые русскіе люди. Они везли Васильева на смерть. И они его жалѣли.

Много такихъ добрыхъ русскихъ людей. Нѣкоторые изъ нихъ, провожавшіе многихъ „смертниковъ“ на казнь, говорили г-ну С., напечатавшему объ этомъ въ „Вѣстникѣ Европы“, что, по ихъ простодушному убѣжденію, половина осужденныхъ казнены невинно, не по винѣ своей, а по ошибкѣ военныхъ судовъ.

Такъ они думали и, конечно, тоже жалѣли ихъ. И, можетъ быть, по христіански ихъ любили, и плакали... и молились объ ихъ душахъ... Но всетаки вели! Добрые русскіе люди, мягкосердечные, простодушные, православные русскіе люди... христіане.

Отъ нихъ мысль невольно обращается къ тому швейцарскому юрисъ-консульту, который велъ переговоры съ русскимъ правительствомъ о выдачѣ Виктора Васильева.

Любилъ ли онъ его? Жалѣлъ ли? Молился ли объ его душѣ? Сомнительно. Лицо у него, должно быть, бритое, черты сухія, взглядъ дѣловой, и едва ли онъ считалъ умѣстнымъ расходовать много личныхъ чувствъ по этому поводу. У него есть готовая „національная“ формула: „Моя страна признаетъ за каждымъ человѣкомъ право на справедливый судъ“. Итакъ: пунктъ первый... пунктъ второй... пунктъ третій... Сухо, застегнуто, дѣловито...

Но вотъ „сухая формула“, какъ молнія, пролетаетъ съ европейскаго Запада на русскій Востокъ въ Новочеркасскъ и парализуетъ сразу девятнадцать новочеркасскихъ висѣлицъ.

Потому что эта формула—кристаллъ. Они у себя переживали то же, что теперь переживаемъ мы. Ихъ матери когда-то такъ же дрожали за своихъ сыновей, и у нихъ такъ же лились слезы и кровь.

Но они дорожили этими слезами, они ихъ усчитали, собрали, скристаллизовали въ краткія формулы, въ которыхъ сосредоточилось поученіе скорбнаго прошлаго настоящему и будущему.

А нашу русскую кровь—впитываетъ жадная земля, наши слезы—сушитъ солнце, развѣваютъ вѣтры перемѣнной погоды. Мы благодушны: нашъ кодексъ одинъ изъ первыхъ уничтожилъ смертную казнь. И чуть не столѣтіе спустя мы хвастаемъ тѣмъ, что по нашему „новому“ закону... нельзя казнить несовершеннолѣтнихъ. И у насъ всетаки десятками казнятъ пятнадцати, шестнадцати, семнадцатилѣтнихъ подростковъ.

Мы добрые, мы хотимъ справедливости. Но нашу доброту не въ силахъ пока закрѣпить добрыми законами, а справедливость безсильны скристаллизовать въ справедливыхъ учрежденіяхъ. Отъ этого все доброе у насъ не обезпечено, неустойчиво, недолговѣчно и хило. Мы, какъ государство, консервативны только въ злѣ. Чуть забрезжитъ что-то новое, получше, гуманнѣе, справедливѣе, и тотчасъ гаснетъ. Приходитъ „новый курсъ“ и отбрасываетъ насъ къ Іоанну Грозному, приходитъ новый сатрапъ,—и цѣлый край отодвигаетъ въ глубь Азіи...

Въ этомъ, быть можетъ, основной мотивъ трагедіи современной русской души.

Гдѣ же рѣшеніе? Въ людяхъ,—говорятъ одни.—Въ учрежденіяхъ,—возражаютъ другіе.

„Злые люди могутъ испортить наилучшія учрежденія“. Да. Но злыя учрежденія такъ часто и такъ мучительно долго могутъ совершать свои преступленія руками даже „добрыхъ людей“.

А они, вдобавокъ, еще и подбираютъ злыхъ.

1911 г.

Оглавленіе

VIII тома.

стр.

Искушеніе. Страничка изъ прошлаго 3
Съ двухъ сторонъ. Разсказъ моего знакомаго 34
Прохоръ и студенты. Повѣсть изъ студенческой жизни 70-хъ годовъ. 123
На заводѣ. Двѣ главы изъ неоконченной повѣсти 161
Павловскіе очерки.
Вмѣсто вступленія. Размышленіе о павловскомъ колоколѣ . 175
Очеркъ первый.—На „скупкѣ“ 179
Очеркъ второй.—Скупка и скупщицкая философія 227
Заключеніе 255
По пути. Святочный разсказъ 263
„Божій городокъ“. Изъ дорожнаго альбома 289

Изъ текущей жизни:

О судѣ, о защитѣ и о печати. По поводу одной книги 298
Прискорбные случаи изъ области суда 311
Къ вопросу о прислугѣ. 322
Заставы. Картинка провинціальной жизни. 333
Дѣло Жеденева 339
Толки печати о приговорѣ по дѣлу г. Жеденева. 346
Слова министра. Дѣла—губернаторовъ 350
Артуръ Ивановичъ Черепъ-Спиридовичъ. Справка изъ журнальнаго архива 358
Любители пыточной археологіи 366
Нѣкоторыя проявленія полицейскаго всемогущества 373
Одинъ случай 377

OCT 15 1945

LR
K8467

489681
Korolenko, Vladimir Galaktionovich
Полное собрание сочинений.
v.8
[Translit: Polnoe sobranie sochinenyi]

University of Toronto
Library

DO NOT
REMOVE
THE
CARD
FROM
THIS
POCKET